ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

В этот том вошли романы П. Г. Вудхауза, написанные в разные годы: трилогия о прославленном издателе лорде Тилбери и роман «Летняя блажь», самый длинный у писателя.

В светлом мире П. Г. Вудхауза пет безвыходных положений, любящие непременно соединяются, зло непременно наказывается и все желания исполняются.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 2. Лорд Тилбури и другие

Билл Завоеватель

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

Посвящается отцу и матери

Глава I СТОРОНЫ ДОГОВАРИВАЮТСЯ О БРАКЕ

1

С громким сопением, бессильным выразить всю меру его праведного гнева, сэр Джордж Пайк отложил последний номер «Светских сплетен» и снял телефонную трубку.

— Редакцию «Сплетен», — бросил он.

В трубке наступило короткое молчание.

— Родерик?

— Он еще не вернулся с перерыва, сэр Джордж, — подобострастно сообщила трубка.

— А, это вы. Пилбем? — Лицо сэра Джорджа смягчилось; Пилбем — достойный юноша, будущая надежда фирмы. — Когда Родерик вернется, передайте, пожалуйста, что я хотел его видеть.

— Непременно, сэр Джордж.

Основатель и владелец издательской корпорации «Мамонт», крупнейшего концерна, снабжающего чтивом наиболее тупую половину Англии, повесил трубку. Какое-то время он хмурился, потом схватил карандаш и примялся писать. Весь облик его преобразился, словно по волшебству. Чело разгладилось, исчез яростный блеск в глазах, что-то отдаленно напоминающее улыбку тронуло сурово сдвинутые губы. Сэр Джордж склонился над блокнотом, ничего не видя и не слыша.

Особая прелесть такого рода книг, помимо легкости, увлекательности и познавательности, — в их способности наделять читателя свойствами бесплотного духа. Он проникает повсюду, видит все. Например, кому другому, пожелай он лицезреть сэра Джорджа Пайка, пришлось бы идти по Флит-стрит, сворачивать вправо на Тилбери-стрит и тащиться до Тилбери-хауза, общаться с мрачным служителем, вручать заполненный бланк с указанием имени и надобности мальчику в блестящих пуговицах; а в итоге, прождав от десяти до сорока минут, он скорее всего удостоится лишь краткой аудиенции у одного из секретарей сэра Джорджа, ибо основатель «Мамонта» кого попало не принимает. Его время бесценно, его самомнение безгранично, его особу оберегают толпы ретивых помощников, чья главная обязанность — внушать случайному посетителю

уважение к девизу великого человека: «Пшел прочь! Тебе, ТЕБЕ говорят!» Войско со знаменами не одолеет запретной черты, и даже кабинету министров не сокрушить этих врат.

Читатель же, незримый и неслышимый, может без стука войти в кабинет на четвертом этаже. Он все еще застанет сэра Джорджа за блокнотом.

Зрелище это, безусловно, повергнет в трепет даже самый пресыщенный ум. Ибо кто скажет, что пишет сейчас властитель душ? Остроумное рассуждение для «Панковского еженедельника» — «Целоваться ли жениху и невесте?», или передовую для «Ежедневного отчета», или даже сказочку для «Милых крошек»? Однако высказавший эти догадки попадет пальцем в небо. На самом деле сэр Джордж заносит в большой блокнот список имен.

Он уже написал:

Илфракомб
Форшор
Вейнскот
Барраклу
Венслмдейл
Криби
Вудшотт
Марлингью

и теперь, на наших глазах, добавляет: Майклхевер

Эта последняя фамилия особенно ему нравится, потому что он ставит рядом два крестика. Тут вдохновение покидает сэра Джорджа, он отодвигает стул, встает и начинает ходить по комнате.

Сейчас про всякого, кто добился успеха, коренаст и страдает избытком веса, принято говорить, что у него внешность Наполеона. Однако, хоть сравнение и намозолило всем глаза, нельзя не признать, что в облике сэра Джорджа, когда тот мерил шагами свой кабинет, и впрямь было что-то наполеоновское. Обтягивающий солидные телеса жилет и привычка в минуту задумчивости запускать пальцы правой руки между первой и второй пуговицами намекали хотя бы на внешнее сходство с великим корсиканцем, которое еще усиливалось мрачным выражением пухлого, решительного лица. Всякий сказал бы: вот человек, который любит настоять на своем, и в последние двадцать лет жизни ему это, как правило,

удается.

Телефонный аппарат на столе негромко пискнул, словно страшась повышать голос в присутствии великого человека.

— Сэр Джордж, к вам миссис Хэммонд.

— Просите ее сюда, просите сюда. Господи, Фрэнси! — воскликнул владелец издательской компании «Мамонт», когда дверь открылась. — С утра тебе звоню, никак не могу застать.

— Как хорошо, что я решила заглянуть, — сказала миссис Хэммонд, усаживаясь. — Что случилось?

Фрэнсис Хэммонд, урожденная Пайк. выглядела женской копией своего преуспевающего брата. У нее не было второго подбородка, но яркие глаза так же властно смотрели из-под нависших бровей, а широкий лоб отливал таким же румянцем. Глядя на нее, сэр Джордж вновь ощутил тот трепет восхищения, который всегда охватывал его при виде сестры.

— Зачем ты хотел меня видеть? — спросила миссис Хэммонд.

Сэр Джордж набрал в грудь воздуха.

Он приготовил грандиозную новость, и драматическое чутье подсказывало: выпалив ее просто так, загубишь весь эффект. Однако ликование взяло верх над чувством драматического.

— Фрэнси, сестренка! — вскричат он. — Вообрази! Меня делают пэром!

Фрэнсис Хэммонд не так легко изумить, но эти слова совершили чудо. Целых десять секунд она сидела, разинув рот и вытаращив глаза, а сэр Джордж, краснея и только что не хихикая, смущенно одергивал алый вязаный жилет — знаменитый пайковский жилет, одну из достопримечательностей Лондона.

— Пэром!

— Письмо на столе. Пришло сегодня утром.

— Джорджи!

Миссис Хэммонд вскочила и с чувством расцеловала брата. В ее начальственных глазах блестели слезы.

— Я знал, ты обрадуешься.

— Я горжусь тобой, Джордж, дорогой! Достойный венец твоей блистательной карьеры!

— А кто помог мне сделать карьеру? А?

— Я старалась по мере сил, — скромно отвечала миссис Хэммонд, — но, конечно, только ты сам…

Сэр Джордж хлопнул кулаком по столу, угодил ребром ладони в край железной мусорной корзинки и тут же раскаялся в своей горячности.

Прежде чем снова заговорить, он пососал руку.

— Ты стояла у истоков дела, — произнес он с жаром, когда боль немного унялась. — Без тебя я бы ничего не добился. Кто предложил конкурс «Угадай, сколько булавок в шляпе у премьер-министра?», когда «Еженедельник Пайка» дышал на ладан? С того дня «Еженедельник» неуклонно шел в гору. А ведь на нем я и сделал свое состояние. По сути дела, мы с самого начала работали в паре. Я был двигателем, ты — мозгом. Не знаю, чье суждение я поставил бы выше твоего. Фрэнси.

Миссис Хэммонд расцвела.

— Ах, Джорджи, я только рада, что мне удалось стать твоей Эгерией.

— Кем-кем? — опешил сэр Джордж.

— Эгерией звали нимфу, которая вдохновляла римского царя Нуму Помпилия. Во всяком случае, так говорит Синклер.

Она имела в виду мистера Синклера Хэммонда, видного археолога и своего мужа в придачу.

— Вот бы кто далеко пошел, — сказал сэр Джордж, — будь у него хоть немного хватки. Золотая голова.

Миссис Хэммонд не пожелала обсуждать мужа. Она привыкла к его мечтательной инертности, к невозможности подвигнуть Синклера на что-нибудь великое. Раньше это выводило ее из себя, теперь она смирилась и терпеливо несла крест женщины, которой не суждено выйти за хваткого малого. Ее первый муж, горькое напоминание о былой бедности, был мистер Герберт Шейл, учтивый и расторопный продавец нижнего белья из магазина Хэрродз, и никакие титанические усилия не смогли поднять его выше уровня администратора. При всех своих недостатках Синклер все же лучше Герберта.

— Какой титул ты думаешь взять, Джорджи? — спросила она, чтобы переменить тему.

Сэр Джордж, чей деятельный ум не отдыхал даже в минуты родственной беседы, говорил в диктофон.

— «Еженедельник Пайка», редактору. — диктовал он. — В следующий номер даете статью «Великие женщины, которые вдохновляли великих мужей». Ну, эти — Эгерия и все такое. — Он виновато обернулся к сестре. — Прости?

— Я спросила, придумал ты, как будешь называться?

— Так, набросал кое-что. — Он взял блокнот. — Как тебе кажется лорд Барраклу? Или Венслидейл? Или Марлингью? Я лично склоняюсь к Майклхеверу. В этом имени есть ритм.

Миссис Хэммонд покачала головой.

— Слишком цветисто. Все слишком цветисто.

— Ну, согласись, титул должен звучать. Вспомни, что взяли себе эти, последние: Бивербрук — Стратеден — Левергулм. Сила!

— Знаю, но…

— И потом, учти, — не унимался сэр Джордж, — как трудно придумать что-нибудь новенькое. Те, кого произвели раньше, разобрали самое лучшее.

— Знаю. Но из того, что ты назвал, мне не понравилось ни одно. Не то чтоб он были дурны, человеку яркому не зазорно носить и такой. И все-таки они немножечко… ну, слишком вычурны. Не забывай, что титул, на котором ты сейчас остановишься, со временем перейдет Родерику. Мы не должны выбирать ничего, что в приложении к Родерику будет звучать комично. Довольно его имени. Родерик! — Миссис Хэммонд поморщилась. — Как я умоляла бедняжку Люси окрестить его Томасом!

Безоблачное чело сэра Джорджа вновь прорезала глубокая морщина — так счастливец внезапно обнаруживает, что в чашу его радости недружеская рука подбросила дохлую мышь.

— Я совсем забыл про Родерика, — мрачно сказал он.

2

Воцарилось молчание. Будущий лорд Майклхевер (а может быть, Венслидейл или Марлингью) раздраженно барабанил пальцами по столу.

— Как меня угораздило родить такую тряпку? — горько вопросил он, как вопрошали до него много крепких отцов, и много будет вопрошать после. — Ума не приложу!

— Он пошел в бедняжку Люси, — сказала миссис Хэммонд. — Она была как раз такое робкое, слабое создание.

Сэр Джордж кивнул. Упоминание о давно покойной жене не пробудило в его душе сентиментального отклика. Дни, когда он был просто Джорджем Пайком, безвестным клерком в адвокатской конторе, и замирал от нежного голоса Люси Мейнард, принимавшей заказы на скудные ленчи в Холборн Виадук Кэбин, давным-давно изгладились из его памяти. Эта никчемная женщина прочно стала бедняжкой Люси, одной из детских хворей великого человека, вроде ветрянки.

— Кстати, — сказал сэр Джордж, снова беря трубку, — я собирался звонить Родерику. Я сделаю это сейчас же, — добавил он, бессознательно цитируя девиз, который, по его указанию, красовался, вставленный в

деревянную рамку, на каждом столе в издательстве. — Я звонил в «Сплетни» перед самым твоим приходом, по он еще обедал.

— Погоди минуточку, Джорджи. Я кое-что хотела тебе сказать, пока ты не послал за Родериком.

Сэр Джордж покорно положил трубку.

— Чем он провинился? Сэр Джордж фыркнул.

— Сейчас узнаешь! — произнес он дрожащим голосом обманутого в своих надеждах отца. — Пока он был в Оксфорде, я ни в чем ему не отказывал — и вот итог! Я хотел, чтоб он не стеснялся в средствах, и что он выкинул? Издал свою книжку о прозе Уолтера Пейтера![1] За свой счет, в алом сафьяне! И вдобавок имел наглость просить, чтобы «Мамонт» купил «Ежеквартальное поэтическое обозрение» — мерзкий журналишко, который не продается и в десяти экземплярах за год, — а его, Родерика, сделали редактором!

— Все это я знаю, — не совсем терпеливо перебила миссис Хэммонд, думая о том, что у Джорджи есть только один недостаток, вот эта его привычка повторяться. — А ты назначил его редактором «Светских сплетен». Как он справляется?

— Я к этому и подвожу. Я сделал его редактором «Сплетен», чтобы постепенно приучить к делу. Мне и в голову не приходило, что он наломает дров. Сама посуди! Работа — не бей лежачего. В действительности газетой заправляет молодой Пилбем, очень и очень толковый малый. Все, чего я хотел от Родерика, все, чего от него ждал — проявить хоть немного хватки и почувствовать себя более или менее на ногах, пока не пришло время взяться за что-то серьезное. И что же? Вот, — сказал убитый отец, — только взгляни на последний выпуск.

Миссис Хэммонд взяла газету. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием бумаги да сопением сэра Джорджа.

— Вяло, — объявила наконец Эгерия.

— Рыхло, — сказал Нума Помпилий.

— Бесхребетно.

— Беспомощно.

— Недостает остроты.

— Недостает перчику. Я спросил, в чем дело, — с горячностью продолжил Нума, бросая в угол ненавистную газету. — И можешь вообразить? Молодой Пилбем сказал, что Родерик сознательно вычистил из номера все лучшие материалы. Так-то он отрабатывает свое жалованье, так-то способствует процветанию родной фирмы!

Миссис Хэммонд озабоченно прищелкнула языком.

— Просто не верится.

— Но это правда.

— Однако он руководствовался какими-то соображениями?

— Соображениями?! Нос еще не дорос! Ха-ха, соображения! Кретин он полный, и все тут. Хоть бы женился! — вскричал истерзанный родитель. — Может, жена приведет его в чувство.

Миссис Хэммонд вздрогнула.

— Удивительно, что ты об этом заговорил. Как раз на эту тему я и хотела побеседовать. Надеюсь, Джорджи, ты понимаешь, что теперь, когда ты становишься лордом, Родерика необходимо срочно женить. Я хочу сказать, теперь еще важнее, чтоб он не женился на ком попало.

— Пусть только попробует! — произнес сэр Джордж. — Я ему женюсь!

— Ну, помнишь, ты упоминал какую-то стенографистку из «Еженедельника».

— Уволена, — лаконично сообщил сэр Джордж. — Вылетела за дверь через пять минут после того, как я узнал, что там завелись шуры-муры.

— Родерик с ней больше не встречается?

— При его-то трусости?

— Да, конечно, ты прав. Прямой бунт — не в его характере. Не заинтересовался ли он какой-нибудь другой девушкой? Я хочу сказать, девушкой нашего круга?

— Не замечал.

— Джорджи, — миссис Хэммонд подалась вперед, — я вот все думаю, почему бы Родерику не жениться на Фелисии?

3

Сэр Джордж сотрясся с головы до пят и благоговейно вытаращился на сестру. Так бредущие во тьме неведения замирают, озаренные вспышкой чистого гения. Вот Фрэнси во всем своем великолепии! Вот последнее и величайшее в череде ее эпохальных предложений, начиная с конкурса «Сколько булавок…». Такие-то наития и обличают всю лживость расхожей теории, будто женский мозг уступает мужскому.

— Ты можешь это провернуть? — хрипло спросил он.

— Провернуть? — Миссис Хэммонд легонько приподняла брови. — Я тебя не понимаю.

— Ну, я… — пробормотал сэр Джордж, устыдившись своей

грубоватой прямолинейности. — Я хочу сказать, Фелисия — редкая красавица, а Родерик… ну, Родерик…

— Родерик вовсе не урод, если отбросить предубеждение против несколько безвольного типа молодых людей. У него красивые волосы и глаза, как у бедняжки Люси. Легко могу себе представить, что он кому-то понравится.

Сэр Джордж открыл было рот, да так и закрыл. Он едва не сказал, что думает о топ дуре, которой понравится Родерик, но, по счастью, успел сдержаться. Сейчас такое замечание пришлось бы весьма некстати.

— И, разумеется, он весьма завидный жених. Со временем ему перейдут все твои деньги и титул. Я бы сказала, что он — блестящая партия. Опять-таки, я знаю, что Фелисия никем не увлечена и прислушивается к моему мнению.

Последняя фраза окончательно убедила сэра Джорджа. В переводе с женского языка на мужской она звучала вполне ясно. Кто усомнится, что Фрэнси сумеет настоять на своем? Разумеется, тяжело уговорить девушку выйти за человека, который сознательно истребляет соль и перец на страницах «Сплетен», но, коли за дело взялась Фрэнси, можно смело печь свадебный пирог.

— Если ты убедишь Родди сделать предложение, — сказала миссис Хэммонд, — думаю, ее согласие я обещать могу.

— Убедить Родди! Да он сделает все, что я скажу. Боже мой, Фрэнси, только представить: Родди женат на девушке, которую ты воспитала своими руками!.. Ну, у меня просто нет слов. Я только надеюсь, что Фелисии хватило ума во всем брать пример с тебя. А, вот и ты, Родерик.

Пока он говорил, в дверь робко постучали, и в комнату украдкой проскользнул молодой человек, высокий, худощавый, отмеченный печатью мысли. Глаза и волосы, о которых говорила миссис Хэммонд, то самое наследие бедняжки Люси, составляли главную его привлекательность. Глаза были большие и карие, ниспадавшие на лоб волосы — темно-каштановые. Высокий и тутой галстук-бабочка тоже нравился многим, но только не сэру Джорджу.

— Здравствуйте, тетя Фрэнси, — сказал Родерик. Он слегка дрожал, словно пациент зубного врача, или школьник, которого вызвали к директору. — Пилбем сказал, что ты хотел меня видеть.

— Все правильно, — холодно отвечал сэр Джордж. — Садись.

Миссис Хэммонд со свойственным ей тактом немедленно поднялась.

— Ну, мне пора, — сказала она. — Я собиралась еще забежать за покупками.

Родерик проводил ее тем взглядом, каким потерпевший крушение пловец провожает далекий парус. Он не обожал тетушку Фрэнсис, но лучше уж она, чем остаться с глазу на глаз с отцом. Он сел и нервно поправил бабочку.

— Не тереби! — рявкнул сэр Джордж. — Что ты на себя нацепил? Смотреть тошно.

Юноша посмелее возразил бы, что тому, кто появляется на людях в алом вязаном жилете, не пристало судить о моде. Родерик, не способный на такую сокрушительную отповедь, только слабо улыбнулся.

— Я хотел поговорить с тобой о «Светских сплетнях», — сурово объявил сэр Джордж, не задерживаясь на теме нарядов. Он поднял газету из угла, куда в возмущении ее зашвырнул, и, сведя брови, зашуршал страницами. Родерик созерцал его с наивной insouciance[2] человека, перед которым тикает бомба.

— Ха! — гаркнул сэр Джордж, а его сын и наследник подскочил на целых два дюйма. — Так я и думал! Нет на месте!

— Чего, папа?

— Четвертой серии материалов про жульнические проделки букмекеров. Она не напечатана. Почему?

— Видишь ли, папа…

— Пилбем сказал мне, что публикация шла на «ура». Он сказал, было множество писем.

Родерик поежился. Он читал некоторые из этих писем — те, которые Пилбем весело объявил самыми смачными.

— Понимаешь, папа, — промямлил он, — она затрагивала личности…

— Личности! — Сэр Джордж нахмурился так. что в комнате потемнело. — Еще бы ей не затрагивать! «Светские сплетни» пишут о личностях. Господи, ты же не думаешь, что букмекеры вчинят нам иск о клевете?

— Но, папа…

— А и вчинят, еще лучше. Мощная реклама. Больше фартинга им в жизни не отсудить.

Родерик заерзал на стуле.

— Дело не в иске.

— А в чем же?

— Ну, папа, видишь ли… В прошлую субботу в Кемптон-парке ко мне подошел человек, сказал, что он от Айка Пули, и грозил всякими ужасами.

— От Айка Пули? Кто такой Айк Пуля?

— Букмекер. В статьях говорилось в основном о нем. Он обещал

прислать парней и размазать меня по мостовой, если публикации не прекратятся.

Ошеломляющая весть не тронула сэра Джорджа. Он даже не щелкнул пальцами, только презрительно кашлянул; а затем выложил, что по этому поводу думает.

Он занял мужественную, решительную позицию. Он с презрением отмел Айка Пулю и ему подобных. Айк Пуля может натравить на Родерика всех парней мира, но не испугает его, сэра Джорджа. Его ничуть не страшило, что Родерика размажут по мостовой. Со времен Луция Юния Брута[3] свет не видывал такого отцовского бессердечия.

— Продолжение, — этими словами владелец издательства «Мамонт» закончил убийственный пассаж, направленный против Провидения, наградившего его таким сыном, — будет напечатано в следующем номере. Заруби себе на носу!

— Да, папа.

— А если, — мужественно продолжал сэр Джордж; — Айку Пуле это не по душе, то пусть подавится.

— Хорошо, папа, — обреченно произнес Родерик, однако перед глазами его стояли строчки из писем. Грубые, почти безграмотные, они были написаны темными невежественными людьми под влиянием сильных чувств, но сам Уолтер Пейтер во всей своей сафьяновой красе не смог бы выразиться яснее.

Он было встал, чтобы идти, но мучительный разговор, оказывается, не закончился.

— Погоди, — сказал сэр Джордж. — Это еще не все.

Родерик снова сполз на стул.

4

Мистер Синклер Хэммонд, беспечный супруг Эгерии славного издательства «Мамонт», нежился на солнце в саду Холли-хауза, своего особняка на Уимблдон-коммон. Примостив на колене блокнот, он прилежно писал огрызком карандаша.

Мистер Хэммонд любил свой сад. Это был настоящий рай — во всяком случае, по масштабам предместья. Несколько акров отгороженной толстой кирпичной стеной земли были густо засажены деревьями, а вскоре, с наступлением лета, им предстояло украситься растительным многоцветьем. Здесь были ровные лужайки, полоски лаванды, вполне

солидный прудик с золотыми рыбками. Очень даже неплохое место, решил мистер Хэммонд. откладывая работу, снимая очки и откидываясь в шезлонге — самое подходящее место для поклонника тишины, который просит у жизни самую малость: чтоб ему не мешали писать.

Своим теперешним умиротворением он был во многом обязан тому, что его не дергали вот уже почти час. Почти рекордное время, м мистер Хэммонд с опаскою ожидал, когда же эта благодать кончится. Он уже собрался надеть очки и вернуться к запискам, когда оказалось, что его худшие опасения сбываются. В стеклянной двери гостиной показалась женская фигурка и направилась к нему по лужайке.

Мистер Хэммонд вздохнул. Он любил жену, но, увы. ее кипучая энергия, фамильная черта Пайков, немного утомляла любителя посидеть и помечтать. Жизнь Фрэнси состояла из бесконечных мелких войн, где в роли неприятеля выступали поочередно кухарки, горничные, шоферы и торговцы, а сама она успешно сочетала свойства бойца и фронтового корреспондента. Если это Фрэнси, ему, скорее всего, предстоит получасовая сводка с поля сражения. Кажется, вчера было заключено перемирие с кухаркой, но за завтраком вроде бы упоминался ультиматум бакалейщику, чей жилистый бекон нарушил спокойное течение жизни под кровом Хэммондов.

Он со стоном надел очки и тут же с облегчением обнаружил, что к нему идет на жена, а племянница Фелисия. Это совершенно меняло дело. Он вовсе не возражал отложить работу и поболтать с Флик, своим верным другом и союзницей. Мало того, Флик разделяла его способность видеть смешное в житейских мелочах— ценное качество в женщине, которого, увы, начисто лишена его замечательная супруга.

Он глядел на приближающуюся Флик и изумлялся, как всегда в последнее время. Семь лет назад, когда погибли в железнодорожной катастрофе сестра и шурин, Джек Шеридан, ему свалилось на голову нечто тощее, голенастое, веснушчатое и встрепанное, с красными от слез носом и глазами, одним словом, похожее на красавицу не больше, чем недельный младенец. Сейчас же склонный к классическим сравнениям мистер Хэммонд при взгляде на Флик вспоминал не то дриаду, не то пастушку из Феокритовых «Идиллий». Непонятно, когда и как произошла эта удивительная перемена. Она подкрадывалась незаметно и постепенно, сперва одна, затем другая черта переставала оскорблять взгляд: то нога сократится до приемлемых человеческих пропорций, то копна янтарных волос чудесным образом перестанет породить на метлу.

— Привет, дядя Синклер, — сказала Флик. В руках она держала

пальто. — Вставай!

— И не подумаю, — сказал мистер Хэммонд.

— Тетя Фрэнсис говорит, посвежело и надо надеть пальто. Мистер Хэммонд покорился. Он знал, что рукава будут задевать о бумагу, когда он вернется к письму, а следовательно — раздражать и провоцировать на несдержанные высказывания, но о том, чтобы зашвырнуть пальто в пруд к золотым рыбкам, не стоило даже и мечтать. Если он останется сидеть без пальто, а месяца через два простудится, ему обязательно припомнят упрямое нежелание элементарно позаботиться о себе.

— Ты, разумеется, знаешь, как помешала мне? — спросил он, усаживаясь на место.

Флик подняла глаза. Мистер Хэммонд заметил, что лицо ее против обыкновения задумчиво. Уголки губ были опущены, нижняя губка закушена. Голубые глаза, обычно наводящие на мысли о безоблачном небе, затуманились. Мистер Хэммонд удивился. Он привык, что племянница никогда не унывает.

— Ты правда занят, дядя?

— Конечно, нет. Ты хочешь о чем-нибудь поговорить? Она задумчиво потянула травинку.

— Дядя Синклер, я знаю, что ты никому ничего не советуешь, но я хочу, чтобы ради меня ты изменил своему правилу.

— Ты — другое дело. Для тебя, что угодно. Выкладывай.

— Родерик сделал мне предложение. Как, по-твоему, я должна поступить?

Мистер Хэммонд внутренне содрогнулся. А он-то радовался, что это всего лишь Флик. Какая ирония! Но кто знал, что она вывалит на него груду неразрешимых проблем? Мистеру Хэммонду исполнилось пятьдесят три, и он привык смотреть на жизнь, как на спектакль, довольствуясь ролью зрителя и не стремясь ухватиться за рулевое колесо. Советовать Флик, за кого ей выйти замуж? Только не это! И вообще, куда такой пигалице размышлять о замужестве? И тут мистер Хэммонд осознал, что время не стоит на месте. Флик уже двадцать один.

— Что думает твоя тетя? — спросил он, желая выиграть время.

— Она считает, что я должна согласиться. Но… я не знаю…

Мистера Хэммонда пронзила острая жалость. Бедное невинное дитя! Фрэнсис уже вынесла свой вердикт, а она наивно полагает, что можно еще что-то обсуждать.

— Твой тете виднее, — сказал он и покраснел от стыда. Что-то подобное он читал в детстве.

— Да, но ведь это тот случай, когда я должна думать сама, правда?

Мистер Хэммонд смутился. Он дорожил покоем в семье, а слова Флик наводили на мысль, что покой может перейти в разряд воспоминаний. Сам он ни в чем Фрэнси не противился. Его устраивало, что некая внешняя сила направляет его жизнь. Однако известно, что Юное Поколение придерживается иных взглядов. У Флик подбородок круглый и нежный, но, скажем так, решительный. Ее не застращать.

— Конечно, Родди мне нравится, — задумчиво произнесла Флик.

— Отличный малый, — с жаром согласился мистер Хэммонд. Он немного приободрился. Разумеется, он почти не знает Родерика, поскольку вообще избегает молодых, но раз Фрэнси вынесла положительную резолюцию, значит, все в порядке.

Флик пробежала пальцами по короткой траве.

— Он немного… скучноват, — сказала она.

— Тебе же не нужен этакий живчик? Знаешь, как в песенке «Всякий раз, вбегая в дом, говорил он громко «Бом!», так что дамы падали со стульев».

— Я, наверное, неправильно выразилась. Я хотела сказать… я хотела сказать вот что, только это ужасно глупо звучит, когда произносишь вслух. Наверное, у каждой девушки есть Прекрасный Принц. Ну, понимаешь, своего рода идеал. Правда, дурость? Но это так. А Родди не похож на прекрасного принца, ты согласен?

Ее чистые, как после дождя, глаза стали еще серьезнее, но мистер Хэммонд упрямо цеплялся за легкомысленный тон. Он чувствовал, что разговор уходит в дебри, а дебрей мистер Хэммонд не любил.

— Я отлично понимаю, что ты хочешь сказать, — отвечал он. — У всех у нас бывает большое романтическое увлечение, рядом с которым остальные кажутся обыденными и скучными, — чудесный радужный сон, о котором приятно помечтать. Когда мне было четырнадцать, я воспылал страстью к даме, которая пела в оперетте. Боже, как я ее любил! Расскажи мне про свое увлечение. Из твоих слов я заключаю, что без этого не обошлось. На каком-нибудь дне рождения ты встретила рокового красавца с перемазанной вареньем физиономией и в костюмчике лорда Фаунтлероя?

Флик не обиделась, но улыбнулась.

— Это было не настолько давно.

Подбежал селихемский терьер Боб. Флик перевернула его на спину и с минуту рассеянно теребила за уши, прежде чем заговорить снова.

— Интересно, — сказала она, — помнишь ли ты, как в Америке возил меня к мистеру Парадену? Когда ездил с лекциями. Лет пять назад, перед

самой вашей с тетей Фрэиси свадьбой?

— Конечно, помню. Думаешь, я совсем выжил из ума? Я помню и более далекое прошлое. Кули Параден — один из моих ближайших друзей.

— Там-то это и случилось.

— Что случилось?

— Ну, прекрасный радужный сон.

Мистер Хэммонд озабоченно взглянул на племянницу.

— Ты что, хочешь сказать, что тайно сохнешь по Кули? Староват он для тебя, дитя. И потом, ты не интересуешься старыми книгами. Тебе нечем его привлечь.

— Не. говори глупостей. Это Билл.

— Какой такой Билл?

— Билл Вест. Племянник мистера Парадена. Если хочешь, моя большая любовь.

Мистер Хэммонд нахмурился.

— Билл? Билл… Наверное, я действительно выжил из ума. Решительно не помню никакого Уильяма.

— Да нет, помнишь. Племянник мистера Парадена. Из Гарварда.

— Билл? Билл? — Лицо мистера Хэммонда прояснилось.

— Ах да, конечно! Прыщавый, с оттопыренными ушами.

— Неправда! — вскричала оскорбленная Флик.

— С ушами, — упорствовал мистер Хэммонд, — на которые он вешал шляпу, если крючки в передней были заняты.

— Ничего подобного. Он ужасно красивый и во всех отношениях замечательный.

— В каких, например? — сказал недоверчивый мистер Хэммонд.

— Ну, я расскажу про один замечательный поступок. Билл спас мне жизнь.

— Спас тебе жизнь? — заинтересовался мистер Хэммонд.

— Как это?

— Мы купались у мистера Парадена в пруду, и я заплыла на глубину. Вообще-то купание уже кончилось, я должна была переодеваться в кабинке, но мне страшно захотелось окунуться последний раз. Так вот, этот раз чуть не оказался и впрямь последним. Билл переодевался, он вышел, увидел, что я барахтаюсь, и нырнул прямо в одежде…

— Болван! Надо было снять пиджак.

— Не знаю, может он и снял. Пожалуйста, не перебивай. Он нырнул, и доплыл до меня, и вытащил меня на берег целой и невредимой. Еще бы полминуты, и я бы утонула. Я выглотала полпруда.

— А почему я впервые об этом слышу?

— Мы от всех скрыли. Билл, полагаю, из скромности. Во всяком случае, он умолял никому не говорить, а я согласилась, потому что иначе мне бы навсегда запретили купаться. На следующий день он уехал к друзьям в Бостон, и мы больше не виделись.

Голос ее дрогнул. Мистер Хэммонд задумчиво зажег трубку. Он жалел и понимал Флик, но решил продолжать в легкомысленном ключе.

— Я бы на твоем месте не стал за него тревожиться, — сказал он. — Такой парень, какого ты описала, наверняка уже попался в чьи-то сети. Постарайся рассуждать практически, дорогая. Сосредоточься на Родерике. Ты сама признаешь, что он тебе по душе. Привлекательный, добрый, к тому же унаследует титул и больше денег, чем ты сможешь потратить за пяток жизней, если начнешь собирать старые издания. Честное слово, я думаю, бывают женихи и похуже. С титулом и деньгами можно очень недурно прожить. И подумай, как весело выйти за издательскую компанию «Мамонт» и читать статьи из «Пайковского Еженедельника» задолго до выхода в свет.

Флик промолчала. Ей смутно хотелось чего-то совсем другого, однако она не могла бы внятно объяснить, что ее не устраивает. В конце концов Родди действительно очень мил. Они знакомы сто лет. Это не кто-то чужой сделал ей предложение.

Опять-таки, хотя все очень добры и никогда на это даже не намекают, не следует забывать, что она — сирота без гроша за душой и не вправе разбрасываться симпатичными сыновьями миллионеров.

— Да, наверное, мне следует за него выйти, — сказала она.

По саду пробежал холодный ветерок, и она поежилась. Мистер Хэммонд порадовался, что надел пальто. Фрэнси, разумеется, всегда права.

Глава II БИЛЛ БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО

1

Уильям Параден Вест сидел посреди оживленного перекрестка, там, где 42-я стрит сходится с 5-й авеню. Многолюдный центр Нью-Йорка казался еще более перегруженным. Со всех сторон, сколько хватало глаз, двигались толпы, жуткие рожи кривились, глумясь над Биллом. Жующий резинку полисмен созерцал его с тихим омерзением — полицейские не любят, когда на улице сидят босиком в одном шерстяном белье. Где-то поблизости тарахтел паровой каток, действуя на нервы, как это умеют только паровые катки.

Билл не помнил точно, почему очутился в этом сомнительном и неприятном положении. Вроде бы он мчался на мотоцикле по бескрайней прерии, затем спасался в лесной чаще от леопардов, а вот дальше в памяти зиял пробел. Так или иначе, но он сидел на мостовой, и это оказалось еще хуже, чем он полагал вначале, потому что в голову ему упирался железный лом, каким взламывают асфальт, и двое рабочих поочередно лупили его кувалдами, так что острая боль отдавалась во всем теле. Замолкший было паровой каток включился снова.

Билл чувствовал себя несправедливо обиженным. Сильнее всего терзала не боль, и даже не то, что в рабочих с кувалдами он узнал дядю Кули, на чьи средства жил последние несколько лет, и Джадсона Кокера, лучшего друга и однокашника сперва по школе, потом по колледжу. Это бы еще ладно. Хуже всего, что необычайно красивая девушка, которая держала лом — мало того, улыбалась при этом счастливой улыбкой, — оказалась сестрой Джадсона Кокера Алисой.

Где справедливость? Билл питал к Алисе чувство не только вулканическое, но и неизменное. Вот уже почти год. с первой же их встречи, он робко увивался вокруг, пытаясь собраться с духом и повергнуть к ее ногам честное мужское сердце. Он дарил ей цветы, шоколад, на день рождения — бисерную сумочку. А она его — ломом. Одно слово, женщина.

Рев парового катка достиг адского крещендо, такого настойчивого, что Билл, заворочавшись на подушке, открыл-таки глаза, заморгал на льющийся из окна солнечный свет и понял: уже утро, а рядом с кроватью

надрывается телефон. В тоже мгновение отворилась дверь, и вошел верный Риджуэй.

— Мне показалось, что звонит телефон, сэр, — сказал камердинер.

— Мне тоже, — слабо выговорил Билл.

Сонная мгла рассеялась, и Билл понял, что проснулся совершенно никаким. Голова раздулась вдвое против обычного и раскалывалась на части. Рот забило что-то противное, бумазейное, на поверку оказавшееся языком. Постепенно вернулась память. Ну да, конечно. Вчера Джадсон Кокер устраивал вечеринку.

Риджуэй снял трубку.

— Вы слушаете?.. Да… — проворковал он.

Риджуэй, конечно, видел, что молодой хозяин вернулся домой в начале пятого утра, и догадывался, что лучше не повышать голоса. — Да, я скажу мистеру Весту. — Он повернулся к Биллу и загулил, словно влюбленный голубь по весне: — Звонит Робертс, дворецкий мистера Парадена, сэр. Он просит передать, что мистер Параден вернулся вчера из путешествия и хочет вас сегодня видеть.

Биллу совсем не улыбалось тащиться в гости, но отказать дяде Кули — все равно, что отказать королю. Если уж ты четырежды в год берешь у человека крупные суммы, то будь добр по первому требованию являться на его зов.

— В Вестбери? — спросил он.

— В Вестбери, сэр, да.

— Скажи, я буду.

— Очень хорошо. — Риджуэй передал сказанное Робертсу и повесил трубку. — Завтрак, сэр?

Билл задумался.

— Да, пожалуй, — отвечал он без всякого пыла. Полуночные гости Джадсона Кокера не питают любви к завтракам. — Что-нибудь легкое.

— Разумеется, сэр, — понимающе пропел Риджуэй и выскользнул из комнаты.

Билл лежал на спине и смотрел в потолок. Голова все пухла и пухла. Зря он не сказал Риджуэю выйти и попросить птиц в Центральном парке через дорогу, чтоб немного помолчали. Ишь, разорались. Горластые, невыносимо жизнерадостные воробьи — приличный городской совет давно бы лишил их вида на жительство. Но теперь что-нибудь делать с ними было невмоготу. Все было невмоготу, кроме как лежать неподвижно и пялиться в потолок.

Билл впал в задумчивость, и почти сразу в ухе раздался голос — противный, скрипучий, не то что у Риджуэя. Билл сразу понял, что говорит Совесть. То была не первая их беседа.

— Ну? — спросила Совесть.

— Ну? — дерзко отозвался Билл.

— Припозднился вчера, а?

— Немножко.

— А по-моему, множко.

— Джадсон Кокер собирал друзей, — сказал Билл. — Я обещал прийти, и пришел. Слово надо держать.

— Скотам не надо уподобляться, вот что, — холодно отвечала Совесть. — Я все чаще думаю, что ты — молодой повеса.

Билл обиделся, но в теперешнем своем состоянии не нашелся, что возразить. В такие вот утра люди испытуют свои сердца и круто меняют жизнь.

— Мне казалось, в тебе больше самоуважения и элементарной порядочности, — продолжала Совесть. — Ты ведь любишь Алису Кокер? Хорошо. Любовь к такой девушке обязывает. Ты должен смотреть на себя почти как на жреца. А ты? Как ты себя соблюдаешь? Да ни на столечко! Обнаглел вконец, иначе не скажешь.

И вновь он был поражен справедливостью ее слов.

— Я давно к тебе приглядываюсь, молодой человек, и, кажется, наконец тебя раскусила. Твоя беда, помимо всего прочего, что ты — червяк, лодырь, попрошайка, жалкий, бесхребетный позор общества. Ты попусту растратил студенческие годы в Гарварде. Да, я отлично знаю, что ты играл в футбольной сборной. Я не отрицаю, что. ты — здоровое и жилистое молодое животное. Что меня огорчает, так это твоя душа. Такого понятия для тебя попросту не существует, а душа — это то, что мажут на хлеб. Как я уже говорила, ты пробалбесничал годы учебы, а теперь болтаешься в Нью-Йорке, бьешь баклуши, живешь за счет дяди Кули. То, что ему не в тягость тебя содержать, к делу не относится. Речь о другом. Я отлично знаю, что он — миллионер, владелец Целлюлозно-бумажной компании Парадена. Я о том, что, вытягивая из него деньги, ты катишься вниз. Ты ни чем не лучше своего дяди Джаспера.

— Эй, полегче! — возмутился Билл. Он был готов принять многое, но не это.

— Ничуть не лучше дядя Джаспера, и кузины Эвелины, и остальной вашей родни, — твердо повторила Совесть. — Захребетники, вот вы кто. У дяди Кули есть деньги, и все семейство, включая тебя, тянет из него кровь.

Билл совсем сник.

— И что же мне делать? — смиренно вопросил он.

— Делать? Немного пошевелиться и начать зарабатывать самому. Вставай, лежебока, и покажи, на что способен. Иди к дяде, скажи, что хочешь работать. Тебе двадцать шесть, а ты еще и не принимался. Думаешь всю жизнь бесцельно коптить небо?

Билл заморгал на потолок. Выволочка подействовала. Слова о том, что надо быть достойным Алисы Кокер, задели его за живое, но окончательно проняло сравнение с дядей Джаспером и кузиной Эвелиной. Это — удар ниже пояса, и тут безусловно надо разобраться. Больше всего на счете Билл презирал своих родственников-тунеядцев, живущих за счет дяди Кули. Невероятно, чтобы его, обаятельнейшего Билла Веста, зачислили в тот же разряд. И все же…

Ситуация, сложившаяся в семье Параденов, — не редкость в нашем мире. Кули Параден ценою упорной молодости и трудолюбивой зрелости скопил огромные деньги, и теперь вся бедная родня собралась вокруг, чтоб помочь ему их спустить. Брат Отис торговал недвижимостью и постоянно нуждался is займах, шурин Джаспер Дайш, изобретатель, преуспел лишь в изобретении различных способов брать в долг, племянница Эвелина вышла за человека, который постоянно брался издавать новые литературные альманахи. Родственники не отличались единодушием, но сошлись к одном: единогласно избрали Кули семейным кассиром-казначеем.

Вот уже несколько лет Кули Параден отдавал деньги с достойной подражания кротостью, тем более удивительной, что его крутой нрав успел войти в поговорку. Что-то преобразило мистера Парадена, вытравило из него ветхого Адама, и семья склонялась к мнению, что причина — в страсти к собиранию старых книг, которая внезапно овладела им на седьмом десятке. Пока Кули Параден не собирал книги, к нему было не подступиться. Он кричал, что его грабят, и раз даже запустил стулом в Джаспера Дайли, но, к сожалению, промахнулся. Однако теперь наступила благодать. Он, словно лунатик, бродил по своей библиотеке в Вестбери и выписывал чеки с той восхитительной отрешенностью, какой дай Бог всем нашим богатым родственникам.

Таков был благодетель, поддерживавший Билла Веста во все время учебы и до того момента, когда тот лежал в постели, мучимый совестью. Да, решил Билл, Совесть права. Разумеется, он не так плох, как дядя Джаспер и кузина Эвелина, но теперь ясно, что он действительно позволил себе оказаться в двусмысленном положении, которое малознакомые люди могли бы истолковать превратно. Он никогда не испытывал тяги к

изготовлению целлюлозы, но теперешнее раскаяние подсказывало, что в этом занятии должна быть своя прелесть. Конечно, со стороны этого не разглядишь, но если вникнуть… Он понятия не имел, как и зачем изготавливают целлюлозу — но это частности, за недельку освоимся. Главное — начать.

Преисполненный решимости, Билл со стоном вылез из постели и направился в ванную.

Холодный душ способен творить чудеса. Вкупе с юностью он мгновенно выгоняет едва ли не любую телесную хворь. Когда пятью минутами позже Билл растирался полотенцем, почти ничто не напоминало ему о старом — разве что голова нет-нет, да отзывалась болезненно на громкие звуки. Он трепетал от решимости и отваги. Массируя спину, Билл еще раз обозрел свою программу. Разумеется, для начала он согласится на любое, самое скромное предложение — лишь бы осмотреться и войти в курс дела. А дальше уж развернется на полную катушку. В жизни не ударить пальцем о палец — это ж сколько в нем скопилось нерастраченной энергии! Он устремится вперед, и вскоре неизбежно приберет к рукам все производство.

У дяди Кули эта целлюлоза в печенках сидит. В свое время старик вкалывал, как проклятый, но за последние годы увлекся путешествиями и библиотекой, делами ему заниматься недосуг. Целлюлозно-бумажной Компании Парадена нужна свежая кровь, а у него, Билла, свежая кровь так и бурлит.

Он оделся и вышел к легкому завтраку. Возбуждение рисовало все новые картины, где вместе с успехом присутствовала Алиса Кокер. Преграды? Какие преграды! Ему ли страшиться трудностей? Билл потянулся за утренней газетой, почти готовый прочесть на первой странице:

ЛЮБОВЬ В ВЫСШЕМ СВЕТЕ.
МОЛОДОЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНЫЙ КОРОЛЬ
ЖЕНИТСЯ НА КРАСАВИЦЕ.
ИНТЕРВЬЮ С МИСТЕРОМ ВЕСТОМ.

Вместо этого он уткнулся взглядом в привычное:

РАЗВОД В ВЫСШЕМ СВЕТЕ.
БЫВШАЯ ЖЕНА УТЕШАЕТСЯ С ЛЮБОВНИКОМ.

— Тьфу. — Билл со злостью впился зубами в грейпфрут.

— Звонит мистер Джадсон Кокер, сэр, — сказал Риджуэй, просочившийся в комнату бесшумным ручейком.

Билл подошел к телефону. Он был холоден, суров и не склонен извинять порок. Встав на путь исправления, он думал о друге и вчерашнем собутыльнике не иначе, как с пуританской дрожью. Удивительно, как часто лучшим из девушек достаются непутевые братья. Может быть, он слишком много хотел от брата своей богини, потому что мысленно рисовал нечто среднее между сэром Галахадом, добрым королем Венцеславом[4] и святым Франциском Ассизским. Джадсон явно не дотягивал до этого идеала. Вспомнить только прошлую ночь! Джадсон вел себя в точности как великосветский кутила из фильма — ну, тот, что закатывает оргии, из которых цензор, едва взглянув, вырезает три тысячи футов. Можно и повеселиться, но всему есть пределы, особенно когда речь заходит о прекраснейшем из полов. А Джадсон Кокер выходит за эти пределы на несколько парсангов.[5]

— Алло? — сказал Билл. Он говорил резко, чтобы сразу отсечь панибратское подтрунивание. Впрочем, вряд ли Джадсон после вчерашнего способен отпускать шуточки. Билл вообще удивился, как это он в столь ранний час ворочает языком.

В трубке послышался хриплый голос путника, который давно бредет по знойной пустыне, из последних сил удерживая отваливающуюся голову.

— Билл, старина, ты?

— Да.

— Значит, ты добрался-таки до дома? — произнес Голос тоном удивленной радости.

Напоминание о перечеркнутом прошлом больно резануло Билла.

— Да, — холодно отвечал он. — Чего надо? Незримый Голос робко откашлялся.

— Просто вспомнил, Билл, старина. Жутко важное. Я пригласил пяток девочек из варьете сегодня на пикник.

— Ну?

— Что с того?

— Надеюсь, ты меня не бросишь?

Билл нахмурился, как нахмурился бы святой Антоний.

— Надеешься, да? — сказал он сурово. — Так вот слушай, жалкое ты существо. Знай, что я начал новую жизнь, и с девочками из варьете меня не увидят даже мертвым в канаве. А тебе советую: возьми себя в руки и

постарайся понять, что жизнь — серьезная штука, и дана не затем, чтобы…

Его разглагольствования прервал испуганный вздох.

— Мама родная, Билл, — с дрожью произнес Голос. — Я вчера видел, как ты закладываешь за воротник, но, честное слово, не знал, что утром тебе будет так кисло. У тебя небось голова трещит охренительно. Абсолютно охренительно! — Голос перешел на возбужденный шепот. — Что тебе надо, Билл, так это парочку «Воспрянь духом». Я себе тоже собираюсь смешать. Знаешь рецепт? Одно сырое яйцо вылить в полстакана вустерского соуса, щедро посыпать красным перцем, добавить четыре таблетки аспирина и размешать. Выпьешь, и как новенький.

И это Ее брат! Просто дрожь берет.

— Спасибо, я прекрасно себя чувствую, — отвечал аскет.

— Отлично! Значит, на пикник все-таки придешь?

— Нет. Я бы и так ни за что не пошел, но у меня на это время назначена встреча. Я еду к дяде в Вестбери. Он вчера вернулся и сегодня мне позвонил.

— Ни слова больше! — Голос захлебывался от сердечности. — Все понятненько. Тот самый дядюшка, что отстегивает денежки четыре раз в год? Разумеется, езжай! Надеюсь, ты сумеешь его особенно обаять? Я хочу сказать, он души в тебе не чает, если торопится увидеть в первый же день.

— Если хочешь знать, что я сделаю, когда приеду к дяде Кули, — сказал Билл холодно, — то я скажу. Я собираюсь попросить место.

На другом конце провода раздраженно буркнули.

— Проклятущий телефон барахлит, — посетовал Голос. — Ничего не слыхать. Представляешь, прозвучало так, будто ты хочешь попросить у дяди место, — хохотнул Голос, радуясь такой нелепости.

— Именно это я и сказал. Молчание.

— Место?

— Да.

— Ты хочешь сказать, работу?

— Работу.

Голос так взволновался, что чуть не плакал.

— Не делай этого, Билл! Не надо, старина! Ты не понимаешь, что говоришь. Ты нездоров. Всему виною башка. Послушай старого друга, смешай себе «Воспрянь духом». Все как рукой снимет. Недельный покойник вскочит с катафалка и включится в шестидневный велосипедный кросс. Запиши на бумажке, а то забудешь. Одно сырое яйцо…

Билл в сердцах повесил трубку. Он вернулся к прерванному завтраку, когда телефон снова зазвонил. Возмущенный упорством нераскаявшегося

друга, он шагнул обратно и гневно рявкнул:

— Ну?! Чего еще?

— Ой, это вы, мистер Вест?

Звонил вовсе не Джаспер. Голос был женский, и от его звуков Билл зашатался. По телефону все женские голоса похожи, но этот его сердце спутать не могло. Она! А он — преступник, дурак, опрометчивый подлец — заговорил со злобой. О, боги! Обратиться к ней в таком тоне, пусть даже по недоразумению! Чего стоит одно только «Ну?!». А «еще»? Отвратительно, гнусно, грубо. Слова извинений хлынули, как из ведра.

— Мисс Кокер мне страшно жаль не знаю как и просить прощения я принял вас за другого я не хотел я бы и помыслить не мог надеюсь вы не надеюсь я не надеюсь вас не…

— Мистер Вест, — воспользовалась паузой слушательница, — не могли бы вы оказать мне большую услугу?

У Билла подломились колени. Он едва не рухнул.

— Услугу вам? — с жаром пробормотал Билл. — Конечно! Какой разговор!

— Это очень важно. Не могли бы вы ко мне зайти?

— Какой разговор!

— Не могли бы вы сделать это сегодня утром?

— Какой разговор!

С минуту Билл не мог отдышаться. Глаза застилал туман. Она попросила об услуге! Его, Билла, а не Тодди ван Риттера, не Юстаса Бейли, ни кого другого из рыцарей своего двора. Может ли он к ней зайти? Да, тысячу раз да, пусть бы даже дорогу к дому ее отца преграждали огнедышащие драконы.

Он вернулся в гостиную, подошел к каминной полке и почтительно пересмотрел все фотографии мисс Кокер — числом одиннадцать, — целеустремленно выкраденные, одна за одной, из комнаты Джадсона. Алиса снималась часто, и, любя недостойного брата, исправно дарила его своими карточками. Билл и сейчас содрогался при воспоминании, как этот кощунник разрезал страницы детектива одним из бесценных снимков.

2

Чуткий гость, наделенный внутренним барометром, сразу бы распознал, что этим апрельским утром в доме мистера Дж. Бердси Кокера на Шестьдесят первой стрит что-то не так. Отец Алисы и Джадсона жил на

широкую ногу, его покои были обставлены со вкусом и являли все внешние признаки достатка и благополучия; однако сегодня над ними нависла зловещая тишь, словно ураган пронесся по коридорам или на домашних обрушилось горе. Не будь Билл так поглощен мыслями об Алисе, он бы приметил испуг в глазах горничной, которая без чего-то двенадцать впустила его в дом. Но он в своем волнении ничего не подозревал, пока не вошел в гостиную и не увидел более любезные ему глаза хозяйки дома.

— Боже правый! — вскричал он. — Что стряслось?

Алиса Кокер была на удивление хороша собой. Она смотрелась королевой, в отличие от Джадсона, который пошел в отцовскую родню и сильнее всего смахивал на эрдельтерьера. Она отличалась безупречными чертами, безупречными зубами, безупречными волосами. При первой встрече в ней невозможно было обнаружить изъяна. Однако сейчас всякий отметил бы не столько красоту, сколько озабоченность. Сочинители американских песен (которые куда лучше американских законов) советуют нам видеть хорошее в дурном, идти за Синей Птицей, запхнуть все наши горести в сундук, сесть на крышку и улыбнуться пошире. Алиса Кокер не сумела последовать их советам. Старая карга Забота, эта врагиня сочинителей, скрутила ее не на шутку.

— Садитесь, мистер Вест, — сказала мисс Кокер, даже в минуту волнения не отступая от холодной вежливости.

Многие месяцы этот ее тон доводил Билла до исступления. Он был накоротке с сестрами большинства друзей. С другой стороны, они вместе росли, а Джадсон, старый Биллов друг, сам впервые увидел Алису год назад. Подробностей Билл не знал, но заключил, что в семействе Кокеров не обошлось без бывших жен и утешителей-любовников. Во всяком случае, до прошлого мая Алиса жила с матерью в Европе, а когда та умерла, перебралась к отцу — вести его хозяйство и вносить смуту в сердца младшего поколения.

Билл сел, излучая обожание, сочувствие и мужественную готовность сделать для Прекрасной все, что в человеческих силах.

— Очень любезно с вашей стороны было прийти, — сказала Алиса.

— Нет, нет. Ох, нет. Нет, нет. Нет, нет, — сказал Билл.

— Это из-за Джадсона.

— Из-за Джадсона?

— Да. Папа рвет и мечет. И я его не виню, — продолжала благонравная мисс Кокер. — Джадсон и впрямь отбился от рук.

Билл оказался перед дилеммой. Он желал бы согласиться с каждым

произнесенным словом, но боялся навлечь на себя немилость слишком резким обличением. К тому же трудно бичевать порок, если не знаешь, чем именно прогневал родителя твой жизнерадостный друг. Поэтому Билл только крякнул, словно почтительный дикий селезень.

— Похоже, Джадсон вчера устроил вечеринку, — сказала мисс Кокер и возмущенно фыркнула. — Безобразное сборище для театральных девиц. Что за радость общаться с таким отребьем — не понимаю.

— Я тоже, — согласился праведник. — Никакой. Вы совершенно правы. Никакой.

— Беда Джадди в том, что он такой безвольный, и дружки вертят им, как хотят.

— Вот-вот, — сказал Билл, всячески стараясь не показаться одним из этих дружков.

— Ну и в результате, — подытожила мисс Кокер, — вчера мы легли, как обычно, и спали крепким сном, как вдруг в парадную дверь заколотили. Бедный папочка спустился в халате и шлепанцах — сердитый, потому что устал на работе, — и увидел Джадсона.

Она, замолчана и подняла страдальчески-прекрасные глаза.

— Джадсон, — продолжала она ровным голосом, — похоже, обрадовался отцу. Когда я выглянула с верхней площадки, он хлопал папу по спине. Папа спросил, чего ему надо, и Джадсон сказал, что потерял фарфоровую свинку и думает, может, он оставил ее в гостиной на пианино. Он вошел в дом, все перерыл и ушел восвояси. Через час он снова чуть не сломал дверной молоток, вытащил папу из постели и сказал, что извиняется за доставленное беспокойство. Он сказал, что ни за что не стал бы нас тревожить, но свинка — талисман, и ему очень хочется показать ее одной гостье. Он сказал, что гостья живет с мамочкой, и поэтому вот-вот уйдет. Он зашел и еще раз все перерыл, а потом снова ушел. А в половине шестого он позвонил в папину спальню по телефону и попросил проверить, не в кабинете ли свинка. Она замолчала, Билл возмущенно крякнул.

— Папа, разумеется, вне себя.

Билл сочувственно кивнул. Он охотно верил, что это так.

— Вы бы его видели, когда он сегодня утром уходил на работу.

Слушая, как его богиня живописует исход родителя из лона семьи. Билл порадовался, что не видел. Возбужденная фантазия рисовала ему что-то вроде вставшего не с той ноги апокалиптического Зверя. Он заключил, что Дж. Бердси Кокер частенько выходит к завтраку не в духе, но такого, как сегодня, не упомнят даже старожилы. Самый отчаянный храбрец задрожал бы, слыша, как тот бушевал, когда перепуганная на смерть

горничная уронила яичницу с беконом.

— И в итоге, — заключила Алиса, — он объявил, что терпение его лопнуло. Что не даст больше Джадсону ни пенса и отправит его на бабушкину ферму в Вермонт — пусть поживет там, пока не придет в чувство. Так нот о чем я хотела попросить, мистер Вест. Не могли бы вы выкроить месяц, чтоб порыбачить с Джадди?

— Вы же сказали, он едет в Вермонт.

— Да. Но я надеюсь, что папа остынет и согласится отпустить его на рыбалку — разумеется, с надежным человеком, который проследит, чтобы Джадди не пил. Понимаете, не так важно, куда его услать, лишь бы подальше от Нью-Йорка и дурного общества. Джадди. — голос мисс Кокер дрогнул, — такой лапочка, что к нему все липнут, и он просто не в силах устоять.

Билл больше не колебался. До сего времени он точно не знал, как относится к Джадсону сестра, но теперь стало ясно: никакие темные деяния у парадного подъезда кромешной ночью не способны поколебать ее нежную привязанность. Тогда вперед. Он пропел дифирамбы недавнему собутыльнику — откуда только взялось красноречие! Услышь восточный монарх такую хвалу из уст придворного поэта, он бы и то почувствовал перебор. Но не мисс Кокер. Она заметно оттаяла, ее гордое высокомерие смягчилось. А когда Билл закончил душещипательный пассаж о тонкой душевной организации Джадсона и его полной неспособности противостоять грубым соблазнам современной жизни в Нью-Йорке, он был награжден самой чарующей из улыбок.

— Я знала, что вы его большой друг, — сказала мисс Кокер с такой сердечностью, что Билл обвил одну ногу вокруг другой и глотнул воздуха. — Вот почему я и попросила вас зайти. Вы представить не можете, что ждет бедняжку у бабушки. Его заставят подниматься в семь и дважды на дню присутствовать на семейных молебнах.

В мрачном молчании они созерцали ад, с которого мисс Кокер приподняла печать.

— Молебнах? — дрожащим голосом переспросил Билл.

— А по воскресеньям они поют псалмы, — сообщила мисс Кокер и поджала губки. — Бедненький Джадди, так недолго и свихнуться. Что до здоровья, рыбалка поможет ему ничуть не хуже. Он хоть порадуется. Я знаю, как он к вам привязан. Уверена, папа согласится, он вас любит и знает, что вы будете оберегать бедняжку Джадди. Не знаю, как и благодарить вас, мистер Вест. Я знала, что вы не откажете. От всей души спасибо.

В делах людских бывают приливы и отливы, и важно не упустить прилив. Билл чувствовал, что его время пришло. Ни разу за прошлый год ему не представлялось такого удачного случая объясниться, и могут пройти месяцы, прежде чем подвернется следующий. Билл — не из тех речистых молодцов, которым ничего не стоит завести разговор о чувствах где и когда угодно. Чтоб нырнуть, ему нужен толчок. Хотя под ложечкой неприятно сосало, как четыре года назад, когда он со сборной Гарварда вышел на Йельский стадион, он собрался с духом и мужественно ринулся вперед.

— Мисс Кокер… я… так сказать… другими словами… как бы вы отнеслись…

Он замолчал, не уверенный, что выразился вполне ясно, и сделал второй заход.

— Я знаю… не подумайте, что я… я вполне отдаю себе отчет… вполне возможно, что… если бы вы…

По-прежнему не так внятно, как хотелось бы. Он дважды сглотнул и попробовал зайти с другого боку.

— Послушайте, — сказал он. — Согласны ли вы стать моей женой?

Мисс Кокер и бровью не повела. Надо понимать, такие разговоры были ей не впервой.

— Вообще-то, — сказала она, — я не ожидала.

Билл тоже. Дерзкие слова еще звенели в его ушах, и он с трудом верил, что осмелился их произнести. Однако они прозвучали, и поздно подбирать другие. Он смотрел на мисс Кокер оторопело, но с надеждой.

— Сейчас я не могу ответить ничего определенного.

— Да, да, конечно.

— Лучше повторите свой вопрос, когда привезете Джадди здоровым и окрепшим.

Предположение, что Джадди — хрупкий инвалид, на которого и дышать-то страшно, не вполне вязалось с образом Джадсона — заводилы на вчерашнем пиру, однако Билл промолчал. Какая разница? Главное, мисс Кокер не отвергла его, Билла, с презрением и не приказала челядинцам вышвырнуть его вон.

— А пока не будем к этому возвращаться, да?

— Да, — покорно отвечал Билл.

— Когда вы могли бы выехать на рыбалку? — спросила мисс Кокер, которая унаследовала от отца умение ради дела забывать о чувствах. — Прямо сейчас?

— Завтра, если скажете, — обреченно произнес Билл.

Он смутно догадывался, что новые обязательства помешают ему завтра же взять под опеку дядюшкину целлюлозно-бумажную компанию. Ну и что? С минуту он купался в лучах обворожительнейшей из улыбок, потом вспомнил, что у него есть просьба. Улыбка была та же, что и на лучшей из фотографий — третьей слева на каминной полке.

— Я не знаю, — промямлил он. — Я хочу сказать… Как бы вы отнеслись… Как вы думаете… Я вот к чему, нет ли у вас случайно фотографии, которую вы согласились бы подарить?

— Конечно, есть, — тепло отвечала Алиса.

— Я так давно об этом мечтаю, — сказал Билл.

3

Библиотека мистера Кули Парадена в Вестбери, Лонг-Айленд, славится на весь мир — говорим так уверенно, потому что статьи о ней помещают такие географически далекие издания, как «Атлантик Монтли», «Квотерли Ревю» и «Меркюр де Пари». Всякий библиофил, попав сюда, начинает бегать кругами, принюхиваться, приглядываться и взволнованно повизгивать, словно пес, учуявший разом сотни волнующих запахов. По стенам тянутся полки, уставленные томами, томиками и томищами — рядом с книгой-великаном примостился упитанный карлик, с ними соседствует вроде бы книжка, а на самом деле — коробочка, а в ней книжка. Зрелище это действует на посвященных как самый сильный наркотик.

Билл, впрочем, воспринимал его гораздо спокойнее. Он приехал в три пополудни. В библиотеку его проводил Робертс, сказавший, что хозяин скоро освободится и просит подождать. Билл сразу шагнул к завешенному окну, которое — он знал по прошлым визитам — просто создано для романтических раздумий. Под окном густо рос ракитник, сквозь который можно было созерцать и впитывать красу благородных дерев, серебристого пруда и большого тенистого газона. А что еще надо влюбленному?

У пейзажа был только один изъян. Зеленую гладь газона, как с отвращением увидел Билл, портили невесть откуда взявшиеся людишки. Биллу хотелось созерцать Природу и, созерцая, отрешенно грезить об Алисе Кокер. Белобородый старик и мальчик в коротких штанишках ему мешали. Эти две кляксы бродили по ближайшей лужайке и портили весь вид. Впрочем, тут они повернули к дому и скрылись в зарослях ракитника. На Билла вновь снизошел мир. Теперь он без помех отдался мыслям об

Алисе Кокер.

Мысли эти вызывали в нем кипучее возбуждение, сродни — только гораздо чище — тому, что наступило после третьего крепкого коктейля, смешанного щедрой рукой Джадсона на вчерашней прискорбной вечеринке. Кто бы поверил! Он отбросил робость и сделал-таки предложение! Невероятно! Нет, невероятно другое — благосклонность, с которой его выслушали. Вот это и впрямь чудо из чудес. Разумеется, она не связала себя помолвкой, но что с того? Она практически пообещала, что станет его, когда он, словно рыцари встарь, исполнит назначенный подвиг. О, благородство! О, страсть! О, жар!

Его размышления прервал скрип открывающейся двери.

— Мистер Джаспер Дайли, — сказал голос Робертса. Из-за своей шторы Билл услышал ехидное фырканье.

— Чего ради объявлять меня, любезнейший? Здесь никого нет.

— Минуту назад здесь был мистер Вест, сэр.

— Да? Зачем его сюда принесло? Билл вышел из укрытия.

— Здравствуй, дядя Джаспер, — сказал он, тщетно пытаясь выдавить из себя хоть немного приветливости. После того что произошло сегодня между ним и Совестью, он не мог смотреть на дядю Джаспера без содрогания. Мысль, что его сравнили с этим жадным сморчком, резала, как нож.

— А, это ты, — проворчал дядя Джаспер, шаря по библиотеке водянистыми змеиными глазами.

— Мистер Параден сейчас занят, сэр, — сказал Роберт. — Он скоро подойдет. Принести коктейль, сэр?

— В рот не беру эту гадость, — сказал дядя Джаспер и повернулся к Биллу. — А ты тут зачем?

— Утром позвонил Робертс и сказал, что дядя Кули хочет меня видеть.

— Да? Странно. Вчера я получил телеграмму такого же содержания.

— Вот как? — с отсутствующим видом произнес Билл и стал смотреть на книжные полки. Он не сноб, а таракан — тоже Божья тварь, но неприлично человеку, который только что вышел от божественной Алисы Кокер, опускаться до разговора с таким ничтожеством.

Однако на этом его напасти не кончились.

— Миссис Параден-Керби, — объявил Робертс в дверях.

Час от часу не легче. Редко кто мог вынести кузину Эвелину. Грузная громогласная женщина на пятом десятке, с глазами, как голубая глазунья, она так и не смогла отказаться от сюсюканья, которым в юные годы

обольщала сверстников.

— Ой-ой-ой, сколько огромненьких стар采еньких книжечек, — сказала кузина Эвелина, обращаясь, очевидно, к пушистой болонке, которую держала на руках. — Вилличка-песичка будет паинькой и не станет грызть книжечки, и, может быть, добренький дядюшка Кули даст ему кусочек тортика.

— Мистер Отис Параден и мастер Кули Параден, — объявил Робертс.

Биллу было уже все равно. Если в комнате дядя Джаспер и кузина Эвелина, валите до кучи Отиса и маленького Кули — гаже все равно не станет. Он только отметил про себя, что Отис еще растолстел, а маленький Кули (лоснящийся младенец, такой розовый, словно его только что вынули из кипятка) похож на инкубаторского цыпленка; и снова вернулся к полкам.

— Господи! — вскричал дядя Джаспер. — Это что, семейный сбор? Что вы тут делаете?

— Нас с Кули вызвали телеграммой, — с достоинством отвечал Отис.

— Ути-пути, как удивительно! — сказала кузина Эвелина.

— Меня тоже.

— А ему, — ошеломленный дядя Джаспер указал на Билла, — позвонили сегодня по телефону. Интересно, чтобы это значило?

Кули, молчаливый ребенок, не сказал ничего. Он сосредоточенно расковыривал перышком кожаную обивку кресла и время от времени икал, словно застенчивый человек, захотевший выкрикнуть «гип-гип-ура» и сломавшийся на первом «гип». Остальная семья принялась обсуждать удивительное совпадение.

— Странно, что дяде Кули вздумалось собрать нас всех, — сказала кузина Эвелина.

Дядя Отис с опаской огляделся и понизил голос.

— По-моему, — сказал он, — эти неспроста. Полагаю, Кули осознал, что стареет, и решил позаботиться о нас.

— Ой. ты и вправду так думаешь? — с жаром воскликнула кузина Эвелина. — Ну, конечно, он же совсем старенький. Я считаю, после шестидесяти ничего не остается, кроме как ждать смерти.

— Мне в этом году исполнилось шестьдесят два, — холодно сказал дядя Отис.

— Позаботиться? — задумчиво произнес дядя Джаспер, почесывая подбородок. — Хм. Неплохо придумано. В таком случае нам не придется платить налог на наследство.

Этого уже Билл не стерпел. Пусть он кровосос — а Совесть не

оставила в этом никаких сомнений, — он, по крайней мере, благодарный кровосос. А эти упыри не способны даже на простейшую человеческую привязанность.

— Меня от вас мутит, — рявкнул он, поворачиваясь на каблуках. — Вас всех надо усыпить. Вечно замышляете, как вытянуть из дяди Кули деньги…

Неожиданная атака с тыла вызвала в рядах семьи замешательство.

— Неслыханно! — вскричала кузина Эвелина.

— Наглый мальчишка! — оскалился дядя Джаспер.

Дядя Отис выбрал язвительный тон.

— А ты ни разу не взял у него ни пенса? О. разумеется, нет! — сказал дядя Отис.

Билл наградил его уничижительным взглядом.

— Вы отлично знаете, что он выплачивает мне содержание. И я стыжусь, что допустил это. Когда я вижу, как вы слетелись, словно стервятники…

— Стервятники! — Кузина Эвелина гордо расправила плечи. — Меня еще никто так не оскорблял.

— Беру назад свое выражение, — сказал Билл.

— Так и быть, прощаю, — смилостивилась кузина Эвелина.

— Надо было сказать — пиявки.

Парадены никогда не ладили между собой, но сейчас сплотились перед лицом обидчика. Библиотека звенела от их возмущенных голосов, все говорили одновременно. Тишина восстановилась, лишь когда в помещении прозвучал еще голос. Он заговорил, вернее, закричал от дверей, и произвел на ссорящихся такое же действие, как свисток полицейского на уличных драчунов.

— Молчать!

Голос был совершению несоразмерен своему владельцу. Человек в дверях был маленький и тощий, с красным, чисто выбритым лицом, жесткими, коротко стриженными седыми волосами и смотрел на собравшихся через пенсне без оправы.

— Типичная сиена из быта Параденов! — язвительно заметил он.

Появление его стало для дядюшек и кузин новым сигналом к сплочению. Едва придя в себя, они радостным потоком хлынули ему навстречу.

— Привет, Кули. Рад тебя видеть. (Дядя Джаспер.)

— С возвращением. Кули. (Дядя Отис.)

— Ах ты мой дорогой, как ты прекрасно выглядишь! (Кузина

Эвелина.)

Молчание. (Маленький Кули.)

Глубокое молчание. (Билл.)

Маленький человечек в дверях никак не откликнулся на излияния родственных чувств. Выкрикнув свое «Молчать!», он снова поджал губы, а взгляд, направленный сквозь пенсне на щебечущее собрание, остудил бы более чутких гостей. Родственники возобновили свои преувеличенные приветствия.

— Я получил твою телеграмму, Кули, — сказал дядя Джаспер.

— Я тоже, — сказала кузина Эвелина, — и мы с Вилличкой-песичкой очень обрадовались.

— Надеюсь, ты хорошо провел время, Кули, — сказал дядя Отис. — Далековато ты забрался, а?

— Как тебе Япония? — спросила кузина Эвелина. — Я всегда говорю, что японцы — такие очаровашки.

— Мы скучали без тебя, Кули, — сказал дядя Джаспер. Молчание отпрыска посреди всеобщего ликования задело Отиса. Он вытащил маленького Кули из-за кресла, которое тот исследовал.

— Поздоровайся с любимым дядюшкой, Кули, — сказал он. Маленький Кули немигающим взглядом уперся в подателя щедрот.

— Здрась, — произнес он громким басом и снова впал в прерываемое икотой молчание.

Дядя Джаспер вновь захватил инициативу.

— Кули, ты не уделишь мне несколько минут наедине? — спросил он. — У меня к тебе маленький деловой разговор.

— А у меня, — сказал Отис, — небольшая просьба от лица маленького Кули.

Кузина Эвелина протиснулась вперед.

— Как мы поцелуем большого дядюшку Кули! — вскричала она, пухлыми руками протягивая болонку к благодетелеву лицу.

Перед этой атакой мистер Параден не устоял.

— Убери! — заорал он, торопливо отступая. — Значит, — сказал он, — мало вам самим тянуть из меня соки, вы еще и собак на меня спускаете?

Лицо кузины Эвелины исказилось удивлением и болью.

— Тянем соки, дядя Кули?!

Мистер Параден фыркнул. От волнения очки сползли, он раздраженно вернул их на место.

— Да, именно! Не знаю, Эвелина, учила ли ты свою мерзкую

собачонку фокусам, но если б она села на задние лапки и принялась просить, ее можно было бы с почетом принять в члены семьи. Это все, что вы умеете. Я возвращаюсь из двухмесячной поездки, а вы тут же бросаетесь ко мне с денежными просьбами.

Изумление. Дядя Джаспер оскалился. Дядя Отис сморгнул. Кузина Эвелина расправила плечи с той же заносчивостью, что и недавно перед Биллом.

— Гадкие грязные деньги, — сказала она оскорбленно, — это последнее, о чем я думаю.

Мистер Параден неприятно рассмеялся. Он явно возвратился из своих странствий в отнюдь не благодушном настроении. Вернулось то, что можно назвать его прежней манерой — досадная раздражительность, которая так осложняла семье деловые переговоры в те времена, пока еще не смягчилась под благотворным влиянием старых книг.

— Да, — сказал он горько, — последнее, о чем ты думаешь перед сном, и первое, о чем вспоминаешь утром. Вы все у меня в печенках сидите. Сборище…

— Стервятников, — подсказал Билл.

— Стервятников, — сказал мистер Параден. — Все такие ласковые и такие бедные. Вот уже много лет вы ничего не делаете, только висите на мне, как скопите…

— Пиявок, — пробормотал Билл. — Пиявок.

— Пиявок, — сказал мистер Параден. — Сколько себя помню, я даю вам деньги — деньги, деньги, деньги. А вы всасываете их, как…

— Промокашка, — сказал Билл.

Мистер Параден сверкнул на него глазами.

— Заткнись! — прогремел он.

— Хорошо, дядя. Я просто хотел помочь.

— А теперь, — продолжал мистер Параден, расправившись с Биллом, — я хочу сказать вам, что моему терпению пришел конец. Я выдохся. Иссяк. Устал. — Он грозно зыркнул на Билла, словно ожидая, не выдаст ли тот еще синоним.

— Сегодня я собрал вас здесь, чтобы сделать объявление. У меня для вас маленькая неожиданность. Скоро у вас появится новый родственник.

Семья ошарашенно переглянулась.

— Новый родственник?! — в ужасе повторил Отис.

— Только не говори, — шепотом, словно у постели больного, выговорил дядя Джаспер, — что надумал жениться!

— Нет, не надумал, — сказал мистер Параден. — Родственник, о

котором я говорю, — мой приемный сын. Гораций! Иди сюда, Гораций!

В дверь прошмыгнуло что-то маленькое в коротких штанишках.

— Гораций! — сказал мистер Параден. — Позволь представить тебя семье.

Мальчик с минуту таращился молча. Это был веснушчатый крепыш, стриженый, белобрысый, с ехидными глазами. Он перевел взгляд с дяди Джаспера на дядю Отиса, с маленького Кули на кузину Эвелину, впитывая их всех.

— Это семья? — спросил он.

— Семья.

— Обалдеть, ну и зануды, — произнес мальчик от всего сердца.

4

В молчании, последовавшем за этим искренним выражением чувств, к собравшимся присоединилось еще одно действующее лицо. Оно было высокое, благообразное и облачено в хламиду. По белой бороде Билл узнал недавнего Горациева спутника на лужайке. Даже издали он внушал почтение, вблизи же выглядел почти что малым пророком.[6] Он улыбался отеческой улыбкой — единственной, кстати, улыбкой среди находящихся в комнате, поскольку менее веселое общество можно было отыскать в Америке разве что на похоронах. Дядя Джаспер поник, как увядшая лилия, у дяди Отиса глаза вылезли из орбит, кузина Эвелина собиралась лопнуть. Что до Горация, вид семьи, в которую ему предстоит войти, явно убил в нем всякую радость жизни.

Он заговорил первым, и стало ясно, какая ноша его гнетет.

— Я должен их всех поцеловать? — спросил, он.

— Только не меня, — отрезал дядя Джаспер, выходя из ступора. Сопя, как тюлень, он двинулся на мистера Парадена. — Как это следует понимать, Кули? — осведомился он. Мистер Параден указал на новопришедшего.

— Профессор Эпплби объяснит.

Малый пророк поклонился. Если он и смущался, то умело это скрывал. Говоря, он продолжал ласково улыбаться.

— Сообщение, которое мой добрый друг Параден…

— Что значит «мой добрый друг Параден»? — резко переспросил дядя Джаспер. — Как давно вы знакомы, хотелось бы мне знать.

— Я познакомился с профессором Эпплби в поезде из Сан-

Франциско, — сказал мистер Параден. — Он-то и…

— Я-то, — мягко перебил профессор Эпплби, — и убедил мистера Парадена взять на воспитание этого малыша. — Он погладил мальчика по головке и вновь обратился к взбешенным слушателям. — Мое имя, — продолжал он, упреждая дядю Джаспера, который открыл уже было рот, — возможно, ничего вам не говорит, однако со всей скромностью могу заверить, что в некоторых кругах мои взгляды на евгенику почитаются достойными внимания. Рад сообщить, что мистер Параден вступил в число моих учеников. Я твердо поддерживаю взгляды мистера Бернарда Шоу, что надо создать новую расу из лучших представителей старой. Гораций прекрасно развит физически, смышлен, обладает золотым характером и редкой покладистостью. Я считаю — и с удовольствием констатирую, что мистер Параден согласен, — что ему лучше вкладывать средства в воспитание этого мальчика, чем тратиться на родственников, которые, позволю заметить, не имеют будущего, и, уж простите, мало что могут дать взамен. Мистер Параден намерен основать семью, которая нацелена вперед, а не назад. Семью… э… будущих, а не бывших.

Родственники заговорили хором. В продолжение речи они несколько раз пытались раскрыть рот, но профессора Эпплби так легко не перебьешь. Теперь, когда он смолк, они дали волю своим чувствам — кузина Эвелина первая, следом дядя Джаспер и дядя Отис.

— Это что-то неслыханное!

— Да он опасный безумец!

— Неужели ты и впрямь хочешь сделать этого неотесанного мальчишку наследником в обход собственной плоти и крови?

Профессор Эпплби мягко вмешался.

— Надо признать, — согласился он, — что Гораций и впрямь лишен определенного светского лоска. Но что с того? Хороший учитель исправит этот мелкий недостаток за пару месяцев. Главное — мальчуган исключительно здоров и сообразителен.

Мальчуган никак не подтвердил эти заслуженные хвалы. Он боролся с более близкой его сердцу проблемой.

— Я не буду их целовать, — громко объявил он. — Разве что на спор. Я как-то на спор поцеловал козла.

Кузина Эвелина выбросила вперед руки, отчего Вилличка-песичка звонко шмякнулся на пол.

— Грубиян!

— Думаю, мой дорогой, — кротко сказал профессор Эпплби. — что разговор переходит на повышенные тона, поэтому мне стоит вывести

Горация на улицу. Формирующемуся уму вредно слушать такие перепалки.

Кузина Эвелина воинственно напряглась.

— Пожалуйста, не беспокойте Горация в его доме. — Она прицепила к ошейнику Виллички-песички поводок и направилась к двери. — Прощай, дядя Кули, — сказала она, оборачиваясь. — Я считаю, что меня глубоко и жестоко оскорбили.

— Эй! — крикнул Гораций, указывая пальцем. — Ты вязанье уронила, оно разматывается.

С долгим, полным укоризны взглядом кузина Эвелина подхватила Вилличку-песичку на руки и вышла. Дядя Джаспер ринулся за ней.

— До свидания, Джаспер, — сказал мистер Параден.

— До свидания. Я немедленно приму меры, чтоб тебя освидетельствовала медицинская комиссия. Признают недееспособным. Это — единственный способ остановить твой безумный замысел.

— А я, — добавил дядя Отис, — скажу лишь одно, Кули. Эта поездка обошлась мне в три доллара семьдесят девять центов. Я пришлю своего адвоката. — Он взял маленького Кули за руку. — Идем, Джон, — сказал он горько. — Отныне тебя будут называть вторым именем.

Гораций с ехидцей наблюдал за исходом родственников.

— Похоже, меня тут любят, как холодный гренок с сыром! — заметил он.

Билл дружелюбно шагнул вперед.

— Знаешь, приятель, я ничего против тебя не имею, — сказал он. — Добро пожаловать в семью!

— Если это семья, — сказал Гораций, — то жалуй в нее сам.

И, протянув детскую ручонку профессору Эпплби, вышел из комнаты. Мистер Параден мрачно уставился на Билла.

— Ну, Уильям?

— Ну, дядя Кули?

— Полагаю, ты понял, что я не намерен больше платить тебе содержание?

— Понял.

Спокойствие юного родственника несколько озадачило мистера Парадена. Тот заговорил почти виновато:

— Самое плохое, когда у юноши твоих лет куча незаработанных денег.

— В точности так и я думаю, — сказал Билл с жаром. — Мне надо работать! Позор, — продолжал он, — что юноша с моими способностями и умом не зарабатывает себе на жизнь. Стыд, да и только..

Красное лицо мистера Парадена побагровело.

— Очень смешно! — проревел он. — Очень смешно и остроумно. Что ты рассчитываешь выгадать…

— Остроумно! Ты же не думаешь, что я шучу?

— Думаю, что пытаешься.

— Да нет же, Господи! Я и приехал сюда, чтобы просить места.

— Долго же ты собирался!

— Да у меня не было времени рта раскрыть.

— И какую же работу ты хотел у меня попросить?

— В твоей фирме.

— Какую именно?

Слабое знакомство с премудростями целлюлозно-бумажного производства затрудняло Биллу ответ.

— Любую, — смело выкрутился он.

— Могу предложить тебе надписывать конверты за десять долларов в неделю.

— Отлично! — сказал Билл. — Когда приступать?

Мистер Параден с подозрением уставился сквозь очки.

— Ты серьезно?

— Еще как!

— Ладно, — заметил, помолчав, несколько растерянный мистер Параден. — Должен сознаться, ты меня удивил. — Билл чуть было не сказал, что дядя просто не воспринимал прежде его скрытых глубин, но вовремя прикусил язык. — Странно, Уильям, но ты — единственный в этой семье, к кому я сохранил хоть каплю привязанности.

Билл благодарно улыбнулся.

— Конечно, — прогудел мистер Параден, — ты ленивый, никчемный тунеядец. И все же я подумаю. Ты не прямо сейчас едешь?

— Если я вам нужен, я подожду.

— Может, и понадобишься. Задержись на часок.

— Пойду прогуляюсь у пруда.

Мистер Параден смерил его внимательным взглядом.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Работать захотел! Что это на тебя нашло? Не иначе как влюбился.

5

С четверть часа после того, как расстались дядя и племянник, дом и

угодья мистера Кули Парадена пребывали в полнейшем мире. На шестнадцатой минуте Робертс, дворецкий, кейфовавший в буфетной за сигарой и повестью о разбитой любви, был извлечен из своего покоя оглушительным лязгом на аллее, перед самым домом. Отложив сигару и книгу, он вышел разобраться.

Неудивительно, что лязг побудил его вскочить. Под одним из декоративных столбов в колониальном стиле, поставленных архитектором, чтоб придать зданию индивидуальность, лежал покореженный красный двухместный автомобиль, из-под обломков которого выбирался долговязый человек в кожаной куртке. В следующее мгновение дворецкому предстали молодое лицо, длинный нос с горбинкой и выразительные зеленые глаза.

— Привет, — сказал молодой человек, сплевывая на гравий.

Робертс созерцал его с безмолвным изумлением. Покореженный двухместный автомобиль был покорежен так основательно, что просто не верилось, что из него может вылезти что-то целое.

— Вмазался чуток, — сказал молодой человек.

— Несчастный случай, сэр? — выдохнул Робертс.

— Если вы думаете, что я нарочно, — сказал молодой человек, — докажите! — Он с любопытством взглянул на смятый в лепешку автомобиль. — Машину, — произнес он после долгого вдумчивого осмотра, — придется малость подправить.

— Как это случилось, сэр?

— Да как всегда случается. Ехал на скорости, а тут на дорогу уселась птичка. Не хотел ее давить, и, видать, слишком вывернул руль. Пролетел пару ярдов, пропорол шину и впечатался в дом.

— Боже правый, сэр!

— Пустяки, — успокоил молодой человек. — Я все равно сюда ехал.

Тут он заметил, что к его левой брови прилипло несколько камешков, и стряхнул их голубым шелковым платком.

— Ведь это дом мистера Парадена? — спросил он.

— Да, сэр.

— Отлично. Мистер Вест здесь?

— Да, сэр.

— Замечательно. Скажите ему, что я хочу его видеть. Меня зовут Кокер. Мистер Джадсон Кокер.

— Очень хорошо, сэр.

Что-то в манере дворецкого — некая невозмутимость, некое отсутствие чувств — явно огорчило молодого человека. Он слегка

нахмурился.

— Джадсон Кокер, — повторил он.

— Да, сэр.

Джадсон ждал.

— Знакомое имя, а?

— Нет, сэр.

— Вы хотите сказать, что никогда его прежде не слышали?

— Что-то не упомню, сэр.

— Боже мой! — вскричал Джадсон.

Он протянул руку и остановил уходящего Робертса, попросту схватив того за фалду. Даже в нормальном своем состоянии Джадсон Кокер всегда был открыт и доступен для разговора: он готов был болтать с кем, когда и где угодно, а недавняя авария еще подстегнула его говорливость. На разных людей потрясение действуют по-разному — Джадсону оно еще больше развязало язык.

— Признайтесь мне честно, как мужчина мужчине, — недоверчиво произнес он, — вы и впрямь никогда не слышали о Джадсоне Кокере?

— Нет, сэр.

— Вы хоть когда-нибудь читаете «Бродвейские разговорчики»?

— Нет, сэр.

— А «Городские пересуды»?

— Нет, сэр.

— Боже мой!

При виде такого литературного невежества Джадсон совсем сник. Он выпустил фалду и погрузился в мрачное молчание.

— Принести виски с содовой, сэр? — спросил Робертс. До него наконец-то дошло, что молодой гость немного не в себе. Дворецкий тут же устыдился своей недогадливости. Другой бы уже давно превратился в доброго врача.

Вопрос немедленно вернул Джадсону обычную жизнерадостность. Такие вопросы всегда находили отклик в его душе.

— Конечно, старина, — отвечал он с пылом. — А то я все гадаю, когда мы перейдем к делу. Смешайте покрепче, ладно? Воды на полпальца, а виски столько, чтобы кролик укусил бульдога.

— Хорошо, сэр. Зайдете в дом?

— Нет, спасибо. С тем же успехом могу посидеть и здесь.

Дворецкий скрылся в доме и через несколько минут явился с целительной влагой. Он застал молодого друга задумчиво глядящим в небо.

— Я вот что, — сказал Джадсон, облегченно вздыхая и опуская наполовину опустошенный стакан, — все про то же. Вы ведь пошутили, когда сказали, что не знаете моего имени?

— Нет, сэр, уверяю вас.

— Ничего удивительнее я в жизни не слышал. Похоже, вы разбираетесь в мировых событиях не больше, чем курица в зубном порошке. Вы ни разу не слышали о Шелковом Клубе?

— Шелковом Клубе?

— Да. Шелковом Клубе с Пятой авеню.

— Нет, сэр.

— Боже мой! Знаменитейший прогулочный клуб. Собирался воскресным утром и шел по Пятой авеню в шелковых пижамах, шелковых носках, в шелковых шляпах и под шелковыми зонтиками, если сверху капало. Вы действительно ничего не слыхали?

— Нет, сэр.

— Держите меня! Вот она. слава! Я бы не подумал, что в этой стране найдется образованный человек, который не слышал о Шелковом Клубе. Когда нас задержала полиция, воскресный выпуск «Американца» отвел нам целую страницу.

— Вот как, сэр?

— Честное слово. С моим портретом. Это я основал клуб.

— Да, сэр?

— Да. Я еще много чего сделал. Разбрасывал с самолета десятидолларовые бумажки. Удивительно, что вы обо мне не слышали.

— Мы тут в глуши мало что знаем, сэр.

— Да уж, — ободрился Джадсон. — Да, наверное, в этом и дело. Если так, вы могли и не слышать обо мне. Однако поверьте на слово, я в свое время чего только не наворотил. Шуму-то было! Все восхищались. Да если б не я, никто бы в Америке не догадался повязывать носовой платок вокруг рукава.

— Вот как, сэр?

— Клянусь!

Кого другого эти воспоминания захватили бы целиком, но только не Робертса, который остановился на одиннадцатой главе «Песка и страсти» и мечтал к ней вернуться. Он деликатно забрал графин, к которому Джадсон уже было потянулся, и вежливо постарался закончить разговор:

— Я спросил, сэр, и мне сказали, что мистера Веста в последний раз видели, когда он шел к пруду. Возможно, вы захотите его поискать?..

Джадсон встал.

— Вы совершенно правы, — пылко объявил он. — Абсолютно. Я немедленно иду искать старину Билла. Нарочно к нему приехал. Время не ждет. Где пруд?

— Там, сэр… А, вот и мистер Вест, идет по дорожке

— А?

— Мистер Вест, сэр. Идет по дорожке.

И, указав на Билла посетителю, который смотрел куда угодно, только не в нужном направлении, Робертс укрылся в доме. В прихожей он задержатся, чтобы позвонить в местный гараж и пригласить механика, потом вернулся в буфетную и возобновил чтение.

С зеленых берегов Билла прогнало непрошенное появление профессора Эпплби и малолетнего Горация. Он был не в настроении разговаривать, поскольку внезапно осознал, что должен крепко подумать. События в доме мистера Парадена развивались настолько стремительно, что Билл только сейчас понял, в каком оказался тупике. Теперь, по зрелом размышлении, он увидел, что судьба поставила его перед неприятной необходимостью быть, сразу в двух местах. Очевидно, чтоб доказать свою новообретенную страсть к работе, надо немедленно вступить в должность. Так же очевидно, что, немедленно вступив в должность, он не сможет вывезти Джадсона на рыбалку. Если он отправится на рыбалку, что подумает дядя Кули? Опять-таки, если отменить рыбалку, что останется думать Алисе — что он наобещал с три короба и обманул, бросил ее в трудную минуту жизни? Билл шатался под грузом навалившейся проблемы и так ушел в нее, что Джадсону пришлось окликнуть его второй раз.

— Ой, Джадсон, привет! Как тебя сюда занесло?

Он энергично пожал руку основателю Шелкового Клуба с Пятой авеню. С их несколько прохладного разговора его отношение к Джадсону серьезно изменилось. Теперь, когда его брак с Алисой — дело практически решенное, Билл готов был любить и все ее семейство. Его так и распирало от братской нежности, а в глубине сердца шевелилось робкое желание подружиться и с грозным отцом.

Он любовно стиснул Джадсону плечо. Внезапно стало ясно, что гнетущей его проблемы попросту нет. Он ошибался, когда полагал, что может быть какой-то выбор. Сейчас, когда внезапное появление Джадсона, так сказать, усилило кокеровский мотив в ритме его жизни. Билл ясно видел, что перед ним открыт лишь один путь. Он должен хранить верность Алисе Кокер, чего бы это ни стоило и как бы ни повлияло на его финансовое будущее. Рыбалка остается, торжественное вступление в

целлюлозно-бумажную гильдию отменяется.

— Привет. Билл, старина, — сказал Джадсон. — Тебя-то мне и надо. Я, кстати, за тем и приехал. Вмазался тут чуток, — добавил он, указывая на останки автомобиля.

— Боже правый! — Билл похолодел. Подумать только, Ее брат попал в аварию. — Тебя не ранило?

— Не. Тряхнуло немножко. Слушай, Билл, Алиса мне тут рассказала, чего дома творится. Это не треп, насчет рыбалки? Потому что, если треп, мне каюк. Бабуля меня доконает.

— Не беспокойся. — Билл похлопал его по плечу. — Я обещал Алисе, и этого довольно. Все решено. — Билл замялся, покраснел. — Джадсон, старина, — продолжил он дрожащим голосом, — я предложил ей выйти за меня замуж.

— Не поверишь, завтрак каждое утро в полвосьмого, — сказал Джадсон. — А потом весь день вкалывать на ферме.

— За меня замуж, — повторил Билл чуть громче.

— У меня от этих поросят и кур с души воротит, — сообщил Джадсон.

— Я сделал предложение твоей сестре Алисе.

— А еще молебны, псалмы там всякие. Я просто не вынесу, старина, просто не вынесу.

— Она не дала определенного ответа.

— Кто не дал?

— Алиса.

— О чем?

Любовь Билла к семейству Кокеров несколько пошатнулась. Он чувствовал, что по крайней мере некоторые ее члены порой немного раздражают.

— Я попросил твою сестру Алису выйти за меня замуж, — сказал он холодно. — Но твердого обещания она мне не дала.

— Вот и хорошо, — сказал Джадсон. — Значит, ты еще можешь выкрутиться.

При всем своем негодовании — а он смотрел на друга с холодным отвращением, которое, несомненно, задело бы человека более чуткого, — Билл оставался тверд. Пусть у Джадсона меньше чувств, чем у особо бездушного африканского бородавочника, он все равно Алисин брат.

— Жди здесь, — сказал он строго. — Я должен зайти к дяде.

— Зачем?

— Чтобы сказать ему о рыбалке.

— Он что, тоже едет? — испугался Джадсон.

— Он хочет, чтоб я немедленно вышел на работу в его контору. А я должен сказать, что это откладывается.

Билл не застал мистера Парадена в кабинете, но, зная его привычки, уверенно направился в библиотеку. Мистер Параден стоял на высокой лестнице и листал снятый с верхней полки том.

— Дядя Кули.

Мистер Параден воззрился с высоты, поставил книгу на место, слез.

— Я хотел тебя видеть, Уильям, — сказал он. — Садись. Я уже собрался звонить Робертсу, чтобы тебя позвали. — Он опустился в глубокое кресло, так заинтересовавшее недавно маленького Кули. — Я намерен кое-что тебе предложить.

— Я пришел сказать…

— Заткнись! — рявкнул мистер Параден.

Билл смирился. Дядя разглядывал его в упор — похоже, даже с одобрением.

— Интересно, будет от тебя хоть какой-нибудь прок, — сказал он.

— Я…

— Заткнись! — сказал мистер Параден.

Он грозно засопел. Билл пожалел, что не может сообщить суровому дяде ничего утешительного.

— Ты всегда был бездельником, — заключил мистер Параден, — как и все они. Однако, кто знает? Может быть, если дать тебе дело, ты и расшевелишься. Как тебе понравится, если я еще месяца три буду выплачивать тебе содержание?

— Очень, — сказал Билл.

— Учти, его придется отрабатывать.

— Конечно, — согласился Билл. — Как только я вернусь с рыбалки…

— Сам я поехать не могу, — сказал мистер Параден задумчиво, — а послать кого-нибудь надо. Что-то там нечисто.

— Понимаете…

— Заткнись! Не перебивай! Дело обстоит так. Меня не устраивает доход нашего лондонского филиала. Давно не устраивает. Что там творится — не понимаю. Управляющий вроде хваткий. И все-таки доходы падают. Я пошлю тебя в Лондон, Уильям, чтобы ты разобрался.

— В Лондон? — опешил Билл.

— Именно.

— Когда же мне ехать?

— Прямо сейчас.

— Но…

— Ты хочешь спросить, — продолжал мистер Параден, неверно истолковавший колебания своего племянника, — что именно тебе предстоит делать в Лондоне. Что ж, откровенно, я сам не знаю, и не знаю, почему посылаю тебя. Думаю, мне просто хочется проверить, есть ли в тебе хоть капля разума. Я, конечно, не жду, что ты разрешишь загадку, которая вот уже два года ставит Слинсби в тупик…

— Слинсби?

— Уилфрида Слинсби, моего лондонского управляющего. Очень толковый работник. Повторяю, я не жду, что ты с ходу разберешься в проблеме, которая не но зубам Слинсби. Просто мне кажется, что, если ты будешь внимательно смотреть, слушать, попытаешься разобраться в производстве и заинтересуешься управлением, то случайно набредешь на мысль — пусть самую глупую, но такую, что сможет дать Слинсби толчок в нужном направлении.

— Ясно, — сказал Билл. Его способности вывести фирму из затруднений дядя оценил нелестно, но, ничего не попишешь, более или менее верно.

— Это будет для тебя хорошей школой. Встретишься со Слинсби, послушаешь его. Все это тебе пригодится, — добавил мистер Параден со смешком, — когда вернешься сюда и начнешь надписывать конверты.

Билл замялся.

— Я бы с удовольствием, дядя Кули…

— Корабль отходит в субботу.

— Можно мне полчаса подумать?

— Подумать! — Мистер Параден зловеще раздулся. — Это в каком еще смысле подумать? Ты хоть понимаешь, что тебе предлагают, жалкий ты…

— Понимаю, понимаю, только… Разрешите сбегать вниз, переговорить с приятелем?

— Что ты мелешь? — раздраженно спросил мистер Параден. — Зачем вниз? С каким приятелем? Ты бредишь.

Он бы продолжал, но Билл уже оказался у двери. Он снисходительно улыбнулся дяде, словно говоря: «Погодите, все будет, как надо» — и вылетел из комнаты.

— Джадсон, — сказал он, врываясь в прихожую и оглядываясь.

Его друг разговаривал по телефону.

— Минуточку, — сказал Джадсон в трубку. — Это Билл Вест. Я как раз говорю с Алисой, — объяснил он через плечо. — Папа вернулся и согласен отпустить меня на рыбалку.

— Попроси у нее, пусть узнает, не согласился ли он вместо этого отпустить тебя со мной в Лондон, — торопливо сказал Билл. — Дядя отправляет меня немедленно.

— В Лондон? — Джадсон с тоскою покачал головой. — И не мечтай! Дорогой дружище, ты ровным счетом ничего не понял. Вся суть в том, чтобы затолкать меня куда-нибудь, где бы я не мог…

— Попроси ее передать, — лихорадочно приказал Билл, — что я клянусь не давать тебе ни цента денег и ни капли выпивку с самого нашего отъезда. Скажи, что в Лондоне ты будешь со мной в такой же безопасности, как и…

Джадсон не дал ему договорить фразы.

— Гений! — пробормотал Джадсон, и лицо его озарилось безграничной радостью. — Абсолютный гений! Я бы никогда до такого не додумался. — Лицо его вновь омрачилось. — Только боюсь, это все равно не сработает. Отец, понимаешь ли, не дурак. Ладно, попробую.

Он заговорил в трубку, потом расслабился и доложил об успехах.

— Пошла говорить. Однако я сомневаюсь, очень сильно сомневаюсь… Алло? — Он вновь повернулся к телефону и некоторое время слушал. Потом передал трубку Биллу. — Она хочет с тобой поговорить.

Билл взял трубку трясущимися руками.

— Да? — произнес он пылко. «Алло» прозвучало бы слишком грубо.

На другом конце провода зазвенел мелодичный голос Алисы Кокер:

— Кто это?

— Это я. Э… Билл.

— О, мистер Вест, — сказала Алиса. — Я говорила с папой о том, чтобы вам взять Джадсона в Лондон.

— Да?

— Сперва он не соглашался ни в какую, но я объяснила, что вы будете заботиться о Джадди…

— Буду! Обязательно!

— Вы действительно проследите, чтоб у него не было денег?

— Ни цента.

— И выпивки?

— Ни капли.

— Что ж, прекрасно, он может ехать. Спасибо большое, мистер Вест.

Билл попытался в изящных фразах выразить, как рад оказать ей даже самую малую услугу, однако далекий щелчок сообщил ему, что его красноречие пропало бы втуне. Он в волнении положил трубку.

— Ну? — встревоженно осведомился Джадсон.

— Все уладилось.

Джадсон издал короткий восторженный вопль.

— Билл, ты чудо. Как это ты ввернул, что не дашь мне денег! Прямо-таки на полном серьезе! Это все и решило. Вот так с лету и придумал, — сказал Джадсон тоном искреннего восхищения. — Ну и загудим же мы в Лондоне! Всегда мечтал туда попасть. Все эти исторические места, про которые мы читали в английских книжках, — ну, знаешь, ресторан «У Романо», бар «Савой»… Билл, старина, мы так гульнем, что по доброму старому городу только пух полетит.

До сраженного ужасом Билла постепенно дошло, что Кокер-младший видит ситуацию совершенно под другим углом. Как явствовало из его высказываний, непутевый брат божественной Алисы принял недавние обещания Билла за шутку, за военную хитрость. Он задохнулся.

— Ты и вправду думаешь, — произнес он с растяжкой, перебарывая эмоции, — что я обману эту замечательную девушку?

— А то как же! — блаженно взвизгнул Джадсон.

Несколько долгих секунд Билл в упор смотрел на него. Потом, так ни слова и не сказав, зашагал к лестнице — известить мистера Парадена, что поступает в его полное распоряжение.

6

На зеленом лугу, раскинувшемся у пруда, прогуливался с малолетним Горацием профессор Эпплби. Он склонил седую голову, и сторонний наблюдатель заключил бы, что почтенный старец нашептывает юному другу мудрый совет — слова опыта, которые должны направлять его в будущем. Так оно и было.

— Слушай меня, — говорил он, — и запоминай. Я тебя в этот дом пристроил, дальше дело за тобой. Тебя сюда отправили не цветочки нюхать. Чтобы скоро и ловко все обчистил, вот чего мы от тебя ждем, молодой человек.

Мальчик кивнул. Малый пророк продолжал:

— Работать придется, конечно, в доме, но я пришлю Джо Щипача, будет рядом на случай чего. Хотя, если ты не напортачишь, все должно пройти гладко. Ладно, Джо Щипач не помешает. Так что ты его высматривай.

— Ага.

— И не смей лениться только из-за того, что ты в уютном доме, где наверняка хорошо кормят. Это и плохо в тебе. слишком много думаешь о своем брюхе. Позволь тебе, будешь валяться в кресле, набивать рот, а про шайку и думать забудешь. Так каши не сваришь. Помни — мы неподалеку и ждем, чтобы ты быстро управился.

— Ты меня не гони, — возразил Гораций. — Мне, может, несколько недель понадобится. Надо ж дождаться, пока понаедут гости, чтоб собралось много теток с брюликами!

Профессор Эпплбн гневно стиснул седую бороду.

— Тьфу ты, пропасть! — простонал он. — Ты и впрямь такой тупой или только прикидываешься? Разве я не говорил тебе сто раз, что мы сейчас ищем не бриллианты? Какие гости у такого затворника, как старый Параден? Разве я не охрип, повторяя тебе, что нам нужны его книги?

— Я думал, ты шутишь, — взмолился Гораций. — Кому они нужны, книжки эти?

— Если будешь делать, что тебе говорят, и не рассуждать попусту, — сказал профессор Эпплби строго, — может, до чего-нибудь и доберемся. Может, эти книжки не нравятся такой шмакодявке, которая не видит дальше сегодняшнего обеда, но позволь тебе сказать, любая из них потянет на четырехзначную сумму, а то и на пятизначную.

— Правда? — переспросил Гораций с уважением.

— Правда. А тебе всего делов — разнюхать, где хранятся самые лучшие, и смотаться вместе с ними. Ясно?

— Ага.

— Заминок быть не должно, — сказал профессор Эпплби. — Тебе позволят разгуливать повсюду. Все идет, как по маслу. Старик проглотил твои рекомендации вместе с крючком и леской.

— Еще бы ему не проглотить! — с чувством произнес Гораций. — Только вспомнить, сколько я ради них таскался в воскресную школу!

Профессор нахмурился, явно задетый этими словами.

— Гораций, — пожурил он, — не смей так говорить. Не желаю слышать ничего дурного о воскресной школе! Понял, малявка, или объяснить кулаком по башке?

— Понял, — сказал Гораций.

Глава III ФЛИК НАНОСИТ ВИЗИТ

1

Ранняя английская весна чем-то напоминает дружелюбного, но робкого щенка. Она с надеждой делает шаг в вашу сторону, пугается, отпрыгивает назад, крадучись возвращается, наконец обретает уверенность и с радостным визгом бросается на нас. Приятный вечер, выманивший мистера Синклера Хэммонда в сад, сменился чередой отвратительных апрельских дней, когда солнце выглядывает украдкой и пугается первой же возникшей на его пути тучки, а всякого, кто осмелился выйти без зонта, подстерегает холодный душ. Но прошло лишь две недели, и наступило утро, каким не стыдно похвастаться самому июню. С запада дул приятный теплый ветерок, солнце царственно озаряло благодарный мир, и даже Уимблдонский луг, хоть и сохранял некий зловещий налет, присущий местам, где пролетариату позволено во всякое время швыряться бумажными пакетами, заметно повеселел, а уж сад Холли-хауза, через дорогу от луга, преобразился в истинный рай.

По крайней мере, так думала Флик, расхаживая по лужайке. Деревья у степы стояли в зеленом мареве первых листочков; землю фруктового садика усыпало снегом яблоневых лепестков; повсюду кивали головками нарциссы. Бодряще пахла вскопанная земля, воздух звенел разнообразными звуками — от серебряных трелей дрозда в живой изгороди, до далекого контральто миссис Фрэнсис Хэммонд, бравшей в гостиной урок музыки. И таким волшебным был этот день, что даже последнее проявление весенних безумств не могло заглушить во Флик пьянящего восторга.

Она как раз пыталась разобраться в своих чувствах. Почему каждый нерв ее дрожит от восхищенного волнения? Разумеется, не потому, что в четыре тридцать она должна заехать за Родериком в контору, чтобы потом вместе выпить чая у Клариджа. Родерик очень мил, но при всех своих достоинствах не способен вскружить голову никому, даже своей нареченной. Нет, решила она, эта взбудораженность — всего лишь предвкушение чего-то замечательного, посещающее молодых по весне. Мы, седобородые старики, столько раз покупались на лживые посулы апреля, что уже не верим льстивым нашептываниям весеннего утра. Мы

знаем, что ничего замечательного не поджидает нас за углом, а значит — не позволим увлечь себя пустому ожиданию радости. Однако в двадцать один все совсем иначе, и Флик чего-то ждала.

Она остановилась понаблюдать за рыбками в цементном бассейне. Усилившийся ветер морщил водную гладь, и рыбки выглядели отчасти синкопированными. Ветер тем временем все усиливался, он дул уже не с запада, а с востока; весна словно устыдилась своей несдержанности, воздух заметно похолодал. Белые облачка, пробегавшие по челу солнца, начали сгущаться. Флик повернула к дому, чтобы взять шаль. Ей предстояло пройти мимо кабинета мистера Хэммонда в первом этаже; и вот, когда она поравнялась с распахнутым окном, оттуда донесся возглас отчаяния и гнева, на улицу выпорхнули листы бумаги и весело закружились у Флик над головой. В окне появился мистер Хэммонд, взъерошенный, с чернильным пятном на лбу.

— Идиотка горничная, — сказал он, — открыла дверь настежь и подняла сквозняк. Будь умницей, подними.

Флик собрала бумаги и передала в окно. Мистер Хэммонд исчез, и в то же мгновение погода снова переменилась. Ветер улегся, солнце засияло ярче прежнего, и Флик, позабыв о шали, вернулась к своей прогулке. Она как раз вышла на лужайку, когда увидела сиротливую бумажку, ускользнувшую от предыдущих поисков. Та вприпрыжку неслась к бассейну, а следом мчался селихемский терьер Боб. уверенный, видимо, что перед ним — одна из птичек, охоте на которых он посвятил свою жизнь.

Бумажка петляла и уворачивалась, как живая. Она подпустила Боба совсем близко, потом играючи умчалась прочь.

Наконец, поняв, что Боб шутить не намерен, она избрала единственный путь к спасению — нырнула в пруд. Боб с сомнением поглядел на воду, решил, что ну ее, птичку, развернулся и потрусил в кусты. Последний порыв ветра прибил водоплавающую бумажку к листу кувшинки, и Флик, вооружившись граблями, смогла подогнать ее берегу. Она как раз наклонилась поднять листок, когда взгляд ее упал на первые слова:

«Сэр!
В ваших силах спасти человеческую жизнь…»

Флик, воспитанная в уважении к святости чужих писем, дальше читать не стала. Однако сердце ее колотилось, пока она бежала по лужайке к

кабинету мистера Хэммонда.

— Дядя Синклер!

Из-за окна послышалось сдержанно-недовольное восклицание. Мистер Хэммонд мучился над статьей для «Двухнедельного обзора» — «Крэшо[7] и Фрэнсис Томсон[8] — сходство и различие». После завтрака его прерывали уже в третий раз.

— Ну? — Он снова появился в окне и взглянул уже чуть менее сурово. — Это ты, Флик? Шли бы вы отсюда, сударыня, и не мешали взрослым работать. Иди, сплети себе венок из маргариток.

— Дядя, это ужасно важно. — Она протянула письмо. — Я нечаянно прочла первую строчку. Речь идет о человеческой жизни. Я подумала, надо немедленно тебе отдать.

Мистер Хэммонд осторожно пошарил у себя за спиной. В следующее мгновение фланелевая перочистка, описав дугу, угодила между взволнованных глаз племянницы.

— Метко! — похвалил себя мистер Хэммонд. — Будешь знать, как отрывать меня от работы просительными письмами.

— Но…

— Я помню это письмо. Я их получаю пачками. Во всех говорится, что из-под бедной умирающей женщины продадут кровать, если не выслать ей с обратной почтой один фунт семь шиллингов и три пенса, и все написаны мерзкими небритыми мужиками. Если вздумаешь писать просительные письма. Флик, никогда не проси круглую сумму. Никто не даст тебе пять фунтов, но свет полон идиотами. которые встанут на уши, чтобы выслать один фунт три шиллинга или два фунта одиннадцать шиллингов и пять пенсов.

— Откуда ты знаешь, дядя Синклер? — настаивала Флик с чисто женским упорством.

— Потому что я вникал. Как-нибудь на досуге я покажу тебе статистику Общества Милосердия. Она доказывает, что девять десятых просительных писем составлены профессионалами, которые очень неплохо с этого кормятся. А теперь оставь меня, дитя, только сперва верни перочистку. Если я еще раз увижу тебя до ленча, то проучу кочергой.

— А если это и вправду…

— Нет, не вправду.

— Откуда ты знаешь?

— Чутье. Иди, поиграй.

— А можно я его прочту?

— Можешь даже, вставить в рамку. И не забудь про кочергу. Я —

человек отчаянный.

Флик вернулась на лужайку. Она читала на ходу, и солнце, хоть и старалось честно изобразить самый разгар лета, внезапно померкло. Уютный садик пронизало холодом запустения. Хорошо дяде Синклеру так говорить, но разве может он знать наверняка! Она впервые видела просительное письмо и впитывала его с тем мучительным замиранием сердца, на которое так надеется каждый попрошайка, и которое ему так редко удается вызвать у адресата. Флик верила каждому слову и дрожала от горя при мысли, что такое случается на планете, которая еще десять минут казалась безмятежно счастливой.

Письмо было написано безыскусно, но проникновенно. Миссис Матильда Пол из квартиры номер девять, доходный дом Мармонт, Баттерси, приоткрыла занавес в мир, о котором Флик прежде и не подозревала, — мир болезней и отчаяния, невыплаченной квартплаты, рыщущих у дверей волков и домохозяев. Флик ходила и читала, бледнея от сочувствия и ужаса, и удар гонга, сзывающий к ленчу, прозвучал для нее криком насмешливого демона. Ленч! Горячее, сочное мясо… вкусные салаты… фрукты… картошка… хлеба, сколько душе угодно… А миссис Матильда Пол из квартиры номер девять доходного дома Мармонт, Баттерси, так унижена судьбой, что лишь три фунта шестнадцать шиллингов и четыре пенса спасут ее от неминуемой гибели.

И вдруг, словно чей-то голос — возможно, миссис Пол — шепнул Флик в самое ухо, что у нее на втором этаже, в спальне, хранятся всякие безделушки — колечки, ожерелья, брошь…

Она пошла к дому, и на полдороге заметила вельветовый зад садовника Джона. Тот склонился над клумбой — приятный и достойный человек, с которым она в феврале почти подружилась в связи с вопросом о луковицах.

— Тюльпаны, — заметил Джон с некоторой отеческой гордостью, выпрямляясь при звуке ее голоса, — вылезут, оглянуться не успеете, мисс.

Час назад Флик с легким сердцем включилась бы в разговор о тюльпанах. Но не сейчас. Ее живой интерес к тюльпанам растаял, как дым. Письмо миссис Пол вернуло им надлежащее место — среди прочих мелочей жизни.

— Джон, — сказала Флик, — вы когда-нибудь что-нибудь закладывали?

Джон немного напрягся. В прошлом июле его рассказ о загадочном исчезновении секатора не вызвал сомнений, и все, казалось, прошло гладко. Однако в этом мире ни в чем нельзя быть уверенным, потому что

мир полон сплетниками и сплетницами, которым ничего не стоит оговорить честного человека. Чтобы протянуть время, он подтянул вельветовые штаны и тупо уставился на мурлычущий в небе самолет. Он уже готов был обезопасить себя дальше, объявив, что в его детстве таких и в помине не было, однако Флик спасла его от этой необходимости.

— Я прочла в книге, как один человек заложил свои вещи, и заинтересовалась, как это делается.

Джон внутренне вздохнул. Раз вопрос стоит чисто отвлеченно, можно высказаться с полным знанием предмета, что он и сделал. Спустя несколько минут Флик вышла к ленчу знатоком процедуры, которую садовник Джон описывал как «снести в ломбард» или даже «загнать».

Флик не ошиблась: ленч был вкусный и хорошо приготовленный, однако он не встал ей поперек горла и не обернулся пеплом. Она нашла выход.

2

Что-то сродни искрометной радости, которая, несмотря на вторжение миссис Матильды Пол, переполняла Флик в Уимблдонском саду, преобразило в тот день и жизнь Билла Веста, когда тот весело шагал по Пиккадилли — кто в такой день едет в автобусе пли на такси! — к ресторану «У Марио», на встречу с мистером Уилфридом Слинсби, лондонским управляющим Целлюлозно-бумажной компании Парадена, Нью-Йорк. Биллу казалось, что не только погода утратила свою хмурость, но и сама жизнь. Сегодня утром, впервые за две недели, прошедшие с отплытия из Нью-Йорка, Джадсон Кокер вышел из состояния черной подавленности и даже вроде повеселел. Просто удивительно, как налет бодрости преображает тесную меблированную квартирку.

Джадсон, бесспорно, тяжело воспринял дисциплинарные меры. С той поры как пароход «Аквитания» пересек трехмильную зону, он пережил всю гамму чувств от полного неверия» до окаменелого отчаяния. Не успела эта важнейшая граница остаться за кормой «Аквитании», как он предложил Биллу зайти в курительную и принять по маленькой. Отказ поначалу его насмешил. Билл, решил он, всегда был комиком. Это ж надо — ни разу не улыбнулся, выдавая весь этот уморительный фарс про то, что не будет ни денег, ни жидкого довольствия. Однако к середине дня Джадсон пришел к выводу, что шутки шутками, и он не меньше других любит посмеяться, но розыгрыш не должен заходить слишком далеко: а когда Билл наотрез

отказался заказать послеобеденный коктейль, без которого, как известно, пища просто не усваивается, перед Джадсоном замаячила трагедия. С этой минуты тени тюремного двора начали, так сказать, сгущаться вокруг несчастного, и наше нежное перо отказывается рисовать подробности. Довольно сказать, что Джадсон Кокер прибыл в Лондон мрачнее тучи, и лишь частые взгляды на фотографии Алисы помогали Биллу терпеть общество страдальца. Кроме всего прочего, жалобные мольбы дать хоть немного денег растрогали бы и самое черствое сердце; и жизнь в квартире, которую Билл, проведя два дня в дорогих отелях, нанял вместе с мебелью на три месяца, превратилась в сущий кошмар.

Однако сегодня все изменилось. То ли весна сказалась, то ли многострадальная Джадсонова печенка начала поправляться — этого Билл не знал, — но факт остается фактом: трезвенник немного ожил. Дважды Билл замечал на его губах блуждающую улыбку, а за завтраком, впервые за тринадцать дней, Джадсон рассмеялся. Коротким, грустным, хриплым смешком — и, чтобы вызвать его, кухарке (она же прачка) пришлось запнуться о ковер и вылить пинту кофе Биллу на брюки, — но все же рассмеялся; что вселяет надежду. Дела, похоже, начали выправляться.

Ленч с мистером Слинсби явился итогом одного визита в контору и двух телефонных разговоров. Мистер Слинсби, возможно, и допустил снижение прибыли, но сложа руки явно не сидел. Он твердо помнил, что время — деньги, и лишь сегодня, спустя пять дней после того, как Билл у него побывал, выкроил минутку для основательного разговора.

Еще при первой встрече мистер Слинсби заметно подавил Билла. За те несколько минут, что управляющий смог уделить общему разговору, сама его личность произвела на Билла сильнейшее впечатление. Уилфрид Слинсби принадлежал к тем ярким, свежим, щеголеватым мужчинам от сорока до пятидесяти, которые всегда выглядят так, будто только побрились и через несколько часов должны будут бриться снова. Синеватые щеки отлично оттеняли сверкающую улыбку.

Сверкающая улыбка встретила Билла и в прихожей ресторана. Мистер Слинсби бросился вперед, протягивая руку. излучая расторопность и доброжелательность, и вновь Билл почувствовал, что столкнулся с незаурядной личностью. Рядом с мистером Слинсби он ощущал себя ребенком — хуже, ребенком с плоскостопием и без одной лобной доли.

Мистер Слинсби провел Билла в зал, к заказанному ранее столику, сел сам, пригласил сесть Билла, поправил галстук и подозвал официанта. И сразу стало ясно — это один из тех властных людей, которые не

церемонятся с официантами. Он обратился к официанту строго и повелительно. Он прикрикнул на официанта. Он орал на официанта, пока не появился другой, а первый не исчез неведомо куда. Оставалось лишь думать, что наутро из Темзы выловят труп в смокинге и с алым пятном на груди. Изгнанный мистером Слинсби с глаз долой явно глубоко переживал свой позор.

— Да, сэр? — поспешно сказал второй официант. Он был при блокноте и карандаше, которые отсутствовали у первого. Вообще, чем больше думаешь, те больше уверяешься, что первый официант был вовсе и не официант в истинном и глубоком значении этого слова, но создание низшего разряда, чья миссия закончена, когда он подышал вам в затылок и поставил на стол тарелку с рогаликами. Новый был выкован из более прочного металла, и мистер Слинсби, распознав родственную душу, сменил гнев на милость. Он даже снизошел до того, чтобы спросить у официанта совета. Короче, к тому времени, когда заказ был сделан и появились hors d'oeuvres,[9] за столом воцарился дух искренней сердечности, а мистер Слинсби настолько смягчился, что рассказал анекдот про ирландца. Под рыбу он уже непринужденно беседовал.

— Вы, значит, племянник нашего главного? — сказал мистер Слинсби. — Могучий старикан. Чем вы занимались с приезда?

Билл поделился скромной летописью своей первой недели в Лондоне, упомянул Джадсона, назвал два мюзикла, на которые успел сходить.

— Так вы видели «Девушку в розовой пижаме»? — заинтересовался мистер Слинсби. — И как вам? Стоит везти ее в Нью-Йорк? Понимаете, я — совладелец этого шоу.

Билл окончательно почувствовал себя существом низшего сорта. В отличие от Джадсона, он был чужд театральному миру, и совладельцы шоу казались ему фигурами значительными.

— Вот как? — сказал он.

— Да, — небрежно отвечал мистер Слинсби. — Я частенько в этом участвую. — Он дружески кивнул проходящему щеголю. — Ренфрю, — пояснил он. — Играет главную роль в мьюзикле «Флирт доводит до добра». Обязательно посмотрите. Хороший спектакль. Жалко, я не вошел в долю, когда мне предлагали. Либретто не приглянулось. Да, бывает, и ошибешься.

Билл растерялся. Управляющий лондонским филиалом крупнейшей американской фирмы на удивление мало интересовался бумагой и целлюлозой. Он уже подумывал, что разгадка упавшего дохода куда проще, чем это видится дяде Кули. Что-то вроде неприязни к блестящему

собеседнику шевельнулось в его душе. Мистер Слинсби подавлял его своей личностью, а Билл не любил, когда его давят. И какое право, с досадой спрашивал себя Билл, имеют некоторые подавлять других, если некоторые не способны управлять прекрасным производством, чтобы то давало прибыль? Он критически взглянул на мистера Слинсби. Да, он ему не нравился. И если этот прохвост настойчиво пытается произвести на него впечатление своими мерзкими театральными прожектами и своими подлыми театральными друзьями, он рискует услышать в точности, куда ему следует идти.

Вот что, решил Билл, нечего откладывать, этот прохвост расскажет ему все прямо сейчас. Да, он у него в гостях, ест его hors d'oeuvres и мясо — но поскольку расходы наверняка будут отнесены на счет фирмы, церемониться нечего.

— Дядя Кули, — сказал он, немного грубо меняя тему, поскольку мистер Слинсби только что принялся рассуждать, заметив прошедшую мимо привлекательную особу, о хористках, их нравах, и том, что человек, заинтересованный театром финансово, всегда имеет возможность насладиться их приятным обществом. — Дядя Кули, — сказал Билл холодно, окончательно уверившись, что его антипатия переросла в явное отвращение, — просил меня, пока я здесь, выяснить, почему лондонский филиал не приносит прежнего дохода. Он очень встревожен.

Последовало молчание. Холодный деловой тон ошеломил мистера Слинсби. Он выглядел изумленным, оскорбленным, недоумевающим, обиженным, огорошенным и задетым за живое.

— Что?! — вскричал он голосом человека, которому лучший друг вонзил в спину кинжал. С четверть часа он обхаживал Билла, и вот вам результат. Уилфрид Слинсби был потрясен. Однако он взял себя в руки. Он рассмеялся. Он рассмеялся нехорошим смехом.

— Не приносит прежнего дохода? — сказал он, осуждающе глядя на Билла, не скрывая, что недавний товарищ застолья упал в его глазах до уровня первого официанта. — Если вы спросите меня, я скажу. Пусть ваш дядя радуется, что есть хоть какой-то доход. Да мало кто на моем месте мог бы так хорошо свести дебет с кредитом. Мало кто, поверьте. — Он мрачно взглянул на Билла. — Вы, разумеется, досконально знаете целлюлозно-бумажное производство?

— Нет, — коротко отвечал Билл. Именно такого вопроса следовало ожидать. Горький стыд за попусту растраченную юность наполнял Билла. Если б он посвятил эти потерянные часы изучению бумаги и целлюлозы — есть ли что-нибудь увлекательнее на пороге жизни? — он бы сейчас

потягался с мистером Слинсби. Атак, похоже, мистер Слинсби положит его на обе лопатки.

Он не ошибся. Мистер Слинсби тут же положил его на обе лопатки.

— Ах, — сказал он высокомерно, — в таком случае мне вряд ли есть смысл входить в частности. Ладно, попробую объяснить на пальцах.

В представлении мистера Слинсби объяснить на пальцах значило высыпать на Билла кучу терминов вроде условий труда, обменного курса и экономической целесообразности, так что после первых же десяти слов тот начал задыхаться, словно выброшенная на берег рыба. Ни одна деревяшка на фабрике мистера Парадена не превращалась в целлюлозу так тщательно и основательно, как Билл по прошествии пятнадцати минут. А когда мистер Слинсби перевел дыхание и собрался начать главу вторую, Билл дрогнул. Он понимал, что отступает в беспорядке, бросая поле боя противнику, но деваться было некуда. Он взглянул на часы, пробормотал извинения и встал. Ободренный победой, мистер Слинсби вновь превратился в саму сердечность.

— Пора идти? — спросил он. — Я тоже, наверное, двинусь.

Он потребовал счет, размашисто подмахнул, бросил на тарелку серебряную монету, царственно кивнул растроганному официанту и первым вышел в дверь.

— Нам по дороге?

— Я собираюсь домой. Мне надо написать несколько писем.

— А почему не в клуб?

— Я не состою ни в одном из лондонских клубов.

— Надеюсь, вы хорошо устроились. Если вздумаете переехать, сошлитесь на меня в «Регале», вам все сделают.

— Я снял квартиру на три месяца, — сказал Билл, решивший никогда и ни при каких обстоятельствах не ссылаться на мистера Слинсби.

— А где?

— В Баттерси. Доходный дом Мармонт.

Мистер Слинсби изогнул черную бровь.

— Баттерси? Как вас угораздило забраться в такую дыру?

— Там дешевле, — сквозь зубы процедил Билл.

— Такси! — вскричал мистер Слинсби, не желая углубляться в эту постыдную тему. И он укатил, словно римский император на церемониальной колеснице.

Так странно устроен человек, что именно это неприкрытое презрение к его скромному обиталищу окончательно скрепило Биллову неприязнь.

Заносчивость промышленного воротилы, театральная похвальба, целлюлозно-бумажная лекция — все это еще можно было бы снести. С трудом, но проглотить. Последнее оскорбление — никогда. Самый взятый в наем, самый что ни на есть меблированный дом — всегда дом, и гордому человеку обидно, если всякие синие подбородки начинают его хулить. К тому времени, когда Билл вставлял ключ в замок квартиры номер девять доходного дома Мармонт, он достиг той степени злобной взвинченности, которую способны исцелить лишь сигара и домашний халат. Он снял пиджак, воротничок, галстук и ботинки; зажег трубку и расположился на диване в гостиной. Его одолело глубокое раздумье.

— Чертов пустозвон! Снова раздумье.

— Он-то во всем и виноват. Снова глубокое раздумье.

— Я уверен, что он — мошенник. И буду за ним приглядывать.

Билл все еще обдумывал свое непреклонное решение, когда в дверь позвонили. Он неохотно поднялся, уверенный, что это Джадсон снова забыл ключ, прошел по коридору и открыл дверь.

Это был не Джадсон. Это была девушка.

3

Последовало молчание. Молодой человек, воспитанный в традиционных взглядах на одежду, всегда теряется, если выйдет встречать приятеля, не удосужась надеть пиджак, воротничок пли ботинки, и столкнется нос к носу с незнакомой девушкой, к тому же — исключительно хорошенькой. Мы знаем, что Билл любил Алису Кокер, однако зрения он не утратил и потому был способен заметить, насколько девушка хороша. Девушки, разумеется, делятся на две категории — Алиса Кокер и все остальные, но невозможно скрыть, что эта занимала среди всех остальных весьма заметное положение. Она была стройная, белокурая, к ее складной фигурке очень шло платье из какой-то коричневой материи. Строго говоря, оно было бежевое, но Билл в таких тонкостях не разбирался. Он больше смотрел на глаза. Они были голубые-голубые и казались необыкновенно широкими. Девушка смотрела на Билла, да еще как, с недоверчивым ужасом, будто он ударил ее в самое больное место.

Билл покраснел и попытался спрятать ноги под коврик. В торговых рядах Барлингтона его носки выглядели великолепно, но сейчас он охотно прикрыл бы ярко-зеленые и розовые полоски. Билл мрачно размышлял, как опрометчиво поступает молодой человек, когда в этом полном

внезапностей мире средь бела дня снимает ботинки. Таким образом, в первые минуты он не сделал ничего, чтоб завязать оживленный разговор. Девушка заговорила первой.

— Господи! — вскричала она.

Билл чувствовал, что дела идут все хуже и хуже.

— Ведь это же, — продолжала она, моргая огромными голубыми глазами, — мистер Вест?

Вдобавок к прочим неловкостям Билл почувствовал, что покрывается холодным потом. Мало того, что он вышел к этой исключительно хорошенькой девушке босым, беспиджачным, безворотничковым и, как он теперь видел, дыряво-носочным: мало этого, она его помнит, а он ее напрочь забыл. Если бы он просто запамятовал имя и мучительно силился приклеить ярлык к знакомому лицу. Так нет, он ее не узнал, у него не возникло даже проблеска.

— Вы меня забыли!

— Забыл вас?! — стойко отвечал Билл, чувствуя, как кто-то могучий ворочает в его желудке колом. — Конечно, нет! Забыть вас! — Он металлически рассмеялся. — Тоже скажете! Просто… просто у меня ужасная память на имена.

— Фелисия Шеридан.

Билл понял, что становится серым.

— Фелисия Шеридан, — сказал он. — Шеридан. Ну конечно.

— Учитывая, что вы спасли мне жизнь, — сказала Флик, — мне было бы обидно, если б вы забыли меня совсем.

Одно из преимуществ героических поступков в том, что они легко вспоминаются. Билл, к счастью, лишь однажды спас чужую жизнь. Ему сразу и заметно полегчало.

— Силы небесные, ну конечно! — вскричал он. Теперь был его черед впиться глазами в ее лицо.

— Вы так изменились, — сказал он.

— Правда?

— А то! — захлебнулся Билл. — Последний раз я видел вас тощей девчонкой — одни ноги да веснушки… я хотел сказать… — Он сдался. — Может, зайдем?

Они вошли в гостиную. Билл поспешно сунул ноги в бесстыдно лежащие у дивана ботинки и лихорадочно начал пристегивать воротничок. Это заняло время, и потому Флик, деликатно смотревшая в другую сторону, успела разглядеть комнату. При этом ей трудно было не заметить фотографии мисс Алисы Кокер. Если полдюжины и ускользнули от ее

взгляда, то остальные шесть были на виду.

Что-то вроде тени пробежало по ее лицу. Она уговаривала себя быть разумной. Вряд ли можно было ждать, чтобы такой замечательный молодой человек за пять лет не угодил в чьи-нибудь сети. К тому же, они встречались всего раз десять, и она была, как он только что сказал, тощей девчонкой, ноги да веснушки. Более того, она обручена с достойным молодым человеком, которого — да, да — очень и очень любит. И все равно по лицу ее пробежала тень.

Билл тем временем, обувшись и прикрыв наготу, успел задуматься о цели ее прихода, но так ничего и не смог предположить.

— Наверное, — сказала в эту минуту Флик, — вы гадаете, как я здесь оказалась. Боюсь, я ошиблась дверью. Полисмен на углу сказал мне, что это доходный дом Мармонт.

— Он самый.

— Доходный дом Мармонт, Баттерси?

— Доходный дом Мармонт, Баттерси.

— Номер девять?

— Номер девять.

— Тогда кто тут, — спросила Флик, — миссис Матильда Пол?

Билл ничего не понял.

— Миссис Кто?

— Пол. Миссис Матильда Пол. Билл покачал головой.

— Никогда о такой не слышал.

— Но она здесь живет.

Билл с негодованием отмел любые сомнения в холостяцкой добропорядочности своего скромного жилища.

— Она дала этот адрес в письме, — сказала Флик, роясь в сумочке. — Смотрите. Это пришло моему дяде сегодня утром.

Билл с изумлением взял письмо и начал читать. Изумление росло. И вдруг на глазах у Флик в его лице произошла разительная перемена. Оно расплылось в одной огромной улыбке; в следующее мгновение Билл обессиленно рухнул на диван, приник к нему, как к другу, и расхохотался.

— Это Джадсон, — простонал он, глядя в удивленные глаза и читая в них просьбу хоть как-то объяснить свое странное поведение.

— Джадсон?

Билл широким жестом указал на фотографии.

— Мой сосед по квартире. Джадсон Кокер. Брат девушки, с которой я помолвлен.

— Ох! — сказала Флик.

Она говорила натянуто. Необъяснимые существа — женщины. С чего бы ей говорить натянуто? Она помолвлена с достойным человеком, которого очень, очень любит, и сейчас собирается заехать за ним, чтобы вместе выпить чаю у Клариджа. Какое ей дело, если малознакомый Билл Вест тоже помолвлен? И все же она говорила натянуто.

Билл утирал глаза.

— Я привез Джадсона из Америки. Он немного злоупотреблял спиртным, и меня приставили к нему вроде как нянькой. Денег ему не дают, так вот он что удумал! А я смотрю, он в последние день-два повеселел. Ничего себе! Я от него ждал чего угодно, но просительные письма — это что-то новенькое.

Флик тоже рассмеялась, но сухо. Приятно ли своенравной девушке слышать, что она ошибалась, а старшие были правы?

— Жаль, я не знала раньше, — сказала она. — Я заложила брошку, чтоб достать денег для миссис Матильды Пол.

Билл был тронут. В нем еще оставался большой запас нерастраченного смеха, но он счел за лучшее его придержать.

— Какая вы добрая! Не оставляйте их Джадсону.

— Не буду! А если вам захочется огреть своего друга чем-нибудь твердым и тяжелым, не отказывайте себе, я не обижусь. Хотела бы я это видеть!

— А что? Останьтесь. Он скоро вернется.

— Спасибо, не могу. Мне надо через полчаса быть на Флит-стрит. До свидания, мистер Вест. Правда, удивительная встреча? Как ваш дядя?

— Прекрасно. А ваш?

— Спасибо, замечательно.

Убедившись, что оба дядюшки благополучно здравствуют, молодые люди, видимо, исчерпали темы для разговора. Флик шагнула к двери.

— Я спущусь и посажу вас в такси, — сказал Билл.

— О, не беспокойтесь. — сказала Флик. — Погода такая прекрасная, я пройдусь пешком до Слоан-сквер.

Билл подумал, что мог бы ее проводить. Однако пароход отходит сегодня, а он еще не дописал второе за неделю письмо Алисе Кокер. Алиса — в первую очередь.

— Тогда до свидания, — сказал он. — Надеюсь, мы скоро увидимся?

— Надеюсь. До свидания.

Закрыв входную дверь, Билл внезапно вспомнил, что забыл спросить ее адрес. С минуту он колебался, не броситься ли ему вдогонку. Нет… Надо закончить письмо. Он вернулся в гостиную.

Флик шла по солнечной улице с чувством, что жизнь, такая многообещающая сегодня утром, в сущности очень, очень скучна. И, странное дело — но женщины вообще странные — она поймала себя на том, что злится на Родерика.

4

Билл закончил письмо — прочел, перечел еще раз, заклеил, налепил марку и надписал адрес, — когда в двери повернулся ключ и вошел Джадсон Кокер.

— Есть письма… э… кому-нибудь? — спросил он.

Вынужденная трезвость пошла Джадсону на пользу. Лицо его утратило прежнюю нездоровую бледность, а щеки прямо-таки порозовели. Более того, глазам вернулся незамутненный блеск, исчезла привычка моргать и дергать шеей. Однако в противовес этим материальным улучшениям приходится отметить и совершенно новую для него серьезность. Джадсон держался как человек, взглянувший на жизнь и увидевший, что она не задалась.

— Ты уже второй день спрашиваешь про письма, — сказал Билл.

— А что тут такого? — отвечал Джадсон с вызовом. — Почему мне нельзя ждать писем?

— В любом случае, их нет, — сказал Билл. — Наберись терпения, дружите. Не все отвечают с обратной почтой.

Джадсон вздрогнул. Недавний румянец сбежал с его щек. Он облизнул губы.

— О чем ты?

— Я считаю, это свинство, — сказал Билл с жаром. — Если у тебя воспаление легких, просрочена квартплата и три дня не было во рту ни крошки, почему мистер Пол не возьмется за дело и не заработает тебе па жизнь?

Джадсон вытаращил глаза. Сквозь застилающее их марево он увидел, что его друг непристойно покатывается со смеху.

— Как ты узнал? — с трудом выговорил он.

Билл немного успокоился и выпрямился на диване, чувствуя слабость во всем теле. С отъезда из Америки он несколько раз жалел, что взял с собой Джадсона, но теперешнее лицо друга искупало все.

— Сейчас приходила девушка, — сказал он. — Ее так растрогало твое письмо, что она заложила брошь и принесла тебе денег.

Джадсон встрепенулся.

— Где они? — спросил он жадно.

— Кто?

— Деньги, которые принесла девушка. — Лицо его приняло холодное выражение. — Вряд ли надо напоминать. Вест, — сказал Джадсон сухо, — что деньги эти — мои. По праву. Так что, если ты их прикарманил, будь добр вернуть.

— Боже, ты думаешь, я их взял?! Как только я понял, кто написал письмо, я велел ей забрать деньги обратно.

Джадсон попытался взглядом стереть Билла в порошок.

— И это называется друг! — сказал он и повернулся к двери.

Билл, нимало не пристыженный этими словами, встал и пошел за Джадсоном в коридор. Он хотел выяснить некоторые озадачившие его детали.

— Как тебе в голову пришло? — спросил он у Джадсона, который уже открывал дверь. — Я бы никогда не додумался.

— Отец вечно получает просительные письма, — холодно отвечал Джадсон. — Я подумал, почему бы и мне не попробовать.

— А почему ты выбрал именно мисс Шеридан?

— Я не писал никакой мисс Шеридан. Наверное, у нее есть дядя или кто-то еще на букву «Х». Я писал всем Ха из «Кто есть кто».

— Почему Ха?

— Книга на ней открылась.

Он гордо вырвал у Билла рукав своего пиджака и стал спускаться по лестнице. Билл перегнулся через перила, по-прежнему недоумевая. Ему вспомнилась еще одна загадочная сторона дела.

— Секундочку, — крикнул он. — Где ты взял денег на марки?

— Заложил золотой карандаш.

— У тебя не было золотого карандаша.

— У тебя был, — сказал Джадсон и выскочил на улицу.

Глава IV ХЛОПОТЫ ДЖАДСОНА КОКЕРА

1

Джадсон Кокер не отличался подвижностью и не любил спешки. В конце улицы принца Уэльского он обернулся и, убедившись, что его не преследуют, перешел на шаг. Ленивой походкой он свернул на Кингс-род и вскоре оказался на мосту Челси. Здесь он решил остановиться. Джадсону Кокеру предстоял серьезный труд. Он намеревался пересчитав деньги.

Вынув их из кармана, он разложил на левой ладони три маленькие стопочки. Да, вот они, столько же, сколько сегодня утром, вчера и третьего дня: тринадцать шиллингов, два шестипенсовика и пять монеток достоинством в один пенс.

С моста Челси открывается прекрасный вид, но Джадсон не смотрел на Лондон. Самый упоительный городской пейзаж не мог тягаться со зрелищем, какое являла его ладонь. Тринадцать шиллингов, два шестипенсовика и пять монеток достоинством в один пенс — целое состояние. Почтовые расходы съели заметную часть выручки от продажи карандаша, но Джадсон не жалел. Он отлично знал: если не вложишь, то не получишь прибыли. Он еще полюбовался своим сокровищем, ссыпал его в карман и пошел дальше.

Исследователи человеческой натуры, наблюдающие за Джадсоном Кокером с его появления на этих страницах, дойдя досюда, возможно, обвинят летописца в ошибке — не может, такого быть, чтобы два дня назад Джадсон Кокер имел тринадцать шиллингов, два шестипенсовика и пять монеток по пенни, а сегодня — тринадцать шиллингов, два шестипенсовика и пять монеток по пенни. Так они скажут, и поторопятся с выводами. Они недостаточно вникли в его характер. Джадсон — не из тех мотов, которые тратят шестипенсовик здесь, пенни — там, пока не пустят на ветер весь капитал. Он намеревался, как это ни сложно, терпеть, а затем вложить все в один грандиозный кутеж, воспоминания о котором грели бы его в последующие худые дни.

Он шел, наслаждаясь блаженными муками растущей с каждым шагом жажды. Позади остались казармы и уютные домики нижней Слоан-стрит, где живут счастливые обладатели отдельных квартир. Ушей его коснулся деловитый рев несущихся машин. Их сладостный пеан возвещал, что

Джадсон близок к вожделенной гавани, куда стремилась его душа — Кингс-род, от края до края застроенной отличнейшими пивными, практически по одной на каждого жителя.

Прекрасный образчик такого рода заведений вознес гостеприимный фасад почти перед Джадсоном, и тот уже готовился юркнуть в дверь, словно кролик в родную норку, когда внезапно путь ему преградили железные ворота с замком.

Покуда он стоял и с робким изумлением трогал неожиданное препятствие, рядом остановился потрепанного вида господин в сюртуке, фланелевых штанах, розовой крикетной шапочке и рваных войлочных шлепанцах, причем из правого стыдливо выглядывал большой палец. К нему Джадсон и обратился с просьбой разъяснить причину постигшей его беды. Прохожий, судя по виду, должен был знать о пивных все.

— Не могу войти, — простонал Джадсон. Бродяга хрипло прочистил горло.

— До полседьмого закрыто, — отвечал он. Дивясь, как это посреди Лондона, в сердце цивилизованного мира, стоит на улице человек и не знает такого фундаментального жизненного факта, он принялся подыскивать хоть какое-то объяснение.

— Нездешний, что ли? — предположил он. Джадсон признался, что это так.

— Иностранец, что ли?

— Да.

— Из Австралии, что ли?

— Из Америки.

— А! — кивнул бродяга и мастерски сплюнул. — Слыхал, у вас такой закон, чтобы ни-ни, даже если вот столечко.

Джадсон Кокер собирался отвести чудовищный поклеп на родную страну, перечислив места в Нью-Йорке, где (а) всякому нальют; где (б) особо избранным нальют, если на него, Джадсона, сослаться, но тут собеседник удалился, оставив страждущего в пустыне.

Джадсона окутал зловещий мрак. Засухе не виделось конца и края. Половина седьмого казалась недостижимой, она терялась где-то в тумане грядущего. Мысль, что придется ждать так долго, давила, словно лондонский смог. Внезапно решив, что, коли уж ждать, легче будет скоротать время в Вест-энде, он дошел до станции подземки на Слоан-сквер, купил билет до Чаринг-кросса и спустился на платформу.

Когда он шел по лестнице, поезд только что тронулся. Джадсон, скучая, подошел к газетной стойке — не сыщется ли чего-нибудь

любопытного. Взгляд его привлекла глянцевая обложка «Светских сплетен». О лондонских еженедельниках Джадсон не знал ничего, однако название казалось многообещающим. Он расстался еще с двумя пенсами. Подошел поезд. Джадсон сел и зашуршал страницами.

Два пенса окупились сполна. Возможно, Джадсона не увлек бы «Церковный вестник» или «Обозреватель», но «Светские сплетни» писались словно нарочно для него. Как ни старался малодушный Родерик выхолостить этот выпуск, молодой Пилбем не подкачал и теперь. Статья «Порок в храме» изобиловала сочными подробностями, вполне щекочущей была и заметка «Ночные клубы — сущий ад». Джадсону немного получшало.

И вдруг его затрясло, как будто он коснулся оголенного провода, как будто его ударили палкой по голове. Сердце остановилось, волосы зашелестели, с перекошенных губ сорвался крик, заставивший других пассажиров обернуться. Но Джадсон не видел устремленных на него глаз. Его взор прикопала заметка на шестой странице.

Заметкой этой Пилбем не особо гордился. Когда Родерик накануне сдачи в печать выбросил из номера статью про букмекеров, на полосе образовалась дыра, и Пилбему пришлось срочно копаться в архивах. Итог его трудов был озаглавлен «Развращенные юнцы» и повествовал о возмутительных нравах американской золотой молодежи. Абзац, сразивший Джадсона Кокера, гласил:

> «Можно упомянуть и о так называемом Шелковом Клубе на Пятой авеню, чьи члены взяли за правило в воскресенье утром дефилировать по упомянутой улице в шелковых шляпах, шелковых носках, шелковых пижамах и под шелковыми зонтиками. Клуб основал и возглавляет знаменитый Тодди ван Риттер, признанный вожак и заводила этих молодых бездельников».

Джадсон трясся, как в лихорадке. Даже наутро после встречи Нового года ему не бывало так худо. Величайший из подвигов, который, он перил, увековечит его имя. шедевр изобретательной выдумки приписан другому, и кому — Тодди ван Риттеру, его робкому последователю и подражателю! Нет. стерпеть это невозможно. Джадсон чувствовал, что падает в зияющую черноту.

«Знаменитый Тодди ван Риттер» (Ха!), «признанный вожак и

заводила» (Ха-ха!). Чудовищно. Чудовищно. Эти газетчики не думают, что пишут.

Поезд пыхтел, увозя взбешенного Джадсона на запад. Требовалось немедленно совершить что-то великое. За оскорбление надо мстить, и мстить грозно. Но что делать? Что делать?

Он думал было подать иск о клевете. Но для этого нужны деньги. Да и где уверенность, что правосудие свершится, добродетель — восторжествует? Оставалось одно: разыскать издателя и потребовать немедленных извинений, а также опровержения в одном из ближайших выпусков.

Джадсон просмотрел всю газету, но имени издателя не нашел. Выяснилось лишь, что лживый листок выпускает компания «Мамонт», расположенная по адресу Тилбери-хауз, Тилбери-стрит, Е.К., Уэлл. С этого можно было начать.

Поезд остановился. Джадсон сошел, холодный, как сталь, и преисполненный решимости. Его праведный гнев еще усугубила мелочность служителей лондонской подземки, которые требуют дополнительной платы от человека, в задумчивости проехавшего несколько лишних остановок. Бросив пенни и убийственный взгляд впридачу, Джадсон вышел на улицу и спросил, как быстрее добраться до Тилбери-хауза.

2

Выйдя в Блекфрайерсе, а не у Чаринг-кросса, Джадсон, сам того не ведая, сократил себе путь. Полисмен рядом со станцией ответил, что до Тилбери-хауза рукой подать. Джадсон пошел в указанном направлении и вскоре оказался в грязном проулке перед большим бесформенным зданием из тусклого кирпича. Грохот печатных станков наводил на мысль, что он у цели, это подтверждало и благоухание типографской краски, мужественно спорящее с запахом вареной капусты, которым почему-то пропитаны все лондонские задворки. Тем не менее Джадсон решил удостовериться и обратился к швейцару.

— Это Тилбери-хауз? — спросил он.

— У-у, — отвечал швейцар, мрачный человеке кислой физиономией, желтушным цветом глаз и редкими усами. Казалось, его грызет тайная тоска, и вид Джадсона Кокера растравляет ее еще больше.

— Здесь печатают «Светские сплетни»?

— У-у.
— Я хочу видеть издателя.
Швейцар попытался одолеть свою меланхолию.
— Мистера Пайка?
— Я не знаю, как его зовут.
— Если вам издателя «Светских сплетен», то это мистер Пайк. Вот бланк, пишите, как вас зовут и что вам надо.
Бюрократическая проволочка разозлила Джадсона. Дух Тилбери-хауза проник и в него, ему хотелось Сделать Это Сейчас. Он, сопя, вписал свое имя. Из ниоткуда возник мальчик в блестящих пуговицах, в его взгляде Джадсону померещилась скрытая насмешка. Мальчик ему не нравился. Все говорило, что он участвует в заговоре, чья цель — приписать Тодди ван Риттеру чужие заслуги.
— Отнеси мистеру Пайку, — величественно сказал Джадсон.
— Джентльмен хочет видеть мистера Пайка, — пояснил швейцар, словно растолковывая невнятные бормотания иностранца.
Мальчик взглянул на бланк с видом школьного учителя, говорящего «Посмотрим, посмотрим, что вы тут накалякали».
— Вы не указали, зачем пришли, — подозрительно сказал он.
Не хватало только, чтобы мальчики в пуговицах критиковали его труды. Джадсон не сказал ни слова, только грозно взмахнул палкой. Мальчик привычно увернулся, издал обидный клич и убежал. Швейцар взял со стола вечернюю газету.
— Придется вам подождать.
Он развернул страницу «Скачки» и углубился в чтение.

На третьем этаже, в редакции «Светских сплетен», Родерик, подобно швейцару, терзался глухой скорбью. Он тоскливо глядел, как молодой Пилбем весело и бодро строчит следующий выпуск. Родерик чувствовал, что его заперли в комнате с безумцем, а тот беспечно жонглирует брусочками динамита. Вердикт высшего суда развязал Пилбему руки, теперь никто не мешал младшему редактору «Светских сплетен» творить скандальную газету по своему разумению; и от избранных мест, которые он время от времени зачитывал, Родерика всякий раз бросало в холодный пот. Бедняга явственно видел, что самая безобидная из этих заметок неизбежно повлечет визит взбешенных граждан с пистолетами. Потом он вспоминал короткие, но выразительные обещания мистера Айзека Пули, и сердце его уходило в пятки.
Родерик частенько посещал скачки и знал о Парнях все. Они рыщут по

миру бандами, вооруженные до зубов. Кастеты и мешочки с песком для них то же, что для обычного мужчины галстук, — вещь, без которой невозможно показаться на улице. Они подстерегают неугодных и забивают сапогами. Короче, если есть мыслящие существа, чьим мнением должен дорожить человек, пекущийся о благе своей страховой компании, то это — Парни. А Пилбем из кожи вон лезет, чтобы задеть их за живое.

Родерик мысленно застонал и рассеянно обернулся, чтобы принять у вошедшего мальчика бланк.

— Что это? — спросил он, не сводя глаз с Пилбема, который в углу комнаты стучал на пишущей машинке. Тот, видимо, написал удачную фразу, потому что по-детски счастливо хрюкнул. Родерику же слышались раскаты адского смеха. Он разрывался между желанием узнать, что именно написал его помощник, и крепнущим чувством, что лучше бы этого не знать.

— К вам джентльмен, сэр.

Родерик с усилием оторвал глаза от вдохновенного очеркиста и взглянул на бланк. Как и мальчик, он первым делом заметил пропущенную графу.

— Он не пишет, зачем пришел.

— Он не стал говорить, чего ему надо, — упоенно сообщил мальчик. Он внутренне ликовал, предвкушая острые ощущения.

Что-то подобное представилось и Родерику.

— А почему? — с беспокойством спросил он.

— Не знаю, сэр. Не стал, и все тут. Я ему говорю: «Вы не написали, зачем пришли», а он вместо ответа хрясь меня палкой.

— Хрясь тебя палкой… — упавшим голосом повторил Родерик.

— Хрясь меня палкой! — радостно подтвердил мальчик. — Не знаю, какая муха его укусила, сэр, только он весь трясется от злости.

Родерик побледнел.

— Скажи, что я занят.

— Заняты, сэр? Да, сэр. Хорошо, сэр.

Малыш исчез. Родерик осел в кресло и уставился перед собой невидящими глазами. Машинка по-прежнему стрекотала, но Родерик ее не слышал. Гром грянул. Мститель явился. Родерик не знал, какой именно из газетных абзацев навлек на него беду, но не сомневался, что это может быть почти любой. Страшный сон обернулся явью.

Родерик Пайк, как легко заключить со слов его тети Фрэнсис, не родился героем. Она совершенно справедливо убеждала сэра Джорджа, что его сын — робкое и слабое существо. Один издатель, выпускающий рупор

общественного мнения, призванный угождать литературным вкусам обитателей золотого прииска на Диком Западе, сидел в своем кабинете, когда пуля пробила окно и расплющилась о стену над его головой. Лицо газетчика озарилось счастливой улыбкой. «Ну вот! — вскричал он. — Что я говорил! Колонка «Личное» пользуется успехом!» Родерик Пайк был полной противоположностью этому смельчаку. Он любил тишину и шарахался от жизни в бурных ее проявлениях. Кто-нибудь другой обрадовался бы, узнав, что к нему идет разъяренный незнакомец, который лупит палкой направо и налево; другой — но не Родерик. Он обмяк в кресле, ни жив и ни мертв от страха.

Полуобморочное состояние не прошло и с приездом Флик, которую ему предстояло поить в ресторане чаем.

3

Как ни явственно опечален был Родерик, Фелисия этого не заметила. Она целиком ушла в себя. Что-то случилось после расставания с Биллом, и выражалось оно в некоем смутном недовольстве и одновременно странной задумчивости. Она машинально поздоровалась с Родериком, машинально кивнула Пилбему. когда их знакомили. Пилбем, записной дамский угодник, при ее появлении бросил печатать и учтиво встал. Редкое событие в Тилбери-хаузе проходило мимо Пилбема, и помолвка Родерика не была для него новостью. Значит, это — племянница босса. Восхитительная девушка, Родерик такой не заслужил. Пилбем галантно поклонился, с улыбкой произнес пару комплиментов и открыл дверь. Молодые вышли. Пилбем вздохнул и вернулся к машинке. Точно. Родерик такой не заслужил. Пилбем невысоко ставил своего ближайшего начальника.

Родерик вместе с Фелисией спустился на первый этаж. Он пел ее тайными закоулками, избегая парадной лестницы и вестибюля, где дежурил швейцар. Конечно, он надеялся, что грозный посетитель ушел, поверив в его занятость, но предпочитал не испытывать судьбу. Они вышли через незаметную дверь чуть дальше по улице; пугливо оглядевшись, Родерик с облегчением увидел, что опасность миновала. Если не считать обычной местной фауны, представленной чумазыми типографскими грузчиками, Тилбери-стрит была пуста. Немного успокоившись, Родерик продолжил путь.

Надо же было случиться, что в эту самую минуту швейцар дочитал

про бега и вышел глотнуть свежего воздуха; а Джадсон, устав ждать и убедившись, что крепость охраняется надежно, решил отправиться домой. Они вышли почти одновременно; Джадсон отставал от швейцара на какой-то шаг, когда последний, завидев Родерика, преисполнился рвения (а может, надежды на скромные чаевые), козырнул и произнес роковые слова:

— Вызвать такси, мистер Пайк?

Джадсон замер, как вкопанный.

— Нет, давай лучше прогуляемся по набережной, — сказала Флик. — И зайдем не к Клариджу, а в «Савой». Погода чудесная.

Швейцар огорчился (хотя чего ждать от этой юдоли слез!) и шагнул обратно в дверь. Фелисия и Родерик свернули к набережной. А Джадсон, оправившись от столбняка, устремился в погоню. Немедленно путь ему преградил огромный грузовик, который подъехал и остановился у входа. Рабочие принялись таскать рулоны с бумагой. Пока Джадсон огибал препятствие, жертва скрылась.

Однако Джадсон слышал слово «набережная» и умел делать выводы. Он поспешил к реке, и здесь, за остановившимся у тротуара такси увидел своего обидчика. Тот, видимо, убеждал спутницу ехать на машине, она же уговаривала пройтись. Джадсон рванул вперед.

— Вы издаете «Светские сплетни»? — прогремел он. Родерик повернулся на месте. Ему показалось, что он слышит архангельскую трубу. Он стоял спиной и не видел Джадсона, пока тот не заговорил; можно сердобольно предположить, что эта-то внезапность его и подкосила. Без оправданий, без каких-то смягчающих обстоятельств нам не обойтись, потому что при звуке этих слов Родерик распался. Сказалась роковая пугливость, горестное наследие бедняжки Люси. Он затравленно взглянул на Джадсона и, отбросив всякую рыцарственность в безумной жажде самосохранения, вскочил в такси, зашипел на ухо водителю и унесся прочь, словно троянский герой, исхищенный с поля боя чудесным облаком.

Его бегство повергло и Джадсона, и Флик во вполне понятное изумление. Джадсон оправился первым. С гневным кличем он кинулся вослед удаляющемуся такси.

Несколько мгновений Флик стояла неподвижно, провожая глазами бегущего Джадсона. Щеки ее залил густой румянец, в лазурных глазах блеснула зловещая сталь. Тут с востока показалось другое такси. Флик замахала рукой, села в машину и укатила.

Подожди Флик еще минуту, она бы увидела, как вернулся Джадсон. Даже молодым и подвижным студентом Гарварда он не блистал в спорте, сейчас же его спринтерский дух иссякал на первых двадцати ярдах. Ради особого случая он пробежал пятьдесят, но потом ноги и легкие восстали против подобного надругательства, и Джадсон поневоле сдался.

Сдался? Ну нет! Ноги еще несли его к ограде парка, чтобы было куда прислониться, а в голове уже созрел план. Как только (если когда-нибудь) он отдышится, он пойдет к Тилбери-хаузу и кое-что выяснит. Сказано — сделано.

Когда он добрался до знакомого вестибюля, швейцар еще дышал свежим воздухом. На его месте сидел мальчик в пуговицах — не тот, с которым Джадсон недавно повздорил, а другой, куда более приветливый с виду. К нему-то Джадсон и обратился.

— Эй! — сказал Джадсон.

— Сэр? — учтиво отвечал отрок. Джадсон пригнулся и понизил голос:

— Мне нужен домашний адрес мистера Пайка. Мальчик покачал головой, и в его лице проступила незаметная прежде суровость.

— Нам запрещено давать домашние адреса.

Джадсон надеялся, что его не вынудят пойти на последнюю крайность, но, увы, другого выхода не оставалось. Он молча полез в карман, молча вынул шиллинг и шестипенсовик.

Малыш дрогнул.

— Это против правил, — сказал он, жадно глядя на деньги.

Джадсон не проронил ни слова, только в задумчивости позвенел монетками. Юный страж волновался все больше.

— А зачем вам адрес? — произнес он дрожащим голосом.

Джадсон рассчитанным движением уронил шиллинг, подождал, пока тот прокатится по кругу, подхватил и снова звякнул им о шестипенсовик. Мальчик был не железный: он на цыпочках подошел к лестнице, прислушался, потом, крадучись, вернулся к Джадсону и зашептал ему что-то на ухо.

Деньги перешли из рук в руки, и Джадсон отправился дальше.

5

Было почти половина восьмого, когда Флик вернулась в Холли-хауз. Она доехала на такси до отеля «Савой» и долго сидела там, кусая ручку и глядя в никуда. Наконец он вырвала из блокнота лист, черкнула несколько

строк, не перечитывая, заклеила письмо и оставила его у швейцара. Потом, в странном воодушевлении, вышла из гостиницы и села на подземку до Уимблдона. Настроена она была решительно, но спокойно. Она шла по аллее к дому, а сердце ее распевало ликующую песнь, грозную и пьянящую, как сама весна.

В холле она столкнулась с миссис Хэммонд — та как раз выходила из гостиной.

— Как ты поздно, Фелисия. Быстро переодевайся. Ужин в восемь. Дядя Джордж и Родерик вот-вот приедут.

Этого Флик не ожидала.

— Как, приедут?

— Неужели он тебе не сказал? — удивилась миссис Хэммонд. — Мы еще утром договорились по телефону. У твоего дяди это единственный свободный вечер, завтра он едет в Париж и останется на неделю. Придут Бэгшотты и еще несколько гостей. Очень странно, что Родерик тебя не предупредил.

— Мы расстались впопыхах, — отвечала Флик. — Думаю, он бы предупредил, если б не отвлекся.

— Бедный Родерик! Такой занятой! — сказала миссис Хэммонд. — И как наш дорогой мальчик?

— Очень прыток.

— Прыток? — Миссис Хэммонд вытаращила глаза. — Что ты имеешь в виду?

Флик остановилась перед лестницей.

— Тетя Фрэнсис, — сказала она, — я кое-что должна вам сообщить. Я не выйду за Родерика. Я написала ему, что разрываю помолвку.

Глава V НОЧНЫЕ СОБЫТИЯ В ХОЛЛИ-ХАУЗЕ

1

Пока в штаб-квартире издательства «Мамонт», что на Тилбери-стрит, разворачивались волнующие события, Билл Вест предавался мрачным раздумьям на балконе доходного дома Мармонт в Баттерси. Сюда он сбежал от фотографий Алисы Кокер. Карточки смотрели с немой укоризной, и Билл не знал, куда деть глаза. Джадсон исчез, Билл не исполнил опекунского долга, и двенадцать фотографий, словно двенадцать ангелов-обвинителей, упрекали его в недосмотре.

«Почему, — вопрошали они, — ты забыл свой долг? Я доверила тебе брата. Почему ты не прибил его тапочкой? Как позволил уйти?»

Отвечать было нечего. Обладай Билл хоть каплей рассудка, он бы выбрал единственно возможный путь: спрыгнул бы Джадсону на плечи, пусть даже с высоты двух лестничных пролетов, но не позволил несчастному пьянице скрыться в огромном городе с деньгами в кармане. Кто теперь скажет, когда и в каком состоянии воротится блудный наследник Кокеров?

Балкончики на улице принца Уэльского замечательные. С их высоты можно видеть деревья в парке Баттерси и. если настроение позволяет, любоваться нежной зеленью и молодыми листочками. Видна и сама улица. Так вышло, что, едва начали сгущаться сумерки и внизу затеплились желтые фонари, Билл приметил на мостовой знакомую фигуру, бредущую к входу в доходный дом Мармонт.

Сперва он не поверил своим глазам. Это не Джадсон. Джадсон в милях отсюда, где-нибудь в Вест-энде, заливает коктейлем двухнедельную жажду. Но вот прохожий оказался под фонарем. Сомнений больше не оставалось. Джадсон. Он вошел в дом. Билл ринулся к двери и еще на бегу услышал, как друг, пыхтя, преодолевает лестницу. Квартира была на пятом этаже без лифта; на оба обстоятельства Джадсон часто и красноречиво сетовал. Сейчас он появился, отдуваясь, и некоторое время не слышал обращенных к нему упреков.

— Э? — спросил он, немного придя в себя.

— Я сказал: «Явился-таки!», — отвечал Билл, выбрав самое мягкое из своих замечаний.

Джадсон проследовал в гостиную, плюхнулся на диван и, как до него Билл, принялся стягивать ботинки.

— Гвоздь, что ли, — пояснил он.

— Ну, хорош! — сказал Билл, возобновляя атаку. Джадсон не обнаружил и тени раскаяния.

— Между прочим, — дерзко отвечал он, — я трезв, как стеклышко. Сперва выяснилось, что в этой чертовой стране заведения открываются в полночь или вроде того. Так что сначала я не нашел, где выпить. А потом мне было некогда.

— Некогда выпить?! — изумился Билл.

В полном ошеломлении он пошел за другом, который встал с дивана и направился в спальню, где немедленно отыскал другие ботинки, видимо, без гвоздя.

— Некогда выпить? — повторил Билл.

— Ну, недосуг, — сказал Джадсон, плеснул в таз воды, смыл с лица и рук дорожную грязь, подошел к зеркалу и провел щеткой по волосам. — Билл, старина, у меня случился неприятный день.

— Сколько у тебя было с собой денег?

— Не будем о деньгах, — отмахнулся от невежливого вопроса Джадсон. — Лучше послушай про неприятный день. — Он закурил и вернулся в гостиную. — Я сюда только на минутку, — сказал он. — Через секунду убегаю.

Билл деланно рассмеялся.

— Убегает он!

— Ничего не поделаешь, надо, — сказал Джадсон. — Затронута моя честь. Я должен отыскать этого типа и восстановить справедливость.

— Упаси тебя Бог, — сказал Билл, начиная сомневаться, что друг его так трезв, как утверждает. У Джадсона блестели глаза, и весь он был какой-то странный. — По справедливости ты давно бы сидел за решеткой.

Джадсон в задумчивости выпустил дым. Он, похоже, не слышал обидного замечания.

— Очень неприятный день. Билл, старина, ты когда-нибудь читал «Светские сплетни»?

— Нет. А что?

— Только то, — отвечал Джадсон, — что в ней написано, будто Шелковый Клуб на Пятой авеню основал Тодди ван Риттер. Тодди ван Риттер! — С его губ сорвался леденящий смешок. — Ты не хуже меня знаешь, что бедняге Тодди и в миллион лет до такого не додуматься. Вот в этой моей головенке зародилась идея основать клуб, и я не позволю

дурачить целую Англию. Тодди ван Риттер! — фыркнул Джадсон. — Нет, подумай! Тодди! — Сигарета обожгла ему пальцы, он бросил окурок в камин. — Я прочел этот бред в подземке, отправился прямиком туда, где печатают грязный листок, и спросил издателя. Кошка знала, чье мясо съела, потому что он отказался меня принять. Я подкараулил его на улице, но он вскочил в такси и думал, что скрылся. Только не на такого напал! — продолжал Джадсон с мрачным смешком. — Не наступил еще день, чтоб поганый щелкопер безнаказанно надо мной смеялся. Я раздобыл его домашний адрес. Сейчас иду к нему, пусть извиняется и в следующем же номере печатает опровержение.

— Никуда ты не пойдешь.

— Пойду, и еще как.

Билл попытался воззвать к разуму.

— Ну что такого, если он написал, что клуб основал Тодди?

— Что такого? — У Джадсона округлились глаза. Он смотрел на друга, словно сомневался в его умственной полноценности. — Что такого?! Ты думаешь, я уступлю другому европейскую славу? Будь ты Маркони. и напиши кто, что не ты изобрел радио, ты бы опустил? Ладно, некогда мне рассиживаться. Пока.

Шесть фотографий умоляюще глядели с камина. Три на этажерке, две на столе и одна на полочке у двери заглядывали в глаза и говорили: «Прояви твердость».

— Где живет этот твой светский сплетник? — спросил Билл.

— Дом пять, особняк Лиддердейл, Слоан-сквер, — без запинки отвечал Джадсон. Ему даже не понадобилось свериться с клочком конверта в нагрудном кармане, ибо адрес врезался в его сердце. — Я отправляюсь к нему немедленно.

— Никуда ты не отправляешься, — сказал Билл, — без меня. Что, по-твоему, — он задохнулся, — что, по-твоему, скажет она, если я позволю тебе бегать по Лондону и нарываться на неприятности?

Джадсон взглянул, куда указывал Билл, по остался совершенно бесчувственным. Мало кто из братьев способен умилиться на фотографию сестры: Однако, не тронутый мыслями об Алисе и ее тревогах, он впервые обнаружил что-то вроде благоразумия.

— Ты хорошо придумал пойти со мной, — согласился он. — Вдруг этот тип — буйный. Тогда ты будешь его держать, пока я навешаю пендалей. С такими людишками иначе нельзя. Они другого обращения не понимают.

Билл не разделял столь суровых взглядов.

— Никаких пендалей, — сказал он твердо. — И вообще, не встревай. Я все беру на себя. В таких делах главное — спокойствие и ясный ум. Усвой с самого начала — этим занимаюсь я. Ты стоишь в сторонке, я разговариваю. И чтоб без рук!

— Если он первый не полезет. А полезет, — продолжал Джадсон, — мы сплотимся в боевые ряды, сомнем его и выпустим мерзавцу кишки.

— С какой стати ему лезть? Надо думать, он охотно исправит ошибку.

— Пусть только не исправит! — мрачно сказал Джадсон.

2

Упади на крышу Холли-хауза большая бомба и взорвись она на ковре в гостиной, среди обитателей случился бы некоторый переполох, но уж не больше того, какой вызвало заявление Флик. Сэр Джордж, прибывший в роскошном лимузине через несколько секунд после несчастья, поспел аккурат к заседанию, созванному его сестрой для расследования причин трагедии.

— Она отказывается что-либо объяснять! — в десятый раз стенала миссис Хэммонд. Впервые за свою образцовую жизнь великая женщина растерялась. С обычной бедой она бы как-нибудь справилась, но эта сломила даже ее. И что хуже всего — гром грянул с ясного неба. Ничто не предвещало грозы. Вскоре после двух Флик вышла из дома, окончательно и бесповоротно помолвленная с Родериком, в половине седьмого она вернулась, сверкая глазами, свободная от всяких сердечных обязательств. Вот и все, что было известно, потому что, как повторяла в одиннадцатый раз миссис Хэммонд, Флик отказалась что-либо объяснять. Случилось не, просто ужасное, но и загадочное; быть может, сильнее всего миссис Хэммонд досадовала, что ее не посвятили в тайну. Она бушевала, не в силах ничего исправить, и, когда дворецкий Уэйс (с тем сдержанным трагизмом, каким дворецкие знаменуют разлад в семье) впустил сэра Джорджа, второй раз за последние три минуты срывалась на несчастного Синклера.

После второй просьбы ради всего святого не говорить глупостей, Синклер Хэммонд устранился от обсуждения. Обыкновенно его непросто было вывести из себя, если, конечно, не отрывать от работы и не приписывать Базию Секунду чувств, выраженных в действительности Аристидом из Смирны. Однако сегодня раздражение носилось в воздухе; Синклер Хэммонд обиженно ушел в уголок и углубился в первое издание

«Стихов на шотландском диалекте» Роберта Бернса, отпечатанное Джоном Вилсоном, Килмарнок, 1786, неразрезанное, в старинной синей обложке. О его чувствах можно судить по тому, что даже книга не вполне их пересилила.

Сэр Джордж с ходу включился в разговор. Поначалу он был таким же встревоженным и беспомощным, однако именно он первым указал на драматическое следствие — бедный Родерик еще не получил рокового письма и с минуты на минуту приедет в полном неведении о случившемся. Как (вопрошал сэр Джордж) поведать ему новость?

Вопрос породил целую череду новых. Как (срывающимся голосом спрашивала миссис Хэммонд) утаить скандал от полудюжины именитых уимблдонцев. которые званы нарочно, чтоб видеть будущую счастливую чету? Придут Уилкинсоны из Вересковой Поляны. Бинг-Жервуазы из Башен. Черешневый Приют делегировал полковника и миссис Бэгшотт. Как объяснить сливкам общества отсутствие Флик?

— Отсутствие Флик? — изумился сэр Джордж. — Это как — отсутствие Флик?

— Она отказывается спуститься к ужину!

— Скажи, что у нее болит голова, — посоветовал мистер Хэммонд, поднимая глаза от Бернса.

— Помолчи, Синклер! — взмолилась страдалица-жена.

Мистер Хэммонд вернулся к чтению. Сэр Джордж, чьи лицо и манеры постепенно обретали напряженную серьезность, которая всякий раз напоминала служащим Тилбери-хауза о заспиртованной лягушке, надул щеки.

— Отказывается спускаться к ужину! Смех, да и только! Я с ней поговорю. Немедленно пошли за ней.

— Что толку посылать! — простонала миссис Хэммонд. — Она заперлась в спальне и не выходит.

— Где ее комната?

— Вторая дверь налево после первого пролета. Что ты хочешь, Джордж?

Сэр Джордж обернулся на пороге.

— Я Поговорю С Ней, — объявил он.

Прошло три или четыре минуты. В гостиной висела тяжелая тишина. Миссис Хэммонд застыла в кресле. Селихемский терьер Боб дремал на коврике. Мистер Хэммонд отложил Бернса, встал, открыл стеклянную дверь в сад и остался стоять, глядя в теплую ночь. Сад спал под звездами, в траве шелестел ветер. Покой, всюду покой, кроме этого злополучного

дома. Доносящиеся сверху глухие раскаты возвещали, что сэр Джордж все еще Говорит С Ней.

Раскаты смолкли. На лестнице послышались шаги. Показался сэр Джордж. Лицо его было багровым, дыхание — несколько затрудненным.

— Девчонка взбесилась, — коротко объявил он. — Делать нечего, надо как-то выкручиваться перед гостями. Скажи, что у нее болит голова.

— Превосходная мысль, — с жаром подхватила миссис Хэммонд. — Так мы и скажем.

— Полковник и миссис Бэгшотт, — объявил дворецкий Уэйс. Его чуть выкаченные глаза обвели собравшихся. В них сквозило почтительное участие. «Сделайте что-нибудь, — говорили они. — Я бессилен!»

3

Такси остановилось у дверей особняка Лиддердэйл, что на Слоан-сквер. Билл Вест вышел из машины и заговорил в окошко.

— Сиди здесь, — сказал Билл. — Я поднимусь и поговорю.

Джадсон взглянул с сомнением.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Дело не из простых. Ты уверен, что справишься?

— Если не будешь путаться под ногами, я в две минуты все улажу, — твердо сказал Билл.

Он чувствовал необычные спокойствие и уверенность. Не очень ловко идти к незнакомому человеку и просить об одолжении, но Билл не смущался. Он предвидел забавный разговор. Только на втором или третьем этаже, когда лифтер спросил, куда ему надо. Билл вспомнил, что забыл узнать у Джадсона имя издателя. Он попросил спустить его на первый этаж. Лифтер, сочтя, очевидно, что перед ним любитель покататься на дармовщинку, соответственным образом выразил свое недовольство. Из дома Билл вышел уже не таким бодрым, каким вошел.

— Ну? — с жаром спросил Джадсон, высовываясь из машины, словно кукушка из часов. — Что он сказал?

— Я его не видел, — объяснил Билл. — Не догадался спросить тебя, как его зовут.

— Слушай, — встревоженно начал Джадсон, окончательно теряя веру в своего посла. — Ты уверен, что справишься? Может, лучше я?

— Сиди и не рыпайся, — отозвался Билл. Все его спокойствие улетучилось.

— Он, чую я, что ты напортачишь.

— Не дури. Как его зовут?

— Пайк. Но…

— Пайк. Отлично. Это все, что я хотел знать.

Он снова зашел в лифт и доехал до третьего этажа, только чтобы столкнуться со следующей неудачей. Человек суеверный понял бы, что знамения неблагоприятны и затею пора бросать. Слуга, открывший Биллу дверь, сообщил, что мистер Пайк вышел.

— Минуту назад, сэр.

— Но я сейчас поднимался, — возразил Билл. — Почему мы не встретились?

— Наверное, мистер Пайк спустился по лестнице, сэр. Это звучало правдоподобно. Так или иначе, издатель ушел. Билл, не желая снова беспокоить лифтера, тоже спустился по лестнице и, выйдя на улицу, обнаружил Джадсона в состоянии, близком к горячечному. Джадсон приплясывал на мостовой.

— Говорил я, что ты напортачишь! — вскричал он. — Тип улизнул минуту назад. Пытался сесть в мое такси!

— Пытался сесть в твое такси?

— Да. Думал, оно свободно. Заглянул внутрь, увидел меня, побелел, как смерть, и… — Джадсон оборвал свою речь и указал рукой. — Смотри! Быстрее! Вот он садится в другое такси! В машину! Прыгай, бол вал!

История, начинавшаяся так размеренно и толково, приняла неожиданный оборот. Билл растерялся. Когда Джадсон рывком втащил его в такси, он перестал что-либо понимать. А когда Джадсон перегнулся через него и бросил в окошко водителю фразу, знакомую всем по детективным романам: «Гони вон за той машиной», затея окончательно превратилась в кошмарный сон.

Одно дело — зайти к незнакомому человеку и вежливо попросить, чтобы тот исправил нечаянную оплошность в газете, и совсем другое — преследовать его по городу на такси. Билл, как всякий нормальный человек, не любил сцен и чувствовал, что гонка непременно закончится сценой самого безобразного свойства. Джадсон уже принялся хрипло бормотать угрозы в адрес человека, чье такси стремительно летело по направлению к Слоан-сквер. Джадсон не сомневался, что тип подкуплен Тодди ван Риттером; иначе с чего бы ему отпрыгивать на десять футов при каждой их встрече. За всем этим явно проглядывала весьма неблаговидная подоплека. Джадсон кипел благородным гневом и даже пообещал, поймав негодяя, начистить ему рыло.

Время шло, и Биллу начало казаться, что человек в такси телепатически уловил эти намерения. Во всяком случае, он мчался все дальше и дальше, и теория, что он едет к кому-то обедать, представлялась все менее вероятной. Кто ездит обедать в такую даль? Такси уже вырулило на Фулем-род и явно не собиралось останавливаться. Вот позади остался мост Путни; машины, урча, взбирались на Патни-хилл, а объект все не сбавлял скорость. Даже Биллу пришлось с неохотой отказаться от банального объяснения, будто Пайк просто едет обедать. Создавалось впечатление, что он мчится к побережью, чтобы броситься в море.

Приписывая Родерику этот странный каприз, Билл и Джадсон ошибались. Да, заглянув в машину и увидев там давешнего таинственного незнакомца, Родерик перепугался до полусмерти, но успокоился, едва сел в другое такси. Ему и в голову не приходило, что за ним гонятся. У Холли-хауза он расплатился с водителем и позвонил в дверь, даже не оглянувшись. Пока он ждал, чтобы Уэйс отворил дверь, хруст гравия за спиной заставил его повернуть голову. О ужас! По аллее ехало такси. В первую минуту Родерик еще надеялся, что это мирное такси, доставившее к тете Фрэнси приличного гостя, но надежда умерла при виде разгоряченного Джадсона, который в азарте высунул голову из окошка. Родерик в отчаянии нажал на кнопку звонка. Он ждал Уэйса, как герцог Веллингтон в другую отчаянную минуту дожидался Блюхера.

Такси остановилось. Из одной дверцы выскочил Джадсон, из другой — Билл. У Родерика остекленели глаза. Он снова нажал на звонок.

Как ни странно, доконал его именно Билл; а ведь Билл-то горел духом чистейшего пацифизма. Он так резво выпрыгнул из такси, чтобы опередить Джадсона и не допустить рукоприкладства, о котором тот всю дорогу твердил. Билл — разумный, хладнокровный, здравомыслящий — намеревался воспрепятствовать насилию. Но Родерику он показался самым ужасным за этот ужасный день.

Джадсон тоже напугал Родерика, но в Джадсоне была одна утешительная черта, его явная хилость, отсутствие бицепсов и трицепсов. С Джадсоном можно было бы в крайнем случае потягаться. Другое дело — Билл. Правый полузащитник гарвардской футбольной команды должен отвечать некоторым требованиям. Тут мало обаяния или доброго нрава — нужны литые ноги, туловище, как шкаф, и борцовские плечи. Всеми этими качествами Билл обладал. Прибавьте рост пять футов одиннадцать дюймов и девяносто три фунта живого веса — неудивительно, что Родерик без колебаний отвел ему роль главного исполнителя в предстоящей сцене убийства.

В итоге, когда Уэйс открыл дверь, а Билл как раз добежал до ступеней. Родерик посчитал, что остается одно — дорого продать свою жизнь. Он в отчаянии размахнулся палкой и со всей силы опустил ее на голову преследователю. Билл от неожиданности покачнулся и упал; подбежавший Джадсон споткнулся о Билла, а Родерик, воспользовавшись замешательством, юркнул в дом и захлопнул за собой дверь.

Мало что может так действенно изменить разумный, хладнокровный, здравомыслящий взгляд на мир, как резкий удар тяжелой палкой по голове. Ужас придал Родерику сил, а поскольку Билл на бегу потерял шляпу, ничто не смягчило удара. Довольно долго он сидел, ошарашенно глядя на дорожку, а когда наконец встал, его настроение было уже в корне иным. От недавнего миролюбия не осталось и следа. Ему хотелось бить и крушить. Глаза застилал багровый туман.

Вид бестолково скачущего Джадсона привел Билла в бешенство. Он был в том состоянии, когда люди, обыкновенно терпимые к ближним, загораются внезапной ненавистью ко всякому, кто окажется рядом. Он страшно зыркнул глазами.

— Иди сядь в машину, — процедил он сквозь зубы.

— Но послушай, Билл, старина…

— Иди! Я сам разберусь.

— Что ты намерен делать?

Билл давил на кнопку звонка. Каких-то несколько часов назад жизнь лежала перед ним, полная множества увлекательных начинаний. Он собирался разбогатеть, жениться на Алисе Кокер, разоблачить Уилфрида Слайнсби. Теперь все эти радужные видения померкли, осталась одна-единственная цель: попасть в дом, отыскать того, кто ударил его палкой по голове и пинками вышибить ему позвоночник. В таком вот угаре древние викинги превращались в берсерков, а современные малайцы впадают в амок и колют сограждан длинными ножами. Как многие крупные люди, Билл Вест отличался добродушием. Его не так легко было обидеть. Однако стукните его ни за что ни про что палкой по голове, и вам придется пожалеть. Он продолжал давить на кнопку звонка.

— Я намерен поговорить с этим типом по душам, — мрачно отвечал он.

Джадсон чувствовал себя ребенком, который беспечно играл в ножички рядом с водохранилищем и вдруг обнаружил, что сделал дырку в плотине. Он выпустил на волю страсти, которых сам и испугался. Сколько бы он ни грозился отдубасить продажного Родерика, у него и в мыслях не

было действительно прибегнуть к насилию. Джадсон отлично знал, что не уйдет дальше слов. Однако в программе Билла слова явно не значились. Джадсон в ужасе смотрел, как Билл скалит зубы, сверкает глазами, а по лбу у него стекает струйка крови. Что делать, Джадсон не знал. Бледный, на ватных ногах, он вернулся в такси. И тут дверь отворилась.

Дворецкого Уэйса рассердил настойчивый трезвон. Он вышел с намерением сделать выговор. Однако составленная в голове фраза так и не облеклась в слова. Что-то огромное и твердое оттолкнуло Уэйса; обернувшись, он увидел, что верзила без шляпы бежит через холл к гостиной.

— Эй! — слабо выговорил дворецкий.

Верзила словно не слышал. Он на мгновение остановился, видимо, не зная, куда идти, потом ринулся на голоса. Его пальцы сомкнулись на дверной ручке.

— Эй! — повторил дворецкий. — Стойте! Билл не остановился. Он ворвался в гостиную.

Она была полна нарядно одетыми мужчинами и женщинами в ожидании пиршества. Мистер Уилкинсон из Вересковой Поляны беседовал с миссис Хэммонд о погоде; миссис Бинг-Жервуаз из Башен рассказывала хозяину дома о новых спектаклях. Полковник Бэгшотт пил херес и развлекал миссис Уилкинсон отчетом о последней стычке в местном совете. Сэр Джордж и мистер Бинг-Жервуаз говорили о политике. Родерик одиноко стоял у открытой дверь в сад.

В это утонченное собрание и ворвался рыщущим волком Билл. Родерик вместе со всеми обернулся на звук открываемой двери, увидел взбешенное лицо и принял единственно верное решение. В четвертый раз за сегодня ему приходилось бежать от необоримой силы, и все его дневное проворство померкло перед теперешним стремительным рывком. Он пулей вылетел в сад, на полмгновения опередив Билла.

4

Молодость требует чуткого обращения. В жизни самой смирной и послушной девушки бывают минуты, когда лишь понимание и такт могут отвратить несчастье; а с тех пор, как Флик Шеридан выпалила оглушительную новость, ее близкие обнаруживали что угодно, кроме такта и понимания. Ах, как неправа была миссис Хэммонд, когда в своем вечном стремлении оттеснить мужа от решения житейских проблем, в грубой

форме воспрепятствовала добродушному Синклеру подняться и поговорить с племянницей. Таким образом она устранила единственного человека, которого заупрямившаяся Флик выслушала бы спокойно. Вместе тихой беседы с дядей Синклером Флик пришлось выдержать сражение с тетей Фрэнсис. Из него она вышла непобежденной, но заметно вымотанной; а вслед за тем сэр Джордж произнес свою короткую речь перед закрытой дверью. В то время, когда две машины, одна с Родериком, другая с Биллом и Джадсоном, взбирались на Путни-хилл, Флик сидела на кровати и думала о будущем.

Оно не сулило ничего хорошего, особенно для смелой девушки, которая, как Флик, привыкла сама распоряжаться своей жизнью. Впереди маячили громкие ссоры, оскорбленное молчание и вечная обида. Вечная, если только Флик не пойдет на попятный и не согласится выйти за Родерика. Выйти за Родерика! При этой мысли Флик клацнула зубами и мятежно заморгала. Никогда! Она любит Билла Веста. Дядя Синклер подтрунивал над юношескими увлечениями, но сегодняшняя удивительная встреча с Биллом доказала, что это не повод для шуток. Это — суровая и мучительная правда жизни.

О, разумеется, она понимала, как глупо любить Билла. Знала, что он без ума от этой большеглазой американской кошки, что до Флик ему дела нет, но это ничего не меняет. Раз она не может выйти за Билла, она не выйдет не за кого. А особенно — за Родерика, который прыгает в такси и бросает невесту на милость людей, изумляющих сходством с эрдельтерьерами.

Она непроизвольно вскинула голову. В этом движении была дерзкая решимость. Флик уже поняла, что сделает. В следующую минуту она рылась в сумочке, ища деньги, добытые сегодня утром для спасения гибнущей миссис Матильды Пол. Еще через мгновение груда хрустящих бумажек лежала на кровати. Зрелище это придавало отваги. Если бы Флик заколебалась, ее укрепил бы вид денег. Ей казалось, что это целый капитал, как раз такой, на который бережливая девушка сумеет прожить неопределенно долго. А если в далеком будущем состояние проестся, она всегда сможет продать остальные драгоценности. Флик больше не колебалась.

Она обошла шкафы, перерыла ящики; вытащила из-под кровати чемодан. Довольно долго она выбирала и укладывала самое необходимое, потом черкнула карандашом записку и приколола к подушечке для булавок. Затем она сдернула с кровати простыню, завязала узлами, приладила на спинку кровати, подтащила кровать к окну и успела

распахнуть раму, когда из сада донесся внезапный гомон. Тихую ночь разорвали крики и хруст ломаемых кустов.

Флик с интересом перегнулась через подоконник. Если есть в мире уголок, свободный от тревог и перемен, то это — аристократическая часть Уимблдона, где в цепочке больших особняков по периметру луга Богатство и Добропорядочность вкушают сон, оградясь от остального мира. За пять лет жизни в Холли-хаузе Флик не видела ничего, что хоть как-нибудь тянуло на Драму. И вот, если слух ее не обманывает, Драма разгуливает посередь ночи неприкрыто, словно в оживленном районе Москвы. Темные фигуры носились по газону и орали до хрипоты. Флик различала басистый лай полковника Бэгшотта из Черешневого Приюта и тявканье мистера Бинг-Жервуаза из Башен. Дядя Джордж рычал, чтоб немедленно вызвали полисмена.

Всё это было так увлекательно, что Флик позабыла про свои беды. Она высунулась еще дальше, досадуя, что почти весь сад закрывает крыша пристройки прямо под окном. Несколько минут назад она благодарила неведомых строителей, устроивших эту крышу словно нарочно для побега; сейчас она готова была их убить. Дух Юности требовал не упустить и малейшей подробности, потому что это здорово; и Флик изводилась при мысли, что упускает почти все.

Крики делались громче. Мечущиеся фигуры продолжали метаться. И вдруг по саду раскатился оглушительный всплеск. Даже наблюдатель, чей кругозор ограничивался пристройкой, мог понять, что этот звук означает; Флик истолковала его безошибочно. Кто-то упал в пруд. «Хоть бы это был дядя Джордж», — подумала Флик.

5

Это был дядя Джордж. Он так требовательно взывал из глубины, что погоня прекратилась и все сбежались на выручку пострадавшему.

Все, кроме Билла. У того хватало других забот. Вырвавшись из круговерти на лужайке, он пригнулся за большим кустом и раздумывал, куда угодил.

Первый приступ горячки, увлекший Билла в гостиную и через дверь в сад, длился минуты две. По прошествии этого времени забытая садовником тачка напомнила ему, как глупо гоняться за людьми в чужих, да еще темных садах. Тачка была низкая, подвешенная ниже осей, совершенно неразличимая в потемках; Билл, перелетев через нее и вмазавшись лбом в

дерево, решил было, что в окрестностях Уимблдона случилось землетрясение. Молодой человек, менее привыкший к падениями на футбольном поле, возможно, остался бы лежать, но Билл, шатаясь, поднялся на ноги и вдруг обнаружил, что охотничий азарт улетучился.

Так он стоял, ошалело мечтая оказаться в другом месте, и постепенно перед ним забрезжило, что в мире произошли серьезные перемены. Только что это было огромное пространство, включающее его и Родерика, и вдруг невесть откуда понабежало людей. В просторном саду сделалось тесно; погоня, которая только что была их с Родериком частным делом, получила неожиданный резонанс. Вокруг творилось что-то вроде Вальпургиевой ночи. Всюду проносились призраки. Адские голоса выкрикивали советы и угрозы. Невидимая собака заходилась лаем.

Билл смутился. Чем плохо берсеркам — сперва ты очертя голову бросаешься в глупейшую авантюру, затем боевой задор гаснет и выбирайся, как знаешь. На Билла накатил стыд. Теперь он видел, в чем была его ошибка. С самого начала следовало вести себя более достойно: не бросаться за незнакомым человеком в дом, изрыгая ноздрями пламя, сметая все на своей дороге, а спокойно удалиться с тем, чтобы назавтра пойти к хорошему адвокату и подать на Пайка в суд за телесное оскорбление.

Не пойдя по этому мудрому пути, он угодил в довольно неприятную переделку.

Падение сэра Джорджа в пруд с золотыми рыбками дало Биллу передышку, но, увы, недолгую. Вражеским станом завладел дух мщения, снова раздавались голоса, требующие вызвать полицию. Надо было уходить из проклятого сада, причем быстро, пока не начали прочесывать кусты. К несчастью, пробиваться пришлось бы с боем: одни преследователи уже кричали другим, чтобы те стерегли выход. Оставалось одно — найти какое-то прибежище, какой-то спасительный уголок, где б его не смогли сыскать.

Ночь, как загадочным образом случается, если всматриваться в нее достаточно долго, заметно посветлела. Начали проступать невидимые раньше предметы, в том числе — пристройка у стены, футах к шести от куста, за которым притаился Билл. Ему хватило секунды, чтобы осознать — вот оно, безопасное место. Силы преследователей сосредоточились у бассейна с золотыми рыбками: судя по плеску, там загарпунили и тянули на берег кита. Билл воспользовался минутой с проворством истинного стратега: выскользнул из-за куста, одним прыжком оказался на крыше, упал плашмя и затаился.

Никто, похоже, его не заметил. Часть вражеских сил прошла под самой пристройкой, сопровождая чавкающего ботинками сэра Джорджа. Остальные время от времени перекликались, шаря по кустам. Никому не пришло в голову заглянуть на крышу. Спустя какое-то время — может, десять минут, а может, и десять часов, — охота прекратилась сама собой. Один за другим загонщики ушли в дом, и в саду вновь воцарилась дремотная тишина.

Билл не шевелился. В минуты сильных страстей мы напрягаемся до предела, и амок, улетучившись, оставил по себе крайнее изнеможение. Впереди была вся ночь, и Билл решил перестраховаться. Чем дольше он пролежит, тем больше вероятность ускользнуть без потасовки. Потасовок ему на сегодня хватило.

Прошло довольно много времени — во всяком случае, Биллу начало казаться, что он лежит на крыше всю сознательную жизнь, — прежде чем он счел, что может двинуться без опаски. Он бесшумно сел и растер застывшие ноги. И вот, когда он уже изготовился вскочить и спрыгнуть на землю, все его нервы встали дыбом и зашевелились. Что-то плюхнулось на крышу в двух футах от него. Повернувшись волчком, Билл увидел, что это — чемодан. Он не мог даже вообразить, зачем в такой час кидаться из окна чемоданами.

Его размышления прервало еще более удивительное зрелище — темная фигура ползла по стене дома.

6

Человеку, на которого ополчился весь свет — или, во всяком случае, часть Уимблдона, — естественно повсюду видеть врагов; Билл крайне воинственно воспринял вторжение на крышу, с которой он сроднился и которую привык считать своей. Он отступил на полшага и приготовился к броску. В темноте было не разглядеть, но фигура на стене казалось довольно тщедушной, и это ободрило Билла. Он не побоялся бы схватиться с громилой, но всегда приятно, если твой противник немного недотягивает до среднего роста. Билл мог бы проглотить этого задохлика, что и намеревался сделать, если задохлик попрет на рожон.

Неизвестный коснулся ногами крыши, и в то же мгновение Билл прыгнул. Кто-то испуганно завизжал, и Билл, к своему изумлению, обнаружил, что держит девушку. Тут вся его воинственность испарилась, уступив место раскаянию. Мужчину, который коснется женщины иначе

чем с лаской, общество справедливо презирает. Что же сказать о мужчине, который бросается на даму, словно это вражеский центрфорвард? Билл сгорал от стыда.

— Извините! — воскликнул он.

Флик не ответила. Когда она спускалась по простыне, ей в голову не приходило, что из темноты начнут выскакивать буйные великаны. От потрясения она едва не лишилась чувств, а теперь стояла и тяжело дышала.

— Мне страшно неловко, — продолжал Билл. — Я думал… Я не знал… Я и предположить не мог…

— Я уронила сумочку, — слабо выговорила Флик.

— Позвольте мне! — сказал Билл.

Вспыхнула спичка; Билл, стоя на четвереньках, светил на крышу. Огонек озарил его лицо.

— Мистер Вест! — изумленно вскричала Флик.

Билл, который только что нашел сумочку, вскочил. Из всех невероятных событий сегодняшней ночи это было самое ошеломляющее.

— Я — Фелисия Шеридан, — сказала Флик.

Билл так опешил, что в первую минуту имя ничего ему не сказало. Потом он вспомнил.

— Боже правый! — вскричал он. — Что вы здесь делаете?

— Я здесь живу.

— Я хотел сказать, что вы делаете на крыше?

— Бегу.

— Бежите?

— Бегу из дома.

— Вы бежите из дома? — повторил обескураженный Билл. — Не понимаю.

— Не кричите, — прошептала Флик. — Нас могут услышать.

Это показалось Биллу разумным. Он понизил голос.

— Почему вы бежите из дома? — спросил он.

— Почему вы оказались на крыше? — спросила Флик.

— Что вам в голову взбрело? — полюбопытствовал Билл.

— Что случилось в саду? — парировала Флик. — Я слышала шум и крики.

Билл понял, что картина прояснится быстрее, если он перестанет задавать вопросы и ответит первым. Иначе они простоят всю ночь, спрашивая на два голоса. Растолковать, что привело его в дом, было нелегко, зато остальная история выглядела исключительно простой. Билл вкратце передал события.

— Этот тип огрел меня палкой по голове, — заключил он, — и я словно ополоумел. Позабыл все на свете и бросился за ним. Теперь я понимаю, как это глупо. А тогда казалось — самое оно.

— Огрел вас палкой по голове! — недоверчиво повторила Флик. — Кто же?

— Тот тип. Пайк.

— Родерик!

— Нет, Пайк.

— Его зовут Родерик Пайк, — пояснила девушка. — Поэтому я и бегу из дома.

Биллу это показалось нелогичным. Женщины способны на странные поступки, но чтобы самая горячая девушка сбежала из дома, потому что кого-то зовут Родерик Пайк?

— Они хотят, чтоб я вышла за него замуж.

Загадка разрешилась. Билл вздрогнул от ужаса и сострадания. Минуту назад он считал, что Флик неправа, и намеревался при первой возможности ее отговорить. Теперь все изменилось. Немудрено, что она сбежала. Всякая сбежит. Что бы ни предприняла девушка ради спасения от человека, ударившего его палкой по голове, Билл не усмотрел бы в этом крайности. Его отношение к побегу полностью изменилось. Теперь он от всего сердца одобрял Флик и готов был помочь, чем может.

— Выйти за этого мерзавца! — воскликнул он, не веря своим ушам.

— Конечно, у Родерика есть свои хорошие стороны.

— Нет! — сказал Билл и потрогал раненую макушку. Расходившемуся воображению шишка под волосами представилась горным пиком.

— Так или иначе, я за него не выйду, — сказала Флик. — Вот и пришлось бежать. Одно плохо, — горько заметила она.

— Я совершенно не знаю, куда идти.

— Самое разумное — отправиться ко мне, — сказал Билл.

— Дома мы все обсудим и что-нибудь придумаем.

— Считаете, что так будет лучше?

— Не оставаться же на крыше. В любой момент нас могут увидеть.

Флик заволновалась.

— А мы сумеем выбраться незаметно?

— По-моему, в саду никого нет.

— Я, во всяком случае, никого не слышу. Наверное, они ужинают. У нас сегодня званый ужин, а попробуйте не покормить полковника Бэгшотта вовремя! Который, по-вашему, час?

— Понятия не имею. Думаю, около девяти. Я приехал без чего-то

восемь.

— Вот что я скажу. Прыгайте на землю и ползите к парадной двери. Если соседнее окно горит и доносятся голоса, значит, они ужинают.

— Отлично. Если все хорошо, я свистну.

Флик осталась ждать в темноте. Трепетное волнение, в котором она спускалась по простыне, улеглось. Казалось, Билла послали ей в трудную минуту небеса. Она очень смутно представляла, что будет делать за пределами Холли-хауза, но теперь ей есть на кого опереться. Билл такой большой и надежный. Каменная стена. В своем энтузиазме она несколько преувеличивала его умственные способности, и потому верила, что для Билла нет неразрешимых задач.

Тихий свист прорезал ночные шорохи. Флик свесила голову с крыши.

— Все хорошо. — сказал Билл. — Бросайте чемодан.

Флик бросила чемодан, Билл умело подхватил. Флик сползла с крыши. Сильные руки поймали ее и мягко поставили на землю.

— Они ужинают. Нам идти через главный вход, или есть другой?

— В стене за лужайкой — калитка. Лучше пройти через нее.

Они крадучись пересекли лужайку. В темноте сопело что-то маленькое и белое. Флик с плачем наклонилась.

— Боб! — Она выпрямилась, на руках у нее был песик. Впервые ощутила она горечь сиротства. — Я не могу оставить Боба.

— Так берите с собой, — отвечал Билл.

Флик задохнулась. Ее сердце распирала благодарность к сказочному герою, который не воздвигает препятствий, не ставит жестоких условий. Боб, радуясь славно проведенному вечеру и вообще жизни, бурно лизал ей лицо. Они вышли за калитку.

Прощально стукнула щеколда. Холли-хауз остался в прошлом. Флик стояла на пороге мира.

— Все хорошо? — участливо спросил Билл.

— Все хорошо, спасибо, — отвечала Флик, но голос ее дрожал.

7

Билл стоял спиной к камину и вдумчиво курил трубку, радуясь тому, что он снова — в надежном затворе своей меблированной квартирки. Радость была и духовной — все же легче, когда ты за несколько миль от дома, который с твоей помощью покинула молодая беглянка, — и плотской, из-за тепла. Как только они покинули сад, погода испортилась,

подул резкий восточный ветер, и пришлось продрожать не меньше мили, пока не нашлось такси. Теперь они дома, камин пылает, все хорошо.

Он посмотрел на Флик. Она откинулась в кресле и прикрыла глаза, а Боб, селихемский терьер, дремал у нее на коленях. Почему-то радость уменьшилась, но, как ни странно, углубилась, словно в каждое ухо кто-то пылко говорил: 1) «Идиот, во что ты вляпался?» и 2) «Уютно, когда в кресле — девушка, а у нее на коленях — собачка!»

Он сопоставил эти высказывания. Первое было явно весомей. Не юридически, конечно, и даже не нравственно, а, скажем так, романтически он отвечает за эту девушку. Боги приключений не дозволяют уводить девушек из дома, да еще ночью, а потом отпускать их на все четыре стороны. Как мы уже знаем, Билл навечно отдал свое сердце Алисе Кокер, чьи фотографии не без суровости смотрели сейчас на него. Но вот — Флик, и он просто обязан оградить ее от бед.

Через некоторое время ему удалось подусмирить первый голос, предположив, что из дома не бегут, если нет хорошего плана. Мало того, заметил он, у тех, кто живет в таких роскошных домах, обычно есть деньги. В общем, она не пропадет. Можно послушать и второй голос.

В нем тоже что-то было. И впрямь, здесь стало гораздо уютней. Конечно, Флик — не Алиса, но в данный момент почему-то это его не мучило. Ну, хорошо, ты отдал Алисе сердце, но только дурак не согласится с тем, что в декоративном, эстетическом смысле она тут очень уместна. С этой комнатой как раз гармонирует нежная, цветочная прелесть, а не та царственная красота, которую робкий человек назвал бы и грозной. Прекрасная Алиса затмевала или, лучше сказать, взрывала любую комнату, да еще при звуках фанфар.

Прежде чем Билл успел проникнуть в самые глубины анализа, Флик коротко вздохнула и выпрямилась. Кроме того, она огляделась.

— Не сразу поняла, где я, — призналась она. — Я спала?

— Вздремнули на минутку.

— Как невежливо!

— Ничего, ничего! Вам лучше?

— Конечно, только я с двух часов не ела.

— Ой, Боже мой!

— Да и тогда… Разве можно набиваться едой, если люди три дня голодают? Кстати, вы говорили, что тут живет ваш приятель. Где же он?

Билл просто ахнул.

— Господи! — воскликнул он. — Я совершенно о нем забыл. Он где-то бегает.

— Когда вы его видели?

— Когда этот Пайк меня стукнул, я сказал, чтобы он посидел в такси. Может, еще сидит?

Это очень дорого. Наверное, счетчик отщелкивает по три пенса?

— Вряд ли. Но вообще-то он, скорее всего, ушел. Бог его знает, где он.

Флик, здоровую девушку с очень здоровым аппетитом, проблема эта занимала все-таки меньше, чем еда.

— У вас нет печеньица? — спросила она. — Или баранины, или сыра, или еще чего-нибудь?

— Ох, простите! — всполошился Билл, припомнив о том, что он хозяин. — Что ж я сам не предложил? Пойду, пошарю в кладовке.

Он убежал, но вскоре вернулся с уставленным подносом, который чуть не уронил, заслышав негромкий плач. Вилки и ножик все-таки упали, и Флик обратила к ним заплаканное лицо.

— Ничего, это я так, — сказала она. Билл поставил поднос на столик.

— В чем дело? — спросил он, как все мужчины, теряясь от женских слез. — Как вам помочь?

Флик отерла слезы и слабо улыбнулась.

— Отрежьте мне ветчины. Ужасно есть хочу!

— Нет, вы скажите…

Флик впилась в ветчину. Видимо, как все женщины, она легко меняла настроение.

— Это кофе? — восхитилась она. — Красота какая! И согревает, — она отхлебнула глоток, — и подбодряет. А плакала я… Ну, расстроилась… и вспомнила дядю Синклера.

— Дядю Синклера?

— Вы его забыли? Он тоже у вас гостил, когда вы меня спасли. Они с тетей Фрэнси еще не были женаты, мы с ним совершенно не расставались, — она как будто поперхнулась и пискнула. — Ой, какой кофе горячий!

— Конечно, я его помню, — сказал Билл. — Господи, прямо, как сейчас! Он мне очень нравился.

— И мне, — признала Флик, — Я его люблю. Они помолчали.

— Еще ветчины? — спросил Билл.

— Спасибо, хватит. Флик смотрела на огонь.

— Очень трудно с ним расстаться, — сказала она. — А что поделаешь?

Билл вдумчиво кивнул.

— Надо было бежать.

Билл кашлянул, прикидывая, как бы поделикатней осведомиться о планах на будущее.

— Вот, вы говорите, бежать, — осторожно начал он. — А куда, об этом вы думали?

— Нет. Куда угодно, только бы уйти.

— Ага, ага…

— Вы хотите спросить, что я собиралась делать?

— Вообще, хотел бы… Флик подумала.

— Сейчас мне кажется, — сказала она, — что тогда я понятия не имела. А теперь… Надо бы им написать. Я приколола записку к подушечке для булавок, что я не хочу выходить за Родерика.

— Правильно, — твердо сказал Билл. — Выходить за него нельзя ни в коем случае.

— Я и не выйду, я твердо решила. А письмо написать надо, что я вернусь, если они от меня отстанут.

— Почему вы вдруг догадались, — спросил Билл, — что вам этого не потянуть?

— Понимаете, мы шли по набережной, к нам подбежал какой-то тип, а Родерик испугался и сбежал, бросив меня одну.

— Господи! — воскликнул Билл, наливая ей еще кофе. — Наверное, это был Джадсон. Пишите это письмо. Согласятся на ваши условия — пусть сообщат в «Дэйли Мэйл». У вас деньги есть?

— Спасибо, есть. Просто куча!

— Тогда сидите и ждите. Я думаю, сдадутся через неделю.

— Не знаю, — усомнилась Флик. — Дядя Джордж и тетя Фрэнси очень упрямые. Дядя — из этих коротышек с бульдожьей челюстью, в жизни никому не уступил. Это он упал в пруд, — с удовольствием прибавила она.

— Правда? — обрадовался Билл. — Какой был всплеск, приятно вспомнить!

— Жаль, что он свалился вечером. Хотела бы я это увидеть!

— Днем он бы не свалился.

— Да, правда. — Флик встала. — Теперь мне гораздо лучше. Когда уходишь, комната особенно уютна, вы не замечали?

— Уходишь? В каком смысле?

— Надо же где-то жить! — Она взглянула на терьера, который догрызал косточку. — Куда я Боба пристрою? Вряд ли хозяйка его примет. У них всегда кошки, а он так волнуется…

— Какие хозяйки? — решительно начал Билл. — Никуда вы не

уйдете. Это мы с Джадсоном уйдем. Вы останетесь здесь.

— Куда же вам уйти?

— Да в сотню мест. Флик заколебалась.

— Спасибо большое…

— Не за что. К нам ходит уборщица, она и стряпает. Придет с утра — скажите, чтобы дала вам завтрак.

— Она испугается.

— О, нет! Она — тетка крепкая. Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Вест. Теперь заколебался Билл.

— Не называйте меня так, — сказал он. — Когда вы у нас гостили, вы называли меня Биллом.

— Да, наверное. — Она погладила терьера, тот покосился на нее, не отрываясь от еды. — А вы меня — Флик.

— Флик! — вскричал Билл. — Правда. Как я все забываю!

— А я вот помню.

— Ну, спокойной ночи, Флик.

— Спокойной ночи, Билл.

Глава VI ГОРАЦИЙ ПЕРЕДУМАЛ

1

Уютные владения мистера Парадена (Уэстбори, Лонг-Айленд) дремали на апрельском солнце. Стоял один из тех дней, когда обычные люди так и рвутся на воздух, но собиратели книг предпочитают библиотеку.

Мистер Параден сидел за письменным столом, на котором лежали новейшие приобретения. Поскольку их надо созерцать, изучать, обдувать от дерзкой пылинки, особенно не распишешься. Вообще-то он писал письмо в Англию, старому другу, но в тот момент, какой мы застали, не двинулся дальше слов «Дорогой Хэммонд».

Однако, собравшись, решительно обмакнул перо и продолжил:

> «Спасибо Вам за письмо, оно пришло на прошлой неделе, спасибо и за приглашение. К счастью, принять я его могу. Если ничего не случится, надеюсь отплыть к Вам в середине следующего месяца, и радостно предвкушаю нашу встречу.
>
> Есть у меня и что показать Вам. Когда распродавали библиотеку Мортимера, мне посчастливилось купить всего за 8000 долларов экземпляр «Полины», принадлежавший Браунингу (Сандерс и Отли, 1833), его же экземпляры «Парацельса» (Э. Уилсон, 1835) и «Страффорда» (Лонгманс, 1837). Я уверен, что Вы оцените другую мою находку, рукопись девятой песни «Дон Жуана», почерк, несомненно, Байрона. Именно этой песни недостает в коллекции Пирпонта Моргана, но я бы ее не продал и за 20 000! Есть и еще кое-что, менее ценное.
>
> Может быть, Вам будет интересно узнать, что в недавнее время у меня появился приемный сын, превосходный мальчик…».

На этом самом месте в дверь постучали.

— Войдите, — сказал мистер Параден, отрываясь от письма.

Английский язык так тонко передает оттенки смысла, что просто грех употреблять для недавних звуков слово «постучали». Больше подошло бы

«заколотили»; и мистер Параден нахмурился. Он не привык, чтобы колотили в дверь его кельи. Как же удивился он, когда увидел дворецкого!

Именно дворецкие из всех смертных возвели стук в дверь на высоты искусства. До сей поры деликатный звук, производимый Робертсом, скорее ласкал, чем тревожил душу. Мистер Параден решил, что дворецкий совершенно забылся, и, взглянув на него, понял, что прав. Из Робертса просто била пена.

Выражение это обычно употребляют в переносном смысле, однако в данном случае все было не так. Нижнюю часть лица окутала пузыристая желто-белая масса. Как только он стирал ее платком, появлялась новая. Если бы дворецким служила собака, мистер Параден имел бы право ее застрелить. Поскольку это был человек, мало того — верный слуга, пришлось на него уставиться.

— Что такое… — начал хозяин.

— Разрешите спросить, сэр, — выговорил Робертс.

— Да?

— Я хотел бы знать, останется ли в доме мастер Гораций.

Слова эти показались хозяину опасными, что там — зловещими, как крохотная, но темная тучка на горизонте. Посудите сами: дворецкий явно не одобрял превосходного мальчика.

— Да, — твердо отвечал он, ибо отличался упрямством.

— Тогда, — заметил дворецкий, пуская пузыри, — прошу вас принять мою отставку.

К чести мистера Парадена, такие заявления были редкостью. Слуги, как правило, не уходили от него. За четырнадцать лет он только раз сменил кухарку, дворецкий же пришел восемь лет назад и казался прочным, как колонны у входа. Если уж он, изрыгая пену, просит отставки, это, видимо, страшное сновидение.

— Что? — едва произнес хозяин.

Дворецкий был явно огорчен разлукой. Тон его стал мягче.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал он не без трепета. — На вашей службе я был исключительно счастлив. Но оставаться в одном доме с ним я не могу и не хочу.

Казалось бы, пресеки такие дерзкие речи, но любопытство сильнее строгости. Мистер Параден знал: если он отпустит Робертса, не выяснив, почему тот пенился, тайна его истерзает. Возникнет, строго говоря, что-то вроде тех исторических загадок, которые веками мучают людей.

— Чем он вам не угодил? — спросил мистер Параден. Робертс какое-то время складывал и даже комкал платок.

— Мои возражения, — сказал он, — имеют и частный, и общий характер.

— Что это значит?

— Разрешите объяснить…

— Да, да!

— Нам, слугам, неприятна его манера. Один из лакеев выразил это на днях удачным словом «нахал». Мы гак преданы вам, сэр, что решили терпеть. Но сегодня…

Мистер Параден подался вперед. Любопытство вытеснило все другие чувства и страсти. Сейчас, понял он, откроется тайна пены.

— Несколько дней назад я запретил мастеру Горацию лазать в кладовую.

— Правильно, — одобрил хозяин. — Он и так толстеет.

— Он принял это дурно, обозвав меня… нет, забыл. Но сегодня перед прогулкой он попросил прощения, замечу — с исключительной теплотой, и протянул пирожное. Я его взял, люблю сладкое, но отведал не сразу, и потому, что был сыт, и потому, что мастер Гораций посоветовал отложить удовольствие. Когда же…

Мистер Параден, человек немолодой, был некогда и мальчишкой.

— Господи! — вскричал он. — Мыло.

— Вот именно, сэр, — подтвердил дворецкий, извергнув пузырь-другой.

Они многозначительно помолчали. Мгновенье-другое мистера Парадена томило, как ни странно, не возмущение, а то печальное чувство, которое древние римляне именовали desiderium.[10]

— Лет пятьдесят я так не делал… — тихо прошептал он.

— Я, — сообщил дворецкий, — не поступал так никогда. И со мною так не поступали.

— Какой ужас, — сказал хозяин, с трудом подавляя смех. — Нет, какой ужас. Вот мерзавец! Я с ним поговорю. Конечно, если посмотреть с его точки зрения…

— На это я не способен, сэр, — сухо вставил Робертс.

— Знаете, мальчик — мальчик и есть…

Робертс так поднял бровь, что мистер Параден поспешил сказать:

— Нет, нет, я его не оправдываю. Что вы, что вы! Ни в коей мере. Но нельзя же, честное слово, бросать прекрасную службу из-за…

— Поверьте, сэр, мне очень жаль.

— Никуда вы не уйдете! Я без вас и дня не обойдусь.

— Спасибо, сэр.

— Я с ним поговорю. Он попросит прощения. Да, да! Мы все уладим. Хорошо?

— Э… хм, сэр…

— Только не уходите.

— Если вы желаете, сэр…

— Желаю? Конечно! Господи, мы с вами восемь лет! Идите к себе, выпейте вина.

— Спасибо, сэр.

— Да, Робертс! Я возмещу убытки. Каждый месяц будете получать на десять долларов больше. Уйти! Нет, что же это такое! Чепуха, полная чепуха.

Дворецкий, словно месяц март, явившийся львом, ушел агнцем, а хозяин его остался, в задумчивости грызя перо. Собственно говоря, он и сам удивлялся Горацию. Усыновление еще не закончилось, это дело долгое, но такой упрямый человек не мог отступить. Да и какой жест, какой афронт этим подхалимам! И все же, все же… Он пытался отвлечься от таких мыслей, вернуться к письму, но они не уходили, тем более что за окном появился герой событий с Шерманом Бастаблом, своим наставником.

Учитель и ученик пересекли лужайку и скрылись за углом. Гораций казался усталым и угрюмым, в отличие от бодрого Бастабла. Недавний студент, тот был поджарист и любил пешую ходьбу. Гораций, по всей видимости, не разделял его пристрастий.

Мистер Параден и раньше удивлялся, что его приемный сын, вроде бы вполне крепкий, вечно валяется по шезлонгам. Разве так создашь сверхчеловека? Нет, не создашь. Он рассердился.

Именно тогда за дверью раздался топот, и в комнату ворвался Бастабл.

— Мистер Параден! — кричал он. — Я больше не могу! Хозяин совсем оторопел. До сей поры учитель поражал мягкостью манер и речи, но сейчас они удивили бы и команду грузового судна. Лицо у него горело, кулаком он стукнул по столу, заорав при этом:

— Хватит!

Мистер Параден воззрился на него, а воззрившись — понял, что так удивляет в его внешности. Здесь, в святилище своего хозяина, Шерман Бастабл не снял шляпу!

— Хва-атит! — кричал он.

— Снимите шляпу! — закричал и мистер Параден.

Казалось бы, одумайся, смутись — но он засмеялся, да еще каким-то

особенно гнусным смехом.

— Интересно! — воскликнул он. — Ха-ха, снимите шляпу! Ну, знаете!

— Вы пьяны! — возмутился хозяин, багровея.

— Ничего подобного!

— Пьяны. Врываетесь сюда в шляпе…

— Вот именно! А почему, хотите узнать? Потому что этот гаденыш смазал ее клеем. И вот что я вам скажу…

То, что он сказал, отличалось такой силой, что мы это опустим, приведя лишь последние фразы.

— С меня довольно! Ухожу. За миллион долларов не останусь.

Звук, произведенный дверью, замер, но мистер Параден еще не очнулся. Он размышлял. Потом подошел к шкафу, вынул тонкую трость, со свистом рассек воздух — и вышел из комнаты.

2

Тем временем в саду, за кустами рододендронов, под большим рожковым деревом отдыхал от прогулки виновник домашних смут. Развалившись в шезлонге, положив ноги на столик, да еще и смежив веки, он восстанавливал жизнеспособность тканей. Рядом, в траве, стоял стакан, лишь кусочком льда напоминающий о лимонаде, а внимательный наблюдатель различил бы на жилете Горация крошки от печенья.

Тепло весенних лучей располагало его ко сну, а потому легкий свист не сразу проник в истомленное сознание. Поначалу Гораций приписал его птичкам, но постепенно он так усилился, что исключил возможность ошибки. Открыв глаза, Гораций сонно вгляделся в кусты и увидел лицо.

Слово это мы употребляем в самом широком значении. Точнее было сказать «конгломерат кое-как сляпанных черт». Нос, к примеру, подошел бы человеку поменьше, тогда как подбородок привлек бы внимание, будь он у гиганта. Узкая полоска лба не гармонировала с ушами непомерной величины, да еще под прямым углом.

Такое сборное рагу удивило бы многих, но Гораций не дрогнул, только зевнул.

— Привет, Джо, — сказал он. — Ты, что ли?

— А то! — отозвался гость. — Пришел поглядеть, чего делаешь. Так я и знал, ни фига.

— Я раз-мы-ши-ляю, — сообщил Гораций.

Джо (ибо это был он) оглядел тихий садик и, убедившись, что он пуст,

вылез из кустов. Тем самым прояснился его профессиональный статус: преступник, спора нет, но не из руководящих, а, скажем так, из исполняющих. Если вам нужны тонкие замыслы, он вам ни к чему. Если надо кого-то стукнуть — просим, кричите «Эврика!» Сам по себе он был невысок, коренаст, сутуловат, но с широкими плечами, словно набычился раз и навсегда. Ноги у него оказались большие и разлапые.

— Прям, счас! — усмехнулся он. — Ты у меня смотри! Не для того я перся. Как дела-то, а? Шеф беспокоится.

— Дэ-э? — сказал Гораций.

— Дэ. Торчишь тут, с жиру бесишься… Зажрался!

— Тут особо не зажрешься.

— Ну, прям! Лежит, а! Я б на твоем месте…

— Дэ?

— Дэ. Чего волынишь? Чего тянешь мочалу?

Гораций угнездился попрочнее в шезлонге и твердо посмотрел на собеседника.

— Я думаю, — ответил он.

— Время нету, — укоризненно сказал Джо. — Давай, работай.

— Я думаю, — продолжал Гораций, — может, не надо у него воровать?

— Чего? — задохнулся Джо. — Чегой-то ты?

— Вот ходил я тут в киношку, — поведал юный злоумышленник. — Так воры, это, исправляются. Сопрешь — сел, исправишься — порядок! Штаны хорошие, пиджак…

Джо нервно облизнул губы, явственно ощущая, что цензура в кино недостаточно строга.

— Вот, один, — рассказывал Гораций, — подговорил мальчишку, сопри, грит, у старичка. Ну, поселили его к старикану, живет чин-чинарем, а тут этот, первый явился, красть пора. Мальчишка-то и скажи: «Не буду! Хочу в люди выйти». А вор ему и ответь: «Слава Богу! Я тебя просто ис-пы-ты-вал». Здорово, а?

— Жуть какая, — пылко отвечал Джо.

— Да ладно, — хихикнул Гораций, — это я так, шутю. Джо с облегчением вздохнул.

— Чего мне киношка? — пояснил Гораций. — Я сам красть не буду. Ты гришь, заигрался. Эт верно. Житуха тут — во! Прям счас, буду я книги брать! Сам бери. Мне и так хорошо.

Мы уже упоминали, что Джо не был особенно умен. Такую измену он осмыслить не мог. Когда он пытался угадать, как сообщить об этом шефу и

как отреагирует шеф, не любивший проколов, из дома кто-то вышел. Пришлось нырнуть в кусты, что он и сделал, тяжко страдая.

2

Спугнул его сам хозяин, с тростью в руке. Пока тот спускался по ступеням и шел по лужайке, гнев его возрастал, глаза сверкали, губы сжимались. Он вступил на тропу войны.

Гораций ждал его спокойно, не чуя опасности. Юная совесть, будучи толстокожей, ничего ему не подсказала.

— Привет, папаша! — воскликнул он. Мистер Параден был человеком действия.

— Я тебе покажу, — сказал он, — как кормить дворецкого мылом! Я тебе покажу, как клеить учителя клеем! — И после этой преамбулы приступил к самому уроку. Нелегко привить сладость и свет юноше типа Горация, но все, что можно сделать с помощью трости, мистер Параден сделал. Случайный прохожий, повстречавшись с ним на улице, мог бы счесть его слишком хилым, но Гораций бы внес исправления. Он знал, что к чему, из первых рук.

— Ну, все! — сказал наконец приемный отец, тяжко отдуваясь, и, повернувшись, направился к дому.

Пока он не скрылся, Джо из кустов не вылезал. Когда же скрылся, вылез, невольно ухмыляясь. Вопли юного друга усладили его слух. Жалел он только о том, что социальные условности не позволяют ему принять участие в столь добром деле.

— Что, съел? — заметил он, оглядывая страдальца. — Так тебе и надо. Будешь вилять!

Гораций еще не пришел в себя после нежданного побоища. Он и не знал, что в новоявленном отце таится такой пыл.

— Эт кто виляет? — осведомился он.

— Ты, кто ж еще! — ответил Джо. — Жаль, я руку не приложил. Дружков предавать, это надо же!

Гораций обиделся, особенно — потому, что упрек показался ему несправедливым. За последние минуты взгляды его резко изменились. Сдуру он принял этот дом за земной рай, теперь — осознал свою ошибку.

— Кто вас предает! — вскричал он. — Скажи шефу, стащу эти книги, тресну — а стащу.

— Вот это разговор! — одобрил Джо. — Это я понимаю!

Глава VII МИСТЕР СЛИНСБИ ВЫЗЫВАЕТ ПОДОЗРЕНИЯ

Английская весна особенно пленяет тем, что некоторые, нет — практически все дни, особенно к вечеру, побуждают растопить камин. Огонь, освещавший гостиную одной из квартир в доходном доме Мармонт дней через десять после известного нам побега, пылал весело и ярко, бросая золотистые отсветы на собачку, которая спала на ковре; на Билла, который курил в кресле; на Флик, чья светлая головка склонилась над чьими-то носками. Трубка курилась хорошо, мысли были приятны.

Жизнь после бурной ночи вошла в свою колею. Флик поселили рядом, у почтенной дамы, которая, к вящему счастью, встретила Боба с материнской нежностью, а теперь — перекармливала, что немедленно сказалось на его фигуре. Кроме того, она хорошо готовила, что нечасто бывает у хозяек, и Флик была вполне довольна. Казалось бы, после роскошеств Холли-хауза нелегко счесть роскошной крохотную квартирку, но, кроме угрызений, возникавших при мысли о дяде, она поистине наслаждалась жизнью. Ей нравилось не ведомое чувство свободы, ей нравился дух приключений, а уж особенно нравились ей ежедневные визиты к Биллу и Джадсону. Не нравились в новом мире только фотографии Алисы, презрительно глядевшие на нее с двенадцати сторон. Теперь она точно знала, что эта девица ей противна.

Билл тоже не жаловался. Он смутно ощущал, что вечно так длиться не может, но не позволял этой мысли омрачать свое счастье. Не выйдя из лет, когда не слишком часто заглядывают в будущее, он радовался мгновенью, освещенному уютным светом очага. Никто еще не штопал ему носков, он просто носил их, пока дыры не становились огромными даже на его непридирчивый взгляд, — и преспокойно выбрасывал. Глядя из кресла на проворные пальчики Флик, он думал о том, что именно такая жизнь и зовется счастливой.

Пальчики остановились. Флик подняла глаза и спросила:

— А что с мистером Кокером?

К Джадсону она искренне привязалась. Он преодолел привычку разевать рот, как рыба, при ее появлении, и теперь они были в дружбе. Собственно, отношения их можно сравнить с отношениями Дездемоны и Отелло. Флик любила Джадсона за муки, он ее — за состраданье. Никогда еще его так не жалели. Поистине, в этом злом мире Флик возвращала ему

веру в людей.

— Вроде бы пошел к Слинсби, — отвечал Билл, и совесть кольнула его, как бывало всегда при упоминании Лондонского Представителя. Шустрый Слинсби выскользнул из его жизни, и мысль эта была неприятна. Пребывание в Лондоне ни в малой мере не шло на пользу дяде, все больше обретая сходство с чем-то средним между путешествием и отдыхом. Конечно, так нельзя, но что же делать? Как заметил сам дядя, если уж Уилфрид Слинсби не понимает, почему упали доходы, куда это попять какому-то новичку!

— Вот как? — заметила Флик. — Они знакомы?

— Да, я его туда водил. Флик вернулась к носку.

— Я все думаю, — сказала она, — не нравится мне ваш Слинсби.

— Что вы, он совсем ничего! — ответил Билл с той терпимостью, какую порождает удобство.

— Какой-то он подозрительный… — не уступала Флик.

Билл мягко улыбнулся. Вот оно, думал он, женское чутье! Здравый смысл давно разрушил сомнения в честности лондонского представителя.

— Да нет, — сказал он, — вообще-то он мне не очень нравится, но подозревать его — незачем. Да, доходы упали, и все же…

— Вы говорили, он хороший работник.

— Он мне все объяснил, когда мы с ним завтракали. Правда, я не все понял, сложное дело. Условия там всякие…

— М-да… — проговорила Флик, и они помолчали. Билл переменил тему.

— Я тоже думаю.

— Вот как?

— Да. Я думаю, что у вас там делают. Почему в газетах ничего нет?

— Дядя Джерри не допустит. Он боится скандала.

— Никакого ответа… А если вообще не ответят, что вы делать будете?

Флик встряхнула головкой, ее васильковые глаза задорно сверкнули. Биллу это очень нравилось. Он непременно припоминал вспугнутого котенка.

— Пойду куда-нибудь служить. Я хорошо печатаю, знаю стенографию. Дяде помогала. Во всяком случае, за Родерика не выйду.

— Еще бы! — согласился Билл и назидательно прибавил: — Нельзя выходить замуж без любви. Надо подождать, любовь того стоит. Когда-нибудь вы встретите человека…

— Встречу?

— Конечно. Р-р-аз — и готово! Как молния.

— Вы думаете?

— Я уверен. Когда я встретил Алису…

— Расскажите мне о ней, — прервала его Флик. — Какая она?

— Какая?.. — Билл не умел описывать богинь. — Ну, скажем… Да я вам тысячу раз говорил!

— Правда, говорили, — признала Флик.

— Хорошо, когда есть кому рассказать, — продолжал хозяин. — От Джадсона толку мало. Другое дело — вы. Настоящий друг! Вам я…

— Она бы чинила вам носки? — спросила гостья.

Билл растерялся. Недавно он понял, что штопка — одно из самых достойных занятий (для женщины, конечно), и ему не хотелось находить недостатки в Алисе. Но против правды не пойдешь. Алису, штопающую носки, он не мог себе представить.

— Понимаете, — сказал он, — она в другом духе… такая светская.

И с удивлением заметил, что тон у него виноватый.

— А, вон что! — откликнулась гостья.

Они помолчали. На решетку выпали угольки. Терьер взвизгнул во сне; вероятно, ему снилась охота.

— Вы пишете ей по вторникам? — беспечно осведомилась Флик.

— Ой, Господи! — Билл уронил трубку. — Совсем забыл.

— Идите, пишите, а то почту упустите.

Билл с удивлением заметил, что секунду, одну секунду ему было лень вылезать из кресла. Письма он писал в столовой — только там стол не качался, как лилия; а приятно ли уходить из такого уютного уголка?

Однако лучшее, высшее «я» быстро одержало победу. Он встал и вышел. Флик отложила работу и стала смотреть на огонь. Потом, нетерпеливо дернувшись, снова взялась за иголку и штопала минут пять, когда пришел Джадсон.

— Здравствуйте! — сказала Флик. — А мы уже беспокоились. Случилось что-нибудь?

Джадсон опустился в кресло, покинутое Биллом. Он был явно расстроен и явно нуждался в сочувствии.

— Да уж! — отвечал он. — Вам я расскажу, вы поймете. Кто-кто, а вы смеяться не будете.

— Конечно!

— Ну вот. Вы знаете не хуже меня, что бывают тяжелые минуты. Особенно в этой жуткой стране. Ветер дует, все промозгло… В общем, надо выпить, а то простудишься. Спросите любого врача. Правильно? Надо?

— Если вам от этого лучше…

— Вот. А разве тут выпьешь? Билл — прямо как полиция.

— Он говорит, он о вас заботится.

— Уж он скажет! — холодно отозвался Джадсон.

— Потом, он обещал вашей сестре.

— Противно смотреть! — взволновался Джадсон. — Смотреть противно, как он перед ней пресмыкается. Она на него чихать хотела.

— Да?

— А то как же!

— Я думала, они — жених и невеста.

— Все может быть. Но вы уж мне поверьте, она его просто использует. Вообще-то она ничего, меня не обижает, но одно дело — брат, другое — прочие люди. Ей бы только пококетничать. Вечно у нее человек десять на привязи. Помяните мое слово, бросит его, как миленького! Врежет — будь здоров.

Хотя предмет беседы очень нравился Флик, она решила, что продолжать ее нечестно, и с большим трудом предложила новую тему.

— Ай-я-яй! — заметила она. — Да, что вы хотели рассказать? Ну, помните! Вы еще говорили, что я пойму, не буду смеяться.

— Да, да, — согласился Джадсон, переходя в минор. — Значит, так: в плохую погоду надо выпить. А тут не разгуляешься. Решил я попытать счастья на стороне.

— Что ж вы сделали? — спросила Флик, представляя себе, как он падает на улице, чтобы ему дали хлебнуть бренди.

— Пошел к этому Слинсби.

— К Слинсби! Зачем?

— Ну, он служит у Парадена, а Билл — Параденов племянник, а я — друг Билла. Все-таки, связь. В общем, пошел. А время выбрал плохо. Он очень сердился, только что рассчитал стенографистку.

— Почему?

— Не знаю. Он вообще сердитый. Лучше бы уйти, а я ждал, выпить хотелось. В общем, досидел до шести, смотрю — выпускает кошку и говорит: все, закрываем. Ну, я говорю, мне делать нечего, я еще с вами побуду.

— Наверное, к этому времени он вас нежно полюбил, — предположила Флик.

— Да не знаю, — отвечал Джадсон. — Вроде он был какой-то мрачный.

— Странно. А почему, как вы думаете?

— Кто его разберет! Мне-то было не до того, я выпить хотел.

— Кстати, — перебила Флик, — у вашей истории конец хороший?

— Э?

— Я говорю, выпили вы?

Джадсон скорбно рассмеялся.

— Выпить-то выпил… Я к тому и веду. Сели мы в его машину…

— У него есть машина? Какая?

— Не помню. «Винчешир», что ли.

— «Винчестер-мерфи»?

— Вот, вот. Серая такая, здоровая, вроде лимузина.

— То есть дорогая?

— Уж не без того. Нет, вы подумайте! Купается, можно сказать, в деньгах, возьми и пригласи пообедать. Так нет же! Поехали мы к нему, у него свой дом…

— Дом? И машина, и дом? А где?

— На Бертен-стрит? Нет, на Бретон-стрит. Рядом с этим, как его…

— Беркли-сквер?

— Именно. Повернуть направо, пройти немного, по левую руку. Большой такой дом. Ну, мы вышли, открыл он дверь и смотрит, вроде ждет. Я вошел. Подождал немного и спрашиваю, как человека: «Выпить можно?» — «Да, — говорит, — без всяких сомнений».

— Странно, — задумчиво сказала Флик.

— Да уж!

— Нет, как странно! Дорогая машина, такой район…

— И знаете, что он мне дал?

— Там жуткие иены.

— Какао! — мрачно вымолвил Джадсон. — Чашку какао на подносике. Ну, я оцепенел, как говорится, а он и скажи, что Билл его предупреждал, я совершенно не пью. Это Билл! Да мы пятнадцать лет дружим! Я говорю, он что-то спутал, может, у вас есть виски? А он говорит с такой усмешечкой: какао гораздо питательней, оно согревает и еще содержит жиры. «Простите, — говорит, — мне надо переодеться к обеду».

— Не понимаю, — сказала Флик, — получается, что он очень богат.

— А то! Вот и гнусно…

— Мистер Параден ему столько не платит. Интересно, какой оклад у таких вот представителей?

— Ясно, — оживился Джадсон. — Вы думаете, он мухлюет? Очень может быть.

— Конечно, он мог получить наследство.

— Да, да…

— Но он бы бросил службу, завел свое дело. Я думаю, ему платят не больше тысячи в год.

— А то и меньше.

— Как же это он?.. Надо подумать. Билл вроде бы говорит, что мистер Параден не слишком занимался фирмой в последние годы. Все запустил, из-за этих книг. Тут-то мошеннику и разгуляться.

— Кто-кто, а этот Слинсби…

— Вы думаете, у пего хватит ума?

— Не в том дело. Человек, который поит гостя этой гадостью, способен на все. Что хочешь смухлюет и еще посмеется, как последний гад.

Глава VIII ДЕЛЬЦЕ ДЛЯ ПЕРСИ ПИЛБЕМА

Уилфрид Слинсби занимал не только Фелисию Шеридан и Джадсона Кокера. Наша цивилизация столь сложна, что передвижениями управляющего заинтересовался сам Перси Пилбем, тайный глава газеты, которую явно и неохотно возглавлял Родерик Пайк.

Наутро после той беседы, о которой мы рассказали, Родерик сидел в редакции, глядя на корректуру статьи о злодеях-букмекерах — статьи, в которой Айк Пуля упоминался по меньшей мере трижды и без малейшей симпатии. Серия разоблачений, порожденная Пилбемом, пресеченная Родериком и властно воскрешенная его отцом, вообще отличалась остротою; но, с отвращением признавал ее подневольный покровитель, на сей раз она переострила самое себя. Перед Пилбемом, обличавшим козни Пули, сам Ювенал казался робким миротворцем.

Родерик отирал бледный лоб, страдая не столько из-за сбежавшей невесты, сколько из-за пламенной статьи. Бегство буквально сотрясло семью; однако жених сохранял присутствие духа, что там — он даже насвистывал. А вот на первом же абзаце статьи свист исчез, как Фелисия. Когда Родерик совсем спекся, вошел Пилбем, сияющий, наглый, бойкий, бодрый и неумолимый. Он был молод (двадцать три года), плюгав, или, если хотите — тщедушен, носил клетчатый костюм, лелеял похожие на мох усики, а черные волосы смазывал бриолином.

Поздоровался он радушно, ибо, по тактичности, не хотел подчеркивать свою победу. Формально Родерик был начальством; это он тоже учитывал.

— А! — заметил он. — Читаете мою вещицу.

Резко вздрогнув, Родерик выронил вещицу, словно ядовитого паука.

— Ну, как вам? — осведомился подчиненный, но ответа дожидаться не стал. — Прямо скажем, повезло. На таку-у-ую штуку вышел, опупеть! Дадим в следующий номер.

Родерик облизнулся — нет, не плотоядно, губы как-то ссохлись. Мысль о следующем номере вызывала тупую боль под ложечкой.

— Что там у вас? — мрачно спросил он. Пилбем снял пиджак, повесил на вешалку, надел куртку с эмблемой крикетного клуба, куда ходил по субботам, и ловко вырезал из старой обложки новые нарукавники.

— Захожу это к Марио, — начал он. — А там один тип с девицей. Хористка, что ли, платье такое розовое. Не иначе, из театра. А его я знаю,

он тут был, Слинсби фамилия. Видали?

Родерик ответил, что не удостоился этой чести.

— Уилфрид Слинсби, — пояснил Пилбем. — Сколько спустил на эти всякие шоу! Как говорится, ба-альшой хват. Прихожу я, значит, — он там. Сидит с девицей. А тут… Такую Лилию Бум не знаете?

Родерик сообщил, что не удостоен и этой чести, явственно намекая, что не вращается в лондонском полусвете.

— Американка, — продолжал Пилбем. — На манер испанки. Волосы черные, глаза — во! И сверкают.

Родерик задрожал. Именно этот женский тип он особенно ненавидел и робко надеялся, что Пилбем не собирается печатать мемуары огненной Лилии.

— Ну, входит она с каким-то типом, — рассказывал тот. — И ка-ак закричит, ка-ак завизжит! Брямц всю посуду, хрясь ему в морду! Э? А? Ловко? Сразу вывели, беднягу. Не успел спросить, с чего бы это она.

Почему Пилбем сочувствует девице, которой вполне подходит фамилия, но не совсем подходит имя, Родерик не понял.

— Так вот, я что думаю, — продолжал рассказчик. — Пойду, возьму интервьюху, дадим в следующий номер. У него контора на Сэнт Мэри Экс. Зайду, значит, побеседую, к вечеру будет статья.

Родерик смотрел на энтузиаста, думая о том, что судьба все-таки перестаралась. Теперь взъярится эта Лилия, судя по давешней драме — женщина опасная. Словно в хрустальном шаре увидел он свою с ней встречу.

— Зачем? — осведомился он. — Не наш материал. Пилбем уставился на него в полном изумлении.

— Ну, прям! — сказал он. — Самый наш. Этого типа все знают.

Родерик уцепился с горя за последнюю фразу.

— Вот видите! Наверное, они дружат с отцом.

— Да они не знакомы!

— Почему? — упорствовал Родерик. — Помните, что было после статьи про сэра Клода Мопси и домик в Брайтоне? Я бы на вашем месте не рисковал.

Пилбем задумался. Инцидент, упомянутый начальством, пятнал его чистый щит. Материалец — оближешься; а что вышло? Ближайший друг сэра Джорджа. Да, рисковать не стоит. Но тут его осенило.

— Пойду, спрошу, — сказал он, снял нарукавники, заменил куртку плащом и пошел наверх, к Главному.

Там, на четвертом этаже, Шеф совещался с сестрой. Естественно, речь шла о Фелисии.

— Ты смотри, — говорила гостья, — как мы не знали ничего, так и не знаем.

— Да, — вдумчиво произнес хозяин. — О, да.

В этот день он был особенно похож на чучело лягушки. Недавний мятеж глубоко его поразил.

— Надеюсь, — сказал он, пройдясь раза два по комнате, как делал и Наполеон, — надеюсь, ты не думаешь сдаться? Нет, что же это, в «Дэйли Мэйл»!

Слова эти он выговорил с трудом. Как она могла?! В какой-то чужой газете…

— Ну, что ты! — отвечала сестра. — Просто надо что-то сделать. Кроме тебя некому, Джордж. Синклер не годится. Иногда мне кажется, что он ей сочувствует.

Сэр Джордж глубокомысленно нахмурился.

— Я, — сообщил он, — поручил дело опытному сыщику.

— Сыщику!

— Под полным секретом. Я сказал, что это дочь моего старого друга, у которой что-то с памятью. Ничего мысль, а? Пока ответа нет. Работать не умеют, только деньги дерут.

Именно в эту минуту деликатно звякнул телефон. Шеф взял трубку и услышал:

— Мистер Пилбем спрашивает, сэр Джордж, можно к вам зайти?

Сэр Джордж просто подскочил.

— Что случилось? — спросила сестра.

— Нет, ты подумай! Да, именно он. Ну, Пилбем, помнишь? Делает буквально все в этих «Сплетнях». Голова! То самое, что нам нужно.

— Где он? — вскричала миссис Хэммонд.

— Сейчас, придет.

Опытная гостья с первого взгляда поняла, что брат ее совершенно прав. Да, эстет осудил бы яркую клетку, физиономист — маленькие глазки и неприятную улыбку, но в том ли дело? Истинный, прирожденный вынюхиватель самых сокровенных секретов. Когда сэр Джордж знакомил ее с Пилбемом, она благосклонно улыбнулась.

— Вы хотели меня видеть? — спросил Шеф.

— Да так, — отвечал Пилбем. — Пустячное дельце. Вышел на такого Слинсби — Уилфрид Слинсби, слыхали? — и думаю, спрошу-ка, не ваш ли он друг.

— Слинсби? Слинсби… В жизни своей не слышал. А кто это?

— У него какая-то контора. Атак, ба-альшой театрал. Как говорится, известен в театральных кругах. Дал кое-что на два мюзикла.

— Прекрасно! Как раз для наших читателей.

— Вот я и подумал.

— Что же с ним случилось?

— Влип, понимаете, в историю. Сидит это в ресторане… Тут девица… Бамц, блямц! В общем, верняк.

— Ага, ага, ага… Прекрасно. Разузнайте все, как следует.

— Спасибо, сэр Джордж.

— Минутку! Постойте. Вот, прошу.

Шеф вынул фотографию; Пилбем внимательно в нее вгляделся.

— Это, — сказал Шеф звонким и чистым голосом, каким говорят, когда собираются солгать, — это… м-м-м… мисс…

Как всегда бывает в таких случаях, он не мог припомнить ни одной сносной фамилии. Но тут вмешалась сестра.

— Фарадей, — сказала мисс Хэммонд. — Мисс Фарадей.

— Вот именно, — обрадовался Шеф, — Анджела Фарадей. Да, Анджела. Единственная дочь моего старого друга. Надо ее найти.

— Она ушла из дома, — сказала гостья.

— Да, да, — поддержал хозяин. — Исчезла.

— В сущности, — пояснила честная гостья, — она сбежала. Видите ли, мистер Пилбем, у нее был грипп.

— А! — сказал Пилбем. — А-а!

— Мы думаем, — подхватил Шеф, обретая почву, — у нее что-то с памятью.

— Да, да, да, — сказала мисс Хэммонд. — Посудите сами, никаких… — … причин, — продолжал ее брат. — Аб-со-лютно никаких. Счастливая, тихая жизнь…

— Ясно, ясно, — сказал Пилбем.

Сказал он это спокойно, а как мучался! У него была прекрасная память, и он сразу узнал девицу, заходившую к ним не так давно. Выйти на такой скандал и ничего не написать — нет, невыносимо. Даже тогда, когда один дядя спустил его с лестницы вместо того, чтобы честно открыть, почему жена уехала в Уганду, даже тогда, повторим, Перси Пилбем мучался меньше.

— Вы всюду бываете, — продолжал Шеф, — все подмечаете. Возьмите фотографию, Пилбем, и — за дело! Стоит ли говорить, что оно сугубо конфиденциальное?

— Что вы, что вы!
— Тогда — все. Старайтесь.
— Хорошо, сэр Джордж. А к Слинсби я забегу после перерыва.
— Пожалуйста. Да, насчет… э… мисс Фарадей, о расходах не заботьтесь.
— Хорошо, сэр Джордж. Хорошо.
Голос его был звонок, и это означало, что где-где, а здесь на него положиться можно.

Глава IX ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ

1

В самом сердце лондонской толчеи, неподалеку от Лиденхолмского рынка, приютился маленький ресторанчик под вывеской «У Пиранделло». Кроме густых ароматов, он привлекает публику витриной, где лежат на блюде свиная голова умильного вида, два помидора и вялый салат. Глубже, в зале, маячат печальные потомки Борджиа, хлопотливо поддерживающие традицию своей семьи.

Часа через два после того как Пилбем ушел от Шефа, Билл и Джадсон стояли у дверей и смотрели на прохожих, явно кого-то поджидая.

— А ты не ошибся? — спросил Джадсон, которого допекла загадочная улыбка свиньи. — Точно здесь?

— Ну, смотри сам, — отвечал его друг, показывая телеграмму. — «Ппранделло, Леденхилл-стрит». Значит, у Пиранделло, на этой улице.

— Странно, — сказал Джадсон, угрюмо глядя на Джоконду свиного мира, — очень странно.

Но тут Билл воскликнул: «Идет!» — и шагнул на мостовую, завидев, что Флик лавирует между машинами. В отличие от Джадсона, она сияла.

— Получили? — сказала она. — Очень хорошо! Идем туда, а то я умру с голода.

— Вы собираетесь тут есть? — проверил Джадсон.

— Конечно. Замечательный ресторан. Генри сюда ходит.

— Генри? — удивился Билл. — А кто это?

— Наш рассыльный.

— Чей?

— Наш.

— Это где?

— У меня на службе.

— Э? А?

— Да, я теперь служу. В лондонском отделении целлюлозно-бумажной компании.

— Что?!

— Потом объясню. Праздный богач не поймет, как хочется есть после работы.

Они растерянно пошли за ней. В лицо им ударил теплый, сладкий запах.

— Какао, — сказала Флик. — Ах, ка-кое ка-као! Правда, мистер Кокер? Ка-ка-о Ко-ке-ра…

Поглядев на друга, Билл увидел, что тот с немым укором смотрит на спутницу, которая, заметим, села к столику и что-то заказывала. Официант записывал столь отрешенно, словно снял с себя всякую ответственность.

— Так, — сказала она, когда смертоносные яства уже стояли на столе. — Теперь поговорим. Я выбрала эту дыру, потому что здесь никто не бывает.

— Разве что спьяну, — мрачно заметил Джадсон. Менее разборчивый Билл интересовался не этим.

— Вы служите у Слинсби? — спросил он. — Господи, почему?

— Потому что я решила за ним следить.

— Нет, что это? — воскликнул Джадсон, проглотив какой-то кусок. — Да, знаю, парафин — но с чем?

— Все равно непонятно. Когда вы к нему поступили?

— Сегодня утром.

— Прямо взяли и пришли?

— Взяла и пришла. Им нужна стенографистка.

— Откуда вы узнали?

— От мистера Кокера. Он заходил вчера к Слинсби. Тот его просто не отпускал. Правильно, мистер Кокер?

— А? Что?

— Я говорю, вы были у Слинсби. Джадсон сердито забормотал.

— Видите! — сказала Флик — Мистер Кокер тоже его не любит. Когда вы ушли писать письмо, мы поговорили и решили, что Слинсби — плохой человек.

— Почему?

Флик отпила мутной жидкости, которую здесь, смеха ради, называли какао.

— Вот, смотрите. Получает он примерно тыщу, а у него роскошная машина, живет он на Бретон-стрит…

— Ну и что? — спросил Билл, плохо знавший Лондон.

— Это у Беркли-сквер. Самый шикарный район. В общем, тут тысячей не обойдешься.

— Может, театр что-то дает?

— Хорошо, а как он смог вложить туда деньги? Не спорьте, Билл, он — мерзавец. Потом, у него подбит глаз.

— Естественно, — вставил Джадсон. — Жаль, не я вмазал.

— Глаз подбит? Как же это?

— А так. Бывают у приличных людей фонари под глазом?

— Нет.

— То-то и оно. В общем, сразу видно, мошенник.

— Самого последнего разбора, — прибавил Джадсон.

— Откуда ты знаешь?

— Неважно. Знаю, и все. Билл снова повернулся к Флик.

— Расскажите по порядку, — сказал он.

— Хорошо. Лежу я ночью и думаю про Слинсби. Что-то тут не то… И вдруг я вспомнила: мистер Кокер сказал, что тот был не в духе, потому что у него ушла машинистка. Ну, я и решила пойти туда пораньше, пока не вызвали из агентства. Пошла, успела. Он даже рекомендации не спросил.

Неопытный Билл, и то удивился, но разгадка была проста — в это утро, по случайности, мистер Слинсби питал отвращение к могучим пылким брюнеткам, и тоненькая, милая блондинка пленила его. Чтобы он отказал ей, она должна была бы вообще не знать стенографии.

— Значит, поступила я к нему, — продолжала Флик, — села за работу. Там у них есть старичок, служил еще до него, при трех правителях. Он мне рассказал, что дела из рук вон плохи. Конечно, я хорошо с ним обращалась, но он бы кому угодно рассказал. Сколько я узнала!

Она торжествующе замурлыкала, а недоверчивый Билл задумался, что же такое она могла узнать. Пока он думал, перед ним встала другая проблема.

— Зачем вы все это делаете? — спросил он. — Столько хлопот!

Флик посмотрела на него ласково и быстро, как котенок.

— Что вы, какие хлопоты! — сказала она — Мы же друзья, правда?

Повисло неловкое молчание. Ничтожную часть секунды Билл чувствовал, что воздух потрескивает от электричества. Флик странно смотрела на него. Что же это? А, да, да, да… вот, вот… Но озарение спугнул Джадсон.

— Дайте мне его труп! — сказал он, выйдя из комы. — Пошлю своим, в Нью-Йорк.

Мгновенно утратив серьезность, Флик засмеялась.

— И привереда же вы! — воскликнула она. — Больше вас никуда не приглашу. Очень вкусно готовят. Смотрите, как я ем.

— У женщин, — отвечал Джадсон, — луженые желудки.

— Что вы! При мужчинах!

— Женщина поест трупного яда, промоет чаем — и как стеклышко!

Моя сестра Алиса лопает такие вещи, от которых я бы просто умер.

Имя отсутствующей мисс Кокер снова погрузило всех в молчание, но ненадолго.

— *Я* говорила про старичка? — проверила Флик. — Так вот, он невысокого мнения о вашем Слинсби. Всего не упомнишь, но одно меня поразило — всю эту целлюлозу продают по очень низким ценам каким-то Хиггинсу и Беннету.

— Ну и что? — сказал Билл.

— Разве не странно? По очень низким ценам.

— Вы не понимаете! Он как раз говорил мне, особенности…

— Ерунда! Он мухлюет, и вы это чувствуете. Вот вам еще: одна фирма предлагала приличную цену, и как в воду канула. Значит, он отказал. А, что?

— Да, странно.

— То-то и оно. *Очень* странно. В общем, буду следить. Ладно, мне пора, а то уволят в первый день. Генри говорит, перерыв — сорок пять минут, не больше.

Пока они шли к конторе, Билл думал.

— А тут не опасно? — спросил он. — Еще встретите кого-нибудь.

— Ну, что вы! Дядя Джордж не бывает в Сити.

— Да? Это хорошо.

Они остановились перед зданием, на третьем этаже которого располагалось лондонское отделение. Именно в эту минуту на улицу вышел молодой человек в клетчатом костюме, с близко посаженными глазками и намеком на усы.

— Pardon, pardon, — сказал он, едва не врезавшись в Фелисию.

Она милостиво улыбнулась.

— До свидания, — сказала она Биллу. — До свидания, мистер Кокер.

— До свидания, — сказал Джадсон. — Вечером зайдете?

— Конечно.

Она вошла в дом и поднялась по лестнице. Клетчатый незнакомец, завязывающий шнурок на ботинке, выпрямился и осторожно, словно барс, последовал за ней.

Первый этаж. Второй. Третий… Девушка вошла в ту самую дверь, откуда недавно вышел сам Пилбем. Оставалось подождать. Пилбем сел на ступеньку.

Когда прошло довольно много времени, а ее все не было, он побежал вниз. В дверях он остановился, нацарапал записку, дал вместе с шиллингом мальчику. И пристроился неподалеку, чтобы поджидать сэра Джорджа.

2

Однако Перси Пилбем совершил тактическую ошибку. Да, Флик его не узнала, но позже, на лестнице, подсознание (как ему, к счастью, и свойственно, работавшее на свой страх и риск) забило тревогу. Смутно, туманно, ощупью она поняла, что где-то встречалась с клетчатым костюмом. Где же? Когда?

На втором этаже включилась память. А, вот где! У Родерика, в тот злосчастный день, с которого все началось. Как бишь его? Пилбем? Да, да, Пилбем. Работает в этой газете. Опять же к счастью, озарение явилось внезапно, словно Флик чем-то стукнули, и у нее дернулась голова. Так и вышло, что краем глаза она успела заметить Пилбема прежде, чем он метнулся в тень.

Одно из самых мерзких ощущений в этом мире — ощущение, что тебя преследуют. Флик охватила паника, но она взяла себя в руки и пошла дальше. Опасность обостряет ум; она поняла, что делать. Бесценное подсознание подсказало ей, что в кабинете есть еще одна дверь. Теперь все зависело от того, куда она ведет. Если это стенной шкаф, делать нечего. Но надежда нашептывала, что у людей с подбитым глазом, которые платят низкую цену, когда им предлагают приличную, обычно есть запасный выход.

В конторе грохотал злобный голос, предупреждая, что там парит смятение. Действительно, Слинсби бушевал, обрушив гнев на юного Генри.

Винить его мы не будем. Встреча с прекрасной Лилией достаточно расстроила его, завтрак — немного успокоил, но тут, откуда ни возьмись, явился Пилбем. Выдержишь ли тут свист рассыльных? Нет, не выдержишь. Вот почему мечтательный Генри, едва досвистев до середины самый новый шлягер, ощутил, что на него скачет кавалерийский эскадрон; и узнал о себе то, чего ему не сказали даже вполне откровенные товарищи праздных часов. У мистера Слинсби, особенно во гневе, словарь был значительно больше.

Инстинкт самосохранения поистине правит нами. За эти часы Флик привязалась к мистеру Смиту (он был из Смитов лондонских) и при других обстоятельствах бросилась бы его защищать. Сейчас она просто отметила, что хозяин — не у себя, и ринулась в святилище.

Дверь там была. Флик открыла ее и с облегчением увидела, что за ней — не шкаф, но площадка, а уж за нею — черная лестница. Спустившись в

темный дворик, забитый кадками и ящиками, беглянка пробралась на улицу и кинулась бежать, оставив навеки бумажно-целлюлозную компанию.

Примерно через полчаса перед домом остановился кэб, а из него выскочил владелец «Мамонта». Пилбем кинулся к нему, ликуя и прыгая, как верный пес.

— Где она? — спросил немногословный издатель.

— Там, — отвечал еще более немногословный газетчик.

— Вы не ошиблись?

— Нет.

— Что ей тут делать, идиотке? — пробормотал сэр Джордж уже перед дверью.

Пилбем, терзавшийся той же загадкой, от рассуждений удержался. Они вошли в контору. Кроткий, очищенный страданием Генри отнес в святилище карточку высокого гостя. Мистер Слинсби, внешне — спокойный, внимательно ее изучил.

— Кто это? — осведомился он.

— Мзна, сэр.

— Что ему нужно?

— Мзна, сэр.

— Веди его, трам-та-ра-рам, — завершил беседу хозяин. Мы видели Уилфреда Слинсби в беде, но за то недолгое время, которое прошло с нашей встречи, на него обрушился еще один удар. Ко всем этим Лилиям, Пилбемам и свищущим Генри прибавилась исчезнувшая стенографистка. Обычно сочувствуют тем, кто оделся для бала, а идти некуда, однако не лучше и тем, кто собирался диктовать, а диктовать некому. Так стоит ли удивляться, что лондонский представитель впал в глубокую скорбь?

Исчезновение стенографистки (как назвал бы он все это, если бы писал детективы) отличалось какой-то тошнотворной загадочностью. Он видел собственными глазами, что она появилась в конторе — и что же? Мало того — когда нервные центры дошли до ручки, в кабинет, вместе с гостем, вплыл мерзкий Пилбем.

Всякий, кто варил яйца, знает одну занятную штуку: вода, которая просто плевалась и буйствовала, достигнув точки кипения, внезапно утихает. Случилось это и с мистером Слинсби. Да, он зыркнул на гостей неподбитым глазом, но не вскочил и не укусил их. Да, он сжал тяжелую чернильницу, но тут же и отпустил.

— Сэр Джордж Пайк, издательство «Мамонт», — сказал Пилбем. — Мистер Слинсби.

— Это вы издаете «Светские сплетни»? — мрачно спросил хозяин.

— Среди множества других газет, — отвечал гость.

Мистер Слинсби сжал и отпустил чернильницу. Пилбем перешел к делу. Со старичком он уже поговорил.

— Нам удалось узнать, — начал он, — что у вас служит дочь нашего старого друга. Она ушла из дома.

— Амнезия, — вставил сэр Джордж.

— Именно, — поддержал Пилбем.

— Вот как? — зловеще и спокойно осведомился мистер Слинсби.

Сэр Джордж не собирался вести пустые разговоры. Он знал, откуда синяк, и хозяином гнушался.

— Я ее забираю, — сообщил он.

— Вот как?

— Бедная девочка нуждается в присмотре.

— Ах, вот как?

— Буду очень обязан, — властно вымолвил гость, — если вы ее вызовете.

Слинсби, чей разум во время беседы работал холодно и скоро, дождался своего часа. Кое-что — немного, но кое-что — урвать у судьбы он мог.

— Как же, как же! — сказал он. — Только ее нету.

— Она сюда вошла.

— Вошла — и ушла. Голова заболела.

— Она не выходила! — вскричал приметливый Пилбем.

— Докажите! — вскричал сэр Джордж.

— Прошу, — сказал хозяин. — Вот ключи от сейфа. Вот мой стол, ящики не заперты. Корзинка. — Тут его осенило:

— Видите ли, она воспользовалась той дверью. Ушла домой…

— Адрес знаете?

— Как же, как же! Эрлсфилд, Райский тупик, 7.

Место это он выбрал не случайно, недавно там кого-то убили. А вдруг, войдя во вкус, обитатели займутся его гостями? И вообще, места гнусные.

— Благодарю, — сказал сэр Джордж.

— Не за что, не за что.

— Мерси, — сказал Пилбем.

— Ну, что вы, какой пустяк!

Когда дверь закрылась, измученное лицо озарила слабая улыбка.

Глава X ОХОТА В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ

Все, кому не лень, особенно — поэты, сетовали на равнодушие природы к человеческим бедам. Если бы у нее было хоть какое-то сердце, следующий день выдался бы мрачным и дождливым. Но нет; такого сияния Лондон не видел с прошлого лета. Тилбери-стрит, чьи обитатели по-прежнему рьяно варили капусту, плавала в солнечном свете, и настолько, что лошади понурили голову, а сильные мужчины, вывалив язык, считали минуты, чтобы успеть в пивную. Мостовую перед «Мамонтом» устилали золотые пластины, воробьи радостно чирикали — словом, природа не страдала.

В отличие от нее, как мы заметили выше, люди страдали, и первый из них — Перси Пилбем. Дожидаясь перерыва, он томился и маялся. Нет слов печальней, чем «почти, почти»; и мысли об упущенной удаче терзали его, словно ястребы.

Начальники наполеоновского типа плохи тем, что от подчиненных им нужен успех, и только успех. Чуть-чуть у них не считается. Пилбем понимал, что сэр Джордж ценил бы его больше, если бы истории с Флик вообще не было. Хозяин ругал его теперь буквально за все.

Когда, просадив уйму денег на такси, они добрались до места, оказалось, что под номером 7 расположена достаточно вонючая лавка, где продают птиц и рептилий. Не очень чистый, но веселый старик с седыми бакенбардами, в черной шапочке, на вопросы ответить не смог, зато непрестанно предлагал что-нибудь купить. Сэру Джорджу показалось, что он крутит. Решили подождать. Воспоминание об этих часах глубоко уязвило душу Пилбема, особенно — те минуты, когда он обнаружил, что у него на коленях прикорнула зеленая змея.

Догадавшись одновременно, что низкий Слинсби просто обманул их, они уехали, хотя старик еще предлагал им купить попугая. Пробираясь среди местных убийц, они видели, что он стоит посреди улицы, с попугаем на плече, и вдохновенно снижает цену.

Пилбем горько вздохнул — в редакции он сидел один, Родерик простудился — и принялся было за статью «Злачные места в Вест-энде», когда вошел мальчик-рассыльный.

— К вам пришли, сэр, — сообщил он, протягивая карточку.

Пилбем ее взял. Страдания пришибли его, лишили обычной живости, и он едва не сказал, что его нету, как вдруг его взгляд упал на слова

Джадсон Кокер

Что-то шевельнулось в его душе. Кокер? Он где-то слышал такую фамилию. Кокер… Да, знакомо. Почему?

И тут у него перехватило дыхание. «До свидания, мистер Кокер»! Именно это сказала мерзкая девица тогда, перед домом. Да, да, да. Потом он спросил, зайдет ли она вечером, и она ответила: «Конечно». Значит, она запросто заходит к этому Кокеру.

— Какой он? — вскричал несчастный Пилбем. Мальчик растерялся. Редакторы «Светских сплетен» обычно не просили описывать посетителей.

— Ну, такой дядя, — туманно ответил он.

Пилбем решил не тратить времени попусту. Он не смел надеяться на чудо — но, теребя свои усики, все же надеялся. Дверь открылась. Сердце у него чуть не выскочило. Надежда сбылась. Выпал единственный шанс из миллиона. Именно этого типа видел он тогда, с Флик.

— Заходите! — восторженно крикнул он. — Садитесь!

— Спасибо, — сказал Джадсон, немного смущенный, но и подбодренный его пылом.

В редакцию его привела вчерашняя беседа с Фелисией. Преследование она описывала подробно и вдохновенно, но ему запало в душу, что в этих «Сплетнях» служит не только Родерик. Он плохо разбирался в газетном деле и думал, что ошибку может исправить один лишь редактор — а можно ли ждать правды от человека, который дал Биллу по голове? Если у него есть помощник, все еще не так плохо.

Конечно, он понимал, какая тут нужна осторожность. Кто-кто, а этот субъект не должен знать, что они с Флик знакомы. Подумать смешно, что бы он дал, чтобы узнать адрес человека, к которому она заходит каждый день!

— Что у вас? — спросил Пилбем.

— Понимаете, — начал Джадсон, — недельки две назад… Пилбем взглянул на часы.

— Однако! — заметил он — Вы не голодны?

— Вообще-то поел бы, — отвечал Джадсон, дрожа с головы до ног от внезапной надежды. О такой удаче он и не мечтал.

— Перекусим, а? Вижу, у вас интересное дельце. Обсудим за столиком.

— Хорошо! — пылко согласился Джадсон. — Обсудим!

— Если не ошибаюсь, вы из Америки?

— Да.

— Тогда пойдемте в «Чеширский сыр». Там побывать надо. Вы, часом, не трезвенник?

— Нет! — вскричал Джадсон — О, нет!

— Понимаете, там есть такой портвейн…

— Портвейн… — прошептал Джадсон.

— Заметьте, светлый.

Джадсон прикрыл глаза в молитвенном экстазе.

— Идемте, — почтительно и тихо проговорил он. Исторический кабачок очень ему понравился. Кресло доктора Джонсона оставило его равнодушным, а вот прославленный пирог с почками он съел с большим восторгом. Омытый пивом, пирог всколыхнул все лучшее в нем; и, когда явился портвейн, он искренне считал своим ближайшим другом несколько расплывчатое существо по ту сторону столика.

Кроме пива и портвейна, Пилбем пленил его своим отношением к делу. Он недоумевал, он возмущался, он надеялся, что такой умный человек понимает, как сложно делать газету («Конечно, конечно»). Ошибки так и лезут, так и лезут («Вот именно!»). Дадим в следующем номере.

— Спасибо рам большое, — сказал Джадсон.

— Не за что, — сказал Пилбем.

— Ну, что вы! Спасибо.

— Пустяки!

— Спасибо!

— Незачтонезачтонезачто.

— Спа-си-бо! — упорствовал Джадсон, допив портвейн и преданно глядя на лучшего из смертных.

— Сам напишу, — сказал тот. — И пошлю вам гранки, все проверите.

— Э?

— Проверите.

Джадсон широко попел рукой.

— Не надо! Я полагаюсь на вас.

— А все-таки… Куда вам послать? Где вы живете?

— Баттерси, Мармонт, квартира семь.

— Прекрасно! А теперь, — прибавил смягченный Пилбем, — расскажите мне про ваш клуб. Это же надо придумать! Вы просто гений.

В самом начале третьего, окрыленный успехом, Пилбем попрощался с Джадсоном и поспешил к себе на работу. Лимузин у тротуара говорил о том, что хозяин вернулся, и триумфатор побежал к нему, на четвертый этаж.

— Да? — сказал сэр Джордж.

Сказал он это холодно, сухо, но Пилбем другого и не ждал. Ничего, думал он, сейчас лед растает.

— У меня хорошие новости, — сообщил он. — Я узнал, где можно застать мисс… э…

Он замолчал, пытаясь вспомнить фамилию, которую забыл и хозяин. Однако тот, после неловкой паузы, решился на откровенность.

— Видимо, лучше сказать вам правду, — молвил он. — Вы понимаете, строго между нами…

— Еще бы, еще бы!

— Это моя племянница.

— Быть не может!

— Племянница, — мрачно и весомо повторил сэр Джордж.

— Тем больше я радуюсь, — сказал Пилбем, — что я ее нашел.

— Нашли?!

— Узнал, где она бывает.

Рассказывал он сжато и умело, как человек, привыкший втискивать в полторы колонки весь смрад большого города. Хозяин слушал, не дыша.

— Пилбем, — сказал он, все выслушав, — я знал, что вы не подведете.

— Спасибо, сэр Джордж, спасибо.

— Видно, я хорошо тренирую своих сотрудников. Вы — умный человек, да, умный. Отнесите кассиру эту записочку.

— Сейчас! Спасибо!

Сэр Джордж встал.

— Что ж, поеду туда, в этот доходный дом. Повидаю вашего Кокера.

— Вряд ли он там, — подсказал Пилбем. — Он собирался вздремнуть в парке.

— Ничего, подожду. А уж потом, — прибавил сэр Джордж, — он у меня не отвертится.

Когда сэр Джордж прибыл в эпицентр своих бедствий, он увидел, что у дома стоит большой автомобиль, а рядом, поставив ногу на подножку, курит какой-то вполне сносный молодой человек. Тот на него посмотрел, гадая, где ж они встречались. Вроде бы незнакомы, думал он, а что-то такое было, неприятное.

Сэр Джордж взглянул на самый дом. Шофер заверял, что это Мармонт и есть, но вывески он найти не мог и решил проверить.

— Вы не скажете, — спросил он, — где доходный дом Мармонт?

— Вот тут, — приветливо ответил молодой человек.

— Спасибо.

— Не за что. Какая погода, а?

— Великолепная, — признал сэр Джордж и вошел в дом. Молодой же человек, явно кого-то поджидавший, вдруг улыбнулся, а там — помахал рукой. Посреди улицы быстро шла девушка в бесформенной котиковой шубке.

Шофер сэра Джорджа, важно сидевший у руля, одобрительно ее оглядел. Даже шубка не скрыла от него, что незнакомка исключительно хороша собой.

— Вот и я, — сказала Флик. — Как вам мое манто?

— Шик! — сказал Билл.

— Не совсем. Заняла у хозяйки, а то замерзну.

Она влезла в машину и уютно там угнездилась. Мысль о том, что надо бы нанять машину и покатать бедную Флик, пришла Биллу в голову, когда они сидели в кафе, в безопасной зоне. Оба они заметили, как разгулялась погода, и решили, что грех этим не воспользоваться.

У Билла, к тому же, чесались руки, еще не отвыкшие от руля.

— Куда поедем? — спросил он.

— Может, в Хиндхед?

— Ладно. Дорогу знаете?

— Или вниз, по реке.

— Что ж, выбирайте.

Однако в тот день им не довелось увидеть ни величавые высоты Хиндхеда, ни серебристую ленту Темзы. Флик еще думала, когда решение просто вырвали у нее из рук. Билл, откинувшийся на спинку сиденья, услышал крик, а потом и увидел, что спутница его смотрит куда-то совершенно круглыми глазами. Он обернулся и обнаружил давешнего джентльмена.

— Скорей! — выдохнула Флик. — Ой, скорее!

Билл не отличался особым умом, но сообразил, что спрашивать некогда, и рванул с места. Давешний джентльмен взвыл и кинулся за ними.

Появление сэра Джорджа объясняется тем, что он устал звонить в седьмую квартиру. Догадавшись, что в ней никого нет, он решил ждать *в* лимузине. Тут он и увидел Флик; и (как Пилбем вчера, у конторы) решил, что Провидение печется о праведнике. Приятно ли понять после этого, что племянницу увезли?

С горя он потерял голову. Он орал, он скакал по мостовой, все втуне. Только тогда, когда ярдах в пятидесяти машина свернула к западу, ему пришло в голову, что гнаться удобней на колесах.

— Эй! — крикнул он шоферу, размахивая руками, словно семафор. — Эй! Бриггз! Сюда, идиот!

Шофер бесстрастно и важно подъехал к разъяренному Шефу. Тот прыгнул на сиденье, обеими руками указывая в сторону Альберт-род и крича при этом:

— Там! Там!

Шофер отчужденно кивнул. Да, надо ехать за той машиной, но зачем беспокоиться? Огастес Бриггз, слава Богу, выше таких эмоций.

— Это был дядя Джордж, — сказала Флик. Билл обернулся через плечо и заметил:

— Это и сейчас он.

После чего нажал на акселератор.

Глава XI КОНЕЦ ОХОТЫ

1

Если уж кто-то от кого-то бежит, инстинкт ведет его все дальше. Тем самым Билл не сразу избавился от желания быть где-нибудь еще, и как можно скорее, но все же минут через десять или четверть часа проверил ситуацию разумом. Что же до этого, первого периода он думал только о том, как стряхнуть погоню, нажимая большой ступней на акселератор и отмахиваясь от критики полицейских.

Он спешил, он мчался вперед и думал, а верней — ощущал только одно: как удачно, что он взял напрокат хорошую машину. Просто как будто предвидел, когда отказывался от всяких развалин и рыдванов! Наметанным глазом он опознал стоящую вещь и оказался прав. Мягко, почти без усилий машина пожирала асфальт.

Перемахнув набережную Челси, он пронесся по Окли-стрит и свернул налево, на Фулем-род. Сам того не зная, он ехал тем самым путем, каким ехали они с Джадсоном, преследуя Родерика. На Патни Хай-стрит им удалось вырваться вперед, поскольку лимузину перегородила путь подвода с пивом. Сэр Джордж явственно вскипел, шофер Огастес принял удар спокойно, тогда как Билл, удачно подражая приемам затравленного зайца, свернул по Леси-род на Чарлвуд-род, потом — на Фелшелл-род и так, вернувшись на свои следы, снова пересек мост Патни и понесся на Фулем Пэлейс-род, чтобы вынырнуть в Хаммерсмите, на оживленной Кинг-стрит. Маневр этот мог решить дело, но Огастес Бриггз, при всей своей невозмутимости, был далеко не прост. Взглянув через плечо, Билл увидел, что лимузин следует за ними.

Именно тогда и стал он проверять ситуацию.

— А что это, собственно, такое? — спросил он.

— Это дядя Джордж.

— Знаю. Почему мы бежим?

— Потому что я не хочу, чтобы он нас поймал.

— А что?

Флик онемела, Билл заполнил перерыв в беседе тем, что, обогнув омнибус, резко свернул на Аддисон-род.

— То есть как? — спросила наконец его удивленная пассажирка.

— Ну, поймает, — объяснил водитель, ловко избегая убийства поворотом руля. — Что он вам сделает?

Его гордый дух уже раздражало, что приходится удирать от коротышки с двойным подбородком, который ему, как говорится, на один палец. Начнись смертный бой, и он их уложит за две минуты, и этого дядю, и шофера. По удачному слову Айзека Пули, он их размажет по мостовой. Но нет, он бежит от них, как грешник из псалма, он дает им гонять себя по всему городу. Гордость Вэстов не могла этого стерпеть.

— Что он сделает? — повторил Билл. — Силком домой не потащит!

— Да, да, — сказала Флик. — Я просто не хочу его видеть.

— Почему? — настаивал Билл, только что избежавший возможности уменьшить на одну персону несовершеннолетнее население Ледброк-гров.

— Не знаете вы дядю Джорджа, — покачала Флик головой. — Он такой настырный. Так и давит, так и давит.

— Ну прям! — возразил Бидл.

— Нет, правда. Уставится, прикажет — и все, выполняют. Когда он смотрит на меня, я себя чувствую удавом и кроликом.

— То есть как?

— Ну как будто он меня загипнотизировал. Если бы я тогда не заперла дверь, и он бы вошел и посмотрел, я бы сразу слиняла и пошла к ним, обедать. Так и теперь. Поймает — я вернусь с ним домой.

— Чепуха какая! Да не трусьте вы!

— Что поделаешь! Так уж оно есть.

Билл, в сущности, был прост душой, но достаточно долго жил в этом мире, а потому знал, что женские причуды надо почитать, какими бы дикими ни были они со здравой, мужской точки зрения. Смутно, приблизительно он Флик понимал — когда-то его вот так же завораживал Риджвей. У этого достойного слуги были свои взгляды на шляпы и галстуки, дававшие ему силы преодолеть вкусы человека, у которого он служил. О людях не спорят, если кто могуч, тот могуч, надо это принимать. Если Флик сжимается от одной мысли о встрече с дядей Джорджем, значит, надо бежать от него до последней капли бензина.

Он крутанул руль, они полетели к востоку, и погоня обрела странное сходство со сном, устранявшее самую возможность связных размышлений. Билл понятия не имел, куда они едут; он заблудился в Лондоне, как героиня мелодрамы, и просто нырял в любую улицу, если та мало-мальски для этого подходила. Лимузин следовал за ним. Уйти от него в потоке машин никак не удавалось, Билл уповал на сельскую местность. Внезапно домов стало меньше, и он с удивлением понял, что этот чертов город и

впрямь кончается. Петлял он так, что каким-то образом оказался на Хертфоршидской дороге.

— Ну, — сказал он сквозь зубы, — теперь мы им покажем! Машину он взял напрокат, но за время погони полюбил ее, как родную. Она и впрямь была хороша, а показать себя могла именно на широком шоссе. Настоящей, вдохновенной машине как-то претят рельсы и всякий транспорт. Ей нужен простор. Она его обрела и радостно взревела всем своим мотором. Стрелка указывала сорок, потом — сорок пять.

— Что, съели? — крикнул Билл через плечо. — Ну-ка, посмейтесь!

Огастес Бриггз словно бы услышал эти слова. Смеяться он не стал, гильдейские правила допускают разве что легкую усмешку, и все же на мгновение уголок его рта сдвинулся. Самую мысль о том, что какая-то поганая машинка бросает вызов «Браун-Виндзору», он встретил почти веселым презрением и так рванулся вперед, что курица, собравшаяся неспешно перейти дорогу, спасла свою жизнь лишь безумным прыжком в последнюю долю секунды.

Так пролетели они Нью Барнет, Хедли Вуд, Поттерс Бар и Сент Миммз, а у самого Хатфилда долгая, долгая охота внезапно окончилась.

Билл замечал, что она уже не та, что охотник приналег, и довел стрелку до пятидесяти. Острое чувство возможного поражения несколько охладило его. Что-то подсказывало ему, что лимузин идет именно на той скорости, которая уже опасна. Однако он не сдавался, пытаясь выжать из своей машины то, на что она не рассчитана, когда опасения его оправдались.

Машина завертелась на шоссе так, что он едва не выпустил руль. Когда ему удалось с ней справиться, раздался звук, известивший его о том, что. как это ни ужасно, в самый разгар охоты он выведен из строя лопнувшей покрышкой.

Случилось это почти напротив опрятных невысоких ворот, за которыми виднелся опрятный невысокий домик, отделенный от дороги живой изгородью и садиком. Билл оглянулся и увидел, что ярдах в двухстах лимузин несется вперед, словно галеон под ветром. Он схватил спутницу за руку. Пришло время быстрых действий.

— Сюда! — крикнул он, и, выпрыгнув из машины, они кинулись в ворота.

Садик, в который они попали, был одной из тех нарядных и опрятных заводей, где каждый листик и лепесток говорит о нежной любви его владельца. Аккуратные палочки поддерживали невысокие растеньица. Аккуратные дорожки петляли меж аккуратных клумб. Если беззаботная

улитка забредет в такое место, она покраснеет и попятится, признав, что оно — святое. На Билла и Флик оно должно было воздействовать точно так же.

Но Билл и Флик спешили, а когда спешишь, забываешь свое лучшее «я». Петлять по лабиринту дорожек они не стали. Схватив Флик за руку, Билл побежал наискосок, к кустам, сулившим временное пристанище.

В окне первого этажа виднелось лицо, посиневшее от чистой злобы. Они слышали, как чьи-то руки колотят о стекло и чей-то жуткий крик, напоминающий о страждущем бесе, летит за ними.

Однако не остановились, чтобы объясниться или извиниться, но, прыгая через клумбы, добежали до кустов. Там они передохнули; а вскоре — и заметили, что в ворота, словно снаряд, ворвался сэр Джордж.

2

Сэр Джордж торжествовал; ему казалось, что неприятный случай — это кара, настигнувшая злодеев. Чувства эти так раззадорили его, что, вновь обретя неодолимую стремительность, он не стал дожидаться, пока его довезут до места, но забарабанил по стеклу, а там — и выскочил примерно в двадцати ярдах от ворот. Долгое безделье тела сказалось на нервах. Во всю прыть, какая возможна, когда у вас короткие ноги, он понесся вперед.

Пробежав по следам, а значит — по клумбам, с полдороги, он услышал столь пронзительный крик, что мгновенно остановился:

— Стой! Эй, вы! Какого черта вы тут скачете………..? Крупный краснолицый субъект в штанах для гольфа размахивал руками на крыльце.

— …!..!..! — прибавил субъект для верности.

Сэр Джордж был настолько поглощен своим делом, что слова, при всем их блеске, вряд ли задержали бы его. Субъект употребил два прилагательных и один глагол, которых он в жизни не слышал, но лингвистическая любознательность не остановила бы погони. Остановило ее то, что из-за кустов появился другой субъект, уже в вельветовых штанах, а главное — с вилами и (словно этого мало) с жилистой, беспородной собакой, которая, быстро протрусив к нему, строго и тихо обнюхала его ноги. Сэр Джордж на нее посмотрел, и она на него посмотрела, вращая красным глазом. Видимо, даже в спокойном состоянии она не поражала красотой, теперь же ее значительно портило то, что из-под верхней губы торчали большие зубы. Словом, как ни спешил сэр Джордж, он решил

задержаться.

Тем временем подошел и человек в гольфах.

—..!..! — начал он, обогащая словарь газетного магната еще одним существительным.

Хотя владелец опрятного домика мог напоминать отставного полковника, служившего прежде в Индии, на самом деле он занимался весьма мирным делом. То был не кто иной, как Монтегю Грейсон, известный автор светлых, солнечных книг. Увидев его сейчас, читатели испытали бы немалый шок, но, взвесив факты, признали бы, что гнев его праведен.

Посудите сами: часа три Монтегю Грейсон писал, как не знаю кто, стремясь к тому чтобы решающая сцена была и занятной, и трогательной. Когда, взглянув в окно, он увидел Флик и Билла на дорогих сердцу клумбах, вся ненависть к герою и героине перекинулась на них. Он думал, что это — предел, но вышел, заметил сэра Джорджа и понял, что чувства к первой паре — лишь бледная тень того, что можно испытывать к образу Божьему. Будь он Данте, он немедленно начал бы новую главу, чтобы поместить мерзавца в самый страшный круг ада; а так — выскочил в садик, кипя и пыхтя.

— … сэр! Да, да,… сэр! — взревел он, нависая над сэром Джорджем, словно грозовая туча (прибавим, кстати, что утром ему не удалась партия в гольф). — Что вы тут делаете?

Сэр Джордж выпрямился со всем возможным достоинством, не забывая о том, что собака только и ждет хозяйского слова, чтобы дать волю дурным страстям.

— Моя племянница… — начал он.

— Врывается в сад, топчет…, клумбы!..

— Простите, моя племянница…

— Вот разорвать бы вас, хр-р-р, да под розы!..

Субъект с вилами закивал, явно одобряя замысел, который принес бы пользу цветочкам. Собака задышала, как хороший астматик.

— Разрешите объяснить…

— А что объяснять? Нет, что объяснять? Безобразие какое!

— Я…

— Вы посмотрите на клумбы! Вон, вон ваши копыта!

— Племянница…

Беглецы услышали из кустов только реплики хозяина, но этого хватило, чтобы побежать дальше со всей возможной скоростью. Уважение к чужой собственности глубоко сидит почти во всех нас, и они осознали

всю тяжесть своего злодеяния. Ступив на чужую клумбу, мгновенно становишься ребенком. Билл и Флик ощутили, что им — лет по десять. Именно за такие дела, чувствовали они, оставляют без варенья; и это чувство сменилось радостью лишь тогда, когда перед ними открылся луг, усеянный овцами. Что ж, при всей своей порочности, действия их помогли спастись. Беседа между хозяином и сэром Джорджем явно обещала затянуться.

— Осторожно! — крикнула Флик, падая на траву. Билл тоже упал, да так, словно его подкосили.

— Что такое? — сварливо спросил он, поскольку нервы у него все-таки сдали.

Флик показала пальцем на силуэт лимузина, рядом с которым на бледном небе четко вырисовывался профиль шофера, спокойного тем спокойствием, какое возможно, если ты умеешь выключить разум. Только дым от сигареты показывал, что он — живой.

Билл вгляделся в шофера. Он думал. В нем медленно зрел великолепный план. Судьба ему подыграла — рядом появился небольшой мальчик.

— Привет, — сказал ему Билл, ободряя улыбкой.

— Привет, — ответил мальчик с должной осторожностью. Его остренькое личико свидетельствовало о том, что заботы мира сего его гнетут. Вероятно, он терзался печалью о Вселенной.

— Полкроны заработать хочешь?

— А гдей-то?

— Вот.

— Хочу.

— Машину видишь?

— Вижу.

— Дам полкроны, если будешь швырять в нее камнями.

— Камнями?

— Да.

— Эт, значит, камнями?

— Да.

— Эт в машину?

— Да.

— А мне, значит, полкроны?

— Да, да, да.

Только что казалось, что измученный мальчик не может улыбнуться, но сейчас его лицо как бы треснуло по горизонтали. Окаменев на

мгновение оттого, что ему заплатят кучу денег за такое приятное дело, он быстро пришел в себя, взял монету, попробовал на зуб, положил в рот — и удалился. Пока он неспешно шел через луг, царили мир и тишина. Овцы щипали траву, птицы щебетали, шофер курил.

3

Потом начались события.

Шофер стоял так спокойно не потому, что выключил разум, а потому, что наслаждался долгожданным отдыхом. Думать он как раз думал, вспоминая совет дворецкого насчет завтрашних бегов. Этот знающий человек рекомендовал ставить на Мыльного и, чем больше шофер размышлял, тем больше убеждался, что завтра, в это самое время, он будет богаче на десять шиллингов.

Раздумья его смягчили. Приближающийся мальчик не вызвал в нем особого раздражения. Вообще-то он их не любил, но сейчас — ничего, терпел как-то. Снисходительно поглядев на него, он снова предался мыслям. Значит, ставим два шиллинга…

Что-то просвистело над дорогой и ударилось о капот. Оторопев на мгновение, шофер увидел, что это — большой камень. Тут же над изгородью появилась ухмыляющаяся морда.

— А, чтоб тебе! — вскипел Огастес Бриггз. Тем временем в капот ударился второй камень.

Шофер наш не отличался тонкостью чувств. Кто-кто, а он мог бы сказать: «Цветочек нежный у ручья — простой цветочек для меня, и больше ничего». Но машину он любил пылкой, чистой любовью. Прикосновение камня к сверкающей глади принесло ему такую боль, какой он не испытал бы, попади злодей в него. Коротко и страшно вскрикнув, он кинулся к изгороди.

Однако прорваться сквозь нее он не смог. Сквозь такие изгороди удачно шныряют мальчики, но не шоферы в форме. Пришлось ограничиться словами. Пока он сообщал мерзавцу, что бы он с ним сделал (конечно, не все, сразу всего не вспомнишь), беглецы вылезли из укрытия. Когда шофер обернулся на знакомый звук, машина уже трогалась с места. Когда он подбежал к шоссе, она, ведомая беззаконной рукой, уже исчезла вдали.

4

Мы рады сообщить вам, что, вернувшись в столицу, Билл первым делом отвел машину на Манчестер-сквер, к сэру Джорджу и оставил у дверей. Дорогу показывала Флик. Потом он кликнул кэб и повез свою даму в ресторан. Ему хотелось подкрепиться после таких треволнений, и оба понимали, что положение надо спокойно, неспешно обсудить.

— Понять не могу, — сказал он, когда лакей отошел от столика, который, заметим, стоял в тихом уголке, — как ваш дядя узнал, где вы! Ведь он за вами явился?

— Да, конечно. Зачем ему ехать в Баттерси?

— В общем, он знает, что вы где-то там. Что будем делать? Флик чертила вилкой на скатерти небольшие узоры. Она жила тихо, бывала только в таких общепризнанных пристанищах маммоны, как Риц, Кларидж или Карлтон, и здесь ее все удивляло. Она гадала, занятны или вульгарны лица за соседними столиками, когда Билл спросил снова:

— Что будем делать?

— Вот и я думаю, — сказала Флик, но как-то рассеянно, она устала. — А как называется этот ресторан?

— «Марио».

— Почему вы его выбрали?

— Вряд ли сюда заходит ваш дядя Джордж. Меня водил сюда Слинсби. А что? Вам тут не нравится?

— Мне… Ой!

Флик смотрела на дверь, и Билл с удивлением увидел, что румянец, возвратившийся под воздействием еды и питья, мгновенно исчез. Глаза так округлились, что Билл на секунду подумал, не выскочил ли чудом ее злосчастный дядя. Он повернулся и понял, что этого все-таки нет. Кто-то вошел, кто-то продвигался между столиками, но не король прессы, а молодой человек в клетчатом костюме, с противными усиками, а так — вроде бы безобидный. Вопросительно взглянув на Флик, Билл заметил, что она еще не порозовела.

— Вы видели? — прошептала она.

— Кого? Этого типа в клеточку? Флик кивнула.

— Это Пилбем!

Билл, взявшийся снова за нож и вилку, положил их. Да, понял он, за ними следят. Конечно, к Марио могут зайти все, кто только живет в Лондоне, но Билла, которого его хозяин прогнал по сотне дорог, человек

разозлил ровно так же, как разозлил упомянутый хозяин автора светлых книг.

Итак, за ними следят. Билл резко отодвинул кресло: встал, выпятив челюсть.

— Куда вы? — спросила Флик.

Но сразу поняла это. Билл продвигался к столику, за который только что усадили новоприбывшего. Подойдя, он тяжко оперся о скатерть и пронзил издателя «Светских сплетен» невыносимым взглядом. Перси Пилбем давно не видел таких крупных и одновременно недружелюбных людей, а потому — вжался в кресло.

— Вы Пилбем? — спросил Билл. Пилбем глотнул и выговорил:

— Д-дэ.

Билл наклонился ниже и тихо, зловеще осведомился:

— Вы заметили, что я обедаю с мисс Шеридан? Пилбем попытался сказать: «Дэ», но слово это застряло в горле.

— Хорошо, — признал Билл. — А вам известно, что вы сейчас сделаете?

Пилбем очень слабо улыбнулся, показывая этим, что готов принять любые предложения.

— Вы посидите тут, — проворковал мучитель, сжимая и разжимая непозволительно большой кулак, — пока мы не кончим обедать. Тогда вы тоже тут посидите не меньше десяти минут, а лучше бы — и больше, я буду следить за дверью. Ясно?

Пилбему это было ясно.

— Так. Надеюсь, не забудете?

Пилбем обещал не забыть. Билл серьезно кивнул и вернулся к столику. Потом все тот же Пилбем медленно взял вилку и слабо тыкнул в сардину.

— Что он сказал? — спросила Флик. Билл подумал.

— Да так, ничего. А понять — понял.

— Понял?

— Что надо сидеть тихо, когда мы уйдем.

— Да не будет он! Сразу выскочит.

— Не думаю. Нет, не думаю. Может, поменяемся местами? Тогда я смогу за ним следить, хотя это не обязательно. Ну, ну! Чушь какая! Ешьте. Попробуйте эту рыбу, вроде хорошая.

Заботливо проследив за тем, чтобы она пообедала, Билл, к своему облегчению, снова увидел румянец, когда же лакей принес кофе, решил, что пришла пора обсудить ситуацию. Сперва сэр Джордж пронюхал, где

она живет, теперь — еще этот Пилбем… Нет, обсудить надо.

— Давайте разберемся, что к чему, — предложил он. — Совсем уж на хвост наступают!

Флик кивнула. Метафора была ей внове, но смысл она поняла.

— Значит, так, — продолжал Билл. — Вы хотели подождать, пока ваши не сдадутся. Верно?

— Да. Но сейчас они знают, где вы живете, в любую минуту могут меня найти.

— Вот именно! Значит, там вам жить нельзя.

— Конечно.

— Есть два выхода. Можно переехать…

— Я все равно буду думать, что дядя откуда-нибудь выскочит.

— Именно это я и хотел сказать. Что вы в конце концов, загнанная лань? Так и двух дней не вынести. Лучше совсем уехать.

— Как? Куда?

— В Нью-Иорк.

— В Нью-Йорк?

— Я все обдумал. Между нами, красота, а не план! Паспорт получите за один день.

— А что мне там делать?

— Есть два выхода. Можно пойти к моему дяде Кули, в Вестберн — ну, где мы познакомились.

Флик покачала головой.

— Нет, это опасно. Он пошлет телеграмму дяде Синклеру. Они очень дружат.

— Да, правда. Берем другой вариант. Я даю вам письмо к Алисе, она вам поможет.

Если бы Билл не потянулся за спичками, он бы заметил, что Флик очень удивилась. Неужели он думает, что она обратится к этой Алисе?! Да, конечно, она ему не говорила, что, на ее взгляд, лучше бы той вообще не было — но можно в конце концов догадаться! Флик прикусила губу, голубые глаза затуманились.

— Замечательная девушка! — продолжал Билл с неуместным энтузиазмом. — Вам она понравится.

— Да? — пискнула Флик.

— Вот что, я ей сейчас напишу, — он кликнул лакея и спросил чернила, перо, бумагу. — Мировой план!

— Какой?

— Ну, хороший. Лучше не бывает. Все устроится.

Пока он писал, Флик сжимала под скатертью руки, чувства в ней сменяли друг друга — то ей хотелось дать ему по голове, то уткнуться лицом в ладони и заплакать. Второе желание было особенно трудно побороть. Нет, как можно! Просто выбросил из жизни, даже не сказал, что будет скучать! Да, да. он хочет помочь ей, нелогично так думать. Но женщины вообще нелогичны.

План, конечно, хороший, в Лондоне остаться нельзя. И впрямь, нельзя жить, как эта загнанная лань. Денег у нее много, Нью-Йорк — далеко…

— Ну, вот! — сказал Билл.

Флик взяла письмо и положила в сумку.

— Спасибо, — сказала она. — Может, пойдем? Я что-то устала.

— Пошли. Я посажу вас в кэб, а сам погуляю тут на всякий случай. Как бы наш друг чего не выкинул.

Но друг их не выкинул ничего. Когда они проходили мимо, он ел куриную ногу, не поднимая глаз. Пилбем рисковать не любил.

Билл захлопнул дверцу кэба, сказав напоследок:

— Пока! Письмо не потеряйте.

— Нет, нет, — ответила Флик. — Пока.

Билл постоял у ресторана. Кэб свернул на Шафтсбери-авеню. Из окна помахала ручка.

Тот же кэб еще не доехал до Ковентри-стрит, когда та же ручка снова высунулась. На сей раз она держала обрывки письма. Разжавшись, она швырнула их на дорогу и скрылась.

Пароход «Гомер» стоял на стапеле, готовясь к своему плаванию. Палубы и проходы были запружены пассажирами и провожающими. Флик, опершись на перила, глядела вниз, на воду; Билл глядел вверх, на чаек. Беседа как-то разладилась, оба смущались.

— Скоро отплывете, — сказал Билл, чтобы хоть что-то сказать.

Чайки метались по синему небу, голося, как котята.

— Говорят, кораблик — высший класс, — заметил Билл.

— Да?

— Удобно будет.

— Да.

— Они тут очень стараются.

— Это хорошо.

Билл не совсем понял, обрадовал его или огорчил крик «На бе-е-рег!», который кладет конец тяжкому обряду «провожания». Вроде бы все шло

прекрасно, в дороге они болтали, да и здесь Флик была совсем веселая, так на тебе — нахмурилась, молчит, едва отвечает…

— Я думаю, мне пора, — сказал Билл.

— Да, наверное.

— Надеюсь, скучать тут не будете.

— Спасибо.

— Смешно, честное слово! Сколько лет в Америке не были.

— Да.

— За Бобом я присмотрю.

— Спасибо.

— Ну, я пошел.

— Да:

Чайка пронеслась так близко от его лица, что он отдернулся и нервно засмеялся.

— Сколько народу, а?

— Да.

— Друзей, наверное, провожают.

— Очень может быть.

Голосом страдающей сирены стюард призвал сойти на берег.

— Вот что, — сказал Билл, — я пойду.

— Да, идите.

— Ну, пока.

— Пока.

— Письмо не потеряете?

— Какое?

— Как это какое?! К Алисе.

— А, да!..

— Она вам так поможет!

— Да?

Они подошли к трапу. По нему, как пчелы в улей, двигались люди. Что-то было такое в этом зрелище, отчего Билл внезапно опечалился. Он взглянул на Флик. Ему стало как-то больно — все-таки, она уж очень маленькая на таком большом пароходе…

— Ах ты, Господи! — воскликнул он. — Как я без вас останусь? Квартира не квартира, если вы не сидите в кресле. Будем там сидеть со старым Бобби…

Он замолчал. У Флик задергалось лицо. Она нетерпеливо вытерла глаза платочком.

— Что ж это… — начал он.

— Я… я из-за Боба, — Флик протянула руку. — Пока. — И она исчезла.

Билл постоял, глядя на скрывшую ее толпу.

— Вот это да! — пробормотал он. — Как она любит эту собаку! И он спустился на берег, погруженный в думы.

Глава XII К МИСТЕРУ ПАРАДЕНУ ПРИШЛИ

1

Если верно, что Действие придает нашей жизни особую пряность, то не менее верно и другое — временами ее полезно разбавить капелькой Бездействия. А посему, после бурных — а порою и буйных — сцен, которые автор вынужден был привести, дабы сохранить целостность повествования, приятно пересечь Атлантику и немного отдохнуть в жилище ученого-анахорета. Через месяц после того, как Фелисия Шеридан отплыла в Америку, мы вновь оказываемся в доме мистера Кули Парадена на Лонг-Айленде, в мансарде, выходящей окнами на залитый солнцем сад; в той самой мансарде, где занимается приемный сын мистера Парадена, Гораций. Мы входим в ту минуту, когда мистер Шерман Бастабл преподносит питомцу урок французского.

Да. Несколько недель назад мистер Бастабл решительно объявил, что не останется и за миллион; но человек, приклеенный к шляпе, не отвечает за свои слова, и может отказаться от них под влиянием ножниц, теплой воды и доводов разума. Через полчаса после того, как шляпу отделили от его волос, мистер Бастабл, поначалу не желавший слушать о миллионе, настолько остыл, что поддался на лишние пятьдесят долларов в месяц. Соответственно, мы вновь видим его на посту.

Однако нынешний Шерман Бастабл сильно отличается от себя прежнего. От восторженной приветливости не осталось и следа. Теперь это подозрительный деспот, которому мистер Параден велел не церемониться с подопечным; и вот, как было велено, он ожесточил свое сердце.

В данную минуту он как раз демонстрировал произошедшую в нем перемену. Видя, что Гораций засмотрелся на залитый солнцем сад, педагог грохнул кулаком по столу.

— Будешь слушать? — заорал он. — У тебя в одно ухо…

— Ладно, ладно, — печально отвечал Гораций. Эти вопли раздражали его все больше и больше. Вольное дитя подворотен тяжело воспринимало дисциплинарные меры; порой ему казалось, что мистер Бастабл перенял худшие черты покойного Саймона Легри.[11] Он оторвал взгляд от лужайки и широко зевнул.

— Прекрати! — заорал наставник.

— Ладно.

— Никаких «ладно»! — гремел злопамятный учитель, который при виде питомца мгновенно вспоминал клей. — Когда я к тебе обращаюсь, говори «да, сэр», четко и уважительно.

— Да, сэр. — буркнул Гораций.

Ревнитель дисциплины подметил бы недостаточную четкость и уважительность этих слов, но наставник удовольствовался буквой, или сделал вид, что удовольствовался, и снова перешел к уроку.

— Во французском языке, — произнес мистер Бастабл, — перед существительными мужского рода ставится неопределенный артикль un, например, un homme — мужчина, un oiseau — птица.

— Ща села на дерево, — заметил Гораций, плавно переходя к уроку естествознания.

Мистер Бастабл попытался испепелить его взглядом.

— Не отвлекайся! — взревел он. — И не «ща», а сейчас.

— Вот и я про что, — сказал Гораций.

— …и une — перед существительными женского рода, например une dame — дама, une allumette — спичка, une histoire — история, une plume — перо. Ясно?

— Да вроде.

— Что значит «вроде»?

— Ну, — спокойно отвечал Гораций, — вроде киселя. Чего-то тебе ложат, а чего — непонятно.

Педагог вцепился в редеющие волосы и застонал. С пятьюдесятью долларами в неделю набегала внушительная сумма, но он все чаще думал, что дешево оценил свои страдания.

— «Ложат»! — в отчаянии повторил он. — Разве культурные люди так говорят?

— Не знаю, — упорствовал Гораций, — я с такими людями не говорю.

— Сэр, — машинально поправил мистер Бастабл.

— Сэр.

— И не «людями», а «людьми». — Он с тоской воззрился на ученика. Припекало, его слабые нервы начали сдавать.

— Ты неисправим. Не знаю, что с тобой делать. Тебя совершенно не интересуют занятия. Я думал, ты осознаешь свое положение. Возможности, которые перед тобой открываются.

— Знаю, — устало отвечал Гораций, — надо пользоваться случаем и выправляться, сколько могешь.

— Можешь.

— Ладно.

— Да, сэр! — Глаза мистера Бастабла зловеще блеснули.

— Да, сэр.

Педагоге размаху плюхнулся на стул, тот обиженно заскрипел.

— Ты понимаешь, что тысячи мальчиков, глядя на тебя, подыхают с зависти?

— Так культурные люди не говорят, — возразил Гораций. Ненавистные уроки, как ни странно, порой накрепко застревали в его памяти. — Вот вы и попались. Не «подыхают», а «умирают». Не «с» зависти, а «от». Вы меня поправляете, я вас. Что, съели?! (При этом вопросе наставник не впервые подумал, что Ирод Великий — его любимый исторический персонаж.) — Сами ж мне и талдычили.

Каждый учитель в душе политик. Мистер Бастабл, сознавая шаткость своих позиций, перешел в контратаку, избрав мишенью выговор своего питомца.

— Да научишься ты как следует произносить слова?! — заорал он. — Можно ли так коверкать! Вот, — он вытащил толстую книгу. — Что толку учить французский, если ты на своем говорить не умеешь. Читай вслух. По-людски, а не… — он задумался, подбирая сравнение, — tie как мальчишка для гольфа.

— А чего такого? — спросил Гораций, который водил дружбу с представителями этой почтенной профессии и сам на досуге не брезговал потаскать клюшки.

Мистер Бастабл не дал сбить себя на спор.

— Читай, — сказал он. — С девяносто девятой страницы. Гораций открыл книгу, озаглавленную «Путеводные огни истории», том второй, «Средние века», с отвращением, которое даже не пытался скрыть.

— В ету епоху, — уныло начал он.

— Эту эпоху.

— В эту эпоху монастыри Эвропы…

— Европы.

— Я и прочел «Эвропы», — обиделся Гораций, — в эту эпоху монастыри Эвропы богатели, их церквы соперничали со сборами…

— Соборами.

— В размере и красоте убранства. Святой Бернард, или Сен Бернар по-французски… — Он перестал читать, впервые ощутив проблеск интереса. — У одного типа есть сенбернар. Лохматый такой, глазищи красные…

— Не отвлекайся, — рявкнул мистер Бастабл.

— …по-французски, величайший и самый яркий предт-т-дста-ви-тель средневеко-вого монашества… Вау! — выдохнул Гораций, нежно поглаживая занывшую челюсть, — родился в 1101 году в Бурбундии.

— Бургундии.

— …Бурбундии, в благородном семействе. У его матери было шесть сыновей и дочь, которую та еще в младенчестве посвятила Богу. Третий сын, Бернард, красивый, утончен-ный, образованный юноша отличался высоким ростом, его белое лицо обрамляли золотистые кудри, голубые глаза лучились невиданной простотой и кротостью.

Гораций в гневе запнулся. Он плохо разбирался в святых, но вкусы свои знал. Что-то подсказывало: святой Бернард ему не понравится.

— Девчонка! — фыркнул он.

Мистер Бастабл изготовился миру явить нового Легри, когда в дверь негромко постучали.

— Простите, что прерываю, сэр, — сказал Робертс, дворецкий, почтительно замирая на пороге.

— Ничего, Бобби, я не в обиде, — великодушно заверил Гораций.

— В чем дело, Робертс?

— Профессор Эпплби к мастеру Горацию, сэр. Мистер Параден просит ненадолго отпустить его в библиотеку.

Новость вызвала всеобщее ликование. Гораций просиял, словно жители Гента,[12] получившие добрую весть, да и мистер Бастабл не огорчился. Он готов был, стиснув зубы, длить занятие еще час, но двери темницы внезапно распахнулись и впереди засияла воля.

— Конечно, конечно, — сказал он.

. — Я тоже не возражаю, — объявил Гораций. Он радостно выбежал из застенка, а мистер Бастабл расправил плечи, с которых упало непомерное бремя, положил ноги на стол и закурил.

2

Почтенный профессор вошел десять минут назад и нарушил привычный распорядок мистера Парадена. Тот только что слез с лестницы и прибавил еще стопу к внушительной груде на столе, когда Робертс объявил посетителя.

С минуту мистер Параден чувствовал себя псом, у которого украли кость, но природная учтивость возобладала, и, когда профессор вошел, хозяин уже лучился улыбкой.

— Спасибо, что заглянули, — сказал он.

— Да вот, проезжал мимо, — сказал профессор, — и взял на себя смелость проведать нашего подопечного. Как он? Учится, конечно?

— Наверное. Присядите?

— Большое спасибо.

Профессор Эпплби блаженно опустился в кресло, утер белым платочком высокий лоб и расправил бороду. Сейчас он еще больше походил на малого пророка в хорошем настроении. Его кроткие глаза устремились на книжные полки, хищно блеснули и тут же приняли обычное благостное выражение.

— Теплый денек, — заметил профессор.

— Да, жара. Вам не душно?

— Ничуть. Я люблю запах старых книг.

Мистер Параден проникся новой симпатией к собеседнику.

— А как Гораций? — спросил профессор.

— Здоровье — лучше некуда, — отвечал мистер Параден. — А вот…

Профессор остановил его движением руки.

— Знаю, что вы сейчас скажете, знаю. У мальчика душа не лежит к занятиям.

— Есть отчасти, — признался мистер Параден. — Мистер Бастабл, его учитель, говорит, что Горация трудно заинтересовать.

— Так я и предполагал. Нет должного рвения?

— Ни малейшего.

— Придет, — сказал профессор. — Всему свое время. Спокойствие, Параден, терпение. Будем подражать полипу, который кропотливо возводит коралловый риф. Я это предвидел, когда советовал взять неиспорченное дитя народа, и по-прежнему считаю, что был прав. Насколько лучше работать с таким ребенком, пусть поначалу успехи едва заметны, с чистой доской, не исписанной чужими руками. Не тревожьтесь. Куда проще было бы усыновить мальчика из хорошей семьи, но мое мнение — и я в нем уверен! — результаты были бы куда более жалкие. Гораций — непаханая почва. Рано или поздно он взрастит вам достойный плод. Рано или поздно — говорю с полной убежденностью — мальчик переймет ваш образ мыслей, ваш вкус, просто в силу постоянной близости к вам.

— Удивительно, что вы так сказали, — заметил мистер Параден.

— Ничуть. — Профессор мягко улыбнулся. — Мой психологический опыт редко меня подводит. А что вас удивило? Должен ли я понимать, что вы уже подметили какие-то признаки?

— Да. Поверите ли, Эпплби, но, кроме еды, Гораций интересуется только библиотекой.

Профессор деликатно кашлянул и отрешенно поглядел в потолок.

— Вот как! — мягко выговорил он.

— Постоянно крутится здесь, спрашивает, какие книги самые редкие, да какие самые ценные.

— Проблеск разума. Да, проблеск разума. Юный интеллект тянется к свету, как росток — к солнцу.

— Меня это слегка обнадеживает.

— Я с самого начала верил в Горация, — сказал профессор. — И не ошибся.

— Возможно, после двух лет в английской школе…

— Что?! — вскричал профессор Эпплби.

Мгновение назад казалось, что его просветленное спокойствие несокрушимо, однако сейчас он подался вперед и с тревогой уставился на собеседника. Челюсть у него отвисла, белоснежная борода возбужденно тряслась.

— Вы отправляете Горация в Англию? — выдохнул он.

— Беру с собой, — поправил мистер Параден. — Я отплываю через несколько дней. Давно обещал погостить у старого друга, Синклера Хэммонда. Прихвачу Горация, отдам в школу. Может быть, в Винчестер. Там учился Хэммонд.

— Разумно ли это? Не слишком ли опасно?

— Я решил, — сказал мистер Параден с тем воинственным раздражением, которое частенько задевало его родственников.

Профессор Эпплби с явным недовольством потянул себя за бороду. Мистер Параден на мгновение удивился, чего тот так убивается.

— Да разве там образование! Все пишут, что оно слишком поверхностно, слишком механистично. Почитайте современные английские романы…

Мистера Парадена передернуло.

— Я не читаю романов! — сказал он.

— И опять-таки, поездка в Англию… Вы не боитесь оставить без присмотра свои книги?

Мистер Параден довольно хохотнул; собеседнику этот смех показался заупокойным звоном.

— Можно подумать, я никогда не выхожу из дома. Я все время в дороге. Мы с вами и познакомились в поезде. А если вы думаете, что книги остаются без присмотра, попробуйте взломать стальные ставни. Или дверь.

Эта библиотека — сейф.

— Да уж… — печально произнес профессор.

— К тому же книги застрахованы, а самые ценные я возьму с собой.

— Вот как? — Профессор Эпплби вздрогнул, словно его пальцы нашарили в бороде змею. — С собой, говорите?

— Да. Хэммонд — библиофил. Он обрадуется им, как своим собственным.

— Неужели? — Профессор просветлел, словно летнее небо, когда солнышко выглянет из-за тучки.

— Да, редкий человек. Ни тени ревности.

— Замечательно!

— Вам бы он понравился.

— Наверняка… В Англии вы, безусловно, поместите книги в банк?

— Зачем? Книги — не бриллианты. Никто не знает, сколько они стоят. Воришка, если и заберется к Хэммонду, не додумается прихватить стопку потрепанных книг.

— Верно. Верно.

— Я положу их в обычный чемодан, буду держать в спальне.

— Очень мудро…. Ах, — сказал профессор, оборачиваясь, — вот и наш юный друг. Здравствуй, Гораций.

— Привет, — сказал юный друг.

Профессор Эпплби взглянул на часы.

— Господи, я заговорился, пора идти. Только-только успеваю на поезд. Может быть, вы позволите мальчику вместо урока проводить меня на станцию? Спасибо. Беги за шляпой, Гораций. Мы спешим.

Однако за дверью он торопиться не стал, а двинулся медленно, словно человек, страдающий от мозолей.

— Очень удачно, что я заехал, — возбужденно обратился он к спутнику. — Знаешь, что случилось? Старому жуку не сидится на месте. Везет тебя в Англию.

Гораций застыл, ошеломленный не меньше, чем прежде профессор.

— В Англию? Зачем?

— В школу отдать.

— Меня?!

— Тебя.

— Окосеть можно! — возмущенно вскричал Гораций. — Усыновил, называется! Надо ж было так влипнуть! Здесь-то жуть, все дергают, заставляют учить французский, но я хоть знаю, что сбегу. В школу! — Он решительно нахмурился. — Нет, дудки! Не пойду в школу, и в Англию не

поеду…

— Заткнись, — оборвал его профессор. — Если ты дашь мне вставить слово, я тебе все скажу. Ни в какую школу ты не пойдешь. Старик едет в Англию к приятелю. Тот тоже свихнулся на книжках. Вот он и повезет ему лучшее. Прихватишь их и слиняешь. Они у него будут в чемодане, в спальне.

— Как же, жди! — возразил Гораций. — Оставит он их в чемодане! Да он над ними трясется, будто они золотые.

— Говорю, оставит. Сам мне сказал. Думает, никто за ними не полезет. Кому лезть-то? Форточнику, что ли? Зачем ему книжки?

— Верно, — согласился Гораций.

— Я пришлю Джо, вы все обговорите.

— Идет, — согласился Гораций. — Ух ты, какая классная!

Замечание это вызвала светловолосая девушка с мальчишеской фигурой, которая устало брела от станции. Пока она проходила мимо, Гораций успел придирчиво ее оглядеть, и настолько утвердился в своем мнении, что так и остался стоять с разинутым ртом, глядя ей вслед, за что в воспитательных целях получил подзатыльник.

— Некогда на девок пялиться, — сказал профессор Эпплби тоном малого пророка, обличающего людские грехи. — Ты слушай, что тебе говорят, и мотай на извилину.

— Ладно, ладно. — сказал Гораций.

3

Девушка, которая так понравилась Горацию, дошла до владений мистера Парадена и, миновав ворота, двинулась к дому. Дорога была ей знакома. Она сама удивлялась, до чего отчетливо помнит все мелкие приметы местности. Вот старая, крытая дранкой крыша, вот окошко комнаты, где она жила, прудик за деревьями. При виде воды глаза ее затуманились, дыхание сперло. Две пляжные кабинки, мостик — все, как столетия назад, когда она была шестнадцатилетней, тощей и веснушчатой.

Она позвонила и колокольчик. Мистер Параден, только-только взобравшийся снова налестницу, услышал голос дворецкого.

— Э? — рассеянно спросил мистер Параден.

— К вам дама, сэр.

Мистер Параден чуть не свалился с лестницы. Дама? К нему?

— Кто такая?

— Мисс Шеридан, сэр.

Трогательной встречи у Флик с Робертсом не вышло. Каждый полагал, что видит другого впервые. Флик смутно помнила, что пять лет назад здесь был какой-то дворецкий, но внешность его не врезалась ей в память. Что до Робертса, он если и сохранил какие-то воспоминания о девочке, которая останавливалась в доме на третьем году его служения, никак не связывал их с нынешней миловидной особой.

— Она сказала, зачем?

— Нет, сэр.

— Где она?

— Я провел ее в гостиную.

— Пригласите сюда.

— Сейчас, сэр.

У мистера Парадена закралось неприятное подозрение, что пришли за деньгами для местной церковной общины, но оно развеялось, едва Флик вошла. Местная церковная община засылает матрон постепеннее. Он так явственно недоумевал, что Флик, несмотря на расстроенные чувства, слабо улыбнулась.

— Вы не помните меня, мистер Параден?

— Э… если честно…

— Мы давно не встречались. Пять лет назад я гостила у вас с дядей, Синклером Хэммондом.

— Господи! — Мистер Параден, который перед тем ограничился кивком, шагнул вперед и крепко пожал ей руку. — В жизни бы не узнал! Вы были совсем ребенок. Конечно, я вас прекрасно помню. Опять в Америке? Или вы здесь живете? Вышли замуж?

— Я не замужем.

— Просто гостите? Ну, ну! Страшно рад вас видеть. Вы меня еле застали. Вот совпадение: я как раз уезжаю в Англию к вашему дяде.

— Знаю. Поэтому я и пришла. Дядя Синклер просит, чтобы вы взяли меня с собой. Вы получили телеграмму?

— Телеграмму? — переспросил мистер Параден. — Нет, не помню. — Он позвонил. — Робертс, мне в последнее время приносили телеграмму?

— Да, сэр, вчера. Если вы вспомните, сэр, я принес ее сюда. Вы стояли на лестнице **и** сказали, чтобы я положил на стол.

Стола было не видно под слоем книг. Мистер Параден зарылся в них и вскоре победно вынырнул с конвертом в руке. Оправданный Робертс вышел.

— Прошу прощения, — сказал мистер Параден. — У меня дурная

привычка закладывать почту бумагами. И все равно, Робертс должен был напомнить. Телеграммы — это серьезно. — Он распечатал конверт и прочел. — Да, это она. Ваш дядя сообщает, что вы зайдете, и мы вместе поедем в Англию. Понятно. Очень рад. Где вы остановились? В Нью-Йорке, у друзей?

— Нет, я одна.

— Одна! — Мистер Параден надел свалившиеся очки и вытаращился на Флик. — Как же дядюшка вас отпустил?

— Я сбежала, — просто ответила Флик.

— Откуда?

— Из дома, а теперь… — Она дернула плечом и криво улыбнулась, — бегу обратно.

Даже очки не помогли мистеру Парадену рассмотреть Флик достаточно пристально. Он шагнул вперед и оторопело уставился на нее.

— Сбежали из дома? Зачем?

— Меня хотели выдать за человека, который мне не нравится. Дядя Синклер, — продолжала она быстро, — тут ни при чем. Это все тетя Фрэнси и дядя Джордж.

Мистер Параден предпочел бы, чтоб здесь поместили сноску, разъясняющую, кто эти персонажи, но не посмел прерывать взволновавший его рассказ.

— Дома, — продолжала Флик, — стало ужасно неуютно, и я сбежала. Думала, устроюсь тут на работу.

— Неслыханно!

— Вот так мне везде и отвечали. Я не знала, что можно быть настолько ненужной. У меня были кое-какие деньги, я думала их потянуть, но они куда-то исчезали. Когда у меня украли кошелек, это оказалось последней каплей. Я крепилась еще дня три, потом на последние два доллара послала дяде телеграмму.

Мистер Параден, хоть порой и преображался в вулкан, был мягкосердечным романтиком. Он растрогался.

— А дальше?

— Я получила ответ: идти к вам, вы меня приютите и возьмете в Англию.

— Милое дитя! Конечно. Вам сейчас же приготовят спальню. Ту, в которой вы жили пять лет назад.

— Боюсь, я доставила вам уйму хлопот.

— Да ничуть! — вскричал мистер Параден. — Какие хлопоты! О чем речь! Хотите чаю?

— Если это не очень трудно.

Мистер Параден позвонил, радуясь, что может хоть таким образом скрыть смущение. Какая кроткая девушка! И какая сила духа: бежать из дома, чтобы пытать счастье по другую сторону Атлантики! Пока не принесли чай, он ходил по комнате и переставлял книги, чтобы не смотреть на Флик.

— Но раз вы едете домой, — сказал он, подождав, пока она выпьет чаю, — вам придется выйти за человека, который вам противен.

— Да нет, не противен, — безжизненным голосом ответила Флик. — Мне очень нравится человек, которому я не нравлюсь, поэтому я решила, что могу с тем же успехом выйти за Родерика. В Нью-Йорке я оказалась без единого цента и поняла, как хорошо иметь дом и деньги. Надо смотреть на вещи практично, не правда ли? — Она встала и заходила по комнате. — Сколько у вас книг! Даже больше, чем у дяди Синклера!

— Зато у него есть экземпляры, которым я завидую, — великодушно признался мистер Параден.

Он хотел бы больше узнать о человеке, который нравился Флик; однако она явно считала разговор оконченным и обиделась бы на дальнейшие расспросы. Он подошел и похлопал ее по плечу. Флик обернулась — в глазах ее стояли слезы. Наступило смущенное молчание; чтобы сгладить неловкость, мистер Параден взял фотографию, на которую она смотрела. Карточка запечатлела крепкого молодого человека в футбольной форме. Он был снят во весь рост и смотрел с бравой уверенностью, свойственной молодым людям в подобном наряде.

— Мой племянник Уильям, — сказал мистер Параден. Флик кивнула.

— Знаю.

— Ну да, конечно, — сказал мистер Параден. — Он здесь был, когда вы с дядей у меня гостили.

Флик почувствовала, что надо как-то ответить.

— Он, наверное, очень сильный, — заметила она.

— Очень, — согласился мистер Параден. — И, — добавил он ворчливо, — совершенно никчемный.

— Ничего подобного! — вскричала Флик. — Ой, простите! Я хотела сказать, вы, наверное, не знаете, как настойчиво он разузнает, что там с вашим лондонским филиалом.

— Постойте-ка! — Мистер Параден нацепил очки. — Откуда вы знаете?

— Я… я его видела.

— В Лондоне?

— Да.

— Странно. Где же?

— Э… в нашем саду.

— Ну вот! — воскликнул мистер Параден. — Что я говорю? Шляется по гостям.

— Вовсе не по гостям, — сказала Флик. — Он старается выяснить, отчего падают прибыли.

— Конечно, конечно!

— Нет, правда! — настаивала Флик. Она решила, что не позволит себя запугать. Да, мистер Параден говорит резко, но он держит фотографию в библиотеке, своей святая святых, это кое-что значит. — Я вам скажу, что он уже обнаружил. Мистер Слинсби продает почти всю бумажную массу неким Хиггинсу и Беннету по очень низкой цене, хотя ему не раз предлагали куда больше.

— Что?

— Истинная правда. Я думаю — мы оба думаем, — что мистер Слинсби не совсем чист на руку.

— Глупости! На редкость толковый и честный работник. Я-то разбираюсь.

— Не очень-то разбираетесь, если назвали Билла никчемным, — с жаром отвечала Флик.

— Что-то вы очень к нему расположены.

— Расположена.

— Да вы едва знакомы!

— Я знаю его много лет.

— Ну, можно, конечно, сказать и так. Любопытно, что вы говорили о ценах на бумажную массу. Уильям сообщил, откуда ему это известно?

— Нет, но он очень, очень умный.

— Хм! Что-то не замечал.

— А зря. Если вы возьмете его в дело, он вас еще удивит. Мистер Параден хохотнул.

— Если я решу организовать клуб почитателей Уильяма, то знаю, кто его возглавит.

— По-моему, он обижается, что вы ни разу не поинтересовались, как у него дела.

— Ручаюсь, он обо мне и не вспомнил, — отвечал бесчувственный мистер Параден, — но раз вы думаете, что он такой обидчивый, так и быть — пошлю с корабля телеграмму и договорюсь о встрече.

— Обязательно пошлите!

— Я даже не знающа какой адрес.

— Девять, доходный дом «Мармонт», улица Принца Уэльского, Батерси-парк, Лондон, — без запинки отвечала Флик.

— Откуда вы знаете?

— Он мне сказал.

Мистер Параден взглянул на нее с любопытством.

— Не знаю, как долго вы говорили в саду, — заметил он, — но, похоже, Билл многое успел рассказать. Костерил меня, небось, на чем свет стоит?

— Он сказал, что вы — просто прелесть, — возразила Флик. — Стараетесь казаться злым, но никто в это не верит.

Она нагнулась и быстро поцеловала мистера Парадена в окруженную седой щеточкой лысину.

— Я пойду в сад, — сказала она. — Хочу проверить, не переделали ли там чего-нибудь с нашего отъезда. Если переделали, я вас убью.

Мистер Параден проводил ее округлившимися глазами, потом вспомнил недавний рассказ и сердито фыркнул.

— Человек, которому не нравится такая девушка, — пробормотал он, — полный болван!

Он взял фотографию. Губы его скривились в улыбке. Хорош, бездельник. Этого у него не отнимешь. Он положил фотографию и побрел к лестнице.

Глава XIII БИЛЛ СОВЕРШАЕТ ОТКРЫТИЕ

1

Облаченный в цветастый халат, Джадсон Кокер завтракал в гостиной дома номер девять по улице Принца Уэльского, Баттерси. В открытое окно проникал легкий ветерок, запах весенней листвы мешался с ароматом крепкого кофе и жареной ветчины. К кофейнику был прислонен номер «Нью-Йорк Уолд», прибывший сегодня утром с американской почтой. Часы показывали 10.30.

Джадсона переполняло неизъяснимое блаженство. Он откусил еще ветчины и привычно задумался, откуда такая легкость во всем теле. Здесь есть чем заинтересоваться врачам: вот уже два месяца он лишен возможности регулярно подкреплять организм алкоголем, как рекомендует — нет, требует — медицина, и на тебе — так и пышет здоровьем. Он в превосходной форме. Почему в Нью-Йорке он с утра шарахался от ветчины, словно испуганная лошадь, а сейчас ни свет, ни заря задумался о второй порции?

Не иначе как дело в бодрящем лондонском воздухе. Джадсон пришел к выводу, что вторая порция необходима, и двинулся на кухню. Когда он вернулся, то застал Билла Веста, который с тоской созерцал заставленный стол.

— Привет, — весело сказал Джадсон. — Перекусить решил? Садись и придвигай стул. Я хотел сказать, придвигай стул и садись. Вскорости подоспеют спасатели с провизией.

Билл не откликнулся на дружеский призыв.

— Я позавтракал три часа назад, — сказал он мрачно. — Ты еще не закончил? Мне нужен стол, написать письмо.

Живительный лондонский воздух, пробудивший вторую молодость в Джадсоне, видимо, обошел Билла стороной. В последние несколько недель тот сделался раздражителен, часто срывался по пустякам, чем очень огорчал своего друга. Джадсон, проникшись сентиментальной любовью ко всему сущему, хотел видеть вокруг только улыбки.

— У тебя весь день впереди, — заметил он. — Садись и смотри, как я ем. Я быстро.

— Тебе письмо, — сказал Билл. — В гостиной лежит. От Алисы.

— Да? — отозвался Джадсон с поистине братским безразличием. Он глядел в газету. — Вот послушай: «Признание в эфире. Веллингтон, штат Массачусетс. Вчера вечером здешняя жительница мисс Луэлла Фипс включила радиоприемник в ту самую минуту, когда ее возлюбленный Джеймс Дж. Ропер из Нью-Йорка объявил в эфире об их помолвке. Радиолюбитель рассчитывал порадовать невесту, во всеуслышание сообщив о грядущем радостном событии…»

— Зачем печатают такую чушь? — кисло произнес Билл.

— Разве не трогательно? — спросила новая Полианна[13] из-за кофейной чашки. Счастливый Джадсон готов был умиляться чему угодно.

— Нет!

— Ох! — Джадсон вернулся к литературным изысканиям. — «Догонят ли чудо-пловчиху мисс Бауэр?»

(Он как раз дошел до спортивного раздела.)

— Кто догонит?

— Тут сказано просто «догонят». Дружки, наверное. «Во время шестидневных соревнований по плаванию мисс Бауэр поставила четыре мировых рекорда и два американских».

— Ну и что?

Джадсон перевернул страницу и хихикнул.

— Горничная спрашивает постояльца: «Вам кофе в постель?». — «Нет, — отвечает он, — пожалуйста, в чашку».

Он с надеждой взглянул на друга, но на лице у Билла не дрогнул ни единый мускул. Джадсон, испробовав трогательные истории, спорт и юмор, взглянул на него встревоженно.

— Что стряслось?

— Ничего.

— Ты кислый, как дождливое воскресенье в Питсбурге. Вот уже несколько дней ходишь мрачнее тучи. Тебе чего-то не хватает.

— Всего мне хватает.

— Откуда ты знаешь? — с жаром произнес Джадсон. — Симптомы налицо. Ты весь дерганый, сто лет не улыбался. Я тебе объясню, в чем дело. Нам просто необходимо держать в доме чуточку бренди на такие случаи.

— Вот как?

— Я слышал, безнадежно больных спасали чуточкой бренди. Известное дело. Прямо-таки из могилы вытаскивали. Вот сюда и поставим. В этот шкаф. Места совсем не займет.

Минуту он с надеждой глядел в непреклонное лицо Билла, потом

сник.

— Ладно, — сухо сказал он. — Для твоей же пользы предлагал.

Прибыла вторая порция ветчины; разобиженный Джадсон набросился на нее, затем убрался в гостиную. Билл расчистил место за столом и сел писать.

2

Билл писал Алисе Кокер по вторникам и пятницам. Сегодня была пятница, соответственно, ему предстояло сочинить любовное послание. Казалось, глаза его должны сиять, но нет, они были тусклы и безжизненны; после первых пяти слов он остановился и начал грызть ручку.

Литературный процесс часто бывает долгим и мучительным, но молодого человека, который пишет возлюбленной, должны переполнять гениальные фразы. Вот уже некоторое время Биллу все труднее становилось заполнить лист, и это его смущало. Как ни кощунственно предположить, что писать Алисе — смертная скука, приходилось честно признать, что он спозаранку выставил Джадсона из-за стола, чтобы поскорее отделаться и забыть.

Он почесал в затылке. Никакого эффекта. Слова не шли.

Все это было тем более странно, что в начале лондонской жизни он составлял свои поэмы в прозе с вдохновенной легкостью. Стоило сесть, перо начинало летать по бумаге. Выражения самых достойных чувств рождались так быстро, что он не успевал записывать. То, что издают огромными тиражами в розовато-лиловых обложках, давалось ему без всяких усилий. И вот, нате — ни единой мысли.

Он встал и прошел в гостиную. Если что и может его вдохновить, так это двенадцать фотографий. Алиса Кокер царственно улыбалась с каминной полки, этажерки и столика. Билл рассматривал третью карточку слева, смутно чувствуя, что она не дает ему ни малейшего толчка, когда глухой голос воззвал к нему из глубины кресла.

— Билл, старина, — сказал голос. Билл резко обернулся.

— Чего еще? — рявкнул он.

Разумеется, не следует так грубо отвечать верному другу, но, признаем, сейчас для этого был повод. Джадсон ел его глазами, в которых была написана какая-то странная жалость. Это Билла доконало. В теперешнем раздраженном состоянии он и так с трудом переносил Джадсона, эта же гримаса скорби окончательно вывела его из себя.

— Что ты на меня пялишься? — спросил он.

Джадсон не ответил. Он встал, подошел, похлопал Билла по плечу, молча стиснул ему руку, потом еще раз похлопал по плечу и наконец вернулся в кресло.

— У меня для тебя известия, — глухо сказал он.

— Какие?

— Билл, старик, — трагически произнес Джадсон. — Ты был не прав. Поверь мне. Насчет бренди.

— Какие известия?

— Кто угодно, — сказал Джадсон, — может заболеть. В любую минуту. Поэтому в каждом доме нужно держать наготове небольшой запас бренди. Я читал. Оно широко применяется в медицине как легкоусвояемый и питательный продукт. К тому же это возбуждающее, ветрогонное и снотворное средство. Что, убедил?

— Перестанешь ты нести околесицу? Что случилось?

— Сколько раз было, что при дурных известиях совершенно здоровые люди падали в обморок и могли бы умереть, если б не стопочка бренди. Дай мне денег, Билл, я сгоняю на угол за пинтой-двумя.

— Какие известия?

— Помню, отец рассказывал, когда он сильно погорел в биржевую панику девятьсот седьмого… Нет, — поправился Джадсон. — Вру, не отец, его приятель. Он потерял все. Так вот, он пошел домой, открыл бутылку, хватил два стакана подряд и сразу почувствовал, что заново родился. Мало того, бренди так его вдохновило, что он спас половину состояния. Больше половины. Тут близко. Прямо на углу. За десять минут обернусь.

— Слушай, — прохрипел Билл, — если ты не скажешь, что за известия, я сверну тебе шею.

Джадсон печально покачал головой, словно горюя о том, как опрометчива и нетерпелива юность.

— Ладно, — сказал он. — Дело твое. Алиса слиняла. Обручилась со сталепрокатчиком. Просила тебя подготовить.

3

Билл вытаращил глаза. Роковые слова медленно проникали в его сознание.

— Обручилась? Джадсон скорбно кивнул.

— Со сталепрокатчиком?

— С ним самым.

Последовало долгое молчание. Билл внезапно осознал, что испытывает непомерное облегчение: письмо можно не заканчивать! Все утро оно давило на него тяжелым грузом, и теперь он, как ни старался, не мог удержать переполнявшего грудь восторга.

Он понимал, что это — неправильные чувства. Стыдно человеку, чьи мечты разбиты, радоваться из-за какого-то недописанного письма. Да разве это труд — дописать письмо? Вывод напрашивался один: он — бесчувственная скотина.

Поглощенный своими усилиями побороть неуместную радость, Билл вдруг заметил, что наследник Кокеров ведет себя как-то чудно. Джадсон снова покинул кресло и теперь совал ему в руку листок бумаги. Исполнив тяжелый долг, он вздохнул, еще раз похлопал Билла по спине и, крадучись, двинулся к дверям. На пороге он задержался, дважды горестно кивнул и выскользнул на лестницу. Только через несколько секунд до Билла дошло, что так выражалось дружеское участие. Джадсон был уверен, что мужчину надо оставить наедине с его горем.

Оставшись один, Билл решил честно выполнить, что полагается. Он взглянул на листок. Почерк Алисы. Видимо, то самое письмо. Вероятно, Джадсон считает, что Билл будет его читать. Но зачем? Коли уже выяснилось, что девушка, которую ты считал своей невестой, слиняла со сталепрокатчиком, какой смысл узнавать подробности? Билл бросил непрочитанное письмо на стол.

Внезапно ему пришло в голову утешительное объяснение. Да, он ничего не чувствует. Это шок, который наступает от сильной боли, спасительное отупение. Он просто оглушен. Дальше, без сомнений, начнется агония.

Заметно успокоившись, он решил выйти на свежий воздух и там терпеть душевную муку. Он смутно помнил, что именно так поступали страдальцы в книгах. В этих книгах селяне, пасущие скот на открытых холмах, вздрагивали, завидев высокого, подтянутого мужчину с бледным напряженным лицом, который шагал сквозь завывания ветра, сурово стиснув губы, глаза его метали молнии, невидящий взор из-под надвинутой шляпы был устремлен вдаль.

Билл надел ботинки и принялся искать шляпу. И тут перед ним возникло затруднение.

Двенадцать снимков Алисы Кокер… Что с ними делать?

С фотографиями вероломных можно поступить двояко. Можно переложить их лавандой и созерцать до конца дней, седея год от года, а

можно уничтожить недрогнувшей рукой. Как ни удивительно, когда по некотором размышлении Билл остановился на последнем варианте, в душе его ничего не шевельнулось. Он без всякого сожаления завернул фотографии в оберточную бумагу, словно бакалейщик — ветчину. Безусловно, это шок.

Билл решил, что избавится от воспоминаний прошлого где-нибудь на лоне природы. В последнюю неделю было тепло, камин не топили, так что этот путь был для него отрезан, а разорвать фотографии и выбросить в корзину мешал страх перед Джадсоном. Не хватало только выслушивать его замечания! Билл порадовался, что друг настолько равнодушен к фотографиям сестры. Он ненаблюдателен и вряд ли заметит внезапную пустоту.

С точки зрения обманутого возлюбленного, у Лондона есть один недостаток — тут трудно сыскать пустынное место, по которому можно брести, вперив невидящий взор в пространство. На открытые ветрам холмы больше всего походил парк Баттерси. Туда-то Билл и устремился с пакетом, крадучись, чтобы не потревожить селихемского терьера Боба. Прознай тот, что кто-то собирается на прогулку, обязательно увязался бы следом. При всем уважении к Бобу Билл предпочел бы обойтись без него. Четвероногим без поводка вход в парк запрещен, а Билл не мог представить себя на пару с упирающимся псом. В любую минуту может начаться агония, а страдать надо в одиночестве. Он на цыпочках вышел за дверь и бегом спустился по лестнице.

Утро было чудесное. Не раз отмечено, что Природа равнодушна к людским страданиям, и довольно будет сказать, что сейчас она не изменила своему правилу. В такой день даже самые мнительные выходят без зонтика. Билл шел по зеленым аллеям, слышал веселые возгласы играющей детворы и не мог избавиться от странного ощущения, что жизнь — прекрасна. Не будь он уверен в противоположном, он сказал бы, что в душе закипает радость. Дойдя до укромного уголка, он — мы вынуждены употребить это слово — зашвырнул пакет куда подальше. Тот шлепнулся о землю, Билл, нимало не удрученный, зашагал по дорожке, но тут сзади раздался пронзительный крик:

— Дяденька!

От неожиданности Биллу показалось, что зовет пакет. Вроде бы на сотню ярдов вокруг не было ни души; однако у лондонских парков есть печальное свойство — здесь невозможно полностью укрыться от чужих глаз. Из земли выросла маленькая девочка в ситцевом платье, ее чумазое личико светилось желанием помочь. Левой рукой она тащила малолетнего

родственника, который, в свою очередь, тянул родственника поменьше, а правой держала пакет.

— Вы книжку уронили!

Не мог же Билл обидеть ребенка! Он изобразил крайнюю признательность, взял пакет и с фальшивой улыбкой протянул доброй девочке шестипенсовик. Семейство исчезло.

Билл пошел дальше. Событие подействовало на его нервы, и он, не замедляя шага, прошел несколько укромных местечек, устроенных лондонским магистратом словно нарочно для пакетов с фотографиями неверных девушек, которые линяют со сталепрокатчиками. И вот, в своих бесцельных скитаниях он очутился перед водной гладью, и здесь, подобно Аластору[14] на длинном хорезмийском берегу, остановился.

У пруда копошились дети и собаки, на поводках и привязанные к скамейкам. Няньки степенно беседовали, дети пускали кораблики, собаки лаяли. Посреди пруда был островок с деревом, которое облюбовала шумная колония грачей. Место было веселое, но Билла оно очаровало главным образом тем, что все присутствующие — няньки, дети, собаки и грачи — глубоко погрузились в свои дела. Они и не заметят, если хорошо одетый молодой человек подойдет и станет швырять в пучину бурые бумажные пакеты. Такой случай нельзя упустить. Рассеянно глядя на грачей и беспечно насвистывая, Билл бросил пакет. Раздался всплеск, потом еще, такой громкий, что Билл испугался; неужели какое-то крупное дитя поправляло паруса своей яхты и свалилось в воду? Стыдно сказать, но первой его мыслью (а он ведь уже спас одного утопающего) была досада — вот, сейчас придется прыгать в холодную воду.

Однако он возвел на ребенка напраслину. Тот по-прежнему стоял на бережке. В воду прыгнул огромный пес — черный, лохматый, с неподдельной тупостью на морде, — теперь, не жалея лап, плыл к пакету. Он доплыл, поймал пакет мощными белыми зубами, развернулся к берегу, а через мгновение сложив добычу к ногам Билла, встряхнулся, обдавая его с головы до пят, и блаженно оскалился, явно предлагая поиграть еще.

Билл подобрал пакет и двинулся прочь. На него накатило отчаяние. Злила не мокрая одежда, и не то, что кто-то спустил собаку с поводка в нарушение четко обозначенных правил; нет, злила глухая ненависть к пакету и всему, что с ним связано. Билл не мог понять, с чего он взял, будто любит Алису Кокер. Мало того, что она выходит за всяких сталепрокатчиков — есть что-то зловещее в девушке, от чьих фотографий невозможно избавиться. Проклятие какое-то! Сумрачный, как Юджин

Арам,[15] Билл зашагал прочь от пруда и углубился в тихую лиственную аллею.

Если что и могло успокоить бушевавшую в его сердце ярость, то именно эта мягкая зелень в безлюдном уголке парка, куда, по всей вероятности, не ступала людская нога. Слева пели на ветках птицы, справа гудели над клумбами шмели. Однако Билл не поддался на лесные чары и не бросил пакет. Его преследовало суеверное чувство, что ему недолго оставаться одному в этом заброшенном уголке. Предчувствие не обмануло. Через долю секунды из-за большого (куста на повороте показались двое, молодой человек и девушка.

Девушка была хорошенькая, ладная, но внимание Билла привлек ее спутник. Он был высокого роста, кареглазый, с каштановыми волосами, в длинном развевающемся галстуке розовато-лилового шелка, из-за чего казался похожим на художника. В чертах его Биллу померещилось что-то смутно знакомое. Вроде бы они уже встречались.

Молодой человек поднял глаза, и на лице его появилось выражение, которого Билл не понял. Это было узнавание — но не только. Не будь предположение настолько нелепым, Билл сказал бы, что это — страх. Карие глаза расширились, каштановые волосы зашевелились от ветра (шляпу он нес руке), и Биллу почудилось, что они встали дыбом.

— Привет, — сказал Билл. Он не мог вспомнить, кто это, но, судя по его реакции, они знакомы.

— Привет, — сипло произнес молодой человек.

— Хороший денек, — заметил Билл.

Неведомый знакомец явно успокоился, словно ожидал от Билла враждебности и приятно изумлен его вежливым тоном. Тонкое лицо просветлело.

— Чудесный, — сказал он. — Чудесный, чудесный, чудесный.

Наступило неловкое молчание. И тут на Билла что-то нашло. Повинуясь непреодолимому порыву, он выбросил вперед руку.

— Держите! — выпалил он, сунул молодому человеку пакет и быстро зашагал прочь. Чувства в нем бурлили, но сильнее всего было непомерное, ошеломляющее облегчение. Он вспомнил, как в детстве впервые прочел рассказ Стивенсона — тот самый, в которым надо продать бутылку с чертиком дешевле, чем ты ее купил. С той поры прошло лет двенадцать, но сейчас отчетливо вспомнилось то мгновение, когда пьяный шкипер забирает у героя бутылку. Ощущение — в точности то же самое. Молодой человек, вполне вероятно, сочтет его сумасшедшим, но вряд ли побежит

следом. Если же побежит, придется держаться твердо.

Билл остановился. Плавный ход его мыслей резко застопорился — он внезапно сообразил, где видел этого молодого человека. Ну конечно же, в саду Холли-хауза, когда гонялся за ним, чтобы учинить расправу! Это Родерик Пайк.

Билл мрачно улыбнулся. Родерик Пайк! Нет, Родерик Пайк не побежит возвращать пакет.

И тут мысли его понеслись с такой быстротой, что он перестал за ними поспевать. Если это Родерик Пайк, то с какой стати он разгуливает по парку рука об руку с девушкой? Ему положено брести, не разбирая дороги, и думать о сбежавшей невесте! Как смеет человек, лишившийся Флик, вести себя настолько бездушно!

Тут мысли приняли новое направление, и были они так тяжелы, что Биллу пришлось сесть.

Флик! Конечно, он и на минуту по-настоящему не забывал ее, но именно встреча с Пайком воскресила в памяти ее образ, да так живо, будто он только что вспомнил. Флик!.. Он видел ее так явственно, словно она рядом… Флик радостная, улыбающаяся; Флик усталая, в слезах; Флик испуганная, ищущая у него защиты… целая галерея портретов, один милее другого. И вдруг, как если бы он знал это все время, Билл понял, что любит Флик.

Конечно… Какой же он болван, что не догадался раньше! Джадсон говорит, что он хмурый, как дождливое воскресенье в Питсбурге. Правильно. Так и есть. А почему? Потому что с отъездом Флик жизнь стала пустой и бессмысленной. Это и терзало его в последние недели.

Билл встал. Горя тем жаром, который находит в минуты прозрения, он полез в карман за трубкой — сейчас определенно требовалось выкурить трубочку, а то и две — и обнаружил, что забыл ее дома. Поскольку без трубки думать невозможно, он повернул назад.

Джадсон, образец такта, по-прежнему где-то гулял. Билл порадовался — он предпочитал побыть в одиночестве. Трубка отыскалась на обеденном столе рядом с недописанным письмом; Билл забрал ее и ушел в гостиную.

На столике лежала телеграмма. Билл распечатал ее, втайне надеясь, что она — от Флик, и с разочарованием прочел, что дядя Кули прибывает завтра в Саутгемптон и рассчитывает увидеть его в три часа в Клубе букинистов на Пэлл-Мэлл.

Билл не знал, что мистер Параден собирается в Англию, и пожалел, что не сможет сообщить ничего ошеломляющего о мистере Уилфреде Слинсби. Да, дядя Кули приезжает совсем некстати.

Однако от него нельзя просто отмахнуться. Билл посчитал, что произведет лучшее впечатление, если не станет дожидаться трех, а поедет на вокзал Ватерлоо встречать поезд из Саутгемптона. Приняв решение, он сел и погрузился в сладкие мечты о Флик.

Глава XIV ЧУДО НА ВОКЗАЛЕ ВАТЕРЛОО

1

На следующее утро Билл легкой походкой шагал через мост. Он шел на вокзал. Часть предыдущей ночи он провел без сна и временами даже сомневался в цельности своего характера. Он спрашивал себя, способен ли на подлинные чувства человек, так легко переходящий к новой любви? или это пустой, мелкий тип, достойный всяческого презрения? С двенадцати тридцати до без четверти два он склонен был ответить отрицательно на первый вопрос и положительно на второй, но в час сорок пять его разгоряченный ум наткнулся на утешительную мысль о Ромео.

И впрямь, Ромео. Поколения влюбленных видели в нем свой образец, а ведь Шекспир сам описывает, как, скажем, в 21.30 друзья потешаются над его страстью к Розалине, а в 21.45 он уже боготворит Джульетту. А уж Ромео никто не назовет мелким и пустым.

Нет, все в порядке. Просто повязка упала с его глаз, а это может случиться с каждым. Чем ближе Билл подходил к вокзалу, тем больше убеждался, что Флик создана для него. То, что он испытывал к Алисе Кокер, было типичным заблуждением наивного юноши. Он оглядывался на два месяца назад и жалел себя тогдашнего, словно кого-то другого.

Успокоив, таким образом, душевные сомнения, он немедленно продумал практическую сторону дела. С первым же кораблем он отправляется в Америку, находит Флик и открывает ей свое сердце. Каждая минута, проведенная за три тысячи миль от нее, потеряна безвозвратно.

Странное дело, при мысли о том, чтобы открыться Флик, он не испытал того нервного оцепенения, в котором опрометчиво изливал свои чувства Алисе Кокер. Флик — другое дело. Флик — это Флик. Она — товарищ. На Вестминстерском мосту он уже улыбался прохожим и сообщал полисменам, что сегодня чудесное утро; на Йоркской дороге он дал лоточнику полкроны за коробку спичек, отчего старый скептик немедленно уверовал в чудеса. Под шумные своды вокзала Ватерлоо он вбежал веселой рысцой, которая перешла в галоп, когда носильщик сообщил, что поезд из Саутгемптона высаживает пассажиров на тринадцатой платформе.

Билл без труда отыскал эту платформу. Железная поступь прогресса лишила вокзал Ватерлоо былой таинственности. Когда-то это была загадочная, сумрачная Страна Чудес, по которой беспомощно метались ошалелые существа, тщетно пытаясь что-то вызнать у таких же ошалелых служителей. Теперь здесь все четко и упорядоченно. Билл, не заставший романтических дней, не мог и пожалеть о колоритной дикости. Он купил перронный билет и шагнул в водоворот толпы за барьером.

Платформу заполнили пассажиры, их друзья и родственники. Природная смекалка подсказала Биллу, что дядя Кули—в дальнем конце поезда, приглядывает за выгрузкой багажа. Он ринулся туда с намерением проявить расторопность, избавить дядю от хлопот и продемонстрировать деловую прыть. Отодвинув мальчишку, который пытался продать ему апельсины и шоколад, он пустился бегом, и был вознагражден занятным зрелищем: мистер Параден прыгал в арьергарде толпы, словно низкорослый болельщик на собачьих бегах.

— Здравствуйте, дядя Кули! Как вы? — прытко осведомился он. — Хорошо доехали? Позвать носильщика?

— Уильям! — сердечно воскликнул, оборачиваясь, мистер Параден. — Не ожидал. Спасибо, что встретил.

— Я решил, что смогу помочь вам с чемоданами.

— Спасибо, я сам. У меня книги, с которыми я предпочитаю не расставаться. Встретимся на платформе. Там Гораций.

Перспектива посудачить с Горацием не очень вдохновила Билла, но мистер Параден уже поймал проходящего носильщика и указывал на чемоданы с видом коллекционера, демонстрирующего собрату коллекцию драгоценных камней. Он явно торопился избавиться от племянника.

— Иди, поговори с ним, — сказал он. — Вот этот большой, тот маленький, и еще пять. (Это уже носильщику). — Кстати, встретишь кое-кого знакомого. По крайней мере она говорит, что вы виделись.

— Она?

— Да. Фелисия Шеридан. Племянница Синклера Хэммонда, у которого я останавливаюсь.

Вокзал Ватерлоо всегда бурлит, но при этих словах Биллу показалось, что все вокруг зашипело и запенилось. Путешественники, их друзья и знакомые, носильщики, газетчики, начальник вокзала, мальчишка, упорно пытавшийся всучить ему апельсины и шоколадки, — все замелькало в дикой сарабанде. Прочная платформа качнулась. Свисток паровоза прозвучал ликующим воплем.

— Флик! — выдохнул он. — Флик здесь?!

Мистер Параден не ответил. Вместе с носильщиком он оказался в центре водоворота и теперь гнался за своими чемоданами, как терьер — за кроликом. Билл, которому хотелось задать несколько вопросов, с уважением отнесся к его занятию и, набрав в грудь воздуха, напролом ринулся по перрону, словно по футбольному полю. Возмущенное человечество рассеивалось на его пути. Возбудив в ближних больше негодования, чем судья на школьном чемпионате, он оказался на сравнительно открытом месте. И здесь, за руку с несносным Горацием, стояла Флик.

2

Из всех, кто при встрече с Горацием желал ему провалиться сквозь землю, никто не чувствовал этого сильнее, чем Билл. Даже мистер Шерман Бастабл в минуты наибольшего отвращения не находил своего питомца настолько невыносимым. Раздражало уже само его присутствие, но еще хуже была стервозная улыбка на веснушчатом лице. От такой ухмылки всякое нежное чувство должно испуганно съежиться. На мгновение Билл ощутил себя побежденным. Гораций врос в перрон. «Попробуйте меня согнать! — говорил его вид. — Скорее вам удастся сдвинуть платформу». Билл совсем было растерялся, но *тут* пришло озарение. Редкий мальчик откажется перехватить чего-нибудь вкусненького. С какой стати Гораций окажется исключением?

— Привет, Гораций, — сказал он. — Что-то ты совсем осунулся. На, возьми. Буфет — вон там.

Желудок Горация обладал свойством, которое обычно приписывают лестнице Фортуны, — наверху всегда оставалось место. Без единого слова (поскольку короткое сопение, призванное, вероятно, выразить благодарность, словом не назовешь) он выхватил у Билла монетку и был таков. Билл повернулся к Флик, которая во все время деловой беседы смотрела на него круглыми от изумления глазами.

— Флик! — сказал Билл.

— Билл! — сказала Флик.

— Я люблю тебя, — сказан Билл. — Я люблю тебя, я…

— Апельсины и шоколадки, — раздался бесстрастный голос у его плеча, — апельсины, бутерброды, шоколадки…

Билл обернулся, помышляя об убийстве. Мало того, что его отвлекли в такую минуту — да за это одно можно огреть дубиной по голове!

Несколько минут назад он раз и навсегда выразил свое отношение к шоколадкам. Вопрос был самый простой, чтоб уладить его, сторонам требовалось лишь немного разума и минимум доброй воли. Мальчик считал, что Биллу нужны апельсины и шоколадки. Билл полагал иначе, что и высказал вполне внятно. Теперь же оказалось, что они перекрикивались через бездну непонимания.

— Не надо мне апельсинов, — прохрипел Билл.

— Шоколадки? — предложил мальчик. — Для дамы?

— Дама не хочет шоколада…

— Бутербродик?

— Нет.

— Булочки, конфеты, шоколадки, трубочки с орехами, апельсины, яблоки, пирожки, бананы! — нежно пропел мальчик. У него был чистый, мелодичный голос, он выводил трели, словно дрозд в мае. Для шлягера не хватало только музыки Джерома Керна.[16]

Билл схватил Флик за руку и потащил по платформе. Считается, что влюбленные не видят и не слышат ничего, но Билл, хоть и сгорал от страсти, не сумел достичь подобного состояния. Вокзал казался ему исключительно перенаселенным. Непонятно, откуда столько народа? Можно подумать, не только все лондонцы, но и все жители Британских островов сговорились с американскими гостями, чтоб не дать ему поговорить с Флик.

— С тех пор как ты уехала, — продолжал он, останавливаясь за багажной тележкой, — я…

Багажная тележка внезапно ожила и въехала между ними, словно Джаггернаут.[17] Когда она миновала и Билл снова собрался заговорить, кто-то энергично постучал пальцем по era плечу.

— Извините, — произнес голос с сильным американским акцентом. — Не скажете, где здесь телеграф?

В трудную минуту все мы становимся стратегами. Билл схватил американца за руку и развернул на сто восемьдесят градусов.

— Сам не знаю, — отвечал он, — но вот тот мальчик вам объяснит. Видите, с апельсинами и шоколадками.

— Спасибо, сэр. Спасибо.

— Не за что. Флик, милая, — продолжал Билл, — с тех пор, как ты уехала, я сам не свой. Сперва не мог понять, в чем дело, и вдруг до меня дошло. Я должен говорить быстро, так что вот. Я люблю тебя. Я… Виноват? — ледяным голосом произнес он, оборачиваясь на резкий тычок

под ребра, нанесенный, видимо, острием зонтика.

Мощная дама в шляпе с коричневой вуалью повторила вопрос.

— Где вам найти носильщика? — с нажимом переспросил Билл. Интересно, почему все считают его справочным бюро? Вроде бы скорчил суровую рожу, так нет, стекаются тучами, словно он — их ангел-хранитель. — Да где угодно! Их здесь, как собак нерезанных. Вон, около мальчика с апельсинами.

— Не вижу.

— Только что был.

Мощная дама недовольно двинулась прочь, тряся вуалью. Билл повернулся к Флик.

— Разрешите, сэр.

На этот раз носильщик с тележкой. Вот ведь ирония судьбы. Носильщик, без сомнения, разыскивает мощную даму с чемоданами, которая только что отвлекала Билла расспросами о носильщике. Ему бы свести эти родственные души, но он занят другим.

— Знаю, что ты скажешь, — продолжал он. — Ты скажешь: «А как же Алиса Кокер?» Забудь про нее. Это было наваждение. Обычное наваждение. Я люблю тебя, и только тебя. Да что там, я полюбил тебя с первой встречи.

Он удивился, как легко это выговорил. Самый вид Флик пробуждал красноречие. Она светилась доверием. Точно так же он сказал бы старому другу, что рад его видеть. Никакого смущения, никаких заиканий, как под царственным взором Алисы. Что на него тогда нашло? Как мог он подумать, что влюблен в девушку, чей взгляд наводит на него робость? Самая суть любви (а Билл полагал себя специалистом в этом вопросе), что тебе легко и радостно, как будто любимая — часть тебя.

— Флик, — сказал он, — давай поженимся, и побыстрее. Ее глаза улыбались, самые яркие, самые голубые глаза в мире; вокзал Ватерлоо тоже лучился нездешним светом. Эта улыбка пронизывала каждую клеточку его тела счастьем, о котором немыслимо и мечтать, словно перед путником на снежной равнине затеплилось светлое окошко. Пользуясь тем, что на этом замечательном перроне все целовались, Билл нагнулся и без лишних слов поцеловал Флик, как будто скрепил подписью давным-давно согласованный договор, много раз обсужденный и устраивающий обе стороны. Очень просто и естественно. Как-то так вышло, что все сразу стало на удивление правильным и ясным, и впервые с их встречи в кипящем водовороте Билл сумел произнести связную человеческую фразу.

— Как ты здесь очутилась? — спросил он. — Я собирался за тобой в

Америку.

— У меня кончились деньги. Пришлось телеграфировать домой, и мне ответили телеграммой, чтобы я шла к твоему дяде. Он меня и привез.

— А разве Алиса Кокер о тебе не позаботилась?

— Я у нее не была.

— Почему? Ах да, конечно. — Только теперь до Билла дошло. — Какой же я болван! Чем чаще я оглядываюсь на себя, тем больше убеждаюсь, что я — законченный кретин.

— Неправда.

— Правда. Столько времени не понимать, что люблю тебя! Ты меня на самом деле любишь?

— Конечно. Всегда любила.

— Не понимаю, за что, — честно признался Билл. — Вижу, что любишь. Чувствую. Но за что?

— За то, что ты — самый лучший.

— С ума сойти! Наверное, правда. Во всяком случае, когда ты так на меня смотришь, я в это верю.

Флик ухватила его за руку.

— Билл, милый, что нам делать? Билл удивился.

— Пожениться, конечно. Чем скорее, тем лучше. К слову, мне придется искать работу, не можем же мы жить без денег. Но это устроится. Я чувствую, дядя Кули поможет. Главное — начать.

— Это будет очень трудно.

— Ничуть! Вот увидишь!

— Я про себя. Все считают, раз я вернулась, значит, согласна выйти за Родерика.

— Что? — честно изумился Билл. — Ты хочешь сказать, эту глупость еще не забыли? В двадцатом веке кто-то еще верит, будто девушку можно выдать замуж насильно?

— Если дядя Джордж и тетя Фрэнси что-то решили, неважно, в каком веке это происходит.

— Но ты не выйдешь? — встревоженно спросил Билл.

— Конечно, не выйду, — твердо отвечала Флик. — Только надо быстро что-нибудь придумать. Я точно знаю, что меня запрут. Я себя запятнала, я — беглая. Мне лучше не рыпаться, пока ты все не устроишь. Как будет готово, сообщи.

— Я напишу.

— Нет, они увидят твое письмо, и тогда все пропало. Она осеклась. Билл, не сводивший глаз с ее лица, увидел, что она вздрогнула.

— Что такое? — спросил он.

— Билл, — быстро зашептала Флик. — Не двигайся. Стой, где стоишь, и делай вид, что ты мне — никто. Сюда идет тетя Фрэнси. Надо было догадаться, что она приедет встречать.

Женщина, идущая по перрону, настолько отвечала представлениям Билла о сестре сэра Джорджа, что ему на мгновение показалось, будто они знакомы. Тем не менее он занервничал. Тетя Фрэнси с трудом огибала багажную тележку, и Флик воспользовалась этой заминкой.

— Не двигайся. Она решит, что мы познакомились в дороге.

— Как с тобой связаться? — быстро сказал Билл. (Враг уже обогнул чемоданы.) — Придумал. Какую газету вы читаете по утрам?

— «Ежедневный обзор». Дядя Джордж издает.

— Смотри в колонке «Крик души».

Флик кивнула и быстро обернулась к величественной тетке.

— Тетя Фрэнси! — вскричала она.

С заметной холодностью миссис Синклер Хэммонд подставила беглянке щеку. Ее распирало от желания сказать то, что не принято говорить при чужих. Длиннейшая нотация дожидалась лишь той минуты, когда Билл отойдет.

Флик повернулась к Биллу.

— До свидания, мистер Роулинсон, — весело сказала она, протягивая руку. — Спасибо, что помогли с вещами.

Билл понял намек. Он поклонился величественной тете Фрэнси и пошел прочь, чувствуя себя средневековым рыцарем, который за более спешными делами оставил деву дракону.

Глава XV ДЖАДСОН ВСТРЕЧАЕТ СТАРУЮ ЗНАКОМУЮ

Официант, подав кофе и сигары, удалился, и Билл, перегнувшись через стол, заговорил доверительным шепотом.

— Джадди, старик, — сказал он, — я должен тебе кое-что сообщить.

За время еды он не единожды собирался с духом, чтобы начать, но всякий раз оркестр (имевший дурную привычку неожиданно вступать с «Богемой» или еще более громкой классикой) разражался очередным пароксизмом. Билл, который испытывал острую потребность излить душу, бесился. Со встречи на вокзале Ватерлоо прошла неделя. Всю эту неделю он носил в сердце тайну, и она с каждым днем все сильнее рвалась наружу.

Пришло время поделиться ею хоть с кем-нибудь, а во всем большом городе на роль слушателя годился один Джадсон. Друг с удовольствием затянулся.

— Валяй, — добродушно произнес он.

Во-первых, у него самого была припасена приятная тайна, во-вторых, он был сегодня расположен ко всему миру, а к Биллу — особенно. За последнюю неделю между ними восстановилось прежнее уважение. Сникший было друг внезапно ожил, словно политый цветок. Он насвистывал, расхаживая по квартире, а сегодня превзошел самого себя, пригласив Джадсона пообедать в «Регенте», а после закатиться на ревю в «Альгамбру». Джадсон всецело одобрял перемену.

Билл опасливо огляделся. Официант исчез. Ближайшие посетители сидели достаточно далеко. Оркестр вышел из очередного приступа и теперь медленно оправлялся, неспособный временно производить шум. Билл решил, что можно продолжать.

— Ты не заметил, что в последние дни я несколько изменился? — спросил он.

— Еще как! — от души поддержал Джадсон. — Прямо солнечный луч.

— Так я скажу тебе, отчего. Джадди, старина, я понял, что такое любовь.

— Как, опять?! — воскликнул Джадсон.

Билл нахмурился. Он ждал большего такта.

— Если ты про Алису, — сухо сказал он, — то это было наваждение.

— Ясно.

— Теперь все по-настоящему.

— А!

— Что значит «а!»? — обиженно переспросил Билл.

— Ничего. Просто «а!». Можно же, — сказал свободолюбивый Джадсон, — воскликнуть «а!».

— Это прозвучало так, словно ты сомневаешься в моих словах.

— Да ничуть. Я просто подумал…

— Что?

— Ну, не слишком ли скоро? То есть неделю назад ты сходишь с ума по Алисе, а через семь дней забываешь ее и влюбляешься в другую. Нет, я тебя не виню, — милостиво заключил Джадсон. — Я вообще за быстроту.

Билл уронил пепел в кофейную чашку. Он жалел, что вынужден изливать ему душу. Бесчувственный чурбан — вот Джадсон Кокер в двух словах. Потрепаться о пустяках — пожалуйста, но никакого сердца.

— Я не знаю, что ты считаешь быстротой, — сказал Билл.

— Может, тебе показалось, что это было не так и скоро, — сказал примирительно Джадсон.

— Я знаю Флик много лет.

— А, Флик! — с жаром подхватил Джадсон. — Таких девушек поискать. Если бы ты полюбил Флик…

— Я полюбил.

— Давай-ка разберемся, — сказал Джадсон и отхлебнул кофе, чтобы прояснить мысли. Вечер проходил в сугубо безалкогольном духе, тем не менее в голове у него слегка мутилось. — Неделю назад ты был без ума от Алисы. Потом ты влюбился в другую девушку и рассказал мне о ней. Теперь ты говоришь, что любишь Флик. Не понимаю. По-моему, это верная дорога к двоеженству. Я сам, — великодушно добавил Джадсон, — ничего против двоеженства не имею. Наверное, очень приятно, когда у тебя два дома.

Билл внутренне застонал. Лучше изливать душу диктофону, чем тратить слова на это бессмысленное существо.

— Нет, какой болван! — в сердцах произнес он. — Неужели до тебя не дошло, что я с самого начала толкую о Флик?

— То есть девушка, в которую ты влюбился, — Флик? — изумленно произнес Джадсон. — Не вторая, в смысле не третья?

— Нет никакой третьей девушки, — сквозь зубы процедил Билл.

— Ты сказал, что есть.

— Ничего я не говорил. Я внезапно понял, что всегда любил только Флик.

— А! Теперь ясно. Ты всегда любил только Флик? Жаль, ты не понял

раньше, когда она не уехала в Америку.

— Если б она не уехала в Америку, я бы этого не понял.

— Что же ты будешь делать? Пошлешь телеграмму?

— Она вернулась.

— Неужели?

— Да. В субботу я встречал дядю и увидел ее, — голос Билла дрогнул. — Джадди, я сказал, что люблю ее, и она ответила, что любит меня.

— Обалдеть.

— Что она во мне нашла? Ума не приложу.

— Я тоже, — согласился Джадсон.

— Но тут есть одна загвоздка. Понимаешь, она вернулась, чтобы выйти за Пайка. Джадсон содрогнулся.

— За того, который написал, что Тодди ван Риттер основал Шелковый Клуб? Слушай, Билл, ты должен вмешаться. Это же ни в какие ворота. Я ничего не имею против Тодди. Тодди, доложу тебе, повел себя крайне благородно — сегодня я получил от него письмо, — но вот Пайк… Ты должен любой ценой ее остановить, чтоб она за него не вышла.

— Она и не выйдет, — твердо сказал Билл. — Ты пойми, она осталась на мели, струсила и послала своим телеграмму, что хочет домой. Они все устроили, но теперь считают, что она выйдет за Пайка…

— За эту скотину! — возмутился Джадсон. — За последнего подонка! Это невозможно.

— Этого и не будет, — нетерпеливо произнес Билл. — Но пойми, она не может снова сбежать из дома, пока не уверена, что я смогу о ней позаботиться. А загвоздка в том, что я не могу о ней позаботиться, пока не докажу дяде, что способен работать.

— Разоблачишь проходимца Слинсби, и дело в шляпе.

— Откуда я знаю, что он — проходимец?

— Проходимец, — с жаром произнес Джадсон. — Я не говорил тебе раньше, но я попросил у него выпить, а он дал мне чашку какао и сказал, что оно питательное.

— Теперь она пишет, что ее торопят со свадьбой, — продолжал Билл. — Я каждый день даю объявление, а сегодня получил письмо, что свадьба через неделю. Получается, что я сам их на это толкаю! — Он застонал. — Пусть только попробуют! Я выкраду Флик, женюсь и устроюсь на любую работу. На любую. Только бы продержаться какое-то время, пока я стану на ноги.

— Мда, — с сомнением произнес Джадсон. — По-моему, это дохлый

номер.

— В каком смысле?

— Знаешь, у некоторых слишком мало мозгов, чтоб владеть улицами, но слишком много, чтобы их мести.

— Буду мести, если до этого дойдет! Ты не знаешь, что такое любовь, а то понял бы, что ради нее можно пойти на все.

Беззаботная холостяцкая жизнь настолько устраивала Джадсона, что он не мог как следует посочувствовать.

— Не скажу, чтобы мне самому хотелось жениться, — задумчиво произнес он, — но, похоже, что-то в этом все-таки есть. Приятно, наверное, встать и сказать: «Баста, ребята! Мне больше не наливать! Я — домой. Жена заждалась».

— Вот именно, — согласился Билл, приятно удивленный, что чурбан способен на такие возвышенные чувства.

— И все-таки, — в раздумье продолжал Джадсон, — есть другая сторона. В три утра ты проскальзываешь в дом, на цыпочках поднимаешься по лестнице, вставляешь ключ в замочную скважину, которую накануне заботливо смазал маслом, — и обнаруживаешь, что жена закрылась на цепочку. Нужно посмотреть со всех точек зрения.

Билл подозвал официанта, который снова возник и многозначительно мялся рядом. От возмущения он просто не мог говорить. Еще раз пожалев, что вынужден поверять свои тайны бесчувственному животному, он молча расплатился и вышел.

— Вот что я подумал, — сказал Джадсон, устремляясь за ним к дверям. — Возьми-ка специальное разрешение. Вдруг надо будет расписываться сей момент. Без разрешения нельзя.

— Я взял, — холодно произнес Билл. После этого он молчал, пока они не заняли места в «Альгамбре», да и здесь открыл рот лишь однажды: чтобы сказать «Заткнись!» спутнику, которого программка привела в неимоверный восторг.

— Да это же она, — с жаром возразил Джадсон, тыча ему в лицо программку и указывая на имя одной из исполнительниц. — Лилия Бум — редкое сочетание. Говорю, это она. Мы познакомились в Нью-Йорке, она танцевала в «Фолли». Скажу точно, как только выйдет кордебалет… Да! Она! Вторая с краю. Провалиться мне! Кто бы подумал, что она здесь!

Он на мгновение смолк, но тут же возбужденно залопотал, как однажды вечером они с Джимми Булем, Фредди Осгудом, мисс Бум и ее приятелем — имя на языке вертится, вроде бисквит, но не бисквит, — закатились в Гринвич-виллидж отмечать день рождения Джимми, а

Фредди так накачался, что полез играть на барабане, хотя трезвый Фредди сам бы первый сказал, что смыслит в барабанах, как…

— Заткнись! — сказал Билл.

— Ладно, — огорчился Джадсон, — это все равно она.

В современном ревю есть некоторая лихорадочность, которая веселит человека беспечного, но раздражает тех, кто снедаем тяжкой заботой. Вскоре Билл, которого не отпускали мысли о Флик и ее письме, пожалел о своей идее. Грохот музыки и бессмысленное мельтешение кордебалета действовали ему на нервы. К концу первого отделения он понял, что сыт по горло. Ему хотелось на воздух.

— Я еду домой, — объявил он.

— Домой? — изумился Джадсон. — Да ты что?

— Хочешь досидеть до конца, оставайся. А мне надо пройтись и подумать.

— Ах, подумать! Тогда ясно. До скорого.

Билл вышел из «Альгамбры» и, перейдя Лестер-сквер, бессмысленно побрел в сторону Пиккадилли. После жаркого и шумного театра прохладный ночной воздух действовал успокаивающе. В загадочной небесной сини проступили звезды, они подмигивали Биллу, словно сочувствовали ему и жалели, что не могут помочь. В такую ночь положено стоять под окном у любимой и…

Билл остановился так резко, что его чуть не сбило такси. Как же он не додумался раньше! Ясно, что в такую ночь для него есть лишь одно место в мире. Он замахал таксисту, который, высказав, что думает по его поводу, собрался уже ехать дальше.

— В Уимблдон, — сказал Билл.

Глава XVI СВИДАНИЕ ДЛЯ БИЛЛА

Когда Билл свернул на улицу Принца Уэльского, Лондон был пуст и безжизнен. Даже кофейня в конце улицы стихла, покинутая завсегдатаями. Он не знал, что уже давно за полночь, часы его встали, как и само Время. Он смутно ощущал приятную усталость, поскольку, как перед тем Джадсон, пришел из Уимблдона пешком — но не по необходимости, как тот, а потому, что в теперешнем возбужденном состоянии не мог передвигаться иначе.

Влюбленные — странный и непредсказуемый народ. Если б Билла спросили, чего он добился, проторчав три часа под окнами Холли-хауза, он бы не ответил, однако чувствовал, что потратил время не зря. Его рвение не угасил даже тот факт, что он, не зная расположения комнат, не мог определить, какое из гаснущих одно за другим окон принадлежит Флик. Очень может быть, что он обращал свой душевный пыл к окошку дяди Кули или даже миссис Хэммонд; его это не огорчало. Он сделал единственно возможное и теперь готов был рухнуть в постель, чтобы увидеть во сне внезапное богатство и время, в котором они с Флик будут жить долго и счастливо.

Он поднялся на пять лестничных маршей к номеру девять доходного дома Мармонт и, ступая тихо, чтобы не разбудить Джадсона, прошел в спальню. Через десять минут он уже спал. Невозможно сказать, когда именно Билла разбудил шум — ему показалось, что рушится потолок. Вероятно, он проспал несколько часов, поскольку прямоугольник окна из черного превратился в серый. Он уже решил было, что грохот ему приснился, когда веселое похохатывание за дверью вернуло его к реальности. Кто-то колобродил в доме, и, как ни мало ему хотелось вылезать из постели, надо было пойти и разобраться. Только помешанный станет орудовать с таким хохотом, но серьезный жилец обязан вышвырнуть и помешанного грабителя. Билл сунул ноги в шлепанцы, вооружился стулом и ринулся вперед.

Шум, очевидно, произвела упавшая вешалка, а уронил ее Джадсон Кокер в попытке повесить шляпу. Теперь он стоял, удобно прислонившись к входной двери, и радостно обернулся в сторону Билла. Он по-прежнему был в вечернем костюме, но уже без белого галстука — его место заняла голубая лента, какую девушки обычно вплетают в косу; она шла наискосок поверх рубашки и придавала Джадсону смутное сходство с послом.

Волосы его были всклокочены, лицо светилось дружеским расположением. Во всем Баттерси не было сейчас человека счастливее Джадсона Кокера.

— Привет, Билл! — весело вскричал он. — Слушай, я никак не могу справиться с этой штуковиной. Я ставлю, а она падает, я опять ставлю, она опять падает, а я опять… О чем я?

Билл опустил стул и сурово посмотрел на Джадсона, потом наклонился и возвратил вешалку в вертикальное положение. Джадсон, наблюдавший за ним с напряженным волнением, словно Билл идет по проволоке над Ниагарским водопадом, восторженно закричал:

— С первого раза! — В его голосе не было и тени зависти, одно восхищение. — Вот так взял и поставил! Ты лучше меня, Гунга Дин![18]

— Прекрати орать! Оглохнуть можно! Джадсон покорно кивнул.

— Ты прав, Билл, то есть абсолютно. Ты всегда абсолютно прав. Это большое дело. Знаешь, Билл, я ужинал. Помнишь, я показал тебе девушку в Аль… аль… альбам… Погоди! — важно произнес Джадсон, вскидывая руку. — Многие считают, что я не могу выговорить это слово. Считают, считают! На весь Лондон раззвонили, что я не могу выговорить слово «Аль-бам-бра». А я могу, могу, могу. И я рад! рад!! рад!!! О чем я?

Билл слегка отошел от суровости, охватывающей нас при внезапном насильственном пробуждении. Ему даже стало интересно.

— Ты кого-то встретил и тебя позвали ужинать? — спросил он.

— Нет, сэр! — отвечал Джадсон с некоторой даже заносчивостью. — Я позвал. Знаю, что ты сейчас спросишь. Ты спросишь, откуда у меня деньги? Очень честно с твоей стороны задать подобный вопрос. По-мужски, как я это называю, по-мужски. У меня завелись деньги, Билл, потому что у меня есть голова.

— Завтра она о себе напомнит, — жестоко заметил Билл.

— Светлая рассудительная голова, — продолжал Джадсон. — У других ее нет. И где они? Метут улицы. Знаешь, что я сделал? Послушай, послушай. Ты человек молодой, хочешь пробиться в жизни, тебе это полезно. Аль-бам-бра! Раз скажешь, а дальше уже и нетрудно. Помнишь, как во всех лондонских газетах пропечатали, будто Тодди ван Ритер основал Шелковый Клуб? Так вот, я вырезал заметку, послал Тодди и приписал, так и так, ты молодой человек, стремишься пробиться в жизни, а я вот сделал тебе доброе дело, напечатал это во всех лондонских газетах. И там же — главное, Билл, не упускай из виду слово «Аль-бам-бра» — попросил прислать мне сотню зелененьких. Что он сделал? Прислал. Сегодня утром принесли. Если кто думает, будто после легкого ужина я не могу произнести слово «Аль-бам-бра», так это вранье! Вранье. (При этих

словах Джадсон взмахнул рукой и чуть не упал, ему пришлось ухватиться за вешалку.) — Подлое, гнусное вранье. А ты, Билл, не хуже меня знаешь, что нет ничего страшнее вранья.

— Шел бы ты спать, — сказал Билл.

— Пойду, — согласился Джадсон, мудро кивая светлой рассудительной головой. — Вот прямо сейчас и пойду. Хотел бы я видеть человека, — он с внезапной свирепостью воззрился на вешалку, — который помешает мне улечься в постель. Да, я такой! Решительный и откровенный. Кому не нравится, так и не надо. Я иду спать. Прямо сейчас!

— Сюда, — сказал Билл. — Осторожней, не споткнись.

— Надо же, — хихикнул Джадсон. — Ровно эти слова сказала та девушка. Из Аль-бам-бры. — Он остановился. — Билл, я что-то собирался тебе сказать. Очень важное. Но что? Ага! Снова забыл. Ладно, вспомню. Учти, Билл. Сколько б небо ни хмурилось, сколько б погода ни портилась, я вспомню. Спокойной ночи, Билл. Заболтал ты меня! — и с коротким вскриком «Аль-бам-бра!» Джадсон исчез в комнате.

В окно уже струился розовый утренний свет, и птичье население парка Баттерси приветствовало его звонким чириканьем. Свет и гомон не дали Биллу заснуть; оно и к лучшему, потому что через час дверь отворилась, и вошел Джадсон в синей пижаме.

— Пришел сказать тебе, что собирался, — произнес Джадсон. — Минуту назад вспомнил.

— Ну?

Джадсон на мгновение погрузился в задумчивость.

— Извини. Опять забыл, — сказал он. — Доброй ночи, старик.

Он ушел. Билл прикрыл глаза. Ему показалось, что прошло несколько минут, но когда он открыл их снова, утро было в самом разгаре — распахнув дверь, он услышал приятнее звяканье сковородки. Из-за двери в комнате Джадсона раздавался храп. Под это мелодичное сопровождение Билл прошел в ванну.

Он успел позавтракать и читал воскресную газету, когда наследник Кокеров вышел из спальни. Джадсон был слегка бледен, но тем не менее выглядел много лучше, чем можно было предположить несколько часов назад. Мысли его, видимо, тоже пришли в порядок. Он дружески, хотя и чуть приглушенно, пожелал Биллу доброго утра, потом быстро выпил четыре чашки кофе подряд.

— Мне приснилось, — сказал он, — или я вчера немного шумел? Вроде бы врезался во что-то…

— Ты уронил вешалку.

— Вешалку! — радостно повторил Джадсон. — Вот она, зацепка! Теперь я все вспомнил. Сколько я успел вчера рассказать? Или я не рассказывал? Мне вроде помнится, что мы болтали.

— Ты сказал, что Тодди ван Ритер прислал тебе сто долларов.

— Верно. — Джадсон налил себе еще чашку, но от яичницы отказался легким движением головы и печальной улыбкой страдающего святого. — Вообще-то, — сказал он, имея в виду предложенное ему питательное блюдо, — мне трудно на нее смотреть. Загороди тарелку газетой, Билл. Вот так. Странная вещь с яичницей после этого дела. Вроде как она на тебя глядит. — Он жадно отхлебнул кофе. — Ну так вот. Я говорил, что угощал ужином Лилию Бум?

— Ты сказал, что пригласил кого-то поужинать.

— Ну да. Лилию Бум. Я ее тебе показывал. Хорошая нью-йоркская знакомая. Напомни потом, чтобы я рассказал, как мы с ней, с Джимми Булем и Фредди Осгудом…

— Спасибо, — отвечал Билл. — Об этом ты рассказал в «Альгамбре».

— Правда? Так вот, вчера она прыгала по сцене, потом я подошел и пригласил ее ужинать. Мы отлично провели время.

— Это я заметил.

— Собрали классную компанию И закатились к одному домой. Немножко посидеть. Соседи снизу вызвали полицию только в половине четвертого. Так вот, что я пытаюсь тебе рассказать. Лилия мне сказала потрясную вещь. Ты будешь скакать от радости. Я бы еще вчера тебе передал, да из головы вылетело.

— Теперь-то ты вспомнил?

— Конечно. Это про гада Слинсби.

— Слинсби! — Билл отложил вилку и нож. Только сейчас он отважился поверить, что у Джадсона действительно важная новость. — Он-то тут при чем?

Джадсон печально тряхнул головой, словно сокрушаясь об испорченности этого мира.

— Слинсби подло обошелся с Лилией, Билл. Точно не расскажу, потому что, между нами, плоховато соображал, но суть в том, что у Слинсби с ней что-то было, а потом он слинял и закрутил с девицей из «Гейти». Ну, Лилия долго не раздумывая, поставила ему фингал и навсегда исчезла из его жизни.

— Фингал? Так вот, значит…

— Именно. Это было вечером накануне того, как Флик пришла к нему на работу. Но речь о другом. Я перехожу к самому главному. Разговор

зашел о тебе, я упомянул, что ты — племянник старого Парадена, приехал в Лондон узнать, чего у бедняги падают прибыли. Тут Лилия сказала, что тебя-то ей и надо, — она объяснит, в чем финт.

Билл взволнованно выпрямился.

— Так Слинсби и вправду финтит?.

— Насколько я понял с ее слов, давно и на полную катушку. В том-то и суть. К тому времени я набрался, можно сказать, до бровей, но это я усек. Слинсби, тоже, надо думать — с пьяных глаз, сделал ужасную глупость, выболтал ей все. До последней подробности! Где труп зарыт, и все такое. Не пойму, как эти хваленые умники дают маху с женщинами. Возьми хоть Самсона. Или, скажем, Марка Антония. Чем выше они,[19] — вздохнул Джадсон, — тем больнее им падать.

— Так в чем дело? Что там у Слинсби за афера?

— А вот этого, — отвечал Джадсон, — она мне не сказала. Для тебя преберегает. Хочет рассказать лично, чтобы ты передал старику. Решила насолить Слинсби. Я все устроил. Сегодня вечером угощаешь ее обедом.

— Сегодня?

— Ну да. Если хочешь, пойду с тобой.

— Спасибо, не надо.

— Ты уверен? Меня бы нисколько не затруднило.

— Уверен, спасибо.

— Ладно, — обреченно произнес Джадсон. — Наверное, ты прав, — добавил он после недолгого раздумья. — Может, не так и плохо посидеть вечером в тишине, лечь пораньше. Не знаю, с чего бы это, но мне сегодня неможется. Голова, то-се. Погода, наверное. Ладно, встречаетесь у Марио в четверть девятого. Ты ее узнаешь. Высокая такая брюнетка, похожа на танк.

— У Марио? — повторил Билл. — Нет, нет…

— А? Почему?

— Это место свято. Когда Флик уезжала в Америку, мы устроили там прощальный обед.

— Поедешь к Марио, и без никаких! — твердо произнес Джадсон. — Господи, неужели она станет все переигрывать из какого-то твоего каприза? Скажи спасибо, что она вообще согласилась с тобой встретиться.

— Да, — сказал Билл. — Наверное, ты прав.

— Четверть девятого, в вестибюле. Ты сразу ее узнаешь. Она будет в красном платье. На испанку похожа, глаза блестят, полон рот зубов…

— Ух!

— Что? — забеспокоился Джадсон.

— Ничего.

— Отличная девушка. Огонь! Тебе понравится.

— Обязательно, если расскажет что-нибудь важное о Слинсби. Джадди, ты понимаешь, что это все меняет? Если ты прав, дядя Кули мне ни в чем не откажет.

— А то! — согласился Джадсон.

— Тогда можно будет забрать Флик от этих ужасных людей и сразу пожениться. Господи! Джадди, ты представить не можешь, как я люблю Флик. Она — просто фея какая-то. Порой, когда я сижу один, я отчетливо вижу ее прекрасное лицо, сияние синих глаз…

Джадсон потянулся за спортивной газетой и водрузил ее перед собой. Обязанности друга тоже не безграничны.

— Потом, потом, старик, — сказал он.

Глава XVII ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕР У МАРИО

1

Ничего похожего на дух дружества и оптимизма, воцарившийся по адресу Баттерси, доходный дом Мармонт, 9, не проникло с приездом Флик в Холли-хауз, Уимблдон. Хотя возвращение блудной племянницы сопровождалось почти библейским ликованием, разве что без упитанного тельца, Флик не радовал вновь обретенный кров; день за днем она заставляла себя думать о Билле, чтобы окончательно не впасть в тоску.

Лекция, которую тетя Фрэнси начала на вокзале Ватерлоо, длилась без остановки целую неделю, а к семи часам вечера в воскресенье она переросла в такой поток красноречия, что мистер Синклер Хэммонд сбросил оковы возраста и проявил свирепую решимость, тем более устрашающую, что исходила она от человека мягкого.

— Флик, — сказал мистер Хэммонд странным, напряженным голосом, перебив монолог жены.

— Да, дядя Синклер?

— Вышла бы ты на минутку.

Миссис Хэммонд устремила на мужа взгляд, под которым он в прежние времена тут же уткнулся бы в книгу. Но сегодня это не подействовало. Ад не ведает той ярости, на которую способен мирный покладистый человек, когда наконец решается дать отпор. Мистер Хэммонд неделю кипел на медленном огне, и силы в нем скопилось с избытком. Подобно тому, как другой мягкий человек, Билл Вест, рассвирепел от удара палкой, так и Синклер Хэммонд бросился я бой, слыша, как его любимую племянницу учат и учат, песочат, воспитывают и вообще терзают.

— Я говорю с Флик, — холодно сказала миссис Хэммонд.

— Выйди, Флик, — с кривой полуулыбкой произнес мистер Хэммонд.

Флик вышла.

Миссис Хэммонд величаво повернулась к мужу. Некому было сказать ей, как некогда французскому королю, что это не бунт, а революция, которая положит конец ее безраздельному владычеству, и она думала, что подавит его привычным способом.

— Помолчи, — сказал мистер Хэммонд. Миссис Хэммонд замолчала.

— Тебе придется прекратить это, Фрэнси, — сказал мистер Хэммонд, но глаза его, устремленные на жену, горели огнем. — У тебя было вдоволь времени высказать Флик все, что надо, и даже больше, а теперь довольно. Ты поняла? Я не позволю мучить бедного ребенка. А чтобы у тебя не было соблазна, я еду с ней ужинать. Отвезу туда, где музыка, огни и добрая тяжелая пища. Оркестр будет играть, свет — заливать зал. Кто знает, может, я даже с ней потанцую. А когда мы вернемся — часам так к шести утра, — ты встретишь ее своей знаменитой улыбкой, заключишь в материнские объятия и будешь беспечно болтать исключительно о светлых сторонах жизни. Я понятно выразился?

— Синклер, — возразила миссис Хэммонд, и в голосе ее звучала испуганная мольба. — Ты не можешь увезти Фелисию. Сегодня приедет Джордж!

— Твой брат Джордж, — сказал мистер Хэммонд, — человек во многих отношениях замечательный. Я нередко им восхищаюсь. Но в застольные собеседники Флик он сейчас не годится. Он будет ей выговаривать, а я не намерен этого допустить.

— Он удивится, если Флик не будет за обедом! — простонала миссис Хэммонд.

Мистер Хэммонд нежно поцеловал ее в лоб. Он очень любил свою Фрэнси.

— Зато, — игриво сказал мистер Хэммонд, — он сможет написать об этом статью. «Знаменитые племянницы, которые удивляли своих знаменитых дядюшек». Ладно, пойду одеваться. Боюсь, что случай требует белого жилета. — Он вздохнул. — Ладно, в этой жизни все мы должны приносить жертвы.

Он снова поцеловал миссис Хэммонд и, напевая, вышел из комнаты.

— Флик! — позвал он. Флик появилась из гостиной.

— Флик, — сказал мистер Хэммонд, — мы с тобой — двое молодых лоботрясов. Как насчет того, чтобы где-нибудь пообедать? В каком-нибудь отвратительном кабаке. Давай поедем в ночной клуб из тех, о которых пишут «Светские сплетни», и где царит сущий ад.

Флик с недоверчивым ужасом подняла на него глаза. Она очень любила дядю, но понимала, чего он может и чего не может. Это был открытый мятеж — все равно как если б мистер Хэммонд выбросил флаг со скрещенными костями.

— Это было бы здорово! — сказала она.

— Это будет здорово, — поправил мистер Хэммонд.

— Но сегодня приезжает дядя Джордж, — напомнила Флик.

— Знаю. Представляешь, как весело пировать, зная, что дядя Джордж засел в этой гостиной. Все равно что включить холодный душ и смотреть на него из-за порога.

Флик бросилась ему на шею.

— Какой ты милый, дядя Синклер!

— Ну, мне показалось, что пора немного встряхнуться. Куда едем? Ты знаешь хорошенькое злачное местечко?

— Поехали к Марио.

— К Марио? Не слыхал. Для разнузданного юнца, о которых сейчас столько пишут, я плоховато знаю лондонский Вест-энд. Достаточно ли оно злачное? Я хочу поехать в такое место, где кидаются хлебными катышками. Как у Марио с этим?

— Отлично! Молодой лорд Тревельян как-то уложил шестерых официантов шестью выстрелами.

— Шестерых, — задумчиво повторил мистер Хэммонд. — Ладно, посмотрим, что получится у нас. Откуда ты знаешь этот притон?

— Я была там. — Флик замялась. — С одним человеком.

— Хм? О? А! — Мистер Хэммонд чуть пристальнее взглянул на племянницу. Голос его стал серьезным. — Кто водил тебя к Марио, Флик?

— Билл Вест. Племянник мистера Парадена. Помнишь, я рассказывала в саду.

— Помню. Так значит, он в Англии и вы встретились?

— Да.

— Флик, — сказал мистер Хэммонд, — знаю, ты считаешь меня старым занудой, но, боюсь, вечер в ресторане придется начать с разговора. Не обидишься?

— На тебя — никогда.

— Ладно, — бодро сказал мистер Хэммонд, — к рыбе я уже закончу. А там начнем кидаться хлебом. Этот лорд Тревельян, он как их бил, сидящих или на лету?

— На вспорхе.

— Вот как? — сказал мистер Хэммонд. — Ладно, попробуем. Беги, одевайся. Мне надо выкопать из нафталина белый жилет.

2

— Кликни-ка официанта, дорогуша, — сказала мисс Лилия Бум, указывая на несчастного, который метался между столиками, пытаясь

выполнить работу двух обычных людей, — и напомни, что он, когда был маленьким мальчиком, обещал нам бутылку лансона.

Билл расплылся в вежливой улыбке и повернулся исполнить ее приказ.

— Официант!

— Громче, — посоветовала мисс Бум. — Поменьше от пекинеса, побольше от сенбернара.

— Официант!

— Уже лучше. Голос у тебя хороший. Если будешь тренировать, тебя возьмут объявлять поезда на станции.

Билл снова расплылся. Ему казалось, что это длится уже целую вечность.

Если верно, что можно улыбаться, улыбаться и быть подлецом,[20] то не менее верно и другое: можно расплываться, расплываться и сидеть, как на иголках. Билл не испытывал ни малейшей радости от прославленного ночного клуба «У Марио».

Даже в те далекие нью-йоркские дни, когда он таскался на вечеринки вместе с Джадсоном Кокером, они не доставляли ему особенного удовольствия. Еще до того как он ошибочно вообразил, что влюбился в Алису Кокер, и вследствие этого обратился мыслями к более серьезным вещам, Билл пришел к твердому заключению, что эти вечеринки — скука смертная. Чтобы быть там на своем месте, надо обладать хорошо подвешенным языком. Надо заслужить репутацию уморительного хохмача и классного прикольщика, а к тому же иметь желудок из асбеста и нержавейки. Билл определенно не мог похвастаться этими качествами. Его желудок возмущался уже после второго или третьего коктейля, и никто лучше него самого не знал, что язык у него подвешен так себе, что хохмач он убогий, и ни один сколь-нибудь беспристрастный критик не назовет его прикольщиком.

Сегодня ему пришлось еще хуже. Раньше он был один из многих, сейчас весь груз ответственности лег на его плечи. И нелегкий, надо сказать, груз. Мало того, что обедать здесь с кем-нибудь, кроме Флик, граничило со святотатством, бурная натура мисс Лилии Бум подавила его с первых секунд. Оставалось только дивиться, как верно описал ее Джадсон Кокер.

Джадсон сказал, что она похожа на танк. Чистая правда. Джадсон пообещал, что на ней будет красное платье. Тоже верно, хотя сказано слабовато. Еще Джадсон сказал, что она — огонь. Ошибся он в одном — ему казалось, что мисс Бум понравится его другу. Биллу трудно было бы

назвать живое существо, которое вызвало бы у него большую неприязнь. Ему не нравились большие блестящие глаза, эффектная внешность, слово «дорогуша», которое она начала употреблять еще за супом. А больше всего ему не нравилось, как она подается вперед, хохочет ему в лицо и, пошутив, хлопает его по руке. Мистер Слинсби убедился ранее, что рука у Лилии тяжелая, а теперь она похлопывала ею, как разыгравшаяся лошадь — копытом.

Однако он терпел. Мисс Бум, при всех своих внешних недостатках, обладала одним существенным достоинством — она знала, где мистер Слинсби зарыл труп. Так что Билл, хотя и подумывал с опаской, на что она станет похожа, когда официант принесет наконец бутылку, собрал бульдожье мужество Вестов и решил, стиснув зубы, держаться до конца.

Какой именно труп зарыл мистер Слинсби, еще предстояло выяснить. Пока тянулся бесконечный обед, мисс Бум наотрез отказывалась говорить о «делах».

К тому времени, как принесли кофе, Билл узнал одно: секрет этот — настоящая конфетка, ради которой стоит и потерпеть; и все это время он так старательно развлекал мисс Бум, что даже заслужил похвалу. Она назвала его «хорошим мальчиком». Все знают, что от хорошего мальчика лишь один шаг до уморительного хохмача, а там недалеко и до классного прикольщика. Вскоре после того как Билл был произведен в хохмачи, мисс Бум выразила желание потанцевать.

Билл вежливо встал. Мысль о том, чтобы танцевать с очаровательной спутницей, наполняла его отвращением, но он взял себя в руки. В то самое время, когда они второй раз кружили по залу, Флик с дядей Синклером вошли в ресторан и поднялись по лестнице на балкон. Уступив старомодным приличиям, мистер Хэммонд решил сесть на балконе, а не в основном зале. В зале было слишком много блистательных созданий, безусловно, добрых сердцем и внимательных к родителям, на которых он тем не менее предпочитал смотреть издали. Балкон, оставленный для тех, кто приходит к Марио без вечерних костюмов, представлялся на 99 % свободным. Здесь его белый жилет пропадет втуне, но ничего не попишешь.

Сколько Билл танцевал, он бы сказать не мог — ему казалось, что целую вечность. Время от времени музыка смолкала, они ненадолго возвращались к столику, чтобы через мгновение вновь устремиться на зов саксофонов. Когда Билл уже начал подозревать, что мощная фигура мисс Бум отлита из каучука, та неожиданно выразила желание отдохнуть. Они сели, и Билл, чувствуя, что, если упустит эту возможность, к следующей

уже ничего не будет понимать от усталости, подался вперед.

— Рассказали бы вы мне о Слинсби, — взмолился он.

— Тебе это интересно? — игриво осведомилась мисс Бум.

— Очень.

— Тогда слушай хорошенько, — сказала мисс Бум. — Рассказываю!

Билл придвинул стул еще на несколько дюймов ближе и расплылся в улыбке, преданно глядя мисс Бум прямо в глаза. Та для затравки хлопнула его по ноющему плечу и начала.

3

Мистер Хэммонд одернул жилет, который с последнего появления на людях загадочным образом съежился, и заинтересованно взглянул через перила на праздничную толпу.

— В нашей современной жизни нет ничего более символичного, — сказал он, — чем отношение порядочного круга к воскресному вечеру. Такие места, как это, — внешний и внутренний знак внешних и внутренних перемен в английской семье. Двадцать лет назад уважаемый семьянин вроде меня и помыслить не мог, чтобы выйти воскресным вечером из дома. Двадцать лет назад я бы проводил последние священные часы выходного дня под родимым кровом в окружении любящих домочадцев. Мы бы ужинали довольно жесткой холодной говядиной, довольно мокрым салатом, довольно клеклым яблочным пирогом, бланманже и очень большой, очень желтой головкой сыра. Затем мы бы пели псалмы или, в чуть менее строгой семье, играли в застольные игры с карандашиком и листком бумаги. То, что я здесь и с трудом перебарываю соблазн уронить сардинку на голову вот того лысого джентльмена, означает Поступь Прогресса. — Мистер Хэммонд подцепил на вилку кусок закуски. — Теперь, когда я изложил сии прозаические наблюдения, — сказал он, — давай вернемся к твоему прошлому появлению в этом месте. Как ты тут оказалась?

— Меня привел Билл. Он бывал здесь однажды с мистером Слинсби. Это лондонский управляющий мистера Параде на.

— Значит, Билл… — сказал мистер Хэммонд. — Ну что же, выкладывай.

Флик внимательно поглядела на дядю. Насколько разумно рассказывать ему все? Что она любит Билла, Билл любит ее, мало того, она обещала бежать с ним по первому его слову. Не лучше ли дядю пощадить?

Конечно, приятнее было бы открыться, И дядя ее не выдаст, но ему это будет стоить душевного спокойствия. Нет, ни за что!

— Я встретила его на следующий день после того, как ушла из дома. Ну, и поскольку я оказалась совсем одна, мы довольно много виделись.

— Ясно, — с сомнением произнес мистер Хэммонд.

— Мы частенько обедали вместе.

— Ясно.

Мистер Хэммонд начал скатывать хлебный шарик.

— Помнится, тогда, в саду ты сказала, что Уильям был предметом твоих девичьих грез. Очаровал ли он тебя и на этот раз?

— Он очень милый, — осторожно промолвила Флик.

— Надеюсь, ты не сказала, что некогда боготворила почву под его ногами?

— Когда мы встретились, Билл был влюблен в другую. Мистер Хэммонд явно обрадовался.

— А! — сказал он.

— Отчаянно и безнадежно, — быстро добавила Флик. — Держал дома двенадцать ее фотографий.

Мистер Хэммонд окончательно успокоился и с аппетитом принялся за жареного цыпленка.

— Должен признаться, Флик, — сказал он, — что ты сняла огромный камень с моей души. Может быть, ты порою подозревала, что я питаю к тебе отцовские чувства. Я — старая развалина и живу только ради…

— Кажется, ты сказал, что принадлежишь к молодому поколению.

— Неважно. Для целей моей речи я — старая развалина и живу только ради счастья моей золотоволосой доченьки.

— Вот бы я и вправду была твоя дочь! — с чувством сказала Флик.

— Чтобы крутить мной уж совсем как тебе вздумается? Тогда, наверное, да. Я тревожился о тебе, Флик. Я бы очень хотел, чтобы ты приняла правильное решение, и пришел к выводу, что такое решение — выйти за Родерика. Самый факт, что со временем он унаследует несколько миллионов фунтов, придает ему в моих глазах особенный блеск.

— Я не знала, что ты такой жадный! Если б я кого полюбила, меня не остановила бы его бедность.

— Смелые слова. Но не забывай, бедность — банановая кожура на пороге любви… Куда это ты смотришь так зачарованно?

Флик смотрела на кружащиеся пары. Когда дядя заговорил, она вздрогнула и отвела взгляд, но тут же стала снова смотреть вниз. Будь мистер Хэммонд наблюдательнее, он бы заметил, что глаза ее расширились

и застыли, а уголки губ странным образом поджались; но он не имел обыкновения примечать мелочи. Мало того, сейчас он курил сигару, которую приобрел с некоторым сомнением, а она оказалась такого редкого качества, что привела его в мечтательно-отрешенное состояние духа.

— Я гляжу на танцующих, — сказала Флик.

—. Пропащие создания, — произнес мистер Хэммонд, угодно попыхивая сигарой.

Флик ложечкой чертила на скатерти иероглифы.

— Дядя Синклер, — сказала она наконец, — я думаю, молодые люди всегда любят девушек?

— Случается, — согласился мистер Хэммонд.

— Я хочу сказать, любят не какую-то определенную девушку, а… не знаю, как сказать. Наверное, есть мужчины, которые делают вид, что влюблены, и ведут себя так, будто действительно влюблены, и уверяют в этом, а сами проводят время с другими, и забывают тебя через день или два.

— Да, — отвечал мистер Хэммонд, — это довольно распространенное явление, если молодые люди не сильно изменились с моих дней. Постоянство — хрупкий цветок, который раскрывается лишь под солнцем зрелости. Конечно, — торопливо добавил он, — это не относится к Родерику. Он так не поступит.

— Я не о Родерике, — сказала Флик. Она чертила на скатерти очередной замысловатый узор, в уголках ее губ образовались маленькие складочки. — Думаю, ты прав.

— Насчет чего?

— Насчет разумного решения. Ну, то что ты назвал бы романтической любовью, довольно глупо, а главное — быть разумной.

— Во всяком случае, я так считаю. Хотя ты не можешь пожаловаться, что Родерик недостаточно романтичен. Да он дышит романтикой. Посмотри на его галстуки!

— Дядя Синклер, будь вы девушкой, вы бы вышли за человека, которому не можете доверять?

— О чем ты?

— Ну, если бы кто-то притворялся, что любит тебя, а сам бы встречался с другими… обедал с ними… танцевал… и, — Флик быстро взглянула через перила, — расплывался, глядя в их мерзкие рожи, — зловеще продолжала она. — Не почувствовал бы ты, что делаешь ошибку?

Мистер Хэммонд отечески похлопал ее по плечу.

— Не тревожься. Флик, — сказал он. — Родерик не такой. Будь он

такой, я бы первый отсоветовал тебе за него выходить. От ненадежных людей лучше держаться подальше.

Глава XVIII ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

В наш поспешный век утро понедельника — самое тяжелое время. Именно тогда разнежившиеся за субботний вечер и воскресный день люди мучительно поеживаются при мысли о том, чтобы вновь взвалить на плечи бремя белого человека и тащиться на работу.

Однако мистер Слинсби, который наследующий день после встречи Билла и мисс Бум завтракал у себя, на Брэтон-стрит, не испытывал подобных чувств. Все было хорошо в этом лучшем из миров. Глаза его сверкали, сердце наполнялось покоем. Он ел почки с поджаренным хлебом и читал утренние газеты из сложенной рядом стопки.

Большинство людей за завтраком довольствуются одной газетой. Некоторые сибариты прочитывают две. Мистеру Слинсби приносили все утренние лондонские газеты. Ни один, даже самый скромный листок, не миновал этой внушительной стопки.

Однако чтение газет для него было отнюдь не праздным занятием. Мистер Слинсби разворачивал газету, мгновенно пробегал глазами и бросал на пол. Его интересовало одно — театральные рецензии. В прошлую субботу в «Бижу» прошла премьера новой комедии «Расскажи папочке», замечательной тем, что мистер Слпнсби финансировал ее в одиночку. Судя по сегодняшним, да и по воскресным газетам, он раскопал золотую жилу.

Мистер Слинсби дочитал последнюю рецензию и счастливо откинулся в кресле. Мечта всех алхимиков, вступающих на театральное поприще, — отыскать философский камень, поставить комедию, которая войдет в историю. Раз в двадцать лет такое случается: спектакль делает рекордные сборы в Лондоне и потом бесконечно идет в провинции. Судя по газетным откликам и по тому, как вела себя публика на премьере, мистер Слинсби осуществил эту мечту. Он закончил завтрак, неторопливо докурил сигару и позвонил, чтобы подавали автомобиль, — ехать в Сити.

Мистер Слинсби был совершенно счастлив. Ему ничто не угрожало. Теперь можно бросить торговлю и зажить в свое удовольствие. Отныне все его дела — неспешно курить толстые сигары и говорить автору, что второй акт придется начисто переделать. Из автомобиля он вышел с ликующим сердцем. Нет, жаворонки не запели в небе[21] над шпилем Св. Марии, но мистеру Слинсби чудилось, что поют. Так радостно было у него на душе, что он отечески улыбнулся рассыльному Генри и даже подумал, не дать ли

тому полкроны.

— К вам джентльмен, сэр, — сказал Генри.

— Джентльмен? — переспросил мистер Слинсби и едва не добавил: «Тра-ля-ля-!» — Где он?

— Я провел его в ваш кабинет, сэр.

— Все ира-а-авильно, — пропел мистер Слинсби и с трудом удержался, чтобы не выкинуть коленце. — Он назвал свое имя?

— Мистер Вест, сэр.

— Мистер Вест? А, мистер Вест! Да, да! Он, пританцовывая, вошел в кабинет.

— А, Вест, — бодро произнес мистер Слинсби. В воздухе гремели цимбалы и флейты. — Надеюсь, я не заставил вас ждать?

Заставил, конечно, но Билл был не в претензии. Он встал рано и собирался задержаться надолго.

— Доброе утро, — сказал Билл холодно, не испытывая никаких чувств к этому синему подбородку. Он собирался, фигурально выражаясь, огреть мистера Слинсби обухом по голове и досадовал на его бьющее через край дружелюбие.

— Садитесь. Устраивайтесь поудобнее. Сигару?

Билл сел, но от сигары отказался с тем холодным высокомерием4, с каким палач отверг бы ящичек, протянутый ему осужденным. Он и впрямь чувствовал себя палачом. После Разговора у Марио Билл окончательно уверился, что мистер Слинсби открыл мисс Бум, где зарыт труп, да какой! Билл дивился, как тот, пусть и под мухой, пусть в порыве страсти, решился выболтать подобную тайну.

— Я пришел сюда… — начал он.

— Вы случаем не были в субботу на премьере «Расскажи папочке»? — перебил его мистер Слинсби.

— Нет, — сказал Билл. — Я…

— Фурор, мой дорогой, просто фурор! — вскричал мистер Слинсби. — Все вчерашние и сегодняшние газеты посходили с ума. Это первая постановка, которую я финансировал в одиночку, и самый шумный успех со времен «Тетки Чарлея». Кстати, я не удивлюсь, если сборы будут еще больше. Расходов практически никаких: три действия, одна перемена декораций, самый простой реквизит — и, похоже, года на два полные залы обеспечены. Забавно, как люди упускают богатство, когда оно само плывет в руки. Я совершенно точно знаю, что до меня несколько человек отказались от этой пьесы. Ко мне она попала совершенно случайно. Но я-то умею отличить хороший сценарий, и, как только прочел первое

действие…

— Лучше я вам сразу скажу… — вставил Билл.

— …понял — будет успех. Тогда я, конечно, не знал, какой. Но видел — эта пьеса не провалится. Там есть сцена, в которой с героя спадают штаны…

Всего сюжета Билл не услышал лишь потому, что мистер Слинсби замолк и начал прикуривать сигару. Билл воспользовался паузой, чтобы перевести разговор в деловую плоскость. Он чувствовал, что его нарочно сбивают, поэтому торопился и не смог заговорить достаточно веско. Впрочем, он надеялся, что сама тема произведет желаемое впечатление.

— Вчера я обедал с мисс Лилией Бум, — сказал он, чувствуя, что только эти слова могут отвлечь мистера Слинсби от «Расскажи папочке».

Он не ошибся. Мистер Слинсби положил сигару и уставился в стол. Он не сказал: «Продолжайте, ваш рассказ меня странным образом захватил!» — но его молчание убеждало Билла, что цель достигнута.

— И могу вам сказать, — продолжал Билл сурово, — что знаю о ваших штучках.

Это прозвучало слабовато, но лучше, чем если б он не сдержался и выпалил: «Знаю все!»

— А! — сказал мистер Слинсби. Он в третий раз взял спичку, чтобы зажечь сигару. Рука его не дрожала, голос звучал-ровно, только темные глаза горели. — Что же вы знаете?

— Знаю, что вы и есть «Хиггинс и Беннет»!

— «Хиггинс и Беннет»? — изумленно повторил мистер Слинсби. — «Хиггинс и Беннет»?

Эта детская попытка уйти от ответа вывела Билла из себя.

— Да. «Хиггинс и Беннет», — повторил он. — Загадочная фирма, которая скупает бумажную массу дяди Кули по самой низкой цене. Это был простой, отличный, гениальный трюк! Вы стали лондонским управляющим дяди Кули, одновременно создали фирму под другим именем, продавали товар себе же и немедленно сбывали дальше с огромной прибылью. Не удивляюсь, что вам хватало денег на всякие «Рассказывай папаше»!

— «Расскажи папочке», — поправил мистер Слинсби. — Гораздо более удачное название.

— Какая разница! — сурово произнес Билл.

— Огромная, — возразил мистер Слинсби. — Не поверите, сколько хороших постановок на корню сгубили названия. Вы сами поймете, если задумаетесь. «Расскажи папочке» — это звучит. Это хорошо смотрится на

афише. Это…

— Я здесь не за тем, чтобы обсуждать названия, — сказал Билл. — Я хочу знать, что вы собираетесь делать.

Мистер Слинсби поднял одну бровь.

— Делать? — переспросил он. — В каком смысле? Всегда был шанс, что все выплывет на поверхность. Пока у вас нет ни малейшего доказательства, но это, увы, ровным счетом ничего не меняет. Теперь, когда вы напали на след, доказательства — вопрос времени. Мне надо смываться. Это очевидно и не подлежит обсуждению.

Сцена развивалась неправильно, и Билла это угнетало. Даже побежденный, собеседник давил его своей личностью. Почти как в прошлой беседе, Билл чувствовал себя жалким сопляком. Собрав все свои силы, он взял жестокий тон, понимая, что ничего этим не изменит. Второй корабельный помощник или кто-нибудь из мужественных героев мисс Этель Делл[22] мог бы успешно взять жесткий тон в разговоре с мистером Слинсби, но Билл, едва заговорив, понял, что ему это не удастся. Он даже не потрудился стукнуть кулаком по столу.

— Смыться? — Он хотел, чтобы это прозвучало грозно, но вышло скорее виноватое блеяние. — А если я сообщу в полицию и вас арестуют?

Мистер Слинсби взглянул с изумлением, давая понять, что ему больно слышать этот бессмысленный лепет.

— В полицию? — сказал он. — Опомнитесь! Думаете, дядя вас поблагодарит, если история получит огласку и он выйдет круглым дураком? Да он только обрадуется, если все удастся замять.

Он взглянул так, словно ждал извинений, и настолько силен был его магнетизм, что Билл чуть не попросил прощения. Мистер Слинсби подытожил разговор.

— Никогда, — сказал он, — не лезьте в такую историю, если не готовы исчезнуть в любой момент. — (Билл едва не сказал: «Хорошо, не полезу».) — Мне хватило ума все подготовить загодя. Мои средства вложены в южноамериканские бумаги, следующим же пароходом я отплываю в Буэнос-Айрес. — Он помолчал, потом продолжил: — Нет, сперва я отправлюсь в Нью-Йорк и договорюсь о гастролях «Папочки». Скажите мне, — произнес он, отметая в сторону тривиальный вопрос о мошенничестве, — вы долго жили в Нью-Йорке, кого бы вы посоветовали в администраторы прекрасной комедии, где на три действия всего одна смена декораций? Денег ей не надо. Она сама о себе позаботится. Все, что мне нужно — найти честного человека.

Совершенно уничтоженный Билл попытался перейти в контратаку.

— Какие дела могут быть у вас; с честным человеком? — горько спросил он.

Мистер Слинсби нисколько не обиделся.

— Незачем переходить на личности, — мягко пожурил он.

— У вас нет повода держать на меня зло. Скорее уж я — пострадавшая сторона. Вы лишаете меня дохода. По счастью, я могу без него обойтись. «Расскажи папочке» обеспечит мои скромные потребности до конца жизни. Вам не за что на меня наскакивать. Старый Параден вас озолотит. И потом, вы получили ценный урок, который очень пригодится вам в будущем. Никогда, — здесь мистер Слинсби положил бы Биллу руку на плечо, но тот брезгливо отстранился, — никогда не выбалтывайте своих деловых секретов. Никогда! А особенно — не доверяйте их девушкам, чтобы пустить пыль в глаза. Никакого толку. И вообще, держитесь от девушек подальше. Скользкие штучки. Никаких представлений о порядочности… Кстати, как Лилия? — дружески поинтересовался он.

Билл услышал свой голос, который произнес, что у мисс Бум все, кажется, неплохо.

— Девица, по-своему, вполне ничего, — великодушно произнес мистер Слинсби. — С норовом, конечно, и продаст, недорого возьмет, но в целом — да, ничего. Думаю, что смогу дать ей роль горничной в каком-нибудь гастрольном спектакле. А теперь, мой дорогой, — он переложил какую-то бумажку, показывая, что разговор окончен, — я, к сожалению, попрошу вас уйти. Мне надо кое-что здесь расчистить. Кстати, буду очень признателен, если вы пока повремените сообщать дяде. Я отбываю в среду. Очень мило с вашей стороны было бы отложить разговор до этого дня. Если я буду здесь, остается незначительный шанс, что ваш дядя поведет себя опрометчиво. Лучше не ставить его в известность, пока я в Лондоне. А? Как вы полагаете?

— Хорошо, — отвечал Билл.

Он не знал, почему сказал так — наверное, иначе не мог.

— Замечательно! — Мистер Слинсби сверкнул великолепными зубами. — Значит, до свидания. Да, пока вы не ушли. — Он черкнул несколько слов на визитной карточке. — Возьмите. Передайте администратору в «Бижу», и он сделает вам два места на любой удобный для вас вечер. Если можно, не в субботу. Спектакль вам понравится. Лучший второй акт в истории театра.

В доходный дом Мармонт Билл вернулся только под вечер. Добирался он долго, потому что то и дело останавливался, ошалело глядя перед собой;

к двенадцати он дошел только до Стрэнда. Здесь он заглянул в тихий ресторанчик, и еда подействовала на него так благотворно, что вышел он едва ли не веселее мистера Слинсби.

Он сообразил, что за растерянностью и досадой упустил из виду самое главное. Неважно, раздавлен мистер Слинсби или торжествует, в тюрьме он или нет. Раздавленный, торжествующий, за решеткой или на воле, мистер Слинсби сыграл свою роль. При всех своих человеческих изъянах мистер Слинсби позволил ему, Биллу, оказать серьезную услугу своему дяде и выполнить то, ради чего он приехал в Лондон.

Да, дядя Кули этого не забудет. Теперь он, как выразился мистер Слинсби, его озолотит. А раз так, последнее препятствие между Биллом и Флик

Билл поднимался по лестнице, а в ушах его звучали ликующие колокола.

На столе лежала записка. Колокола зазвучали еще громче: Это — почерк Флик.

Билл разорвал конверт.

Колокола смолкли, будто их вырубили из сети. Билл рухнул на тахту. В ушах звенело, дальняя стена куда-то уплывала, ее затянуло туманом; живот схватила тупая боль, словно невидимый кулак ударил его поддых.

Он перечитал письмо. Какая-то ошибка!

Да, ошибка. Так и написано в письме: «…уверена, что мы совершаем ошибку… были бы только несчастливы… выхожу за Родерика в среду… единственное, что остается…» И» для этой невероятной, ужасной, немыслимой перемены она не привела никакого основания. Ровным счетом никакого.

Билл уставился перед собой. Комната медленно погружалась во мрак.

Глава XIX БИЛЛ ЛЕЗЕТ ЧЕРЕЗ ЗАБОР

Сад Холли-хауза покоился под луной. Деревья отбрасывали на газон длинные тени, в кустах шептал ветерок. Человеку, чьи мысли спокойны, это место показалось бы волшебным приютом умиротворения, но Билла, который тревожно затаился в кустах, не трогало романтическое очарование ночного сада. Мысли его были отнюдь не спокойны.

На этот раз он забрался в сад не для того, чтобы в смутном томлении глядеть на горящие окна. Сегодня он пришел сюда, чтобы действовать. Несколько часов он ломал голову над загадочным письмом и пришел к выводу, что оно написано по указке, возможно, слово в слово, со всеми точками и запятыми, продиктовано ужасной женщиной, разлучившей их на вокзале. Да, чем больше он думал, тем яснее видел между строк руку демонической тетки.

Человек действия отправляется на такое предприятие не иначе как с продуманным планом. У Билла бы такой план. Он предполагал содействие кого-то из младшей прислуги Хэммондов. Этого-то неведомого помощника Билл и ждал, сидя в лавровом кусте сбоку от дома. Он все продумал. Бессмысленно прибегать к услугам почты. Такая женщина, как та, с вокзала, исполнена низости и коварства, и, без сомнения, читает всю корреспонденцию Флик. Она, как ястреб, караулит почтальона, чтобы перехватить письмо. Обращаться к местным рассыльным — только зря переводить деньги. Нет, остается ждать, пока кто-нибудь из слуг не выйдет подышать воздухом, а там хватать его (или ее) за воротник и сулить несметные богатства, чтобы он (или она) передал Флик письмо, которое сейчас жгло Биллу левый нагрудный карман.

Письмо было замечательное. Билл потратил на него часа полтора, но результат того стоил. На шести плотно исписанных страницах говорилось все, что можно сказать о неувядающей любви, в самых радужных красках описывалось их будущее после того, как дядя Кули узнает о преступлениях Слинсби, и подробно излагалось, как Флик на следующий день тайно выйдет из дома, встретится с Биллом под часами на Чаринг-кросс, откуда они поспешат в отдел регистрации, где он уже договорился о спешном бракосочетании. В анналах любовной переписки едва ли найдется письмо разом столь пылкое и столь практичное. Оставалось лишь найти для него гонца.

Однако, казалось бы, очевидные чары залитого серебром сада не

действовали на прислугу Холли-хауза. Ветерок шептался в кустах, лунные лучи плясали на лужайках, неведомые цветы источали сладостный аромат, но не выманили в черную дверь даже мальчишки-чистильщика. Билл (он уже ерзал, разминая затекшие ноги) мало-помалу проникался презрением к английской прислуге. Такая дивная ночь, а эти пошлые люди сидят в душной кухне, при закрытых окнах и жарко натопленной печке, обсуждая какие-нибудь фильмы или читая вслух душещипательные романы.

Наконец, после того как часы пробили дважды, у него иссякло терпение. Он вылез из кустов, подошел к парадной двери и позвонил.

Долго не отвечали, наконец вышла горничная. Билл ожидал увидеть дворецкого и боялся, что тот его узнает. При виде женщины он испытал мгновенное облегчение и даже подумал было: вот она, младшая прислуга, которую он ждал всё эти часы. Однако хватило взгляда, чтобы пальцы; уже сжимавшие в кармане письмо, разжались. Горничная была в очках, и глаза за стеклами горели такой суровостью, что Билл немедленно заподозрил в ней приспешницу, если не правую руку демонической тетки.

Однако надо было как-то объяснить свое появление, и Билл смело ринулся в бой.

— Я хотел бы видеть мисс Шеридан.

Очки сверкнули недоверчивым возмущением. Видимо, горничная читала книги о хороших манерах и знала, что верх неприличия — посещать молодых леди в столь поздний час. Билл почувствовал себя героем картинки. «Найдите двенадцать погрешностей против этикета».

— Мисс Шеридан дома нет, сэр, — ледяным голосом отвечала горничная.

— Могу я видеть мистера Парадена?

— Мистера Парадена дома нет, сэр. — Она наградила Билла убийственным взглядом и начала закрывать дверь. По справедливости, ее нельзя за это винить. Из кустов Билл вылез довольно всклокоченным и вообще не тем молодым человеком, какого хочется видеть у своих дверей после наступления темноты. — Все ушли в театр.

Это была правда. Доброму мистеру Хэммонду показалось, что Флик выглядит задумчивой и удрученной, и он, продолжая свою мудрую политику, предложил пообедать в городе, а после пойти в театр. По иронии, которая так часто присутствует в наших земных делах, поход этот обогатил мистера Уилфрида Слинсби, поскольку ложу они взяли в театре «Бижу».

Билл, однако, не поверил горничной. Нарочитая, как ему почудилось, ложь, подкрепила уверенность, что он говорил с орудием тети Фрэиси. Он

уныло побрел прочь, выждал несколько минут и снова скрылся в кустах. Одна горничная еще ничего не значит. В таком большом доме должна быть куча прислуги, может выйти кто-то более сговорчивый. Он устроился в лавровом кусте и стал ждать.

Прошло минут десять, и тут на Билла снизошло озарение. В ту ночь, когда он спрятался на крыше сарайчика. Флик спустилась по простыне из окна сразу над этой крышей — надо полагать, из своей спальни. Глупо, что он не вспомнил об этом раньше. Надо только найти сарайчик, взобраться на крышу, и готово. Если окно горит, он тихо свистнет, и она выглянет; если света не будет, значит, ее нет в комнате; тогда он завернет письмо в платок вместе с увесистым камнем и бросит в окно, а Флик найдет его, когда придет ложиться. Не тратя времени, Билл вылез из куста и пошел в обход дома.

Крыша оказалась там, где он оставил ее в прошлый раз. Уже хорошо. Однако окошко над ней не горело. Билл поискал камень, нашел и уже заворачивал в платок, когда над головой у него со стуком распахнулась рама и тихий, но высокий голос позвал:

— Эй!

Человеку, который весь день был на взводе, не понравится, когда в чужом саду ему кричат «Эй!» из окон верхнего этажа. Билл прикусил язык, выронил письмо и метнулся в тень за пристройкой. Здесь он затаил дыхание и стал ждать, как будут разворачиваться события.

Почти сразу стало ясно, что лишь неспокойная совесть заставила его принять окрик на собственный счет. Из темноты раздался ответный свист, и Билл понял, что не он один забрался в чужой сад. Ветерок, который уже некоторое время крепчал, разогнал скрывавшие луну тучи, и сцена осветилась, как если бы включили софит. Сам Билл оставался в тени, но сад залило яркое сияние, и он прекрасно все видел. Из окна, вполне узнаваемый в серебристом свете, высунулся приемный сын его дяди, Гораций; внизу, безжалостно топча сортовые бегонии, стоял кто-то здоровенный —.кто-то, кого Билл не знал и с кем предпочел бы не знакомиться. На этом человеке было написано «мордоворот», да так ясно, словно он носил на груди табличку. Мы то встречали Джо при свете дня и знаем, что он не похож на картинку из модного журнала. В темноте он казался истинной химерой.

Гораций высунулся еще дальше.

— Они у меня, — сказал он.

Ветер настолько усилился, что шептать стало невозможно; пронзительный мальчишеский голос отчетливо донесся до Билла, как и

ответ мордоворота,

— Отлично! — сказал мордоворот. — Бросай.

Только в это мгновение Билл, который по-прежнему не понимал, что происходит, почуял недоброе. Может быть, беседа с мистером Слинсби поколебала его веру в людскую честность. Во всяком случае, он с первых слов догадался, что замышляется дурное, и хорошо, потому что больше слов не последовало. Гораций исчез, потом появился снова. В руках он держат что-то тяжелое, кажется, мешок. Он перегнулся через подоконник, бросил мешок вниз, точно в руки мордовороту, и закрыл окно, а мордоворот, в дальнейшем именуемый Джо, прошел по бегониям и стал красться по дорожке мимо пристройки. Он поравнялся с Биллом, когда тот заговорил.

— Стой! — сказал Билл. — Что это у тебя?

В обычной жизни Джо был натурой флегматичной. Его непросто было вывести из себя, самое большее, что он себе позволял, — лениво приподнять бровь. Однако сейчас случай был особый. Все его чувства пришли в величайшее волнение. Он сдавленно вскрикнул, обернулся через плечо и бросился по газону так быстро, как только позволяли его жирные ноги.

Это была ошибка. Даже в обычной жизни Билл дал бы ему на ста ярдах пятьдесят ярдов форы; а теперь, промаявшись несколько часов в кустах, он превратился в чемпиона по спринту. К тому же Джо сковывал тяжелый мешок. Гонка закончилась на середине газона. Джо почувствовал на затылке горячее дыхание, обернулся, бросил мешок — и кинулся на Билла.

Тот только этого было и ждал. У Джо, стоявшего под окном, была самая что ни наесть бандитская рожа, но и это его не охладило. Билл пережил тяжелый день, и сейчас чувствовал: чем хуже, тем лучше. Когда Джо сомкнул пальцы на его горле, Билл вынудил их разжаться резким аперкотом, который, судя по звуку, пришелся точно в цель. Последовали беспорядочные удары, потом Джо ухватил Билла, оторвал от земли, и оба упали — Билл снизу, Джо сверху.

Однако у всякого борца есть свое уязвимое место: у кого-то — нежная челюсть, у кого-то — чувствительный нос. У Ахиллеса, как мы помним, была пята. Джо не страдал ни одной из перечисленных слабостей. Можно было с размаху лупить его молотом по носу, и ничего не добиться; удар в челюсть не свернул бы его с намеченного пути. Но и он был всего лишь смертный. Была у него слабая сторона, частенько подводившая его в прежних потасовках. Джо боялся щекотки. Достаточно было тронуть его

кончиком пальца, и он выбывал из боя.

Именно это случайно сделал Билл. Силясь ухватить и сбросить противника, он скользнул рукой по его ребрам, ближе к подмышке. Джо страшно взвыл и вскочил на ноги.

Билл тоже поднялся. Ничто в их знакомстве не наводило на мысль, что безопасно оставаться лежачим, когда Джо стоит.

С этого мгновения удача изменила вору. Как правило, он брал не столько умением, сколько весом. В ближнем бою преимущество было на его стороне, в дальнем — оборачивалось недостатком. Ветер стих так же неожиданно, как и поднялся, луна спряталась за облаками, однако Биллу хватало и оставшегося света. Он размахнулся, двинул Джо в глаз, резко повернулся и почувствовал, как кулак впечатался противнику в ухо. Снова размахнувшись, вмазал ему в другой глаз. Этот-то удар, в который он вложил всю злобу, скопившуюся за утреннюю беседу со Слинсби, дневные размышления над отказом Флик и вечернее сидение в кустах возле Холлихауза, — этот удар и решил исход боя. Джо не выдержал. Он пошатнулся, отступил на несколько шагов, потом побежал, вломился в кусты, выбрался на открытое место и припустил во все лопатки. Больше они с Биллом не виделись.

Билл стоял, силясь отдышаться. Стычка пошла ему на Пользу. Он почувствовал себя сильным и смелым. Устранив противника, он поднял мешок и направился к сарайчику искать оброненное письмо. И здесь его ждало последнее за день потрясение.

Письмо исчезло. Платок тоже. Их унесло в темноту недружественным ветром.

Билл искал долго и тщательно, но не мог обшарить весь сад; мало-помалу на него накатило отчаяние, подобное тому, в какое сам он поверг противника. Все кончено. Рок ополчился против него, нет смысла бороться.

Он убито поплелся через сад и дальше по дороге. Через полмили его догнало такси. Он устало плюхнулся на сиденье и поехал домой, где Джадсон при виде его искренне изумился.

— Господи! — воскликнул Джадсон. — Билл, старик, что ты сделал со своим лицом?

Билл не знал, что с его лицом что-то неладно. Посмотрев в зеркало и убедившись, что Джо, размахивая руками, по крайней мере один раз угодил ему в нос, он положил мешок на стол и пошел в ванную.

Когда он вернулся, чистый и посвежевший, то обнаружил, что

Джадсон в простодушном любопытстве открыл мешок.

— Зачем тебе старые книги, Билл?

— Книги? — До Билла начало что-то доходить. — Наверное, этот Гораций входит в воровскую шайку. Совершенно точно, это он бросил мешок из окна тому типу, с которым я дрался. — И он коротко изложил события. Джадсона охватило радостное волнение.

— Господи, Билл, старик! — вскричал он. — Ну, повезло тебе! Старый Параден отвалит теперь никак не меньше половины состояния. Он же чокнулся на своих книжках. Отец мне все уши прожужжал, рассказывая о его библиотеке. Все, теперь ты его самый любимый родственник. Смотри не продешеви, старик! Стой насмерть. Полмиллиона в год, и ни центом меньше.

— На что они мне теперь? — горько сказал Билл. — Завтра Флик выходит за Родерика Пайка!

— Что?! Мне казалось, она собирается за тебя.

— Уже нет. Видимо, на нее насели. Я получил письмо. Вот почему я отправился в Холли-хауз. Рассчитывал увидеть ее или хоть что-нибудь узнать.

У Джадсона отпала челюсть. Он был потрясен такой бедой.

— Флик! — вскричал он. — За этого типа, который написал, что Тодди ван Риттер основал Шелковый Клуб? Пока я жив, этому не бывать!

— Что же ты собираешься делать? — устало спросил Билл.

— Делать? — повторил Джадсон. — Делать? Ну… — Он задумался. — Убей меня Бог, не знаю!

Глава XX НА ШЕСТЬ ПЕНСОВ РИСА

1

Утро среды, одиннадцать часов, ясный, погожий денек. Бесстрастный, погруженный в собственные дела и титанически равнодушный ко всему остальному, Лондон жил раз и навсегда заведенной будничной жизнью. От Путни до Слоан-сквер, от Криклвуда до Риджент-стрит, от Сайднем-хилл до Стрэнда безостановочно катили желтые с красным омнибусы. Полисмены поддерживали порядок, биржевые маклеры продавали и покупали акции, попрошайки попрошайничали, бездельники бездельничали, пекари что-то пекли, аптекари что-то толкли, машины мчались по Парку, мальчишки дожидались дневных газет, отставные полковники в клубах на Пиккадилли и Пэлл-Мэлл предавались грезам о ленче. На необычность этого дня хоть как-то намекали полосатый навес перед церковью Св. Петра на Итон-сквер, да красная ковровая дорожка на мостовой, означавшие, что под знаменитыми сводами назначено бракосочетание.

Кроме Билла в неброском сером костюме с едва заметной красной искрой и селихемского терьера в светло-бежевом ошейнике и с грязным пятном на носу, у навеса толкались старухи и помятые личности. Старухи вспоминали прежние свадьбы; помятые личности обсуждали, что это дело — верняк, а то — обязательно выгорит. Для полноты картины тут был младенец в коляске, без которого не может обойтись ни одно значительное событие.

Только Билл пришел сюда не из праздного любопытства, но зачем именно, он бы объяснить не сумел. Он явно не ждал удовольствия от того, что увидит Флик, входящую в церковь, а затем выходящую под руку с мужем, — даже того скромного удовольствия, на которое надеялись старухи и потертые личности. Нет, зрелище будет для него сплошной пыткой, однако его не удержали бы дома даже канатами. Есть в людях глубоко сидящий инстинкт, который заставляет их поворачивать нож в ране и травить себе душу; этот-то инстинкт и привел Билла сюда.

Даже сейчас, когда жених и невеста еще не прибыли, он не испытывал и капли радости, хотя бы потому, что сражался с Бобом. Достойный песик тяжело переносил ожидание. Собачья душа возмущалась. Он чувствовал,

что его кругом обманули. Увидев, что Билл собрался на улицу. Боб в последнее мгновение проскользнул в дверь и вежливо попросил взять его на прогулку. Билл по видимости согласился, и сначала все шло, как положено, а теперь его уже двадцать минут мариновали на тесном мощеном пятачке; мало того, было похоже, что это навсегда. Соответственно он выразил протест, несколько раз кряду пытаясь удавиться на поводке, который предварительно наматывал Биллу на ноги. Во время пятой или шестой попытки бодрый ветерок, налетевший из-за угла, сорвал с Билла шляпу и покатил по улице.

Теперь, вдобавок к своим страданиям, Билл сделался посмешищем уличной черни. Из всех зрелищ, которые радуют незатейливую лондонскую публику, самое захватывающее — человек, который в ветреный день догоняет свою шляпу. Когда этого человека грозит в любую секунду стреножить скачущий пес. восторг достигает вершины. Сценка, разыгранная Биллом, имела шумный успех; когда он вернулся, в шляпе, но злой на человеческий род, обнаружилось, что Флик приехала и вошла в церковь. Зрители, в чьи ряды он снова влился, уже сравнивали ее с прежде виденными невестами.

Мнение было в целом благоприятное. Одна дама в матерчатой кепке и с кавалерийскими усами объявила, что невесту не мешало бы подкормить, но за этим исключением Флик собрала хорошую прессу. Вся критика досталась на долю «папаши». Билл знал, что папаши у Флик нет, и заключил, что речь идет о дяде Синклере, которому, несомненно, поручили роль посаженного отца. Его собравшиеся не одобрили. Мужчина в свитере и драном котелке едко прошелся по поводу стрелок на его брюках.

— А где жених? — поинтересовалась дама, который не понравилась фигура невесты. — Опаздывает.

— Так уж заведено, — отозвался кто-то из знатоков. — Выжидает, чтоб она сделала первый шаг, — пояснил он, видимо, припоминая, что слышал о привычках боксеров.

— Бледненькая она какая-то, — заметил робкий голос. Видимо, говорящий был относительным новичком и чувствовал шаткость своей позиции.

— Это они завсегда, — холодно отвечал знаток. — Ты бы и сам побледнел на ее месте. Я жениха в сегодняшнем «Обозрении» видел. Жуткий тип.

— Да?

— Ну! — Знаток не принадлежал к числу тех, кто готов дать скидку на метаморфозы, которые претерпевает лицо в дешевой утренней газете. Ему

в голову не пришло, что такого чудовища, каким предстал Родерик в «Обозрении», просто не может быть. — Мрачный, жуткий тип, пятно через всю харю. Если хотите знать, он ее лупить будет!

Билл не выдержал. Перед ним открывались три пути: двинуться прочь; свалить говорящего ударом и пройтись по его останкам; войти в церковь. Последней путь был самый мучительный, и Билл выбрал его — пересек сквер, нашел табачную лавочку, купил табаку в страшного вида коробке, поручил Боба ошалевшему от радости лавочнику, вышел, выбросил табак, смело вошел в церковь и сел на ближайшую скамью.

Там царили полумрак, прохлада и легкие шорохи. Помимо воли Билл почувствовал умиротворение, которое мгновенно рассеялось от деликатного шепота.

— Билет? — произнес голос над его ухом.

Говорил розовый, сильно смущенный юнец. Билл состроил такую зверскую гримасу, что тот смутился еще больше, отступил на шаг, заморгал и, подумавши, отстал. Его до глубины души возмущало, что на столь важной свадьбе присутствует мужчина в сером костюме, да еще и без билета, но даже в менее священном месте Билл выглядел бы устрашающе. Серые костюмы всегда прибавляют роста, а этот костюм был очень серый.

Билл остался сидеть. Люди взглянули на его костюм и, видимо, пришли к выводу, что чего только не бывает, нельзя же на все обращать внимание; он погрузился в мрачные мысли.

По рядам побежал шепоток. В воздухе повисло беспокойство. Билл, занятый своим, не сразу это заметил, но, раз заметив, понял совершенно определенно. Люди наклонялись друг к другу и тихо переговаривались. Они елозили ногами по полу. Что-то явно разладилось.

Важного вида господин с карточкой на груди вышел» проход между скамьями. Он остановился у соседнего с Биллом ряда и зашипел что-то на ухо разодетой даме. Дама изумленно вскрикнула:

— Откладывается?

Господин с карточкой печально кивнул и снова что-то зашептал.

— Так нет смысла ждать? — сказала дама.

— Нет, — отвечал господин с карточкой.

Остальные, видимо, получили ту же информацию. Церковь начала пустеть. Билл устремился следом за остальными и оказался на улице, где разочарованные зеваки с изумлением глазели на выходящих. Они много видали свадеб, но, такую, где никто не женится, — впервые.

Билл отыскал доброго лавочника, забрал Боба и бесцельно пошел назад. Он проходил под навесом, когда кто-то тронул его за руку. Он

обернулся и увидел непривычно серьезного Джадсона. Наследник Кокеров был бледен, глаза его опухли. Только сейчас Билл сообразил, что не видел Джадсона с восьми часов вчерашнего вечера. В таких обстоятельствах невозможно упомнить все. Вот Джадсон и вылетел у него из головы. Теперь он припоминал, что вскоре после обеда тот вышел — видимо, на прогулку. Прогулка эта затянулась на целую ночь.

— Свадьбы не будет? — спросил Джадсон.

— Что-то там случилось, — сказал Билл.

Джадсон улыбнулся. Видимо, улыбка причиняла ему боль, но в ней светилось торжество.

— Еще бы! — сказал он. — Вчера вечером я похитил жениха.

2

Джадсон замолчал и начал щекотать Боба, который любовно вытирал лапы о его брюки.

— Похитил! — вскричал Билл. Друг выразился вполне ясно и определенно, но Биллу его слова показались загадочным ребусом. — Похитил жениха!

Джадсон отвлекся от Боба.

— Ну, не то чтоб совсем похитил, — сказал он. — Этого не потребовалось. Когда я явился к нему и объяснился, как мужчина с мужчиной, оказалось, что он сам хочет себя похитить. Дальше все пошло просто и весело.

— Не понимаю!

— Чего ты не понимаешь? — терпеливо произнес Джадсон. Он мучительно скривился — мимо, без всякого уважения к человеку, у которого была тяжелая ночь, беспардонно прогрохотал грузовик.

— Ты пошел к Пайку?

— Да. — Грузовик проехал, и Джадсону чуть-чуть полегчало. — Когда ты сказал, что Флик собирается за него, я понял — надо принимать крутые меры. Решил проникнуть к нему и запугать страшными карами, если он не исчезнет. Как можно ошибаться в человек! Он оказался отличным малым, очень свойским и радушным. Конечно, я этого не знал. Когда я пришел, его не было дома, но я убедил слугу, и тот меня пустил. Я сел, а слуга, умница такой, спросил, не хочу ли я выпить. Я сказал, что хочу. После третьей пришел Пайк. — Он замолк, и лицо его вновь исказилось болью. На этот раз виновником был Боб, который резко и

хрипло залаял на кошку. — Сперва он здорово струхнул, потом успокоился, и я перешел к делу. Я сказал, что лучше обойтись без неприятностей, но если он не исчезнет, будет худо. Мало-помалу выяснилось, что он сам только об этом и мечтает. Больше всего на свете ему не хочется жениться на Флик. Есть другая девушка, она работала стенографисткой в газете, он давно ее любит с такой… в общем, он описал мне свои чувства, и, поверь, ему можно посочувствовать.

— Наверное, это с ней я его видел в парке, — сказал Билл.

— Скорее всего. Если ты видел его с девушкой в Парке, значит, это — девушка, с которой ты видел его в парке. Он сказан мне, что они украдкой встречаются. Да он бы давным-давно сбежал с ней, но боится отца. Отец — это тот жирный, что гнался за тобой на машине?

— Да. Сэр Джордж Пайк. Флик он дядя.

— Ну вот, сына он загипнотизировал. Я принялся убеждать. Принесли еще выпивки, разлили. После каждого бокала он все больше склонялся к моей точке зрения. Теперь я с этим завязал, но одно точно: при всем вреде для здоровья, бренди помогает набраться смелости. Около часа ночи старина Пайк заходил по комнате и сказал, что сейчас позвонит отцу и все ему объяснит. «Совершенно незачем, — сказал я. — Просто исчезните». — «Хорошо», — сказал он. «Отлично», — сказал я. «Вы правда так, считаете?» — сказал он. «Правда», — сказал я. «Мне бы сделать это раньше», — сказал он. «Лучше позже, чем никогда», — сказал я… Выяснилось, что с деньгами у него — порядок. Какое-то время назад старый Пайк, чтобы обмануть налоговую инспекцию, перевел на его имя крупную сумму, чтобы Родди — к этому времени я уже звал его Родди — потом ее вернул. «Будьте мужчиной, — сказал я. — Снимите денежки, отбейте прощальную телеграмму и валите за границу». Он рыдал, жал мне руку и говорил, что я — один из величайших гениев эпохи. Заметь, тут он не сильно ошибся, совет и правда очень дельный. Оказывается, он всю жизнь мечтал уехать в Италию и писать стихи. Правда здорово, сказал он, прошвырнуться в Неаполь или Флоренцию? Оттуда он смог бы написать своей девушке, чтоб она приехала, а там они поженятся, будут писать стихи, есть спагетти и наслаждаться счастьем до конца дней. Я сказал, что это не план, а песня, в жизни такого не слышал. Короче, он уехал девятичасовым поездом в Дувр. Вот так-то, Билл, старик.

Билл потерял дар речи. Он молча пожал Джадсону руку. Его вера в связный, осмысленный план, правящий нашим беспорядочным с виду миром, полностью восстановилась. Это прекрасный, замечательно устроенный мир, в котором есть толк даже от Джадсона.

— А теперь, — продолжал тот, — я перехожу к самому главному. Как я сказал, мы отлично посидели, я остался ночевать на диване, ушел часов в девять утра. Мне надо было убить два часа, прежде чем искать тебя здесь, и я решил посидеть в Парке. Ну вот, иду я по Бромтон-род к Парку, по пути вижу, как народ валит валом в какую-то дверь. Думаю: надо зайти — а то дальше не дойду.

К тротуару подкатил большой автомобиль. Билл шагнул в сторону, чтобы удержать Боба, который нацелился прямехонько под колеса.

— И чтоб мне сдохнуть, Билл, старик, — продолжал Джадсон с жаром, — если я не очутился на самой что ни на есть антиалкогольной лекции. Я, конечно, ужаснулся, но сил не было никаких, вот я и остался сидеть. Билл, это самая большая удача в моей жизни. Я вышел оттуда другим человеком. Совершенно и абсолютно другим. Все, с этого дня — ни капли. Честное слово, я даже близко не предполагал, что делает с человеком спиртное. Разрушает внутренности, вот что. Они становятся, как мятый дубовый лист. Я всегда считал, что это — лекарство, ветрогонное, что ли, но когда этот тип показал на экране печень запойного пьяницы…

Билл широко открытыми глазами смотрел Джадсону через плечо. Из церкви вышел приятного вида немолодой человек под руку с девушкой в подвенечном платье. Они перешли тротуар и сели в машину.

— …а потом, — говорил Джадсон, — он взял червяков и угостил их бренди. Хочешь верь, хочешь не верь, Билл, но им тут же пришел каюк. Такие были славные, веселые червячки… думали, опрокинем по рюмашке за счет заведения… а через минуту…

Он осекся, поняв, что говорит в пустоту. Билл вышел из транса. Машина только что тронулась; он метнулся за ней, распахнул дверцу и без единого слова плюхнулся на сиденье. Боб воздушным змеем пронесся по воздуху, сдавленно тявкнул и тоже исчез в машине.

3

— Флик, — сказал Билл.

Некоторое время никто больше не говорил, главным образом из-за терьера. Бобу хватило двух секунд, чтобы разобраться, что к чему. Подвенечное платье пахло странно и незнакомо, но дальше он узнал Флик и принялся даровито разыгрывать шестерых селихемских терьеров, запертых в одном лимузине. Подпрыгнуть, лизнуть Флик в лицо, отскочить назад, лягнуть Билла в глаз, сбить с мистера Хэммонда шляпу и снова,

тяжело дыша, напрыгнуть на Флик — все это заняло одно мгновение. Он походил на героя старой мелькающей киноленты, и эта вспышка собачьих чувств, последовавшая за неожиданным вторжением Билла, на какое-то время лишила всех способности разговаривать.

Однако мистер Хэммонд не потерял присутствия духа. Он поднял шляпу из утла, куда ее закатил Боб, и кротко обратился к Биллу.

— Если вам такси, — произнес он, — то, наверное, стоит пройти дальше по улице.

— Флик, — сказал Билл, наматывая поводок на руку, — я получил твое письмо. Я понял. Я все понял. Я догадался, что его продиктовала твоя кошмарная дура-тетка…

— Моя жена, — вставил мистер Хэммонд, радуясь, что угадал. — А теперь, если это не грубый вопрос, кто вы такой?

Тихий голосок в углу произнес:

— Это Билл Вест, дядя Синклер. Все помолчали.

— Флик, — продолжал Билл, — я о письме. Я понял, почему ты его написала.

— Ты видел меня? — Глаза у Флик стали совсем круглые.

— Тебя?

— У Марио.

Билл совершенно оторопел.

— Видел тебя у Марио? О чем ты?

— Но ты сказал, что понял.

— Я…

Флик тихонько всхлипнула и протянула ему руки.

— Мне все. равно. Я видела тебя с той девицей, но мне все равно. Забери меня отсюда, Билл!

Билл машинально взял ее за руки.

— Ты видела меня… О, Господи! — вскричал он, наконец-то прозревая. — Не хочешь же ты сказать, что видела меня в воскресенье?

— Да, но мне все равно. Я хочу, чтобы ты меня забрал. Билл сунул поводок мистеру Хэммонду.

— Подержите секундочку, — сказал он, потом крепче стиснул Флик за руки и притянул к себе, не обращая внимания на заинтересованный взгляд мистера Хэммонда, который подобрал сбитые Бобом очки и рассматривал его, как редкое первое издание.

— Флики, милая моя Флики! — вскричал Билл. — Я все объясню. Мне пришлось угостить эту кошмарную девицу. Мне страшно не хотелось, но надо было через это пройти. Она знала про Слинсби. Джадсон увидел ее

и договорился о встрече, чтоб она мне рассказала. И она рассказала! Господи, она рассказала такое! На следующий день я был у Слинсби и выложил, как он все эти годы обманывал дядю Кули, и он тут же слинял, а теперь, как только я скажу дяде Кули, будет прекрасно. Он нас обеспечит, так что можно жениться прямо сейчас.

Мистер Хэммонд кашлянул.

— Так вы собираетесь жениться на моей племяннице? — с любопытством осведомился он.

— Да! — Билл снова повернулся к Флик. — Поехали прямо сейчас, Флики! Родерик сбежал и женится на стенографистке.

— Ну, ну! — сказал мистер Хэммонд. — Скажите, — продолжал он, оборачиваясь к Биллу, — вы удивительно похожи на человека, который несколько месяцев назад ворвался в Хол-ли-хауз и гонял по саду моего племянника. Это случаем не вы?

— Я, — сказал Билл.

— Так это из-за вас мой знаменитый шурин, сэр Джордж Пайк, упал в пруд?

— Из-за меня.

Мистер Хэммонд тепло пожал ему руку.

— Выходи за него, Флики, — сказал он. — Лучшего мужа я не мог бы тебе пожелать. Господи, человек, который вытащил тебя из воды… чей образ ты хранила в сердце все эти томительные годы! — Он взял переговорную трубку и обратился к шоферу. — Йетс, вы знаете хороший регистрационный отдел? — потом повернулся к Биллу и Флик. — Он говорит, что не знает.

— А я знаю! — с жаром вскричал Билл. — Пимлика, Бомонт-стрит, одиннадцать.

— Йетс, — сказал мистер Хэммонд. — Поезжайте по адресу Пимлико, Бомонт-стрит, одиннадцать.

Он повесил трубку и откинулся на сиденье.

— Ой, дядя Синклер! — выдохнула Флик.

— После церемонии, — сказал мистер Хэммонд, — думаю, тебе разумней будет вернуться домой, хотя бы на день-два. Сегодня мне трудно было бы объяснить твое отсутствие. Дальше атмосфера станет чуть менее напряженной. — Он снова взял переговорную трубку. — Йетс, — сказал он, — остановитесь у ближайшей бакалейной лавки. Я хочу купить на шесть пенсов риса.

Глава XXI ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ СМИРЕНИЕ ДЯДЮШКИ

Яркое летнее солнце играло на шпиле Св. Марии. Мистер Кули Параден вышел из такси перед зданием лондонского филиала своего целлюлозно-бумажного предприятия и, волоча ноги, поднялся на три лестничных пролета. Ниобея так не сокрушалась над детьми, как мистер Параден — над жемчужинами своего собрания. Загадочное происшествие угнетало его невероятно. Когда они вернулись после буйного вечера (театра и ужина в ресторане), то не заметили никаких следов взломщика, ровным счетом никаких. Однако книги исчезли. С того самого времени мистер Параден беспрерывно ломал голову над таинственной историей, и загадка попроще — с чего бы племянник вызвал его телеграммой, в которой настоятельно просил заехать сегодня в контору — меркла в сравнении с предыдущей.

— Мистер Вест здесь? — ворчливо осведомился он.

Рассыльный Генри шагнул вперед, весь — улыбка и расторопность. Любезность и быстрота в присутствии начальства — вот так молодые люди и достигают вершин в деловом мире.

— Сюда, сэр.

Дверь кабинета открылась, и Билл поднял голову. Он сидел на стуле мистера Слинсби, но тут же вскочил и шагнул вперед с любезностью и быстротой, которых не смог бы повторить даже рассыльный Генри.

— Привет, дядя Кули.

Мистер Параден сердито оглядел комнату. Он был в том настроении, когда после ссоры становится чуть легче, и решил поссориться с Биллом, не то чтобы совсем поссориться, но хоть устроить выволочку. За что, он еще не знал, но, без сомнения, повод сыщется.

— Где Слинсби? — проворчал он, как только Генри, выполнив свой долг, бесшумно вышел и закрыл дверь.

— Слинсби уехал, — сказал Билл.

— Уехал! В середине рабочего дня! Куда?

— В Америку.

— В Америку!

Билл нагнулся и выразительно похлопал дядю по плечу.

— Не лапай меня! — рявкнул мистер Параден. — Чего ты меня лапаешь?!

— Слинсби, — сообщил ему ничуть не напуганный Билл, — мошенник и негодяй. Я с самого начала его заподозрил, но вы утверждали, что он — само совершенство.

— Слинсби — мошенник? Что ты несешь?

По мере того как Билл рассказывал, манера мистера Парадена менялась самым разительным образом. Ярость выходила из него, как воздух из лопнувшего баллона. Несколько минутой молчал, потом глубоко вдохнул.

— Мне нужна сиделка, — объявил он. — Вот что мне нужно. Меня нельзя оставлять одного.

Билл расплылся в ободряющей улыбке.

— На самом деле, — сказал он, — вам нужен толковый молодой человек, вроде меня, который вел бы ваши дела.

Мистер Параден глядел на него с непривычным смирением.

— Ты хотел бы войти в мое дело, Билл? — жалобно спросил он.

— Я готов учиться.

— Тогда давай. Назови свое жалованье.

— Сколько скажете, дядя. Только чтоб хватило на двоих. Мне надо кормить жену.

Мистер Параден сморгнул.

— Жену!

— Да. Кажется, вы ее знаете. Это племянница вашего друга Синклера Хэммонда.

— Что? Когда это случилось?

— Пока это тайна, но, может, вы мягко подготовите нашу с ней тетю. Это случилось вчера.

— Вчера!

— Да.

— Вчера она должна была выйти за другого.

— Да. Но я ее встретил, мы поговорили, и она вышла за меня. Мы, молодые бизнесмены, действуем быстро. Время — деньги. — Он нагнулся под стол. — Кстати, дядя, кажется, это — ваше.

Как ни часто мистер Параден разглядывал книги, которые выложил перед ним Билл, он никогда на смотрел на них так пристально. Казалось бы, большего изумления невозможно себе представить — но нет, когда он поднял глаза на Билла, то выглядел еще более ошарашенным.

— Где… откуда… как они к тебе попали?

— Ну, я случайно увидел, как ваш приемный сын Гораций передает их в окно своему дружку. И тут, и там — всюду я! Очень неприятно говорить,

но Гораций — член воровской шайки. Его нарочно подсунули вам, чтобы украсть книги.

Мистер Параден глубоко вздохнул.

— Сиделку! — пробормотал он. — Сиделку…

Они помолчали.

— Билл, — убитым голосом произнес мистер Параден, — я беру назад все, что сгоряча говорил о родственниках. Конечно, они — обормоты, но ты с лихвой перевешиваешь остальных. С этой минуты, — произнес он, вставая, — я без тебя ни на шаг.

— Тогда вам придется побыть здесь еще. Я обещал жене, что дождусь ее. Она вот-вот будет. Может, останетесь, поболтаете?

Мистер Параден покачал головой.

— Другой раз, Билл, — сказал он. — Передай ей мой самый теплый привет, но сейчас я не могу. Еду в Уимблдон. — Он воинственно взмахнул палкой. — Да, я выставил себя круглым дураком, но эту работу надо довести до конца. Я сделаю Горация достойным членом общества, даже если мне придется каждый день до конца жизни самолично его сечь. Отправлю в хорошую школу, найму десять гувернеров с обрезами присматривать за ним на каникулах. Он у меня еще станет героем поучительных книжек! До свидания, Билл. Заходи как-нибудь и Клуб букинистов, пообедаем. Ты — молодчина!

. — Дядя Кули, вы забыли книги.

Мистер Параден, который уже подошел к дверям, вернулся.

— Так и есть, — смиренно произнес он. — Так и есть. Мне точно нужна сиделка. Если знаешь хорошую, пришли мне.

Флик, приехавшая через несколько минут, увидела своего мужа, который таращился в стенку. Недавняя беседа подействовала на него, как хорошая доза наркотика. Потребовалось присутствие жены, чтобы напомнить о реальности мира.

— Ну? — с жаром спросила Флик.

Билл снова улыбнулся, все так же остекленело глядя перед собой.

— Все замечательно, — сказал он. — Лучше не бывает. Дядя Кули ушел, пообещав мне несметные богатства и считая меня самым великим человеком на свете.

— Ты такой и есть, — сказала Флик. Билл задумчиво нахмурился.

— Не знаю, — сказал он. — Самый счастливый — это да. Посмотришь на тебя — и все ясно. А великий… Видишь ли, я вот тут думал: ведь с начала и до конца я ничего не сделал сам. Ты первая вышла на след Слинсби. Джадсон познакомил меня с Лилией Бум. Лилия Бум

сказала, где Слинсби закопал тело. Гораций любезно выбросил книги из окна в тот самый момент, когда я случился рядом. Джадсон в последнюю минуту убрал с пути Родерика…

Флик нежно взъерошила ему волосы.

— По-моему, тут нечего думать, — сказала она. — Разве ты не знаешь? Главный признак поистине великого человека — в том, что все на него работают. Возьми Пирпонта Моргана, Генри Форда, Селфриджа,[23] да кого хочешь. Они не работают. Они сидят, а за них все делают остальные. Поэтому и видно, что они — великие.

— Что-то в этом есть, — благодарно сказал ее муж. — Да, несомненно, что-то в этом есть… — Он притянул ее к себе.

Рассыльный Генри, который стоял на табуретке и подглядывал в щелочку, тихонько вздохнул. Он любил трогательные сцены.

Задохнуться можно

Перевод с английского Н. Трауберг

Глава I

Солнце пронзило дымку, окутавшую Лондон. Лучи его упали на Флит-стрит, свернули направо, остановились у издательства «Мамонт» и, проникнув сквозь одно из верхних окон, нежно обласкали лорда Тилбери, основателя и владельца этой фабрики дешевого чтива, когда он просматривал газеты, услужливо предложенные секретарем. Секрет его успеха в немалой степени сводился к тому, что он держал под личным контролем всю свою продукцию.

Солнце и Лондоне — приятная редкость, и потому, казалось бы, великий человек хоть улыбнется ему. Но нет. Он нажал кнопку. Явился секретарь. Лорд Тилбери, без единого слова, указал ему на окно. Секретарь задернул штору и выгнал солнце, заглянувшее без приглашения.

— Простите, лорд Тилбери…

— Да?

— Звонила леди Джулия Фиш.

— М-да?

— Хочет вас видеть.

Лорд Тилбери стал мрачен. Леди Джулию он помнил, они мило общались в Биарице, но здесь — не курорт, в конце концов, а Тилбери-хауз.

— Что ей нужно?

— Не знаю, лорд Тилбери.

— Так.

Секретарь удалился. Хозяин вернулся к газетам. Под руку ему попалась прелестная газета «Мой малыш», и он углубился в нее, но сердце было не с нею. Приключения Пинки, Винки и Попей в Стране Лентяев оставили его холодным. Не тронула его и Лора Дж. Смедли, сообщавшая, как хорошая девочка может помочь маме. Раздраженно хрюкнув, он отшвырнул газету и в третий раз за это утро занялся письмом, которое выучил наизусть. Людям свойственно бередить свои раны.

Письмо было коротким. Предки автора, заполнявшие века два назад по дюжине листочков, огорчились бы, увидев его; но, несмотря на краткость, оно сумело испортить день великому издателю. Что же в нем было? Вот что:

«Бландингский замок Шропшир

Глубокоуважаемый лорд Тилбери!

Возвращаю аванс за «Мемуары». Я подумал и решил не издавать их.

Искренне Ваш

Г. Трипвуд».

— Хр-р! — сказал лорд, как говорил обычно в минуты тяжкого стресса. Он встал и принялся ходить по комнате. Небольшой, квадратный, плотный, он напоминал Бонапарта, а сейчас, конкретней, — Бонапарта, совершающего утренний моцион на острове Святой Елены.

Однако многие в Англии взвыли бы от радости при виде этого письма. Что там, многие зажгли бы костры, зажарили быка для верных селян. Несколько слов, которые вы только что прочитали, оросили бы радостью земли от Камберленда до Корнуолла. Поистине, все на свете зависит от точки зрения.

Несколько месяцев назад, когда Англия узнала, что Галахад Трипвуд, брат лорда Эмсворта, вспоминает свою жизнь, почтенные представители правящего класса испытали страшное потрясение. Добродетельные виконты и чистые сердцем графы трепетали при мысли о том, какие скелеты вылезут теперь из шкафов.

Прекрасно зная друга своей беспутной юности, они живо представляли, какую книгу он напишет. Именно это, подсказывали им стареющие кости, критики именуют «собранием занятнейших случаев». Многие, в частности сосед Эмсворта сэр Грегори Парслоу-Парслоу из Митчингем Холла, чувствовали себя так, словно ангел, отмечающий наши грехи, решил издать свои записи.

Лорд Тилбери смотрел на дело иначе. Уж он-то знал, сколько денег приносит такая словесность. Успех газетки, посвященной сплетням и слухам, блестяще это доказывал. Перси Пилбем, ее редактор, ушел и открыл небольшое агентство, но она как была, так и осталась золотыми приисками. Галахада Трипвуда он тоже знал, не близко, но вполне достаточно для того, чтобы жадно желать его мемуаров. Он ощущал, что книга станет скандальной сенсацией:

Теперь мы поймем, что чувства виконтов и графов, при всей своей остроте, уступали его нынешнему горю. У великих людей есть слабое место: у Ахилла — пята, у лорда Тилбери — карман. Деньги уходили на глазах; так удивимся ли мы, что владелец «Мамонта» не мог

сосредоточиться на детской газете?

Он страдал, когда вошел секретарь с какой-то бумажкой.

Там было написано: «Леди Джулия Фиш. По личн. д.».

Лорд Тилбери сердито фыркнул. Нет, в такую минуту!

— Скажите, что я за… — начал он.

И вдруг вспомнил. Да, да, да, этот Бландинг… Он кинулся к словарю и стал лихорадочно листать пэров на «э».

Вот он, «Лорд Эмсворт». Ну, как же! Леди Джулия Фиш родилась леди Джулией Трипвуд. Она — сестра Галахада.

— Пускай войдет, — сказал великий издатель.

Леди Джулия Фиш, величавая блондинка лет сорока с чем-то, отличалась и живостью, и властностью. Когда она, словно галеон, вплыла в кабинет лорда Тилбери, ярко-голубые глаза и решительный подбородок свидетельствовали о полной уверенности в себе. Неохотно поклонившись, хозяин злобно смотрел на нее. Кроме сомнительных родственников, его раздражала ее снисходительная манера. И впрямь, у леди Джулии был один недостаток — она слишком походила на хозяйку замка, которая, потехи ради, пытается беседовать с отсталым ребенком одного из своих селян.

— Прелестно! — сказала она, не гладя хозяина по голове, но как бы и гладя. — Вы прелестно выглядите. Биариц пошел вам на пользу.

Лорд Тилбери, словно волк в ловушке, признал, что на здоровье не жалуется.

— Вот, значит, где вы все издаете? — продолжала леди Джулия. — Я просто перепугалась! Такие строгости… адмиралы в парадной форме допрашивают, по какому делу, мальчики — истинные львы… Да, к вам не проникнешь!

— Так по какому вы делу? — осведомился лорд Тилбери.

— Практичен, как всегда! — одобрила леди Джулия. — Время — деньги, и так далее. Очень мило. Мне нужно местечко для Ронни.

Лорд Тилбери стал похож на того же волка, который давно уже не ждет ничего хорошего.

— Ронни? — переспросил он.

— Это мой сын. Он был в Биарице. Такой розовый, помните?

Лорд Тилбери вдохнул побольше воздуха, чтобы верней нанести удар.

— Мне очень жаль… — начал он.

— Знаю, знаю. У вас и так слишком много народу. Повернуться негде, и так далее. Ну, Ронни особенно не повредит. Работает же у вас племянник сэра Грегори Парслоу! Ронни никак не Спиноза, но уж Монти Бодкина он

умней.

Лорд Тилбери вздрогнул. Эта женщина коснулась его тайной раны. Он всегда гордился тем, что к нему никого не пристроишь, но несколько недель назад, в минуту слабости или безумия, после очень хорошего обеда, он уступил соседу слева и взял его племянника. Наутро он об этом жалел; увидев юного Монти, жалел еще больше; и чувства эти не исчезли.

— Это, — сказал он, — тут совершенно ни при чем.

— Почему же? Нет, нет, мой дорогой! Неужели вы пристрастны?

— Совершенно ни при чем, — повторил лорд Тилбери, все лучше понимая, что беседа идет куда-то не туда. Он собирался быть сильным, резким, решительным — в общем, железным; и что же? Она довела его до каких-то объяснений, извинений… Как многие люди, общающиеся с леди Джулией, он ощущал, что в ней есть что-то такое, гипнотическое.

— Почему ваш сын хочет здесь работать? — спросил он, и тут же понял, что железный человек до таких вопросов не опустится.

Леди Джулия немного подумала.

— Ради денег, — сказала она, — ради жалкой, рабьей маммоны.

Лорд Тилбери выразился яснее:

— Нет, почему? У него есть талант журналиста? Леди Джулию это позабавило.

— Ну, что вы! У членов нашей семьи нет никаких талантов. Едят и спят, больше ничего.

— Тогда почему вы хотите его ко мне пристроить?

— Как вам сказать?.. Во-первых, он рассеется.

— Что?!

— Скажем так, отвлечется.

— Я вас не понимаю.

— Видите ли, мой дурачок хочет жениться на хористке. Вот я и думаю, здесь столько дел, столько народу… Может быть, он о ней забудет.

Лорд Тилбери вдохнул очень много воздуха. Слабость прошла. Он был железным. Когда оскорбляют твое любимое дело, твое детище, остается весомо произнести, сунув большие пальцы в проймы жилета:

— Боюсь, леди Джулия, что вы ошиблись.

— Простите?

— Мы издаем газеты, журналы, альманахи. Здесь — не курорт.

Они немного помолчали.

— Ах, вон что! — сказала леди Джулия. — Однако вы сердитый. Совсем не то, что в Биарице. Вам плохо после завтрака?

— Хр-р.

— Что-то с вами не так. Помню, вы были такой веселый! Лорд Тилбери не желал светской болтовни.

— Да, — согласился он. — Если хотите знать, у меня нет причин помогать вашему семейству. После того что случилось…

— А что такое?

— Ваш брат Галли… вот, взгляните.

Леди Джулия изучила письмо с томной любознательностью.

— Чудовищно! — комментировал издатель. — Какая низость, а? Он обязан выполнить договор. Хоть объяснил бы… Зачем? Почему? Непонятно. Попросил бы прощения! Куда там… «Не хочет печатать», видите ли! За тридцать лет…

Леди Джулия слушать не умела.

— Странно, — сказала она, возвращая листочек. — Загадочная личность мой брат. Как говорится, его пути — не наши пути. Может быть, ему пригрозил какой-то герцог? Или граф с нечистой совестью?

— Хр-р.

— Или баронет? «Грозный граф, бурный баронет». Какая шапка! Не воспользуетесь?

— Такими вещами не шутят.

— Хорошо, но при чем тут я? Галли — одно, мы — другое. Бедная, слабая мать просит за сына. Значит, Ронни вы не возьмете?

— Ни в коем случае.

— Что ж, честный ответ на честный вопрос. Дискуссия закрыта.

Леди Джулия встала.

— Да, с Галли у вас плохо вышло, — заметила она. — Вы бы на нем заработали. Вот эти мемуары леди Уэнслдейл, как их? «Шестьдесят лет на краю»? Разошлись сто тысяч. Галли начинает там, где старая Дженни кончает. Ей и не снилось… Рада была вас видеть, лорд Тилбери. Всего хорошего.

Дверь закрылась. Владелец «Мамонта» смотрел в пустоту, не в силах вымолвить «Хр-р!»

Глава II

Судорога прошла. Мы не скажем, что лорд Тилбери стал таким, как прежде, но он хотя бы начал действовать. Словно выздоравливающий, который тянется за целебным отваром, он взял дрожащей рукою детскую газету.

Тут бы нам его и оставить — что может быть лучше, чем добрый человек, восстанавливающий душу целебной словесностью! — но нет, судьба снова показала, что утро выдалось несчастливое. Едва он начал читать, глаза его полезли на лоб, крепкое тело содрогнулось, из полуоткрытого рта вырвался странный звук. Словом, все было так, словно из-под страниц выползла змея и ловко укусила его в подбородок.

Обычно газета «Мой малыш» не вызывала таких эмоций. Издавал ее Обри Селлик, писатель и пастырь, прославленный своим здравомыслием. Особенной умеренностью отличалась первая, главная страница. Но именно она поразила лорда Тилбери.

Сперва он подумал, что горести довели его до слепоты. Он поморгал и стал читать заново.

Нет, все оставалось, как прежде.

«Дядя Обри своим маленьким друзьям, — читал издатель. — Ну, ребятки, как жизнь? Няню слушаетесь, а? Шпинат едите? Молодцы. Знаю, знаю, он пахнет грязной перчаткой, но в нем вроде бы железо, полезная вещь».

Лорд Тилбери издал тот звук, какой издает напоследок сифон, и стал читать дальше.

«Так вот, скажу вам одну штуку. Время тяжелое, деньги нужны, верно? Можете их очень просто раздобыть. Поспорьте с каким-нибудь идиотом, что в полулитровой бутылке — не пол-литра, а больше.

Странно, да? Прямо не верится. Вот и он не поверит. А правы-то мы, и я это сейчас докажу. Наполните бутылку. В нее войдет пол-литра. Заткните пробкой. А теперь — внимание! внимание! — переверните. А, что? Правильно, у донышка — пустое место. Туда вошло бы еще. Вы выиграли.

Большое спасибо Фрэнку Кендину за его письмо. Я рад, что канарейка поет тю-лю-лю. Спасибо и Мьюриэл Пут, которая предлагает написать и прочитать слово "игуанодон"».

Дальше лорд Тилбери читать не мог, хотя тогда узнал бы об Уилли Уотерсе и его кошке Минни. Он нажал на кнопку.

— Кто издает «Малыш»? — прохрипел он. — Кто там редактор?

— Вообще-то мистер Селлик, лорд Тилбери, — отвечала секретарша, которая знала абсолютно все и носила, чтобы это подтвердить, очки в роговой оправе. — Но у него отпуск. Его заменяет мистер Бодкин.

— Бодкин!

Голос его был громок, глаза настолько вылезли, что секретарша немного попятилась.

— Этот хлыщ! — глухо и грозно продолжал издатель. — Так я и знал. Пошлите его ко мне!

Вот она, кара, думал он. Вот они, званые обеды. Один шаг, одно движение — и пожалуйста! Какие плоды! Да, это — воздаяние.

Лорд Тилбери откинулся в кресле, стуча по столу разрезалкой для бумаги. Когда он ее сломал, раздался стук в дверь.

— Здрасьте, здрасьте, здрасьте, — приветливо сказал Монти Бодкин, — хотели меня видеть?

Монти Бодкин был приятным хлыщом. Многие, строго говоря, считали, что он красив; многие — но не лорд Тилбери.

Владелец «Мамонта» не мог бы выразить в слове свой идеал молодого журналиста, но этот журналист был бы погрубее, может быть — в очках, несомненно — без гетр. Правда, сейчас на Монти гетр не было, но они парили, словно аура, около его стоп.

— Ха! — сказал лорд Тилбери, его увидев. Сейчас он походил на Бонапарта, который распекает маршала, хотя у него болит зуб. — Входите! Закройте дверь! Не скальтесь! По-че-му вы ска-ли-тесь?!

Слова эти покажут, как плохо мы, люди, понимаем друг друга. Да, губы у Монти растянулись, но он твердо знал, что это приветливая улыбка. Именно ее он замыслил, а вышло, по-видимому, что-то другое. Несколько растерявшись, он ее выключил, поскольку был одним из самых добродушных, услужливых хлыщей.

— Погода хорошая, — заметил он на всякий случай.

— К черту!

— Хорошо.

— К че-ерту!

— Хорошо.

— Вы что, попугай? Заладил: «Хорошо, хорошо»! Прекратите.

— Хорошо, — согласился послушный Монти.

— Эт-то что такое?

Монти взял страничку злосчастной газеты.

— Прочитать вслух?

— Не беспокойтесь. Сам читал. Тут, тут!

— А! Дядя Обри, да.

— Ну?

— Э?

— Вы написали?

— Да, я.

— Хр-р!

Монти совсем растерялся. Он больше не мог скрывать от себя, что лорд Тилбери неприветлив. Конечно, у него вообще плохой характер, но все же не до такой степени.

— Думаете, я ошибся? — спросил юный Бодкин. — Нет, нет, не бойтесь, все так! Мне сказал сам Галли Трипвуд, брат лорда Эмсворта. Уж он-то знает!

Лорд Тилбери, к его удивлению, треснул кулаком по столу.

— Какого черта! — взревел он не совсем внятно, поскольку сосал кулак. — Это дет-ска-я газета!

— Вам не понравилось? — обеспокоился Монти.

— Вы о матерях думали? Как они будут читать такую чушь?

— По-вашему, дурной тон?

— Пари… Пол-литра… Мы потеряем всех подписчиков!

— Правда? Вот, не подумал. Очень может быть. Дурной тон… Да, да, да, есть немного. Что ж, виноват, больше ничего не скажешь.

Лорд Тилбери с этим не согласился.

— Ничего? Идите в кассу, берите деньги за месяц — и вон отсюда!

Монти окончательно удивился:

— Прямо подумаешь, что вы меня увольняете! А? Что?

Лорд Тилбери онемел, но указал рукой на дверь — и такова была власть его личности, что Монти мигом оказался у выхода.

— Подумайте! — сказал он напоследок. Лорд Тилбери зашелестел бумагами.

— Дядя Грегори обидится.

Лорд Тилбери дернулся, словно в него Осадили шило, но молчания не прервал.

— Обидится, — повторил Монти, при всей свой мягкости вынужденный предупредить о возможной беде. — Он очень хочет меня пристроить. Да, да, обидится. Дядя Грегори.

— Во-о-он!

Монти гладил ручку двери, не зная, как начать.

— Вы еще тут?!

— Да, да, — заверил Монти. — Я хочу сказать одну штуку. Понимаете, я должен работать целый год. Это очень важно. Вы не знаете такую Гертруду Баттервик? Нет? Жаль. В общем, это долго рассказывать. Вы поверьте, я должен работать так до середины июня, а то все провалится. Значит, вы меня не увольняйте. Работать я буду хорошо, без дураков. Первым приду, последним уйду, себя не пожалею…

— Во-о-о-он! Они помолчали.

— Значит, не передумаете?

— Нет.

— Не пожалеете меня?

— Нет.

Монти Бодкин выпрямился.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Ладно, чего уж там. Если у кого нет сердца, ничего не поделаешь. Скажу вам две вещи. Во-первых, вы разбили мне жизнь. Во-вторых, всего хорошего.

Он вышел достойно и гордо, словно молодой аристократ, направляющийся к гильотине; а секретарша отскочила от двери как раз вовремя, чтобы не получить ненароком по уху.

Монти Бодкин стоял у издательства с жалованьем в кармане, горем — в сердце и тем желанием выпить, которое посещает молодых людей, когда у них неприятности. Судьба же пыталась понять, что ей с ним делать.

«Послать его, что ли, за угол, в «Гроздь винограда?» — размышляла она. — А может, сунуть в такси и отправить в клуб «Трутни»,[24] где он встретит Хьюго Кармоди?»

От ее решения зависела участь Ронни Фиша и его невесты Сью; Кларенса, девятого графа Эмсвортского, и его свиньи Императрицы, лорда Тилбери; сэра Грегори Парслоу-Парслоу; наконец, Перси Пилбема, прежде издававшего «Светские сплетни», а теперь владевшего сыскным агентством «Аргус».

— Х-м… — сказала Судьба. — М-да… Ладно, «Трутни». Так и случилось, что минут через двадцать Монти сидел в баре и, попивая коктейль, рассказывал Хьюго Кармоди о крахе своей карьеры.

— В общем, выгнали! — закончил он, горько усмехнувшись. — Прямо в снег. Такова жизнь, я думаю.

— Да, не повезло, — сказал Хьюго. — Слушай, зачем тебе работать? У тебя этих денег…

Монти признал, что не бедствует, но указал на то, что не в этом суть.

— Тут не в деньгах суть, — пояснил он. — Есть причины. Хочешь

расскажу?

— Я и так верю.

— Ну, ладно. Еще закажем? Эй, два коктейля!

— Знаешь, — сказал Хьюго, чтобы его утешить, — все равно бы уволили. Что ты там можешь делать? Разве что служить пресс-папье. Про бутылку все перепутал…

Этого Монти пропустить не мог.

— Да что ты! — пылко воскликнул он. — Мне верный человек сказал, брат лорда Эмсворта. У меня там дядя живет, в Шропшире, совсем рядом, я у него часто гостил. Как-то Галли отвел меня в сторону…

Хьюго оживился.

— Дядя? Это не сэр Грегори Парслоу?

— Он самый.

— Здорово! Я и не знал, что ты его племянник.

— А вы знакомы?

— Еще бы! Я все лето жил в Бландинге.

— Правда? Ну конечно, вы же дружите с Ронни.

— Не в том дело. Я служил у Эмсворта. Секретарем. Хорошая работа!

— Я думал, у него такой Бакстер.

— Да что ты! Он давно ушел. Монти печально вздохнул.

— Давно я не был там, года три… Как они все? Как старый Эмсворт, все такой же?

— А какой он был?

— Тихий, сонный, рассеянный. Вечно говорил о розах. Да, и о тыквах.

— Значит, такой же, только говорит о свиньях.

— О свиньях?

— Его свинья Императрица получила медаль. В этом году он опять надеется.

— А как Галли?

— В порядке.

— А Бидж?

— В самой лучшей форме. Монти умилился.

— Значит, все по-прежнему, — начал он и вдруг вскрикнул «О, Господи!», проливая коктейль на брюки. Его посетила идея.

— Минуточку, — сказал он, дрожа от волнения. — Давай разберемся. Ты служил у Эмсворта секретарем?

— Да.

— И тебя выгнали?

— Что ты говоришь! Я ушел. Если хочешь знать, я женюсь на его

племяннице. Сейчас везу ее в Вустершир, к моему дяде Лестеру.

Монти был слишком занят мыслью, чтобы отвлечься на поздравления.

— Когда ты ушел?

— Позавчера.

— Кого-то взяли на твое место?

— Вроде бы нет.

— Хьюго, — Серьезно сказал Монти, — туда поступлю я. Пойду позвоню дяде Грегори, пусть похлопочет.

— Я бы не спешил, — сказал его друг. — Ты не все знаешь. Твой дядя не в самых лучших отношениях с лордом Эмсвортом. Недавно он увёл свинаря…

— Какие пустяки!

— Что ж, кроме того, Эмсворт вбил себе в голову, что сэр Грегори строит козни против его свиньи.

— Почему?

— У дяди тоже есть свинья. Если бы не Императрица, она бы получила медаль. Когда Императрицу украли…

— Украли? Кто же это?

— Ронни.

У Монти закружилась голова, и без того несильная.

— Ронни Фиш?

— Он самый. Это сложная история. Ронни хочет жениться, но не может, пока Эмсворт не даст денег. Чтобы его заставить, он украл свинью.

Голова закружилась еще больше.

— Прости, не понял?

— Очень просто. Он решил украсть ее, спрятать, а потом как бы найти. Умный план. Только ничего не вышло.

— А почему?

— Сложно рассказывать. В общем, ее нашли у Бакстера.

— Тогда Эмсворт знает, что дядя ее не крал?

— Ничего подобного. Он думает, что Бакстер работал на твоего дядю. В общем, отношения плохие. Я бы на сэра Грегори не полагался.

Хьюго встал.

— Ладно, мне пора, а то на поезд опоздаю. Монти проводил его до улицы.

— Может, помирятся, — задумчиво сказал он.

— Все может быть.

— Установят… как это? Конкордат? Нет, кон-сен-сус.

— Что-то не похоже. Ну, я бегу. — Хьюго сел в такси и прибавил из

окошка: — Да, держись крепче. Там гостит одна девушка, вторая красавица Англии.

— Э?

— Невеста Ронни. Если что, он тебя задушит голыми руками. Лично я ревности не понимаю. Доверяешь — так доверяй. Совершенная любовь, как говорится… А Ронни — просто Отелло. Там один тип вроде бы с ней ужинал, так он весь ресторан разворотил. Тонкий человек, чувствительный.

— Как это «вроде ужинал»?

— Она была со мной, а Ронни не знал. Видит, Сью сидит с Пилбемом…

— Сью?

— Да. Ее зовут Сью Браун.

— Что!

— Сью Браун.

— Это не Сью Браун? Она еще в хоре пела.

— Она самая. Ты ее знаешь?

— Еще бы! Года два не видел, а в свое время… Старая добрая Сью! И красива, и умна, и…

Хьюго покачал головой.

— Именно этого я и боялся. Слава Богу, тебе не попасть в замок. Неприятно прочитать в газете, что твое тело нашли в озере.

Такси укатило. Монти долго стоял на ступеньках, погруженный в думы. Если в замке Сью, думал он, попасть туда необходимо. Что же до свиней, не так все страшно. Хьюго — хороший парень, но вечно все преувеличивает. Преисполнившись радушных надежд, он направился к будкам.

— Междугороднюю, — сказал он. — Матчингем 8–3.

Глава III

Примерно через сутки после того как Монти заказал междугороднюю, приметливая птица, взглянувшая со своего, птичьего полета на парки и угодья Бландинга, заметила бы, что у прославленного замка ходит какая-то пара. Сузив глаза и прикрыв их когтистой лапкой, она разглядела бы, что эту пару составляют румяный белокурый молодой человек и удивительно красивая девушка в легком зеленом платье с отложным воротничком. Роналд Овербери Фиш прощался со своей Сьюзен, прежде чем отправиться в Маркет Бландинг, а там сесть на поезд 12.40. Ехал он в Норфолк, на свадьбу Двоюродного брата.

Собственно говоря, уезжал он всего лишь до завтра, но все-таки счел нужным дать Сью кой-какие советы. Прежде всего, он рекомендовал ей, не щадя никаких сил, пленять дядю Кларенса.

— Да, конечно, — сказала Сью, которая, заметим, была изящнейшей девицей с прелестной улыбкой и большими светлыми глазами. Сейчас глаза эти лучились умом, ибо она живо следила за рассуждениями юного Ронни. Тот доказывал, что графа надо пленить, чтобы уж точно дал обещанные деньги. Ее это не пугало. Кроткий, мечтательный пэр ей очень нравился.

— Да, — сказала она, — конечно.

— Крутись около него.

— Да.

— Поговори с ним о свиньях.

— Конечно.

— А что до тети Констанс…

Ронни помрачнел; он вообще мрачнел, думая Ъ леди Констанс Кибл. Когда последний из Фишей, единственный сын леди Джулии, племянник лорда Эмсворта, сообщил, что женится на хористке, отзывы были, скажем так, разные. Одни — получше, другие — похуже.

Дворецкий Бидж, восемнадцать лет любивший его как сына и сразу полюбивший Сью, был очень рад. Рад был и Галли Трипвуд, который когда-то, в бурной молодости, едва не женился на той, кто стал бы Роналду тещей. Кларенс, девятый граф, проговорил: «О! А?» — и вернулся к мыслям о свинье.

Протесты, как обычно бывает, исходили от женщин. У них всегда нет-нет, да есть сословные предрассудки. На честную бедность, в сущности,

они смотрят иначе, чем Бернс. Мы знаем, что думала леди Джулия. Не лучше относилась к предстоящему браку и сестра ее, Констанс, которую явственно ужасало пятно на славном гербе. Чувств своих она не скрывала, то глубоко вздыхая, то сухо поджимая губы. Теперь мы поймем, почему Ронни помрачнел.

— Что до тети Констанс…

Собирался он сказать, чтобы в случае чего Сью дала ей по уху; собирался — но не сказал, ибо из дома вынырнул молодой человек с юрким рыльцем, подвитыми бачками и мерзкими усиками. Помешкав на пороге, он увидел юного Фиша и нырнул обратно. Юный Фиш напряженно смотрел ему вслед.

— У, гад! — заметил он, мягко скрипнув зубами. П. Фробишер Пилбем всегда будил в нем зверя. — Наверное, тебя ищет.

Сью забеспокоилась.

— Ну что ты! Мы совсем не общаемся.

— Он к тебе не вяжется?

— Нет, нет!

— Вообще, что он тут делает? Вроде бы уехал.

— Наверное, лорд Эмсворт попросил его остаться. Нам-то что, в конце концов?

— Он посылал тебе цветы.

— Да, но…

— И тогда, в ресторане…

— Да, да. Ты больше не ревнуешь?

— Я? — удивился Ронни. — Ну, что ты!

Сью не успокоилась. Она хотела покончить с этим раз и навсегда. Единственной тучкой на небесах ее счастья были те самые свойства Ронни, на которые намекал Хьюго в беседе с Монти Бодкином. Она понять не могла, какая ревность, если ты любишь. У нее был ясный, детский ум.

— Значит, не будешь волноваться?

— Ну, что ты!

— И вообще ревновать не будешь?

— Конечно, нет. Только…

— Да?

— Очень уж я розовый!

— Самый красивый цвет. Ангелы тоже розовые. Я тебя люблю.

— Правда?

— Правда.

— А не разлюбишь?

— Какой ты глупый!
— Да, знаю… А вдруг разлюбишь?
— Скорей уж ты разлюбишь меня.
— Что ты говоришь!
— Приедет твоя мама…
— Какая чепуха!
— Я ей не понравлюсь.
— Понравишься.
— Не нравлюсь же я твоей тете.
— Тете! То-то я думаю, о чем мы говорили. Так вот, если что, дай ей в ухо. Вынет лорнет — бей.
— А если мама его вынет?
— Ну, что ты!
— У нее нет лорнета?
— Она… она не такая.
— Не такая, как тетя?
— С виду — примерно такая же, а по сути — нет. Тетя у нас фу-ты, ну-ты, а мама — свой парень.
— Все равно, она будет тебя отговаривать.
— Не будет.
— Будет. «Роналд, мой дорогой! Какое нелепое увлечение! Кто бы мог подумать?» Так и слышу.
— Ничего подобного. Она хорошая баба.
— А я ей не понравлюсь.
— Понравишься. Какая ты… забыл слово. Да, пессимистка.
Сью кусала губу маленьким, белым зубом. Светлые глаза потемнели.
— Лучше бы ты не уезжал!
— Я завтра вернусь.
— А нельзя остаться?
— Ну, что ты! Я — шафер. И вообще, интересно посмотреть, как это люди женятся. Скоро пригодится.
: — Вряд ли.
— Перестань!
— Прости. Лучше бы ты не уезжал. Знаешь, здесь все такое старое, огромное… Я — как щенок в соборе.
Ронни окинул взглядом родовое гнездо.
— Да, домик — будь здоров, — признал он. — Как-то не замечал, а вообще-то бывают и поменьше. А что тут плохого?
— Понимаешь, я выросла в квартирке. Мне так и кажется, что твои

предки закричат: «Эт-то еще кто?!»

— Какая ты, честное слово! Тебя все любят — дядя Кларенс, дядя Галли, все, кроме тети. Чихать нам на нее!

— А мама?

— Да сказано тебе!

— Такая важная, темная леди…

— Она — блондинка.

— Все равно, очень неприятное чувство. Как будто Мартин вот-вот придет.

— Что?

— У одной нашей девочки есть пластинка. Какой-то тип попал в пустой дом, там — кошки, вылезают друг за другом. Кошка вылезла и поет: «Ну, как, начнем?», а остальные отвечают: «Нет, нет, подожди, пока Мартин не придет!» Скоро он придет, помяни мое слово.

— Да перестань ты! Все будет хорошо. Мама тебя полюбит. А что ей делать? Ты же самая…

Однако ему не довелось удариться в лирику — из-за угла выехала машина, которую вел шофер по фамилии Ваулз.

— Значит, пора, — опечалился Ронни.

Машина подъехала к ним. Ронни сурово взглянул на Ваулза. Нет, они дружили издавна, играли в крикет, но есть минуты, когда и знакомый с детства шофер кажется несколько лишним.

Избегая его взоров, Ронни (густо-вишневый) обнял свою невесту со всей страстью Фишей, вскочил в машину, помахал из окна, помахал еще, и махал, пока видел Сью; после чего сел прямо и стал дышать носом.

Сью постояла на дорожке, а когда машина скрылась за рододендронами, задумчиво побрела к террасе. Августовское солнце палило вовсю. В траве стрекотали кузнечики, в лавандовом бордюре гудели пчелы и все это, вкупе с жарой, располагало к отдыху. Заглянув за кедры, Сью увидела, что в тени стоит шезлонг, в шезлонге лежит Галахад, попивая виски с содовой, а рядом — еще одно кресло, явно для нее.

Однако долг превыше всего, как бы не пекло, не стрекотало и не гудело. Ронни просил поговорить о свиньях; значит, надо поговорить.

Она спустилась по каменным ступеням, свернула к западу и направилась к тому уголку поместья, где обитала Императрица, прославленная свинья.

Жилище ее помещалось на полянке, усеянной лютиками и ромашками и окаймленной серебряным извивом ручья, несущего воды в озеро. По своему обычаю лорд Эмсворт отправился туда после завтрака и теперь, в

половине первого, мягко висел на перильцах, беззлобно и благоговейно глядя на прекрасную даму. Рядом с ним, на тех же перильцах, висел свинарь Пербрайт.

Время от времени кроткий пэр втягивал носом воздух, но не благоухания позднего лета привлекали его. Собственно говоря, вокруг обиталища ощущался лишь один запах, достаточно резкий, своеобразный, но для кого-то — и дивный.

Служители прекрасной свиньи на нее не походили. Лорд Эмсворт был длинным и тощим, равно как и Пербрайт. Императрица же напоминала (особенно в полумраке) готовый к полету монгольфьер. Мода на стройность не коснулась ее. Она любила поесть и в жизни своей не делала гимнастики. Глядя на то, как она поглощает болтанку из льняного семени, картошки, желудей и отрубей, девятый граф ощущал примерно то же, что ощущает поэт при виде радуги.

— Какая красота! — сказал он.

— Ну! — согласился Пербрайт.

— Мы непременно победим.

— Ну!

— Только бы ее опять не украли…

— Ыр!

Лорд Эмсворт озабоченно поправил пенсне. Глаза его угасли, лицо омрачилось. Он думал о зловещем баронете, сэре Грегори Парслоу.

Когда оказалось, что некий Бакстер, его секретарь, украл ее, граф долго гадал, в чем тут дело. Да, странноват, может быть — и безумен, но это уж слишком! Наконец его осенило: Бакстера нанял сэр Грегори. Потерпев поражение, баронет притих. Но до выставки — две недели, можно сделать многое. В любую минуту вправе мы ждать, что явится злоумышленник в маске, с отравленной иглой в руке.

Граф огляделся. Место пустынное, жилья поблизости нет… Словом, она будет тщетно взывать о помощи.

— Как по-вашему, Пербрайт, — спросил взволнованный пэр, — не переселить ли ее к огороду? Все-таки там вы рядом.

Мы не знаем, что ответил бы Пербрайт — «Ну!» или «Ыр», — поскольку на поляне появилась дама, при виде которой он коснулся лысины и ретировался на задний план.

Лорд Эмсворт подхватил пенсне и воззрился на сестру тем взглядом, которым смотрит овца на соседний участок.

— А!.. — сказал он. — Копни!

Внезапное появление леди Констанс обычно смущало его, ибо она

сгущалась буквально из воздуха и начинала рассуждать о том, можно ли тратить время на свиней, а не на письма. Однако последние двое суток у него не было секретаря, а без секретарей письмами не займешься. Тем самым, совесть молчала, и ответил он без той раздраженной робости, которая придавала ему сходство с каким-нибудь загнанным животным.

— А, Конни! — сказал он. — Вот ты и посоветуешь. Тут мы с Пербрайтом…

Леди Констанс не стала ждать конца фразы. Общаясь с главою рода, она вела себя примерно так, как ведет себя строгая нянька с отсталым ребенком.

— Ты знаешь, который час? — осведомилась она.

Он этого не знал. Его представления о времени вполне удовлетворяла мысль о том, что если *ее* не разглядишь с трех футов, скоро позовут обедать.

— С минуты на минуту явятся гости, — продолжала сестра. — В половине второго мы сядем за стол.

Лорд Эмсворт немного подумал. Нет, это не обед, еще светло. Видимо, второй завтрак.

— А! — сказал он. — Да, да, да, за стол. Вымыть руки?

— Неплохо бы. Вообще, умойся. И переоденься. И переобуйся! А воротничок? Господи, Кларенс, сколько с тобой забот! Никак не пойму, зачем ты возишься со всякой пакостью!

Покорно бредя за сестрой, граф думал о том, как одинок он среди близких. «Пакостью»! Про *нее*!

Никто, никто… Нет, простите! А эта барышня, ну, с Роналдом? Она всегда о *ней* спрашивает.

— Хоть один хороший человек! — тихо проговорил он. Леди Констанс возмутилась:

— Что? Кто у тебя хороший?

— Эта барышня. Ну, с Роналдом. Как ее, Молли Смит.

— Сью Браун.

— Именно. Именно, Браун. Сью. Она хорошая.

— Как для кого, — сказала леди Констанс. Несколько секунд они шли молча.

— Да, кстати, — вспомнила усталая сестра, — насчет твоей мисс Браун, — она скрипнула зубами. — Пришло письмо от Джулии.

— От Джулии? — откликнулся граф, уделяя этой новости две пятьдесят седьмых своего внимания. — А кто такая…

Леди Констанс, как то ни трудно, не дала ему по голове. Великая вещь

— воспитание!

— У нас в семье, — выговорила она, — только *одна* Джулия.

— А, Джулия! — оживился граф. — Что с ней такое? — Он поднапрягся. — Она в Биарице? Развлекается?

— Она — в — Лондоне.

— Э? А?

— А завтра будет здесь. В 2.45. Лорд Эмсворт мгновенно очнулся.

— Почему?

— Потому что это самый удобный поезд.

— Нет, почему она приедет?

Леди Констанс не хрюкнула, дамы не хрюкают, но какой-то звук издала.

— Господи! — сказала она. — У нее женится сын. На танцорке.

— На певичке.

— Какая разница?

— Какая-то есть. Спрошу у Галахада, он знает. А ты что, ее не любишь?

— Джулию?

— Мисс Смит.

— Браун! Не люблю.

— Ты не хочешь, чтобы Роналд на ней женился?

— Кажется, я своих чувств не скрывала. Снобизма во мне нет…

— Что ты, есть!

— Ну, если *это* снобизм!.. Роналд должен жениться на девушке своего круга.

— А Галахад хотел жениться на ее матушке.

— Галахад способен на все.

— Как сейчас помню! Повел он меня в «Тиволи», она пела… Долли Хендерсон. Очень красивая улыбка, прямо весеннее утро. Поет, все подпевают… Сейчас, сейчас! Там-там-тамти-там? Нет, пам-пам-тури-тури-тури-пам!

— Неважно, — сказала леди Констанс, полагавшая, что на семью хватит одного мемуариста. — Какое нам дело до этой особы? Жаль, что у нее есть дочь.

— Почему? Очень хорошая девушка. Красивая, вежливая, любит свиней. Я вот говорил Пнлбему…

— Да! — вскричала леди Констанс. — Почему он еще здесь? Вообще, кто он такой?

— Сыщик.

— Кто?

— Частный сыщик, — гордо объяснил граф, за все шестьдесят лет впервые нанявший сыщика. — У него такая контора, называется «Аргус». Или бюро. Они все ищут.

Леди Констанс пылко пыхтела.

— Танцорки! — воскликнула она. — Сыщики! Шулеров у нас еще нет?

Брат ответил, что не знаком ни с одним шулером.

— Разреши спросить, — не отстала сестра, — зачем нам сыщик?

— Чтобы Императрицу не украли.

— Твою дурацкую свинью давно нашли. Что он тут делает?

— Галахад сказал, лучше подождать до выставки. Мало ли что! Сэр Грегори…

— Кларенс!

— Что «Кларенс»? Ну, что «Кларенс»? Галахад совершенно прав. Ты думаешь, Бакстер ее украл, потому что он ненормальный. А мы с Галахадом думаем, ere подучил Парслоу.

— Это ты ненормальный!

— Я нормальный. Просто я знаю Галахада, а уж он знает Парслоу. Прочитай в книге, там все точно. Вот, например, в 1894 году твой Парслоу обкормил перед боем собаку. А? Как тебе? Звали Кнут. У Галахада — Кнут, у него — Банджо. А кто увел Бурбона? Такой человек способен на все.

Леди Констанс нетерпеливо копнула ножкой газон. Лучше бы лягнуть брата, но — воспитание!

— Кларенс, ты идиот, — сказала она. — Постыдился бы. У Галахада вообще нет совести, а ты — постыдись. Как дети, честное слово! Разве можно ссориться с соседями?

— Можно.

— Нет, нельзя. Поэтому я сейчас и помогла сэру Грегори.

— Э?

— Пусть знает, что здесь есть хоть один нормальный человек.

— О?

— Ты берешь его племянника.

— Э? Что? Какого?

— Монтегю. Ну, ты помнишь, он часто здесь бывал. Монти Бодкин.

— Бодкин? Бодкин? Бодкин?

— Ради Бога, ты не попугаи! Хорошо, ты все забываешь. Главное не это. Главное, что сэр Грегори просил меня взять тебе в секретари его

племянника…

Кроткий пэр иногда взрывался.

— Нет, чтоб мне лопнуть! Нет, чтоб мне треснуть! Красть — мою — свинью — и — после — этого…

— …а я сказала: «С удовольствием».

— С чем?

— С удовольствием.

— Ты что, взяла его?

— Конечно.

— Племянника этого Парслоу за две недели до выставки?!

— Вот именно. Завтра он приедет в 2.45.

Леди Констанс нырнула в дом, а брат ее, лорд Эмсворт, постоял какое-то время. Пробудила его потребность в ясном, спокойном разуме — и на дрожащих длинных ногах он побежал туда, где отдыхал Галахад, попивая свое виски.

Глава IV

В тенистой прохладе, освеженный янтарной влагой, где позвякивали льдинки, Галахад практически достиг блаженства. Вдали бушевали бури, но здесь царил покой, знакомый только тем, кто пальцем не шевелит, чтобы его снискать.

Когда вокруг столько прекрасных вещей, что мы, по справедливому выражению поэта, счастливее королей,[25] поневоле удивишься, если к тебе прискачет очень взволнованный брат.

— Господи, Кларенс! — сказал Галли. — Ты просто глиста в беде. Что случилось?

Лорд Эмсворт подрожал, не в силах вымолвить слова. Потом он обрел дар речи:

— Галахад, случилось самое страшное!

— Что?

— Парслоу нанес удар!

— Дал тебе по уху?

— Нет, нет, нет. Все так, как ты говорил. Он слишком умен для нас. Обошел Конни, она взяла секретарем его племянника.

Галли принялся вдумчиво протирать монокль.

— Да, да, да, — продолжал граф, — она сейчас сказала. Понимаешь, чем это грозит? Сообщник в самом сердце дома. Я вижу все! — голос его взмыл до верхних регистров. — Не вышло с Бакстером, пробует Бодкина.

— Бодкина? Это не Монти?

— Монти. Что нам делать?!

Он задрожал. Безупречный Монтегю огорчился бы, узнав, что его будущий хозяин видит в нем коварного, юркого, мерзкого человека, который готов проникнуть к невинной свинье и подложить гранату в ее пойло. Галли вставил монокль.

— Монти? — сказал он, отпивая глоточек. — Помню, помню. Хороший парень, свиньи не обидит. Постой, тут надо разобраться.

Он немного подумал.

— Нет, — решительно сказал он. — Бодкина можешь не бояться.

— Да?

— Да. Это не подвох.

— Но…

— Никаких «но». Поверь мне. Посмотри, посуди, наконец. Парслоу

прекрасно понимает, что его ставленника заподозрят. В чем же дело? А вот в чем.

— Да?

— Сказать?

— Скажи, — слабо выговорил граф, по-рыбьи глотая воздух. Поскольку глава рода стоял, а сам он сидел, Галли не мог потрепать его по плечу, и потрепал по ляжке.

— Он хочет, чтобы мы его подозревали.

— Хочет?

— Хочет. Мы будем следить за Бодкином, а настоящего сообщника и не заметим.

— Ой, Господи! — ужаснулся граф.

— Ничего, — успокоил его Галли. — Не так мы просты, — Он снова потрепал графа по ляжке. — Знаешь, что теперь будет?

— Нет.

— Сказать?

— Скажи.

— Через несколько дней у ее домика появится незнакомец.

— Ой, Господи!

— Мы позаботимся о том, чтобы он ничего не заподозрил. Отойди в тень, Кларенс. Пусть твой Пербрайт тоже отойдет в тень. Этот неведомый злодей должен думать, что мы беспечны. Тут мы его и возьмем.

Лорд Эмсворт смотрел на брата, как ученик — на мудреца. Собственно, он не сомневался, что для того нет пределов.

По-видимому, думал он, тут повлияла обстановка. Клуб «Пеликан» не возвышает нас в обществе, но многому учит. Притупляя нравственное чувство, он обостряет ум.

— Спасибо, Галахад, — сказал он. — Мне теперь гораздо легче. Конечно, ты прав. Только… вряд ли этот Бодкин так безвреден. Может, лучше за ним последить?

— Следи, чего там!

— Хорошо, буду следить. А пока пойду к Пербрайту.

— Пусть притаится.

— Да, да, да.

— Или загримируется. Что-нибудь такое, попроще. Дерево, ведро для картофельных очисток…

Лорд Эмсворт подумал.

— Дерево? Вряд ли он сможет.

— За что же ты ему платишь?

Лорд Эмсворт молчал, думая о том, что только Бог умеет создавать деревья.

— Ладно, пускай уйдет в тень. Хорошо, хорошо.

— С этих пор… — начал Галли, но не кончил, потому что замахал кому-то рукой. Граф обернулся.

— А, вон твоя Молли! — сказал он.

Сью подошла к ним по лужайке. Граф ей приветливо улыбнулся.

— Кстати, — спросил он, — танцорка — то же самое, что певичка?

— Ни в коем случае.

— Так я и думал. Какая Конни… э… глупая!

Он затрусил к замку, а Сью подошла к шезлонгу. Автор мемуаров оглядел ее сквозь монокль, удивляясь тому, как похожа она на Долли. И походка, и улыбка, и вот эта манера вздергивать подбородок… На мгновение годы исчезли. По саду прошелестело что-то такое, нездешнее. Глядя сверху, Сью стала накручивать на палец седой волос.

— Что ж, Галли…

— Что ж, Сью…

— Отдыхаете?

— Отдыхаю.

— Скоро этому конец. Сейчас ударят в гонг. Галли вздохнул — вот, всегда так.

— Давайте не пойдем, — предложил он.

— Вы — как хотите, а я пойду. Есть хочется.

— Игра воображения.

— А вам не хочется?

— Конечно, нет! Здоровым людям еда не нужна. Пей — и врачам будет нечего делать. Доказать?

— Пожалуйста.

— Дело было в 1898 году, — начал Галли. — Фредди Поттс жил практически на виски, и в том году это его спасло. Он не отравился ежом.

— Чем?

— Ежом. Фредди поехал к своему брату Юстесу во Францию. Брат не пил, но много ел.

— Ежей?! Не верю.

— Минуточку. Он и не собирался есть ежа. На второй день по приезде брата Юстес дал повару денег, чтобы тот купил курицу. По дороге на рынок повар увидел дохлого ежа. Собственно, еж лежал там несколько дней, но он его еще не видел. Повар, человек скупой…

— Галли! Я же сейчас пойду завтракать!

— Аппетит потеряете? Тем лучше. Освежает цвет лица. Итак, повар был скуп. Он знал, что под соусом съедят что угодно, хоть старушку, а потому подал Фредди с Юстесом тушеного ежа. Юстес позеленел, взвыл, как душа в аду, и выл неделю. Фредди еще наутро закусывал холодным ежом.

— Какая мерзкая история!

— Зато поучительная. Я бы велел записать ее золотом в каждой школе и каждом колледже. Да, так что вы сегодня делали? Почему поздно пришли?

— Прощалась с Ронни. Он полчаса как уехал.

— Ах, да, к Джорджу Фишу на свадьбу. Хотите, расскажу про его папашу, епископа?

— Если опять в таком же духе, лучше не надо. Потом я искала лорда Эмсворта, Ронни просил поговорить с ним, но увидела леди Констанс. Пошла к вам, а он уже тут. У вас был важный разговор?

Галли хихикнул.

— Да нет, все эта свинья. Боится, что ее украдут. Сью осторожно огляделась.

— Знаете, кто ее тогда украл?

— Знаю. Бакстер.

— Нет, Ронни.

— Что? Юный Фиш?

— Я же вас просила!

— Pardon. Зачем она ему понадобилась?

— Он решил ее спрятать, а потом найти. Чтобы лорд Эмсворт, из благодарности…

— Этот кретин придумал такую штуку?!

— Пожалуйста, не называйте Ронни кретином. Он очень умный. А вообще-то он взял идею от вас.

— От меня?

— Вы когда-то крали свинью.

— Да, было дело… С Булкой Бенджером. Отвели к Пробке Бэшему. Интересно, поладили они? Ну уж, как-нибудь. Хозяин вот — рассердился. Очень любил свинью. Боялся за ее нервы.

— А почему лорд Эмсворт боится?

— Понимаете, Конни взяла секретаря, а он племянник Парслоу. Кларенс решил, что это интриги. Собственно, я тоже так думаю, но, по-моему, Монти Бодкин — просто прикрытие, а…

— Монти Бодкин!

— Это племянник. Сам он парень хороший, но…

— О, Галли!

— Что такое?

— Монти приедет сюда! Я так и знала! Так я и знала, что-нибудь случится!

— Дорогая моя, что с вами? Почему вас пугает Монти Бодкин?

— Потому что, — отвечала Сью, — я собиралась за него замуж.

— Да? — спросил Галли, думая о том, что годы и трезвый образ жизни притупили его разум. — Давно?

— Два года назад… Два с половиной… Три… Не помню. Задолго до Ронни. Ах, важно ли это! Собиралась замуж.

Галахад еще не все понял.

— Ну и что? Почему вы волнуетесь? Тяжелые воспоминания? Или боитесь огорчить его?

— Да нет! Я из-за Ронни.

— Из-за Ронни?

— Конечно. Вы знаете, какой он ревнивый.

— Ага, ага…

— Ничего не поделаешь, уж он такой. Чуть что — страдает. Монти очень хороший, но он сразу начнет: «Помнишь?.. А помнишь?.. Ты не забыла, старушка?..» Ух! Ронни сойдет с ума.

Галахад кивнул.

— Так, так, так… «Мой старый друг, мой верный друг». Да, неприятно.

— Ронни ревнует к Пилбему!

— А вы скажите, чтобы не лез в бутылку. Просто и строго.

— Ах, вы не понимаете! Какие бутылки, он будет очень вежливым. Холодный, сухой, молчит, ну Итон и Кембридж. Его *совершенно* не проймешь!

— Скажите, Сью, вы действительно любите юного Фиша?

— Кажется, я вас просила!..

— Да, да. Pardon. Так любите?

— Конечно. Я же вам говорила. Для меня больше никто не существует. Вы спросите, как же я собиралась за Монти? Сама не понимаю. В семнадцать лет так приятно, если за тобой ухаживают… Так трудно отказать… Ничего не было, через две недели мы поссорились. Но Ронни возомнит Бог весть что. Он — как ребенок, честное слово!

— Выдумаете, Монти все выдаст?

— Конечно. Он болтун.

— Да, да, помню. Вечно что-нибудь ляпнет. Как Рожа Бэгшот. Повел девицу ужинать. Вбегает какой-то дядька, машет кулаками, а он встает и говорит: «Не бойтесь, я честный человек, женюсь на вашей дочери». — «На дочери? — орет дядька. — Это моя жена!» Интересно, как они это уладили?

Галли подумал, мечтательно глядя на паука, который воспользовался веткой вместо трапеции.

— Ну что ж, — сказал он. — Все очень просто.

— Просто!

— Да. Ронни приедет завтра к вечеру. Утром пораньше езжайте в Лондон и поговорите с Монти Бодкином. Скажите, чтобы держался как незнакомый. Он не особенно умен, но если хорошо объяснить, усвоит.

Сью глубоко и восторженно вздохнула.

— Галли, вы гений!

— Опыт, моя дорогая, просто опыт.

— А если я не вернусь ко второму завтраку?

— Конни куда-то уйдет, Кларенс не заметит. Нет, главное — найти Бодкина. Вы знаете его адрес?

— Он целый день сидит в «Трутнях».

— Тогда все в порядке. Ну что за тип этот Ронни! Почему он ревнует? Должен бы знать, что вы его любите — не понимаю, за что.

— А я понимаю.

— Да он кретин.

— Ничего подобного!

— Дорогая моя, — твердо сказал Галли, — если человек вам не доверяет, он кретин, и никто иной.

Глава V

Предположив, что бывший жених находится в «Трутнях», Сью не ошиблась. Назавтра, в начале первого, она позвонила туда с вокзала и услышала восторженный вой, в духе гиены. Судя по словам, которые тоже были, Монти обрадовался призраку прошлого и посоветовал схватить такси. Сью послушалась: и теперь, в ресторане, за столиком, благодарила судьбу за мудрость. Без всяких сомнений, необработанный Монти поразил бы дорогого Ронни, как разрывной снаряд. И над коктейлем, и за семгой он только и восклицал: «А помнишь?» или «Помню, мы с тобой…»

Сью испугалась, что разговор будет трудный, но когда спутник ее благоговейно заморгал перед truit bleu,[26] она описала ситуацию и поняла по вдумчивым кивкам, что он, против ожидания, следит за ходом рассказа.

Расспpавившись с truit, он кивнул еще раз, показывая тем самым, что ему все ясно.

— Старушка, — воскликнул он, — все ясно! Собственно, Хьюго мне говорил…

— Ты его видел?

— Встретил в клубе. Все понял. Решил вести себя учтиво, но сдержанно.

— Значит, я зря приехала!

— Не скажи! У тебя как-то ярче выходит. Теперь я вижу, что сдержанной учтивости мало. Кто его знает, еще взорвется…

Сью немного подумала.

— Да, ты прав.

— Может, мы вообще незнакомы?

— Да, так лучше. — Сью нахмурилась. — Какая гадость!

— Ничего, ничего, я потерплю.

— Не в тебе дело. Ронни обманывать противно.

— Привыкай. Секрет семейного счастья. А вот глупо — это да. Мы же с тобой так дружим! Помнишь…

— Нет, не помню. Забудь и ты. Ради Бога, Монти, оставь эти сантименты!

— Хорошо, хорошо.

— Я не хочу, чтобы Ронни сердился.

— Конечно, конечно.

— Значит, следи за собой.

— Ладно, ладно. Не подведу.

— Спасибо, милый! А, что?

Как раз в этот миг официант поднес к ним серебряное блюдо и поднял крышку, словно ловкий фокусник. Монти с должной серьезностью посмотрел, что там лежит.

— Ничего, — сказал он, когда официант удалился. — Вот ты говоришь, «милый». Я вспомнил…

— Ради, Бо-о-ога!

— Хорошо. Ладно. Странная штука — жизнь. Какая-то такая… странная.

— Не без того.

— Вот, возьми нас с тобой. Сидим, едим, прямо как тогда, только ты мечтаешь о Ронни, а я — о Гертруде Баттервик.

— Что?

— Баттервик. Банан, ананас, тюльпан, тюльпан…

— Спасибо, я расслышала. Ты женишься?

— Как бы тебе сказать?.. И да, и нет. Прохожу проверку.

— Она никак не решит?

— Что ты, она — решила! Она меня жутко любит, прямо ужас. Но есть скрытые пружины.

— Прости?

— Такое выражение. Сама понимаешь, пружины. Кстати, почему пружины? Может, причины? Вроде бы нет… В общем, все сложней, чем кажется.

— Нет, выражение я знаю. В чем дело у тебя?

—. В папаше. В Дж. Дж. Баттервике. «Баттервик, Прайс и Мандельбаум, экспорт, импорт».

Монти с чувством проглотил картофелину. Сью умилилась. Да, конечно, слава Богу, что она за него не вышла, но так… словом, умилилась.

— Бедненький! — воскликнула она. — Ты ему не нравишься?

— Я бы не сказал… Иногда он со мной здоровается. Один раз чуть не предложил сигару. Не в том суть. Понимаешь, экспорт-импорт действует на психику. Ему почему-то кажется, что я бездельник. Прямо так и спросил: «Чем вы зарабатываете себе на жизнь?»

— Как грубо!

— Я и говорю. Дал мне испытательный срок. Надо целый год где-нибудь проработать.

— Ужас какой!

— Вот именно, ужас. Сперва я не поверил, что это всерьез. Потом поскакал к Гертруде, предложил бежать. И что же ты думаешь? Не согласилась! Послушная дочь, ах ты, Господи! Вот оно, буржуазное воспитание. Чего ты хочешь? Средний класс, так его так, становой хребет империи. В общем, не бежит. Ну, я попросил дядю Грегори устроить меня в «Мамонт», есть у них детский журнальчик. Хорошо, работаю — а тут редактор уехал. Я без него немного ошибся. В общем, два дня назад меня выгнали. Начинаю заново.

— Понятно… А я уж испугалась, что ты разорился.

— Ну что ты! Все деньги при мне. Деньги! — Монти взмахнул рукой, заехав лакею в манишку. — Это сор! Мало того, это тлен! Золото гномов. Никакие деньги ни на шаг не приблизят меня к Гертруде.

— Она хорошая девушка?

— Ангел. Какой может быть разговор! Ангел самого высшего типа.

— Поверь, все у вас уладится.

— Спасибо, старушка. А вот ты скажи, — Монти немного смутился, — продержусь я год? Секретарей редко выгоняют.

— Хью, и то продержался. Сам уходит. Как ты со свиньями?

— Со свиньями?

— Понимаешь, лорд Эмсворт…

— А, да, помню. Сбесился на свинье. Советуешь ее обхаживать? Это можно. Попробуем. — Он широко улыбнулся и, от полноты чувств, погладил ей руку через столик. — Ты меня подбодрила, старушка. Помню… Ладно, ладно! Хороший у тебя характер, всегда ты видишь лучшую сторону. Действительно, Хьюго продержался, кто ж не продержится? Тем более если заняться свиньей. В общем, через год — женюсь. Ты к тому времени будешь давно замужем. Когда вы скачете с вышки?

— Если лорд Эмсворт даст деньги, Ронни купит долю в автомобильной фирме.

— Как семья, не против?

— Ну, леди Констанс — не в восторге.

— Донесли, что ты из шоу?

— Да, не без того.

— Ясно. Сдалась она?

— Сдалась.

— Значит, все в порядке.

— Вроде бы, да. А все-таки… Монти, у тебя бывают предчувствия?

— Было одно, недавно. Когда Тилбери взял меня за шкирку и понес к

выходу.

— Вот и у меня. Я говорила Ронни, а он не верит. Говорит, я пессимистка.

— Какие слова знает! Сильная личность.

— А его мама? Она тоже сильная? Монти почесал подбородок.

— Ты ее не видела?

— Нет. Она в Биарице.

— Скоро приедет?

— Да, кажется.

— Спешит, а?

— М-дэ…

— Ну, почему же!

— М-дэ…

— Ради Бога, что ты заладил «М-дэ»? Она очень страшная?

Монти почесал скулу.

— Как тебе сказать… Вообще-то, хорошая тетка.

— Вот и Ронни так говорит.

— Свой парень. Такая, знаешь, в духе Дианы. Охотится, улыбается, угощает селян. А вообще, кто ее разберет. Я ее боялся больше, чем леди Констанс.

— Почему?

— Не знаю. Боялся, и все тут. Да плюнь, ничего не будет. Может, она сейчас распевает: «О ты, волшебница любовь!» Пошли, мне пора. Мой поезд — в 2.45

— Что?

— Без четверти три.

— В Бландинг?

— А то куда же?

— Так ведь и я им еду.

— Очень хорошо. Поедем вместе.

— Нам нельзя вместе ехать.

— Почему? Посидим, поболтаем, а выйдем — и незнакомы. Все ж веселей.

Сью вспомнила, как скучно ехать одной, и кивнула.

— Ну хорошо.

— Может, заскочим ко мне? Возьму вещи.

— И опоздаешь на поезд. Нет, спасибо. Скачи, если хочешь, я буду на вокзале.

— Я бы тебе показал ее фотографии. Шестнадцать штук!

— Опишешь по дороге.
— Ладно. Любезный, счет!

Когда стрелки вокзальных часов показывали 2.40, леди Джулия двигалась сквозь толпу, усиливая впечатление тем, что вокруг нее, словно спутники вокруг Солнца, крутились горничная, два носильщика и юный предприниматель, решивший, что ей нужны апельсины или конфеты.

К этому, как всегда, она относилась с благодушным презрением. Другие бежали, она — гуляла. Дозволив носильщику открыть пустое купе и сложить там сумки, книги, журналы, она расплатилась, отпустила горничную, села поудобней и стала безмятежно разглядывать вокзальную суету.

Церемония отправки набрала полную силу. Носильщики бегали туда и сюда, стрелочники взмахивали зеленым флажком, платформа звенела под ногами опоздавших, и поезд уже дрогнул, когда дверь распахнулась, а на леди Джулию едва не упало что-то шестиногое. Кое-как удержавшись, оно плюхнулось напротив и оказалось молодым человеком типа «хлыщ», в котором она узнала Монти Бодкина, неоднократно посещавшего дом ее предков.

Он задыхался, он вспотел, он чуть не опоздал, но остался preux chevalier;[27] а они-то знают: если ты толкнул даму — проси прощения.

— Ничего, мистер Бодкин, — отвечала дама. — Это вы меня простите, расселась…

Монти подскочил и воскликнул:

— Ой!
— Да?
— То есть… Здравствуйте, леди Джулия.
— Здравствуйте.

Монти отер лоб носовым платком в тон носкам и галстуку.

— Удивительно! — выговорил он. — Наскочить на вас…
— Именно, наскочить. Просто колесница Джаггернаута! Куда едете?
— Э? А! В Маркет Бландинг.
— К дяде?
— Нет, нет. К вам. Лорд Эмсворт взял меня в секретари.
— Как странно! Я думала, вы работаете в «Мамонте».
— Ушел.
— Ушли?
— Ушел.
— Почему?

— Да так, знаете… Есть пружины.
— Пружины?
— Пружины.
— Какое занятное выражение! Монти решил сменить тему.
— Я слышал, в замке все по-прежнему.
— От кого?
— От Хьюго Кармоди. Он тоже был секретарем.
— Секретарю стоит быть понаблюдательней. Там землетрясение.
— А? Что?
— Держитесь, мистер Бодкин. В замке — Ронни с певичкой. Хочет на ней жениться.
— Что вы говорите?!
— Уверяю вас.
— На певичке?
— Да. На некой Сью Браун. Вы с ней знакомы?
— Нет, что вы! Что вы, что вы. Нет.
Леди Джулия взглянула на убегающий пейзаж.
— Матери это нелегко, — сказала она. — Не правда ли, мистер Бодкин?
— О! Да, да. Нелегко.
— Но могло быть и хуже. Такое короткое, простое имя. Мне почему-то кажется, она не подаст в суд.
— Куда?
— В суд. Когда все кончится. Вот Сюзан де Брюн — другое дело.
— Вы думаете, кончится?
— А как же! Почему вы волнуетесь?
— Я… я просто думал, это трудно. Ронни — сильная личность.
— Унаследовал от матери, — сказала леди Джулия.
Сью вошла в купе, когда они молчали.
Монти в это время смотрел на пейзаж, леди Джулия просто сидела. Ничто не говорило о том, что они знакомы, и Сью обрадовалась было, что нашла своего спутника, но он обернулся, и так отчужденно, так сухо взглянул на нее, что она растерялась.
— Какая зелень, леди Джулия! — сказан он. — Леди Джулия! Зелень-то, а?
Величавая дама взглянула в окно.
— Да, — согласилась она, — хотя дождя давно не было.
— Наверное, Ронни это нравится. А, леди Джулия?
— Простите?

— Я говорю, — пояснил Монти, — что вашему сыну Ронни нравится свежая зелень.

И, бегло взглянув на Сью, он откинулся на спинку сиденья. Усилия его не пропали втуне. Сью задрожала.

— Простите, — сказала она, — вы не леди Джулия Фиш?

— Она самая.

— Меня зовут Сью Браун, — сказала Сью, жалея о том, что слишком напоминает испуганную мышку.

— Подумать только, — сказала леди Джулия. — Какое совпадение! Не правда ли, мистер Бодкин?

— Да, да. Совпадение. Какое.

— Мы говорили о вас, мисс Браун.

Сью кивнула, начисто лишившись голоса.

— Видимо, я теряю сына, но обретаю дочь.

Сью кивнула. Монти подумал, что лучше что-нибудь сказать. Так уверенно, бодро… в общем, бодро и уверенно.

— Ронни прислал мне вашу фотографию, — продолжала леди. — Прелестно, да… Прелестно. Теперь мы поболтаем. Мистер Бодкин не обидится. Да, кстати, вы не знакомы?

— Что вы, леди Джулия? — вскричал Монти. — Нет! Что вы! Нет.

— Прошу вас, что за тон? Я уверена, что мисс Браун достойна знакомства с вами. Ну что ж, я вас представлю. Мистер Бодкин. Мисс Браун.

— Очень приятно, — сказал Монти.

— Очень рада, — сказала Сью.

— Мистер Бодкин, — сказала леди Джулия, — едет в Бландинг, к моему брату.

— Подумайте!

— Пойду покурю.

— Идите, — сказала леди Джулия.

Монти сидел в купе для курящих, довольный собой. Еще полсекунды — и Сью пропала бы. Да, поначалу он решил, что слишком умен, слишком тонок для слабого женского ума, но все обошлось. Старушка поняла налету его намеки.

Вздохнув с облегчением, он прикрыл глаза и предался живительному сну. Разбудил его минут через сорок легкий лязг. Он открыл глаза, поморгал и увидел, что Сью открывает дверь.

— А! — заметил он. — Поболтали?

Сью кивнула и села рядом с ним. Лицо у нее было точно такое, как у растерянного ребенка. Это ей шло. Монти собирался пожалеть о былом, но вспомнил Гертруду и одумался.

— Хорошо получилось, а? — сказал он. — Прямо чужие, и все.

— О, да!

— А как я тебе подсказал? Одно слово, здорово.

— О, да!

— То есть как «О, да»? Гениально. Что-то ты, старушка, скисла. Поболтали?

— О, да.

— Опять! Что вы делали?

— Болтали.

— Это понятно. О чем?

— О том, о сем.

— Она тебя не обижала?

— Нет, что ты!

— Да?

Сью подумала.

— Она была… очень милая.

— То есть жуткая.

— Нет, нет, правда. Улыбалась, смеялась. Как ты говоришь, хорошая тетка. Но…

— Но ты ощутила под стальной перчаткой бархатную руку. То есть, наоборот. Ты поняла, что, стоит тебе отвернуться, она всадит нож в спину.

— Не без того… Тут дело в глазах. Она улыбается, а они — нет. Может, я ошиблась.

Монти закурил сигарету и вдумчиво затянулся.

— Нет, ты права. Я был бы рад, если бы ты ошиблась, — но нет, права. Мало того, перед самым твоим приходом она сказала, что разлучит вас.

— Да?

— Конечно, — поспешил он ее утешить, — ничего не получится. Ронни — сильная личность. Железный человек. Но и они не промах, эти бландингские дамы. Удивительно! Мужчины — красота, а женщины — Бог знает что! Вот, посмотри. Эмсворт… Галли… Фредди… Ты не знаешь Фредди? Один другого лучше. А против них — Конни и эта ваша Джулия, и куча змеюк самого высшего разбора. Где их только нет, по всей Англии. В каждом графстве — местный дракон, все из их семьи. Видимо, фамильное проклятие. Но ты не волнуйся, Ронни — кремень. Решил

жениться, и женится, плевал он на них.

— Да, — отрешенно сказала Сью, куда-то глядя.

— А теперь, прости, не вернуться ли тебе к ней? Еще увидит, что мы тут сидим.

— Я не подумала.

— Это зря. Думай всегда, не помешает.

Он снова прикрыл глаза. Поезд бежал к Маркет Бландингу.

Глава VI

Примерно через час после того, как поезд 2.45 прибыл в Маркет Бландинг, туда же, но с другой стороны, подошел пригородный состав, а из него на платформу вышел Ронни Фиш. Пиршество после свадьбы и медленный путь по сельской Англии задержали его.

Он устал, но то приятное чувство, которое посещает влюбленных, когда они видят чью-то свадьбу, еще не рассеялось. Прославленный марш Мендельсона звучал в его ушах, и он едва не сказал станционному таксисту: «Берешь ли ты, Робинсон, этого Роналда?» Даже в замке, где столовые часы показывали 7.10, он радовался и веселился, зная, что может побриться, помыться, одеться и выбрать подходящий галстук за девять минут с четвертью.

Все шло хорошо. Черная шелковая лента идеально уподобилась бабочке, и ровно в 8 он стоял в той увешанной картинами комнате, где обитатели замка ждали вечерней трапезы.

Однако они не ждали, их вообще не было. Ронни удивился; возникли и другие эмоции. Походив туда-сюда, он не обрел покоя, ибо портреты предков не так уж приятны после долгой поездки в пыльном поезде. Он позвонил. Явился Бидж, дворецкий.

— А, здравствуйте, Бидж! — сказал Ронни. — Вот что, как насчет коктейля?

Теперь удивился дворецкий.

— Я собирался подать их, сэр, когда соберутся гости.

— Гости? У нас званый обед?

— Да, мистер Роналд. На двадцать четыре персоны.

— Вот как? Можно сказать, прием.

— Можно, мистер Роналд.

— Пойду, надену белый галстук.

— Еще успеете, мистер Роналд. Подавать начнут в девять, не раньше. Принести вам коктейль?

— Принесите. Я умираю по кусочкам.

— Сию минуту, мистер Роналд.

Дворецкий Бландингского замка был не из тех, кто под словами «сию минуту» подразумевает «когда-нибудь». Словно джинн-тяжеловес, умело приведенный в действие, он исчез, появился — и через минуту-другую Ронни расцвел, как цветок под летним дождем. Это побуждало к беседе.

— Двадцать четыре персоны, — сказал он. — Ну, повеселимся! Кто придет?

Взгляд у дворецкого стал таким, каким бывает он у констебля, дающего показания в суде.

— Его милость епископ Пулский, сэр Герберт и леди Макскер, сэр Грегори Парслоу-Пар…

— Быть не может!

— Парслоу-Парслоу, мистер Роналд.

— Кто же его пригласил?

— Ее светлость, мистер Роналд.

— И он согласился? Что ж, ему виднее. Следите за дядей Кларенсом. Начнет играть ножом — заберите, мало ли что.

— Хорошо, мистер Роналд.

— А кто еще?

— Полковник Малверер с женой и дочерью, сэр и леди Линдсей-Тодд с племянницей…

— Ясно. Восемнадцать местных чучел, шесть наших.

— Восемь, мистер Роналд.

— Восемь?

— Его светлость, ее светлость, мистер Галахад, вы, мисс Браун, мистер… хм… Пилбем.

— Ровно шесть.

— Еще мистер Бодкин, сэр.

— Бодкин?

— Племянник сэра Грегори, сэр, мистер Монтегю Бодкин. Если вы помните, он у нас бывал.

— Конечно, помню. Только вы что-то спутали. Он — гость, а не наш, здешний.

— Нет, сэр. Он служит у его светлости, вместо мистера Кармоди.

— Не может быть!

— Может, сэр. Насколько я понял, договоренность достигнута два дня назад.

— Странно. Зачем ему это? У него есть деньги.

— Вот как, сэр?

— Во всяком случае, были. Я с ним давно не виделся. Разорился?

— Вполне возможно, сэр. Теперь многие разоряются.

— Все равно семь. Дворецкий покашлял.

— Я полагал, мистер Роналд, что вам сообщили о приезде ее светлости.

— Какой?
— Вашей матушки, мистер Роналд.
— Что!
— Леди Джулии, мистер Роналд.
— О, Господи!
— Еще коктейль, мистер Роналд?
— Да, пожалуйста.
Задумчиво попивая коктейль, Ронни успокаивался. Да, на секунду сердце у него упало, но зачем? В сущности, мать — хорошая тетка, даже очень хорошая. Что она такого сделает? Конечно, поначалу будет нелегко, но это пройдет.
— Где она, Бидж?
— В своей комнате, мистер Роналд.
— Надо бы к ней зайти. Или не надо? Кто ее знает. Может, причесывается, держит щетку… еще ударит… Нет, лучше сказать ей, что я здесь.
— Сейчас пошлю, мистер Роналд.
Двинув левой бровью ровно настолько, чтобы показать, что, если бы не условности, он бы остался и поддержал, дворецкий удалился. Вскоре отворилась дверь, и вошла леди Джулия.
Ронни поправил галстук, одернул жилет и двинулся ей навстречу.

Нельзя сказать, что он очень боялся. В свое время они много смеялись с леди Джулией, и он надеялся, что, при должной ловкости, встреча пройдет в легком, шутливом тоне. Говоря строго, леди Джулия — это вам не леди Констанс.
Однако, целуя ее, Ронни чувствовал то самое, что чувствовал на ринге, перед матчем, пожимая противнику руку.
— Привет, мать.
— Здравствуй, Ронни.
— Приехала, а?
— Как видишь.
— Не устала?
— Нет.
— Это хорошо.
И впрямь, ему стало легче.
— Ну, — весело продолжал он, — окрутили нашего Джорджа.
— Джорджа?
— Джорджа. Я только что со свадьбы.

— А, да! Значит, женился?

— Женился.

— Все в порядке?

— Конечно.

— Все довольны?

— Еще бы.

— Естественно. Девушка нашего круга…

— Х-ф-мпф…

— Да, — согласилась леди Джулия, — именно «Х-ф-мпф».

Они помолчали. Ронни поправил галстук. Леди Джулия на это смотрела. Встретив ее взгляд, он повернулся к портрету второго графа.

— Странные у них бороды, — заметил он.

— Ты можешь смотреть им в лицо?

— Вообще-то не могу. Жуткие рожи. Один поприличней, Дик Трипвуд, который женился на певице.

— Берешь с него пример?

— Не без того. О, молодец, улыбнулась!

— Ты ошибся, скривилась от боли. Тебя надо показать психиатру!

— Ну что ты гово…

— Ронни, — сказала леди Джулия, — если ты будешь спорить, я тебя ударю. И не скалься. Я только убеждаюсь, что ты — идиот, которым давно пора заняться.

— Мам!

— При чем тут «мам»?

— При том. Одумайся. Конечно, я не жду. что ты будешь плясать от радости, но сохраняй приличия. Зачем ты меня обижаешь?

— А зачем ты женишься на певичке?

— Давай поговорим про книги, — миролюбиво предложил Ронни. Леди Джулия на это не пошла.

— Поразительно! — сказала она. — Просто хворь какая-то! Вроде коклюша или свинки. Видимо, вам, идиотам, надо через это пройти. Как сейчас помню, бедный папа отсылает Галахада в Африку…

— Вот, постой, я тебе расскажу. Эта его девушка…

— Я была тогда совсем маленькая, но все помню. Папа кричит, мама плачет, такая семейная сцена в старом духе. А теперь! Одно хорошо, это быстро проходит. Лихорадка, кризис — и все, здоров. Ронни, мой несчастный кретин, неужели ты серьезно думаешь…

— Конечно!

— Она же певичка!

— А что такое? О них можно сказать много хорошего.

— Не при мне. Ронни, подумай! Ну, хорошо, когда ты был в Итоне, я бы стерпела. Но сейчас! Ты взрослый, вроде бы — умный… Посмотри на людей, у которых такие жены. Дэтчет, этот жуткий Беллинджер…

— Какие «такие»? Нет, какие «такие»? Певицы бывают разные.

— Ты ошибаешься. На мои старомодный взгляд, все они — накрашенные штучки.

— На сцене надо гримироваться.

— Но не быть развязной. Не хапать моего сына.

— Как ты выражаешься!

— Да, сегодня мне трудно подыскать что-нибудь приятное. Ронни, подумай! Знаю, ты не привык, но попробуй хоть когда-нибудь. Дело не только в происхождении. У них все другое — вкусы, взгляды. Вероятно, ты хочешь жить по-человечески — а она? Что она видела? Сплетни, дрязги, романы. Да она изменит тебе, как только ты отвернешься!

— Только не Сью!

— Именно Сью.

Ронни снисходительно улыбнулся.

— Подожди, увидишь ее…

— Спасибо, видела.

— Где?

— В поезде.

— Что она там делала?

— Возвращалась из Лондона.

— Я не знал, что она уезжала.

— Так я и думала.

Недавно Ронни мечтал, чтобы леди Джулия улыбнулась. Теперь мечта сбылась, но он не обрадовался. Ему уже не хотелось, чтобы беседа шла в легком, шутливом тоне.

— Прости, — сказал он, — будем говорить прямо. Только что ты описывала женщин, которые могут обмануть. Теперь ты сообщаешь, что видела Сью.

— Да, все верно.

— Значит… ты ее имела в виду?

— Да, ее.

Ронни неприятно засмеялся.

— Из-за того, насколько я понял, что она съездила в Лондон. Вероятно, что-нибудь купить. Мне стыдно за тебя!

— Ну что ж, если хочешь, я видела ее в ресторане с Монти Бодкином.

— С Монти!

— Да. И в поезде. У них хватило наглости сделать вид, что они не знакомы.

— Она была с ним в ресторане?

— Была. Он гладил ей руку. Ронни, подумай! Да она такая, как все они! Неужели ты не видишь? Только полный идиот… Твой Бодкин нанялся в замок. Недавно он служил у Тилбери. Почему он ушел. Почему нанялся? Из-за нее, дураку ясно. Ты за дверь — она в Лондон, все обговорить. Если это не так, зачем им притворяться? Ты прав, я не очень радуюсь.

Она замолчала, поскольку открылась дверь и вошла леди Констанс.

Входя, она окинула взглядом сестру и племянника. Симптомы семейных ссор ей были известны. Сестра сжимала и разжимала руки. Племянник глядел куда-то красными глазами. Леди Констанс вздрогнула, как боевой конь при звуке трубы. Инстинкт делал свое дело.

Но был у нее и другой инстинкт. Общение с братом Кларенсом, способным прийти к обеду в охотничьей куртке, так обострило ее чувства, что она автоматически поправляла недочеты в одежде близких.

— Роналд! — сказала она. — В каком ты галстуке! Ронни тяжелым взглядом посмотрел на нее. Только этого ему не хватало. Мир рушился, яд гулял в крови, а тут еще галстук. Представьте себе, что Отелло тронут за рукав, когда он уже схватил подушку, и скажут, что он не в том камзоле.

— У нас гости! — продолжала леди. — Немедленно повяжи белый.

Даже в бездне горя Ронни удивился. Что она о нем думает?

— И надень фрак!

Если ее слова хоть что-то значили, она могла предположить, что он способен сочетать белый галстук со смокингом. До этого мгновения он думал что-то ответить. Теперь понял, что слова бессильны. Кинув на леди Констанс взгляд, который нельзя бросать на тетю, он вышел из комнаты.

— Роналд чем-то расстроен, — сказала леди Констанс.

— Это у него семейное, — сказала леди Джулия.

— Что случилось?

— Я намекнула ему, что он — не в себе.

— Вполне с тобой согласна.

— А теперь прибавлю, что и ты не в себе.

Леди Джулия часто дышала. С тех пор как она царапала леди Констанс, прошло тридцать пять лет, но голубая эмаль ее глаз так сверкала, что та попятилась.

— Джулия! Ну, что ты!

— Как ты могла пригласить эту особу?
— Я ее не приглашала.
— Не приглашала?
— Конечно, нет!
— Значит, она сама приехала?
Леди Констанс издала тот звук, который напоминал фыркание.
— Да, под чужим именем. Помнишь, ты писала про мисс Скунмейкер? Мне показалось, ты надеешься… что они с Ронни…
— При чем тут Майра Скунмейкер?
— Ты послушай. Дней десять назад я встретила в Лондоне Ронни с какой-то девушкой. Он мне ее представил как мисс Скунмейкер. Естественно, я поверила и пригласила ее сюда. Она приехала. Вскоре выяснилось, что она, собственно, — Роннина певичка…
— И ты предложила ей остаться? Понимаю, понимаю. Леди Констанс вспыхнула.
— А что я могла сделать? У меня не было выхода!
— Почему?
— Потому что… О, Кларенс! — сказала леди Констанс с привычным отчаянием.
— Э? — откликнулся девятый граф, входя в комнату.
— Уходи!
— Хорошо. Хорошо, хорошо, превосходно.
Подойдя к роялю он вытянул длинный палец и нажал на клавишу. Пронзительный звук подействовал на леди Констанс так, словно ей воткнули в ногу булавку.
— Кларенс!
— Э?
— Прекрати!
— Ой, Господи!
Он отошел от рояля, и леди Констанс удалось обозреть его целиком.
— Кларенс!
— Э?
— Что у тебя на манишке?
— А! Эта штука для бумаг. Такая медная. Я потерял запонку.
— У тебя одна запонка?
— Вот другая.
— У тебя две запонки?
— Три, — не без гордости сказал граф. — Для манишки — три. Очень неудобно. Откручивай, прикручивай.

— Иди к себе и прикрути третью.

Девятому графу редко удавалось хорошо ответить леди Констанс, но сейчас возможность эта представилась.

— Не могу, — спокойно и достойно ответил он. — Я ее проглотил.

Леди Констанс была сильна духом.

— Подожди, — сказала она. — Пойду, спрошу у мистера Бодкина. Только не двигайся.

И вышла из комнаты.

— Вечно Конни волнуется, — сказал ее брат, подвигаясь к роялю.

— Кларенс! — вскричала другая сестра.

— Э?

— Оставь рояль в покое! Слушай! Что тут творится с мисс Браун?

— С какой мисс?

— Браун.

— А кто это? — приветливо осведомился граф, тыкая в ноту фа.

— Прекрати! Мисс Браун.

— А, Браун! Да. Да, конечно. Очень милая барышня. Выходит за Роналда.

— Это мы еще посмотрим.

— Нет, нет, выходит. Ты не волнуйся. Я дам деньги, он что-то купит, и они поженятся.

— Как могло случиться, что эта певичка… Граф обрадовался.

— Певичка, — сказал он. — А не танцорка! Я говорил Конни, мне Галахад все объяснил. Танцорка — одно, певичка — совсем другое.

— Если ты разрешишь мне…

— Да, да, разрешу. А что?

— Как могло случиться, что в этом сумасшедшем доме обхаживают какую-то певичку? Ну хорошо, вас устраивает, что Ронни губит себя. Но она приехала под чужим именем…

— Да, — согласился лорд Эмсворт, — это странно. Говорит, моя фамилия Скамейкер. Ошиблась, наверное.

— Почему вы ее не выгнали?

— Из-за Галахада.

— Галахада?

— Ну, ты знаешь. Это наш брат. Леди Джулия пылко вскинула руки.

— Вы что, — вскричала она, — совсем лишились разума? Именно в этот миг вбежала леди Констанс, выкликая:

— Кларенс!

— Что «Кларенс»? — обиделся граф. — Ну что «Кларенс»? Может

быть, я — болонка? Что там еще?

— Слушай. — ясно и ровно сказала леди Констанс. — Мистер Бодкин в северной спальне. Ты знаешь, где она? Первый этаж, по коридору направо. Где правая рука? Так. Немедленно иди к нему. У него есть запонки. Он их тебе прикрепит.

— Мне казалось, — ответил язвительный лорд, — что он — секретарь, а не нянька.

Леди Констанс устояла..

— Если ты думаешь, что перед званым обедом я допущу, чтобы ты сам…

— Хорошо, — сказал граф, — хорошо, хорошо, превосходно. Зачем так волноваться?

Когда дверь закрылась, леди Джулия вышла из оцепенения.

— Констанс!

— Да?

— Перед твоим приходом Кларенс сказал, что дело — в Галахаде.

— Это верно.

— Он защищает эту особу, а вы его слушаетесь.

— Примерно так.

— Если тебе нетрудно, — попросила леди Джулия, мощным усилием воли подавляя чувства, — объясни, при чем тут Галахад? Почему не Бидж? Почему не Ваулз? Почему не чистильщик ножей?

Леди Констанс не отличалась терпением, но скидку на материнские чувства сделать могла.

— Я тебя понимаю, — сказала она. — Мне и самой невесело. К сожалению, Галахад — в сильной позиции. Он может указывать.

— Не мне. А зачем ему это нужно? Он что, ее ангел-хранитель?

— Ты помнишь, много лет назад он связался с некой Долли?

— Помню. И что же?

— Эта девица — ее дочь. Леди Джулия помолчала.

— Так, так. И Галахада?

— Не думаю. Просто он о пей заботится.

— Кого-кого, а Галахада я в сентиментальности не подозревала. Что ж, если старая любовь жива, пускай, не нам с ней бороться. Даже трогательно, если подумать. Но я все равно не понимаю, почему вы его слушаетесь? Ты говоришь, он может указывать. С какой стати?

— К этому я и веду. Понимаешь, все дело в том, даст ли Кларенс Роналду его деньги. Если даст, Роналд может с нами не считаться. Если не даст, он не может ничего. В обычных обстоятельствах мы с тобой легко

убедили бы Кларенса. Галахад это понял.

— Ну и что?

— Понял и кое-что предложил. Ты знаешь, что он пишет кошмарные мемуары. Так вот, если мы дадим деньги, он их заберет.

— В каком смысле?

— Ну, не будет печатать.

— По-твоему, это — сильная позиция?

— Конечно. Шантаж, да, но ничего не поделаешь.

Леди Джулия схватилась было за волосы, но поняла, что это разрушит прическу, и опустила руки.

— Кто-то из нас сошел с ума, — сказала она с большим пылом. — Ты серьезно думаешь, что я дам погубить сына из-за каких-то мемуаров?

— Джули, ты их не видела. Вспомни, как Галахад жил. Он кутил и буянил с самыми достойными людьми. Я хочу сказать, они теперь достойные. Вот тебе пример, сэр Грегори. Сама я не читала, но он говорит, там есть одна история, что-то про креветок… словом, над ним будут смеяться. И так обо всех самых почтенных людях. Эти мемуары погубят их репутацию.

Леди Джулия и впрямь засмеялась.

— Знаешь, Конни, — сказала она, — меня не так уж волнуют чувства британской аристократии. Да, Галахад знает тайны едва ли не всех наших пэров. Что тут страшного? Пусть печатает. Пусть шокирует. Мой сын мне дороже.

— Ты будешь ему мешать?

— Конечно.

— Джули! С нами все поссорятся! Ты не знаешь…

— Я знаю, что мой сын не должен всю жизнь каяться. Пускай Галахад хоть треснет. А теперь, ты уж прости, я выйду на минутку, а то еще вспыхну, как сухой ствол.

С этими словами леди Джулия вышла в сад через окно до полу, а леди Констанс, немного подумав, нажала на звонок. Появился Бидж.

— Бидж, — сказала леди Констанс, — будьте добры, позвоните сэру Грегори. Передайте, что я хочу его видеть. Дело очень важное. Попросите прийти, пока никого нет. Когда придет, проводите в библиотеку.

— Хорошо, миледи, — отвечал Бидж с обычным своим спокойствием, хотя на самом деле был глубоко потрясен. Ему казалось, что каким-то таинственным образом, недоступным его разуму, вся эта суматоха связана с любовью, соединяющей его старого друга, мистера Роналда, и нового, но весьма почитаемого друга, Сью Браун.

Насколько он помнил, мистер Роналд остался с леди Джулией. Потом к ним вошла леди Констанс. Довольно скоро мистер Роналд выскочил из комнаты и побежал наверх, явственно страдая. А теперь, побеседовав с леди Джулией, леди Констанс звонит ему и дает вот такие распоряжения.

Если бы Бидж был Монти Бодкином, он бы вспомнил о скрытых пружинах. Но он им не был; и, мягко вздыхая, словно подернутое водорослями море, пошел выполнять приказ.

Когда раздался звонок, сэр Грегори, уже одетый, курил у себя в спальне. Хорошо зная, что гости долго томятся перед званым обедом, он собирался выехать минут через двадцать, не раньше. Как многие немолодые холостяки, склонные ублажать себя, он по возможности обходил мрачную сторону жизни.

Однако сейчас он поскакал по лестнице и влез в машину с той скоростью, которая для его веса позволяла сказать «мгновенно». Он понимал, что речь идет об этих проклятых мемуарах и, сгорая от тревоги, велел шоферу лететь на всех парах.

Седьмой баронет совершенно извелся за последние две недели. Узнав, что его былой соратник пишет мемуары, он испытал неподдельный ужас; узнав, что печатать их тот не будет, вознесся на вершины блаженства. Однако наступила реакция. Где гарантия, думал сэр Грегори, что старый гад не передумает? Этот звонок, вероятно, означал, что подозрения его оправдались.

Быть может, из всех столпов общества, поднявших панику при известии о том, что Галахад Трипвуд намерен открыть врата своей памяти, из всех этих столпов сэр Грегори особенно испугался. Он хотел пройти в парламент; и прекрасно знал, как смотрят местные комитеты на людей с прошлым.

Так удивимся ли мы, что, взобравшись в библиотеку под водительством Биджа, он рухнул в кресло и уставился на леди Констанс? Годы довольства уподобили его вельможе, близкому к Принцу Регенту.[28] Теперь он походил на этого вельможу перед беседой с фамильным юристом.

Леди Констанс была слишком взволнована, чтобы сообщить новости в мягкой, щадящей манере. После первых же ее фраз сэр Грегори выглядел так, словно его окатили холодной водой.

— Что нам делать? — горевала прекрасная дама. — Кого-кого, а Джулию я знаю. Она ни с кем не считается. Если она чего-то хочет, преграды ей нет. Это с детства. В общем, она их разлучит. Не знаю, как, но

разлучит, вы уж мне поверьте. Тогда Галахад напечатает эти мемуары. Отошлет на следующий день! Что, что?

Сэр Грегори, собственно, молчал, но застонал, а может быть — хрюкнул.

— Вам ничего не приходит в голову? — приставала леди Констанс. Прежде чем баронет ответил — если он вообще бы ответил, — беседа их прервалась, ибо в щелке приоткрывшейся двери появилась голова. Она была небольшой, смазанной бриолином, а украшенной (вид спереди) юркими глазками под низким лбом и мерзкими усиками под юрким носом. Слабо улыбнувшись, голова исчезла.

Все это заняло две-три секунды, но леди Констанс успела взглянуть на Перси Пилбема своим прославленным взглядом. Покончив с этим, опустив брови и распрямив губы, она увидела, что ее собеседник смотрит на дверь так, словно он, в свою очередь, увидел дивное видение.

— Ы-э-ы?.. — сказал он.

— Простите? — сказала леди Констанс.

— Господи! Неужели *Пилбем?*

Леди Констанс неприятно удивилась.

— Вы знакомы? — спросила она.

Сэр Грегори был не из тех, кто скачет в кресле, но для своей комплекции практически подскочил.

— Знаком? Да он же вообще здесь из-за меня! Я его нанял, чтобы украсть эти мемуары.

— Быть не может!

— Может. Больше недели назад. Ко мне пришли Эмсворт с Трипвудом и обвинили в том. что я украл эту чертову свинью. Естественно, я возражал. Тогда Трипвуд сказал мне, что припомнит и опишет все грехи моей молодости. Я поехал в Лондон, к этому Пилбему — он для меня как-то работал, — и узнал, что Эмсворт его пригласил, из-за свиньи. Ну, я предложил ему денег, чтобы он украл рукопись.

— Господи милостивый!

— Потом вы сказали, что свинья нашлась, а Трипвуд не будет печатать книгу. Я думал, он уехал. Если он здесь, все очень просто. Украдет рукопись, отдаст нам, мы ее уничтожим. Тогда неважно, женится ваш племянник или нет. — Он помолчал; оживление сменилось тревогой: — А вдруг есть копии?

— Их нет.

— Вы уверены? Под копирку, а?

— Уверена. Он не отдавал печатать. Он вообще еще не кончил.

Попишет — и кладет в стол.

— Тогда все в порядке.

— Если мистер Пилбем сумеет украсть рукопись…

— Сумеет, сумеет! Очень способный человек. Помню, были одни письма… ну, неважно. Пилбем блестяще крадет компрометирующие документы. Это — его стезя. Вот вы говорите, в стол. Столы для него — пустяк. Те письма… совершенно невинные, но кто его знает, все можно перетолковать… В общем, когда он крал письма, он притворился, что проверяет газ. Ваш случай — просто детская игра! Простите, пойду, поищу его. Как жаль, что он испугался! Мы бы уже все уладили.

Сэр Грегори побежал по следу, словно одна из его собак, а леди Констанс, глубоко вздохнув, откинулась на спинку кресла… После того, что случилось за эти двадцать минут, ей хотелось отдохнуть хоть немного.

Глаза она прикрыла, и на лице ее мы увидели бы не только облегчение, но и то благоговение, которое бывает на лицах, когда человек созерцает работу Божьего Промысла. Леди Констанс поняла, что даже Пилбемы зачем-то посланы в этот мир.

Глава VII

Сью стояла на крыше замка, опираясь на бойницу, а подбородок охватив ладонями. Взор ее затуманился, губы сжались в алую черточку, морщинка страдания перерезала белый лоб.

Наверх ее загнал инстинкт, который загоняет на дерево маленькую, нервную кошку. Бродя вокруг замка, она подметила открытую дверь, а за ней — таинственную лестницу и, пойдя по ней, оказалась на крыше, откуда открывался вид на все графство.

Однако легче ей не стало. Шел пятый час душного дня, мир окутало мрачное молчание. Жара, две недели изнурявшая Англию, готовила новую грозу. Под свинцовым небом Шропшир обрел какой-то зловещий вид. Цветы обреченно поникли. Озеро стало грязно-серым, река — мутно-серебристой. Кущи шотландских елей, рассыпанные по парку, утратили свою прелесть. Они были грязными и черными, словно внутри, в кривобокой хижине, там жили ведьмы.

— О-ох! — сказала Сью, ненавидя Шропшир.

До сих пор внизу никого не было, если не считать коров, предающихся тайной скорби; не было никого, словно жизнь, под влиянием погоды, махнула на все рукой и вымерла. Однако, пока Сью охала, внизу на дорожке появилось что-то знакомое. Оно взглянуло вверх, тоже махнуло рукой, исчезло в дверце, глухо протопотало по ступенькам и явилось в виде Монти Бодкина.

— Привет, Сью. Ты одна?

— Одна.

Монти попыхтел, снял шляпу, обмахнулся и положил ее рядом.

— Ну и денек! — заметил он. — Ты давно тут?

— Так, час.

— А я болтал с этим Пилбемом. Пошел взять сигарет, смотрю — он. Поговорили. Интересный тип.

— По-моему, он гад.

— Гад, конечно. Но знаешь, и гад интересен, если он сыщик. Ты слышала, что он сыщик?

— Да.

— Вот это работа!

— Ты бы не сумел, Монти. Следить, вынюхивать…

— Но с лупой! Вроде не так стыдно. Нет? Может, ты и права. А

главное, тут нужен дар. Я бы не узнал улику, хоть подай ее на блюдечке. Какой денек! Задохнуться можно. Прямо как будто в плите. Здесь вообще-то получше.

— Да, получше.

Монти обвел пейзаж мечтательным взглядом.

— Пятнадцать лет тут не стоял. А тогда — стащить не могли. Выкурил первую сигарету… Вон там меня рвало, за той башенкой. Трубу видишь?

Сью видела трубу.

— Галли обогнал вокруг нее Ронни двадцать семь раз. Он насыпал гвоздей ему в кресло, Ронни насыпал своему дяде Галли, не наоборот. А где он, то есть Ронни, не Галли?

— Леди Джулия попросила отвезти ее в Шрусбери, за покупками.

— Ну и что?

— Не знаю. Она была в Париже, потом — в Лондоне. Что ей покупать?

Монти мудро кивнул.

— Ага. понятно. Ты думаешь, она финтит. Нарочно его увезла. Очень может быть.

Сью смотрела на серый мир.

— Ей незачем беспокоиться, — сказала она тоненьким голосом. — Ронни сам от меня бегает.

— То есть как?

— А так. Ты не заметил?

— Понимаешь, — признался Монти, — я все думаю про Гертруду. Мало что вижу. Значит, бегает?

— Все время, с тех пор как я вернулась.

— Чепуха!

— Нет, не чепуха.

— Тебе кажется.

— Нет, не кажется. Он старается со мной не оставаться. А если мы одни, он совсем другой.

— Какой?

— Вежливый. Ой, какой вежливый! Будто с чужими. Знаешь, как он держится, если кого-то не любит.

— Нехорошо! Я уж хотел тебе поплакаться, а так — плачься ты.

— У тебя что-то случилось?

— У меня? — Монти поднял руку. — Не надо! Не искушай меня, а то расскажу.

— Расскажи.

— Ничего? Потерпишь?

— Конечно.

Монти благодарно вздохнул.

— Ну, спасибо. Старушка, что-то со мной не так. Хозяин сердится.

— Почему ты думаешь?

— Разные признаки, Сью. Такие симптомы. Щелкает языком. Смотрит как-то въедливо. Казалось бы, если он три месяца терпел Хью, трудно ли два дня потерпеть меня? А вот, поди ж ты! Не выносит.

— Ты уверен?

— Еще бы!

— Очень странно. Он такой трогательный.

— И я так думал. Помню, уезжаю в школу, а он сует мне денег… и улыбается… Все в прошлом. Он ходит за мной по пятам.

— Что?

— Ходит по пятам. Следит. Помнишь Такой гимн «Мидяне рыщут, рыщут…»? Вот и он так. Подозревает, что ли. Посуди сама, вчера я пошел к его свинье, хотел подлизаться. Прихожу, смотрю — а он спрятался за деревом. Ну что это! Значит, следит.

— Вроде, да.

— То-то и оно. Ты скажешь, он тут хозяин, хочет и прячется. Но это симптом. И опасный. Сегодня — следит, завтра — уволит. Старушка, я не могу отсюда вылететь! Кто меня тогда возьмет? Я вообще не подарок…

— Монти, бедненький!

— Да, бедненький. Если он меня выгонит, я пропал. А главное, не знаю, в чем дело. Стараюсь, стараюсь… из кожи лезу. Тайна какая-то!

Сью поразмыслила.

— Знаешь что, — сказала она, — попроси Ронни, чтобы он поделикатней…

— Нет, только не Ронни. Тут еще одна тайна. Мы с ним очень дружили, а теперь — еле разговаривает. «Да?», «Вот как?» — и все.

— Правда?

— Нет, он говорит: «Да?» и «Вот как?»

— Это я говорю, он правда с тобой холоден?

— Хуже некуда. Никак не пойму… Господи, Сью! Ты думаешь, он все знает?

— Что мы собирались пожениться? Нет. Откуда ему знать?

— И верно. Неоткуда.

— Здесь ведь никто не знает. Кроме Галли, но он-то молчит.

— Да, да. Только странно как-то — и с тобой, и со мной очень сух. С какой стати ему от тебя бегать?

Вся ее подавленная боль обрела голос. Сью привыкла терпеть, не хотела плакаться, но Ронни уехал, голова трещала, небо походило на брюхо уснувшей рыбы — и она излила душу.

— А вот с какой, из-за матери! Она его точит и точит. «На таких не женятся, сколько есть девушек нашего круга!» Да, да, я знаю! Не спорь. Вообще-то она права. «Подумай, это же певичка!» Я певичка, Ничего не поделаешь. Зачем на мне жениться?

Монти пощелкал языком.

— Ну, старушенция! Да я бы сам… В общем, твоему Ронни повезло.

— Спасибо, Монти. Он так не думает.

— Чепуха какая!

— Хотела б я с тобой согласиться!

— Полная чепуха. Ронни — не такой человек…

— Знаю. Порядочный. Слово чести. Неужели ты думаешь, что я этим воспользуюсь? Видит Бог, я никого не презираю — кроме девиц, которые вцепятся и держат. Знает, что он с ней из вежливости, а держит, не отпустит… Если я точно поверю, что Ронни меня не любит, — сказала Сью, глядя сухими глазами на грозное небо, — я тут же исчезну, чего бы мне это ни стоило.

— Да брось ты! — без особой твердости сказал Монти. — Может, у него что-то с печенью. В такую-то погоду!

Сью не отвечала. Она подошла к бойницам и поглядела вниз. Судя по спине, она то ли плаката, то ли собиралась заплакать, а он не знал, что при этом делают. Лицо Гертруды, плававшее повыше, препятствовало очевидным мерам. Если у тебя такая невеста, можно ли обнять другую, шепча «Ну, ну, ну!»?

— Э… кхм, — сказал Монти.

Сью не обернулась. Он кашлянул, прибавил: «А… э… кх» и направился к лестнице. Когда внизу хлопнула дверь, Сью приложила к глазам кусочек кружев, который называла носовым платком. Она была рада, что Монти ушел. Иногда лучше одной сразиться со споим горем.

Это она и сделала. В ее небольшом теле жила героическая душа. Сью изгоняла бесов, пока последний всхлип не показал ей, что битва выиграна. Расплывчатый Шропшир стал почетче. Сью спрятала платок и воинственно поморгала.

Ей стало легче. Конечно, помолвку она порвет, непременно порвет — а все-таки… В конце концов, кто не скиснет рядом с такой могучей

личностью, как леди Джулия? А если ты скис, ты мрачен, ничего не поделаешь.

Размышления ее прервал шум машины. Сердце у нее забилось, она побежала к другому краю крыши — и зря. То был не Ронни, а коренастый незнакомец, прибывший в станционном такси. Кому он нужен? Никому.

Сью ошибалась по неведению. Если бы новоприбывший узнал о ее мыслях, он бы не только обиделся, но и удивился. И то сказать — тихо, скромно, на станционной машине в замок прибыл Джордж Александер Пайк, первый виконт Тилбери, глава и основатель издательской компании «Мамонт», расположенной в Тилбери-хауз на Тилбери-стрит, Лондон.

Люди бульдожьего типа не признают поражений, разбей их — они восстанут. К этой породе принадлежал лорд Тилбери. Свое огромное состояние он сколотил именно тем, что не замечал неудач. Самый факт его прибытия свидетельствовал о прежней хватке. Он решил поговорить с Галли.

Да, они не виделись четверть века, но в памяти его остался приветливый, легкий джентльмен, а эти джентльмены, как правило, не выдерживают прямой атаки. Лорд Тилбери верил в магию слова, особенно — своего. Двери ему открыл Бидж.

— Мистер Трипвуд дома? — спросил виконт. — Мистер Галахад Трипвуд.

— Да, сэр. Как прикажете передать?

— Лорд Тилбери.

— Сию минуту, милорд. Вот сюда, вот сюда. Я полагаю, он у себя в кабинете.

Однако в комнатке за библиотекой Галли не оказалось. Признаки творчества были — листы на столе, чернила на ковре, — а вот творца не было.

— Вероятно, — предположил Бидж, — он в саду, на лужайке. Дышит воздухом… — Он мягко улыбнулся причудам избранной души. — Не присядете ли, милорд?

Он удалился, лорд не присел. Затаив дыхание, глядел он на стол, а потом, оглядываясь, стал к нему подбираться.

Да, перед ним были мемуары. Автор только что оставил их, чернила еще не просохли там, где, шлифуя слово, он зачеркнул «упился» и написал «усосался как зюзя».

Глаза лорда Тилбери, и так навыкате, окончательно вылезли из орбит. Он тяжело дышал.

Всякий, кому удалось вырвать немало денег у враждебного мира, в

той ли, в иной ли степени похож на крепкого, практичного пирата. В молодости Джордж Александер очень его напоминал. По мере преуспеяния свойства эти глохли, (10 все же не исчезли. Сейчас, когда рукопись рядом, такси уехало, автор куда-то делся, виконт думал о том, что надо схватить ее и бежать.

Когда он совсем собрался и примерился, послышались шаги. Он отпрыгнул, словно кот от сливок, стал у окна и замурлыкал баркаролу.

Остановившись в дверях, Галли вставил монокль. Глаз за стеклом был удивленным. Лоб морщился.

— Нет, нет, — сказал Галли. — Сейчас, минуточку… Я горжусь своей памятью. Потолстели, постарели, но я вас прекрасно знаю. Почему-то, глядя на вас, я вижу ростбиф… Шарик Смит? Тушка Уайтинг? Нет! Скунс! — Он расплылся. — Неплохо, мы четверть века не виделись! Скунс, вот вы кто, Скунс Пайк. Как живете?

Лицо лорда Тилбери обрело сурово-малиновый оттенок. Он не любил намеков на годы или на толщину, а уж тем более — былых прозвищ. Так он и сказал.

— Ну, ладно! — приветливо откликнулся Галли. — Нет, просто молодость возвращается! Как сейчас вижу, Пробка Бэшем вошел во вкус, швыряется булками, глянь — а вы на полу! Это он ростбиф бросил. Так и вижу! — Галли засмеялся.

Но тут же стал серьезен.

— Бедный Пробка! — вздохнул он. — Никогда не умел остановиться. Всем хорош, а этого — не умел.

Лорд Тилбери проехал 114 миль не для бесед о майоре Бэшеме, которого недолюбливал и до упомянутого случая. Он хотел бы на это указать, но Галли не остановился.

— Я с ним говорил, я его убеждал: ростбифом не швыряются. Хлебом — пожалуйста, но не ростбифом. Мы, британцы, так не делаем. А причина в том, что он начинает не с пинты, но с кварты. Пробка соглашался: «Знаю, знаю, еще отец предупреждал. Ничего не попишешь. Фамильное». Я говорю: «Тогда совсем не пси». — «Нет, не выйдет, есть не смогу». Ладно, я его оставил. Через несколько дней встретились мы на свадьбе…

— Я… — сказал лорд Тилбери..

— …а в том же отеле, по странной случайности, была еще одна. Мало того, невесты были в родстве, та невеста и наша. Ну, все перемешалось, танцуем, болтаем, смотрю — Пробка, совершенно белый. Стоит и стонет. «Галли, — говорит, — уведи меня. Все, коней, доигрался. Отхлебнул шампанского — и что же? Две невесты».

— Я… — сказал лорд Тилбери.

— Конечно, я мог его утешить. Но я не стал, я понял: это — Промысел. Спрашиваю: «Пробка, ты готов? Хватит у тебя воли?» — «Да, хватит. Не могу же я до конца жизни видеть по два букмекера, по два судебных исполнителя, по два Скунса!» В такую минуту. Скунс, он вспомнил вас. И ушел, как герой, приятно было смотреть.

— Я… — сказал лорд Тилбери.

— Через две недели встречаю его на Стрэнде, он просто сияет. «Все в порядке!» — «Молодец! Очень было трудно?» — «Еще бы! Думал — не выдержу. Но потом я открыл один безалкогольный напиток, абсент называется. Совсем ничего. Пить можно, да, можно».

— Меня, — сказал лорд Тилбери, — не интересует ваш Бэшем. Галли огорчился.

— Простите, — сказал он. — Что же вас интересует? Что привело вас сюда? Садитесь. Скунс, рассказывайте.

— Я НЕ СКУНС!

— Опять же простите, обмолвился. Ну, Пайк.

— Я не Пайк! Я Тилбери.

Галли покачал головой.

— Под чужим именем? Нехорошо. Нет, нехорошо.

— Хр-р-р!

— А главное, бесполезно. Все равно узнают. Помню, я убеждал Костяшку Воукса, когда он бегал от букмекеров под именем Орландо Мальтраверс. Заметьте, в отличие от вас он догадался прицепить бороду. Ну, Скунс, ну, дорогой мой, стоит ли? Не лучше ли встретить опасность как мужчина? Купите белокурые усы. За что вас преследуют? Лорд Тилбери думал о том, стоят ли мемуары таких мучений.

— Я зовусь Тилбери, — сказал он. — потому что у меня такой титул.

— Титул?

— Да.

— Значит, вы лорд?

— Да!

— Лорд Тилбери?

— Да-а-а!

— С чего бы это?

Виконт напомнил себе, что надо держаться. — Как ни странно, — сказал он, — я занимаю какое-то место в мире прессы. Мне принадлежит издательский концерн «Мамонт». Не слыхали?

— «Мамонт»?

— «Мамонт».

— Минутку, минутку! — вскричал Галли. — Это не вам я продал книгу?

— Нам.

— Скунс!.. То есть Пайк!.. То есть Тилбери! Вы уж меня простите. Очень подвел, да? Ясно, ясно. Вы хотите, чтобы я передумал. Честное слово, не могу. Нет и нет.

— Но…

— Нет.

— Да я!..

— Знаю, знаю. Нет. У меня есть причины.

— Причины?

— Да. Если хотите, доводы, сердца.

— Это неслыханно! Это… это черт знает что! Вы подписали контракт… Книга — тут, я вижу. Она готова.

Галли взял рукопись с той нежностью, с какою берет ребенка молодая мать. Он посмотрел на нее, вздохнул, еще посмотрел, еще вздохнул. Ему было очень трудно.

Чем больше он их перечитывал, тем больше сокрушался, что мир не увидит таких мемуаров. Как-никак, нетленный памятник той лондонской эпохи, которая вполне заслужила Гомера или Гиббона. Он его создал — а зачем?

— Готова? — сказал он. — Разве ее кончишь? Можно отделывать без конца…

Он снова вздохнул и напомнил себе, что цена его жертвы — счастье Сью, а Сью — дочка Долли. Если с ней все в порядке, жалеть не о чем. Хотя, конечно, Кларенс мог бы и сам прижать этих сестер…

— А вот вопрос о публикации, — сказал он, кладя рукопись в стол, — действительно кончен, закрыт. Я не буду их печатать.

— Но…

— Нет, Скунс, это — твердо. Я вас прекрасно понимаю. Я бы и сам на вашем месте моргал и пыхтел.

— Я не моргаю и не пыхчу. К счастью, мне удалось сдержаться. Но я хочу сказать…

— Незачем, Скунс, незачем.

— Не зовите меня Скунсом!

— Я не могу всего объяснить, слишком сложно, но поверьте — вопрос закрыт.

Воцарилось тяжкое молчание. Лорд Тилбери смотрел на ящик стола,

как смотрит китайский мопс на сахар. Потом он перевел взгляд на Галли, словно напрашиваясь на ростбиф, принесший такую пользу в руке меткого Пробки. Еще немного позже пыл угас. Виконт поднялся.

— Что ж, я прощаюсь.

— Уходите?

— Да.

Галахад огорчился.

— Не обижайтесь, Скунс! Посидим, поболтаем. Останетесь к обеду…

— К о-бе-ду!

Казалось бы, невинное слово, но в его устах оно ухитрилось обрести сочность и жар елизаветинской брани в том самом духе, в каком Бен Джонсон обращался к Бомонту и Флетчеру.

— Какие обеды? Хр-р-р!

Бывают минуты, когда сильную боль утишит лишь движение. Индиец, укушенный скорпионом, мечется и скачет; лорд Тилбери, после беседы с Галли, хотел пройтись. Сбежав со ступеней, он увидел такси и ему стало худо от одной мысли, что придется сесть в его затхлое нутро.

Сунув деньги удивленному Робинсону, он что-то проурчал, резко повернулся и зашагал к западу. Робинсон смотрел ему вслед тихим, тяжким, шропширским взглядом, а когда он исчез за кустами, поехал на станцию.

Лорд Тилбери шел и думал. Мысли его понемногу обретали стройность, возвращаясь к тому, первому замыслу. Пред ним стоял один образ — ящик стола. Хорошо бы к нему подобраться…

Как все исправившиеся пираты, он любил думать о совести. В конце концов, мемуары принадлежат ему. Контракт подписан. Аванс уплачен. Казалось бы, упакуй их, наклей марки и пошли. Если же люди, по чудачеству, держат их в ящиках, остается брать самому.

Это нетрудно; но для этого надо жить в замке. Галахад, скорее всего, не удосужился запереть стол. Если ты где-нибудь близко…

Нет, как он мог, как мог, зачем отверг приглашение! Остался бы к обеду, а там, если деликатно повести дело, вообще пригласили бы погостить. Перевез бы вещи из «Герба»…

Нет слов на свете печальнее, чем «Я мог бы…» Страшно терзаясь, виконт шел вперед. И вдруг до него донесся тот единственный запах, который был способен отвлечь его от тяжких мыслей. *Он учуял свинью.*

Те, кто лишь поверхностно знал Джорджа, виконта Тилбери, и Кларенса, графа Эмсворта, никогда бы не поверили, что у них есть что-то общее. Их души, сказал бы маловер, разделены, как полюсы Земли; сказал

бы — и ошибся. Общее у них было, они любили свиней. Лорд Тилбери разводил их в своей бекингемширской усадьбе, куда уезжал на свободные дни; мало того — он ими гордился. Хрюканье, чавканье или такой вот запах немедленно трогали его сердце.

Тем самым он очнулся, а очнувшись — увидел, что бесцельные странствия привели его к свинарнику. В свинарнике была свинья, да такая, каких он еще не встречал.

Мы уже знаем, что в этот день было так пасмурно, словно сумерки раньше времени спустились на землю. Но сумеркам ли скрыть Императрицу? Да, солнечный свет обрисовал бы ее прекрасные линии, но и в сероватой мгле она поразила виконта. Словно пойманный арканом, он кинулся к ней.

Сперва, как все завзятые свинолюбы, он испытал жгучую зависть. Они приходили, глядели, ахали — и жили мечтой, словно те, кого поцеловала во сне богиня.

Кинув на гостя короткий, хотя и вежливый взгляд, Императрица вернулась к прежним делам, а именно — опустив прекрасное рыло едва ли не к самой земле, печально запыхтела. Виконт посмотрел туда же, и заметил, что недурная картофелина выкатилась за пределы свинарника. Как все премированные свиньи, Императрица полагала, что кормом, как и ростбифом, швыряться нельзя.

Свинолюбивое сердце дрогнуло, зависть сменилась более благородным чувством. Виконт пощелкал языком. Ему было трудно наклоняться, но он не раздумывал. Едва не задохнувшись, он поднял картошку и собирался вручить владелице, когда его внезапно прервали.

Кто-то задышал ему в щеку, схватил за руку, за шкирку, оттащил от свиньи — и он увидел длинного, тощего типа в комбинезоне.

В такое время суток природа спит, природа — но не свинарь. Хозяин велел ему бдить, что он и делал, зная, что рано или поздно к свинарнику подкрадется незнакомец с отравленной картошкой в руке. Как и канадская полиция, Пербрайт промахов не ведал.

— Ры! — сказал он, что означает по-шропширски: «Пройдемте со мной, я вас запру, а сам сообщу хозяину».

Расставшись с несчастной Сью, Монти печально побрел к свинарнику, чтобы взглянуть на Императрицу и как-то к ней подлизаться. Он не спешил. Небо парило хуже компресса. Мир превратился в турецкую баню. Мотыльки, и те сдались, только самые юные кролики выбегали на дорожку. Но если бы воздух был свеж, Монти не шел бы быстрее. Его

терзала забота. Что-то не так, думал он.

Нет, не так! Шеридан писал о «странном, нелюбезном выражении». Если бы Монти читал Шеридана, он применил бы эти слова к лицу лорда Эмсворта, когда оно маячило по ту сторону стола или выглядывало из-за дерева. Даже тогда, в редакции, он не чувствовал с такой ясностью, что его вот-вот выгонят.

Так подошел он к землям Императрицы. За воротами, у сарая, он остановился, чтобы закурить — ему это было очень нужно, — и услышал, просто услышал: «Вон отсюда!»

Почему-то крик не умолкал. В конце концов стало ясно, что он ему не мерещится, а идет из сарая и, строго говоря, звучит не «Вон отсюда», но «Вы-пус-ти-те ме-ня от-сю-да-а!»

Монти удивился. Сперва он подумал о привидениях, но сообразил, что рядом — один из самых подходящих замков, и вряд ли они будут размениваться на сараи. Над ним было окошко. Он заглянул туда и спросил:

— Есть тут кто-то?

Вопрос был резонный, внутри царила тьма египетская, но узник почему-то обиделся. Он зарычал; а Монти подпрыгнул, ибо такие звуки мог издать только его бывший начальник.

— Это не лорд Тилбери? — осведомился Монти.

— А вы кто такой?

— Бодкин. Монти Бодкин. Помните?

Лорд Тилбери, видимо, помнил, поскольку сказал с прежней силой:

— Так выпустите меня, кретин!

— Минутку, — отвечал Монти. — Тут такая деревяшка… А, сейчас, сейчас! Ну, вес. Алле-гоп!

С этими словами он отодвинул засов, и виконт, громко пыхтя, вывалился из сарая.

— А вот… э… э… — начал Монти, которому, как и Гете, не хватило света. С такими загадками он еще не сталкивался; но бывший начальник сопел, ничего не объясняя.

Наконец к виконту вернулся дар речи.

— Безобразие! — вскричал он.

— Что именно?

— Мерзавец!

— Кто?

— Я ему покажу!

— Кому?

— Сейчас же иду к лорду Эмсворту!

— Зачем?

Лорд Тилбери кратко, но образно поведал о происшедшем.

— В конце концов, — заключил он, — ваш дядя охотно подтвердит…

Монти, до этих слов — кивавший, прервал его:

— Ой, не могу! Вы лезли к свинье? Он вас схватил? Вы сослались на дядю? А теперь собираетесь к старику? Не надо! Исходите! Мигнуть не успеете — закуют. Вы не знаете здешних дел. Как говорится, есть пружины. Старикан решил, что мой дядя хочет погубить свинью. Вы ее кормите, так? На него сослались, так? Ну, вот. Сошлют на Чертов остров, без суда и следствия.

Лорд Тилбери снова подумал о том, как неприятен ему этот субъект.

— Что Вы Порете?

— Я не порю. Посудите сами. Если эта хрюша сойдет с дорожки, выиграет дядина. Естественно, Пербрайт смотрит косо на всяких типов с картошками. Может, вы ее травите.

— Какой бред!

— Такова жизнь, — напомнил Монти. — И потом, вы залезли на чужую территорию. Кажется, в этих случаях можно прямо стрелять. Или это в воров? Нет, что я! В бродячих собак. Ну ладно, а залезть — залезли.

— Ничего подобного. Приехал по делу.

— Да? — удивился Монти. — А то я думаю, что вам здесь надо? Всегда рад, конечно…

Лорд Тилбери не купился на эту учтивую фразу.

— А *вам* что здесь надо?

— Мне?

— Вам. Если Эмсворт в ссоре с вашим дядей, почему он вас сюда пустил?

— Да я его секретарь.

— Почему он должен пускать секретарей сэра Грегори?

— Не Грегори, лорда Эмсворта. Ах, эти местоимения! «Он», «его», совсем зашьешься. Да, сложна жизнь. В общем, я не дядин секретарь, у нею нет секретаря. Когда вы меня выгнали, я сюда устроился. Раз — и готово! Хороший человек не засидится.

— Вы служите у лорда Эмсворта? — переспросил виконт. — И живете тут?

Монти подумал, что легкая наглость хороша, но неуместна. Лучше сказать все как есть. Того и гляди выгонят, а тут — работодатель, которого он только что спас. Словом, лучше признаться.

— Сейчас, — сказал он, — служу и живу, но вряд ли это надолго. Если хотите начать заново… как говорится, забыть и простить… я к вашим услугам.

Лорд Тилбери слушал эту речь как сладостную песню. Подобно Наполеону, он знавал удачи, но все же не такие. Живет в этом доме — и заискивает! Лучше не придумаешь!

— Хотите вернуться ко мне?

— Еще бы!

— Что ж, вернетесь.

— Ой!

— Если…

— Да, что?

Лорд Тилбери помолчал, отбирая слова.

— Если, — напомнил Монти. — Если не будет ляпов? Ну, конечно! Я совершенно изменился. Идеалы «Малыша»…

— «Малыш» тут ни при чем, — заметил виконт. — Я хочу, чтобы вы оказали мне одну услугу.

— *С* удовольствием, только скажите. Полцарства? Пожалуйста!

— Нет… я… в общем, брат Эмсворта написал мемуары.

— Знаю. Ну, книжечка! Мигом разойдется. Хватайте, дело верное.

— Именно это, — сказал виконт, довольный тем, что беседа так быстро подошла к самой сути, — я и хочу сделать.

— Заключите контракт, — подсказал услужливый Монти, — дайте аванс…

— Контракт подписан, все права у нас. Он рукопись не дает!

— Почему?

— Не знаю.

— Да он сколько денег потеряет!

— Несомненно. Как и я. В общем, я имею полное право на книгу и намерен… э-э-э… ее взять.

— То есть стащить?

— Если хотите.

— А как?

— Ну, тут без помощи не обойдешься.

— Вы намекаете на меня?

— Именно. Монти удивился.

— Однако!

— Что тут сложного? — мягко сказал виконт. — Книга — в столе, стол — *в* этой комнатке. Насколько я понимаю, ящик не заперт, а если и

заперт — открыть нетрудно. Вы хотите вернуться ко мне. Вот и подумайте, мой милый.

У Монти кружилась голова. Когда вам предлагают стать крупным преступником, да еще признают, что вы милы, она не захочет, а закружится.

Виконт, разбиравшийся в людях, понимал, что не все сразу усиливают мысль.

— Как только вы дадите мне книгу, — поднажал он, — я беру вас к себе.

Монти стал меньше похож на деревенского дурачка, в которого ударила молния.

— Берете?

— Беру.

— На целый год?

— То есть как?

— Мне надо на год. Есть пружины. Значит, год. Виконт подумал о том, что год рядом с Бодкином — не шутка, хотя вообще-то его всегда можно выгнать.

— Двенадцать месяцев, — услужливо пояснил Монти. Виконт вздохнул.

— Что ж, год так год.

— Подпишем бумагу?

— Хорошо, подпишем.

— Тогда я согласен. По рукам.

Лорд Тилбери предпочел избежать символического жеста.

— Поторопитесь, — напомнил он. — Не могу ж я век торчать в сельской дыре!

— Хорошо, я мигом. А какая дыра?

— «Герб Эмсвортов».

— Знаем, знаем. Капните в ихнее пиво немножко джину — не пожалеете! Ладно, я мигом.

— Хр-р.

— Пока, пока, — сердечно откликнулся Монти.

Писатели — тонкие натуры, сущий пустяк может спугнуть вдохновение. Так случилось и с Галли. Гость недолго пробыл у него, но теперь писать не хотелось. Галли был добр и не любил обижать даже Скунсов.

Конечно, это — не то, что обидеть старого Пробку или, скажем,

Фредди, но все-таки, все-таки… Можно ли, должно ли говорить «нет» даже ничтожнейшей из Божьих тварей? Скунс ушел, Галахад книгу не вынул. Тяжко вздохнув, он взял с полки детектив и тоже ушел на лужайку.

Проходя через холл, он вызвал Биджа и попросил принести туда, под кедр, виски с содовой.

— Да, — вспомнил он, когда Бидж явился с подносом, — я очки забыл. Не хотел бы вас беспокоить…

— Какое тут беспокойство! — возразил дворецкий. — Не нужно ли еще чего-нибудь, мистер Галахад?

— Вроде бы нет. Сью не видали?

— После второго завтрака мисс Браун была на террасе. С тех пор я ее не встречал.

— Ну, ладно. Значит, очки.

Когда Бидж вернулся, Галли выпил добрую половину успокоительного напитка.

— Что вы там делали? — спросил он. — И что это у вас, моя книга?

— Она, мистер Галахад.

— На что она мне? Я ушел, чтоб о ней не думать.

Мысль эту он не развил, удивившись тому, что дворецкий уж очень вылупился, а жилет его мерно ходит туда и сюда.

— Бидж, — осведомился он, — почему вы водите брюхом?

— Мне трудно, мистер Галахад.

— Не носите в такую погоду теплых жилетов.

— Это душевные муки, мистер Галахад.

— А что случилось?

Бидж понизил голос:

— Когда я проследовал к вам, за очками…

— Да, да?

— …я услышал какой-то шорох.

— Ай-я-я-яй! Чего они лезут? Я же там работаю!

— Вот именно, мистер Галахад. Когда вы в замке, туда никто не заходит. Потому я и заподозрил…

— Заподозрили?

— Да. Заподозрил, что кто-то хочет похитить ваш труд.

— Что?!

— Похитить ваш труд, мистер Галахад. Я не ошибся. Немного помешкав, я распахнул дверь и увидел, что кто-то роется в столе. Это был Пилбем.

— Пилбем?

— Он самый, мистер Галахад.

— Ну, знаете!

— Вот именно, мистер Галахад.

— Что ж вы ему сказали?

— Ничего. Посмотрел.

— А он?

— Ничего. Улыбнулся.

— Улыбнулся?

— Слабой, жалкой улыбкой, мистер Галахад.

— А потом?

— Не говоря ни слона, я подошел к столу, взял ваш труд и покинул помещение. На пороге я холодно оглянулся.

— Молодец.

— Спасибо, мистер Галахад.

— Значит, крал?

— Несомненно, мистер Галахад.

— Может, искал нотную бумагу?

Такой солидный человек не уподобится Шерлоку Холмсу, да и социальный статус не позволит сказать то, что сказал бы этот сыщик доктору Ватсону.

— Нет, сэр, — отвечал Бидж.

— Зачем этому слизняку моя книга? Бидж немного смутился.

— Разрешите говорить откровенно, мистер Галахад?

— Какая чушь! Да мы знаем друг друга с детских лет, так — с сорока! Валяйте.

— Спасибо, мистер Галахад. Насколько я понимаю, от вашего труда зависит благополучие мистера Роналда и мисс Браун.

Галли знал, что Бидж всеведущ, но не думал, что секретная служба так хорошо поставлена.

— Чтобы преодолеть сопротивление ее светлости, — продолжал дворецкий, — вы согласились воздержаться от публикации мемуаров. Насколько я понимаю, ее светлость не хотела бы причинять огорчение друзьям, прежде всего — сэру Грегори. Я не ошибся, мистер Галахад?

— Нет, не ошиблись.

— Вы уступили ее светлости, уповая на то, что она, возможно, оставит в покое его светлость.

— «Возможно»! Ладно, Бидж, говорите прямо, репортеров здесь нет. Вы хотите сказать, что брат мой Кларенс — истинное желе и, не будь этой книги, допустил бы что угодно, только бы не было шуму?

— Приблизительно, мистер Галахад. Я не осмелился бы употребить эти самые слова, но признаю, что ее светлость заинтересована в похищении, мало того — уничтожении вашего труда.

— Правильно! — вскричал Галахад. — Пилбем работает на Конни.

— Я в этом убежден. Замечу, что в день званого обеда ее светлость просила меня вызвать в замок сэра Грегори. Они заперлись в библиотеке. Потом сэр Грегори вышел и на моих глазах беседовал с Пилбемом в укромном уголке холла.

— Распоряжения давал!

— Несомненно, мистер Галахад. От меня ускользнула вся значимость этих событий, но теперь я твердо уверен, что начинались козни.

Галли встал.

— Бидж, — сказал он, — я всегда говорил, что вы гений. Вы нас спасли. Вам обязаны счастьем два любящих сердца.

— Рад служить, мистер Галахад.

— Черта с два они бы поженились без моих мемуаров! Кларенса я знаю. Прекрасный человек, никого я так не люблю, но перед женщинами пасует. Надо немедленно спрятать рукопись.

— Быть может, вы запрете ящик, мистер Галахад?

Галли покачал головой.

— Нет, Бидж. Мою сестру, да еще с этим мелким гадом, не остановят какие-то замки. Вот что, заберите это и спрячьте. Скажем, у себя.

— Мистер Галахад!

— Что?

— А вдруг ее светлость потребует, чтобы я отдал ей ваш труд?

— Да как она узнает? Она к вам заходит на огонек?

— Конечно; нет, мистер Галахад!

— Кладите на ночь под подушку. Она к вам в постель не полезет?

На сей раз Бидж так разволновался, что только подрожал.

— Решено, — сказал Галли. — Все, не спорьте. Берете к себе. Где ваше мужество, Бидж?

— Слушаюсь, мистер Галахад.

— Что ж, берите.

— Слушаюсь, мистер Галахад.

— И никому ни слова!

— Слушаюсь, мистер Галахад.

Бидж удалился, печально понурив голову. Другой, возможно, походил бы в такую минуту на бравого воина, которого послали с депешей через позиции врага; другой — но не этот. Он скорее напоминал тех злосчастных

людей, которым дали подержать младенца в 4.30, а вокзальные часы уже подошли к 6.15.

Сгущался сумрак. Посмотрев вниз, Сью увидела, что стало еще тревожней. Именно в этот час появляются вампиры; собственно, почему бы им не заглянуть на крышу? Всюду что-то шуршало, шелестело, потрескивало, вдали ухала сова. Ах, оказаться бы в уютной комнате, где можно зажечь свет и читать, пока не позвонят к обеду!

На лестнице было темно, ступеньки неприятно звенели, но Сью спешила вниз, опасаясь, что щеки ее вот-вот коснется ледяная рука. Добежав до двери, она с облегчением вздохнула — и зря. Дверь кто-то запер.

Собственно, запер ее лакей, он недавно проходил спустить флаг, Сью еще радовалась, что он ее не заметил. Она кинулась обратно. Что-то коснулось щеки — не вампир, летучая мышь, но и она не подарок. Сью закричала; и поняла, что именно это делают те, кто заперт на крыше замка.

Подбежав к бойницам, она тоненьким, жалким голосом крикнула: «Ау-у!» Постепенно голос окреп, и настолько, что Ронни, мрачно куривший в саду, определил, откуда он доносится.

— Кто-о та-ам? — крикнул и он.

— О, Ронни!

Два дня и две ночи сомнения и досада терзали его утробу. Два дня и две ночи думал он о Монти и Сью, страшно страдая при одном их виде. Но когда он ее услышал, сердце перевернулось. Хорошо, она любит Монти, а все-таки этот голос — самый прекрасный из всех возможных голосов.

— Ронни, я тут застряла!

— На крыше?

— Да. А дверь заперли.

— Сейчас добуду ключ.

Прошло немало времени, пока она услышала звяканье замка, а там — увидела Ронни.

— Давно ты здесь? — спросил он.

— Весь вечер.

— Ничего местечко, в хорошую погоду.

— Наверное.

— А вообще-то жарко.

— Да, да.

Они помолчали. Воздух давил, ухала сова.

— Когда ты вернулся? — спросила Сью.

— Так, час назад.
— Я не слышала.
— Поехал прямо в гараж. Мать высадил у викария.
— Да?
— Она хотела с ним поговорить.
— А!
— Ты его знаешь?
— Нет.
— Такой Фосберри.
— Вот как?

Они опять помолчали. Ронни вгляделся, шагнул вперед, что-то поднял. То была панама.

— Что, Монти заходил?
— Да.
— Какой милый! Ну, пошли вниз.

Глава VIII

Если, выйдя из главных ворот Бландингского замка, вы свернете направо и пройдете чуть меньше двух миль, вы окажетесь в городке под названием Маркет Бландинг. Веками дремлет он, сокрытый в зеленой сердцевине Шропшира, и нет во всей Англии лучшего места. В этом согласны художники, привлеченные его старыми, серыми домами, и рыболовы, привлеченные его ленивой рекой. Правда, и те, и другие считали, что можно сделать его еще прекрасней, и часто спорили об этом за пивом и трубкой в «Гербе Эмсвортов».

И вот, вскоре после описанных событий это свершилось. Тихую прелесть главной улицы осветило и умножило появление богоподобного существа в котелке, вышедшего из табачной лавки. То был дворецкий Бидж, который, изящества ради, пришел пешком за сигаретами и, купив их, встал на мостовой, готовясь к обратному пути.

Путь этот, и вообще спортивная ходьба, не так привлекали его, как сорок пять минут назад, в тиши кельи. Он устал, Да и погода не способствовала марафону. Было еще жарче, чем вчера. Сердитые тучи сбивались на медном небе. Ничто не шевелило листьев, от мостовой шли жаркие волны, все окутал мутно-желтый мрак. Словом, надвигалась гроза. Бидж снял шляпу, вынул платок, вытер лоб, положил платок в карман, надел шляпу и сказал: «Уф!». Худеть — хорошо, но всему есть пределы. Он понял, что надо выпить пива.

Это он выполнить мог. Отцы английского местечка спят и видят, как бы обеспечить каждого жителя отдельным кабачком; стремились к этому и отцы Маркет Бландинга. Оттуда, где он стоял, Бидж видел по меньшей мере шесть заведений и выбрал «Герб» не потому, что счел его самым лучшим. Просто он был ближе всего.

Однако Бидж не обманулся. Человеку, вступающему в жизнь, мы всегда советуем посетить «Герб Эмсвортов». Пиво здесь прекрасное, сад — самый большой и тенистый. Уютные беседки и сельские столики спускаются к самой реке, так что счастливый посетитель, жаждущий пива, может вдохновиться вдобавок видом семейств в прогулочных лодках. Если день достаточно жарок, один-единственный отец, пыхтящий за веслами, чтобы протащить ниже уровня моря жену, свояченицу, двух кузин, четырех детей, собаку и корзину, настолько повышает спрос, что официанты в «Гербе» просто с ног сбиваются.

Бидж удалился с пивом в одну из беседок. Он обычно поступал так, ибо общественный вес не позволял ему пить на людях. В конце концов он не младший лакей, чтобы развлекаться в общей комнате. Его излюбленная беседка располагалась в конце сада, скрываясь от непосвященных за оградой кустов.

И все же, страшась уховерток, дворецкий на этот раз уселся не в самой беседке, а у столика за нею.

Мысли его были нелегки, и он предавался им минут пять, пока звук шагов не подсказал, что уединение нарушено. Какие-то люди вошли в беседку, один из них сказал:

— Что ж, здесь и потолкуем.

Скрипнул стул, словно на него опустилось что-то тяжелое. Так оно и было. Лорд Тилбери превосходил своим весом едва ли не всех обитателей Флит-стрит.

— Ну, — произнес он, усевшись, — что там у вас?

Бидж собрался слушать беседу, словно беспечный критик в театре, и ему показалось, что голос чем-то знаком, где-то он его слышал. Что до второго голоса, сомнений не было. Когда Монти Бодкин сомневался, речь его обретала сходство и с блеяньем овцы, и с лаем шакала.

— То есть как это «что»?! — удивился он.

Взволнован он был немало, ибо со времени завтрака испытал великое множество чувств. Если сделать график, получится что-то вроде тех линий, которыми изображают изменения температуры.

Сначала он был весел. Ему казалось, что старая, добрая судьба на этот раз не подкачала. Хочешь служить целый год? Пожалуйста. Пойди в ту комнатку и возьми рукопись из ящика, где, по словам лорда Тилбери, она лежит.

Так он и сделал — и пал как денница,[29] сын зари. Рукописи не было. Судьба подкачала.

А теперь этот старый кретин говорит: «Что там у вас»!

— Нет, это надо же! — сказал Монти. — Это мне нравится! Как мы уже знаем, лорду Тилбери *он* не нравился никогда, а уж теперь — в особенности.

— Зачем я вам нужен? — сухо спросил лорд.

— Вот как, зачем? — откликнулся Монти. — Из-за этой чертовой книги, которую вы хотите украсть! — Он громко рассмеялся, а Бидж — вздрогнул и, вытаращив глаза, застыл на своем месте. Пиво, можно сказать, тоже застыло на его устах.

— Тиш-ш!.. — прошептал виконт.

— А, никто не слышит.
— Все равно не орите. Где она? У вас?
— Конечно, нет.

Лорд Тилбери думал о том, что незачем было поручать такое дело хлыщу. Кто-кто, а хлыщи, как правило, не выполняют ответственных поручений. Прочешите историю из конца в конец, думал все он же, и буквально каждый хлыщ только и знает, что спать, жрать и осваивать новые танцы.

— Это надо же… — сказал Монти.
— Ш-ш-ш!
— Это надо же! — сказал Монти, понизив голос. — Зачем вы мне врали? В столе ее нету.
— Нету?
— Вот именно.
— Вы плохо искали.
— Ну, знаете!
— Тиш-ш-ш!..
— Искал, как нанятый. Все перевернул.
— Да я сам видел, как он ее туда клал.
— Ну, прямо!
— Что за выражения? Видел своими глазами.
— Значит, забрал. Ее там нет.
— Переложил куда-нибудь.
— Да уж, не иначе. Но куда?
— Вот бы и узнали.
— Да? Интересно!..
— Что — за — выражения!
— А как мне еще выражаться? Чуть что скажешь, вы шикаете. То вам не говори «Ну, знаете!», то не говори «Ну, прямо!» Вот что. — И слушатель понял, что Монти глубоко взволнован. — Вот что, куплю-ка я халат, куплю лопату и пойду в трапписты.[30]

Предложение это вызнало оживленные дебаты. Лорд Тилбери заметил, что не позволит всяким хлыщам говорить с ним таким тоном; Монти заинтересовался, кого же он имеет в виду. Тогда лорд Тилбери назвал собеседника имбецилом, а тот, неверно истолковав этот термин, напомнил, что на преступление его толкнул сам лорд. Разъясняя ошибку, лорд этот сообщил, что «имбецил» означает «кретин», «идиот», «дурак», «слабоумный», и прибавил, что шестилетнее дитя давно нашло бы рукопись. Тут Монти, дойдя до высот риторики, предложил дать по

шиллингу каждой ищейке, которая преуспеет больше, чем он. На этом беседа оборвалась, ее спугнули детские голоса.

Лорд Тилбери сердито ухнул на манер совы из «Элегии» Грея.

Один из голосов произнес:

— Пап, тут кто-то сидит! За ним вступил другой:

— Мам, тут кто-то сидит! За ним третий, погуще:

— Эмили, тут кто-то сидит. И, наконец, четвертый:

— О, Господи! Тут кто-то сидит!

Заговорщики, как оказалось, сумели понять намек. Бидж заслышал шаги, а поскольку сменило их что-то вроде пляски дрессированных слонов, понял, что оккупация прошла согласно плану.

Посидев еще несколько минут, он кинулся в самый «Герб», чтобы вызвать по телефону местное такси. Конечно, думал он, это вскочит в копеечку — Робинсон крутоват, как все монополисты; но необходимо прибыть в замок, обогнав Монти.

Когда он спросил у хозяина, можно ли позвонить, тот сообщил, удивляясь совпадению:

— А Робинсон как раз тут. Его кто-то вызвал, тоже в замок ехать. Может, вас подбросит. Сбегайте к нему.

Бидж бегать не стал — даже если б ему позволяла фигура, надо думать и о положении. Но пошел он с достаточной скоростью и потому увидел, как Монти прощается с коренастым субъектом, в котором узнал того самого лорда, который приезжал вчера к мистеру Галахаду. Значит, вот кто подстрекал на преступление.

Открытие это так поразило его, что он на минуту-другую потерял дар речи. Казалось бы, хватит того, что сэры, вроде Грегори Парслоу, нанимают всяких мерзавцев. Но если им следуют и пэры, это уж Бог знает что. Но тут его утешила здравая мысль: лорд Тилбери недавно получил титул. Можно ли ждать благородства от представителей народа (hoi polloi), случайно попавших в списки?

Словом, речь он обрел и произнес:

— О, мистер Бодкин! Простите, сэр. Монти обернулся.

— А, Бидж! Привет.

— Не сочтете ли вольностью, сэр, если я попрошу меня подбросить?

— Ну, что вы! Пожалуйста, места хватит. Что делаете в этих краях? Утоляете жажду?

— Я ходил в табачную лавку, сэр, — отвечал с достоинством Бидж, — но, поскольку предвечерняя жара несколько утомляет…

— Ясно, ясно, — откликнулся приветливый Монти. — Ну, гоп-ля!

Едем, дорогой мой олень у источников вод.[31]

В другое время дворецкий обиделся бы на эти слова и выказал обиду. Но, прежде чем ему удалось выпрямиться и окатить собеседника холодом, он заметил лорда Тилбери, отступившего под сень стены.

Женившись на дочери самого Дональдсона (Лонг-Айленд; Н.-Й.*)* и уехав тем самым в Америку, Фредди Трипвуд, младший сын графа, оставил Биджу несравненное собрание детективов. Бидж обращался к нему в свободные часы; и вот лорд Тилбери, скрестивший руки на груди, напомнил ему злодея из «Ужасов в Кастербридже».

Задрожав всем телом, дворецкий влез в такси.

Ехали молча, обоим было не до разговоров. Монти вышел у парадного входа, Бидж — позже, у черного. Рассчитываясь с Робинсоном, он ощущал невольное почтение к преступнику, который додумался выйти первым, ничего не заплатив.

Потом он поспешил к себе, достал рукопись и постоял в нерешительности. Его тянуло из духоты на воздух, под лавровый куст у черного хода, где он любил сидеть; но он боялся оставить свое сокровище.

Однако выход есть всегда. Он понял, что рукопись можно взять с собою, — и, соответственно, взял. Потом уселся поудобней, закурил сигареты, добытые с таким трудом, и предался мыслям.

Разыскания в библиотеке детективов ознакомили его с таким явлением, как банды, и привили особую к ним чувствительность. Здесь, в замке, действовали две — банда Парслоу и банда Тилбери. Поневоле задумаешься.

Чтобы немного отвлечься, Бидж заглянул в рукопись. Оказавшись в середине главы VI (ночные клубы), он погрузился в повесть о епископе Банторском, когда тот был студентом, и, забывшись, стал издавать те звуки, какие издает закипающий чайник.

Именно в этот момент показался Перси Пилбем, который ходил на конюшню покурить.

Конюшню он облюбовал с самого приезда. Поскольку там же был и гараж, он, мотоциклист-любитель, охотно беседовал с шофером. Кроме того, туда не заходили сестры и племянники хозяина. Вы не могли встретить ни леди Констанс, ни леди Джулию, ни сына этой Джулии, Роналда; а. этого одного достаточно, чтобы обратить любое место в рай.

Неприязнь к леди Констанс зрела в нем с первой встречи. Огибая угол, он думал о том, как противно ее высокомерие. Прийдя к привычному заключению типа «Ей бы всыпать», он услышал зычный смех, вырывавшийся толчками, и, очнувшись, увидел в нескольких футах

овальную голову, судя по всему — принадлежащую дворецкому Биджу.

Как вы помните, мы оставили Биджа, когда он мягко хихикал. Какое-то время это его удовлетворяло. Но если автор — Галахад Трипвуд, рано или поздно встретится пассаж, требующий большего. Теперь дворецкий читал о сэре Грегори и креветках, а потому воздух оглашало:

— Х-хы… хы-хы-хы!!! Ух-ха-ха-ха!!!

Пилбем застыл на месте. Кто как, но он еще не видел дворецких, которые смеялись вообще, а уж тем более — так, плюнув и на достоинство, и на давление, и на жилетные пуговицы. Немного опомнившись, он захотел узнать, в чем дело; и сзади, на цыпочках, подкрался к читателю.

Заглянув через его плечо, он увидел РУКОПИСЬ.

— Ой! — непроизвольно вскрикнул сыщик.

Бидж вздрогнул, обернулся и оказался лицом к лицу с главарем банды.

— Ой! — воскликнул и он, а шезлонг, видимо — из сочувствия, издал соответствующий скрип и растянулся на земле.

Дворецкий же, прижав манускрипт к спине, стал медленно отступать. Вскоре он ударился о стену и с облегчением осознал, что дверь — совсем рядом. Туда он и юркнул, бросив взгляд, на который обиделась бы змея, а Пилбем остался стоять как бы в зачарованном сне.

Почти в тот самый миг, когда он входил к себе, Монти вспомнил с ужасом и стыдом, что оставил его расплачиваться.

Мы им гордимся. Многие бы отмахнулись, кинув «Да ладно» или, не дай Бог, поздравив себя с тем, что сэкономили полкроны; а в самом лучшем случае — решили бы, что когда-нибудь отдадут. Но в нашем распущенном веке есть люди, для которых честь — не пустое слово.

Так и случилось, что, едва присев, Бидж заслышал чье-то сопение и оказался лицом к лицу с членом другой банды.

В такую минуту дрогнул бы и герой детектива. Что до Биджа, он чувствовал то, что чувствует кролик, за которым гонится не один горностай, а целая стая легких, бодрых горностаев. Взвившись вверх, он привычным жестом схватил книгу и прижал ее к тяжко вздымающейся груди.

Монти, удивившийся не меньше Пилбема, пришел в себя первым.

— Pardon! — сказал он. — Что, испугались? Бидж молча пыхтел.

— Я хотел деньги отдать.

Бидж дрогнул. Осторожно протянув руку, он взял полкроны, положил в карман и снова вцепился в рукопись.

— Да, я вас напугал, — повторил тем временем Монти. — Вы уж простите.

Они помолчали.

— Вижу, у вас эта книжка, — заметил Монти с излишней небрежностью.

Бидж начал пробираться к двери.

— Хорошая, а? — осведомился Монти. — Я бы с удовольствием прочел.

Достигнув двери, Бидж приободрился. Мало того, он преисполнился праведным гневом. На Монти он глядел так, словно вместо глаз у него — лужицы остывшей подливки.

— Не дадите, а?

— Не дам.

— Значит, не дадите?

— Не дам.

— То есть, не дадите?

— Не дам.

Они опять помолчали. Монти кашлянул. Бидж задрожал при этом звуке. Он вообще удивлялся — такой симпатичный молодой человек… Не иначе, попал в плохую компанию.

— Я бы очень хотел прочитать.

— Да, сэр?

— Да. Заплатил бы десять фунтов.

— Десять, сэр?

— То есть двадцать.

— Да, сэр?

— Вернее, двадцать пять.

Как ни печально, наш усложненный мир утратил вкус к тем сценам, когда Добродетель, выпрямившись во весь рост, отвергает соблазны злата. Но даже самые непробиваемые, самые Циничные не устояли бы теперь, когда Бидж произнес с холодной строгостью:

— Простите, сэр, не могу соответствовать.

Бросив на прощание взгляд того же калибра, как и в случае с Пилбемом, он отступил к обиталищу экономки, оставив Монти наедине с его мыслями.

Когда такие люди, как Монти, остаются с мыслями, чаще всего этим дело и кончается. Но любовь — великая сила. Мозг работал так, словно сама Гертруда нажала прелестной ножкой на акселератор. Несколько раз наш герой ощутил, что сейчас отлетит макушка, и вот, через должное время, на свет появилась мысль.

Надо поручить дело смышленому, опытному человеку; и человек этот

— Пилбем.

Ну, посудите сами: Пилбем — сыщик; значит, такие дела — в его духе. Если верить книгам, сыщиков всегда нанимают, чтобы что-нибудь красть — письма там, планы, рубины и все такое прочее. Они только рады.

Пилбема он нашел в курительной. Он сидел, сложив вместе кончики пальцев. Монти это понравилось. Добрый знак.

— Вы как, свободны? — спросил наш герой.

— В каком смысле?

,— В таком. Есть дельце.

— Дельце?

Пилбем, как и Монти, думал, и отупел от этого, тем более — в такую жару.

— Вы правда сыщик? — проверил Монти.

— Конечно. Постойте, дам карточку.

Изучив ее, герой наш успокоился. Контора «Аргус». Секретность гарантирована. Адрес, код, телефон — ну все.

— Красота, — сказал Монти. — Значит, есть дельце.

— Как к сыщику?

— В общем, да. Я знаю, вы тут отдыхаете, но…

— Ничего, ничего. Рад служить. Не изложите ли факты?

Монти заколебался, он никогда не нанимал сыщиков.

— Фамилию сказать?

— Чью?

— Да мою.

— Мне кажется, ваша фамилия Бодкин.

— Верно. Правильно. Бодкин. А в этих книжках сыщики сначала расспрашивают — кто вы, где живете, откуда деньги. Если не надо — тем лучше, время сэкономим.

— Мне бы факты. Монти снова замялся.

— Как-то глупо…

— Что?

— Ну, как-то странно… Вот именно, странно. Я насчет этой рукописи.

Пилбем слегка подпрыгнул.

— Вот как?

— Да. Знаете ли, Галли написал мемуары…

— Знаю.

— Вы не смейтесь, — и Монти смущенно засмеялся, — но они мне нужны.

Пилбем немного помолчал. Ему не понравилось, что у него есть

соперник.

— Это слишком глупо? — проверил Монти.

— Ну, что вы, — отвечал Пилбем. — Нужны так нужны.

Он уже пришел в себя. Скорбь сменилась радостью. И впрямь, два рынка лучше, чем один. Конкуренция — двигатель торговли. Деловому человеку именно и нужен хороший аукцион.

— Еще как! — подтвердил Монти. — Я бы вам рассказал, но это очень длинно.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Один тип… ну, один тип просил меня ее… взять… ну, сами понимаете.

— Вполне, — отвечал Пилбем, радуясь своей догадливости.

— А я сейчас узнал, что она у…

— Биджа. Монти удивился.

— Вы это знали?

— Конечно.

— Да как же…

— Ах, не будем уточнять, — беспечно бросил сыщик.

Монти убедился, что не ошибся в выборе. «У Биджа»! Так и сказал. Просто мысли читает.

— Итак, она у Биджа, — продолжал он. — Держит он ее крепко. Проблема в том… Вы не против, если я изложу проблему?

Пилбем вежливо махнул рукой.

— Значит, проблема в том, как ее вырвать.

— Вот именно.

— Есть у вас идеи?

— О, да!

— Разрешите уз…

— Не стоит, — прервал его сыщик.

Монти рассыпался в извинениях. Он восхищался Перси Пилбемом. Внешне — совсем не такой, как в детективе. Где ястребиный профиль, где холодный взор? И бриллиантина многовато. Но мозги — что и говорить!

— Я вам верю, — сказал он. — Такую контору ведете! Наверное, и раньше крали.

— Мне случалось, — сдержанно ответил сыщик, — возвращать документы немалой ценности.

— Вот и этот верните, — сказал Монти.

Глава IX

В безопасности, у экономки, Бидж глядел из окна на темнеющее небо. Грудь вздымалась и падала, как потревоженный океан. «Душно, — думал он, — ох как душно! Можно и задохнуться».

Почти все в этом мире — о двух концах. Скажем, упасть с шезлонга — неприятно, но ум это проясняет, встряхивает мозг. Только что он шлепнулся о землю обширным задом, и, пожалуйста, готова идея, разрешающая коллизию.

Рукопись надо отдать мистеру Роналду. Кому же еще? Он больше всех в ней заинтересован. Кроме того, он молод; а справиться с этими бандами может только молодой человек.

Конечно, надо спросить мистера Галахада. Если действовать за его спиной, он может стать не лучше банды. Годы общения с мощнейшими умами Лондона необычайно обогатили его лексикон. Бидж не хотел бы приманивать молнии пеликанских речений. Словом, едва оправившись, он пошел в комнатку за библиотекой. Галли действительно был там.

— Мог бы я с вами поговорить, мистер Галахад? — осведомился он.

— Валяйте, Бидж.

Дворецкий рассказывал ясно и красноречиво. Он описал сцену в «Гербе», вторжение Бодкина, бесчестный подкуп. Галли слушал его, сверкая моноклем.

— Какой гад! — вскричал он. — И это Монти, которого я буквально вынянчил! Помню, когда он учился в школе, я ему как-то подсказал ставить на Руфуса против Цесаревича.

— Вот как, сэр?

— Позже он признался, что немало выиграл — и вот благодарность! Неужели ее нет на свете? — закончил он, пылко взмахивая рукой, как взмахнул бы ею король Лир.

Дворецкий, тонко ощущавший социальные различия, взмахнул поскромнее. Жесты эти принесли облегчение, и они возобновили беседу в более ровном тоне.

— Надо было знать, — сказал Галахад. — что Скунс… Как его теперь зовут?

— Лорд Тилбери, сэр.

— Надо было знать, что лорд Тилбери так легко не отступит. Те, кто легко отступает, не становятся богачами.

— О, как вы правы, сэр!

— Я думаю, с ним это бывало. Теперь он наймет шпионов и клевретов. Что ж, остается одно, усилить бдительность, как Кларенс со своей свиньей.

Бидж кашлянул.

— Мне представляется, мистер Галахад, что лучше бы отдать манускрипт мистеру Роналду.

— Лучше?

— Лучше, сэр. Теперь, когда мистер Пилбем знает, что он — у меня, миледи может попросить, чтобы я его отдал.

— Бидж! Вы боитесь моей сестры?

— Да, сэр. Галли подумал.

— Так, — сказал он. — Понятно. Вы не могли бы послать ее к черту?

— Нет, сэр.

— Что ж, и не надо. Отдайте эту штуку Роналду.

Биджу стало настолько легче, что он решился перевести взгляд к окну.

— Видимо, сейчас начнется гроза, сэр.

— Да, наверное.

Галли тоже посмотрел в окно. Природа, без сомнений, надумала развернуться во всем своем величии. Там, за долиной, небо просекла молния. Зарокотал гром, и первые капли застучали по стеклу.

— Вымокнет, кретин, — сказал Галли.

Бидж посмотрел туда, куда указывал его палец. Действительно, кто-то быстро шел по парку. Лорд Тилбери гулял с горя; Монти гулял от счастья. Он чувствовал, что как-то, когда-то Пилбем проблему разрешит.

Итак, он шел по парку, невзирая на погоду.

— Это мистер Бодкин, сэр, — сказал Бидж.

— Именно. Юный гад. Он промокнет.

— Несомненно, сэр.

Бидж 0ыл доволен. Возможно, думал он, в него ударит молния. Хорошо бы выгнать под грозу и Пилбема. Членов банды дворецкий видел в духе Ветхого завета.

Ронни сидел у себя. Когда болит сердце, лучше всего укрыться в сельской спальне. Там можно подумать и покурить, никто тебя не потревожит.

Собственно, и Бидж не потревожил его. Он легко согласился, но, Биджу казалось, не слишком хорошо слышал, на что именно. Оставив рукопись, дворецкий ушел, ощущая то, что ощутил бы человек,

избавившись от заклятой бутылки; а Ронни, швырнув ее в стол, вернулся к мыслям о Сью.

Нет, он ее не винил. Если любит Монти — что поделаешь! За это винить нельзя, сердцу не прикажешь.

Конечно, мать порет дикую чушь, какие там романы. Сью — не такая. Она честна и чиста. Просто влюбилась в Монти, ничего не попишешь.

Возьмем всякие книги. Девицы сплошь и рядом обручаются там с одним, но — блямц! — возникает другой. Они понимают, что ошиблись. Вероятно, поехав в Лондон, Сью встретила его на Пиккадилли или еще где-то — и все, влюбилась.

Собственно, он этого ждал. Такая, как она, должна была встретить кого-то получше, чем румяный бездельник, который оправдал свою жизнь разве что победой в легком весе на кембриджском матче.

Ронни встал и подошел к окну. Ему смутно казалось, что за окном что-то творится. И впрямь, он увидел другой мир. Гроза бушевала. По стеклу водопадом лилась вода. Гром гремел, молнии сверкали. Да, такой мир — под стать его смятенным чувствам.

Вот, скажем, вчера. Нашел на крыше шляпу и вывел, что она была там с Монти. Слава Богу, по его манере она ни о чем не догадалась, маска — будь здоров, но было мгновение, когда он понял безумцев, крушащих все и вся.

Да, разум говорит, что она вправе влюбиться в Монти, но уж принять это — нет, увольте!

Гроза стала потише. Гром гремел дальше, молнии утратили добрую часть своей прыти. Дождь, и тот превратился из Ниагары во что-то иное. И вдруг на камнях террасы сверкнул несмелый луч.

Свет прибывал. Небо становилось голубее. Долину перекрыла радуга. Ронни отворил окно, и волна прохладных благоуханий хлынула в его спальню.

Он высунулся, втянул воздух, и понял, что ему легче. Гроза совершила свое обычное чудо, словно мир обновился; словно он, Ронни, выздоровел от лихорадки. Птицы пели в кустах, и сам он почти был готов запеть.

Теперь он видел все. Ни в кого она не влюбилась, это — от погоды. Были в кафе? Значит, есть причина. И на крыше — то же самое. Все легко объяснить в лучшем из миров.

Едва он достиг этого пункта, как увидел Монти и чуть не вывалился из окна, чтобы излить на него млеко милосердия.

— Привет! — заметил он. Монти взглянул наверх.

— Привет.

— Ты вымок.

— Да.

— Жутко вымок, — не унимался Ронни. Ему было больно, что в таком мире бывают неполадки. — Переоденься, а?

— Ладно, переоденусь.

— Во что-нибудь сухое.

Монти кивнул, походя при этом на городской фонтан. Минуты через две Ронни вспомнил, что у него над умывальником стоит замечательное растирание.

Когда ты выскочил из депрессии, неизвестно, куда тебя занесет. В обычное время Ронни быстро забыл бы о мокром Монти, но теперь, в приливе всеобъемлющей любви, ощущал, что сочувственных слов — мало. Нужны дела, а то он еще простудится! И тут, как мы сказали, он вспомнил о растирании.

«Золотой Бальзам», большой флакон (7 шил. 6 пенсов). И по рекламе, и по опыту Ронни знал, что вызывает он живительный жар в крови, предупреждая тем самым насморк, грипп, ревматизм, ишиас, радикулит и люмбаго и сообщая душе ощущение блаженства. Кому-кому, а Монти все это нужно.

Схватив флакон, Ронни кинулся к другу. Тот был у себя, и растирался махровым полотенцем.

— Вот, — сказал Ронни, — попробуй. Вызывает живительный жар.

Монти, прикрытый полотенцем, как шалью, изучал бутылку. Такая забота его тронула.

— Спасибо большое, — сказал он.

— Не за что.

— Это не для лошадей?

— Лошадей?

— Знаешь, бывает. Вотрешь, посмотришь — а оно «только для лошадей». Жуткие муки.

— Нет, нет, это для людей. Я сам растираюсь.

— Что ж, разотремся и мы!

Монти налил в ладонь бальзама и принялся за дело. Ронни страшно вскрикнул.

— Э? — сказал Монти.

Благодетель, ярко-пунцовый, непонятно смотрел на него.

— Э? — повторил он.

Ронни заговорил не сразу. Прежде он, видимо, проглотил что-то твердое.

— Там, там, — произнес он странным голосом.

— Э?

Итон и Кембридж пришли страдальцу на помощь. Он еще раз глотнул, снял с рукава пушинку и прокашлялся:

— У тебя там что-то написано. Они помолчали.

— Вроде бы «Сью». Они еще помолчали.

— В таком сердечке, — беспечно закончил он.

Теперь твердое тело проглотил Монти. Странно, думал он, когда что-то видишь день за днем, его, в сущности, не видишь. Не отпечатывается на, как ее, сетчатке. Это имя, эта синяя с розовым дань исчезнувшей любви, в сущности, не существует. Он ее не видит. Что же тут ответишь?

Пришлось думать побыстрей.

— Нет, — сказал он, — это не «Сью», это «С.В.Ю.» Сара Вирджиния Юарт.

— Что?!

— Сара Вирджиния, — твердо ответил Монти. — Невеста. Покойная. От пневмонии. Не будем об этом говорить.

Они молчали долго. Ронни пошел к двери. Чувства его не вмещались в слова, но кое во что вместились.

— Хе, — сказал он, — хо-хо.

Сью созерцала грозу с подоконника в библиотеке. Вообще она грозы любила, и внешне эта ей нравилась. Одно было плохо: Монти где-то гуляет. Она видела, как он вышел. Теперь, наверное, промок.

Когда дождь утих, небо прояснилось, она немедленно вышла на балкон, ожидая вестей, как сестра Анна.[32] Тем самым ей довелось услышать беседу с Ронни («Промок», «Жутко промок», «Переоденься» и т. п.).

Казалось бы, беседа как беседа, ничего особенного. Но диалоги великих драматургов не произвели бы на нее такого впечатления. Бремя скатилось с ее души. Какой тон! Сама доброта. Сама сердечность. А радость? Два дня подряд ей казалось, что Ронни подменили, а теперь, судя по голосу, — вот он, прежний.

Она стояла и пила благоуханный воздух. Гроза изменила все. Шропшир, который только что буквально терзал душу, обратился в какой-то рай. Озеро сверкало. Река сияла. Кролики сновали по парку со свойственной им беспечностью, и, куда ни глянь, паслись довольные коровы.

Сью вышла в коридор, тихо напевая. Конечно, думала она, надо зайти

к Монти, но главное — разыскать Ронни.

Услышав звук бильярдных шаров, она решила, что Галли играет сам с собой. Вот его и спросим. Она открыла дверь; и Ронни, почти лежавший на столе, обернулся к ней.

Татуировка мгновенно смела весь его оптимизм. Он пошел на первый этаж. Дверь в бильярдную была открыта. Он зашел — все же развлечение.

— Привет! — учтиво сказал он, выпрямляясь. Итон и Кембридж встали рядом с ним.

Сью ничего не поняла. Он был для нее все тем же братом Чирибл,[33] который беседовал с другом из окна.

— О, Ронни! — воскликнула она. — Пойдем на воздух, там *так* хорошо!

— Да? — осведомился Итон.

— Просто чудесно!

— Да? — поинтересовался Кембридж.

Сью словно укололи в сердце. Неужели он добр и весел только с Монти, не с ней?

— Давай покатаемся, — предложила она.

— Спасибо, не стоит.

— Ну, возьмем лодку.

— Не стоит, спасибо.

— На корте, наверное, уже сухо.

— Навряд ли.

— Тогда погуляем.

— Ради Бога, — сказал Ронни, — не приставай ты ко мне!

Они уставились друг на друга. Взгляд у Ронни был пламенный и несчастный, но Сью прочитала в нем ненависть, глухую ненависть того, кто связан с тобой, хотя и разлюбил. Да, в таких случаях даже говорить, и то трудно. Она глотнула воздух и пошла к окну.

— Прости, — сказал Ронни, — виноват.

— Нет, — сказала Сью. — Так лучше. Давно пора все выяснить.

Она чертила пальцем по стеклу какие-то кружочки. В комнате долго висела тяжкая тишина.

— Наверное, нам надо разойтись? — сказала она наконец.

— Как знаешь, — ответил Ронни.

— Хорошо, — кивнула Сью и направилась к двери.

Он забежал вперед и дверь подержал. Кто вежлив, тот вежлив.

Наверху, в своей спальне, Монти Бодкин неожиданно повеселел.

— Ти-ри-рим, — запел он, — пом-пом-пом!

Его осенила мысль.

Началось с бальзама. Видимо, живительный жар коснулся и мозговых клеток, но Монти подумал, что бальзам — не три-четыре унции жидкости, пахнущей заразным болотом, а символ. Если Ронни носит флаконы с бальзамом, значит — все в порядке; ссора ушла; старый добрый друг снова стал старым добрым другом. А добрые друзья делают добрые дела.

Дело, которого ждал теперь Монти, заключалось в том, чтобы пойти к Биджу и взять у него рукопись. Уговорить дворецкого может не каждый. Да, конечно, Пилбем — большой мастер, рано или поздно он ее украдет, но зачем такие сложности? И потом, ему придется платить.

Заглядывая в комнаты, Монти обнаружил друга в бильярдной и направился к нему доверчиво, как мальчик, пришедший в гости к любящему и богатому дяде. Он не умел читать в мыслях.

— Ронни, старик, — сказал он, — не уделишь минутку? Ронни осторожно положил кий. Конечно, он смирился с тем, что Сью предпочла этого человека, но одно дело — смириться, другое — дать по голове.

— Да? — отозвался он.

— Вот скажи, — попросил Монти, — как ты с этим Биджем?

— В каком смысле?

— Ну, питает он к тебе феодальную преданность? Хочет угодить молодому сеньору?

— Что ты порешь?

— Я не порю.

— Так говори яснее.

— Сейчас, сейчас. Дело вот в чем: у Биджа есть одна штука, которая мне очень нужна. Может быть, ты бы к нему пошел и, ну, оказал воздействие, использовал свое влияние, чтобы он был… как это… податливей.

— Ни черта не понимаю.

— У него эта рукопись, а мне он ее не дает.

— На что она тебе?

Как и в недавней беседе с виконтом, Монти решил, что честность — уместней всего.

— Ты все про нее знаешь?

— Да.

— Что Галли не хочет ее издавать?

— Да, да.

— А у «Мамонта» с ним договор?

— Нет, этого я не знаю.

— Договор. Папаша Тилбери рвет и мечет. У него всякие права, такие, сякие, чуть ли не скандинавские, а ты знаешь, какие перспективы у этой книжки? Вся помойка наших сэров и пэров! В общем, теряет тысяч двадцать, если Галли не уступит. Короче говоря, старик, он обещал мне, что возьмет опять к себе, в обмен на рукопись. Он ведь меня выгнал.

— Я думал, ты ушел сам. Монти скорбно улыбнулся.

— Возможно, такой ходит слух, — сказал он. — А на самом деле выгнал. Почему — долго рассказывать. Главное, если я ее украду, он возьмет меня обратно.

— Зачем тебе это нужно?

— Я должен где-то работать.

— Вроде тебе и тут неплохо.

— Могут уволить.

— Жаль.

— Да уж, очень жать, — согласился Монти. — Но если ты мне поможешь, Тилбери меня возьмет, и я смогу жениться.

Ронни, скажем так, передернуло. Нет, что же это такое! Уводят невесту и еще просят помочь. Он думал, Монти поделикатней…

— Сможешь?

— Да.

— На Саре Вирджинии Юарт?

— А? Э? О? Ах, вот ты о ком! Нет, Сара умерла. Да, да, да. Умерла от чахотки. Жуткое дело.

— Ты говорил, от пневмонии.

— Нет. От чахотки.

— Ага, ага… Значит, ты любишь другую?

— Еще как!

— И она тебя любит?

— Жутко.

На Ронни снизошла беспечность. В конце концов, важно ли это? Важно ли вообще что-нибудь?

Тут на него, вдобавок, снизошла и страсть к широким жестам, дух Сиднея Картона,[34] с той лишь разницей, что Сиднею, если мы не перепутали, все это доставило радость, а ему — злобную скорбь.

Монти увел от него Сью. Она ушла, не пикнув. Прекрасно. Что ж, он им покажет. Они увидят, что такое истинный Фиш.

— Зачем тебе Бидж? — сказал он. — У него рукописи нет.

— Что ты, есть. Я видел, он ее читал…

— А потом отдал мне. — Ронни взял кий и прицелился к шару. — Она у меня в ящике. Бери, если хочешь.

Монти ахнул. Сын Израиля, на которого внезапно посыпалась манна, не испытывал такой благодарности, удачно смешанной с удивлением.

— Ну, старик! — сказал он. — Ну, даешь! Ронни не ответил, он был занят.

Глава X

Гроза прошла, а Галли Трипвуд маялся и томился. Любимый газон промок, особенно не походишь; промок и шезлонг, не посидишь. Солнце сияет, это да, но мир — слишком мокрый для человека, который не любит сырости, словно кошка.

Он посидел в своей каморке, побродил по дому и наконец обосновался в холле, ожидая собеседника, способного оценить и случай из жизни, и рискованный лимерик. За приятной беседой не заметишь, как раздастся гонг.

Однако ему не везло. Прошел Монти, но после недавних ревеляций беседовать с ним не хотелось. Монти исчез в бильярдной, где сам с собой играл Ронни, потом — появился снова и направился вверх по лестнице. Сурово глядя на него, Галли проурчал: «Ну и гад!»

Вскоре показался Пилбем, криво улыбнулся и нырнул в курилку. К нему тоже не влекло — плетет интриги с этой Конни, носит мерзкие усики. Оставалось два варианта. И впрямь, Кларенс — у свиньи, Сью вообще куда-то исчезла, значит — или Ронни, или Конни. Видимо, она пьет чай. С ней давно пора побеседовать.

Только он это подумал, из сада явилась Сью.

Он окликнул ее, и она к нему присела. Ему показалось, что она неважно выглядит — нет той грации, той упругой легкости, которой он восхищался в Долли. Хотя, кто его знает… Полутемно, свет — неверный. Мало ли что померещится в тот час, когда день, в сущности, ушел, а до коктейля еще далеко!

— Привет, — сказал он.

— Добрый вечер.

— Что делали?

— Гуляла у дома.

— Ноги промочили?

— Вроде бы нет. А вообще, пойду переобуюсь.

Галли сурово покачал головой.

— Нет, не пойдете. Я тут тоскую.

— Ой, бедный!

— Да. В такой час обычно заглядывают себе в душу. Я этим не занимаюсь, мало ли что увидишь. Развлеките меня. Спляшите, спойте, загадайте загадку.

— Понимаете, я…

Галли взглянул на нее сквозь монокль. Так и есть, в плохом виде.

— Случилось что-нибудь?

— Н-нет…

— Точно?

— Д-да…

— Сигарету?

— С-спасибо, не надо…

— Радио включить? Про тритонов послушаем.

— Н-не надо, спасибо…

— Что-нибудь случилось?

— Нет, нет.

Галли нахмурился.

— Значит, это жара.

— Да, было жарко. Сейчас полегче.

— В грозу бывает плохо.

— Да, да.

— Боитесь грозы?

— Нет, нет.

— А многие боятся. Помню, такая Гледис сразу бросалась на шею соседнему мужчине. Гледис Твистлтон, вышла за Харингуэя. Только загремит, он всех выгонял из гостиной.

Галли оживился, как оживляются все златоусты от собственных рассказов.

— Про Булку Бенджера слышали?

— Кажется, нет.

— Жили мы летом в Сомерсетшире, ловили рыбу. Булка, Пробка, я, еще кое-кто. Началась гроза. А надо заметить, Булка очень много врал. Прекрасный человек, ничего не скажу, но врал — без перерыва. Тогда он хвастался племянницей — и то она умеет, и се. Итак, сидим мы в грозу дома, а он говорит, что эта девица быстрее всех печатает на машинке.

Сью оперлась подбородком о руку.

— Ну хорошо, мы удивились. Казалось бы, хватит. Но остановиться Булка не мог. От этой машинки, видите ли, она быстрей играет на рояле. Не *лучше* — она всегда играла превосходно, а именно быстрее. «Верьте, — говорит, — не верьте, на Marche Funebre у нее уходит сорок восемь секунд».

Мы говорим: «Ну уж прямо, сорок восемь!» Он не сдается: «Да, проверял по хронометру». И тут Пробка, человек честный, возьми и скажи:

«Ты, Булка, врешь. Переврал самого Псину Уилкса» — это был наш пеликанский чемпион. «Опасно сидеть с тобой в грозу» — «Это почему же?» — «А потому, что Бог накажет».

Булка говорит: «Пожалуйста. Если она за сорок восемь секунд не отбарабанит Шопена, пусть наказывает». И что бы вы думали? Ка-ак бабахнет, ка-ак сверкнет — смотрим, а Булка под столом. Очень расстроился. Посмотрел на потолок и говорит: «Ну, что Ты прямо, ловишь на слове!»

Он помолчал.

— Да? — сказала Сью.

— То есть как «да»? — спросил он с той самой интонацией, с какой укорял Всевышнего сам Булка.

— Ой, простите! — спохватилась Сью. — Вы говорили?.. Галахад взял ее за подбородок и посмотрел ей в глаза.

— Хватит, — сказал он. — Больше не верю. Что случилось?

— О, Галли! — воскликнула Сью.

— О, Господи! — воскликнул Галли, испытав тот холодный ужас, какой испытывает человек, когда ему на руку текут слезы.

Через десять минут суровый судья вошел в бильярдную. Из монокля в черной оправе вырывалось пламя.

— А, вот ты где! — сказал он.

Ронни, давно сидевший в углу, туманно на него посмотрел.

— Привет, — откликнулся он.

Дядю он любил, но сейчас ему не обрадовался. Когда ты на дыбе, общаться трудно, тем более — играть в бильярд.

— Я, собственно, ухожу, — сообщил он, чтобы прибить на корню такие помыслы.

Галахад раздулся, как небольшой индюк. Монокль уподобился прожектору.

— Уходит он! — Галли фыркнул. — Интересно! Не-ет, ты сидишь и слушаешь. Скажу все — уходи, прошу. Но не раньше.

Ронни много лет не видел таким своего благодушного родственника и припомнил дни старых, добрых проказ. Вроде бы сейчас он ничего не сделал…

— Что — это — значит? — спросил тем временем Галли.

— Вот и я хочу спросить, — подхватил Ронни, — что это значит.

— Не финти.

— Я не финчу.

— Тогда — отвечай.

— А в чем дело?

Галли указал на дверь большим пальцем.

— Я говорил со Сью.

Ронни покрылся тонким слоем льда.

— Вот как?

— Она плачет.

— Вот как?

Душа его разрывалась. Одна ее часть умирала от мысли, что Сью плачет, другая — управляла бровями, чтобы они поднялись, и спрашивала, с чего бы ей, собственно, плакать.

— Сказано, плачет! Рыдает!

— Вот как?

Галли стукнул кулаком по бильярдному столу.

— Ах, ему все равно! — воскликнул он. — А мне — нет, вот мне — нет. Я любил одну только Долли, и не допущу, чтобы над ее дочерью измывались всякие ничтожества. Поразительно! Физиономия — как земляничный пломбир, а он еще…

Речь эта была сложна, и Ронни уцепился за последнюю фразу.

— А что я могу сделать? Ну, пломбир. Ну, земляничный.

— Мало! Надо бы вишневый. Да я бы черным стал со стыда! И вообще, не в цвете дело. Дело в том, что ты разбил ей сердце. Она говорит, вы разошлись.

— Да, это правда.

Галли опять стукнул по зеленому сукну.

— Стол разобьешь, — предположил Ронни.

— К черту! — заорал Галли. — Какие столы! Я пришел сказать, что ты трус… и сноб…

— Что?!

— …и гад, — продолжал Галли, уподобившись краской своему племяннику. — Нет, такой амебы!.. Такой медузы! Мамаша ему, видите ли, велела! Ах, ах, Сью для нас плоха!

— Что-о-о?!

— Это про дочку Долли! Да она королю в жены годится, а не…

Перейти на личности ему не удалось. По столу стукнул Ронни.

— Что ты порешь? — заорал он. — Какие мамаши? Кто ее бросил? Я, что ли? Она! Она! Она!

— Конечно, чтобы тебя освободить. Разве она вцепится в человека, которому она в тягость?

— Это кто же такой? Я? В тягость! Нет, такого бреда…

— Ты что, еще любишь ее?

— Почему «еще»? Нет, почему «еще»? А ты что думал?!

Галли удивился.

— Тогда с какой стати ты похож на увечную лягушку? От жары? Дорогой мой, доживешь до моих лет, поймешь, что так рисковать нельзя. Тонкие, трепетные девицы разрывают помолвку, буквально чуть что. Купила не ту шляпу… чулок порвался… съели всю яичницу. В общем, при малейшем поводе. Как слуги, их просто тронуть нельзя. Был у меня лакей… ладно, как-нибудь в другой раз. Так вот, их нельзя тронуть, а ты ходишь с таким видом. Она и решила, что ты ее разлюбил. Ну, слава Богу. Пойду, объясню.

— Минутку!

— А, что?

Остановившись на полпути, Галли увидел, что племянник его напоминает факира, который впервые примостился на гвоздях и думает о том, не стоило ли избрать религию полегче.

— Боюсь, — сказал Ронни, — все не так просто.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты все перепутал. Сью меня не любит.

— Чепуха!

— Нет, не чепуха. Она любит Монти Бодкина.

— Что-о-о?!

— Они скоро поженятся.

.— В жизни не слышал такой…

— Я ее не виню, — заверил Ронни. — Никто не виноват. Бывает. Влюбилась. Поехала в Лондон, чтобы с ним встретиться, устроила к дяде Кларенсу. Видишь? Не может без него жить. Вчера была с ним на крыше. А у него… — Ронни справился с голосом, — а у него на груди написано «Сью».

— Правда?

— Сам видел.

— Какая гадость! И больно, к тому же. Я не слышал о татуировках с тех пор, как Джек Беллами…

Ронни поднял руку.

— Только не сейчас!

— Очень интересный случай.

— Позже, ладно?

— Ну, хорошо. Понимаю, тебе не до этого. Просто старый Джек

влюбился в Эсмеральду Паркинсон-Уиллоуби, наколол все это, только поджило — бамц! — влюбился в Мэй Тодд. Подождал бы… Ладно, позже. Так вот, дорогой мой, я никогда не считал тебя особенно умным, но купиться на такую чушь… это… это…

— Чушь!

— Полную чушь. Давай разберемся. Предположим, она ездила в Лондон.

— Как это «предположим»? Мамаша их видела в кафе.

— Уж она увидит! Сестрица у меня… Pardon, тебе она — мать. Хотя моей сестрой она стала раньше. Так что она наплела?

— Она…

— Не надо. Сам узнаю. Теперь послушай меня. Никуда его Сью не устраивала. Она вообще от меня узнала, что он здесь служит. Очень расстроилась. Понимаешь, буквально в детстве они были помолвлены.

— Что!!!

— Задолго до вашего знакомства. Недели две. Сейчас она испугалась, как бы он чего не брякнул, ты ведь у нас кретин, — и я посоветовал съездить, предупредить его. Она поехала и предупредила. Они зашли в кафе. Как видишь, сплошной альтруизм, никаких мотивов, кроме твоего спокойствия. Может быть, это научит тебя не поддаваться самой мерзкой, самой дурацкой страс…

Ронни, глядевший на него в крайнем изумлении, спросил:

— Ты не врешь?

— Конечно, не вру. Если ты до сих пор не понял, что Сью — идеальное создание, а обижает ее как раз…

— Она была с ним на крыше!

— Ну и что? Я тоже бывал с тобой на крыше, но если ты думаешь, что ты мне нравишься… Да Монти вообще влюблен в другую! Он мне сам говорил, такая Гертруда Баттервик. Интересно, в родстве она с Лапой Баттервиком, который тыкал себе в лицо помадой, что бы кредиторы решили, что у него…

Роны и застонал и задергался.

— Господи, что я натворил!

— Да уж, не без того.

— Я негодяй!

— Это верно.

— Меня убить мало!

— Верно и это.

— Нет, такого…

— Хватит, — сказал Галли, — прибереги это для Сью. Сейчас я схожу за ней.

Действительно, через минуту он втащил Сью в бильярдную.

— Так, — властно сказал он. — Действуй. Ползай, лижи паркет, катайся кверху лапами. А я пойду побеседую с моими сестрицами.

Лицо его стало каменно-суровым.

— Ничего, — посулил он, — я им испорчу чай.

Проскакав по лестнице в той манере, какую осуждали его подагрические ровесники, он обнаружил в гостиной только леди Джулию. Она сидела в кресле, курила, листала журнал. Чай, который он думал испортить, уносили Бидж и лакеи.

— Ты опоздал, — сказала сестра. — Видишь, чай уносят.

— Чай! — воскликнул брат и какое-то время только дымился.

— Ну, Джули, — начал он, когда закрылась дверь, — пришла нам пора побеседовать.

— Галли, какой тон! Что-нибудь случилось?

— Сама знаешь, — отвечал он. — Где Конни?

— Кажется, кому-то звонит.

— Что ж, начнем с тебя.

— Галли, что за…

— Отложи журнал!

— Пожалуйста.

Галахад подошел к камину и стал к нему спиной. Да, огня нет, но все же — так вернее.

— Джули, — сказал он, — мне противно на тебя смотреть.

— Да? Почему же?

. — Какого черта ты настраиваешь своего кретина против Сью?

— Ну, что ты!

— А что ты тогда делаешь?

— Возможно, я ему намекнула, что глупо жениться на девушке, если она тебя не любит.

— Ты считаешь, она его не любит?

— Да вроде бы.

— Может быть, она любит Монти?

— Скорее всего.

— Если ты зайдешь в бильярдную. — сказал Галли, — ты переменишь мнение.

Леди Джулия дрогнула.

— Что ты имеешь в виду?

— А ты посмотри. Я лично чуть не заплакал. В жизни не видел такой пары. Вызывает, я бы сказал, чистое умиление. Все невзгоды позади…

— То есть как?

— …плачут, обнимаются. Посмотри, очень тебе советую. Вряд ли там перерыв. Конечно, я побежал к тебе. Уж как ты старалась, и что же? Ничего, мир и любовь.

Галахад расправил фалды, как бы подставляя спину невидимому пламени, и заключил свою повесть:

— Словом, хватит портить им жизнь.

Леди Джулия, при всем своем потрясении, духом не пала.

— Как ты странно выражаешься! Всякая мать дает советы сыну. Бедный Ронни слаб умом и к ним не очень прислушивается, if о если бы ты случайно пошел не в ночной клуб, а в театр, ты бы знал фразы «Это еще не конец» или «Время покажет».

Галли посмотрел на неукротимую леди с чем-то вроде восхищения.

— Однако!

— В каком смысле?

— Ты с детства… ну, сильна духом.

— Благодарю.

— Помню, гувернантки. Придет, увидит Конни и думает: «Какая плохая девочка!» Тут являешься ты — льняные локоны, голубые глазки. Она думает: «Слава Богу!»; и не знает, заметь, что перед ней — самый вредный экземпляр Шропшира.

Леди Джулия радостно засмеялась.

— Ну, Галли!..

Галахад поправил монокль.

— Значит, остаешься на ринге?

— Остаюсь.

— Чем тебе Сью не угодила?

— Не люблю певичек.

— Джули, какая она певичка!

— Я не разбираюсь в их видах. Нет твоего опыта. Певичка — значит певичка.

— Иногда, — задумчиво сказал Галли, — мне хочется тебя утопить.

— Вероятно, в мальвазии.

— Неужели ты не понимаешь, что она — прекрасный человек? Если хочешь, истинная леди?

— Вот скажи, — так, для сведения — она, случаем, не твоя дочь?

— Нет, не моя. Ее отец — капитан ирландской гвардии, Джек

Коттерли. Они с Долли поженились, когда я был в Южной Африке.

Он немного помолчал.

— Сижу я как-то в баре, а один тип говорит: «Знаете, Долли Хендерсон — ну, из «Тиволи» — вышла замуж». Прямо так, с ясного неба!

Леди Джулия взяла журнал.

— Если, — сказала она, — разговор окончен…

— О, нет! — заверил Галли.

— Тогда поскорей, если можно. Что-нибудь занятное?

— В высшей степени.

— Наконец-то! Кстати, это не про мемуары?

— Про них.

— Может быть, если я буду мешать, ты их опубликуешь?

— Вот именно.

Леди Джулия мило рассмеялась.

— Да, Конни мне говорила. Она очень волнуется, а мне вот — совершенно все равно, публикуй, если хочешь. Наконец-то что-то заработаешь, а репутация нашей знати…

— Минутку!

— Да?

— Насколько я знаю, ты замужем за генерал-майором сэром Майлзом Фишем?

— Конечно.

— Что ж, обратимся к сэру Майлзу.

Леди Джулия приподнялась в кресле.

— Когда он на тебе женился, — продолжал Галахад, — он был великолепным полковником. Помню, ты даже сетовала на безупречность его манер. Поверь мне, Джули, когда добрый старый Фиш начинал свой путь — ты в это время отравляла жизнь нашим гувернанткам, — выдумка его и блеск поражали Лондон.

— Галахад! — воскликнула леди Джулия. — Неужели ты…

— Кто ехал на велосипеде в нежно-голубых кальсонах? — спросил историк, грозно устремив к ней палец.

— Галахад!!

— Кто, вернувшись с Нового года, принял ящик для угля за бешеную собаку и долго в него стрелял?

— Галахад!!!

— Кто…

Тут и вошла леди Констанс.

— А, Конни! — приветливо заметил брат. — Мы вот болтаем. Джули

расскажет, я спешу. Дополнительные сведения — в главах III, XI, XVI и особенно XX.

В бильярдной, как он и предполагал, перерыва не было, и он пожалел, что не может сделать фото для любимой сестры.

— Молодец! — признал он. — Великолепно!

Ронни смущенно поправил галстук. Он не слышал, как открылась дверь. Сью подбежала к Галахаду и поцеловала его.

— Ах, зря! — заметил он. — Мало ли, Ронни подумает!

— Не дери душу, — попросил Ронни.

— Хорошо, не буду. Скажу только, что из всех молодых хлыщей…

— Он не хлыщ! — воскликнула Сью.

— Дорогая моя, — ответил Галли, — я вырос среди хлыщей, я среди них сформировался. Я состоял в клубах, где одни хлыщи. Кого-кого, а хлыща я всегда узнаю. И вообще, речь не об этом. Речь о моих мемуарах.

Ронни странно вскрикнул.

— Кто бы он ни был, — продолжал Галли, — от него зависит все. Если рукописью завладеют эти дамы, готовые ради нее уподобиться зверям полевым…

— Дядя Галли! — заорал Ронни.

— Ронни, дорогой! — воскликнула Сью. — Что случилось?

Всполошилась она не зря. Безукоризненный пробор, безукоризненный жилет — все пошло прахом. Глаза безумно вращались.

— Говорю я, — продолжал невозмутимый Галли, — о твоей матери и леди Констанс. Ты удивишься, но за моей книгой охотится и твой Бодкин. Как ни прискорбно, он — первостатейный гад. Его нанял Тилбери, в девичестве — Скунс. Почему ему дали титул, представить себе не…

— Дядя Галли!

— Да, что?

Холодное спокойствие снизошло на Ронни.

— Монти тут был, — ответил он. — Просил рукопись. Я сказал ему, где она. Вероятно, теперь она у него.

Глава XI

Нет на земле совершенной радости. Как заметил один древний римлянин, только расслабишься — surgit aliquid amari. Забрав рукопись, полюбовавшись ею, переместив к себе, полюбовавшись снова и спрятав в надежное место, Монти несколько поостыл, ибо представил себе беседу с Пилбемом. Он не любил неприятных сцен, а эта, судя по всему, обещала стать просто гнусной. У Пилбема есть к тому основания.

Посудите сами, мог сказать он, сыщики — тоже люди. Предположим, Шерлок Холмс буквально вылез из кожи, чтобы найти бумаги адмиралтейства, и тут ему говорят: «А, да, кстати! Помните эти бумаги? Так вот, плюньте. Мы их нашли». Расстроится он? Еще бы! Расстроится и Перси Пилбем. Словом, Монти совсем не хотелось делиться с ним новостью.

Но что поделаешь! Сыщик сидел в курилке, массажируя усы, и Монти робко начал:

— Ах, вот вы где!

Сыщик на него посмотрел. Взгляд был мутный, и совесть затрепетала. Человек старается, думает…

— А, Бодкин, — сказал тем временем Перси. — Вы мне и нужны. Я думал…

Страшно страдая, добрый Монти решил нанести удар сразу.

— Это видно, — произнес он. — По глазам. Ничего, больше не думайте. Выключите мозг. Она у меня.

— Э?

— Я взял рукопись.

— О!

— Да, да, взял.

Они довольно долго молчали.

— Так, — сказал Пилбем. — Прекрасно. Хорошо спрятали?

Монти стало легче. Какой, однако, милый человек! В таких обстоятельствах… Жуть, какой милый.

— Что с ней делать будете? — спросил сыщик.

— Отнесу в «Герб», такому Тилбери.

— Это лорду, что ли?

— Да, — удивился Монти. — Вы знакомы?

— Я у него работал. Издавал «Сплетни».

— Нет, правда? А я сотрудничал в «Малыше». Мы прямо родственники!

— Зачем она ему?

— У него контракт. Если ее не печатать, он теряет много денег.

— Ага, ага, ясно. Я думаю, неплохо заплатит.

— Мне деньги не нужны, у меня деньги есть. Мне нужна служба. Он обещал меня взять, если я принесу рукопись.

— Значит, отсюда уходите?

Монти засмеялся.

— Сами выгонят. Если б старик застукал, вчера бы турнули.

— А что такое?

— Вашего Тилбери заперли. Накрыли его с этой свиньей, он ей картошку давал, а они подумали — он ее чем-то травит. Ну, заперли, а я выпустил. Узнал бы старик, ноги моей здесь бы не было.

— Это уж точно! — согласился сыщик.

— Старикашка — будь здоров, — развил свою мысль Монти. — Вечно одни бзики. То у него тыквы, то свиньи, скоро будут кролики… куры какие-нибудь… цветочки…

— Не без того, — признал Пилбем. — Когда ее понесете?

— Прямо сейчас.

— Не стоит, — сыщик покачал головой. — Нет, не стоит. Подождите, пока уйдут переодеваться, а то еще на Трипвуда напоретесь.

— Верно.

— Или на эту Конни.

— На леди Констанс?

— Тоже за книжкой охотится. Хочет ее сжечь.

— Ух ты! Здорово вы поработали, все разузнали.

— На том стоим.

— Как иначе, сыщик! Ладно, подожду, спасибо.

— Не за что. Пилбем встал.

— Уходите? — осведомился Монти.

— Да. К старичку. Где он, не знаете?

— Нет.

— Наверное, у свиньи.

— Да, наверное. А что такое?

— Просил одну штуку узнать.

— И на него работаете?

— Ну! Потому я и здесь.

Монти стало еще легче. Если старикашка заплатит — совсем другое

дело. Но какой милый человек!

Девятый граф был не у свиньи, не в ее домике, но рядом. Смутно ощутив, что немножко вымок, он спрятался в сарайчике, но теперь уже стоял у перилец, беседуя со свинарем. Сыщику он обрадовался.

— Вы-то мне и нужны, мой дорогой. Мы хотим ее переселить. То есть, я хочу, а Пербрайт не хочет. Я его понимаю. Да, да, мой дорогой, — обратился он к Пербрайту, — понимаю. Конечно, она привыкла, может расстроиться, еще потеряет аппетит. Вы согласны, мои дорогой? — обратился он уже к Пилбему.

— Д-дэ, — отвечал тот без должного интереса.

— С другой стороны, — продолжал граф, — против нее плетут козни. Здесь она слишком далеко, слишком, э, а, на отшибе. Да Господи! — воскликнул он. — Парслоу может к ней пробраться, и никто не услышит. А там рядом Пербрайт, его домик. Чуть что, он выскочит из постели и кинется к ней. Видимо, эти слова и побудили верного слугу покачать головой, угрюмо мыча что-то вроде: «Ныа!..» Он любил поспать.

— Мой дорогой, — спросил граф, — что бы вы посоветовали?

— Я бы переселил, — ответил сыщик.

— Правда?

— Д-дэ.

Пенсне засветилось кротким торжеством.

— Вот, — сказал лорд Эмсворт, — вот вам, мой дорогой, авторитетное мнение. Если уж мистер Пилбем так говорит, значит — переселяем.

— Ды, — отвечал свинарь.

— Можно сказать вам два слова? — осведомился сыщик.

— Конечно, конечно! Только сперва скажу я. Вы их не забудете?

— Нет, что вы.

— А я все время забываю. Сестра очень сердится. Однажды она сравнила мои мозги с решетом. Это очень умно, в решете такие дырочки…

Пилбем недавно познакомился с графом, но уже понял, что перебивать его надо вовремя.

— Что вы хотели сказать? — напомнил он.

— Э? А, сказать! Да, да, да, да. Вспомните вчерашний день, то есть вечер. Я все думал, как этот субъект вышел из темницы. Он…

— Я помню.

— Пербрайт сидел в засаде, — продолжал граф, — это я ему велел, и вдруг он видит, что ее травят картошкой. Он его схватил, запер, и пошел мне доложить. Дверь он закрыл на засов…

— Я знаю.

— …так что выйти он не мог, то есть субъект, не Пербрайт. Возвращается — Пербрайт, не субъект, — а дверь открыта, его нет, это уже субъекта. Сейчас я попросил, чтобы он, то есть Пербрайт, запер там меня. Хорошо, он запер — и что же? Оттуда *невозможно* выйти. Это вам ничего не говорит?

— Что ж тут говорить, кто-то выпустил.

— Вот именно. Конечно, мы никогда не узнаем…

— Почему? Я знаю.

— Знаете?

— Да.

— Пербрайт, мистер Пилбем знает.

— Ыр!

— Удивительно!

— Ы-ы-ы.

— В жизни бы не поверил! А вы, мой дорогой?

— Ы-а-у

— Прекрасно, прекрасно, превосходно. Что же я хотел спросить? А, да! Кто же это?

— Бодкин.

— Бодкин?

— Ваш секретарь.

— Так я и знал! Так я и знал, что он — пособник Парслоу! О-э-а… Выгоню!!! — вскричал граф, достигая верхнего си. — В конце месяца!

— Лучше прямо сейчас.

— Лучше, мой дорогой, намного лучше. Где он?

— Я за ним схожу.

— Не хотелось бы вас затруднять…

— Ну, что вы, — заметил Пилбем. — Я только рад.

Глава XII

Когда Монти Бодкин и Галли Трипвуд мучались одной мыслью — где он, Перси Пилбем вынырнул из замка. Парадный вход его не привлекал. Едва отряхнув пальцы (все ж под кроватью — пыльно), он направился к черной лестнице, миновал закоулки и переходы, очутился в гулком коридоре, а уж оттуда до задней дверцы — просто один шаг, встретил он только горничную.

Все в нем — и побежка, и ухмылка, приподнявшая мерзкие усики, и пронырливый нос, и даже фестоны глянцевой прически — говорило о довольстве собою. Мозги, думал он, вот что полезно в этой жизни. Мозги и хорошая хватка.

Перед ним лежал долгий путь. Чтобы избежать неуместных столкновений, он решил обойти задами владения лорда Эмсворта и выйти на большую дорогу где-нибудь у Матчингема. Конечно, его подбросят до Маркет Бландинга, а там можно сесть на первый же поезд. Такой вот план.

Одного не предусмотрел он — капризов погоды. Когда он вышел в сад, сияло солнце; сейчас его скрыли тучи. По-видимому, надвигалась недолгая, но бурная гроза. Проурчав для начала над холмами, она уронила каплю на лицо сыщика, а по ту сторону огорода встретила его солидным ливнем.

Как и Галахад, Пилбем не любил сырости. Он поискал укрытие и увидел небольшой домик. Городскому жителю не разобраться в сельских строениях, но черепичная крыша сулила защиту, он поспешил туда — и вовремя, ибо через мгновение мир укрыла стена потопа. Сыщик забился в угол, где сел на солому.

Что тут делать, если не мыслить? Он мыслил, поверяя свой план. Нет, думал он, не надо относить рукопись Тилбери, лучше устроить аукцион, где выступят этот лорд и леди Констанс. Мысль эта давно искушала его, но он не знал, куда спрятать товар.

И впрямь, в сельском доме мало тайников, точнее — их мало у гостя. Он ограничен своей комнатой, а это — ненадежное место. Перси Пилбема поражала самая личность леди Констанс. Такая женщина, думал он, тянуть не будет, полчаса — и добыча у нее.

А вот здесь — совсем другой разговор. Он огляделся. Да, местечко заброшенное. Видимо, никто сюда не ходит. И вообще, можно прикрыть соломой.

Перси Пилбем встал и старательно спрятал рукопись. Солома была хорошая, очень невинная с виду.

Тем временем в щели проникло солнце. Гроза миновала. Довольный собой, сыщик вышел, направился к замку и встретил в холле дворецкого.

— Ее светлость, — сказал тот, — желает видеть вас, сэр. Будь он помоложе, потоньше и ниже чином, он бы — а что такого? — свернул бы сыщику шею. Он-то знал, что такое эти мемуары для мистера Роналда и его невесты. Но что поделаешь! Пришлось удовольствоваться упомянутыми выше словами, выразив чувства лишь изгибом губы.

Перси был слишком горд, чтобы замечать всякие изгибы. Если он их и заметил, то принял за нервный тик.

— Это леди Констанс? — уточнил он.

— Да, сэр. Ее светлость в гостиной.

То, что владелец Золотого Бальзама назвал бы живительным жаром, стало утекать. Пилбем покрутил усы, хмыкнул «Гм» — но тут же вспомнил, что природа, в своей неисчерпаемой мудрости, нашла управу и на этих леди.

— Ладно, — согласился он. — Принесите шампанского, я подумаю.

Бидж пошел за шампанским. Он был невесел. И то сказать, дворецкий не судит, не отделяет правых от неправых, а носит вино субъектам, которым, будь его воля, предложил бы хороший мышьяк.

Вечный спор между долгом и чувством окончился победой долга.

Отчет сестры о беседе с их общим братом укрепил леди Констанс в мнении, что эту, как она выразилась, тягомотину надо кончать. Перси Пилбем получил задание пи дня назад, но, судя по всему, не мычал и не телился. Она понять не могла, чем он пленил сэра Грегори, что и сообщил! сестре, которая с ней согласилась.

Тем самым, через четверть часа сыщик предстал перед трудной аудиторией. Если бы шампанское действовало хотя бы немного медленней, он оледенел бы под струей аристократического холода. Но так леди Констанс, надменно взиравшая на него с высокого кресла, словно Клеопатра на раба, только позабавила его. Голова немного кружилась, но дух был легок. Если бы хозяйка предложила спеть дуэт, он бы согласился.

— Бидж говорил, вы меня звали, — сказал он, не очень четко выговаривая славное имя.

— Садитесь, мистер Пилбем.

Это ему понравилось. Духовно он цвел, а вот ноги…

— Меня, — продолжала леди Констанс, — интересует эта книга.

— Ну! — одобрил сыщик, мягко улыбаясь. Что может быть лучше, чем поболтать о новых книгах с культурной женщиной. Он собирался об этом сказать, но взгляд его упал на четвертую графиню (Эмилия Джейн, 1747–1815), и она его так рассмешила, что, откинувшись в кресле, он вдоволь похохотал.

— Мистер Пилбем!

Прежде чем он объяснил, что графиня — вылитый Бестер Китон,[35] леди Констанс заговорила.

— Я не понимаю, — звонко И властно сказана она, — что вы здесь делаете. И я, и сэр Грегори все вам объяснили. А где результаты? Сэр Грегори считает, что вы предприимчивы. На мой взгляд, в вас не больше предприимчивости, чем…

Она остановилась, подыскивая образ, и сестра подсказала: «В слизняке». Надо сказать, волнение ее прошло. Леди Джулия снова была сдержанна и саркастична. С любопытством глядя на Пилбема, она пыталась поставить диагноз, ибо явственно ощущала, что поведение его не соответствует норме.

— Да, — одобрила леди Констанс, — именно в слизняке.

— Я бы сказала, намного меньше, — присовокупила леди Джулия.

— Меньше, — согласилась ее сестра.

— Не может быть сравнения, — завершила дуэт леди Джулия. — Слизняки бывают очень проворными.

Пилбем терял задор. Он даже хмурился. Слабо владея разумом, он все-таки подозревал, что с ним не особенно любезны.

Пилбемы, как таковые, умели постоять за себя. Не трогай их — и они не тронут; но перейди черту — и жди страшной расплаты. Именно Пилбем, Эрнст Уильям, из Ист-Далиджа, подал в суд на соседа, который кидал улиток через изгородь. Другой Пилбем, Клод, отказался сдать шляпу и зонтик в Музее естественной истории. Перси был их достоин.

— Вы назвали меня слизняком? — проверил он на всякий случай.

— Это метафора, — сказала леди Джулия.

— А! — успокоился он. — Тогда ладно.

Леди Констанс снова приступила к обвинительной речи:

— Вы до сих пор не выяснили… Пилбем игриво улыбнулся.

— Да? Не выяснил?

— А что? Выяснили?

— Еще как!

— Тогда почему вы нам не скажете? Где она? Вы говорили, что в столе ее нет. Что ж, Галахад ее отдал?

— Отдал. Ну, у вас такой Бич…

— Бич?

— Проникая вглубь, — подсказала леди Джулия, — я думаю, речь идет о Бидже.

Леди Констанс издала радостный вопль. На это она и не надеялась. Кто-кто, а дворецкий ей подчинялся.

— О Бидже? — Глаза ее загорелись. — Я его немедленно вызову!

Пилбем искренне рассмеялся.

— А чего звать? Толку не будет. Не-е-ет, не будет… Леди Джулия диагноз поставила.

— Простите за нескромность, — сказала она, — вы, часом, не напились?

— Напился, — радостно ответил сыщик.

— Так я и думала.

Сестру ее занимало не столько его физическое состояние, сколько темнота его речей.

— Выпил, знаете, — развил тему Пилбем. — Шам-пан-нссс-и-ик! На голодный желудок.

— Тебя волнует желудок мистера Пилбема, Конни? — осведомилась леди Джулия.

— Нет, Джули, не волнует.

— Равно как и меня. Не отвлекайтесь, мой друг. Почему не будет толку, если мы вызовем Биджа?

— У него ее нет.

— Вы говорили, есть.

— Нет. Была. Отдал Ронни.

— Моему сыну?

— Ага. Я его зову Ронни.

— Как мило!

— Он хотел мне шею свернуть.

— Да, конечно, это сближает. Значит, рукопись у Ронни?

— Нет.

— Вы говорили, у него.

— Была. Дал Бонти Модкину.

— О, я не могу! — вскричала леди Констанс.

Пилбем огляделся, но не понял, что взволновало хозяйку. Видимо, померещилось.

— Да оставь ты его, — продолжала прекрасная леди, — он заговаривается.

— Постой, Конни. Может быть, я ошибаюсь, но что-то из этого выйдет. Рукопись передают по цепочке. Еще немного — и мы узнаем, кому ее вручил Бодкин.

Пилбем звонко рассмеялся.

— Вручил! Ловко, а? Вручил! Да я за ней ползал под кровать!

— Что?!

— Ударился.

— Вы хотите сказать, — осведомилась леди Констанс, — что все это время она у вас?

— Говорила я, Конни, что-то выйдет.

— Да, Конни, — отвечал Перси Пилбем, — у меня.

— Что ж вы сразу не сказали? Где она?

Пилбем игриво погрозил пальцем.

— Мистер Пилбем, — сказала леди Констанс со всей своей надменностью, — я требую, чтобы вы сообщили нам, где рукопись.

Это было неудачно. Сходство с подвыпившим эльфом мгновенно исчезло, сменившись угрюмостью и упрямством. Из маленьких глазок смотрел боевой дух Альберта Эдварда, который отказался платить штраф и просидел неделю в тюрьме.

— Мдэ? — сказал он. — Вот как, требуете? Легче на поворотах. Разрешите сообщить, что спрятана она в надежном месте. Там и будет, пока не отдам Тилбери. Так-то, любезная Конни.

— Джули, что он говорит? — растерянно спросила леди Констанс.

— Постой, постой, — сказала леди Джулия. — Я бы на вашем месте, мистер Пилбем, не связывалась с лордом Тилбери. Если подойти к делу разумно, мы можем договориться.

Пилбем, направлявшийся к двери, схватился за стол, чтобы удержать равновесие.

— Поздно, — отвечал он. — Поздно, меня оскорбили. Конни, видите ли! Кто ей позволил так разговаривать? Все. Отдаю Тилбери. Ждет в «Гербе», пока. — И Перси исчез.

Леди Констанс обратилась за разъяснениями к сестре.

— Не понимаю! Какой Тилбери?

— Издатель, мой ангел, издатель, с которым у Галахада контракт.

— Так он же ее опубликует!

— Естественно.

— Я не допущу!

— Как? У него — контракт.

— Что ж, ничего нельзя сделать?

— Ну, позвони сэру Грегори, пригласи его к нам. Кажется, он умеет обращаться с этим гадом. Хотя вряд ли. Он сейчас не в духе. Ах, Конни, иногда я мечтаю, чтобы ты была… попроще. Приятно видеть тебя в действии, просто слышишь рыцарские трубы — но все-таки немножко… обескураживает.

А в кабачке «Герб Эмсвортов» лорда Тилбери позвали к телефону. Это хлыщ Бодкин, предположил он, этот надломленный тростник, на который он чуть не оперся. С ним надо построже.

Еще тогда, после беседы в саду, магнат решил, что положиться можно только на одного человека, такого Пилбема, который когда-то издавал под его эгидой «Светские сплетни». Воровать в узком смысле слова шеф его еще не просил, но верил, что он на это способен, конечно — за хорошие деньги. Теперь, в виде сыщика, он даже теснее связан с таким видом деятельности. Словом, лорд думал о том, не решит ли все телеграмма в «Аргус».

Останавливало одно — как запустить Перси в замок? Сыщик — не хорек, замок — не кроличья нора. Именно это побуждало оставить мечты, а заодно — прибавляло суровости, которую он и проявил, поднося к уху трубку.

— Да? — рявкнул он. — Кто там? И услышал:

— Привет, Тилбери! Это я, Пилбем.

Глаза у магната вылезли, как у крупной улитки. Такие случайности, собственно, и называются чудесами.

— Говорю из замка, — продолжал голос.

— То есть как?

Трубка задрожала. Что это, прямой ответ на молитву или слуховая галлюцинация?

— Да, из замка, — подтвердил голос. — Эй, где вы! Тил-бе-ри! Ничего, что без лорда? Я, знаете, подшафе.

— Пилбем! — выговорил пэр. — Я не ослышался, вы в замке?

— Ну!

Человек, создавший издательство «Мамонт», не тратит время на пустые слова. Другой спросил бы: «Как вы туда попали?»; другой — но не этот. Все в свое время.

— Пилбем, — сказал лорд Тилбери, — это чудо! Езжайте немедленно сюда. Есть срочное дело.

— Дело?

— Дело.

В голосе появилась металлическая нота:
— А что мне с этого будет?
Лорд Тилбери быстро прикинул в уме.
— Сто фунтов, — ответил он и чуть не оглох от какого-то мерзкого звука. Видимо, это был саркастический смех.
— Двести!
— Слушайте, Тилбери, знаю я это дело. Одна рукопись…
— Да, да!
— Тогда разрешите сообщить, что мне предлагали пятьсот, предложат и тысячу. С вас больше не возьму. Думайте побыстрей. Тысяча — моя цена.
Лорд Тилбери подумал быстро. Мало кому во всей Англии становилось так худо при мысли о разлуке с деньгами, но сопоставлять он умел. Что тысяча фунтов в данном случае? Так, наживка для кита.
— Хорошо.
— Заметано?
— Я сказал, хорошо.
— Молодец! — одобрил голос. — Сидите там. Принесу, как говорится, искомое.
— Что?!
— Ис-ко-мо-е. Ладно, ариведерчи! Устал я, что ли?.. Пойду, лягу. Пока! Пип-пип!
Судя по звяканью, Пилбем повесил трубку. Когда он уже засыпал, кто-то стал к нему ломиться. Он мрачно спросил:
— Это кто?
— Откройте, увидите!
— Галли, да?
— Я вам покажу «Галли»!
— Чего надо?
— Поговорить.
— Идите, идите, — сказал сыщик. — Некогда мне, сплю. Передайте, пусть к обеду не ждут. Устал, что ли…
— Вы у меня устанете!
— Как это «у вас»? — поправил сыщик. — Я у себя.
И, неназойливо радуясь своей находчивости, откинулся на подушки. Ручка крутилась всуе. Дверь трещала. Потом наступила тишина, прерываемая мирным храпом.

Глава XIII

Тьма окутала замок, ласковая тьма, которая к концу летних дней смыкается, как бархатный занавес. И алые, и белые цветы,[36] естественно, уснули. Ухали совы; шуршали кусты, поскольку мелкие ночные твари спешили по каким-то своим делам. Запах влажной земли сливался с благоуханием штокроз и желтофиолей. Звездное небо просекали летучие мыши, а легкие мотыльки метались в золотом луче, вылетавшем из окна столовой. Был час, когда мы забываем свои заботы за пиршественным столом.

Но те заботы, которые терзали обитателей замка, не поддались бы яствам и питью. Суп ушел, как пришел. Ушла и рыба. Пришли предварения к жаркому и еще не ушли. Над столом, словно туман, висел покров скорби. Даже девятый граф, не склонный к унынию, ощущал, что обед испорчен присутствием сэра Грегори.

Что до самого сэра, недавние вести сокрушили бы для него и десять обедов. Как ясно выразил это в бессмертном труде былой приятель (см. гл. IV, VII, XI, XVIII), юность его была легкомысленной, но сейчас, уже в годах, он смотрел на жизнь очень серьезно. Серьезной была его тяга в парламент; а если Пилбем, выполнив угрозу, отдаст рукопись Тилбери, шансов практически нет. Кого-кого, а местный комитет он знал. Прочитай тот о креветках — и все псу под хвост.

Сюда он пришел, дабы спорить с сыщиком, умолять, взывать к лучшим чувствам, если они существуют, — и что же? Сыщика нет. Не с кем спорить, не к кому взывать, некого и умолять.

Где он, так его так?

Тот же самый вопрос мучал и леди Констанс. Неужели, выйдя зигзагом из гостиной, он направился к лорду Тилбери?

В слова воплотил все это лорд Эмсворт, какое-то время оглядывавший стол сквозь сдвинутое пенсне тем взглядом, каким глядит кошка, производя поверку своих котят.

— Бидж! — сказал он.

— Милорд? — откликнулся несчастный, чью утробу вконец изгрызла лиса.

— Бидж, я не вижу мистера Пилбема.

— Мистер Пилбем у себя, милорд. Лакею он сообщил, что к обеду не выйдет. Головные боли, милорд.

— Я тоже к нему стучался, — поддержал его Галли. — Мне он сказал, что хочет спать.

— Ты не зашел?

— Нет.

— Надо было зайти. Может, ему плохо.

— Если б я зашел, было бы еще хуже.

— Голова больше болела бы?

— Куда больше! — сурово заверил Галли, беря соленую миндалину.

На трех участников новость подействовала точно так, как действует дождь на скошенный луг,[37] каплями орошая землю. Леди Констанс похорошела, словно освежившийся цветок; то же самое скажем мы и о леди Джулии. Сэр Грегори, кроме этого, вздохнул с таким облегчением, что погасил свечу. Шесть глаз (попарно) переглянулись, одаряя друг друга радостной вестью.

— Ой, Господи! — сказал лорд Эмсворт. — Только бы он не разболелся! От этих гроз чего не бывает! Перед обедом и у меня побаливала голова. Надо будет к нему сходить, сейчас это очень некстати. — И граф метнул в сэра Грегори такой взгляд, что тот разлил полбокала.

— Почему? — осведомилась леди Джулия.

— Неважно, — отвечал граф.

— Понимаешь, — объяснила леди, — мне, лично мне, кажется, что головная боль мистера Пилбема всегда кстати. Не говоря об ангине, чахотке, лихорадке, жабе и чуме.

Из полумглы раздался нежный, тонкий звук, напоминающий утечку газа. Бидж выражал свои чувства в той форме, какую допускал этикет.

У лорда Эмсворта чувства были иными.

— Джулия! — укоризненно вскричал он. — Зачем ты так говоришь?!

— Не успела придумать ничего похуже.

— Тебе не нравится мистер Пилбем?

— Кларенс, придерживайся действительности. Он никому не нравится. Есть люди, которым он нужен, вот и все. А так бы его давно отравили.

— Ты не права, — возразил лорд Эмсворт. — Он прекрасный человек. Некоторые, — и он метнул взгляд в баронета, — покушались на мою свинью. Благодаря его советам, она — вне их досягаемости. Прекрасный человек. Пошлю ему вина.

— С него вроде хватит.

— Э?

— Так, неважно.

— Вино помогает при мигрени, — объяснил граф. — Расширяет сосуды.

— Сколько можно о нем говорить? — властно вмешалась леди Констанс. — Я устала от вашего Пилбема! И от твоей свиньи, Кларенс. Ради Бога, выберем тему поразумней!

Естественно, после этого воцарилось глухое молчание. Правда, когда расставляли тарелки для десерта, леди Джулия подняла бокал и провозгласила:

— Помянем усопшего!

Однако сыщик не усоп. В самый момент тоста он, словно заведенный, сел на постели и уставился в темноту. Примерно с минуту он соображал, где он. Ощущения были неприятны. Даже черная смерть, о которой с такой теплотой отзывалась леди Джулия, терзала бы не больше, если вообще не меньше.

Пытаясь припомнить, что привело к беде, он обнаружил, что память работает выборочно. Ясно он знал одно: как-то, почему-то, его оскорбила леди Констанс. Глубокая досада охватила его, такая досада, что он решил отомстить. Аукцион? Да ни за что! Рукопись надо прямо отнести лорду Тилбери.

Когда он дошел в своих размышлениях досюда, взорвалась бомба или, что, в сущности, не лучше, кто-то постучал в дверь.

— Можно, мой дорогой?

Голос он узнал, голос единственного друга. С кем с кем, а именно с ним грубым быть нельзя. Скрепив свое истерзанное сердце, сыщик отворил.

— Вам получше? — спросил граф. — Вижу, вы встали. Нам так не хватало вас, мой дорогой! Мы все думали, как вы тут. Моя сестра Джулия беспокоилась, не подхватили ли вы чумы. Странно. Кто теперь болеет чумой? Ни единого случая, — сообщил девятый граф, от полноты чувств роняя в камин щепку, которой он пытался балансировать на гребенке. — Я лично вообще не представляю, *как* болеют чумой.

Перси Пилбем ощутил, что он уже подвергается вечным мукам. От манипуляций со щепкой болела голова, от темы — что и говорить!

— Дело в том, — продолжал граф, подвигая мыльницу влево, графин — вправо, одно кресло — к двери, а другое — к окну, — дело в том, мой дорогой, что вас утомила гроза. Мне кажется, вам бы надо подышать. Свежий воздух помогает от головной боли. Я собираюсь к Императрице, не составите ли компанию? Прекрасный вечер, луна, у меня фонарик.

Оторвавшись от своих занятий — в данный момент он тыкал в зеркало сапожным крючком, — граф достал из кармана упомянутый предмет и направил пламенный луч в воспаленные глаза гостя.

Это и решило дело. Содрогнувшись от боли, сыщик сказал, что с удовольствием нанесет визит прославленной свинье.

Действительно, на дорожке ему стало получше. Как справедливо заметил лорд Эмсворт, вечер был прекрасен. Даже горожанин мог оценить блаженное спокойствие парка под милостивой луной. Словом, сыщик настолько ожил, что ярдов через сто отважился на ремарку:

— А мы не в другую сторону идем?

— Вы забыли, мой дорогой, — откликнулся граф, играя фонариком с той радостью, с какой осваивает ребенок новую игрушку. — Как раз перед обедом мы ее переместили. Помните, вы советовали?

— Да. Помню.

— Пербрайт был против. Вероятно, ему кажется, что ей там хуже. Но я за всем присмотрел, она довольна, э, а, довольна. Прекрасно ела ужин!

— Это хорошо, — рассеянно ответил сыщик.

— А? Э?

— Хорошо.

— Ах, хорошо! Конечно, конечно, очень хорошо. Я был исключительно рад. Ей опасно оставаться на прежнем месте. Знаете, моя сестра Констанс пригласила этого Парслоу! Да, да, да, к обеду. Конечно, это он и подговорил, чтобы незаметно выскользнуть и сделать *ей* какую-нибудь пакость. То-то удивится, хе-хе! Пришел — а домик пустой. Хорош он будет, нечего сказать! Как говорится, в замешательстве.

Лорд Эмсворт прервал свою речь, дабы отсмеяться. Пилбем попытался выдавить хоть какое-то эхо.

— Новый домик, — продолжал граф, шестикратно включив и выключив фонарик, — очень удобен. Собственно, я его для *нее* и заказал, еще весной, но Пербрайт воспротивился. Может быть, вы не знаете, но эти шропширцы упрямы, как шотландцы. У меня садовник шотландец, он упрям, как мул. Напомните, я вам расскажу, что у нас было из-за штокроз. Пербрайт, в сущности, не мягче. Я ему говорил: «Одумайтесь, мой дорогой! Такой замечательный домик, последнее слово техники, а главное (наверное, главное!), он у самого огорода…».

Звук, вырвавшийся из тьмы, тронул его доброе сердце.

— Мой дорогой! — вскричал он. — Что, голова?

— У о-го-ро-да? — провыл сыщик.

— Да. Это очень удобно, Пербрайт рядом живет. Наверное, вы видели

как-нибудь, такой кирпичный домик, с хорошей крышей. Да вот он! *Она* спокойна, все тихо, говорил же я!

Быть может, она и была спокойна, чем отличалась от Пилбема, который в страшной тоске рухнул на перильца. В свете фонарика Императрица являла поистине волшебное зрелище. Опустив долу прекрасный лоб, непрестанно дрожа завитушкой хвостика и даже дирижаблем фигуры, она доедала поздний ужин. Но сыщик не был склонен любоваться красотой. Он пытался принять непредвиденное горе; и горше всего была мысль, что виноват он сам, его легкомысленный совет.

Свиней он боялся. Вроде бы где-то он читал, что если ты войдешь в стойло к незнакомой свинье, она разорвет тебя на ленточки, словно какой-нибудь тигр. Никакие деньги — а он был до них жаден — не вынудили бы его вырвать манускрипт у этой озверелой твари. Может быть, блудный сын и общался с ними, как в клубе, но порядочным людям он в конце концов — не указ.

Мы не можем сказать, сколько простоял бы он в тоске, но его прервал окрик:

— Ой, Господи!

— Что такое? — спросил он несколько резче, чем спрашивают гости у хозяев.

Фонарик плясал и метался в руке девятого графа.

— Ой, Господи, что она есть? Пербрайт, Пербрайт! Мой дорогой, вы не видите, что она ест? Пербрайт!!! Неужели *бумагу?*

Граф перегнулся через перильца. Свет фонарика дергался, как гелиограф, над чем-то непонятным. Кто-то скакал галопом во тьме.

— Пербра-айт!

— А, мммм?

— Пербрайт, вы давали ей бумагу?

— Э-э-э, мммм.

— Тогда что же она есть?

— А, мммм?

— Бумагу. Смотрите. Ой, Господи! — вскричал несчастный лорд, останавливая фонарик. — Да это рукопись Галахада!

Глава XIV

В то самое время, когда граф пришел осведомиться о здоровье сыщика, сестры его Констанс и Джулия, а также гость и сосед сэр Грегори обсуждали в гостиной, что же делать.

Тон они с самого начала взяли высокий. До сих пор, по ряду причин, сэр Грегори знал немного; услышав же от леди Джулии, что всеми бедами он обязан вельможной бестактности ее сестры, тихо охнул, метнул в леди Констанс гневный взгляд и стал щелкать языком.

Всякий разумный человек угадал бы, что будет. С одной стороны, ни одна женщина не допустит, чтоб на нее щелкали; с другой — хозяйка не вправе грубить гостю. В поисках выхода леди Констанс накинулась на сестру, а та, всегда готовая к доброй семейной сваре, радостно включилась, прежде чем злосчастный баронет понял, что, посеяв ветер, пожинает бурю.

Мы говорим об этом для того, чтобы объяснить, почему Главный Штаб далеко не сразу решил связаться с сыщиком. Наконец, прорвавшись сквозь гул битвы, баронет воскликнул:

— Да спросим его самого!

Слова эти мигом усмирили гневную страсть. Отложив до случая наиболее удачные реплики, прекрасные дамы вызвали Биджа, а потом — послали его к Пилбему, с приглашением спуститься на минутку. Наконец Бидж вернулся и сообщил, что сыщика на месте нет.

— Нет? — спросила леди Констанс.

— Нет?! — вскричала леди Джулия.

— Должен быть, — прибавил сэр Грегори. — Болит голова, ушел к себе, лег — значит, должен быть.

— Вы тихо стучали, — предположила леди Констанс.

— Постучите еще, — посоветовала леди Джулия.

— Дайте в дверь ногой, — вмешался сэр Грегори. Бидж был почтителен, но тверд.

— Не получив ответа, миледи, — сказал он, — я взял на себя смелость заглянуть в комнату. Там никого нет.

— Нет?

— Нет?!

— То есть как это нет? Бидж склонил голову.

— Комната пуста, сэр.

— Он в гостиной, — предположила леди Констанс.

— Или в бильярдной, — подхватила леди Джулия.

— Я посетил обе комнаты, миледи, равно как и ванную. По-видимому, мистер Пилбем пошел погулять.

— Спасибо, Бидж, — сухо сказала леди Констанс.

Дворецкий поклонился и вышел. Царило молчание. Сэр Грегори грузно дошагал до окна и стал смотреть во тьму, страшась увидеть на звездном небе огненные письмена, оповещающие мир о креветках. Леди Констанс судорожно вздохнула.

— У нас вообще не останется знакомых! — сказала она. Леди Джулия закурила сигарету и заметила:

— Бедный мой Майлз! Все к собакам… Ах, Конни, зачем ты осадила эту мразь? Тут не в деньгах дело, он вредный. Жаль, что ты такая царственная.

— А мне, — возразила ее сестра со свойственным ей великолепием, — жаль, что сэр Грегори связался с этим слизняком. Сразу видно, что ему нельзя доверять.

— Тут ты права, — поддержала ее леди Джулия. — Нельзя нив коем случае.

Неожиданный альянс огорчил баронета.

— Понимаете, — объяснил он, — я к нему обращался по… частному делу. Он оправдал мои ожидания. Мне и в голову не пришло, что он может так поступить.

— Несмотря на усики? — осведомилась леди Джулия. — Одно утешает, Конни. Теперь мы можем поговорить с Кларенсом, чтоб он прекратил эту чушь насчет денег.

— Верно, — согласилась леди Констанс, немного светлея. Пока она это произносила, открылась дверь, и вошел сыщик.

Как выразился поэт, каждого любит хоть кто-то. Возможно, кто-то любил и Перси Пилбема. Но даже мать, если она была, даже нежная тетя, если была она, не встретили бы его столь пылко, как прекрасные сестры, не говоря уж о сэре Грегори.

— Мистер Пилбем!

— Мистер *Пилбем!*

— Пилбем, старина!

— Заходите!

— Садитесь!

— Вот вам кресло.

— Как вы себя чувствуете?

— Вам получше?

— Сигару, э? Высший класс.

Пилбем очень удивился.

— Спасибо, — сказал он, садясь в кресло.

— Спасибо, — прибавил он, беря сигару.

— Спасибо, спасибо, — отвечал он дамам. — Да вроде получше.

— Я так рада! — сказала леди Констанс.

— Красота! — сказала леди Джулия.

— Молодец, — завершил беседу сэр Грегори. — Здорово.

С окончанием радостной песни секунду-другую царило то замешательство, какое царит, когда надо перейти к делу. Прервал его сыщик, понимая, что придется выдать блеф высокой марки.

— Я… — начал он, — ну, вы понимаете…

— Еще бы! — вскричал сэр Грегори. — Значит, вы все обдумали.

— Боюсь, мистер Пилбем, — заметила леди Констанс, — что я была резковата. Видимо, это от погоды…

— Чековая книжка с вами, сэр Грегори? Да? — спросила леди Джулия.

— Конечно, конечно! Вот, пожалуйста.

Пилбем оживился, как оживлялся всегда при виде чековой книжки.

— Ну, все в порядке, — сердечно сказал он.

— В порядке? — вскричала леди Констанс.

— Вы хотели, — проверил сыщик, — чтобы я уничтожил эту рукопись? Что ж, я ее уничтожил.

— Как?!

— М-м — гак. Собственно говоря, я предал ее огню, — уточнил Пилбем, бросая взгляд на книжку и облизывая губы.

Все опять помолчали, на этот раз — смущенно. Такое смущение царит тогда, когда воспитанные люди должны ответить собеседнику: «Неправда!» — а уж тем более — когда они при этом знают, как опасно его обидеть.

Кроме того, можно ли вообще платить большие деньги при таких усиках? Поистине, дилемма.

— Х-р-ф-ф-ф! — обобщил эти чувства сэр Грегори. Перси Пилбем проявил неожиданную покладистость.

— Я не надеюсь, — сказал он, — что вы мне поверите на слово. Пожалуйста, вот образчик. Остальное сгорело.

И, вынув из кармана клочок бумаги, он протянул его сэру Грегори. Бурно заморгав (по странной случайности, там было слово «креветки»), тот передал его леди Констанс. Та молча взглянула на сестру. Сестра кивнула.

Проследив за всем этим, баронет направился к столу и выписал чек.

Воцарилось то легкое веселье, которое бывает после очень важных собраний.

— Мы так вам обязаны! — воскликнула леди Констанс.

— Скажите, Пилбем, — спросила леди Джулия, — почему вы передумали?

— Pardon?

— Ну, перед обедом вы так упорно…

— Кларенс! — ахнула ее сестра, как часто ахала при виде старшего брата, а уж тем более — в такой ответственный момент.

Вероятно, впервые в жизни девятый граф не был рассеян. Он буквально ворвался в комнату. Что-то такое с ним случилось.

— Кто брал мою книжку? — крикнул он.

— Какую книжку?

— Такую! Телефонную! Положил в библиотеке, а ее нет! Ха! Спрошу Биджа.

Он перелетел к камину и позвонил.

— Что вы скачете, холмы, как агнцы?[38] — томно осведомилась леди Джулия. — Тут паркет, ногу сломаешь.

— Ты бы ушел, Кларенс, — подсказала леди Констанс. — У нас важный разговор.

— И у меня! — парировал граф. — Это подумать, берут книжку! Не иначе, как ты, Конни. Возьмешь — а на место положить некогда! Ха-ха.

— Да не брала я твою книжку, — устало ответила сестра. — Зачем она тебе?

— Надо ему позвонить.

— Кому?

— Я тебе ясно сказал, ему. Речь идет о жизни и смерти. Забыл номер.

— Чей?

— Как это, чей? Ветеринара.

— На что он тебе? Ты заболел?

— То есть как «на что»?! *Она* съела эту бумагу.

— Какую? — поинтересовалась леди Джулия. — Что она любит, что читает? Я думаю, консервативные газеты, скажем — «Морнинг Пост».

— О чем ты говоришь, Кларенс?

— Как это о чем? Императрица — съела — рукопись — Галахада. Пилбем вам не сказал?

— Что?!

— Съела. Мы у нее были, она доедала последнюю главу. Бидж!

— Да, милорд?

— Как его номер? Вы понимаете, чернила. Она может отравиться.

— Матчингем 2-2-1, милорд.

— Вызовите его и проводите в библиотеку. Съела бумагу. С чернилами.

Произнеся эти фразы, граф кинулся к выходу и, чуть не споткнувшись о Биджа, отпрыгнул вправо. В туже сторону отшатнулся дворецкий. Граф прыгнул влево, как и Бидж. Шестой из эмсвортских лордов одобрительно взирал на них с портрета; он тоже в свое время плясывал менуэт.

— Бидж! — заорал девятый граф.

— Милорд?

— Стойте тихо.

— Простите, милорд. Я неверно определил направление вашего прыжка.

Все это лишило лорда Эмсворта последних остатков здравого смысла и склонности к самообузданию. Да и вообще, только акробат может беспрепятственно прыгать по сверкающему паркету. Раздался грохот; граф отлетел от горки с фарфором, потирая левую лодыжку.

— Говорила я! — напомнила леди Джулия с удовлетворением удачливой Кассандры. — Больно?

— Кажется, я вывихнул ногу. Бидж, доведите меня до библиотеки.

— Сию минуту, милорд.

— У Ронни есть какая-то мазь, — сказала леди Джулия.

— Зачем мне мазь? — возмутился пострадавший, прыгая рядом с Биджем. — Мне нужен ветеринар! А потом можно доктора.

Дверь закрылась. Сверкая глазами, сжав губы, леди Констанс подошла к столу и разорвала чек в клочья. Пилбем закричал. Она окинула его взглядом.

— Надеюсь, — осведомилась она, — вы не думаете, что вам заплатят? Дела вы не сделали. Платить не за что.

— Прекрасно сказано, Конни, — одобрила ее леди Джулия.

— Так этой штуки же нет! — несмело заметил Пилбем.

— Вы тут ни при чем.

— Вот именно. — поддержал сэр Грегори. — Ни при чем. Ее съела свинья.

— Орудие Божьего Промысла, — определила леди Джулия.

— Да. Именно — Промысла. Ни гроша не заплатим!

— Но…

— Простите, — вмешалась леди Констанс, обретая царственный

вид, — я не вижу оснований продолжать эту беседу.

— Тем более, — подсказала леди Джулия, — что у нас есть дела поважнее. Конни, главное — Кларенс!

— Конечно, конечно! Чуть не забыла.

— В отличие от меня. Не обессудьте, сэр Грегори, мы ненадолго.

Баронет выглядел так, как выглядел вельможа времен Регентства, внезапно выиграв банк.

— Ну что вы, леди Джулия! — заверил он. — Я уж и сам домой собрался.

— Я вызову машину.

— Не надо, не беспокойтесь. Я пройдусь. Когда нет этой мерзкой книги… Ф-фу! Я десять миль пройду пешком.

Схватив клочок бумаги, он мелко его изорвал, сунул в карман и вышел, как выходит человек, из чьей жизни исчезла история о креветках. Перси Пилбем сидел и смотрел в пространство.

Глава XV

Пока все это происходило, неподалеку, в «Гербе Эмсвортов», сидел молодой человек и ел рыбу. То было второе блюдо запоздалой трапезы, за которой укоризненно наблюдал толстый и бледный лакей, надеявшийся уйти еще полчаса назад. Зайдя в столовую кабачка, каждый бы прежде всего заметил (если отмести животворящий запах пива, пикулей, капусты, подливки, ростбифа, вареной картошки и очень старого сыра), что молодой человек исключительно мрачен. Судя по всему, он взглянул на жизнь и признал ее пустою. Слава Богу, рыба в этих кабачках обладает таким вкусом, что и не заметишь, обратилась она в пепел или нет.

Направляясь на встречу с газетным магнатом, Монти Бодкин не ждал слишком многого. И все же, против внушений разума, он питал пусть ничтожную, но надежду. Владелец «Мамонта» прикончил ее за пять минут.

Никакие оправдания его не тронули. Когда Монти сообщил, что Пилбем ничего бы не сделал, если б не он, магнат насмешливо фыркнул. Когда же, немного позже, герой наш назвал бывшего шефа вероломным хряком, беседа вообще кончилась, ибо тот удалился, заложив руки за спину.

Вот Монти и обедал в тоске, буквально изнывая от боли. Тишину нарушало только сопение лакея, которому давно бы пора сходить к ларингологу.

Каким бы оптимистом ни был наш герой, он понимал, что дело плохо. Если кое-кто не отринет кое-какие предрассудки, что вероятно лишь на 3 %, блаженству не бывать. Этого достаточно, чтобы впасть в скорбь, не говоря о непристойной с виду смеси костей, глазных яблок и черной резины, которую ему подали. Баранье жаркое (то было оно) тоже обратилось в пепел, равно как и гарнир, состоящий из картошки и брюссельских капусток. Пудинг стал пеплом еще в кухне. Взглянув на него, Монти бросил салфетку байроническим жестом, отказался от портвейна и сыра — и выбежал в сад.

Топча влажные травы, он размышлял о мести. При всем своем добродушии он понимал, что поступки Пилбема и Тилбери просто вопиют к небу. Как на беду, через десять минут он еще ничего не выдумал. Видимо, злодеи могли процветать, как кедры на Ливане.

Оставалось одно — пойти и написать Гертруде, умоляя и заклиная, чтобы, следуя велению сердца, она презрела волю отца. Дабы этим

заняться, он пошел в гостиную.

Как и во многих сельских кабачках, то была тесная, душная, печальная комната, скудно освещенная и давно нуждающаяся в ремонте. Но не это вконец допекло вошедшего в нее Монти. Его допекло то, что в одном из двух кресел сидел лорд Тилбери, с сигарой во рту, явственно счастливый.

Завидев Монти, он немного опечалился.

— Мне больше нечего сказать, — напомнил он. — Мое решение вам известно, не вижу надобности в спорах.

Монти холодно поднял брови.

— Какие споры? — удивился он. — Я не собираюсь с вами беседовать. Мне надо написать письмо.

— Пишите еще где-нибудь, — сказал лорд, — я жду одного человека.

Презрев эти слова, Монти решил сесть к столу и делать свое дело, не удостаивая противника взглядом, но у стола заметил, что там нет ни бумаги, ни ручки, ни конвертов, а в чернильнице — тонкий слой вещества, напоминающего черный мед.

Мгновение-другое он помечтал, как будет отрешенно листать журналы, которые, по-видимому, издавались исключительно для кабатчиков; и, многозначительно фыркнув, снова вышел в сад.

Выкурив две сигареты, бросив палку в водяную крысу, а потом — в кусты, где что-то шуршало, он вдруг понял последние слова лорда Тилбери.

Если тот ждет человека, значит, он ждет сыщика. Если сыщик придет в «Герб», значит, он принесет рукопись.

Так; что же из этого? То, что пока эти гады будут в гостиной, только дурак туда не зайдет и не использует случая.

А что такого? Подумаешь, Пилбем! Подумаешь, Тилбери! Да хоть двадцать. Вбежал, схватил — и привет. Что они тогда запоют? То-то и оно! Коту ясно.

Однако сперва надо поразведать. Вроде бы окно приоткрыто. Он осторожно подобрался к нему и тут же услышал:

— Спрятали? А верное место?

Затаив дыхание, он припал к стене словно радиолюбитель, нежданно поймавший Сан-Франциско.

Пилбем, позаимствовавший мотоцикл у шофера по фамилии Ваулз, приехавший в «Герб» и представший пред лордом Тилбери, разительно отличался от Пилбема, еще так недавно болтавшего по телефону. Тот, телефонный Пилбем, не сдерживал избытка сил, прекрасно зная, что кто-кто, а уж он-то на коне. Нынешний, кабачный, был отчаявшимся игроком,

поставившим все на последнюю карту.

После тяжелой сцены в гостиной ему понадобилось минут десять, чтобы увидеть свой единственный шанс. Если у него хватит способностей всучить рукопись заочно, умолчав о том, что существует она в крайне переработанном виде, тогда — порядок, тогда — все спасено.

Конечно, при следующей встрече лорд Тилбери будет холодноват, но это ничего, сыщик привык и к большей неприязни. Итак, последняя карта.

— Спрятали? — переспросил виконт, выслушав его объяснения. — А верное место?

— Еще бы!

— Что ж вы ее не принесли?

— Опасно. Вы не знаете, что там творится, все за ней охотятся: Галли, и Конни, и Ронни, ну все как один. Сегодня я говорил Монти Бодкину, шиш у них что-нибудь утащишь, прямо воровское логово.

Монти тихо, но гневно охнул. Нет, думал он, это уж слишком. Мало этому гаду рукописей, он еще остроты крадет. Чем-чем, а сравнением этим наш герой тайно гордился.

— Так, так, — сказал лорд Тилбери, — понимаю. Но если вы спрятали ее в спальне…

— Ну, что вы!

— Где же тогда?

Миг настал, Пилбем собрал все силы.

— Знаете, — сказал он, — лучше сперва кончим дело. Книжка при вас?

— Неужели, — возразил лорд, — вы думаете, что я заплачу заранее?

— Конечно, — ответил Пилбем и перестал вдыхать воздух. Ставка сделана, рулетка набирает ход.

Монти показалось, что и лорд воздух не вдыхает, поскольку он долго молчал. Когда же он заговорил, тон у него был такой, каким он должен быть у тяжко оскорбленных.

— Ну, Пилбем! Я надеялся, вы мне верите.

— Наш девиз — «Никому не верь», — сообщил сыщик, обретая недавнюю развязность.

— Но откуда же мне знать?..

— Это *вы* мне не верите! — воскликнул Пилбем. — Что ж, дело ваше, тогда говорить не о чем. Нет, нет, я не в обиде. Пойду в замок, поговорю с сэром Грегори и леди Констанс. Им тоже нужна рукопись, хотя — по другим причинам. Они собираются ее уничтожить. Парслоу предлагал пять сотен, но мы с ним еще потолкуем…

— Пятьсот фунтов — большие деньги, — произнес виконт в такой манере, словно ему вырывают зуб.

— Не меньше тысячи, — отвечал сыщик тоном удалого дантиста. — По телефону вы вроде согласились.

— Я думал, вы принесете…

— Ладно, Тилбери, мое дело предложить, — сказал Пилбем и, судя по звукам, проделал именно то, что так советуют делать, когда хочешь выказать небрежность, то есть закурил.

— Молодец! — прибавил он немного позже. — Если можно, на предъявителя.

Повисла тишина, лишь тяжкое сопение указывало на то, что бережливый человек выписывает тысячу фунтов. Спутать эти звуки нельзя, слишком они похожи на агонию.

— Прошу!

— Спасибо.

— А теперь…

— Вот, слушайте, — сказал Пилбем. — В замке я прятать побоялся, отыскал пустой свинарник. Дайте ручку, сейчас нарисую. Тут — огород. Идете вдоль заборчика, слева будет этот свинарник, на такой полянке. Ничего, не ошибетесь, там больше зданий нету. Значит, шарите в соломе, — вот тут, где крестик. Ясно?

— Вполне.

— Найдете?

— Найду.

— Хорошо. Да, забыл. Я сказал «пустой свинарник», но с тех пор они перетащили туда свинью. Эту Императрицу.

— То есть как?

— А так. Решил вас предупредить, чтоб не испугались. Лорд Тилбери явственно зашелся от гнева, но, как ни странно, тут же успокоился. Эта деталь придавала повести большую правдоподобность.

— Ладно, — сказал он с леностью, посильной для человека, который расстался с 1000 фунтов, — разберемся.

— Со свиньей справитесь?

— Конечно. Они меня любят.

При этих словах Монти ощутил, что его почтение к благородным животным несколько уменьшилось. Приличное животное ни при каких обстоятельствах не полюбит лорда Тилбери.

— Порядок, — сказал Пилбем. — Я б на вашем месте сейчас и пошел. Фонарик хотите?

— Вообще-то да.

— Займите у хозяина.

— Прекрасно. Что ж, я иду.

Монти услышал, как открылась и закрылась дверь. Лорд Тилбери вышел в ночь. Сыщик, видимо, не вышел, поскольку вскоре донеслось ругательство, и, заглянув в окно, герой наш увидел, что тот наклонился над столом. Вероятно, ругался он потому, что обнаружил отсутствие каких бы то ни было письменных принадлежностей.

Так оно и было. Пилбем, человек действия, хотел немедленно отправить чек в банк. Он позвонил, и Монти услышал:

— Дайте ручку, бумагу, конверт. И чернил!

Собой он был доволен. Собственно говоря, все вышло гораздо лучше, чем он ожидал. Многие ли, думал он, провернут такое дельце? И сыщик покрутил свои гнусные усики.

Когда он крутил их, на плечо его легла рука. Чек кто-то вырвал. Обернувшись, он увидел Монти Бодкина.

— Ч-черт! — вскричал он.

Монти не ответил; дела — весомее слов. Сурово глядя на противника, он разорвал чек пополам, потом — на четыре части, потом — на восемь, шестнадцать, тридцать две. Шестьдесят четыре ему не дались, а потому, направившись к камину, он высыпал туда новоявленные конфетти.

Как мы помним, сыщик вскрикнул, а теперь он молчал, обалдело созерцая трагедию. Какое-то мгновение боевой дух Пилбемов чуть не побудил его броситься на злодея, но тут же и угас. Пилбемы храбры, но не опрометчивы. Монти был выше его дюймов на восемь, тяжелее — фунтов на двадцать, да еще и глядел сурово.

Словом, сыщик принял удар судьбы. Вскоре дверь открылась и закрылась; он остался наедине со своими мыслями.

Монти вышел в залу. Там никого не было, но вскоре появился лорд Тилбери, экипированный для похода.

— Решили выйти?

— Да, знаете, иду прогуляться.

— Бог в помощь! — напутствовал Монти.

Собственно говоря, выйти надо было и ему, но он решил подождать — все равно он обгонит грузного, неповоротливого лорда. А пока нужно выполнить суровый долг. Он подошел к телефону и вызвал замок.

— Попросите, пожалуйста, лорда Эмсворта, — сказал он тем искусственным голосом, каким говорила бы, вероятно, простуженная жаба.

— Сейчас соединю, — отвечал несравненно более приятный голос

Биджа.

— Да, да, — согласился Монти, опускаясь еще на октаву. — Дело срочное.

Глава XVI

Девятый граф укрылся в библиотеке и лежал на кожаной кушетке. Доктор пришел и ушел, оставив распоряжения, а также заверив, что опасности нет. Боль тоже ушла, и мы могли бы предположить, что граф — спокоен.

О нет! Прежде всего, он трепетно ждал, что скажет ветеринар об Императрице, набитой бумагою. Казалось бы, хватит, но сестры, леди Констанс и леди Джулия, собрались у ложа и терзали какой-то чушью про деньги и Роналда.

Довольно долго удавалось отбиваться, произнося через равные промежутки времени: «Э?», «А?», «Э, а?» и «Ой, Господи!», а думая — о своем. Бумага… Чернила! Кислота они или нет? Мысли стали темнее.

И все же, все же… Он вспомнил, как она случайно проглотила сигару, и ничего, я не заболела. Что гам, сияла и радовалась. Возьмем шляпу Пербрайта — тоже обошлось. Да, она отъела два кусочка, но переварить *такую* шляпу, это вам не фунт изюма! Вспомнив злосчастные пиршества, граф приободрился.

Однако Биджу пора бы и вернуться, думал он. Они с ветеринаром — у нее, но где же рапорт? Бедный граф снова тосковал о своем дворецком, как поэты прошлого века тосковали о газелях и, скажем, арабских скакунах.

Именно в этот миг ему и позвонили.

— Лорд Эмсворт? — произнес глубокий, странный голос.

— Да, да.

— У меня есть основания пола…

— Минуточку! — возопил лорд. — Одну минуточку! Ну что, Бидж?!

— Ветеринар сообщает, милорд, что опасности нет.

— Нет?

— Нет, милорд. Никакой опасности. Услышав вздох облегчения, голос сказал:

— А, что?

— Простите, простите, я говорю с дворецким, о *ней*. Очень важно, вы уж простите. Так вы говорили…

— У меня есть основания полагать, что на вашу свинью скоро нападут.

— Что?!

— Нападут на свинью.

— Не может быть!
— Может.
— Кларенс, хватит, — сказала леди Констанс. — Пусть позвонит через час.
Лорд Эмсворт властным жестом осадил ее и залаял в трубку, как морской лев:
— Скоро?
— Да.
— Когда именно?
— С минуты на минуту.
— Что?!
(«Кларенс, я тебя умоляю…»)
— С минуты на минуту.
— Вы уверены?
— Да.
— Ой, Господи! Какой ужас! Спасибо, мой дорогой, большое вам спасибо! Кстати, кто вы?
— Неизвестный друг.
— Кто?
(«О, Кларенс!»)
— Друг.
— Круг?
— Друг.
— Пруг? Бидж! — закричал лорд Эмсворт, услышав звяканье в трубке. — Мистер Круг… или Пруг, не разобрал, говорит, что сейчас нападут на нее!
— Вот как, милорд?
— С минуты на минуту.
— Вот как, милорд?
— Что вы заладили, «воткак, воткак»?! Вы понимаете, какой ужас? Конни, — он обернулся к сестре, поджавшись, словно тигр, — не сопи!
— Кларенс, угомонись!
— Бидж, приведите Пербрайта!
— Ни в коем случае, — резко сказала леди Констанс. — В библиотеку, ты подумай!
Бидж нечасто соглашался со своей chatelaine,[39] но сейчас ее понял. Как все дворецкие, он чтил святыню дома. Пять минут таких… благоуханий, и все, придется делать ремонт.
— Быть может, я передам ему ваши распоряжения? — тактично

предложил он.

Лорд Эмсворт внял голосу разума, но не из-за благоуханий — они, думал он, только пошли бы на пользу, — а из-за того, что нельзя терять ни секунды.

— Да, так будет лучше, — согласился он. — Прекрасно. Замечательно. Спасибо.

— Не за что, милорд.

— Идите и скажите, чтоб он устроил засаду.

— Хорошо, милорд.

— И как только увидит — р-раз!

— Хорошо, милорд.

— Если можно, толстой палкой.

— Хорошо, милорд.

— Что ж, закончим день убийством, — заметила леди Джулия.

— А? Э?

— Неважно, неважно. Хочешь натравить свинаря — прошу, твое дело! Не мне отвечать.

На графа это подействовало.

— Ты думаешь, — испугался он, — Парслоу сильно пострадает?

— Парслоу! — сказала леди Констанс так, что бронзовый Давид зашатался вместе с Саулом.[40] — Ты в себе, Кларенс?

— Да, — смело ответил граф. — Ты прекрасно знаешь, кто это. Удивительно, как ты даешь себя морочить! Зачем он напросился на обед? А? То-то и оно! Ты вот сюда пошла, а он — к *ней*.

— Кларенс!

— Ну, а где он? Где твой Парслоу?

— Сэр Грегори только что ушел. Решил прогуляться. Теперь Давид пошатнулся от страшного рыка.

— Пр-рогуляться! — кричал граф. — Бидж, бегите! Скорей, скорей!

— Слушаюсь, милорд. Как насчет палки?

— Пусть сам соображает.

Лорд Эмсворт откинулся на кушетку в том самом состоянии, в каком раненый воин пережидает битву под сенью шатра. Он спустил было ногу, заорал: «Ой» — и лег снова. Ничего не поделаешь, надо положиться на Пербрайта.

— Успокойся, Кларенс, — сказала леди Джулия, верившая в дипломатию, — все обойдется.

И она уняла жестом сестру, в дипломатию не верившую.

— Ты так думаешь? — обрадовался граф.

— Конечно. Пербрайт не подведет.

— Да, да! Превосходный человек.

— Когда сэр Грегори его увидит, — продолжала леди Джулия, строго глядя на сопящую Констанс, — он сразу убежит.

— Кто, Пербрайт? — испугался граф.

— Нет, сэр Грегори. Так что — не волнуйся. Лежи, отдыхай.

— Спасибо, Джулия, — сердечно сказал граф. — Ты меня успокоила.

— Стараюсь, стараюсь.

— Теперь мне легче.

— Ну, слава Богу, — отвечала белокурая леди, показывая сестре, что можно продолжать. Та кинула на нее масонский взгляд.

— Джули совершенно права, волноваться незачем.

— Ну, если и ты так считаешь… — совсем разомлел лорд Эмсворт.

— Конечно. Теперь послушай меня.

— Зачем?

— Если помнишь, — заметила леди Констанс, — мы говорили об этих деньгах. Так вот, только сумасшедший даст их Роналду, чтобы тот женился на девице, которую мы с Джули никак не одобряем.

— А? — проговорил лорд Эмсворт, заметно мрачнея.

Ничего не попишешь, он был в неволе. Оставалось лежать, пока два женских голоса бьют по тебе и бьют, словно дождь по крыше.

А в «Гербе Эмсвортов» тем временем Монти изменил свой план действий. Сперва, как мы помним, он хотел отправиться за лордом Тилбери к ловушке, которую ему приготовил, чтобы — сложив руки, горько усмехаясь — полюбоваться его гибелью. Но, подустав от роли Друга-Пруга-Круга, он ощутил, что замысел этот как-то гаснет.

Если у тебя баритон, граничащий с тенором, глубокий бас неизбежно отразится на связках. Отойдя от телефона, герой наш чувствовал, что полторы мили туда, полторы — обратно ему не потянуть. Стоит ли таких мучений вид виконта, когда того схватит за шкирку замковый свинарь? Не лучше ли за кружкой пива созерцать это взором души?

Так и случилось, что, врачуя связки неподражаемым напитком, он обменивался с официанткой небрежными репликами. Подобно всем влюбленным в тоске, он предпочел бы помолчать, но других посетителей не было, и величавая девица с гнездом золотистых волос, справедливо ощущая себя хозяйкой приема, считала своим долгом вести разговор.

Они поговорили о том, что перед грозой — душно, а после грозы — свежее, о самой грозе, о влиянии ее на посевы и на желудочно-кишечный тракт, в связи с чем девица описала симптомы, ценные для врача,

вызванные же тем, что она неосмотрительно съела огурец во время бури. Монти описал в ответ, как он промок.

— Ну? — удивилась девица. — Вы что, вышли?

— Да, — подтвердил Монти. — И попал под дождь.

— Чего же лезть! Извиняюсь, конечно, но я бы спряталась хоть в лавочку.

— Я был в парке. У замка.

— Что, живете там?

— Тогда — жил.

— Дела у них! — поведала девица. — Небось слыхали?

— Дела?

— Свинья бумагу съела.

— Бумагу?

— Значит, не слыхали? Старик прямо плачет, мне доктор сказал. Позвонили — скорей, скорей, срочный вызов.

— Какую бумагу?

— Книгу какую-то. Попала в свинарник, а свинья — и съешь! Ума не приложу, зачем туда книгу совать?

Именно тут вошел посетитель, и Монти смог предаться мыслям об этих новостях.

Они меняли все. Уничтожая чек, он знал, что это — символ, не более. Сыщик может пойти и взять другой. Но если девица сказала правду, тот — на бобах, и виноват он, Монти. Как ни странно, испытал он жалость.

Встать на место Пилбема не составляло труда. Если речь идет о тысяче фунтов, можно ли винить человека за небольшое плутовство? Нет, думал Монти, нельзя.

Совместные действия пива и совести совершенно разложили его. В конце концов всякий, кто вынудил лорда Тилбери прошвырнуться по жаре, был ему другом, что там — братом.

В эту минуту и появился предмет его дум.

— Здрасьте, — сказала гостеприимная девица.

— Здрась, — отвечал Пилбем.

Увидев Монти в уголку, он помрачнел. Вид человека, только что ударившего его по карману, отвратил его от прежних намерений. Можно ли пить, если воздух настолько отравлен?

— Двойное виски, — сказал он. — Отошлите в гостиную. Девица указала ему вслед большим пальцем.

— Видали? — проверила она. — А знаете, кто это? Мистер Ваулз мне сказал, очень важный сыщик. Контора у него в Лондоне, куча всяких

помощников, мистер Ваулз сказал. Вроде как паук — сидит, паутину ткет, распоряжается.

— Ой! — вскричал Монти. — Ой, Боже мой!

— Да, — подтвердила девица, радуясь его отклику, и воодушевленно протерла стакан. Однако она не знала, что отклик этот вызван отнюдь не удивлением, но упоминанием о помощниках. Оно и породило идею идей.

Через тридцать секунд Монти был в гостиной, и сыщик взирал на него, как вспугнутый василиск.

— Знаю, знаю, — заверил наш герой, правильно трактуя этот взгляд. — У меня к вам дело. Прямо не пойму, с чего начать…

— Начнем с того, — предположил Пилбем, — что я сломаю вам шею.

Монти миролюбиво отмахнулся.

— Нет, нет, — сказал он. — Не надо так говорить. Неверный тон. Абсолютно неверный.

В этот миг мальчишка, служивший в «Гербе», принес двойное виски. Это позволило Монти собраться с мыслями.

— Так вот, — легко и бегло начал он, — кажется, я говорил вам, что все непросто, есть пружины. Они есть. Я люблю прекрасную девушку, но ее отец, по дурости, не разрешает нам пожениться, пока я нигде не работаю. Мало того, он требует, чтобы я проработал целый год. А меня отовсюду выгоняют. Поступил к Тилбери — выгнали. Поступил к Эмсворту — выгнали. Нет, нет! — Монти поднял руку. — Я знаю, вы хотите сказать: «Везёт же вашей невесте». Вы ошибаетесь, она меня любит, хотя некоторая отсталость мешает ей надуть отца. Итак, меня выгоняют. А сейчас мне пришло в голову: у вас контора, всякие помощники. Возьмите меня!

Перси не ответил мгновенно лишь потому, что выбирал лучший вариант из трех. Но выбрать не успел; Монти Бодкин произнес удивительную фразу:

— Дам тысячу фунтов!

Перси наконец справился с несчастными связками:

— Тысячу?!

— Ах, у меня куча денег! — сообщил наш герой, приняв странный блеск в глазах за недоверие. — Просто мутит. Не в них суть. Суть в Дж. Г. Баттерсвике. Он непременно хочет…

Перси Фробишер Пилбем менялся на глазах. Примерно это мы можем увидеть в фильме про Джекилла и Хайда, но. все же потише, помягче. Лицо его светилось изнутри. Вообще-то красивей он не стал, но Монти судил не эстетически.

— Заплатите тысячу, чтобы ко мне поступить? — еще раз проверил сыщик.

— Вот именно.

— Да за такие деньги, — просто сказал Пилбем, — будьте хоть партнером, если вам надо.

— Нет, не надо, — отвечал Монти. — Тут все равно, какое место. Я бы хотел — таким, знаете, помощником.

— Пожалуйста.

— На целый год?

— Хоть на десять!

Монти сел, торжественно и устало, как марафонский победитель. Смотрел он на рекламу шипучки («Содовая Сигби»), которая помогала обоям создавать ту особую атмосферу, к какой обычно стремятся безжалостные кабатчики.

— Ее фамилия Баттерсвик, — наконец сообщил он. — Зовут Гертруда.

— Да? — откликнулся Пилбем. — Книжка при вас?

— Глаза, — продолжал Монти, — серые… Но как бы и голубые!

— А то! — поддержал сыщик. — Может, в кармане?

— Что до волос, они каштановые. Точнее, такие рыжеватые. Можно сказать, бронзовые. Рост… ну сами понимаете! А вот губы…

— Бумажки нет? — осведомился Перси.

— Нарисовать вам, да?

— Выписать чек.

— А, ясно! Книжка наверху, в чемодане.

— Тогда пошли, — предложил Пилбем. — Я вам помогу.

Бидж сидел у себя и пил бренди. Если дворецкий имел на это право, то именно этот. Его снедала печаль. Такой благодушный человек не мог спокойно смотреть на злоключения бедной четы. Бидж любил детективы и хотел бы, чтобы жизнь на них походила. Ну, смотрите: гангстеры, выстрелы, засады, мрачные подземелья, зловещие китайцы, отравленная спаржа, кобры в камине — а влюбленным хоть бы что. Здесь он на такой исход не надеялся. Когда в библиотеке сидят леди Констанс и леди Джулия, хорошего не жди.

За восемнадцать лет он изучил хозяина. Да, добра он хочет каждому, но столкнись интересы, начнись всякие споры, — и пылкое стремление к покою побудило его сдаться тому, кто громче кричит. Те же восемнадцать лет научили его тому, что это — леди Констанс.

Словом, надежды нет. Тяжело вздохнув, он налил бренди. Обычно в

этот час он пил портвейн. Но портвейн означал, что обед кончен, кофе подан, и до завтра душа свободна. Сейчас он был бы неуместен.

Вздохнув и отпив еще, он заметил, что в комнате кто-то есть. И впрямь, в нее вошел Ронни.

— Не вставайте, Бидж, — сказал он, присаживаясь к столу. Щеки его были скорей малиновыми, а это показывало, что он волнуется. Дворецкий вспомнил, что десять дней назад, такого же самого цвета, молодой хозяин вовлек его в страшную аферу. Потом он взвесился и узнал, что потерял за двое суток три фунта.

— Дела плохи, Бидж, — произнес Ронни.

— Да уж, мистер Роналд, — согласился дворецкий. — Значит, вы слышали?

— Что?

— Печальные новости.

— Ну да, вы же там были.

Бидж закатил глаза, давая понять, что это — не самое худшее.

— Императрица, — сказал он, — съела рукопись, мистер Роналд.

— Не может быть!

— Съела, сэр. Когда пришел милорд, доедала последний листик. Кто-то, видимо, оставил…

— Пилбем!

— Вероятно, мистер Роналд.

— Значит, ее нет?

— Нет, мистер Роналд.

— А тетя Констанс знает?

— Видимо, да, мистер Роналд.

Ронни стал вишневым.

— Ладно, — сказал он. — Все равно он бы ее не отдал. Можно мне бренди?

— Конечно, конечно, мистер Роналд.

— Так вот, я решил… Хорошая, однако, вещь…

— Еще бы, сэр. Вы что-то хотели сказать?

— Да так, подумал. Вы заметили, что я не ел за обедом?

— Заметил, мистер Роналд.

— Я думал.

— Понятно, мистер Роналд.

— Думал, — повторил Ронни. — Размышлял. И решил.

— Что именно, мистер Роналд?

Ронни помахал ногами.

— Вы любили когда-нибудь, Бидж?
— Да, мистер Роналд, в молодости. Ничего не вышло.
— Странная штука эта любовь.
— Золотые слова, сэр.
— Заводит как-то… толкает… ты на все готов.
— Вот именно, сэр.
— В огонь и в воду, как говорится.
— Естественно, сэр.
— Бренди можно?
— Пожалуйста, мистер Роналд.
— Так вот, за рыбой я и решил. Рукописи нет, тетя Констанс опять насядет на дядю.
Дворецкий сочувственно покашлял.
— Мне представляется, мистер Роналд, что ее светлость этим и занималась, когда я зашел в библиотеку.
— Наверное, уже обработала?
— Боюсь, что вы правы, мистер Роналд.
— Так! — сказал Ронни. — Тогда вариантов нет. Пришло время действовать.
— Как именно, сэр?
— Украду свинью.
— Как, снова, сэр?! Ронни на него взглянул.
— Ах, вы помните?
— Помню? Двух недель не прошло.
— Правда. А как два года. Вы не подвели меня, Бидж.
— Спасибо, сэр.
— На вас можно положиться.
— Спасибо, сэр.
— Как на каменную стену.
— Спасибо, сэр.
— Когда я решил украсть ее снова, мисс Браун мне сказала: «Ты не можешь снова просить Биджа!» А я ответил: «Что ты, могу. Мы с ним дружим восемнадцать лет, а тебе он просто предан». — «Да?» — сказала она. «Еще бы! — сказал я. — Он сделает для тебя все что угодно». Тогда она и сказала: «Дорогой наш Бидж!» Вот так. А как при этом смотрела! Нежно, с умилением. Если бы вы были рядом, она бы вас поцеловала. И я не удивлюсь, — прибавил Ронни, — если *тогда, потом,* она вас поцелует.
Пока он говорил, дворецкий трясся, словно вулкан, готовый выразить себя. Глаза у него вылезли, дышал он странными толчками.

— Мистер Роналд! — выговорил он.

— Я знал, что вам будет приятно.

— Но, мистер Роналд!.. Ронни остро на него взглянул.

— Что? Неужели вы…

— Но, мистер Ро…

— В последний момент, когда выбора нет! Я без вас не обойдусь. Вы не бросите меня, Бидж?

— Но, мистер Роналд, какой риск!

— Риск? Ну что вы!

— Мистер Роналд, его светлости сообщили при мне, что на нее нападут. Я ходил к Пербрайту, передавал инструкции.

— Замечательно. Лучше некуда. Пербрайт ждет врага. Он его изловит. А дальше? Он поведет его к дяде Кларенсу! А мы тихо-мирно выведем хрюшу.

Дворецкий только пыхтел.

— Бидж, — продолжал Ронни, — подумайте! Речь идет о нашем счастье. Разве вы простите себе, что мисс Браун несчастна из-за вас?

— Если меня поймают, мистер Роналд, что я скажу?

— Ничего. Вас не поймают. Там никого не будет. Вы мне нужны на пять минут. Я не собираюсь ее прятать, как тогда. Берем — и все. Пять минут! Какие-то пять минут, и вы обо всем забудете.

Дворецкий все еще трясся.

— Пять, мистер Роналд? — жалобно проверил он.

— Ну, десять. Да, кстати, мисс Браун сказала, что вы похожи на ее отца. И еще, что у вас глаза добрые.

Дворецкий открыл рот, но оттуда явились не потоки лавы, а странный, сдавленный звук и непонятные слова.

— Что? — спросил Ронни.

— Я сказал «хорошо», мистер Роналд, — отвечал Бидж с таким видом, с каким глядят на солдат, если они тебя расстреливают.

— Вы согласны?

— Да, мистер Роналд.

— Бидж, — сказал Ронни, — когда я стану миллионером, то есть через несколько лет, я ведь вкладываю деньги в эти автомобили, так вот, когда я им стану, я принесу вам кошелек с золотом. Два кошелька. Что там, бочонок. Вкачу сюда, выбью дно, и пожалуйста!

— Спасибо, мистер Роналд.

— Это я должен вас благодарить. Ну, пошли. Время не ждет. Вы готовы?

— Готов, мистер Роналд, — отвечал Бидж тем странным, низким голосом, каким беседовал по телефону мистер Круг. Или Пруг.

Глава XVII

Леди Джулия Фиш слегка зевнула и направилась к двери. Десять минут слушала она леди Констанс, а пассивность была ей чужда. Если у Конни есть недостатки, думала она, то это — склонность к монологам. Роль молчаливой аудитории претила прекрасной гостье.

— Что ж, — сказала она. — Если кто спросит, я в гостиной.

— Ты уходишь, Джули?

— А что мне делать? Я полагаюсь на тебя. Кларенс, ты будешь слушать Конни, но мнение — наше общее.

Лорд Эмсворт обрадовался, но не слишком. Вероятно, лучше, когда мучает одна сестра, но все же, не настолько, чтобы совсем развеселиться.

— Так вот… — начала Конни.

Подавив стон, граф попытался сделать то, что легко давалось аспиду[41] — выключиться и думать о чем-нибудь поважнее.

Вести с фронта, думал он, вот-вот поступят. Вероятно, атака уже была и, дай-то Бог, провалилась. Пербрайт не подведет. Вспомнив о нем, граф немного приободрился. Какой человек! — думал он дальше. Верный, надежный, неподкупный. Мало говорит, это да, путешествовать с ним не стоит, но кто путешествует со свинарями? Профессия эта требует не красноречия, а силы.

Открылась дверь.

— Да, Бидж? — промолвила леди Констанс тоном недовольной королевы. — В чем дело?

Лорд Эмсворт встрепенулся.

— Ну, Бидж? Ну, ну, ну, ну!

Наблюдательный человек (девятый граф им не был) заметил бы, что дворецкий немало перенес. Он вообще не пылал румянцем, но сейчас бледность его просто пугала. Глаза округлились и застыли, дышал он прерывисто — словом, то был дворецкий, столкнувшийся с падшим миром.

— Все в порядке, милорд, — отвечал он.

— Пербрайт его поймал?

— Конечно, милорд.

— Рассказал, как все было?

— Я сам видел, милорд.

— Ну? Ну!.

— Кларенс, неужели мы должны это слушать?

— А? Э? Еще бы! Ой, Господи! Так как же, Бидж?

— Как вы велели, милорд, Пербрайт затаился, держа в поле зрения обиталище… м-м-м… животного…

— А вы что там делали?

— Был рядом, милорд, на всякий случай.

— Прекрасно! Превосходно!

— Однако, милорд, случая не представилось. Явился…

— Парслоу!

(«Кларенс!»)

— Нет, милорд, то был не сэр Грегори.

— А; сообщник!

(«Кла-а-ренс!»)

— Несомненно, милорд. Он приблизился к перилам, постоял…

— Еще бы! Страшно идти на такое дело.

— По-видимому, милорд, он крутил фонариком.

— И… и?..

— Тут выскочил Пербрайт, милорд. Его схватили.

— Великолепно! Где он?

— Временно заперт в подвале, милорд.

— Приведите его!

— Кларенс, неужели нам нужен…

— Конечно! Несомненно! А то как же! Бидж осторожно кашлянул.

— Замечу, милорд, что он исключительно грязен. Пербрайту пришлось повалить его лицом вниз и сесть на спину. Почва размягчена обильным дождем…

— Ничего. Ведите.

— Сию минуту, милорд.

В перерыве между сценами леди Констанс гневно сопела, а граф благодарно удивлялся тому, что чувство гражданского долга и страх перед сестрой помешали ему отвергнуть пост мирового судьи. Конечно, надо заглянуть в книжку, но на две недели он потянет, это точно. Дверь снова отворилась.

— Злоумышленник, милорд, — объявил Бидж. Фыркнув на прощание, леди Констанс села в угол и взяла альбом с фотографиями. И вовремя — вошел узник, влача за собой, как облако славы, Стокса и Томаса, лакеев.

— Ой, Господи! — вскричал лорд Эмсворт. — Какой страшный!

Лорд Тилбери с этим не согласился, поскольку ему не поднесли зеркала. Бреммель, и тот был бы страшен, полежи он в истинной топи, под массивным свинарем. Свинарь, надо сказать, отличался и серьезностью, а

потому долго держал его физиономией в грязи.

— Бидж! — снова воскликнул граф.

— Да, милорд?

— Это его вчера заперли?

— Да, милорд.

— Вот его?

— Да-да, милорд.

— Ой, Господи!

Вот злодей! — думал граф. Нет, какой упорный! Ничто его не берет. Значит, надо как можно скорее упрятать его в небольшую, но живописную тюрьму, расположенную на станции.

Размышления эти прервал голос, просочившийся из-под грязи:

— Лорд Эмсворт, я хотел бы побеседовать с вами наедине.

— Что вы, что вы! — возмутился граф. — Разве можно беседовать наедине со злодеями? Бидж!

— Да, милорд!

— Возьмите эту штуку, — граф указал на Давида. — Если что, дайте ему по голове.

— Хорошо, милорд.

— Теперь скажите, кто вы.

— Я не отвечу при свидетелях. Лорд Эмсворт поджался.

— Слышите, Бидж? Очень подозрительно!

— Чрезвычайно, милорд.

— Штуку держите?

— Держу, милорд, — заверил Бидж, сжимая ногу будущего царя.

И тут раздался голос:

— Добрый вечер! Что тут у вас творится? А, Конни! Так я и знал, что ты здесь.

Приглядевшись сквозь пенсне, граф увидел младшего брата и Клэр… нет, Джейн… в общем, невесту Роналда; увидев же, растерялся.

— Будь другом, Галахад, — важно сказал он, — подожди, я занят.

— О, Боже! — воскликнул тем временем Галл и, глядя на темную глыбу. — Это еще кто?

— Злодей, — пояснил лорд Эмсворт. — Сообщник твоего Парслоу. Сейчас я дам ему две недели.

Фраза эта сломила виконта.

— Трипвуд! — возопил он. — Скажите им, кто я! Галахад поймал монокль и вгляделся.

— Откуда мне знать? — ответил он. — Похожи вы на тружеников

моря. Неужели мы встречались? А, вот, вот! Сейчас, сейчас… Да это Скунс, чтоб мне лопнуть! Как же вас угораздило? Кларенс, я все объясню, но лучше бы — без свидетелей. Нельзя ли вас попросить, мой друг? — обратился он к Биджу.

— Слушаюсь, сэр, — отвечал разочарованный Бидж, ставя на место Давида, и величаво, словно хозяйка на приеме, вышел вместе с лакеями.

— Это не опасно, Галахад? — проверил лорд Эмсворт.

— Что ты! Скунс у нас ручной. То есть Пайк. То есть лорд Тилбери.

— Лорд?

— Лорд.

— Лорд?!

— Что поделаешь, дали титул.

— Зачем же ему губить ее?

— Какое там «губить»! За рукописью приехали?

— У меня все права, — сухо ответил виконт.

— Помню, помню. Плюньте, Скунс, свинья ее съела.

— Что?!

— То. Съела. Опубликуете свинью?

Лица никто бы не рассмотрел, но общее выражение свидетельствовало о том, что удар попал в цель.

— У-ы! — сказал магнат.

— Да, печально, — поддержал его добрый Галли.

— Если разрешите, я вернусь в гостиницу.

— Ну, что вы! В таком виде? Нет, вам надо вымыться. Бидж!

— Сэр? — с непостижимой быстротой отозвался дворецкий.

— Будьте добры, проводите лорда Тилбери в ванную. И позвоните в «Герб», пусть пришлют его вещи. Он проведет у нас ночь. Что там, много ночей. В общем, погостит. Скунс, не возражайте! Мы двадцать пять лет не виделись.

Какое-то мгновение казалось, что гордый дух Пайков возропщет; но он не возроптал. У каждого своя цена. Магната прессы мы оценили бы в одну пенистую ванну и два подогретых полотенца.

— Спасибо, — буркнул он и, словно гора, неохотно направившаяся к Магомету, пошел за Биджем.

— А теперь, Конни, — сказал Галахад, — отложи альбом, включайся в жизнь.

Леди Констанс достойной поступью вышла из угла.

— Судя по всему, — заметил Галли, недружелюбно на нее глядя, — ты вконец допекла бедного Кларенса.

— Я поделилась с ним своим мнением.

— Воображаю. То-то он еле жив.

— Кларенс охотно слушал, — возразила леди Констанс. — Насколько я понимаю, ему ясен его долг. Однако я предпочла бы обсуждать это в узком кругу.

— То есть без мисс Браун?

— Мне кажется, ей самой неприятны эти споры.

— Что поделаешь, я ее нарочно сюда привел. Для тебя, Кларенс.

— Э? — встрепенулся лорд Эмсворт, размышлявший о свиньях.

— Хотел ее тебе показать. Прошу! Поправь свое собачье пенсне и вглядись получше. Ну, как?

— Прелестно, прелестно, — отвечал куртуазный граф.

— Галахад! — сказала леди Констанс.

— Да?

— Не понимаю, зачем это нужно! Все согласны, что мисс Браун хороша собой.

— Хороша! Да не в том дело. Она *хорошая.* Честная, добрая, верная — ну, как ее мать. Тому, кто на ней женится, можно позавидовать. Кто этот Ронни, честное слово, принц Уэлльский? Он — мой племянник, этим все сказано. Посмотрите на меня! Может человек с таким дядей вообще рассчитывать на брак?

Мнение это настолько совпадало с ее собственным, что леди Констанс промолчала. Конечно, догадывалась она, какой-то подвох тут есть — но додумать не успела, брат ее продолжал:

— Кларенс, проснись! Послушай! Насколько я понимаю, все зависит от тебя. Мне ли не. понимать, что на свободном рынке Ронни стоит два пенса в месяц! Значит, ему нужны деньги.

— Которых он не получит, — вставила леди Констанс.

— Получит, получит, если Кларенс не подведет. Эй, проснись!

— Я не сплю, мой дорогой.

— Так получит он деньги?

Лорд Эмсворт, словно загнанный олень, поиграл своим пенсне.

— Конни думает… — начал он.

— Знаю. Когда мы будем одни, напомни, я скажу, что я думаю о Конни.

— Если ты намерен мне грубить…

— Грубить! Нет, это поразительно! Да я все смягчаю. По-моему, ты склочна и горда, но разве я это скажу?

— Ах, спасибо!

— Ну, может быть, Кларенсу… Так как же, Кларенс?
— А? Э? Что, мой дорогой?
— Дашь или не дашь?
— Понимаешь, Конни…
— А, ну ее к черту!
— Галахад!
— Да, к черту. Плюнь и забудь. Какое тебе до нее дело?
— Вот как? Разреши сказать, Галахад…
— Ни в коем случае.
— А я скажу.
— А я не буду слушать.
— Га-ла…
— Можно? — спросила Сью тонким, робким голоском, но эффект был немалый. В частности, лорд Эмсворт, вообще о ней забывший, подпрыгнул, как треска на удочке.
— Не сердитесь, — продолжала она, — только мы с Ронни сейчас уедем и поженимся.
— Что?!
— Понимаете, все так запуталось, что мы поговорили и решили. Другого выхода нет.
Леди Констанс величаво обернулась к старшему брату.
— Ты слышишь?
— То есть как — слышу? Конечно, слышу! Я что, глухой?
— Надеюсь, ты проявишь твердость?
— Твердость?
— Вот именно. Запрети им.
— Как? Нет, ты скажи, как? У нас в конце концов свобода. Каждый англичанин имеет право ездить!
— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Если ты не дашь им денег, они не поженятся.
К своему сожалению, Галли был с этим согласен.
— На что вы будете жить? — спросил он.
— На то, что причитается Ронни.
— Кто же вам это даст?
— Лорд Эмсворт.
— Э?
— Ронни говорит, когда дядя Кларенс узнает, что он увел Императрицу…
Девятый граф подскочил, словно вспугнутый фазан.

— Что? Что? Что? Как так увел?

— Увел из домика, — объяснила Сью, — и посадил в машину. На заднее сиденье.

— Как ее можно посадить?

— Вот именно, — вмешалась леди Констанс. — Даже ты понимаешь, Кларенс, что это смешно.

— О, нет! — возразила Сью. — Это очень просто. Ронни тянул, а… один человек толкал.

— Конечно, — сказал опытный Галли. — Ты забываешь, что у нее в носу кольцо. Помню, когда мы с Булкой Бенджером…

— Ронни, — продолжала Сью, — хочет ее покатать.

— Покатать! — ужаснулся граф.

— Если вы не дадите денег. Прокатит по Англии.

— Прекрасная мысль, — одобрил Галли. — Сегодня — здесь, завтра — там. Что называется, турне. Непременно заверните в Брайтон.

— Спасибо, я скажу Ронни.

— Да, скажите.

— Не верю, — сообщил граф.

— Ронни так и думал, — произнесла Сью. — Пожалуйста, вот они. Отсюда видно.

Не страшась увечий, граф перелетел с оттоманки к окну. На заднем сиденье в лунном свете белело кроткое рыло.

— Ой, Господи! — закричал он. — Что же это такое?! Племянник поглядел вверх, выразил гудком почтительное сожаление и юркнул во тьму, сверкнув ярким сигналом.

— Не кричите на него, — попросила Сью. — Не надо.

— Вот именно, — поддержал ее Галли. — А что же надо? Сейчас скажу. Пообещай при свидетелях, что деньги дашь, и выпиши пока что чек тысячи на две.

— Ронни так и думал, — одобрила Сью. — Тогда Пербрайт ее заберет.

— Кларенс! — сказала леди Констанс.

Но это уже не действовало. Перелетев к столу, граф дрожащей рукой шарил в ящике.

— Кларенс! Ты их не дашь!

— Дам, дам, — заверил лорд Эмсворт, пробуя перо на палец.

— Неужели эта несчастная свинья важнее, чем судьба Роналда?

— А ты как думала? — удивился граф. — И вообще, какая судьба? Все в порядке. Он женится на замечательной девушке. Она за ним присмотрит.

— Прекрасно сказано, — одобрил Галли.

— Что ж, я пойду, — сообщила леди Констанс.

— Нет, Конни, постой. Нам нужен свидетель. Да и тебе нужны хорошие зрелища. Неужели упустишь такую сцену? Как там у Киплинга? Так, что ли:

Да пожинает милости достойный человек.
Жених, люби невесту! Старик, дари им чек!
Благодаря и радуясь, избыв свою вину,
Мы поведем корабль любви…[42]

Дверь хлопнула.

— …В блаженную страну. Пиши четко, Кларенс, на одной стороне листа, и не забудь расписаться. Число — четырнадцатое августа.

Глава XVIII

Алый огонек исчез за поворотом дорожки. Галахад окончательно протер монокль, вставил в глаз и посмотрел вслед машине. После грозы стало свежо. Луна учтиво сияла на чистом небе. Любой, самый тихий звук был бы слышен в тишине, а тот, что раздался, тихим не был. К Галли шел кто-то, скажем так, массивный.

— Бидж! — догадался он.

— Да, мистер Галахад.

— Что вы делаете в такой час?

— Решил проверить, как *она* там.

— Совесть заела?

— Простите, сэр?

— Заела совесть, ведь это вы ее толкали?

— Кому же еще, сэр! Мистер Роналд полагал, что так — эффективней, я больше вешу. Надеюсь, — несмело прибавил он, — это между нами?

— Конечно.

— Спасибо вам большое. Только бы милорд не узнал! Я видел, как уезжали мисс Сью и мистер Роналд.

— Да? Я вас не заметил.

— Я стоял в отдалении.

— Подошли бы, попрощались.

— Я попрощался, сэр. Они ко мне заглянули.

— Правильно. Что бы они без вас делали? Они вас хотя бы поцеловали?

Дворецкий смущенно почесал левой ногой правую.

— Мисс Сью, сэр, не мистер Роналд.

— Вот как? «Дженни быстро подбежала и меня поцеловала». Сегодня я просто исхожу стихами, Бидж. От луны, не иначе.

— Вероятно, сэр. Боюсь, как бы мистер Роналд и мисс Сью не устали. Им долго ехать.

— Но приятно.

— Могу ли я спросить, сэр, каковы их финансовые обстоятельства? Когда они заходили, вопрос еще не был решен.

— Все в порядке. А как свинья?

— Тоже в порядке, сэр.

— Значит, порядок царит повсюду. Так обычно и кончается, Бидж.

— О, как вы правы, сэр!

Они помолчали: потом дворецкий осведомился, понизив голос:

— Как приняла это миледи, сэр?

— Какая именно?

— Я имел в виду леди Джулию, сэр.

— А, Джулию! Знаете, Бидж, в ней есть величие. Угадайте с трех раз, что она сделала.

— Не могу, сэр.

— Сказала: «Ну-ну!» и закурила.

— Вот как, сэр?

— Вы ее не знали в детстве?

— Нет, сэр. Когда я сюда поступил, ей было двадцать с небольшим.

— Она укусила гувернантку.

— Неужели, сэр?

— В руку и в ногу. Причем заметьте, с этим самым ангельским видом. Редкая женщина, Бидж.

— Я всегда глубоко почитал леди Джулию, сэр.

— И знаете, этот Ронни что-то унаследовал. Казалось бы, охламон охламоном, да еще и с ветрянкой, а вот поди ж ты! Сегодня у меня открылись глаза. Я понял, что нашла в нем Сью. Что-то такое есть, да, есть… Видимо, она будет счастлива.

— Я в этом уверен, сэр.

— И слава Богу, а то бы я его удушил. Вы видели Долли Хендерсон?

— Неоднократно, сэр. Когда я служил в Лондоне, я часто ходил в театр.

— Правда, Сью на нее похожа?

— В высшей степени, сэр.

Галахад посмотрел на парк, залитый лунным светом. Где-то журчал ручей, бежавший в озеро сквозь камни и папоротники.

— Что ж, Бидж, доброй вам ночи.

— И вам, мистер Галахад.

Императрица заворочалась во сне и приоткрыла глаз. Ей показалось, что где-то рядом зашуршал капустный лист, а эти листья она могла есть в любое время суток. И впрямь, ночной ветерок нес что-то по соломе.

То был действительно лист, но не капусты, а бумаги. Императрица съела и его, ибо, как истинный философ, принимала то, что дает судьба. Капуста, знала она, придет, когда ей положено.

Потом она закрыла глаз и легко вздохнула. Ее величавые формы освещала серебряная медаль луны.

Замороженные деньги

Перевод с английского Н. Трауберг

Глава 1

1

Сержант, сидевший за своим столом в небольшой парижской полиции, был так спокоен, вял и неповоротлив, словно его изготовили из нутряного сала. Роджет[43] в своем толковом словаре нашел бы для него выражения «вялый, бесстрастный, тупой», которые нимало не подошли бы стоящему перед ним молодому человеку, напоминавшему скорее кота на раскаленной плите. Лингвист применил бы к Джерри Шусмиту слово «прыгучий», а сторонний наблюдатель решил бы, что его подвергают пытке, которая заменила во Франции так называемую «третью степень».[44]

Однако волновался он по более прозаической причине. Завершая отдых в Париже, он потерял бумажник, где лежали ключи от временной его квартиры. Беспокоила же его мысль о том, где он будет ночевать, если бумажник не нашли.

Пока это было неясно. Сержант, ставивший печати в том ритме, в каком играют на ударных инструментах, отдела не оторвался. Неудобно мешать серьезным людям, но Джерри чувствовал, что придется.

— Pardon, monsieur, — сказал он.

Сержант оторвался от бумаг. Если его удивило, что он не один, он этого не выказал. Как мы заметили, его лицо не выражало эмоций.

— Да?

— Я насчет бумажника. Потерял, знаете…

— Вон та дверь. К секретарю.

— Я там был, меня послали сюда.

— Правильно. Сперва — он, потом — я.

— Если я опять к нему пойду, он опять пошлет к вам?

— Конечно.

— И вы все равно…

— Вон та дверь.

— А он пошлет?

— Конечно.

— А вы пошлете к нему?

— Когда речь идет о пропаже личных вещей, так положено.

Джерри задрожал, падая при этом духом, ибо он понял, что перед ним

— несравненная французская бюрократия. Там, где Лондон и Нью-Йорк скользят по поверхности, галлы идут в глубину. Известно, что французский чиновник может в рекордный срок довести до седых волос, которые клиент немедленно начнет вырывать.

— О, Господи! — вскричал Джерри. — Карусель какая-то! Сержант заверил его, что никогда не катался на карусели.

— Зря, — сказал Джерри, — попробуйте. Будете чемпионом, хотя секретарь — серьезный соперник. Хорошо, я пойду к нему — а потом куда? К Брижит Бардо?

Секретарь терпеливо объяснил, что мадемуазель Бардо не связана с полицейской службой. Джерри его поблагодарил.

— Пока я с вами, — прибавил он, — сообщу, что потерял бумажник. В нем деньги и ключи. К счастью, паспорт и билет — при мне, а то бы не смог вернуться в Лондон.

— Вы англичанин?

— Да.

— По-французски неплохо говорите.

— Поднабрался, знаете ли. Много читаю.

— Ясно. Акцент — мдэ, м-м, но понять можно, можно. Значит, бумажник. Где утерян? Время суток?

Джерри подумал.

— В кино, вроде бы. Наверное, оставил в зале.

— Кинотеатр, название?

— Ну, тут, рядом.

Сержант впервые проявил какие-то чувства.

— Это я знаю, сам хожу. В свободное время. Что там идет?

— Не помню, как называется. Такая, знаете, цветочница, стала знаменитой актрисой. Что-то у нее эдакое в глазах. А потом узнали, что один глаз — стеклянный. Сами понимаете, что вышло!

— Это новый. На той неделе я смотрел про девицу. Влюбился в нее один тип, очень развратный, и она решила его исправить. Ну, он исправился, пошел в монахи, а она — на панель. Смеялся, чуть не лопнул. Во напортачили, а?

Джерри согласился, что герои фильма внесли в свою жизнь порядочную путаницу, но, по своей односторонности, вернулся к главной теме. Приятно поболтать об искусстве, и все же — дело есть дело.

— А вот бумажник… — начал он.

— Мдэ…

— Если вы помните, я его потерял.

— Помню. Из чего изготовлен?

— Такой, знаете, кожаный.

— Точнее.

— Крокодиловый, что ли.

— Окраска?

— Коричневый, знаете, красноватый.

— Так. Размеры?

— Дюймов шесть в длину.

— Надпись есть?

— «Д. Ш.», золотом.

Сержант вспомнил, что именно такой бумажник ему принесли из кино минут пятнадцать назад, но уважающий себя француз, если он служит в полиции, не позволит таким пустякам нарушить мерный ритм дела.

— Ключи содержит?

— Я же сказал!

— В каком количестве?

— Два ключа.

— Назначение?

— Простите?

— От каких дверей ключи?

— А, вот что! От первой и второй двери в квартиру.

— У вас имеется квартира в Париже?

— Не у меня, у дяди. Он приезжает на уик-энд. Сержант настолько забылся, что присвистнул.

— Это какие же деньги надо!

— Он богатый человек. Известный юрист, они — акулы.

— И предоставил вам квартиру?

— Да, чтоб не тратился на гостиницу. Это очень удобно… кроме таких случаев. Теперь я в нее не попаду.

— В силу отсутствия ключей?

— Вот именно. А войти надо.

Сержант с исключительной ловкостью поставил несколько печатей.

— Размер?

— Чего, ключей? Один — побольше, другой — поменьше.

Сержант поджал губы.

— Описать можете?

— Маленький — плоский, большой — круглый.

— Круглый?

— Ну, такой, объемный. Как все ключи.

— Видимо, не все… Туманно, туманно. Резьба на бородке?

— Простите?!

— Я спрашиваю, есть ли у какого-либо из ключей резьба на бородке. Ясно?

— Нет.

— Нет резьбы?

— Не знаю. Сержант удивился.

— Вы же сказали: «Нет», а теперь. — «Не знаю». Так мы далеко не уйдем.

— Я сказал: «Нет, неясно».

— Почему?

— Я не понимаю, где у ключа бородка. Сержант ушам своим не поверил.

— То есть, как? — Он вынул из кармана ключи. — Видали? Вот — бородка. Теперь можете сказать, есть резьба?

— Нет.

Насколько позволяли черты лица, сержант выразил радость.

— Ага! Прекрасно. Резьбы нет.

— Я не знаю! Вы спросили, могу ли я ответить, и я ответил — нет, не могу. Господи, зачем это вам?

Сержант огорчился. Он был спокойный человек, но тут подумал, что клиент попался трудный.

— Нужен порядок. Система. Хорошо, перейдем к деньгам. Сколько их было, то есть сумма?

— Их немного.

— А точнее?

— Бумажка в тысячу франков и сдача, франков двести.

— Содержимое — тысяча двести франков, два ключа — крупный и мелкий. Так?

— Да.

— Бумажник изготовлен из кожи?

— Да.

— Коричневого цвета с красноватым оттенком?

— Да.

— С инициалами «Д. Ш.»?

— Да.

— Вот он, — сообщил сержант, открывая ящик. — Резьба есть. Сумма… так, так… тысяча двести двадцать франков. — Приложив линейку, он покачал головой. — Пять с половиной дюймов. Хорошо, я не

бюрократ. Сейчас подпишем заявление.

Он вынул три листа бумаги, переложил их копиркой и стал выводить буквы, как толстый ребенок, трудящийся над прописью.

— Имя, фамилия?

— Джеральд Шусмит.

— Фамилия — Жераль?

— Нет, это имя.

— Тогда Шу-Смит, Жераль.

— А можно бумажник? Я бы пошел и лег.

— Все в свое время. Адрес?

— Лондон, Хэлси-корт, Хэлси-Чамберс, квартира три.

— Эл-си?

— Хэлси. Через «Аш».

— Возраст?

— Двадцать семь.

— Род занятий?

— Журналист. Служу в газете. Собственно, я издаю «Светские сплетни».

— Скажем так, работник прессы.

Сержант писал еще что-то и что-то бормотал, но Джерри уловил только «…не мог указать, имеется ли резьба на бородке». Потом он все прочитал так тщательно, словно перед ним — рукопись Мертвого моря, и протянул заявление Джерри.

Тот подписал и радостно схватил бумажник.

— Минуточку! — сказал служитель закона.

— Так вроде все в порядке.

— Надо марки приклеить.

— Сколько они стоят?

— Двадцать франков.

— Ну, возьмите.

— Они в бумажнике.

— А вы их выньте. Сержант очень удивился.

— Вынуть? — хрипло прошептал он.

— Конечно.

— А если вы скажете, что денег меньше, чем означено?

— Не скажу.

— Откуда я знаю? Все надо делать по порядку.

— И верно, мы ведь не спешим.

— Я тут буду до утра.

— Как и я, по-видимому. Можно, я закрою лицо руками? Если разрешите, я поплачу. Это недолго.

Действительно, через некоторое время Джерри посмотрел на сержанта, и взгляд его был веселее.

— Знаете что? — предложил он. — Одолжите мне двадцать франков.

— Из своего кармана?

— Ну, хотите, я отдам двести?

— Вы предлагаете мне взятку?

— Нет, нет, что вы! Благодарность за услугу.

— На дежурстве, — строго сказал сержант, — я услуг не оказываю. Я служу только закону.

— Законник, однако! Чушь какая-то.

— Что?!

— Вы слышали.

— Да, слышал, и вправе арестовать вас за оскорбление.

— Я вас не оскорблял. Я оскорблял закон, не вы его выдумали.

— Я ему служу.

— Оно и видно.

— Мне не нравится ваш тон. Могу арестовать за бродяжничество.

— Это кто бродяга?

— Вы. Вам негде ночевать.

— Из-за вас. Простите, я опять закрою лицо руками.

Воцарилось молчание. Сержант обиженно штамповал бумаги, Джерри через несколько секунд закурил сигарету. Вдруг он вскрикнул, да так, что сержант поставил печать на собственный палец.

— Есть! Вот, смотрите. Вам нужны двадцать франков. В бумажнике — тысяча двести двадцать. Теперь перепишем эту штуку, ставим «1200», двадцать берем. Так? Согласны?

Сержант пососал опечатанный палец.

— Переписываем? Здесь же подпись и печать!

— Ничего. Снова поставим.

— У меня больше нет копирки.

— Есть, есть. Вон лежит.

— Но…

— Рискните. Как говорится, «De l'audace, et encore de l’audace, et toujours de l'audace».[45]

Сержант подумал и встал.

— Пойду, спрошу разрешения, — сказал он. — Нужна официальная санкция.

И прошествовал в дверь, которая вела к секретарю.

2

Секретарь был суетливый, маленький, в очках, с отвислыми усами. Он раздраженно взглянул на дверь, сердясь, вероятно, потому, что ему помешали беседовать с очень хорошенькой девушкой. Вошла она только что, и секретарю понравились ее подвижность, стройность, легкость, вздернутый носик, яркие карие глаза.

Понравились они и сержанту, и в его, скажем так, уме пронеслась неприятная мысль: «Везет же людям!» Секретарь, видите ли, беседует с такими девицами, а он — со всякими нахалами, которые не почитают французских законов. Но, вспомнив, что он пришел по делу, несчастный подавил жалость к себе.

— Простите, что помешал, — сказал он. — Комиссара нет, — а надо уточнить одну штуку. Вот, вы послали ко мне молодого человека, который с бумажником.

— А, да. Такой англичанин, Жераль Шу-Смит, из газеты.

— Шу-Смит, Жераль, — уточнил страж закона.

Девушка, подмазывавшая губы, опустила помаду и спросила:

— Шу-Смит?

— Да, мадемуазель.

— Не может быть. Таких фамилий не бывает.

— Простите, у меня записано. Он мне сам сказал. Девушка взглянула на бумажку и немного подумала.

— А, Шусмит!

— Я и говорю, мадемуазель, Шу-Смит.

— А еще Джеральд. Ах ты, черт! Он большой? Ну, крупный? Могучий?

— Да, мадемуазель, корпулентный.

— И такой, вроде овцы?

Сержант это обдумал, усомнившись, что можно сравнить с самой овцой того, кто непочтителен к закону, и отвечал:

— Несдержан, мадемуазель, легкомыслен, но вообще — покладист.

— И еще из газеты. Конечно, тот. Два года назад мы плыли с ним в Европу. Оказалось, что он дружит с моим братом, так что и мы подружились. Он немножко страдал, его в Нью-Йорке уволили. А что он сейчас делает?

— Что-то издает.

— Интересно, что. Наверное, умный еженедельник. С виду не подумаешь, но я догадалась, что он — очень ученый.

— Неужели, мадемуазель?

— Да, ученый. Знает живопись, литературу, и вообще. Писал в «Нью Стейтсмен», сами понимаете.

— Как не понять, мадемуазель.

— Но не думайте, он не сноб. Он очень хороший, а то бы мой брат с ним не дружил. Я просто хотела сказать, что с виду он — простой, а в глубине — ого!

— Это бывает, мадемуазель.

Тут вмешался секретарь, ощутивший, что его оттирают от блестящей, истинно салонной беседы.

— Вы хотели со мной посоветоваться, — сказал он сержанту, и тот уловил обиду, но не покраснел, ибо и так был потемнее черешни, зато чуть-чуть задрожал, словно пудинг под ветром.

— Да, месье. Тут такой вопрос. Если утерян предмет, содержащий некую сумму, дозволительно ли оплатить марки для письменного заявления из упомянутой суммы, содержащейся в предмете?

— У этого Шу-Смита нет денег?

— Вот именно, мсье. Наличность его в предмете, иными словами — в бумажнике (один, коричневый, крокодиловый, пять с половиной дюймов в длину).

— Тогда — конечно, можно.

— Вправе ли я соответственно изменить сумму, указанную в заявлении?

— Меняйте.

— Не одолжите ли два листка копирки?

— С удовольствием.

— Благодарю.

— Сержант, — сказала девушка, когда он направился к двери, — задержите, пожалуйста, Шусмита, пока я тут не управлюсь. Хочу с ним поговорить.

— Постараюсь, мадемуазель.

После его ухода секретарь обернулся к ней.

— Итак, мадемуазель, — спросил он, — чем могу быть полезен? Может быть, будем говорить по-английски? Я говорю свободно.

— Да, давайте. Я два года в Париже, а все-таки как-то легче. Когда вы говорите по-английски, вам тоже надоедает?

— Нет, мадемуазель. Не изложите ли вы свое дело? Вы что-то потеряли?

— Да, я…

— Минуточку, все — по порядку. Имя, фамилия?

— Кэй Кристофер.

— Кристофер, Кэ. Что означает эта буква?

— Ну, вообще-то Кэтрин, но меня всегда зовут Кэй. Не «Кэ», а «Кэй». Так бывает в Америке.

— Вы американка?

— Да.

— Служите в Париже или просто живете?

— Служу, в «Нью-Йорк Хералд Трибьюн».

— Чрезвычайно почтенная газета. Читаю ради языка. Что ж вы потеряли?

— Брата.

Секретарь заморгал.

— Его два дня как нет. Мы живем вместе, он тогда ушел — и не идет. Я ждала, ждала, а потом решила обратиться в полицию.

— В больницы звонили?

— Да, во все до единой. Нету.

Секретарь посоветовал было морг, но сдержался.

— Вы говорите, два дня?

— Примерно двое суток. Я рано ухожу, он поздно спит, но, когда я пришла, его не было. Вообще-то я не паникую, он часто у нас бродит, но… понимаете, третий день…

— Конечно, понимаю. Не захочешь — обеспокоишься. Что ж, заверяю вас, полиция сделает все возможное. Как зовут вашего брата?

— Эдмунд Биффен Кристофер. Простите, Кристофер Эдмунд Биффен.

— Так, так. Эдмон Биффэ’н. Странное имя, я такого не слышал.

— Фамилия крестного.

— Ах, вон что!

— А ему, вы знаете, не нравится «Эдмунд». Говорит, это — важнейший тип с двойным подбородком.

— Вот как? — сказал секретарь, слегка моргая, ибо его звали Эдмоном.

— К счастью, все зовут его Бифф.

— Мдэ, м-дэ… Возраст?

— Двадцать девять лет. Скоро тридцать. Мог бы взяться за ум!

— Профессия?

— Там, у нас, был репортером, а потом уехал сюда. Пишет роман, но как-то туго. Хмурится, бормочет: «Надо еще подчистить». Вы же знаете, что теперь читают. Если нет таких всяких слов, книгу не откроют. Ну, как на заборе.

— Напишем «Романист».

— Рискнем, напишем.

— Не могли бы дать его словесный портрет?

Кэй засмеялась. Секретарь подумал, что у нее — мелодичный смех.

— Ну, это легко, — сказала она. — Вылитая такса.

— Простите?

— Нос — вперед, глаза — карие, подбородка нету. Волосы, костюм, ботинки — рыжего собачьего цвета.

— А, понятно! Теперь — настроение. Он был спокоен, весел?

— В высшей степени.

— Как у него с деньгами?

— Какие уж деньги! Но вообще, этот крестный недавно умер, оставил миллионы. Бифф думает, он — прямой наследник.

— Словом, — сказал деликатный секретарь, — самоубийство мы исключим?

— Господи, конечно! Бифф в жизни себя не убьет, пока на свете есть блондинки.

— Он их любит?

— Обожает. Я боюсь, а вдруг он на какой-то женился? Но будем надеяться.

— Будем, мадемуазель. Другого нам не дано. Что ж, больше спрашивать не о чем. Не повторите ли вы сержанту то, что сказали мне?

— А надо? Может, обойдемся?

— Так положено. Нет, нет. Через эту дверь ходим мы с комиссаром и сержантом. Посетители выходят, а туда проникают с улицы.

3

Сержант вернулся к Джерри с видом дипломата, который долго решал важнейшую проблему.

— Все в порядке, — сказал он.

— Слава Богу, — сказал Джерри. — Знаете, я так и думал, что вы все устроите.

— Секретарь не возражает, — сообщил сержант через минуту-другую,

прочитал заявление и медленно его протянул. — Подпишите. С нажимом, тут копирка. Спасибо.

Он наклеил марки, вынул из стола бумажник, из бумажника — двадцать франков, положил их в стол и запер его.

— Ну, все, — сказал он. — Вот вам второй экземпляр. Первый и копирку оставляем для архива.

— А бумажник? — спросил Джерри. Сержант устало улыбнулся.

— Зайдите через три дня в бюро находок, Рю Бурдийон, 36, — сообщил он с таким видом, с каким сообщают хорошую новость.

Джерри вскочил и схватился за голову.

— Да я завтра улетаю!

— Вы говорили.

— Где ж я буду ночевать?

Сержант развел руками и принялся за бумаги.

Глава II

1

Кэй решила не ходить к сержанту — ей показалось, что беседа с ним не возвышает и даже не развлекает душу. Конечно, она ошибалась, он мог бы порассказать ей немало занимательного о бородках ключа; но ей это было неведомо. И вот она стояла на улице, у дверей, надеясь, что Джерри скоро выйдет.

Вышел он скоро, но не совсем в себе. Взор его блуждал, руки дрожали, грудь вздымалась. Затравленный олень, окажись он случайно рядом, похлопал бы его по плечу, с налету узнав своего.

Кэй бодро его окликнула.

— Привет! — сказала она. — Рада вас видеть, Жераль. Он предостерегающе поднял руку.

— Идете к сержанту? — хрипло спросил о«. — Не ходите. Рехнетесь.

Он прервал свою речь, всмотрелся и подошел поближе.

— Минутку, минутку… О, Господи!

Глаза у него вылезли, что модно среди улиток. После недавней беседы ему казалось, что жизнь навсегда лишилась света и смеха, но вот она возникла из мглы и совершила чудо, озарив его и согрев, как суп в одиннадцать часов.

Тогда, на «Мавритании», она ему очень нравилась, и пусть какой-нибудь циник не говорит, что на море понравится кто угодно. Тот же циник не снискал бы успеха, сказав сейчас, что всякий обрадует, если он не сержант. Странные чувства зашевелились в Джерри, и он почему-то услышал звон колокольчиков.

— Господи! — сказал он. — Это вы!

— Так говорят, — отвечала Кэй, — когда гадают, кто это.

— Вы что, думаете, я вас забыл?

— А что такого? Плыли пять дней, два года не виделись. Тогда, в Шербуре, вы сказали: «Будем держать связь». Сказали, но не держали.

— Как я мог? Вы — в Париже, я — в Лондоне. Работа.

— Я очень рада, что вы ее нашли. На «Мавритании» вы волновались, что останетесь безработным. Хоть написали бы!

— Я не знал адреса.

— И я вашего не знала.
— А какой он?
— Рю Жакоб, 16. Загляните как-нибудь.
— Завтра лечу в Лондон.
— Вот уж корабли в ночи! Когда приедете?
— Через год, не раньше.
— Жаль. Ну ладно, расскажите о себе. Все в порядке?
— Да. То есть, нет.
— Так да или нет?
— Сейчас — в порядке, а пока вас не было — синяя жуть.
— Вы и сам какой-то синий. Видимо, от этой лампы. Пойдем выпьем кофе, а? Чего тут стоять!
Джерри вздохнул.
— Я бы рад, но у меня нет денег.
— Как, вам не вернули бумажник?
— Если бы вы знали сержанта, вы бы не спросили. Мухоловка, а не человек! А вы что, слышали?
— Когда я сидела у секретаря, ваш сержант к нам зашел.
— А, так вы его знаете! Это хорошо, иначе бы вы не поняли. Да, бумажник он не вернул. Надо зайти через три дня в бюро находок.
— Что в нем было?
— Все деньги и ключи.
— Значит, вам не войти в квартиру?
— Вот именно.
— Может, консьержка впустит?
— Там нет консьержки. Это, собственно, домик. Если войдешь — очень милый. К несчастью, я не войду. Какой уж тут кофе!
— Ерунда, я заплачу.
Шусмиты горды, и в обычных обстоятельствах Джерри бы отказался. Но после беседы с сержантом надо выпить.
— Да? — сказал он. — А капельку бренди можно?
— Конечно.
— Я отдам, когда вернусь к цивилизации.
— Чепуха какая.
— Спасибо!
— Не за что. Рада служить.

Бистро на соседней улице было того смиренного типа, который связывается в сознании с цинковой стойкой и столиками под мрамор; там было множество таксистов, выглядевших так, словно они трудились в подземной канализации, но Джерри показалось, что это — именно то, что Кубла Хан[46] назвал бы «услады храмом величавым». Садясь на стул, еще более твердый, чем у сержанта, он трепетал от благодарности к устроительнице пира.

— А вот скажите, — начал он, когда прибыли кофе и, видимо, карболка, оказавшаяся на поверку чем-то вроде бренди, — вы ходили к этому секретарю. В чем дело? Вы что-то потеряли?

— Странный напиток, — заметила Кэй. — Вероятно, им выводят пятна. Но какой-то смысл в нем есть. Потеряла? Еще бы! Я потеряла Биффа.

Джерри удивился.

— Биффа? То есть Биффа? Биффена?

— У меня один Бифф, и то много. Он исчез. Испарился. Его нет третий день.

— Господи! Представляю, как вы волнуетесь.

— Нет, не особенно. Загулял где-то.

— Да, на это он был мастер.

— И остался.

— Париж его не изменил?

— С чего бы?

— Пора бы жениться.

— Если найдется жена, которая с ним справится. Таких бульдожиц мало. Вроде бы в прошлом году нашел, хотя она не из бульдогов — спокойная, порядочная, правда, с железной волей. Зовут Линда Ром. Она бы с ним управилась, но нет, разорвала помолвку.

— Почему?

— Слишком чувствительная. Я очень люблю Биффа, но выдержит его только тюремная надзирательница, которая подрабатывает дрессировкой блох. В общем, жаль. Но поговорим о вас. Хочешь — не хочешь, а подумаешь, что вы попали в переплет. Как вы вернетесь в Лондон, если у вас нет денег?

— Это ничего, у меня билет и паспорт.

— Хорошо, а где вы будете спать? Об этом вы думали?

— Вполне. Видимо, в парке, на скамейке.

— Ну, что вы! Помолчите минутку, я что-нибудь измыслю.

Пока она размышляла. Джерри смотрел на нее поверх чашки, не

надеясь — он знал, что проблема неразрешима, — а просто потому, что испытывал в этом поистине духовную потребность. Собственно, он мог бы смотреть на нее вечно.

— Есть! — сказала она.

Чувства буквально затопили его. Рядом шоферы затеяли шумную французскую свару, воздух дрожал от взаимных инвектив, но Джерри ощущал одно: перед ним не только прекраснейшая из всех, кто играл на палубе в теннис или пил одиннадцатичасовой бульон, но и первоклассный мудрец. Словом, тут, за столиком — та, кого он искал всю свою взрослую жизнь. Ее взгляд, завитки волос вокруг шляпки, манера пить кофе — все было таким, что сама мысль об отъезде вызывала дурноту. Он рванулся вперед, разлив немало карболки, и собирался, как выразились бы у него в газете, представить общую картину, когда она сказала:

— Вы заночуете у Генри.

— А кто это?

— Генри Блейк-Сомерсет, из посольства. Это тут, рядом. Если все разлили, идемте.

3

Если бы въедливый репортер оторвал Генри Блейк-Сомерсета от виски с содовой, чтобы спросить, чего он особенно не хочет, тот ответил бы: «Непрошенных гостей». Он устал, он был не в духе. Ему выпал именно тот день, какие нередко выпадают молодым дипломатам — все шло вкривь и вкось, и дипломаты постарше вымещали на младших свою горечь, тогда как младшим приходилось страдать в молчании. Тем самым, открывая дверь, он нимало не напоминал добродушного трактирщика из комической оперы. Скорее мы припомнили бы Макбета, открывшего двери двум Банко.

— Привет, — сказала Кэй. — Ты не спал?

— Ложился, — сдержанно ответил Генри.

— Вот и Джерри хочет лечь, — сообщила она. — Он без крова. Да, кстати, мистер Шусмит, мистер Блейк-Сомерсет.

— Очень рад, — сердечно сказал Джерри.

— Очень рад, — сказал Генри менее сердечно.

— Сейчас, — заметила Кэй, — мистер Шусмит скрывается под кличкой Шу-Смит, но мы не виним его, о, не виним! Иначе он не сумеет всучить премьеру секретные документы. Да, что я говорила? А, вот, у него нет денег. Расскажите ему все, Джерри.

Джерри рассказал, но довольно сдержанно, ибо взгляд хозяина вдохновлять не мог. Генри был строен и поразительно красив какой-то холодной красотой. В нем было то, что Джерри однажды назвал «эмалированной элегантностью». Аристократический нос изящно изгибался, губы сжимались в линию, светлые волосы казались еще и легкими, светлые глаза были ярче, чем нужно. Кэй сказала, что он служит в посольстве, и Джерри охотно в это верил. Перед ним был растущий дипломат, который блестяще разбирается в бумагах и поставит на место шпиона одним движением брови.

— Видишь, — дополнила Кэй историю о бумажнике, — бедный Шу-Смит — истинный голубь из ковчега, которому не на что присесть. Если ты его не приютишь, у него, как вы бы сказали, быстро ухудшится ситуация. Можно положить в той комнатке. — И Генри, без какой бы то ни было сердечности, выговорил «Мдэ».

— Можешь, можешь, — повторила для верности Кэй. — Ну, я вас оставлю. Спокойной ночи, Джерри.

После ее ухода они долго молчали. Джерри думал о ней, Генри — о Джерри. Предоставленный самому себе, он допил бы виски, завел часы, почистил зубы, прополоскал горло и лег, чтобы наутро, в посольстве, оказаться бодрым и свежим. И вот, пожалуйста! Мы не скажем, что он глядел на Джерри волком, но взгляд его был бы точно таким, если бы передним была дама под вуалью, распространяющая пряный, экзотический запах и крадущая документы.

Однако он был хозяином дома, а потому мрачно спросил:

— Выпить хотите?

— Спасибо, — ответил Джерри и тут же об этом пожалел. Ему не хотелось разговаривать. Он только что влюбился, а в таких случаях надо побыть наедине со своими мыслями.

— Я вас так затрудняю, — прибавил он.

— Ну что вы, — ответил Генри, как бы говоря: «Вот именно!» — Рад помочь.

Мы опять же не скажем, что он цедил сквозь зубы, но что-то похожее он делал.

— Я уже собирался спать в парке, — продолжал Джерри, — но мисс Кристофер буквально спасла меня.

— Вот как? — заметил Генри. — Вы с ней друзья?

— Не то чтоб друзья, — сказал Джерри, мечтая о том, чтоб взгляд у хозяина был потемней и помягче, а если уж это невозможно, не впивался в тебя с такой силой, словно ты — незваный муравей на пикнике. — Мы

вместе плыли из Нью-Йорка два года назад. А сейчас встретились в полиции.

— Что она там делала?

— Искала брата. Он куда-то делся.

Если можно презрительно пить виски, Генри этого достиг.

— Кутит где-нибудь.

— Мисс Кристофер тоже так решила.

— И правильно. Типичный бездельник.

— Вообще-то да, но я его люблю.

— Вы знакомы?

— Еще бы!

— Мне кажется, вы говорили, что мало знаете мисс Кристофер.

— Да, мало.

— Но тесно связаны с ее семьей.

— Просто Бифф был в Нью-Йорке репортером, а я — лондонским корреспондентом. Мы часто виделись с ним.

— И с мисс Кристофер?

— Нет, мы даже знакомы не были. А что?

— Да так, ничего. Она называет вас по имени.

— Теперь это принято.

— Не заметил.

— Ну, меня ни одна девушка не называет «мистер Шусмит». Это произнести невозможно. Вот попробуйте, раз десять подряд. Непременно получится «Шустер» какой-нибудь.

Генри Блейк-Сомерсет пробовать не собирался. Он сурово пил виски и молчал так долго, что Джерри стал гадать, не спит ли он.

Значит, вы познакомились на пароходе, — внезапно сказал он. — И с тех пор не виделись?

— Нет.

— Не встречались в Париже?

— Нет.

— Сколько вы плыли?

— Пять дней.

— И она зовет вас по имени. Джерри немного рассердился.

— Она и вас зовет по имени.

— Видимо, — сказал Генри, — дело в том, что мы помолвлены. Простите, я вас оставлю. Рано на работу.

Генри не солгал, на работу он вышел рано. Когда Джерри проснулся, его не было. Когда Джерри садился завтракать, зазвонил телефон.

То была Кэй.

— Генри?

— Нет, он ушел. Это я.

— Вас-то мне и нужно. Вы позавтракали?

— Только что сел.

— Не жалейте джема. Ему присылают из Шотландии. Да, так почему я звоню. Бифф объявился.

— Где же он?

— В Лондоне, у Баррибо.[47] Самый дорогой отель! Вы к нему не зайдете?

— Зайду, конечно.

— Спросите, почему он такой гад. Я извелась, лопаю таблетки, лед ко лбу прикладываю. Не щадите его, пусть помучается. Пока.

— Постойте!

— Спешу, работа. Ну, ладно, даю пять секунд. Что вы хотели сказать?

— Почему вы скрыли, что помолвлены с этим чучелом?

— Чучелом?

— Да.

— Можно подумать, что он вам не понравился.

— И нужно.

— А что такое?

— Зануда. Абсолютно непригоден к употреблению.

— Странно! Вы обжираетесь за его столом…

— Я не обжираюсь. Легкий французский завтрак. Но дело не в этом.

— А в чем же?

— В том, что вы не выйдете за него замуж. Вы выйдете за меня.

Кэй молчала примерно четверть минуты, по мнению Джерри — четверть часа.

— Что, что?

— Замуж за ме-ня.

— Мне так и послышалось. Не думайте, я не сомлела, как миссис Сэндерс.

— Кто?

— Миссис Сэндерс. Из «Пиквика». Свидетельница в суде. Она говорит, что сомлела, когда мистер Сэндерс предложил ей руку, и каждая приличная женщина сделает то же самое. Так вот, я не сделала, но удивилась. Вы уверены? Может, спутали?

— Нет. Я вас люблю. Как это я раньше не понял? Люблю, и все. Так как же?

— Что — как?

— Согласны?

— Шу-Смит, Шу-Смит! Вы переели джема. Ударил в голову. Надо было предупредить. Да вы меня едва знаете!

— Я вас знаю как облупленную.

— Пять дней на пароходе!

— Равны пяти годам на суше.

— Вы с ума сошли!

— Из-за вас. Так как же?

— Заладили, честное слово! Хотите ответа? Пожалуйста. Я чрезвычайно польщена (так говорится?), но считаю, что вы — не в себе. Да я помолвлена, в конце концов! Что бы сказал Генри? Подумать страшно. Ну, пока.

Джерри вернулся к столу и взял побольше джема. Тот делал честь Шотландии, но духа его не поднял. Понуро допив кофе, он закурил, смакуя неприятные мысли. Если бы ему сообщили, что молодой дипломат, споткнувшись о какой-нибудь договор, сломал себе шею, он, как это ни постыдно, запел бы Осанну, словно херувим или даже серафим.

Глава III

1

Отель «Баррибо», расположенный в сердце Мэйфэр, наверное, самый лучший, и уж точно — самый богатый в Лондоне. Обслуживает он главным образом махарадж и миллионеров, которые денег не считают, а если чего-то хотят, — то хотят; и поэтому ровно через пять минут после заказа Эмунд Биффен Кристоффер увидел, как вкатывают столик, уставленной посудой.

Брат прекрасной Кэтрин совершенно соответствовал портрету, который она набросала во французской полиции. Он походил на таксу больше, чем многие таксы. Глядя на него, всякий думал, что природа замыслила собачку, но вдруг решила создать что-то вертикальное и без хвоста. Официанта он приветствовал, практически, лаем, на что тот ответил: «Доброе утро, сэр» — и прибавил:

— Ваш завтрак.

Сделал он это зря, ибо запах колбасок реял над комнатой, словно благовония. Оглядев столик, Бифф признал, что отель не поскупился. Вот — кофе, вот — яичница, вот — упомянутые колбаски, тосты, масло, апельсиновый джем, сахар, соль, горчица, сливки и апельсиновый же сок. И все же чего-то не хватало.

— Почты нет?

— Сэр?

— Я жду телеграмму.

— Пойти спросить у дежурной?

— Да, пожалуйста. Фамилия — Кристофер.

Официант пошел к телефону, спросил, повесил трубку и вернулся с благой вестью:

— Пришла, сэр. Сейчас принесут.

Бифф не мог сурово пощелкать языком, он ел колбаску, но взгляд его был горек.

— Что ж они раньше не раскачались? Я тут извелся.

— Вероятно, сэр, вы повесили на дверь табличку: «Не беспокоить».

— Да, — признал справедливый Бифф. — Давно не был в Лондоне, поздно вчера вернулся. Вы здесь живете?

— В пригороде, сэр. Вэлли-Филдз.[48]

— Хорошее место.

— Превосходное, сэр.

— Садик есть?

— Да, сэр.

— Замечательно. А я вот три года жил в Париже. Вы там были?

— Нет, сэр. Говорят, интересный город.

— Вообще-то ничего, бульвары всякие, но — все говорят по-французски! Знаете, как бы вас назвали?

— Конечно, нет, сэр.

— Гарсон, а вот они — сосисоны. Пригород, скажем — банльё. До чего же глупо! А в Нью-Йорке были?

— Нет, сэр.

— Вот это жаль. Красота, а не город! Все время что-то случается. Сам не понимаю, зачем я уехал. Работа хорошая, знакомых куча, всюду бывал, в общем — не жизнь, а песня. И уехал! Решил, тут в Европе лучше. Говорят, говорят — Париж, левый там берег! Ну, думаю, самое место писать романы. Вы их писали?

— Нет, сэр.

— Молодец. Сидишь это в кресле, куришь трубку, думаешь — а потом надо и писать. Жуткое дело. Кстати, как у вас возят почту? На телеге? Часа два прошло…

Тут в дверь постучали.

— Entrez! — заорал Биффен. — То есть войдите.

Вошел мальчик с подносиком, получил чаевые и вышел. Бифф нервно разорвал конверт, пробежал послание, вскрикнул и откинулся в кресле. Лакей огорчился. Как бывало обычно, он успел привязаться к Биффу. Племянница (она жила вместе с ним) недавно завела бульдога, и вот вчера он был точно таким же перед тем, как изблевать мороженое.

— Вам нехорошо, сэр?

— Кому это, мне? Скорее, хорошо. В жизни лучше не было.

— А то я испугался, что плохие новости.

Бифф встал и похлопал его по манишке, странно сверкая глазами.

— Друг мой, — начал он, — разрешите вам кое-что сказать. Я парю на розовом облаке над морем блаженства, под звуки арф. Так вот, мой друг… чего там, просто Джордж…

— Я не Джордж, сэр, я — Уильям.

— Так вот, Билл…

— Обычно меня зовут Уилли, сэр. Бифф нахмурился.

— Какой еще «сэр»? По имени, так по имени. Конечно, не Эд, а Бифф. Это я.

— Хорошо, сэр.

— Что?!

— Хорошо, Бифф, — с усилием выговорил лакей.

— Ну то-то же! Итак, старый Уилли, меня назвали Эдмондом Биффеном в честь крестного. Но не жалейте меня. Если б не это, вы не болтали бы с миллионером. Да, вы не ослышались. С мил-ли-о-не-ром. Мой крестный, большая шишка, только что отдал концы и все оставил мне.

— Вот это да! — вскричал Уилли. — Все равно что пульку выиграть.

Бифф с ним согласился.

— Точно то же самое. Шансы мои были ничтожно малы. Старый Биффен меня не любил, он — человек суровый. Правда, я его спас, когда он тонул на Лонг-Айленде, но вообще ему не нравилось, что я вечно ввязываюсь в драку. Пойду в бар — и влипну. Штрафы он платил, ничего не скажу, но радоваться — не радовался. Говоришь ему: то-се, молодость — это молодость, а он ни в какую. Вы деретесь в баре?

Уильям Пилбем отвечал, что не дерется.

— А если напиться?

Уильям Пилбем вообще не пил.

— Ну, знаете! — воскликнул Бифф, слышавший, что это бывает, но никогда таких людей не встречавший. — А я вот пью и очень от этого зверею. Потому я и здесь. Заехал ихнему ажану в ухо. Поспорили, знаете… Конечно, не надо было, но он сам нарывался. В общем, убежал — и сюда. Ну, прибыл, послал в Нью-Йорк телеграмму, не оставил ли мне крестный хоть капельку, и вот, прошу! Одно слово, пулька. Я думал, тысяча какая-нибудь. Вы уходите?

Мистер Пилбем признался, что долг зовет его, хотя он гораздо охотней послушал бы про наследство. Бифф понял.

— Много дел? Ладно, идите. Не лягнете меня?

— Сэр?

— Расскажете внукам, как лягнули миллионера. Что ж, не надо — так не надо. Приходите за автографом.

Дверь закрылась, он сел к столу и наслаждался джемом, с которым не сравнился бы шотландский, когда зазвонил телефон.

— Алло! — сказал он. — Я слушаю.

— Это Бифф?

— Да.

— Привет! Это Джерри.

Бифф завопил от радости.

— Ух ты! А я думал, ты в Америке.

— Меня два года как уволили. Из-за одной моей статьи их обвинили в клевете. Они отыгрались.

— Что ты делаешь?

— Издаю газетку. Только не спрашивай, какую.

— Еще чего! Да, а какую?

— «Светские сплетни».

— О, Господи! Это же черт знает что. Девицы, слухи всякие. При чем тут ты?

— Ни при чем. Я ее ненавижу. Но я не для того звоню. Давай увидимся.

— Давай! Тут такое случилось! С ума сойдешь. Мой крестный…

— Потом расскажешь. Ты можешь зайти часов в пять?

— Могу. А куда?

— Хэлси-корт, 3. От тебя — за угол.

— Приду, жди. А почему ты сейчас не хочешь?

— Работать надо.

Бифф содрогнулся; он работы избегал. Содрогнувшись, он повесил трубку и вернулся к джему.

2

Когда Джерри, входя в квартиру, увидел там Биффа, он собирался поговорить с ним построже; мало того, еще днем, на службе, он выдумал немало фраз, которые вызвали бы краску стыда и на этих закосневших щеках. Но Бифф поднял руку.

— Знаю, старик, знаю. Но у нас нет времени. Считай, что все рассказал — и к делу. Вот, погляди. — Он протянул телеграмму.

Джерри ее прочитал, глубоко вздохнул, прочитал снова и вздохнул снова.

— Однако! — сказал он наконец.

— Вот именно.

— Чтоб мне треснуть!

— Золотые слова.

— А кто это умер?

— Мой крестный.

— Много оставил?

— Миллионы.
— И все тебе?
— До последнего цента.
— Красота!
— Да, неплохо.
— Приятно быть миллионером?
Бифф заглянул в свое сердце.
— Как-то странно. Вроде едешь в скоростном лифте, а внутренности остались на третьем этаже. Понимаешь, трудно представить, что деньги — не проблема.
— Да, положеньице.
— Так и хочется всем помочь, будто после второй бутылки. Швырять им кошельки, что ли?..
— Что ж, швыряй.
— Вот, возьмем тебя. Ведешь мерзопакостную газетку, а что впереди? Смерть в канаве.
— Ты думаешь?
— Конечно. В канаве. А почему? Нет денег. Я и за собой замечал — мыслей много, денег нет. То есть раньше, теперь не то. Так вот, тебе нужен кошелек с золотом. Тысяч десять, для начала.
— Что?!
— Прости, оговорился. Двадцать.
— Ты предлагаешь мне двадцать тысяч?
— Для начала. Мы ведь друзья. Джерри покачал головой.
— Нет, Бифф, спасибо. Помоги кому-нибудь другому. Я — сам по себе.
— В каком смысле?
— Ну, я хочу быть твоим единственным знакомым, который ничего не клянчит. Много у тебя приятелей?
— Хватает.
— Все захотят поживиться.
— Кроме тебя.
— Кроме меня. Они помолчали.
— Не уступишь? — проверил Бифф.
— Нет.
— Ни за что?
— Да.
— Двадцать тысяч — это немного.
— Для меня — очень много. Знаешь, мы вот что сделаем. Когда я

умру в канаве, оплати похороны.

— Ладно. Но ты мне скажи, если все будут так упираться, как я с деньгами разделаюсь?

— Не будут, — успокоил его Джерри. — Встанут в очередь, протянут ручки, как служащие отеля, когда уезжает богатый гость. Скоро получишь?

— Сам не знаю. В телеграмме не сказано. Кстати, Джерри, ты не заметил — она вообще какая-то мрачная? Ну, в конце.

— Что ты наследуешь деньги «согласно распоряжениям опеки»? Да, помню. Интересно, что это значит?

— И мне интересно. Какая опека? Нет, какая опека? Подозрительно! Подробности, видишь ли, письмом. Ладно, дождемся, но как-то мне не по себе. Бывают такие завещания, с условиями — например, надо покрасить волосы в лиловый цвет или прокатить носом орех по Пиккадилли.

— А крестный шутил в этом духе?

— По-моему, нет. Я как раз говорил одному тут дядечке, что он был очень суровый. Родился в Англии, но стал настоящей американской акулой — глаза холодные, челюсть торчит. Эдмунд Биффен Пайк, это вам не шуточки! Правда, я его три года не видел, мог измениться. Бывает с акулами на покое. Делать нечего — и пожалуйста: треуголка, рука за пазуху, я — Наполеон. Или, скажем, я докажу, что Шекспира написала Елизавета.

— Он тебя любил?

— Не знаю, не выказывал. Помнишь, меня часто хватала полиция? Как он орал! Библейский пророк, и тот потише. Говорил: «Лопну, а тебя от этих штук отучу». Прямо мания какая-то.

— Странно.

— Да, странно.

— Ну, дай Бог, обойдется.

— Непременно обойдется, я любое условие выполню. Катить носом орех? Со всем удовольствием.

— Молодец. И вообще, может, это значит, что лет до сорока, до пятидесяти будут только проценты.

— И то хлеб. Предположим, четыре процента с миллиона. Мне хватит! Одно плохо — если проценты, их нескоро начислят. А в этом «Баррибо» очень дорого.

— Зачем ты тут поселился?

— Да так, захотелось. Кошелек — как на диете, но я надеюсь продать одну картину, она в Париже. Ты разбираешься, в живописи?

— Нет.

— Она дорогая, такой, знаешь, Будэн.[49] Позвоню сестре, пусть пришлет. Я тебе не говорил, у меня сестра есть. Ну, в общем, продам картину, смогу подождать, пока начислят.

— Пока что ты бы ко мне переехал.

— А ты примешь?

— Еще бы! Только там очень бедно.

Хэлси-корт, хотя и расположен в центре, не отличается роскошью. Собственно, это — тупичок, где главенствуют кошки, газеты и шкурки от бананов. Издательство «Мамонт» мало платит сотрудникам. Словом, квартирка была бедная, но Биффу и не то бы понравилось.

— Я думаю, там очень уютно, — сказал он. — Видел бы ты мое парижское жилье, особенно — после вечеринки! Спасибо, старик. До ночи перееду. Спасибо.

— Не за что.

— Сейчас и рассчитаюсь. Да, объясни мне одну тайну. Ты мне сюда звонил. Откуда ты знал, где я?

— Кэй сказала.

— Одумайся! Если ты шутишь — не шути. Она сказать не могла. Ты — здесь, Кэй — в Париже.

— Я вчера оттуда.

— Ну, ладно. Но ты мне объясни, где ты взял Кэй? Ты ж ее и узнать не можешь, вы никогда не виделись!

— Виделись. Мы вместе плыли из Нью-Йорка. А позавчера встретились в полиции.

— И до нее добрались?

Джерри возмутился. Влюбленных часто возмущают братья.

— Ничего подобного! Я потерял бумажник, она — тебя. Очень волновалась. Ужасно.

Казалось бы, куда уж строже, но Бифф раскаяния не выказал.

— Вот как? А я волнуюсь о ней. Вряд ли она тебе сказала, но сил никаких нет, что она вытворяет. Что, что?

— Да так, — отвечал Джерри, дрожа от такого кощунства.

— Обручилась с каким-то типом. Англичанин поганый… Прости, забыл. Ты — тоже из них.

— Ладно, чего уж там! Значит, поганый англичанин…

— Некий Блейк-Сомерсет, из посольства. Ты не знаешь.

— Знаю. Мало того, я у него ночевал, ел его джем. Потерял ключи, Кэй пристроила. Видимо, доволен он не был.

— Это уж точно. Зануда, а?

— Еще какая!
— Что она в нем нашла?
— Никак не пойму.
— То-то и оно! Странные люди женщины. Вот, скажем, Линда. Ты знаешь племянницу Тилбери, Линду Ром?
— Нет. Кэй что-то говорила, но мы не знакомы.
— Я хотел на ней жениться.
— Это я знаю.
— Зато не знаешь, что я никого не любил, кроме нее. Казалось бы, брюнетка — а вот, любил! Чего там. обожал. Когда она меня бросила, я, можно сказать, умер.
— Незаметно.
— Ношу личину. А так — умер. Перед тобой ходячий труп, которому нечем жить.
— Кроме этих миллионов.
Бифф презрительно махнул рукой и немного помолчал.
— Джерри, старик! — начал он уже веселее.
— Да?
— Я тут подумал и решил, что Линда может вернуться. Миллионы, все-таки, не кот начхал!
— Это верно.
— Ты изучал женщин?
— Не очень.
— А я изучал и прямо скажу: они уважают деньги. Как, по-твоему, она меня простит?
— Наверное, если ты не сделал чего-нибудь особенного. Почему она с тобой рассталась?
— Блондинки, старик, все они. Не одобряла. Ты же ее знаешь.
— Нет. Мы не знакомы.
— Да, забыл. Тихая такая, спокойная, а если что — взрыв! Увидала меня в ресторане с этой… как ее, Мэйбл… Год назад. Это много. Могла измениться.
— Могла.
— Особенно если я скажу, что блондинок нет и не будет. Сейчас и скажу. А как? Жила она в Чэлси, но переехала. Телефона в книжке нету. Нанять, что ли, сыщика с собакой?
— Зачем? Она — племянница Тилбери. Его и спроси. Бифф почесал подбородок.
— Понимаешь, старик, я б не хотел с ним встречаться.

— Тогда спроси его секретаршу.

— Ну, голова! Сейчас пойду. А ты позвони Кэй и сообщи ей новости. И про картину на забудь! Вот номер. Пойдем потом, закусим?

— Не могу. Я обедаю с дядей.

— Прихвати меня.

— Тебе будет скучно. Он юрист — знаешь, «Шусмит, Шусмит, Шусмит и Шусмит». Очень хороший человек, но не в твоем вкусе. А ты поспеши, секретарша уйдет.

— Иду, иду. Где это издательство?

— На Флит-стрит.

— Как ты думаешь, Тилбери там?

— Давно ушел. Почему ты его боишься?

— Заметил ты одну штуку? На всех не угодишь. Вот Эдмунд Биффен Пайк меня, можно сказать, осчастливил, а собственного брата — нет. Тилбери — урожденный Пайк. Если он уже знает, ему неприятно меня видеть. Еще удар хватит… Вообще-то у него куча денег, продержится как-нибудь. Не все так плохо. — И на этой философской ноте Бифф исчез.

Оставшись один, Джерри немедленно набрал парижский номер.

— Кэй? — проверил он и правильно сделал, ибо ответил ему Генри Блейк-Сомерсет.

— Кто это?

— А, здравствуйте! Это Шусмит. Можно попросить мисс Кристофер?

— Она вышла, — сообщил Генри тем самым тоном, каким отказывают в визе.

На самом деле она одевалась к обеду в соседней комнате. Одевшись, она действительно вышла и спросила:

— Кто звонил? А Генри ответил:

— Ошиблись номером.

Глава IV

1

Тилбери, о котором мы упоминали в нашей хронике, хозяин Джерри Шусмита и Гвендолен Гиббз, был, собственно, лордом, ибо получил титул за то, что наводнил страну самой мерзкой продукцией, какая только появлялась с тех пор, как великий Кокстон[50] изобрел печатный станок. Лорд, носящий этот титул, основал издательство «Мамонт» и в данный момент диктовал письма секретарше. Скажем прямо, что глаза его светились любовью, а голос любой поэт бестрепетно сравнил бы с зовом горлицы.

Первый виконт был невысок, толст, а если поест омара — склонен идти пятнами; но ни один закон не возбраняет толстым, пятнистым виконтам влюбляться в стройных блондинок. Прибавим, что он достиг того опасного возраста, в котором питсбургские миллионеры женятся на хористках из оперетты.

Овдовел он давно. Еще раньше, когда он был просто Джорджем Пайком и едва основал «Сплетни», он женился на бесцветной девице по имени Люси Мейнард, которая года через два незаметно ушла из жизни. Поглощенный делами, он не думал о новом браке и не нуждался в женском обществе, удовлетворяясь тем, что дом ведет племянница. Жил он, заметим, в Уимблдон Коммон.

Однажды агентство послало ему прекрасную Гвендолин, и все случилось так, словно кто-то из сотрудников, перейдя от слов к делу, подложил под него динамит. Теперь он только и думал о том, как поплывет с ней на яхте в Канны; пока же — диктовал письма.

Сейчас он обращался к издателю «Светских сплетен», которым явно недоставало перца. Прежде их издавал сын Пилбема, и они просто сверкали, по скандалу в каждом номере. Однако хитрый Перси догадался, что несравненно лучше разнюхивать чужие дела для себя. Он открыл сыскное агентство, первый же виконт сожалел об утрате. Все были хуже Пилбема, а этот Шусмит — хуже всех.

Додиктовав письмо, чья вредность побудила секретаршу назвать его в уме скунсом, он снова впал в умиление.

— Надеюсь, — нежно сказал он, — вы не устали.

— О, нет, лорд Тилбери!

— Устали, я вижу. Что-то душно… Идите, отдохните. Гвендолен отвечала, что ценит его доброту, но собирается в ресторан и должна подождать кавалера.

— Мой кузен. — объяснила она, и бедный виконт успокоился.

— Ага, ага… — сказал он. — Тогда не вызовите ли Нью-Йорк?

— С удовольствием, лорд Тилбери.

— Какое там время?

Быстро подсчитав, она предположила, что там — половина первого.

— Значит, надо поймать Хаскелла, пока он не ушел из кафе. Хаскелл и Грин, юристы. Частный разговор.

— Сию минуту, лорд Тилбери.

— Меррей-хилл, 2-40-25. Да, мисс Гиббз, вы послали телеграмму на яхту мистера Льюэллина?

— Конечно, лорд Тилбери.

Дверь закрылась. Лорд предался мечтаниям, представляя себе то фас, то профиль златокудрой Гвендолен, когда кто-то вошел. Он собирался заорать — но увидел, что это племянница Линда.

По сравнению с секретаршей ее нельзя было назвать красивой, но. приятной она была — ясный взор, смешливый рот. Кроме того, мы назвали бы ее разумной, и не ошиблись бы. Можно назвать ее и успокоительной, хотя лорда Тилбери приход ее рассердил.

— Да? — произнес он. — Да, в чем дело?

— Я тебе мешаю?

— Мешаешь. Собираюсь говорить с Нью-Йорком.

— Прости. Я только хотела сказать, что сняла номер в отеле. Ты скоро уедешь, не стоит нанимать слуг.

Недавно первый виконт зашел так далеко, обличая верных помощников, что те подали в отставку, и разумная Линда решила временно обосноваться в гостинице.

— Ты на третьем этаже, я — на четвертом.

— А сколько там жить? Еще когда будет эта яхта!

— Очень скоро. Шкипер звонил, все починили. Можешь плыть, как только захочешь.

— Это хорошо. Я бы завтра отплыл, но тут приезжает Айвор Льюэллин, надо его угостить. Ничего не поделаешь!

— А кто это?

— Киношник. Много рекламы. Его обижать нельзя. А сейчас, ты уж прости, я звоню в Нью-Йорк.

— Льюэллину?

— Нет, он плывет на «Квин Мэри». Юристам.

— Насчет завещания?

— Да.

— Я подожду. Интересно, оставил он тебе деньги или нет?

— Кому же еще? Мы не дружили, но он мой брат, в конце концов.

— Мог оставить на благотворительность.

— Он ее не любил.

— Тогда — тебе. Хотя на что они? У тебя и так много. Лорд Тилбери не любил дурацких вопросов.

— Не говори ерунды, — сказал он. — А! Он схватил трубку, как змею.

— Мистер Хаскелл? Здравствуйте, это лорд Тилбери. Вы ведете дела моего брата…

Примерно полминуты он слушал. Потом закричал, да так, что Линда подскочила:

— ЧТО?

Когда она опустилась на пол, крик еще стоял в воздухе, но с потолка почему-то ничего не сыпалось. Лицо у лорда Тилбери было синее, он тяжело дышал.

— Дядя! — вскричала Линда. — Что случилось? Воды принести?

— Воды! — хрипел лорд Тилбери, давая понять, что ничего хорошего о ней не думает. — Знаешь…

— Что?

— Знаешь…

— Да что?

— Знаешь, кому он оставил деньги? Этому остолопу!

— Какому?

— Кристоферу.

— Биффу?

— А то кому?

— Бифф всегда говорил, что дядя его не любит. В чем тут дело?

Лорд Тилбери не отвечал; и тактичная Линда решила оставить его наедине с горем.

2

Через несколько минут пэр тоже удалился, стремясь выпить в клубе что-нибудь особенно крепкое. Он был так озабочен, что без слова, без

взгляда прошел мимо Гвендолен Гиббз. Она удивилась. Обычно она думала только о фильмах и о прическах, но сейчас хозяин все чаще занимал ее мысли.

Заметив, что он неравнодушен, она обсудила свои домыслы с Перси, который их подтвердил. Далеко не впервые, сказал он, пожилой вдовец женится на секретарше. По словам Пилбема-сына, отель «Баррибо» набит именно такими парами. Сидишь рядом день за днем, поневоле влюбишься. Убеждали в этом и книги. Буквально в каждой богатый босс женился на молоденькой.

Конечно, лучше бы хозяин был посвежее и постройнее — как, скажем, капитан Фробишер, женившийся на гувернантке, но нет в мире совершенства. Выводя в записной книжке слова «Леди Тилбери», она не заметила, что открылась дверь и вошел Бифф.

Вошел он бодро, победно, как подобает миллионеру, но резко остановился, пошатнулся и онемел. Женская красота удивительна тем, что никогда не угадаешь, где она появится (если не считать обложек журнала «Светские сплетни»). Знакомые покойного Александра Гиббза и его жены Амелии в жизни бы не поверили, что у них родится дочь, от которой шатаются и немеют. Глаза ее напоминали Средиземное море, волосы — самое лучшее масло, лицо остановило бы сотни кораблей.[51]

Бифф, мягко выражаясь, был потрясен.

— У-ух! — заметил он, обретя дар речи.

— Здравствуйте, — сказала Гвендолен. — Вы к кому?

— К вам, — отвечал Бифф, гордясь своей прытью. Об адресе Линды он забыл.

— Все ушли, — сообщила Гвендолен, игнорируя его ремарку. — Никого нет.

— Очень хорошо! Старый пират не здесь?

— Если вы имеете в виду босса, он тоже ушел. Бифф понимающе кивнул.

— Известное дело, хозяин — не работник. Уж эти мне акулы! Смылся? Бросил вас одну? Бедная, верная душа. Видимо, все за него делаете?

— Я его секретарша.

— Именно это я хотел сказать. Вы скромны, но без вас этот «Мамонт» развалился бы ко всем чертям. Национальная катастрофа! Однако вам тут не место. Ваше место — в кино.

Высокомерие упало с нее, как платье. Такие слова она любила. Лазурные глаза засияли, и она впервые позволила себе улыбнуться.

— Вы думаете?
— Еще бы!
— Мне это многие говорят.
— Не удивляюсь.
— Есть такой киношник, большой человек, он скоро приедет. Аи вор Льюэллин.
— Я его знаю. Брал интервью.
— Какой он?
— Вроде бегемота. Хотите, чтоб он вас снимал?
— Хотела бы… Я люблю картины.
— В смысле, фильмы. Что ж, буду следить с интересом за вашей карьерой. Вы далеко пойдете. Есть в вас что-то такое, потрясающее. Кстати, как вы насчет обеда?
— Вы американец?
— Да. Отец науки. Так как же насчет обеда?
— Я жду Перси.
— Прямо название для шоу. А кто это?
— Мой кузен. Собираюсь с ним обедать, но его что-то нет. Наверное, вышел на дело.
— На что?
— Надело. Он сыщик.
— Здорово! Жаль, я не сыщик. Виски — в столе, револьвер — в кобуре, секретарша — на коленях. Да, жаль.
— А кто вы?
— Я? — Бифф снял с рукава пушинку. — О, миллионер!
— А я — царица Савская. Бифф покачал головой.
— Она брюнетка. Вы скорее в духе Елены. Хотя куда ей до вас!
Первоначальная враждебность окончательно исчезла.
— Вы шутите! — сказала Гвендолен. — Так, значит, правда миллионер?
— Еще бы! Спросите лакея из «Баррибо», такой Пилбем.
— Да это же мой дядя!
— Прекрасно.
— Ваша фамилия не Кристофер?
— Именно. Эдмунд Биффен Кристофер.
— Дядя Уилли сегодня говорил. Он видел, как вы читали телеграмму.
— То-то и оно.
— Ух!
— Да, он принес мне завтрак. Значит, я просто обязан покормить вас.

И вообще, ваш Перси пойдет в кафе, где дадут отбивную и какао. А я поведу вас в «Савой». Икра, то-се, на цены не смотрим. И вино, заметьте. Пенистое. Берите шляпку, пошли.

Хотя глаза у нее сверкали, Гвендолен не сдалась.

— Надо подождать.

— Да ну его к черту!

— Я не хочу его обидеть.

— Ладно, — сказал добрый Бифф, подумав, что занятно встретиться с сыщиком. Расскажет чего-нибудь — наркобизнес, шпионская сеть, индийские камни. Обидеть? Ну, это смешно. Разве сыщики обижаются?

3

Джерри удалось довольно рано расстаться с дядей, и он, вернувшись домой, с облегчением уселся в кресло. Смешав виски с содовой в той пропорции, которую не одобрил бы Генри, он думал о том, как хорошо унаследовать девять-десять миллионов. Нет, это не зависть, но бывают же такие крестные! Его собственный ограничился серебряной чашкой.

Естественно, думал он и о том, не пьет ли где-нибудь крестник. Размышления эти нарушило звяканье ключей, падение тяжелого тела (видимо, вешалки) и громкий крик пострадавшего. Вслед за этим вошел Бифф с каким-то прыщавым типом.

— Хи-и-и, — сказал он. — Джерри! Ты тут! Ик! Качался он настолько, что диагноз не представлял труда.

— Бифф, ты напился, — определил суровый Джерри.

— А что? — откликнулся Бифф, пытаясь сесть в кресло, но падая на пол. — Миллионер, не фунт изюму! Уныние — большой грех. Я тебе скажу, если утром обрел богатство, вечером пей и гуляй. Мой друг, Перси Пилбем.

У друга, на редкость неприятного, были близко посаженные глазки, не говоря об усиках, баках и мерзкой манере мазать чем-то волосы. Джерри он напомнил отрицательных персонажей раннего Ивлина Во и понравился не больше, чем Генри Блейк-Сомерсет.

— Сыщик, — объяснил Бифф. — Такое бюро «Аргус». Попроси его как-нибудь рассказать о деле Николсон против Николсона, Олсопа, Бакстера, Фробишера, Давенпорта и др. Ну, пока! — Он с трудом поднялся и побрел в спальню. — Освежиться надо.

Перси Пилбем хихикнул и покрутил усик.

— Ой, что было! — сказал он.
— Могу себе представить.
— Спасибо, довел сюда.
— Нелегкое дело.
— Это уж точно. Кидался на полицейских. Еле оттащил.
— Слава Богу.
— Он часто такой?
— В Нью-Йорке бывало часто.
— Подумать, как эти напитки действуют на людей! Я знаю одного, некий Мерфи, он мухи не тронет. Чем больше пьет, тем добрее.
— Особый дар.
— Да, да. Что ж, я пошел. Рад познакомиться. Проводив его, Джерри нашел Биффа. Тот умывался. Самое время для серьезной беседы.
— Ложишься? — начал Джерри. — Правильно. Спи и думай о завтрашнем похмелье.
Мокрое лицо озарилось недоверчивым удивлением.
— Ложусь? Ну, что ты! Я умываюсь. Надо стукнуть полисмена.
— Что, что?
— Стукнуть полисмена.
— Нет, — сказал Джерри, — не надо. Бифф это обдумал, складывая полотенце.
— Надо, — решил он. — Этого требует честь. Знаешь такого, на углу? Усы рыжие.
— Видел.
— Вот его. Он сделал пре-дуп-ре-ждение. Да, так и сказал, делаю… ну, это. Мне! Кристоферу! Мы таких вещей не спускаем.
— А ты что делал?
— Ничего. Стоял. Гордо и тихо. Ну, пел. А почему нельзя петь? Тут свободная страна или что?
— Свободная.
— Так я и думал. Возьмем Великую Хартию.[52]
— А что там?
— Если я не спутан, там разрешается петь. Что эти бароны, дураки? Припекли короля, ну, как его, он им все подписал — а такую важную вещь забыли? Нет. Знаешь, что теперь плохо? Мало поют. Только начнешь — бац, рыжие усы. Ничего, он у меня попляшет. Не трогай нас, Кристоферов, — и мы вас не тронем. Но обид не спускаем. Ик.
— Бифф, ложись.
— Нельзя. Возврата нет. Честь, сам понимаешь.

— А что скажет Кэй?

— Она будет мной гордиться.

— Может быть, у него — жена и дети.

— У него рыжие усы.

— А еще и дети.

— Бывает, — согласился Бифф. — Что ж он о них не думал? Джерри закрыл дверь.

— Ау! — услышал он.

— В чем дело?

— Я не могу выйти.

— Это заметно.

— Ты меня запер!

— Рад служить.

И Джерри пошел к себе, думая о том, что совершил ради Кэй подвиг. Великая любовь вручала ему ее несчастного брата.

Глава V

1

Клетушка, отведенная Джерри, располагалась двумя этажами ниже апартаментов хозяина, и многие (в том числе — он сам) полагали, что для людей она непригодна. В полной духоте, среди заляпанной чернилами мебели нелегко сосредоточиться; и когда наутро заворочалась ручка, возвещая о том, что кто-то оторвет его от трудов, Джерри обрадовался. Вошел рассыльный, принес анкету, которую заполняли все, кому понадобился скромнейший из сотрудников «Мамонта». Выглядела она так:

Имя, фамилия Эдмунд Биффен Кристофер

К кому К издателю «Светских сплетен»

По какому делу По срочному. Джерри, старик, очень важно!

— Пускай войдет, — сказал Джерри, готовясь у упрекам. Уходя излома, он открыл спальню, но понимал, что гордый дух Кристоферов непременно воспротивится заточению.

Как ни странно, Бифф не гневался. Он был серьезен, но не сердит. Проговорив: «Ну и помещеньице!» — гость смахнул пыль со стула и сел.

— Джерри, старик, — начал он, — поднапрягись и вспомни прошлый вечер.

Это труда не представляло.

— Ты надрался.

— Да, да. А что было?

— Ты пришел с каким-то Пикфордом.

— С Пилбемом. Очень занятный человек. У него сыскное агентство. А что было?

— Ты хотел опять уйти и треснуть полицейского.

— А потом?

— Я тебя запер.

Бифф кивнул.

— Так я и думал. Джерри, старик, большое тебе спасибо. Ты меня спас. Одно слово, морская пехота. Если б не ты, знаешь, что было бы? Упадок и крах.[53] Да. Он бы меня арестовал.

Джерри согласился, хотя и не понял, почему такой ветеран боится ареста.

— Тебя же всегда водили в участок! — заметил он.

— Да, Джерри, старик, но это совсем другое дело. Тогда, в Нью-Йорке, с меня слупили бы десятку, а теперь — миллионы.

— Не понял.

— Сейчас поймешь. — Он вынул из кармана бумагу. — Знаешь, что это?

— Похоже на письмо.

— Письмо и есть. От нью-йоркских юристов. Взял в отеле и — не поверишь! — чуть не упал.

— Как вчера.

Бифф с укоризной на него посмотрел. До шуток ли?

— При чем тут вчера? Уже сегодня.

— Да, да.

— Так вот, я чуть не упал. Помнишь, они обещали письмо? И прислали. Но это — динамит, а не письмо. Помнишь, про опеку? Это такая гадость, такая мерзость, слов нет! Нельзя так издеваться над людьми. В общем, опекуны присосались к деньгам, как липучка, а я ничего не получу до тридцати лет.

— Да тебе скоро тридцать!

— Через неделю.

— Чего ж ты волнуешься?

— Знаешь, что они говорят? Если меня хоть раз арестуют — все, ничего не получу.

Джерри вскочил, крайне удивившись.

— Господи! — воскликнул он.

— Я знал, что ты удивишься, — сказал Бифф с мрачной радостью.

— Ты не перепутал?

— Нет. Так и написано. Язык, конечно, суконный, но смысл — этот. Говорил я, тут какой-нибудь подвох!

— Когда он составил завещание?

— Три года назад, когда я в Париж уезжал.

— И ничего не сказал тебе?

— Ни слова. Нет, ты подумай, молчал, как проклятый, а теперь и скажи — «Надо было думать»! Потеряешь веру в людей.

— Не намекал?

— Вроде нет… Когда я уезжал в Париж, советовал вести себя получше.

— И все?
— Все.
— Странный какой-то.
— Да.
Воцарилось молчание. Бифф смотрел на линолеум (именно так представляло себе начальство ковер для мелких издателей), Джерри — на раздевающуюся девицу, которую приглядел для обложки.
— Нехорошо, Бифф, — сказал он.
— Еще бы!
— Арестуют — и привет?
— Вот именно.
— Тогда лучше, чтобы не арестовали.
— Да, и я так думаю.
— А тебя в Париже не брали?
— Представь себе, нет. Они там добрее, что ли. Правда, на той неделе я дал кому-то по уху. В баре. Потому и сбежал.
— И тебя не поймали?
— Нет.
— А могут и поймать. Жаль, что ты вечно бьешь полицейских.
— Привычка!
— Я бы на твоем месте отвык.
— Постараюсь. А ты меня спас. Представляешь, что было бы? Спас. Как мне тебя отблагодарить?
— Никак.
— Ну, что ты! Возьми эти двадцать тысяч.
— Нет, нет.
— Потом отдашь.
— Нет.
Бифф хмуро посмотрел на линолеум.
— Знаешь, что? Я дам тебе на постановку.
— Какую?
— Твоей пьесы.
— Какой?
— У тебя нет пьесы? Я думал, все их пишут.
— Но не я. Времени нет, издаю вот эту гадость.
— Издаю! Теперь — ясно. Хочешь издавать что-нибудь получше?
— Конечно.
— Тогда я куплю тебе газету.
— Это очень дорого.

— Куплю на ходу.

— Нет, правда?

— Конечно. Какую ты хочешь?

— Ты знаешь «Терсдей Ревью»?

— Вроде бы, да. У меня там были две-три статьи. Почему ты ее выбрал?

— Я слышал, издатель уходит. Она как раз в моем духе. Ну, что я говорю? Это же дикие деньги!

— У меня они есть, то есть будут, если не сяду. Главное, Джерри, старик, не сесть.

— Кэй знает?

— Да, я вчера ей звонил, из бара. Правда, она не все поняла. Говорит: «Ты напился». Вообще-то это верно. Трубку повесила… Я обиделся. Но сейчас, как вспомнишь, меня было трудно понять, что-то с дикцией.

— В общем, не знает.

— Скорее, да. И еще про эту картину… Сам я туда съездить не могу, еще посадят. Ты не съездишь?

— Да надо бы. Там ключи. Дядя вчера волновался, но что я могу сделать? Я недавно уезжал. Тилбери меня не отпустит.

— Ты попроси.

— Не буду.

— Можно сказать, дилемма.

— Да, можно.

Раздался стук, вошел рассыльный, Джерри взял у него письмо.

— Оказывается, нельзя, — сказал он. — Никакой дилеммы нет. Тилбери меня отпускает.

— А?

— Точнее, увольняет.

— Тебя?

— Меня.

— Вот гадюка! Видишь, я всегда говорил, из любой дилеммы есть выход.

2

Звонок на Рю Жакоб, 16 (Люксембургский округ) прозвенел в своем астматическом духе, и Кэй побежала открывать, замечая, что она дрожит. Несомненно, пришел Генри, чтобы познакомить ее с матерью, которая едет

на Ривьеру через Париж. Фотографию леди Блейк-Сомерсет она видела и поражалась ее сходству с Елизаветой I. Общепризнанно, что в доброй старой Бесс было что-то такое, неуютное; и Кэй хотелось, чтобы Генри забыл о предстоящем ленче. Хотелось ей зря, он никогда ничего не забывал.

Однако за дверью стоял не он, а рыжий высокий человек, при виде которого сердце ее подпрыгнуло, хотя должно бы подпрыгивать только при виде жениха.

— Джерри! — вскричала она. — Вот уж не ждала! Почему вы здесь?

— Дела, — отвечал Джерри. Сердце у него скакало, как горы и холмы, вместе взятые, но он держал себя в руках, что было не легче, чем удержать большую игручую собаку. — Заберу ключи в бюро находок, вещи опять же. Бифф просил взять у вас картину. Он говорит, вы знаете, какую.

— У него только одна. А зачем она ему?

— Денег нет, хочет продать. Можно, я зайду?

— Ну, конечно! Заходите и расскажите, как у вас что.

— Я не знаю, сколько вам известно, — начал Джерри, усевшись. — Бифф вроде бы говорил с вами по телефону.

Кэй засмеялась, а Джерри, как обычно в этих случаях, ощутил точно то, что ощущает обитатель Синг-Синга на электрическом стуле.

— Скорее, булькал, — отвечала она. — Видимо, напился, но я поняла, что Пайк ему что-то оставил. Что именно, не слыхали?

— Все.

— То есть как?

— Вот так.

— Все свои деньги? Быть не может!

— Может. Оставил все деньги.

— Значит… Бифф миллионер?

— Именно.

Кэй приложила палец к губам — видимо, они дрожали, а глаза ее увеличились настолько, что Джерри усомнился, сможет ли он продолжать беседу, как начал.

— Повторите, пожалуйста! Если можно, медленней.

— Бифф получил все деньги.

— А по слогам нельзя?

— Он мил-ли-о-нер.

— Вы меня разыгрываете?

— Конечно, нет!

— Это правда?

— А как же!

— Здорово! — сказала Кэй, в отличие от Пилбема-старшего. — Неудивительно, что он выпил. Миллионер, это надо же! Все так обрадуются…

Джерри кивнул.

— Этого я и боюсь. Я ему сказал, что каждый захочет поживиться.

— Первая — сестра. Чего он мне только ни купит! Брат — миллионер, красота какая! Вероятно, я говорила, что Бифф — немного психопат, но в щедрости ему не откажешь.

— Знаете, что он мне сразу предложил? Двадцать тысяч фунтов.

— Вы шутите?

— Нет, не шучу. Конечно, я отказался.

— Почему «конечно»? Я знаю в одном Париже триста сорок семь человек, которые кинулись бы, как акулы. По-видимому, вы очень хороший.

— Я думаю, по Бедекеру — пять звездочек.

— Просто не верится!

— Что я такой хороший?

— Что он такой богатый.

— Сам читал телеграмму. Кэй помолчала.

— Нет, подумайте! — снова начала она. — Прямо басня с моралью. Бифф выудил мистера Пайка — он вам не говорил?

— Как-то не пришлось.

— Да, выудил. Тот купался, а сперва — пообедал, и что-то с ним случилось, вроде судороги. Бифф кинулся в пруд, прямо как был, и спас его. А он запомнил.

— Вы думаете, дело в этом?

— Конечно, он ведь очень сердился на всякие кутежи. Особенно его раздражало, что Биффа вечно сажают. Должно бы отразиться на завещании, а вот…

Джерри заерзал. Неприятно сообщать плохие новости.

— Отразилось.

— Как это?

Джерри рассказал печальную историю, с ужасом глядя на то, как гаснут прекрасные глаза.

— Значит, — подытожила Кэй, — если его схватят, он потеряет все?

— Видимо, да.

— Чепуха какая-нибудь, даст полисмену в ухо — и пропали миллионы?

— Вероятно.

— Но его же всегда сажают! Его бы посадили на необитаемом острове. Нельзя было бросать его в Лондоне.

— Пришлось. Я хотел позвать вас туда, вместе мы его удержим. Сегодня я улетаю. А вы?

— У меня работа.

— Не отпустят на недельку?

Кэй подумала.

— Вообще-то могут, если попросить. Не так я нужна, но сегодня не выйдет, разве что завтра утром.

— Ничего, продержится. Ему еще надо выйти из шока. Едва уцелел.

— А что такое?

Джерри поведал то, что автор детектива назвал бы «Случай с рыжеусым полисменом».

— Наутро, — заключил он, — Бифф был собран и трезв. Сейчас он не ударит полисмена, если вы ему его принесете.

Кэй благоговейно смотрела на него, и он это заметил, настолько заметил, что решил пригласить ее в кафе. Многое можно сказать в уединении столика!..

— Заперли! — сказала она. — Какой вы молодец! Это в отеле?

— Нет, он ко мне переехал.

— Слава Богу! Мало ли что в этих отелях… а так — легко уследить.

— Глаз с него не спущу.

— Спасибо вам большое. Что бы для вас такое сделать?

— Пойти со мной в кафе.

— Не могу. Очень хочу, но не могу, я иду с Генри. А вот и он!

Действительно, то был он. Генри вошел, поцеловал ее, выразил надежду, что она готова, и, увидев гостя, застыл, словно увидел змею.

— Здравствуйте, — сказал Джерри.

— Приехали? — спросил он.

— Уезжаю, — сказал Джерри, и сторонний наблюдатель ощутил бы, что если он не скрежещет зубами, то неизвестно, что значит «скрежетать».

Через час-другой, уже в воздухе, Джерри вспомнил, что забыл картину.

3

Бифф рассердился и считал, что гнев его праведен. В конце концов,

говорил он, когда посылаешь друга за картиной, можно ее хотя бы привезти.

Джерри защищался, как мог.

— Знаешь, я не забыл, я сразу об этом сказал, но то-се, заболтались, а тут этот Сомерсет пришел — ну, я и выскочил.

— Без картины.

— Как-то выпало из головы.

— А почему ты выскочил?

Джерри помолчат, не в силах описать гнусную сцену.

— Он ее целует!

— Кто? Кого?

— Этот Блейк. Твою сестру.

— Естественно. Обручишься — и целуешь, первым делом. Бывает и без обручения.

Джерри странно засипел.

— О, Господи! — воскликнул Бифф. — Ты что, влюбился в нее?

Джерри очень не хотел изливать душу перед таким ненадежным человеком, но знал, что выхода нет, и сухо кивнул. К его удивлению, Бифф все понял.

— Понимаю, — сказал он. — Есть в ней что-то такое… Многие одобряют. Один скульптор — такой это, абстракционист — грозился, что застрелится. К сожалению, передумал. Да, так влюбился, это надо же!

— Ты не возражаешь?

— Нет, что ты! Может, бросит свою мороженую рыбу. Знаешь, у меня есть гипотеза: Кэй с ним связалась, потому что он не похож на ее знакомых. Покрутишься два года среди этих типов, а тут — бороды нет, одет с иголочки, купается каждый день, а не только к празднику. Не захочешь, подумаешь, что влюбилась. Напрягись, победа близка. Ты что-нибудь предпринял?

— Я ей сказал, что люблю ее.

— А она?

— Напомнила, что обручена.

— А дальше?

— В каком смысле?

— Ты это так и оставил?

— Что же тут можно сделать?

— Ну, ну, ну, — сказал Бифф тем тоном, каким говорят с любимым, но заблудшим отпрыском, — прямо кролик какай-то! Или медуза. Девицу надо хватать, обнимать и целовать до победного.

— Мы говорили по телефону.

— А! Ясно, ясно… Тут особенно не обнимешь. Но вообще — только так. Сотни раз проверено. Ладно, Бог с ней, с картиной. Жалко, но — Бог с ней. Мне ли не понять, сам влюблен. Я говорил тебе про Линду?

— Да, вы когда-то собирались пожениться.

— Опять собираемся. Купил разрешение, записался в регистратуре, там задень записываются.

— Поздравляю. Как ты ее нашел?

— Ничего, в порядке.

— Я хочу сказать, как ты узнал ее адрес. Через секретаршу?

— М-м-м… не совсем. Нет, не совсем. Я ее встретил на Бонд-стрит, где галереи. Пошел узнать, в какой цене Будэн. Линда сейчас служит у такого Гиша, мы и столкнулись в дверях.

— Ты растерялся?

— На минутку. Потом — как по маслу. Я говорю: «Привет!», а она — «Ах ты, да это Бифф!» То-се, пошли мы в бар, обо всем договорились. Время, знаешь ли, великий целитель. Она объяснила, почему я не мог ее найти — переехала к Тилбери, у него дом в Уимблдоне.

— Да, я слышал. Секретарша не сказала?

— Нет, как-то не довелось.

— Странно. Уж она-то знает. Правда, она глупая.

— Ты с ней знаком?

— Видел. Очень красивая, но — глупая. Что с нее взять, блондинка!!

Бифф залпом допил свой освежающий напиток и стал серьезен.

— Хочу тебя попросить… Помоги мне с Линдой.

— Вроде у вас все в порядке?

— До определенной черты.

— Что же я могу сделать?

— Если встретишь ее, не говори о Гвендолен Гиббз.

— Это нетрудно. Я не знаю никакой Гвендолен.

— Ну, о секретарше.

— А, ясно! Не говорить?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо.

— Спасибо тебе большое. Как все смешно на свете! Секретарши, опеки всякие… Кстати, Тилбери все узнал. Линда к нему зашла, а он разговаривал с Нью-Йорком. Прямо вишневый стал, орал — и я не удивляюсь. Говорит, опротестует завещание, Пайк был тю-тю. Выйдет у него что-нибудь?

— Нет. Насколько я понял, твой Пайк был со странностями, но и только. И вообще, ты его крестник.

— А детей у него не было, с чем их и поздравляю.

— Вот-вот, ты ему — как сын. Я слышал, ты его спас, а брата он вроде не любил, с чего б оставлять деньги?

— Ты четко мыслишь, Джерри.

— О давлении речи быть не может. Ты — тут, он — там. Нельзя давить через океаны.

Бифф облегченно вздохнул.

— Странно, честное слово! Посмотришь — дурак дураком, а какая голова! Мало того, какая хватка. Ты, часом, не юрист?

— Лекции слушал, но обедать — не ходил.

— Болел? Аппетита не было?

Джерри объяснил, что молодой юрист становится членом коллегии только в том случае, если он обедал в своем инне должное количество раз, а Бифф заметил, что это очень глупо. Он всегда подозревал, что всех, кто связан с судом, надо послать к психиатру; может быть, кроме Пэри Мейсона.[54]

— А если ты вегетарианец? — развил он свою мысль.

— Бери на тарелку овощи и сыр. Точно не знаю, я не обедал. Вернемся к нашей теме. Беспокоиться тебе не о чем.

Бифф помолчал.

— Знаешь, — сказал он, — я всем обязан Тилбери.

— Почему это?

— Если бы он не был таким гадом, Пайк бы его любил. Поскольку он гад, я ему обязан. Надо с ним поделиться.

— Очень благородно.

— Да. Значит, составим бумагу, дам ему пять процентов. Твой дядя может это сделать? Тогда оденусь — и к нему. Где он, на Линкольн-инн-филдз?

Глава VI

1

Предполагая, что международная беседа даст лорду Тилбери пищу для размышлений, Бифф не ошибся. Материалу прибавило письмо, которое король прессы получил через два дня. Мистер Хаскелл сказал, что оно отправлено воздушной почтой, вот оно и пришло, не обмануло.

Прочитав его, первый виконт поначалу обрадовался. Поверенный его считал, что доказать невменяемость брата практически невозможно, тем более что человек, наживший столько денег, явственно разумен; но письмо показало, что не все потеряно.

Биффа он знал, а потому — думал, что если тот не переродился, дня через три его настигнет рука закона. Тут хватит такой чепухи, как пьяная драка; если же Эдмунд Б. не напьется и не подерется на радостях, поистине разуверишься в людях!

И все-таки, все-таки, кто его знает, хорошо бы действовать наверняка…

Забыв о письмах, которые надо диктовать прекрасной Гвендолен, и даже о ней самой, лорд Тилбери бросил свой могучий разум на решение проблемы, гонимый тем инстинктом, который велит богачам становиться еще богаче.

Размышлял он минут двадцать, и вдруг его пронзила мысль о Пилбеме, воздействовавшая на него, как боевая труба — на коня. Пилбем! Да, именно он справится с этим делом. Лорд Тилбери всегда уважал и его интеллект, и полное отсутствие совести, зная, что за хорошую плату бывший сотрудник способен буквально на все. Что он сделает с юным гадом, еще неизвестно, но можно твердо сказать — блеска в этих действиях хватит.

Словом, надо поскорей с ним связаться. В клуб пригласить — нет, нельзя. Острое чувство социальных различий подсказывало, что костюм, придающий Пилбему сходство с неаполитанским мороженым,[55] отразится на его, лорда Тилбери, престиже. Значит, пойдем в контору.

Сыскное агентство «Аргус» располагалось неподалеку. Начинал Пилбем не здесь, а в Сохо, в однокомнатной квартире, но сейчас у него, кроме двух комнат, была приемная и хороший адрес. В маленькой комнате

сидели стенографистки, в большой поджидал клиентов сам сыщик. Приемная была отдана во власть подростка на побегушках.

Ему и вручил магнат свою карточку, повергнув в истинный восторг.

.— Это ко мне? — спросил Перси Пилбем, отрываясь от бумаг.

— К вам, сэр, — отвечал рассыльный. — Целый лорд, сэр. Шокировав его словами: «А, старый Тилбери! Ладно, пусть войдет, — сыщик с удовольствием размялся в своем кожаном кресле. Приятно вспомнить дни, когда ты взирал на шефа, как служанка — на руку госпожи.[56] Вообще-то Перси так не взирал, он слишком ценил себя, но все-таки лорда боялся. Это прошло. Теперь перед ним клиент, и ничего больше.

Лорд Тилбери никак не переходил к делу. Сперва он заметил, что погода все лучше, и не солгал. Потом он прибавил, что контора — высший сорт, и снова сказал правду. Наконец он признался, что жалеет о разлуке с Перси Пилбемом, что тоже не было ложью, ибо он так и не нашел ему замены Брать быка за рога пришлось самому сыщику,

— Вы ко мне по делу, Тилбери? — осведомился он.

— Э… хм… собственно, да. Я попал в деликатное положение.

Свою карьеру в прессе Пилбем начинал как тетя Изабел, отвечавшая жертвам любви, и сейчас он подумал, не в этом ли качестве понадобился бывшему шефу. Если речь пойдет о Гвендолен, он рад служить. Можно ли пожать ей ручку? Вполне. Поцеловать в лобик? Конечно: и так далее. Словом, он ждал продолжения — и оно его удивило.

— Пилбем, — сказал лорд, — у меня был брат. Он умер.

Сыщик изобразил сочувствие, насколько может его выразить очень прыщавый человек с баками и усиками. Сказать, что всякая плоть — трава,[57] он не успел.

— Много лет назад, — сказал лорд Тилбери, — он уехал в Америку. Там он разбогател. Собственно, он стал одним из ведущих финансистов. Вероятно, я не преувеличу, если скажу на глаз, что у него десять миллионов долларов.

Деньги вообще, миллионы — в особенности, Перси интересовали.

— Ух ты! — заметил он. — Кому ж они достанутся?

— Вот об этом я хочу поговорить. Надеялся, что мне, я — единственный близкий родственник, но…

— Оставил на благотворительность?

— Нет.

— Нашлась какая-нибудь вдова?

— Нет.

— В чем же дело?

— Оставил все как есть своему крестнику. Видимо, спятил. Пилбем не содрогнулся от жалости и ужаса, ибо, как и Линда Ром, считал, что лорд достаточно богат; но постарался вложить в интонацию хоть какое-то сочувствие.

— Ай-я-яй! Что же я могу сделать?

Робость покинула лорда Тилбери. Было что-то такое в Перси, когда он накручивал на ручку ус, — словом, он располагал к откровенности. Понимающий человек!

Пока виконт объяснял про опеку и про условие, он молчал, только изредка крякал. Правда, один раз он вскрикнул, ибо, услышав фамилию наследника, уронил ручку, пером — в мягкую часть ноги.

— Кристофер, вы сказали?

— Да.

— Не Бифф, случайно?

— Друзья его так называют. Крестили Эдмундом Биффеном, в честь брата.

— Какое совпадение!

— Вы его знаете?

— Я с ним вчера выпивал. Встретил случайно, с одной девицей.

Сказал он так намеренно. Он не хотел бы открывать, что прекрасная секретарша — в родстве с таким существом, как частный сыщик. Да, лорд Тилбери ценит его ум и бесстыдство, но вряд ли принял бы в семью. Лучше открыться после свадьбы.

— То-то он говорит: «Я миллионер». Я думал, получил немного и резвится. Повел он меня в кабак, и сосет, и сосет!

— Много пил?

— Немало.

— Как хорошо! — обрадовался лорд Тилбери. — Тогда вас-то мне и нужно. Так я и знал.

— Меня?

Первый виконт не хотел бы обижать человека, но мы-то знаем, что причина — в полном отсутствии совести. Все издатели «Сплетен» где-то да останавливаюсь, Джерри Шусмит — первый, а у Пилбема пределов не было.

— Понимаете, — начал лорд, — я верю в ваш разум и в вашу изобретательность. Я хотел, чтоб вы с ним познакомились и… э… ну, это самое. А вы, оказывается, знакомы. Лучше и быть не может.

Перси Пилбем носил баки и клетчатый пиджак, но схватывал он с

ходу.

— Ясно. Вы хотите, чтоб я его напоил.

— Вот именно.

— И он что-нибудь такое сделал. Его посадят, а вы все получите.

— Как вы ясно излагаете! Да, да.

— А что достанется мне?

Лорд Тилбери, зная его, ждал такого вопроса и подготовился.

— Сто фунтов.

— Точнее — тысячу.

Лорд Тилбери сидел и потому не покачнулся, но челюсть у него отвисла, глаза вылезли, как у Биффа, увидевшего блондинку.

— Тысячу!

— Ничтожная доля.

— Двести.

— Тысячу.

— Пятьсот.

— Тысячу. А вообще-то две.

Лорд Тилбери посинел, обретя сходство с жабой, которая не только попала под тачку, но и близка к инсульту. Однако это прошло. Возникла целительная мысль: никого нет, можно будет отпереться.

— Хорошо, — сказал он.

— Хорошо?

— Да.

— Тогда составим договорчик.

Перси взял ту ручку, на которую накручивал ус, быстро что-то написал и вызвал рассыльного.

— Спенсер, — сказал он, — пришли сюда Лану и Марлен. Появились обе стенографистки, заверили бумагу, ушли.

Они были привлекательны, но лорд Тилбери подумал, что в жизни не видел таких мегер. Вполне возможно, что в подобных обстоятельствах он осудил бы саму Гвендолен.

— А теперь, — сообщил Пилбем, — я его познакомлю с Джо Мерфи.

— Что, что?

— Такой газетчик. Здорово пьет. С ним не захочешь — напьешься. Вчера Кристофер лез к полисмену.

— А вы его удержали!

— Я же не знал. Ничего, с Мерфи кого-нибудь ударит. Полисмена гарантировать не могу…

— Конечно, конечно.

— Но тут всякий подойдет.
— Вот именно.
— Ну, вот.
— Да, да, да, — сказал виконт.
Он не знал выражения «заметано» и потому его не употребил.

2

Наутро после встречи Тилбери — Пилбем предмет их беседы пребывал в умилении. Сидя с Джерри за остатками завтрака, он мешал ему читать газету, поскольку описывал свою любовь к Линде.
— Странно, — сказал он.
— Что именно?
— Да все. Почему я хочу на ней жениться? Коту ясно, мы — не пара. Друзья говорят: «Одумайся! Тебе нужна веселая подруга, которая и выпьет, и потанцует на столе». Прямо сейчас! Не нужна. Линда, и только Линда. Как ты это понимаешь?
— Видимо, взялся за ум.
— Очень может быть. Конечно, она ангел во плоти, это мне очень полезно. Но иногда я думаю — зачем у нее такие высокие требования?
— Высокие?
— Ну, высоковатые. Нет, причины у нее есть. Я не говорил, она уже была замужем? Такой Чарли Ром, с биржи. Пил, как рыба, гонялся за девицами.
Джерри нахмурился.
— Кого это мне напоминает? Не помню. Что ж она, развелась?
— Да. Терпела-терпела, а потом — все. Конечно, теперь ей легче, но взгляды — очень строгие.
— Следующий муж должен быть вроде сэра Галахада?
— Вот именно. Значит, придется пить один коктейль перед обедом, а потом — бокал вина. Отращу двойной подбородок, брюшко, еще в Конгресс выберут… И что же? Жалуюсь я, Дрожу? Нив коей мере. Я рад. С Линдой и не то стерпишь.
— Видишь, тебя очищает любовь хорошей женщины.
— Не без того.
— Ты хочешь оправдать ее доверие.
— Вот именно. А я ее обманываю!
— В каком смысле?

— Вернее, скоро обману. Пойду в ресторан с Гвендолен. Линда взяла с меня клятву, что больше не будет блондинок, а тут, сам видел…

— Зачем же ты идешь? Отменил бы.

— Нет, нельзя. Как говорится, прощальный ленч. Не знаю, хватит ли денег… Если Кэй привезет картину, тогда хватит. Линда говорит, Будэн в цене. Но привезет ли? Где она?

— Может, прилетела вчера вечером, уже поздно было.

— Тогда надо звонить. Я же тут волнуюсь. Это недорого, в конце концов!

— Ну, не подумала.

— То-то и оно. Что такое брат, что такое его нервы? Ты поосторожнее, Джерри, старик, она вообще такая, не думает. Не ставит себя на чужое место. Я, понимаешь, голодаю, я извожусь, а она…

Тут зазвонил телефон.

— Наверное, она, — сказал Бифф. — Иди, иди! Только не объясняйся, говори о деле.

Джерри вернулся через несколько минут.

— Она?

— Да, она. Прилетает сегодня. Бифф облегченно вздохнул.

— Слава Тебе, Господи! Завтра получу картину…

— Получил бы, — внес уточнение Джерри, — если бы она ее везла.

— А что? Не везет?

— Нет. Считает, что тебе опасно иметь сейчас деньги.

Бифф покачнулся. Обычно он верил своим ушам, обычно — но не теперь.

— Так и сказала?

— Да.

— И это сестра! И это ее я воспитывал и лелеял!

— А теперь она тебя лелеет. Посуди сам, ты же себя знаешь. Сейчас никак нельзя влипнуть. Спасибо бы ей сказал.

Телефон зазвонил снова. На сей раз к нему пошел Бифф, бросив:

— Ну, я с ней поговорю!

Он гордо удалился; но когда пришел обратно, сиял счастливой улыбкой, словно подтвердилась его вера в ангелов-хранителей.

— Это Пилбем, — сказал он. — Ты его помнишь?

— Да.

— Хороший парень, а?

— Ну, что ты! Гад, каких мало. Бифф печально пощелкал языком.

— Смотри на людей светлее, Джерри, — посоветовал он. — Да, у него

прыщи, но это не все, нет, не все! Откуда я знаю? Вот откуда: он предложил мне работу. Зайдите, говорит, ко мне, есть работенка. Чистая душа!

Джерри задрожал от ужаса. Он легко мог представить себе, что из этого выйдет.

— Не ходи! — вскричал он. — Подумай, чем ты рискуешь!

— А что такое?

— Ты же напьешься и влипнешь!

— Чепуха. Что, у меня головы нет?

— Именно.

— Ты не прав. Есть. И вообще, я спешу, в час встречаемся с Гвендолен. Кстати, не одолжишь ли фунтика три? Нет, скорее — пять.

3

Бифф не опоздал на свидание — молодые люди без денег очень точны, когда речь идет о наличных. Перси просил его явиться к трем, и в два часа пятьдесят девять минут он сообщил о себе юному Спенсеру. Юный Спенсер мгновенно провел почетного гостя в кабинет, где Перси, пожав ему руку, придвинул кресло и предложил ему сигару. Не хватало разве что салюта и красного ковра.

Когда обменялись комплиментами, одобрили погоду и справились о здоровье, Перси перешел к делу — тогда, не раньше.

— Вы говорили, — начал он, — что хотите немного заработать.

Бифф это подтвердил.

— А вы, — прибавил он, — говорили, что у вас есть какое-то дельце.

— Есть, — признал сыщик.

— Частный сыск?

— В определенной мере. Бифф помялся.

— Должен вас предупредить, — честно сказал он, — что я не очень к этому способен. Я не распознаю улику, если мне ее принесут на блюдечке, с подробным описанием. В общем, если вы надеетесь, что я сумею измерять пятна крови или там исследовать сигаретный пепел, вас ждет разочарование.

Обычно, ведя деловую беседу, Перси Пилбем был серьезен, но иногда, очень редко, он улыбался, не ведая о том, как это отвратительно. Случилось так и теперь.

— Нет, нет, ничего такого не надо! — заверил он.

— А что надо? — спросил Бифф.

Перси встал, подкрался к двери, распахнул ее и — видимо, удовлетворившись тем, что юный Спенсер не упал на пол, — повернул ключ. Бифф с интересом за ним следил.

— Тайна? — предположил он. Перси многозначительно кивнул.

— Полная секретность. Могу я на вас положиться?

— Конечно!

— Строго между нами… и, естественно, Скотланд-Ярдом…

— Ярдом?

— Консультируются, знаете… По особо важным делам.

— О!

— Что поделаешь, они — не всесильны. Простые дела — убийство там, кражи, поджоги — вполне в их возможностях, но если дойдет до… вы понимаете…

— Я бы понял, если б знал, о чем речь.

— Да? Хорошо, речь идет о том, чтобы познакомиться с неким Мерфи. Сыщика — *их* сыщика — он почует издалека. Но вы… Типичный американец, слоняющийся по Лондону. Кому-кому, а вам удастся его обдурить.

— Зачем его дурить? Кто он?

— Откройте дверь, — прошептал Перси.

— Какую?

— Эту.

— Ах, эту!

Бифф послушно открыл дверь и постоял, дожидаясь инструкций, но Перси показал жестом: «Закройте. Идите сюда».

— Итак, вы спросили, кто он, — начал сыщик. — По его словам, вольный газетчик, но мы-то знаем, что он — агент одной недружественной державы. Называть ее не будем.

— Не будем?

— Нет. Опять же, по его словам, фамилия его — Мерфи, но мы предполагаем, что она скорее оканчивается на «…ский» или, скажем, «…вич». Возможно и «…офф».

— Русский?

— Вы умны. Итак, Ярд хочет узнать, что он замышляет. Что-то он замышляет, тут спора нет, но что? Это выведаете вы. Вечера он проводит на Флит-стрит, в «Розе и короне». Мы с ним знакомы, я вас представлю — и покину.

— А я все выведаю?

— Вот именно.

Бифф помолчал.

— Можно спросить? — решился он. — Эти шпионы — очень сдержанные. Во всяком случае, судя по книгам.

Перси снова позволил себе ту ужасную улыбку, которая придавала ему сходство с персонажами триллеров.

— К этому мы и подходим, — отвечал он. — Придется его напоить.

— Тогда и я буду пить!

— Конечно. О расходах не беспокойтесь, сейчас я вручу вам десять фунтов. Загляните завтра, вас будут ждать еще сорок.

Бифф глубоко вздохнул, как бы слыша шорох бумажек. Но пред его мысленным взором встало лицо Линды.

— Простите… — начал он, собираясь героически отказаться; и тут раздался звонок.

— Вас, — сказал Перси Пилбем.

— Бифф? — сказал телефон.

— А, Джерри!

— Слушай, у меня плохие новости. Сейчас звонила твоя Линда.

— Хотела со мной поговорить?

— Ну, как бы и говорила. Она не дала мне объяснить, обращалась — к тебе. Понимаешь, она видела тебя с блондинкой.

— А, черт!

— Когда она решила отдышаться, я сказал, что это — я, и дал телефон «Аргуса». Спросила, что поделаешь! Так что, жди.

— О, Господи!

— Думай побыстрей, надо ей как-то объяснить. Пока, желаю удачи.

— Неприятности? — спросил Перси Пилбем, и снова раздался звонок.

Кроме «Здравствуй, дорогая», Биффу не пришлось сказать ничего. Женщины славятся тем, что, говоря по телефону, не дают вставить слова. Наблюдательный Перси заметил, как у Биффа отвисла челюсть и появился ужас в глазах. Обзаведись сыщик сердцем, оно бы болело за страдальца. Собственно, и он знал, что такое женский крик.

Но дело — это дело, и он был рад, когда, проблеяв «Послушай! Нет, послушай!», «Линда, Линда», Бифф положил трубку.

— Ну как, — спросил он, — берете работу?

Бифф очнулся и поморгал, как боксер, которого стукнули по носу. Прикинув, стоит ли плакать на плече у прыщавого субъекта, который накручивает ус на орудие письма, он решил, что не стоит. Лицо его стало суровым. Такими бывают лица у тех, чье сердце разбито на куски, зато им

уже не надо потакать женским капризам. Шпион? Да пожалуйста! Пить? Да что угодно, хоть виски, хоть джин. Или, скажем, bourbon.[58]

— Беру, — отвечал он и достойно вышел, а Перси (по темноте своей не вспомнивший Аластора, о котором писал Шелли[59]) вернулся к текущим делам. Когда сыщик проглядывал фотокопии писем, призванных разрушить союз м-сс Босток (Грин-стрит, Лондон) и м-ра Бостока (прож. там же), ему явилась мысль. Он снял трубку, набрал телефон Тилбери и сказал:

— Гвен?

— А, Перси!

— Слушай, ты видишься с этим Кристофером?

— Вижусь. Сейчас были в кафе. А что?

— Дай ему под зад.

— Он миллионер!

— Ничего подобного.

— В каком смысле?

— А вот, слушай.

Приспособившись к низшим видам интеллекта, он рассказал все, ничего не упустил.

— Так что, гони в шею, — заключил он. — Тилбери, и только Тилбери.

— Ух ты! — вскричала прекрасная Гвендолен. — Спасибо, что сказал.

Глава VII

1

Обосновавшись на ночь в скромной гостинице и собираясь посетить наутро Хэлси-чамберс, 3, Кэй размышляла о Генри, а точнее — о его матери, вдове сэра Хьюберта Блейк-Сомерсета.

Встреча их была неприятной. В сущности, может ли быть приятной встреча пожилой дамы, которая в свое время разделяла судьбу колониального губернатора, и молодой американки, которая живет в Париже? Леди Блейк-Сомерсет, воспитанная на «Трильби», не признавала за жительницами Парижа никакой респектабельности, и очарование, сразившее Джерри Шусмита, пропало втуне. Вела она себя в точности, как та особа из песенки, которая, знакомясь с невестой сына, говорила: «О, бедный, бедный Джон!» Словом, думая о ней, Кэй невесело хмурилась.

Прошло это лишь тогда, когда, позвонив в квартиру 3, она увидела Джерри. Снова взлетело у нее сердце, и ей показалось, что она пришла домой.

— Привет, — сказала она. — Вот и я. Почему вы так смотрите? Не ждали?

Джерри смотрел так, а не иначе, поскольку ощутил что-то вроде удара по голове. Пока он приходил в себя, Кэй прибавила:

— Если хотите, я уйду.

— Господи, что вы говорите! — воскликнул он. — Прошу, прошу. Как вам тут нравится?

Кэй вошла и осмотрелась.

— Уютно, — сказала она. — Казалось бы, два холостяка должны устроить беспорядок, но нет, уютно. А где Бифф?

— Наверное, спит. Не выходил.

— Лентяй собачий!

— Благодарите Бога, что он спит.

— Почему это?

— Он бы проклял вас братским проклятием. Когда я сказал про картину, он разволновался.

— Разве я не права?

— Правы, правы. Сколько она стоит?

— Тысяч десять.
— Ну, вот! Можно ему столько иметь?
— Ни в коем случае.
— Вот именно.
— Какой вы разумный, трезвый человек!
— Не говорите мне гадостей.
— Это комплимент. Если бы вы знали, что за подонки водятся с ним в Париже, вы бы поняли. Приведет, скажет: «Это Жюль», или там «Гастон» — и все, не выкуришь. Я вообще не вижу приличных людей, кроме наших, в газете и, конечно, Генри. Ой! Мои ушки и усики![60]
— Что случилось?
— Я сегодня с ним обедаю.
Джерри сам надеялся с ней пообедать и сказал без должного пыла:
— Успеете, еще рано.
— Да он в Париже! Он не знает, что я уехала. Мы должны обедать с его мамой.
— У него есть мама?
— И какая!
— Мне кажется, она вам не очень приятна.
— Как и я — ей.
— Видимо, она ненормальная.
— Нет, что мне делать? Что я скажу?
— Что у вас выпадение памяти. А зачем вообще объяснять?
— Он рассердится.
— Навряд ли. Холодно удивится, не больше.
— Может быть, может быть… Поговорим лучше о вас. Почему вы дома? Сержант говорил секретарю, что вы служите.
— Меня выгнали.
— Ой, простите!
— Ничего, противная была служба.
— Кто же вас выгнал?
— Сам лорд Тилбери.
— Кажется, он — дядя Линды.
— И хозяин «Мамонта», где издается моя газетка.
— Надеюсь, он сломает ногу. А, вот!
— Что такое?
— Я скажу Генри, что меня срочно послали из газеты.
— Не очень убедительно.
— Да, не очень. Генри это примет… ну, холодно.

— Он все принимает холодно. Читали Роберта Сервиса?

— Как-то не довелось.

— Он писал о Юконе.

— Это я знаю.

— Если ему верить, там снег, лед и мороз. Самое место для вашего Сомерсета.

Кэй посмотрела на него.

— По-моему, — сказала она, — Генри вам не нравится.

— Вы правы. Я — не эскимос.

— В посольстве его очень ценят.

— Откуда вы знаете?

— От него. Когда-нибудь он будет послом.

— Не дай Бог, а то начнется третья мировая война. Нет, как вы можете думать о таком браке? Лучше просто залезть в холодильник.

— Мистер Шу-Смит, я его люблю.

— Ну, прямо!

— Что, что? Не надо так говорить.

— А вы не говорите всякую чушь. Люблю! Этот ходячий труп со стеклянными глазами!

— Перестаньте!

— Ни за что. Я имею полное право высказывать свое мнение.

Кэй вздохнула.

— Вот мы и поссорились! Нельзя же так, Шу-Смит. Если б не моя тонкость, я бы обиделась. Зачем вы лезете в мои дела?

— Затем. Какие женихи?! Вы выйдете за меня, мы же созданы друг для друга. Вспомните, как мы плыли на этом корабле. Родственные души! А тут какие-то Генри… Прямо не знаешь, смеяться или плакать. Слава Богу, я появился вовремя. Бифф правильно сказал…

— Если правильно, это не Бифф.

— Он правильно сказал: хватай и целуй без разговоров. Так я и сделаю.

— Вы посмеете?

— Еще как! Сейчас я вам покажу, какой я способный.

Именно тут раздался настойчивый звонок.

— Ура! — воскликнула Кэй. — Я знала, что небо опекает бедных порядочных девиц. Интересно, кто это? Лорд Тилбери пришел извиниться?

Это был Бифф, исключительно похожий на труп со стеклянными глазами. Друг его и сестра онемели от ужаса.

— Ключ потерял, — объяснил он. — Привет, Кэй. И, опустившись в

кресло, заснул.

Кэй смотрела на Джерри, Джерри смотрел на Кэй. Оба думали о том, что их бедный друг и брат, похожий еще и на героя современной пьесы, кутил во всю свою силу. Даже в Нью-Йорке, на самой вершине, он поражая как-то меньше; и Джерри благоговейно прохрипел:

— О, Господи!

— Вот именно, — согласилась Кэй.

— Ангелы, гонцы благодати, помогите нам! Я не ошибся, это не иллюзия?

— Нет.

— Надо его уложить.

— И крепко держать.

— Пока вы его укачаете, я сбегаю, куплю соды. Вряд ли поможет, а все-таки…

Кэй пожала плечами.

— Бегайте, но это не нужно. У него не бывает похмелья. Встает, как стеклышко, с песней на устах. Видимо, эндокринное.

Джерри удивился. По странной случайности, он не видел Биффа наутро после попоек.

— Как *стеклышко?* — проверил он. — И не кается? Не страдает? Не клянется завязать?

— Ни в малейшей мере. Гадость какая, а? Если б он хоть страдал, я бы это вынесла, но нет, не страдает. Прямо подумаешь, что на свете нет правды. Ладно, творите доброе дело, если хочется.

Когда Джерри вернулся, Биффа не было — видимо, ушел в спальню, — а Кэй сидела в кресле с тем самым видом, который побудил Уолтера Пейтера заметить, что какую-то даму постигли все скорби мира.

— Ничего, — сказал рыцарь, — не убивайтесь, он все-таки дома, а не в камере.

Кэй почему-то не утешилась. Всякий, кто хотел бы узнать разницу между оптимистом и пессимистом, мог бы посмотреть сейчас на них.

— Хорошо, — сказала она, — но он же опять выйдет. На этот раз — пронесло, а потом?

— Значит, ему нельзя выходить.

— Как вы его удержите?

— Очень просто. Спрячу брюки.

— Что?!

— Простые методы — лучше всего. Кэй помолчала.

— Это мысль, — признала она. — А он ваши не возьмет?

— Где? Я уеду в Патни, к дяде. Его можно вынести дня два, а меня… ну. как-нибудь вынесет. Вы переедете сюда. Вернее, так: я увожу вещи Биффа, вы идете, складываете свои, потом я заезжаю за вами, везу в ресторан. Там мы кое о чем поговорим. Вопросы есть?

— Нет. Вы все предусмотрели?

— Надеюсь. Теперь о брюках. У Биффа две пары, он — не Бреммел.[61] По его словам, из Парижа он вылетел в чем был, а тут купил еще одни, дешевые. Взять это все нетрудно. Видимо, зайдете вы, у вас походка легче. Можете его не разбудить?

— Его ничто сейчас не разбудит.

— Ну, с Богом. Почему вы на меня так смотрите?

— Я думаю, всегда ли вы так мудры.

— Грубо говоря, всегда.

— И еще я думаю, почему вы расплылись, как Чеширский кот.

— А, вы заметили тонкую улыбку? Я представил себе, как ваш Генри придет с мамашей и вас не застанет. Вероятно, поднимет брови. Да, вероятно.

2

Генри поднял брови раньше, вчера, когда позвонил невесте, чтобы сообщить ей, что леди Блейк-Сомерсет предпочла другой ресторан. Звонил он на службу, и там сказали, что Кэй вылетела в Лондон.

Сообщив начальству, что у него — острый приступ невралгии, молодой дипломат выпил кофе, съел немного джему и поспешил в аэропорт Орли. Как и Отелло, он очень волновался.

Глава VIII

1

Лорд Тилбери, как обычно, пришел незадолго до десяти и принялся за работу, но — против обычая — работать не смог. Отпустив Гвендолен на ее место, он барабанил пальцами по промокашке, ибо ожидал сводок от Пилбема.

Через очень долгое время зазвонил телефон.

— Тилбери?

— Лорд Тилбери у телефона, — отвечал этот лорд, опасаясь, как бы недавний подчиненный не назвал его Джорджем. — Да, Пилбем? Какие новости?

— Все к собакам, — сказал Перси. — Ничего не понимаю. Мерфи говорит, насосался, как скотина, но я сейчас звонил, он дома. А не в полиции, — мрачно прибавил он, и будешь мрачным, когда уплыли две тысячи, хотя гораздо хуже, когда уплывают десять миллионов.

Лорд Тилбери, находившийся в той ситуации, которую мы описали последней, испытал невыносимую боль. Буркнув «Ну, вот!..», он повесил трубку и нескоро обрел хотя бы относительное спокойствие. Как многие мужчины, пребывающие в унынии, он жаждал женской заботы, и, приоткрыв дверь, сказал:

— Мисс Гиббз…

— Да, лорд Тилбери?

— Я… э… знаете, так, подумалось… мдэ… вы не сходите со мной в ресторан?

Прекрасное лицо осветилось радостью, но тут же и угасло.

— О, лорд Тилбери, с удовольствием, но вы пригласили мистера Льюэллина!

Если бы здесь не было дамы, первый виконт, как говорится, выразился бы. Он совершенно забыл о предстоящей встрече.

— Завтра он улетает в Рим, — дополнила Гвендолен. — Сегодня зайдет в полвторого.

День был жаркий, но лорда зазнобило. Мысль о том, что глава кинокорпорации зайдет и никого не застанет, способна вогнать в трепет. Если тебе принадлежат утренняя, вечерняя и воскресная газеты, а также

четыре журнала, ты не вправе оскорблять того, кто может пустить на рекламу тысячи фунтов. Газетный магнат знал, что киношный магнат — обидчив.

— Спасибо, — искренне сказал он, — спасибо, что напомнили. Как-нибудь в другой раз, а?

— О, конечно, лорд Тилбери!

— А как поживает Персиваль Рандольф?

— Кто? А, Брюква!

— Брюква?

— Я его так зову. Он на брюкву похож, такой круглый.

— Ага, ага. Понимаю. Очень разумно.

Несмотря на неудачу, лорд Тилбери был доволен. Ухаживание явно продвинулось. Он дарил цветы, конфеты, бульдога (все-таки — не Брюкву), а теперь пригласил в ресторан. Поистине, осталось только объясниться.

Дожидаясь звонка и надеясь, что Льюэллин сообщит, как вывихнул ногу, он звонка дождался, но это был не Льюэллин (тот принимал ванну, готовясь к визиту), а Перси Пилбем.

— Тилбери?

— Лорд Тилбери у телефона.

— Мерфи только что ушел.

— Дэ? — без должного интереса откликнулся первый виконт.

— И знаете, что он сказал? Один американский газетчик говорил ему, что ваш братец — чистый псих. Опротестовать завещание не думали?

— Думал, но поверенный отговорил. Нет доказательств.

— Вы послушайте Мерфи!

Лорд Тилбери ощутил, что Пилбем достоин всякого уважения.

— А? — сказал он. — Да? Ну, что, что?

— Не бормочите, Тилбери. Я ничего не понял.

— Что говорит ваш Мерфи?

— Такой Биллингсли…

— Неважно. Что он *говорит?*

— Этот Биллингсли, он из газеты, хотел взять интервью. Ну, написал, а братец ваш и ответь красным мелом.

— Чем?

— Красным мелом. Каждое слово обведено синеньким. Как Хаймен Кеплен.

— Кто?

— Ладно, неважно. Пригласил его пообедать, и ел наоборот.

— Что?

— Задом наперед. Начали с кофе и сигар, портвейн, суфле, потом — телячья отбивная, а кончили аперитивом. Биллингсли чуть не умер. Интервью взять не удалось, старый псих — то есть ваш братец — ставил пластинки. Особенно он любил Дороти Шей. «Песнь горней девы» слушал шестнадцать раз, начал семнадцатый.

Трубка задрожала в руке у лорда. Он и не надеялся на такой подарок.

— Да если это рассказать присяжным…

— Вот именно. Мало того, за отбивной ваш братец сказал, что он — последователь Чарльза Форта.[62]

— Кто это?

— Некогда объяснять. Посмотрите в энциклопедии. В общем, ясно. Идите, сообщите Кристоферу. Увидите, что он запоет! Хэлси-корт, Хэлси-чамберс, три.

Лорд Тилбери радостно вздохнул.

— Иду. Спасибо, Пилбем.

2

Вернувшись от дяди, где он сгрузил драгоценный груз, Джерри удивился. Слова о стеклышке он все-таки счел поэтической метафорой, но, кроме синяка под глазом, нее в Биффе блистало и сверкало. Судя по манере, он пил только лимонад, как отец Перси Пилбема.

— Джерри, старик! — обрадовался он. — А я все гадаю, где ты. Куда ходил?

— Ездил в Патни.

— Это что?

— Такой пригород, там живет мой дядя. Я побуду у него несколько дней, а Кэй переедет сюда. Она считает, что тебе нужна женская забота.

Бифф снисходительно посмеялся.

— Женщины, женщины! Вечно они суетятся.

— Ну, все-таки ты был довольно страшен. Я заехал посмотреть, жив ты или нет.

— Хорошо, что застал. Собираюсь уйти.

— Да?

— Да. Надо с Линдой помириться.

— Значит, поссорились? Так я и думал. Она дозвонилась тебе в «Аргус»?

— Да. и порвала помолвку. Но ты не беспокойся, я все улажу. Помнишь, я советовал с Кэй? Хватаем, целуем и так далее. Кстати, как, сработало?

— Не пробовал. Ты помешал.

— Жаль.

— Кстати, почему ты так надрался?

— Пришлось. Тут такое дельце… В общем, шпион.

— Да ты проспись!

— А ты послушай. Значит, Скотланд-Ярд попросил Пилбема расколоть шпиона. Пилбем поручил это мне. Я было отказался, из-за Линды, но тут она позвонила. Ну, тогда согласился, тем более — сорок долларов.

— За что?

— Я ж тебе говорю. Надо расколоть шпиона. Больше сказать не могу, сам понимаешь. Ну, пили — Джерри, старик, не пей никогда со шпионами! Полые они, что ли? Ни в одном глазу. Знаешь, я уже плохо его различал, а он — как стеклышко. Хороший дядька, марки собирает. Так вроде — Мерфи, а на самом деле — Иванович или Молотофф.

— Это он тебе глаз подбил?

— Ну, что ты! Мы с ним друзья. Я ему — про Линду, он мне — про марки. Глаз — это позже, на улице. Точно сказать не могу, но с кем-то дрался.

— Тебя же могли взять!

— Вот и я подумал. Знаешь, это Провидение, оно хранит хороших людей. Да, так я говорил, что помирюсь с Линдой. Поведу куда-нибудь, обниму — она меня и простит.

— Ты уверен?

— Еще бы!

— Знаешь, она так орала…

— А. тогда? Плюнь. Когда женщина говорит по телефону, с ней что-то случается. Порет, сама не знает, что. Потом плачет, жалеет. А теперь, Джерри, старик, я пойду оденусь. Приятно с тобой поболтать, но…

Зазвонил телефон, и, недокончив фразу, он побежал в переднюю.

— Алло! — послышалось оттуда. — Да, это я. *Кто?* Конечно, если хотите. Еде вы? У «Баррибо»? Значит, скоро будете тут. Это хорошо, а то мне надо уйти. Ладно, жду.

— Ты подумай, — сказал Бифф, возвращаясь. — это старый Тилбери. Хочет со мной поговорить, наверное — про наследство.

— Мне как, уйти?

— Ну, что ты!

— А я не помешаю?

— Поддержишь. Он тебя видел?

— Не думаю. Он с мелкой сошкой не общается. Может, случайно…

— Да вообще не запомнил. У тебя обычное, неприметное лицо. Когда он придет, сделай вид, что ты — мой поверенный. Сложи вместе кончики пальцев, побольше сопи. Будет ругаться — напомни о диффамации при свидетелях. Накинется — дай в ухо.

Зазвонил звонок.

— Ну, Ватсон, — сказал Бифф, — это наш клиент. Добрый день, лорд Тилбери.

Гость посмотрел на Джерри.

— Мой поверенный, — прибавил Бифф, — мистер Хендерсон из конторы «Хендерсон, Хендерсон, Хендерсон, Хендерсон и Хендерсон». Видимо, урожайный год. Просто расплодились! Ну, заходите, заходите, присаживайтесь. Чем угостить?

Лорд Тилбери нахмурился.

— Я пришел не в гости, — сказал он.

— А по делу?

— Именно.

— Вы здесь, мистер Хендерсон?

— Да, — сказал Джерри, — я здесь.

Лорд тяжело дышал. Он мало знал Биффа, но тот ему не нравился, тем более сейчас, равно как и служитель закона.

— Начну с того, — сказал он, обращаясь только к Биффу, — что я связался с нью-йоркскими юристами.

— Как они там?

— Они сообщили об условиях. Я пришел о них поговорить.

— Самое время! Мы с мистером Хендерсоном как раз обсуждали. Что вас беспокоит?

— Я собираюсь опротестовать завещание. Джерри сложил кончики пальцев.

— На каких основаниях, лорд Тилбери? — осведомился он.

— На таких, что мой брат был псих.

— Как вы толкуете этот термин? — спросил Бифф у Джерри.

— По-видимому, — отвечал тот, — лорд Тилбери считает, что его брат… э…

— Тю-тю?

— Скажем так, помешан.

— Да? Спасибо, мистер Хендерсон (пальцы, пальцы!). Согласен, мой крестный отец был чудаковат — но не более. Нет, не более.

— У меня есть доказательства.

— Какие именно?

— Такие. Он писал деловые письма красным мелом. И обедал задом наперед.

— Неясно.

— Суфле, потом — котлеты, потом… Бифф беспечно отмахнулся.

— Какие пустяки! Что еще?

— Он — последователь Чарльза Форта.

— Простите?

— Чарльза Форта.

— В жизни не слышал. Вы знаете Чарльза Форта, мистер Хендерсон?

— Американский литератор.

— Ах, эти юристы! Все они знают. Литератор. А почему наш папа Тилбери говорит о нем в таком брезгливом тоне, словно застал его без штанов?

— Видите ли, у него оригинальные взгляды. Он полагал, что небо состоит из студенистой субстанции, звезды же, в сущности, — дырки. Предупреждал летчиков, чтоб не завязли.

— Разумно. Завязнешь — не вылезешь.

— Кроме того, он объяснял этим ряд таинственных исчезновений. Жертвы — судья Крейгер, Дороти Арнольд — похищены невидимыми силами, обитающими в студне. Что ж, все бывает, но многим казалось, что такая мысль своеобразна.

Лорд Тилбери фыркнул в полную силу Седьмой Трубы.

— Своеобразна! Полный псих, как и мой братец.

— Вы согласны, мистер Хендерсон? — спросил Бифф. Пальцы склеились напрочь, а засопел Джерри так, как сопят большие эрудиты.

— Нет, не согласен. Своеобразие — одно, безумие — иное. Если присяжные узнают, что к ученикам Чарльза Форта принадлежали Александр Уолкот[63] и Теодор Драйзер, будет трудно убедить их в невменяемости мистера Пайка.

— Прекрасно сказано! — одобрил Бифф. — Так и предайте всем Хендерсонам! Ну как, Тилбери? Съели?

— Вижу, — отвечал виконт, — говорить с вами бесполезно. Ограничусь одним: я готов пойти на соглашение.

— Какое?

— Решим все сами. Поделим деньги поровну. Не согласны — дойду

до Верховного суда. Не отвечайте, подумайте. До свидания.

И первый виконт достойно вышел.

3

В комнате, которую он покинул, царил дух трезвого триумфа. Бифф полагал, что они хорошо боролись и силам тьмы есть о чем подумать в свободное время. Особенно восторгался он тем, как действовал его поверенный.

— Ну, Джерри, старик, я бы без тебя погиб! Уж какой я смелый, а перед Тилбери бы сдрейфил. Помню, я был у них гам раза два, дрожал от страха. И то, такое дело вести, каким же надо быть драконом! Кстати, ты прав, опротестовать он не сможет.

— Конечно. Бойся себя, а не его.

— Совершенно незачем.

— Да, теперь и я за тебя не боюсь.

— Думаешь, пронесло?

— Скорее всего.

Бифф расплылся в улыбке.

— Я рад, что ты в меня так веришь. Все-таки вчера я тебя обманул. Больше не буду.

— Да, знаю.

— Спасибо, старик, спасибо. Я очень ценю твое доверие. Теперь мне не очень трудно наладить контакт с Линдой.

С этими словами Бифф направился в спальню, а через три минуты — вышел.

— Вот странно! — сказал он. — Нет брюк.

— Брюк? — проверил Джерри. — Ах, брюк! Забыл сообщить, они в Патни. Я их туда отвез.

— Ты?..

— Понимаешь, Кэй немного беспокоилась, и я решил их убрать. Получишь в день рождения. Лучший подарок.

— Да мне надо встретиться с Линдой!

— Ничего, подождет.

Судя по его лицу, Биффа одолевали разные чувства. Ошеломление сменилось праведным гневом. Благодаря недавним похождениям, сверкать он мог одним глазом, но им он сверкал вдвойне.

— И это друг! — горько заметил он.

— Самый лучший, — откликнулся Джерри. — Я тебя спасаю. Если хочешь, я — твой ангел-хранитель. Нет, нет, не благодари.

— Еще чего!

— Правильно, я и не жду. Ладно, мне пора. Надо зайти за твоей сестрой, веду ее в ресторан. Передать что-нибудь?

Бифф говорил несколько минут. Он полагал, что мерзкий заговор измыслила Кэй, Джерри — только орудие, и употребил выражения, которые ни один брат не должен применять к сестре.

— Ясно, — резюмировал Джерри. — Передам привет.

4

Дверь закрылась, Бифф постоял, и так неподвижно, словно позировал для полотна «Портрет молодого человека, похожего на таксу, в халате, с фонарем». Он жалел себя, настолько жалел, что мог бы разрыдаться. Ведь непременно надо увидеть Линду, пока она не окаменела в своем гневе.

И тут явилась мысль о братьях Коэн, прорезав кромешную тьму лучом надежды, как прорезают ночь огни сельского кабачка.

Всем известно, что эти братья торгуют ношеной одеждой неподалеку от Ковент Гардена и могут обеспечить любым предметом туалета. Именно у них купил вторые брюки приехавший налегке Бифф, а теперь об этом вспомнил, одновременно представив, какой будет глупый вид у злоумышленников. Мысли его, когда он шел к телефону, можно выразить привычной фразой: «Что, съели?»

Братья превзошли себя. Заказ они приняли с таким пылом, словно их полгода ни о чем не просили. Штаны? Да ради Бога! Объем талии? Прекрасно. Выедем, как только мистер Скарборо схватит такси. Звонок зазвонил почти сразу, и, прыгнув к двери, Бифф увидел исключительно элегантного человека.

— Мистер Кристофер? — спросил тот.

— Да, да.

— Я — Скарборо.

— Заходите, — вскричал Бифф, — заходите, дорогой Скарборо! Выпьете чего-нибудь?

Многие герцоги и графы обращаются к братьям Коэн, когда возникает нужда в одеждах с горностаевой опушкой, и часть их блеска оседает на служащих. Мистер Скарборо вполне мог оказаться сыном маркиза или на худой конец очень важного баронета. Он был молод, светловолос, а усики

его повергли бы в трепет Перси Пилбема.

— Спасибо, не пью, — ответил он так, что его немедленно взяли бы на Би Би Си. — Я на службе. Мы, знаете ли, как полисмены. Конечно, это — неписаное правило. Так сказать, традиция. Насколько я понял, вы заказали штаны?

Бифф это подтвердил, и с большим пылом.

— Прошу. Ваш заказ вызвал некоторое смятение, вы не уточнили материал. Поскольку сейчас тепло, мы взяли на себя смелость предложить вам сеточку.

Глаз, глядевший на пакет, выразил удивление и скорбь. Неприятно получить камень вместо хлеба; ничуть не лучше получить трусы вместо брюк.

— Что это такое? — спросил он.

— Штаны.

Бифф фыркнул а 1а лорд Тилбери.

— Господи, почему тут не говорят по-английски? — возопил он. — Это трусы. Мне нужны брюки.

Мистер Скарборо улыбнулся и рассыпался в извинениях, обещав немедленно все исправить. И впрямь, брюки прибыли очень скоро.

— Ну, вот! — радовался Бифф. — Я возьму эти и эти. Запишите там где-нибудь, нет наличных.

Мистер Скарборо хорошо принял удар. Ловко делая пакет, он выразил теплое сочувствие, но заметил, что кредита у них не бывает. Симпатия — одно, деньги — совершенно другое. Проводив его, Бифф впал в отчаяние.

Когда зазвонил телефон, он еле к нему поплелся и услышал знакомый голос:

— Кристофер? Это лорд Тилбери. Хотел спросить, вы не подумали? Что, что?

Бифф не сказал ничего. Он охнул. Мысль, как сказал поэт, мгновенно расцвела прекрасной розой.

— Да, — выговорил он после целого ряда «А? Что? Вы здесь?» — Я подумал. Нам надо увидеться. Вы не зайдете? — Конечно, конечно.

— Ну, молодой человек, — сказал лорд Тилбери, — я рад, что вы одумались.

Бифф не слушал, он смотрел. Длина — подойдет, ширина — да ладно, можно затянуть ремень.

— Тилбери, — сказал он, — снимайте брюки.

Глава IX

1

Известие о том, что Бифф не в полиции, а дома, то есть у Джерри, было истинным ударом для Пилбема. Именно из-за этого по агентству пополз слух: «Босс — не в себе». Стенографистка Лана предупредила стенографистку Марлен, что, если ту вызовут для диктовки, учтивости ждать не стоит, а сыщик по фамилии Джеллаби, выйдя из кабинета, сообщил, что ему отъели голову. Юный Спенсер, истинный златоуст, определил это словами «Большой террор».

Но тут появился Мерфи со своим Биллингсли, и Перси приободрился. Звоня во второй раз в издательство, он уже был спокоен. Он помнил свой былой страх и принимал как данность, что Бифф никогда не устоит перед столь могучей личностью, да еще во всей ее силе. Словом, он был на коне; и когда Спенсер доложил о каком-то посетителе, выразил приветливость, чем обрадовал герольда, полагавшего, что новый клиент идет на верную гибель.

— Кристофер фамилия, — прибавил он для ясности. Перси удивленно покрутил ус. Про сорок фунтов он забыл, как и вообще забывал о неписаных соглашениях.

Когда же Бифф вошел, он удивился еще больше. Его по. разило, что после общения с Мерфи, этим живым насосом, можно так хорошо выглядеть. Правый глаз припух, брюки

не по размеру — и все, остальное в порядке. Голос тоже не выдавал недавних испытаний.

— Пип-пип! — звонко и чисто сказал гость. — Как живем?

Перси ответил, что живет неплохо, и прибавил, что у посетителя немного распух глаз.

— А, чепуха! — воскликнул Бифф. — Гулял, знаете. Как без этого!

— Понятно. Ксгати, лорд Тилбери спрашивал ваш телефон. Он звонил?

— Куда там, еще и зашел! Хотел обсудить завещание.

— Да? Что ж он сказал?

— Сказал, что опротестует. Старик, видите ли, был тю-тю. Смешно, честное слово! Ничего не выйдет.

Перси покачал головой, как покачал бы мудрый отец в беседе с порывистым сыном.

— Не скажите, не скажите. По чистой случайности я встретил американского журналиста, который знал мистера Пайка. Видимо, у Тилбери шансы есть. Говорил он вам, что старик обедал задом наперед?

— Говорил. Прекрасная мысль.

— А про Чарльза Форта?

— Еще бы!

— И предлагал договориться миром?

— Вот именно.

— Очень советую. Избежите тяжбы…

— Ничего, я их люблю, как-то освежают. Ему в жизни не выиграть. А какое вам, собственно, дело?

— Да никакого. Просто жаль, что деньги потеряете.

— Не потеряю. Кстати, о деньгах. Я за ними и пришел. Ну, ну! Вынимайте чековую книжку.

Перси заморгал, как моргал всегда при подобных разговорах.

— Помню, помню, — сказал он. — Удалось вам что-нибудь выведать?

— Нет. Я старался, но — как об стенку. Говорю, тяжело зимой в России, холод, нос отваливается, а он отвечает: «Да, это неприятно». Ну, я спрашиваю, на что похож Хрущев, а он: «Простите, не видел». Вообще, говорит, нигде не бывал, только ездил во Францию на сутки. Эти шпионы хитрый народ. За то и держат. Я свое, а он — о марках.

— О марках?

— Он их собирает. Личина, конечно.

— То есть как?

— Пошевелите мозгами. Филателист — это ж тихий человек, придурок такой, кому он нужен? А он плетет паутину. Хитрый народ, шпионы!

— Значит, ничего не выведали?

— Ничего. Одно ясно: пьет как пылесос. Тренируют их в России, с детства на водке держат. У меня давно в глазах двоилось, а он сидит, и хоть бы что. Интересный человек, хорошо бы с ним ближе познакомиться. Вижу, вы недовольны. Шпион все-таки, в любую минуту взорвет парламент. А что такого? Им это на пользу.

Видимо, Пилбему претила такая широта взглядов. Во всяком случае, манере его позавидовал бы Генри Блейк-Сомерсет.

— В общем, — сказал он, — ничего не сделали.

— Я не виноват!

— Возможно. Однако речь вряд ли может идти о сорока фунтах.

— Дадите пятьдесят?

— Не дам ничего.

Левый глаз, способный открываться, широко открылся от ужаса. В Нью-Йорке и в Париже он видывал подлость, но все же не такую.

— Не дадите?

— Нет.

— Так мне же нужно!

— Ничего не могу поделать.

— Значит, — сказал Бифф, — Джерри был прав. Именно, гад. Как верно! Вообще-то он вам еще польстил.

— Спенсер, — сказал Перси, нажавший тем временем звонок, — покажите этому джентльмену, где выход.

Как бы ни оспаривала это сестра, у Биффа бывал иногда и разум. Внутренне содрогнувшись, что нелегко в чужих брюках, он кинул на сыщика холодный взор и последовал за рассыльным. Сыщик погрузился было в семейные дела миссис Ф. Г. Восток, но тут зазвонил телефон.

— Пилбем?

— Да?

— Говорит лорд Тилбери. Я в Хэлси-чамберс, квартира три.

«Странно», — подумал Перси, предполагавший, что он давно оттуда ушел.

— Притащите мне брюки.

— Что?

— Брюки. И побыстрей.

— А в чем дело?

— Неважно. Сказано вам, скорей. Брюки!

2

Поэт Гораций, говоривший обычно по-латыни, советовал сохранять спокойствие разума в самых тяжелых обстоятельствах. «Aequam memento rebus in arduis servare mentem», — говорил он, и все признавали, что совет его достаточно здрав; все — но не лорд Тилбери. Его не удалось бы убедить и за час. В первом виконте, ожидавшем Перси, не было римского стоицизма.

Вначале он думал было позвонить Гвендолен, но решил, что ситуация умалит его в ее глазах. Позвонить дворецкому, в Уимблдон? Но дворецкий

ушел, как и вся прислуга. Кухарка миссис Бингли, горничные Клер и Джейн, кухонный мальчик и сам мистер Уилмби обиделись на него, уволились и исчезли, как прошлогодний снег.

Человеку, у которого 23 пары брюк, такая ситуация неприятна. Лорду Тилбери снилось иногда что-то похожее, но он и не думал, что станет санкюлотом наяву, да еще днем. Словом, он заметался в отчаянии — и увидел пеструю обложку «Светских сплетен». Звук, который он издал, можно поставить где-то между «хрюкнул» и «забулькал». Если бы Архимед охрип, он бы примерно так воскликнул: «Эврика».

Давление, вскочившее вверх, быстро опустилось. Разум и чувства встали на свои места. Виконт удивлялся, что раньше не подумал о Пилбеме. Хорошо, перед Гвендолен — стыдно. Ладно, дворецкого нет. Но Пилбем же есть, а его мнение… Вот уж поистине наплевать! Может быть, он посмеется — что ж, пожалуйста. Лорд Тилбери кинулся к телефону.

Дальнейшее мы знаем. Виконт ждал долго, так долго, что давление поползло вверх, чувства и разум — дрогнули. Он привык, чтобы его приказы выполняли точно и быстро. Конечно, Пилбем уже от него не зависел, но он видел в нем подчиненного (как, впрочем, почти во всех).

Наконец раздался звонок. Он кинулся к двери. За нею стоял Пилбем с красивым бульдогом, который немедленно стал кидаться на несчастного лорда, осыпая его пылкими поцелуями. Кое-как увернувшись, лорд строго заметил:

— Однако вы не спешили.

Пилбем удивился, мало того — огорчился.

— Нет, спешил. Это ж какой крюк, в Вэлли-Филдз!

— Зачем вас туда понесло?

— Как это, зачем? За Брюквой.

— Какой Брюквой?

— Да за ним. Вы же сказали его притащить. Я и поехал к Гвен.

Лорд Тилбери просто озверел.

— Вы имеете в виду мисс Гиббз?

— Ясное дело. А, понятно! Удивились, что я ее так называю. Ничего, она моя кузина.

Не будем скрывать, что виконта это потрясло, тем более что утром, в отеле, лакей заверил его, что племянница исключительно рада своей должности. Но глубина его чувств доказывается тем, что, хотя он дернулся, словно ученица мисс Дункан, напоровшаяся на гвоздь, чувства эти удержались. Лучше бы не породниться с Перси и не называть его отца «дядя Уилли», но если все это входит в набор — что ж, пожалуйста.

Можно в конце концов и отвадить их от гнездышка, если мы вправе так называть солидный дом в Уимблдон Коммонс.

— Да? — заметил он, отпрыгивая от бывшего Персиваля Рандольфа. — Тесен мир. А вы — идиот, каких мало.

Пилбем поджался, он не любил таких отзывов.

— Я просил *брюки*. Брю-ки. У меня их нет.

— Ясно, — признался Перси. — Вижу. Сразу заметил. В чем дело?

Виконт стал почти синим, что случалось с ним в пылу чувств.

— В чем? А в том, что ваш Кристофер их забрал.

— Зачем они ему нужны? Для коллекции?

— У него их тоже забрали. Чтобы не вышел и не влип в историю. Сестрица додумалась.

— Умно! — признал сыщик, человек справедливый, подумав, кстати, о том, что с этой семейкой держи ухо востро. — Что же я тут могу сделать?

Лорд Тилбери нетерпеливо пощелкал языком. Казалось бы, и так понятно!

— Вы можете поехать ко мне, в Уимблдон, и привезти пару. Знаете адрес?

— Как-нибудь найду.

— Брюки в шкафу, у меня, на втором этаже.

Виконт подошел к столу, где предусмотрительный Бифф положил все, что вынул из карманов.

— Вот ключ от входной двери.

Перси рассеянно сунул ключ в жилетный карман. Он соображал, как бы тут поживиться.

— Я думал, — сказал он, — вы сейчас поближе, в «Баррибо».

— Да, — отвечал лорд. — Но если вам кажется, что можно пойти туда и попросить брюки, вы сильно заблуждаетесь. Через полчаса об этом узнает весь Лондон. Так что будьте любезны, отправляйтесь в Уимблдон.

Тон его не понравился бы пуристу. Сыщик пуристом не был, но в нем еще оставалось что-то от прежнего страха перед шефом. Только когда тот заметил: «Слышите, кретин?», он ответил:

— Буду я таскаться! Дел много.

— Пилбем! — заорал виконт, но Перси уже понесло. Думал он и о возможной выгоде.

— Да ладно, — сказал он. — Орет, кричит… Страшный какой нашелся! Черта с два я туда поеду. Я вот что сделаю, я вам по дружбе свои брюки продам. Тесноваты, да, вы у нас дядя солидный, но до отеля доберетесь. А? Идет?

Человек, начавший с нуля и создавший могущественную компанию, знает, что самолюбием иногда приходится жертвовать. В былые, давние дни нынешний лорд умел глотать обиды. Сейчас он стал синим — но не колебался. У него был разум прагматика. Брюки нужны? Нужны. У Пилбема они есть? Есть. Вот и все. Значит, не стоит варить сыщика в масле. Предложение надо принять.

— Сколько? — спросил он.

— Сто десять фунтов.

— Вы с ума сошли! — пропыхтел он.

— Нет, — отвечал Пилбем. — Десятка за брюки, сотню я дал Кристоферу, чтобы напился.

— Я не обязан за это платить!

— Ну, что вы! Обязаны.

— Сто фунтов!

— Накладные расходы. Я ему вкрутил, что это от Скотланд-Ярда.,

— Не заплачу!

— Как хотите. Пошли, Брюква.

Шесть проектов пронеслось в мозгу лорда Тилбери, очень похожих друг на друга, но обесцененных тем, что этот лорд никак не сильнее сыщика. Вот если бы дубинку или топор — однако их нет. Как говорили авторы его передовиц, пришлось примириться с неизбежностью.

— Пятьдесят, а?

— Сто десять.

— Семьдесят пять.

— Ну ладно, сто. По старой дружбе.

Лорд Тилбери больше не спорил. Его посетила здоровая мысль — можно позвонить в банк и остановить чек. Она освежила его, словно утренний ветер.

— Хорошо, — сказал он, удивляя Перси внезапной веселостью. — Прошу. — И буквально через минуту, в очень сомнительном виде, уже шел к двери, огорчая тем самым общительного Персиваля Рандольфа.

3

Как многие люди со средствами, лорд Тилбери пользовался услугами разных банков. Чек он выписал на Мэйферское отделение банка Национального, расположенное неподалеку от Хэлси-корта, и теперь шел туда, надо заметить — с трудом, брюки очень жали. Когда он в них влезал,

он сокрушался, что нет сапожного рожка.

Удачно остановив выплату, он проследовал в отель. Там он переоделся и позвонил поверенному, приказав ему явиться к ленчу. Через несколько минут (контора тоже была рядом) они сидели в малом зале.

Лондонские юристы бывают самые разные, но все они похожи на какую-нибудь птицу. Дядя Джерри Шусмита, вождь и вдохновитель конторы «Шусмит, Шусмит, Шусмит и Шусмит», напоминал казуара, но есть и совы, селезни, воробьи, попугаи, даже рябчики. Мистер Бантинг, консультант лорда. Тилбери, легко затерялся бы в пустыне Гоби, среди стервятников, но — до начала трапезы. Его бы немедленно опознали, поскольку, в отличие от них, он был чрезвычайно осторожен в еде. Лорду Тилбери, большому гурману, он портил аппетит и своими таблетками, и рассказами о том, как отразилось бы на его пищеварительных органах то блюдо, которое ел собеседник.

Словом, виконт предпочел бы встретиться в другом месте, но время поджимало. Проканителившись с Биффом и Перси, он пренебрег множеством дел, они накопились. Так что — ленч.

— Вам повезло, дорогой Тилбери, — сказал юрист, усевшись за столик. — Я уже уходил в молочное кафе. Пью, знаете, в это время молоко, понемногу, глоточками. Насколько я понимаю, вы хотите со мной посоветоваться?

Лорд Тилбери это подтвердил и заказал бифштекс с картошкой, отказавшись понюхать лекарство, которое, по словам юриста, понадобится после этого блюда, и сочувственно поцокав языком, когда тот описал, как подействовало бы оно на *его* желудок. Потом он перешел к делу.

— Знаете, Бантинг, — начал он, — нам принесли занятный рассказ. У одного субъекта насильно отняли брюки.

— Насильно? — переспросил юрист. — Вы хотите сказать, применили силу?

— Ну, угрожали.

— Тогда выразимся иначе, «позаимствовали под угрозой».

— Хорошо, выразимся.

— Так, так. Вы собираетесь запивать *это* пивом?

— Неважно. Слушайте.

— Я слушаю. Только, если бы пиво с бифштексом потребил я, кислотность…

— Мы любим такие рассказы, — перебил его виконт. — Нужно уточнить, чтобы не было ошибок. Тот, пострадавший, может вызвать полицию?

— Шпинат здесь, — заметил мистер Бантинг, — исключительно хорош. Вот его я могу переварить. Спаржа, к сожалению, — чистый яд, что же до горошка…

Лорд Тилбери метнул в него один из тех взглядов, которые превращали сотрудников «Мамонта» в грязное пятно.

— Я был бы рад, — напомнил он, — если бы вы меня слушали.

— Простите. Слушаю. Так вы говорили?

— Я спрашивал, можно ли арестовать того, кто забрал брюки?

Мистер Бантинг покачал головой.

— Пострадавший вправе подать в суд. Буквально такое же дело — Шьюд против Мерефита, с той разницей, что casus belli — не брюки, но пальто. Подал иск, уплатили издержки. Лорд Тилбери подавился бифштексом. Суда он не хотел; и так пригорюнился, что пробудил его лишь крик собеседника:

— Видите? Видите, что он ест? Венгерский гуляш! Знаете, что было бы с моими желчными путями, если бы…

Виконт не слушал. Да, рассказ этот представлял интерес только для врачей, но дело не в том. Дело в том, что лорду пришла в голову мысль, и теперь он ее обмозговывал.

— Бантинг, — сказал он наконец.

— Да? — откликнулся юрист, дошедший до инцидентов времен далекой молодости.

— Помните, я спрашивал, можно ли опротестовать завещание моего брата?

— Помню. Я полагал, что у вас нет свидетельств.

— А теперь есть. Предположим, я заказал бы блюда в обратном порядке. Как бы вы это расценили?

— В обратном порядке?

— Да.

— Я вас не понимаю.

— Очень просто. Начали бы с кофе и сигар…

— Лично я сигар не курю, только сигареты без никотина. Если не ошибаюсь, болгарские. Не только безвредны, но и полезны при бронхиальной астме, язве двенадцатиперстной кишки, повышенном давлении…

— Слушайте! — взревел лорд Тилбери. — Мой брат ел именно так. Свидетельствует ли это о невменяемости?

— Могут это подтвердить?

Газетный магнат размеренно и ясно изложил всю историю. Мистер

Бантинг, перешедший от шпината к теплой воде, выслушал ее и ответил:

— Дорогой мой Тилбери, я не думаю, что суд признает невменяемость. Хороший адвокат, на мой взгляд — вполне резонно, представит это милым чудачеством. Присяжные, вероятней всего, с ним согласятся.

— Мне кажется, и меньшего хватало…

— На экране — конечно. В реальной жизни… Что с вами, Тилбери?

Дело в том, что при слове «экран» виконт громко вскрикнул, словно под него наконец решились подложить взрывчатку. Мистер Льюэллин! За всей этой беготней он совсем забыл, что обидчивый киномагнат приезжает сегодня.

Лорд вскочил, словно вспугнутый фазан, и кинулся к телефону. Глядя ему вслед, Бантинг надеялся, что он успеет вызвать доктора, пока не поздно.

— Мисс Гиббз! — вскричал тем временем лорд, набрав дрожащими пальцами свой номер.

— Да, лорд Тилбери.

— Ми… мистер Льюэллин не звонил?

— Звонил, лорд Тилбери. Точно вовремя.

— Вы… вы не объяснили, почему меня нету?

— Объяснила, лорд Тилбери. Вы заболели и лежите там, в Уимблдоне.

— Спасибо, мисс Гиббз, спасибо!

— Не за что, лорд Тилбери.

— Так что он не обиделся?

— Что вы, лорд Тилбери! Он вас очень жалел. Он сказал: «Поем и поеду туда».

— Что!!!

— «Поем и поеду».

— О, Господи!

— Езжайте и вы, лорд Тилбери.

Волна восхищения и любви снова окатила виконта. Ладно, дядя — лакей, кузен побуждает усомниться в том, что человек — венец природы, но сама она достойна лучшего жениха в Англии, то есть его самого.

— Конечно, конечно, — ответил он. — Скажите Уотсону, чтобы подвел машину к отелю.

— Сейчас, лорд Тилбери. Ключи у вас?

— Какие ключи? От дома? Естественно… Нет! Я их дал вашему кузену. Посмотрите в моем столе.

— Сию минуту, лорд Тилбери. Да, вот они. Дать их Уотсону?

— Пожалуйста, мисс Гиббз. Спасибо вам большое. Когда, обуреваемый любовью к Гвендолен и досадой на Льюэллина, виконт поспешал к столику, его посетила тревожная мысль. Кто откроет дверь киношному магнату? Шофер Уотсон? Нет. Как многие шоферы, он — тугодум, и скажет, что только что привез хозяина в полном здравии.

Тут взгляд его упал на юриста, все еще прихлебывавшего свою воду, которой он всегда завершал трапезы.

— Бантинг! — воскликнул он в озарении.

— А, Тилбери! Что сказал доктор?

— Мне надо лечь в постель.

— Так я и думал. Помилуйте — пиво, бифштекс, картофель! Обопритесь на меня, я отведу вас в номер.

— Отвезите меня домой. Объясню по дороге.

— Отвезти? Я вам нужен?

— Непременно. Ко мне придет один человек, я один не справлюсь. Знаете что, сыграйте-ка дворецкого!

Бантинг по-стариковски захихикал.

— Ну конечно, с удовольствием! Вы просто возвращаете мне молодость. Я часто играл в любительских спектаклях, как ни странно — именно дворецких. Помню, помню, в местной газете писали: «Неплох и Сирил Бантинг в роли дворецкого». Ложитесь, дорогой, ложитесь, предоставьте все мне.

Глава X

1

Частный сыщик, если он серьезен, привыкает к долгим ожиданиям. Когда Перси еще не расцвел и не обзавелся умелыми помощниками, ему доводилось часами стоять под дождем, ожидая, пока из ресторана не выйдет виновная пара. Иногда он простужался, зато обрел терпение, а потому отнюдь не метался, оставшись без штанов. Рано или поздно, думал он, кто-нибудь да явится, а до тех пор — что ж, отдохнем. Он взял номер «Сплетен», привлекший и бывшего босса, но тут же покачал головой. Ну. что это! Старая добрая газетка просто на себя не похожа. Где соль, где перец? Если нынешний читатель удовольствуется тем, что мы видим на газетной полосе, можно ему посочувствовать. Тоже мне, сплетня — частные клубы для азартных игр! Брюква тем временем уснул, и, честное слово. Перси Пилбем охотно бы последовал его примеру.

Мешала ему неуловимая и тревожная мысль, порхающая по краешку разума, словно близорукий голубь, который никак не попадет в голубятню.

Сыщик знал, что мысль — не из приятных, но долго не мог уловить ее; и вдруг она, сама собой, обрела вид и величие. Вот, вот! Бывший босс слишком легко подписал этот чек. Как-то подозрительно… Кого-кого, а босса он знал и прекрасно усвоил, что единственное место, где тот не любит выводить свой титул, — это именно чеки. Теперь же он был весел, что там — резвился. Тут что-то не так.

Перси быстро понял, что именно. Его никогда не занимало сверхчувственное постижение, но тут он просто читал в мозгу зловещего лорда. Старый гад знал, что запретит выплачивать по чеку. Обогнать его трудно, если сидишь практически взаперти. Оставалось надеяться, что в ресторан он пойдет прежде, чем в банк. Банк этот — рядом, успеть — можно, но — штаны, штаны!

Он издал не совсем потребное восклицание, и чуткий Брюква приподнял голову. Конечно, эта мерзкая парочка забрала отсюда все брюки! Надежды нет. Перси откинулся в кресле, с горя схватил газетку — и тут раздался звонок.

Когда он открыл дверь, там стоял молодой человек исключительной элегантности.

— День добрый, — сказал он тем неприятным голосом, который более опытным людям подсказал бы, что перед ними — дипломат с большим будущим. Но Перси заметил не это; Перси заметил брюки и смотрел на них, как смотрит турист на Тадж-Махал.

Генри Блейк-Сомерсет не выказывал ни досады, ни гнева, ибо дипломатов первым делом учат походить в любой ситуации на чучело лягушки. На самом же деле он просто пылал. Когда он сообщил матери, что Кэй внезапно отбыла в Лондон, та рекомендовала поставить на место эту девицу; но он до таких высот не дошел. Любовь, а точнее — тепловатая симпатия, еще не испарилась из-под идеальной жилетки, и он намеревался просто и строго указать невесте на недопустимость ее поведения. Что-то такое вроде беседы между Артуром и Гиневрой.

Гнев он приберег для этого змия, для этого мерзавца, который желает жену ближнего, когда она еще и женой не стала. Вот с ним он поговорит. Ему он покажет. Об этом он думал, когда открывалась дверь, — и несколько растерялся. Разинуть рот не позволила выручка; но бровь он поднял.

— Дома мистер Шусмит? — спросил он все тем же голосом. Перси не отвечал, он глядел на брюки.

— Он дал мне этот адрес, — продолжал Генри. Голос немного изменился. — Живет он здесь?

Перси очнулся.

— Э? Живет, как не жить. Он вышел. Заходите, подождите.

Генри вошел, поглядывая на Брюкву. Он с детства недолюбливал собак, а эта ему совсем не понравилась. Боксеры вообще трогают нас не красотой, а добродушием; и данный их представитель, исключительно приветливый, был двойником Бориса Карлова.[64] Торчащие клыки, массивная челюсть, круги под глазами наводили на мысль, что он сжует вас и не почешется. Именно, думал Генри; зачем ему, собственно, чесаться?

— Он меня не укусит? — осведомился дипломат.

Перси мигом сообразил, как использовать такой интерес.

— Еще как! — заверил он. — Бульдоги в неволе просто звереют.

— Вы его крепко держите?

— Сейчас — да, — ответил Перси. — А дальше… Это зависит от того, дадите ли вы мне брюки.

Генри поднял обе брови.

— Pardon?

— Брюки. Мне надо выйти. А вы… Чего там, сидите, ждите Шусмита,

я быстро обернусь. Ясно? Тогда — живей, живей! Шевелите мозгами.

Генри было ясно. Он никогда еще не шевелил так мозгами. Ситуацию он принял, но не поступился честностью.

— Хорошо, — сказал он, — брюки я дам…

— Вот это разговор!

— …но выражу протест.

— …Выражайте на здоровье, — согласился сыщик; и через несколько минут вышел на легких ногах, в сопровождении бульдога. Всякий назвал бы их веселой парочкой.

Бессловесный друг сохранил веселье, сыщик — утратил, когда ему сообщили, что чек опротестован, вежливо заметив к тому же: «Уберите собачку». Собачку он забрал и повел в «Аргус», где передал Марлен и Лане, а юного Спенсера послал купить брюки и отнести по такому-то адресу. После всего этого он уселся и набрал номер босса.

Ответила кузина.

— Гвен? — сказал он ей. — Это я, Перси.

— Привет.

— Соедини-ка с шефом.

— Его нету.

— А где он?

— Уехал в Уимблдон. Передать, что ты звонил?

— Нет, — грозно отвечал сыщик. — Увидимся там, у него.

2

Привычка, по мнению Берка,[65] примиряет нас с чем хочешь; но это не всегда так. Возьмем, к примеру, Генри. Казалось бы, что ему разлука со штанами, если его дважды обезбрючивали в Оксфорде? По той, по иной ли причине он раздражал коллег-студентов, особенно — после гонок, во время пира, и, повторим, мог бы привыкнуть к подобным лишениям.

Однако он не привык. Последним словам Перси он просто не поверил, тот вообще не внушал ему доверия, и теперь метался по комнате. Если мы вынесем за скобки то, что тигр не ходит в трусах, мы сможем сравнить его с этим зверем, находящимся в клетке.

Пометавшись в том расположении духа, которое не одобрит философ, он случайно взглянул в окно и застыл на месте. Перед домом остановилось такси, из него вышел этот мерзавец и — кто бы вы думали? — Кэй.

Мгновенно догадавшись, что сейчас они войдут, он немало испугался.

Хорошо, для беседы с ними он и прибыл в Лондон — но не в трусах же! Кто будет слушать человека без: брюк? Античный оратор управлялся и в тунике, но как это ему давалось!

Британская дипломатическая служба тренирует своих сынов. Другой стоял бы и мычал; Генри — действовал. Справа была какая-то дверь, и он в нее нырнул прежде, чем мы бы произнесли: «Отягчающие обстоятельства». Осталась щелка дюйма в два, закрыть эту дверь он не решился, поскольку уже открылась другая, в передней.

Послышались шаги, но и все. Он удивился. Вроде бы раньше эти двое непрерывно болтали. Генри не знал, что в кафе гад сделал Кэй предложение, а она обещала подумать. Кто думает, тот не болтает.

Гад, видимо, не думал и начал беседу:

— Наверное, Бифф у себя.

— Где ж ему быть?

— Спит, я думаю.

— И правильно.

— Пойти взглянуть?

— Нет, еще проснется. Они опять помолчали.

— Ну, как? — спросил гад.

— А?

— Вы подумали?

— Я думаю. Надо бы снова выслушать ваши доводы.

— Пожалуйста. Я вас люблю, чтоб мне треснуть.

— Так, так. Что ж из этого следует?

Неприятно слушать, как чужой человек объясняется в любви твоей невесте, но Генри это претило еще и с эстетической точки зрения. Сам он объяснялся достойно, сдержанно, а тут что? Орет, кричит, ничего не разберешь. Но и этого мало — гад замолчал, донеслись какие-то звуки, словно там начинался второй раунд. Генри не верил своим ушам. Если гад не обнимал Кэй, не целовал ее, не вел себя с нею совершенно непозволительным образом, трудно было понять, что же происходит.

Уши не подвели. Когда Кэй заговорила, голос у нее был точно такой, какой и должен быть, если к тебе применили метод, рекомендованный Эдмундом Биффеном.

— Ух! — сказала она.

Генри не одобрил ни тона ее, ни выбора слов. Так ухают те, чьи мечты сбылись; те, кто нашел горшок золота у конца радуги. Кэй не обиделась, не испугалась, не рассердилась, но явно обрадовалась тому безобразию, из-за которого так порицали вавилонских владык.

— Пусти, — продолжала она. — Ты свое доказал. Последующая беседа была бы противна Генри, если бы он ее слушал. Но нет; мысли его перенеслись назад, к тем минутам, когда леди Блейк-Сомерсет объясняла ему, что еще не поздно отказаться от неосмотрительной помолвки. Как она права, как права! Поистине, женское чутье. В жизни должен быть порядок, а Кэй, при всем ее очаровании, явно предпочитает произвол. К тому же приятно ощущать, что Эдмунд Биффен Кристофер не будет с тобой в свойстве.

Беседа продолжалась. Теперь говорила Кэй:

— Надеюсь, ты понимаешь, что мы спятили.

— То есть как?

— Мы ничего друг о друге не знаем…

— Прошу! Моя жизнь — открытая книга. Остался сиротой в раннем детстве. Опекун, он же дядя, послал меня в Малборо и в Кембридж. После Кембриджа — Флит-стрит. Потом — Нью-Йорк. Выгнали, вернулся сюда, поступил к Тилбери. Снова выгнали. Да, да, понятно! Ты заметила, как часто меня выгоняют, и это тебя насторожило. Но теперь все иначе. Бифф собирается купить «Терсдей Ревью», а меня поставить издателем. Сам я себя не выгоню, как-нибудь потерплю.

— Опять Бифф! — сказала Кэй. — Все зависит от него…

— Ну и что? — возразил оптимистичный гад. — Ничего с ним не случится. Остались считанные дни.

— Ему времени хватит.

— Он же сидит здесь!

— Да, правда.

— Пойдем ему скажем, а?

— Он спит.

— Ничего, проснется.

Генри нырнул в шкаф. Дверь распахнулась. Джерри собирался издать радостный вопль, но издал бульканье, какое издает вода, окончательно уходя из ванны. Потом он произнес:

— Ушел…

— Как он мог уйти?

— Посмотри сама.

— Нет, как он мог?

Джерри и сам искал ответа. Он читал о факирах, которые умеют исчезнуть здесь, собраться — где-нибудь там, но не мог причислить к ним Биффа. Значит, тот ушел без штанов. От этой мысли он похолодел, но Кэй предложила ему иную гипотезу:

— Ты не заметил, какие-нибудь остались.

— Да, наверное. Как-то он так поглядывал, словно у него туз в рукаве.

— Куда ж это он пошел?

— Ну, тут все просто. Он хотел помириться с Линдой.

— Они поссорились?

— Она с ним поссорилась. Насколько я понял, она его застала в кафе с секретаршей Тилбери.

— А та — блондинка?

— Еще какая! Несчастная сестра вздохнула.

— Хронический блондинит. Я уж думала, он вылечился.

— И правильно. Это — прощальный завтрак. Не хотел ранить чувства бедной девушки.

— Ну, я пойду, разберусь. Ему нельзя терять Линду. С ней он не пропадет.

— Да, она приятная женщина.

— Очень приятная, а уж его — просто гипнотизирует. Скажет, чтоб не валял дурака, он и не валяет, хотя это трудно себе представить. Схожу сейчас к ней, она тут рядом работает.

— Осторожно переходи улицу!

— Хорошо.

— Не разговаривай с незнакомыми!

— Хорошо, не буду.

— И возвращайся поскорей. Я тебя люблю. Люблю, люблю, люблю, — добавил Джерри для ясности.

«Какая гадость! — думал Генри Блейк-Сомерсет, нервно суча ногами. — Нет, какая мерзость!» Гнев его пылал, а вот ноги — затекли.

3

Пока Джерри ждал возвращения новообретенной невесты, сквозь ковер пробивались фиалки, равно как и нарциссы, а воздух полнился тихой музыкой. Видимо, думал он, это похоже на рай, хотя вообще-то раю надо поднажать, чтобы выдержать соревнование.

Однако в раю все на месте, а Кэй — не идет и не идет. Прошли века, когда раздался звонок, и Джерри кинулся открывать; но клич радости замер на его устах при виде довольно противного мальчишки в каскетке. Юный Спенсер, при всей своей изысканности, не был писаным красавцем. Внешность его портили курносый нос и большие очки. Джерри, во всяком

случае, показалось, что перед ним — какая-то рыба, приникшая к стеклу аквариума.

— Здрасьте, — сказал посланец. — Это вы?

Джерри несколько растерялся.

— В каком смысле?

— Ну, брюки — для вас? — Спенсер слегка покраснел и отредактировал фразу: — Для вас ли эти брюки?

— Я, знаете, Шусмит…

— А я — Спенсер, Лайонел Спенсер. Рад познакомиться.

— Зачем мне брюки?

— Понятия не имею. Мистер Пилбем велел купить и отнести.

— Пилбем?

— Да, он. Я у него служу.

— Отнести *мне?*

— Он не сказал. Дал адрес — и все.

— Так, так… Ладно, положи на стол.

— Будет исполнено.

— А это — тебе, — добавил Джерри, вынимая полкроны.

— Ой! — оживился Лайонел Спенсер. — Спасибо вам большое.

— Что до брюк, — сказал Джерри, — отнеси их туда, где купил, они деньги вернут.

Генри Блейк-Сомерсет не хотел появляться на публике. Он знал, как склонны мальчики к беспощадной насмешке. Но тут не выдержит никто.

— Это мои брюки, — сказал он.

Голос без тела очень вреден для нервов. Собеседники подпрыгнули, чувствуя — оба как один, — что у них взлетела макушка. Служи они Кортесу, чьи люди, если верить Китсу, глядели друг на друга, снедаемые страшным подозреньем, коллеги поучились бы у них технике этого дела.

— Что это? — шепотом спросил Джерри.

— Кто-то чего-то сказал, — тихо объяснил Спенсер.

— Это был я, — произнес Генри, выходя из спальни с тем холодным достоинством, какое компенсирует трусики. Он взял пакет, многозначительно посмотрел на Джерри и снова исчез.

— Елки-палки! — заметил Спенсер, и Джерри признал, что ничего другого тут не скажешь.

Когда Генри появился снова, одетый, по словам песни, как последней мо-оды образец, Джерри удалось справиться с мыслью, что Недавно ему являлось астральное тело. Облегчения это не принесло. Трудно беседовать с человеком, у которого ты увел невесту. Нет-нет, да возникнет, скажем

так, неловкость.

К счастью, и Генри не был склонен к общению. Молча пересек он комнату, молча открыл входную дверь и, взглянув на Джерри тем взглядом, какой понизит температуру на Юконе, ушел навсегда.

Звонок зазвенел снова минут через пять. На сей раз пришла женщина лет под тридцать. Джерри она сразу понравилась.

— Здравствуйте, — сказала она. — Простите, пожалуйста, я — насчет Биффа. Вы Джерри Шусмит?

После всего пережитого он и сам не был в этом уверен, но все же, собравшись, кивнул и спросил в свою очередь:

— А вы — Линда Ром?

— Не совсем, — отвечала она. — Я — Линда Кристофер.

— То есть как?!

— Мы сегодня поженились. Этот чиновник все смотрел на Биффов синяк. Явно думал, что мы плохо начали.

Она посмотрела на Джерри с мягкой жалостью.

— Вы не огорчены?

— Нет, нет, я удивился. Как-то неожиданно…

— Почему? Мы давно обручились, только все ссоримся.

— Вот именно. Вчера, по телефону…

Линда засмеялась. Джерри подумал, что смех у нее — приятный. Конечно, не то, что у Кэй, но — вполне, вполне.

— А, это были вы? Что *ж*, не удивляюсь вашему удивлению. Но… вы сколько дружите с Биффом?

— Много лет.

— Тогда вы должны знать, что на него нельзя долго сердиться. Он пришел ко мне на службу, и я через пять минут его простила. Когда он сказал: «Знаешь что, давай сейчас поженимся», я сказала: «Ладно, пошли» — и мы пошли.

— Я просто счастлив.

— И я, хотя еще счастливей буду на борту. Завтра мы плывем в Америку.

— Ага, ага, понятно. Даже Бифф не может влипнуть на корабле. Разве что поднимет мятеж.

— Я присмотрю, чтоб не поднял.

— На вас вся надежда. Кэй говорит, он вас слушается.

— Что, Кэй приехала?

— Да. Она к вам и пошла.

— А я отвозила Биффа к нам, в Уимблдон. Я думала, там никого нет, вечером вернусь к нему, утром — поедем в порт. Но возникла трудность.

— Какая?

— Звоню дяде, в «Мамонт», а секретарша говорит, что он тоже поехал туда, к себе.

— Ах, нехорошо!

— Вот именно. Им не надо бы встречаться. Я и хотела вас спросить, не заберете ли вы Биффа. Я должна завершить все тут, на службе. И купить ему кое-что, он совсем раздет.

— Я отвез его брюки в Патни. Мы с Кэй решили, что ему лучше без них.

— Вы увлекаетесь нудизмом?

— Нет, я боялся, что он уйдет и влипнет.

— А, вот что! Это правильно. Не беспокойтесь, теперь я все куплю.

— И завтра уедете?

— Да, если Биффа не схватит рука закона. Билеты есть. Слава Богу, есть и виза, мистер Гиш собирался послать меня в Нью-Йорк. Словом, все в порядке. Бифф вам не говорил, что он делал прошлой ночью?

— Нет. Подрался с кем-то.

— Это я сразу поняла. Ну, бегу.

И Линда убежала, оставив Джерри, на которого произвела глубокое впечатление. «С такой не пропадешь», — думал он, собираясь идти к машине. Тут и раздался звонок.

— Здравствуйте, — сказал полицейский, стоящий за дверью. — Простите за беспокойство, не живет ли здесь такой человек, вроде таксы?

Глава XI

1

Стоя в холле «Дубов» (так называлась резиденция в Уимблдоне), Бифф поначалу одобрил обстановку, но потом ощутил, что его веселую душу окутывает мрак. Все дома в этих местах — обширны, ибо строили их тогда, когда семья не была семьей, если в ней не насчитаешь дюжину-две чад, домочадцев и слуг. Обиталище лорда Тилбери красотой не отличалось. Если бы его увидел чувствительный архитектор, он отшатнулся бы, прикрыв рукой глаза; внутренний же вид тяжко действовал на Биффа.

Здесь, в этих гулких просторах, он понемногу стал ощущать то. что ощущал Робинзон Крузо на своем острове. Вообще-то он обедал у лорда раза два, но тогда кругом кишела всякая фауна — гости, слуги, дворецкий. Одиночество его подавляло. Хорошо бы выпить, думал он, и постепенно вспомнил, что у лорда — неплохой погреб, а ключ от этого погреба, вероятно, висит у дворецкого.

Ключ он нашел; погреб открыл; потянулся за ближней бутылкой — и увидел лицо своей жены. Теперь, если б сам архиепископ Кентерберийский умолял его хлопнуть для здоровья, он бы не поддался.

Тяжело вздохнув, он ушел в глубины дома и оказался в какой-то комнате, насколько он помнил — гостиной, которая сильно изменилась с последнего визита, ибо мебель оделась чехлами. Не успел он туда войти, ему так захотелось спать, что он едва добрел до ближайшего дивана.

Когда сыщик прибыл в такси, он не шевельнулся, хотя тут удивляться не стоит, сыщики — бесшумны, словно кошки или привидения. Тихо закрыв за собой дверь, Перси огляделся, и его воинственный дух как-то дрогнул.

В отличие от Биффа, сыщик здесь не бывал. Впечатление, тем самым, было еще сильнее. Как и Бифф, он подумал, не выпить ли. Подкрутив усы, он кинулся в погреб и с удовольствием обнаружил, что какой-то беспечный человек оставил ключ в замке. Когда он рассматривал бутылки, пытаясь решить, какая лучше, «роллс-ройс» лорда Тилбери подъехал к дому.

2

— О, Господи! — воскликнул юрист. — Это не дом, а какие-то общие бани.

— Я его не строил, — отвечал лорд. — Отведите машину в город, Уотсон.

— Шофер нас не подождет?

— Конечно, нет. Я болен, лежу в постели. Сейчас и лягу. Черт его знает, когда он явится. Ну, Бантинг, входите в роль.

Сказав это все, виконт пошел наверх, к себе. Пока он облачался в желтую с лиловым пижаму, гордый дух его страдал. В постели он не обрел покоя. Нет, что же это! Даже закурить нельзя, и все ради какого-то киношника! Прошла буквально вечность, когда он услышал шаги и закрыл глаза.

— А, Льюэллин!.. — проговорил он слабым голосом. — Спасибо, что навестили.

— Зря стараетесь, — сказал мистер Бантинг, — это я, дворецкий.

Ожидание допекло виконта, и он воскликнул:

— Что вы лезете? Я пытаюсь заснуть.

— После такой еды? Не советую. Вот так и губят печень. А селезенка? Скопление жидкости в брюшной полости…

— Уходите!

— Вас не интересует селезенка?

— Нет.

— Дело ваше. Может быть, вам интересно, что дом кишит грабителями?

Он оказался прав. Лорд Тилбери сел на кровати, как игрушка «Джек-в-коробочке». — Что!

— Простите, — сказал мистер Бантинг, — я выбрал неточное слово. Он не совсем кишит, их две штуки. По всей вероятности, на самом деле их больше, но мне удалось обнаружить одного в погребе, дру…

Лорд Тилбери вскрикнул. Погреб был ему очень дорог.

— В погребе?

— Да. Я его запер.

— Вызовите полицию!

— Вызвал. Его уже увели.

— Прекрасно. Хвалю.

— Да, недурно, — признал мистер Бантинг. — Лучше было бы, если бы забрали обоих, но другого я нашел позже. Он спит в гостиной.

— Какая наглость! Вы его связали?

— Дорогой Тилбери, в мои годы не борются с грабителями. И вообще,

не хотелось ему мешать.

— Ничего, я помешаю! — пообещал виконт, выскакивая из постели желто-лиловой молнией.

Так и случилось, что Бифф, разбуженный твердой рукой, сонно приоткрыл глаза и увидел солидного мужчину в достаточно яркой пижаме, а за ним — что-то зыбкое, но напоминающее хищную птицу. Предположив, что это — продолжение страшного сна, он перевернулся на другой бок. Когда же на его плечо опустилась клюшка, он сел и заморгал.

— А, — сказал он в конце концов, — вот и вы!

Лорд Тилбери не ответил. Да, конечно, его душил гнев — но не только. Он ощущал и то, что ощущает игрок на бегах, когда видит, что его фаворит вырвался на несколько голов. Враг просто шел в руки. Какой там суд! Если бывает на свете повод для ареста, вот он, как миленький.

Речь вернулась; он взглянул на Бантинга.

— Бантинг, — спросил он, — можно его арестовать? Как-никак, вломился в чужой дом.

— Если вломился, можно, — отвечал юрист.

— Ничего подобного! — сказал Бифф. — Меня привезла жена.

— Вы женаты? — заинтересовался все тот же юрист.

— С сегодняшнего утра.

— Разрешите узнать, — осведомился лорд, — как проникла сюда ваша супруга?

— Она здесь живет. Это Линда.

— Что!!!

— Да, плохо дело, — заметил Бифф. — Если уж жена не может приютить мужа… Кстати, почему вы днем в пижаме?

Виконт не ответил. Он думал о Провидении. Буквально только что он говорил себе, что оно, по своей склонности к хорошим людям, просто себя превзошло, — но нет, оно похоже на тех беспощадных шутников, которые подадут надежду, чтобы ее прихлопнуть. Минуту назад казалось, что хватит звонка в полицию, чтобы Эдмунд Биффен Кристофер навсегда выбыл из игры. Почему Линда вышла за него — останется тайной, зачем привезла сюда — непонятно, однако она, без всяких сомнений, сделала и то, и другое.

— Вон отсюда! — внезапно заорал он, как злодей из мелодрамы.

Бифф удивился.

— Вы сказали: «Вон отсюда»?

— Да. Это *мой* дом. *Я* вас не приглашал.

— Ну, что ж… Мы, Кристоферы, не навязываемся. А вот почему вы в

пижаме?

— Где вам подбили глаз? — задал вопрос и мистер Бантинг.

— Неважно. Кто вы, собственно, такой?

— Поверенный лорда Тилбери.

— Бантинг! — взревел виконт. — Выгоните его! Я ложусь. И побежал наверх с неправдоподобной прытью.

— Нет, почему он ложится? — осведомился Бифф; и мистер Бантинг охотно изложил ему все обстоятельства. Трудно вылупить один глаз, но Бифф это сделал.

— Значит, — уточнил он, — если этот тип все узнает, Тилбери потерпит убыток?

— Именно.

— Ух, ты! — сказал Бифф и тоже ринулся наверх. Юрист последовал за ним, искренне увлеченный.

— А, Льюэллин… — проговорил лорд Тилбери, когда дверь открылась. — Кому сказано, вон отсюда?!.

— Хорошо, — согласился Бифф, — я уйду, только сначала договоримся. Вот соглашение, все по правилам. Вы отказываетесь от претензий, я вам даю пять процентов со всей суммы.

— Вы с ума сошли!

— Я в этом не уверен, — вмешался Бантинг. — Это щедро, советую принять.

— Подпишите вот тут, — предложил Бифф. — Где точки.

— Еще чего!

— Не подпишете — все открою вашему Льюэллину. Виконт задохнулся от гнева.

— Это шантаж! Бантинг, можно его арестовать?

— Какой вы, однако, тиран! — заметил Бантинг. — Чуть что — и арестуй. Нет, это не шантаж. При шантаже вымогают деньги, а здесь — предлагают.

— Прекрасно сказано, Бантинг, — одобрил Бифф. Если бы высказался виконт, слова его были бы иными.

— Синица в руках, — пояснил юрист, — надежней журавля в небе. Подобные дела очень спорны, шансов мало, а вот проценты с таких денег — это, напротив, много. Рекомендую пойти на соглашение.

— Бантинг, — восхитился Бифф, — вы превзошли себя. Даниил, иначе не скажешь.

Виконт, как и в прошлый раз, его не поддержал. Окончательно падая духом, он протянул руку — и увидел, что услужливый Бантинг подает ему

вечное перо. Если бы с ним был Джерри, тот припомнил бы сержанта. В такой же манере — медленно, нехотя — расписались и Бантинг, и свидетель; и Бифф, резво попрощавшись, убежал по своим делам.

— Очень милый человек, — сказал привязчивый юрист. — Интересно, кто ему глаз подбил?

— К сожалению, не я, — сухо ответил Тилбери.

— Как он ловко женился! Племянница вам не говорила?

— Нет.

— Можно сказать, гром среди ясного неба.

— М-м-да.

— Весна, весна… О, звонят! Простите.

Отсутствовал он несколько минут и принес занятные новости.

— Это ваш Льюэллин, — сообщил он, — просит прощения. Он занят. Шлет привет, желает здоровья.

Виконт задрожал от гнева. Нет, что же это! Неужели нельзя сказать вовремя? Тогда не пришлось бы столько мучиться. Словом, оружие пронзило душу,[66] прикрытую пижамой.

— Прекрасный человек, — заметил вконец разгулявшийся Бантинг, — умный, вежливый… Вы встаете?

— Конечно! Зачем мне валяться?

— И впрямь, незачем. Вскоре после еды…

Одеваясь, виконт, подобно Перси с Биффом, думал о винном погребе.

— Не знаю, как вы, — сказал он, — а я не прочь напиться.

— Что ж, — признался юрист, — и я бы выпил, если у вас есть безалкогольное вино из самбуковых ягод.

— Нету.

Мистер Бантинг вздохнул.

— Мало кто его держит. Кого ни спросишь, нет и нет.

3

Внизу, над бутылкой, покрытой пеленой паутины, виконт немного очухался, но его снова потревожил звонок. Услужливый Бантинг взял трубку и сразу помрачнел.

— Знаете, кто это? — спросил он, окончив беседу-Полиция.

— Полиция?

— Да, местная. Вы, часом, не помните такого Пилбема? Помните? Так вот, я его недавно запер.

— Как это?

— Запер в погребе. Видимо, вы ему дали ключи, он и вошел. Потом мы вызвали полицию.

— Правильно. Так ему и надо.

— А вы подумали о последствиях?

— Не понимаю.

— Он подаст в суд и выиграет. Наверное, уже идет сюда.

4

Юрист не ошибся, Пилбем шел в «Дубы», пылая, словно цистерна, в которую ударила молния. Прошлый раз он тоже не ликовал, но тут и сравнивать нечего Участок заметно усугубил его чувства. Как и свойственно власть имущим, полисмены оказались скептиками. Только ключ и чек развеяли их сомнения, его отпустили, что там — извинились, но он не смягчился. Он собирался подать в суд и хорошенько нагреть былого шефа.

Входя в ворота, он услышал, что его окликают, обернулся и увидел роскошную машину, в которой, кроме шофера, сидела его двоюродная сестра.

— Ты что тут делаешь? — вскричала Гвендолен.

— Ты что тут делаешь? — вскричал и Пилбем, образуя тем самым дуэт.

— Лорд Тилбери вызвал машину, я и решила съездить. Какой-то он такой, голос грустный…

— Скоро будет еще грустнее, — пообещал сыщик. — Пусть скажет спасибо, если уложится в десять тысяч.

— Что ты говоришь?

Перси пламенным слогом поведал о недавних злодеяниях. Слушая, она все шире открывала свои прекрасные глаза, а потом спросила:

— Собираешься подать в суд?

— Еще бы!

— А вот и нет, — возразила она, и ее лазурный взор стал, скажем так, стальным. — Никуда ты не подашь. Знаешь, почему? Потому что я настучу Биффу про Мерфи. А знаешь, что он сделает? Размажет тебя по тротуару. Очнешься в больнице, няньки скачут, доктор говорит: «Куда послать тело?»…

Когда-то один выслеженный муж пообещал примерно то же, и Перси

это не понравилось, равно как и теперь. Он не принадлежал к числу сыщиков, которым жизнь не в жизнь без доброй драки. Конечно, Бифф — не атлет, но он мускулист и прыток, а стоит ли заводить мускулистых, прытких врагов?

— Ничего не докажешь, — сказал он на всякий случай.

— Да? Интересно! А откуда я все знаю? То-то и оно! Не волнуйся, он поверит. Кстати, в колледже он был чемпионом по боксу.

Перси, начиная с ног, охватил какой-то холод.

— Ладно, — выговорил он. — Твоя взяла.

— Значит, ясно, — подытожила она. — Уотсон, вперед!

5

Гвендолен всегда действовала на шефа, как радуга — на Вордсворта, но на сей раз его чувства не поддавались описанию. Когда же она сообщила о поединке с Пилбемом, его охватила такая волна благоговейной любви, что он объяснился бы на месте, если бы не припомнил Пилбема-старшего. Во всяком случае, он вскричал:

— Что бы я без вас делал!

— Привыкайте, — сказала Гвендолен. — Скоро вы останетесь без меня.

— Что?!

— Мистер Льюэллин увозит меня в Голливуд. Он в жизни не видел таких фотогеничных лиц.

Тогда виконт и понял, что готов прибавлять слова «дядя Уилли» к каждой второй фразе.

— Никуда вы не уедете, — сказал он.

— Но мистер Льюэллин…

— К черту! Какой Льюэллин? Выходите за меня замуж!

— О, лорд Тилбери!

— Какой еще лорд! Зовите меня Джорджем. Гвендолен смущенно хихикнула.

— Что тут смешного?

— Ну, как можно…

— Ничего смешного не вижу!

— А? — спросил Бантинг, возникая откуда-то. — В чем вы не видите ничего смешного?

— Бантинг!

— Да?
— Идите, погуляйте!
— Я только что гулял.
— Мало.
— В каком смысле?
— В таком. Я сейчас поцелую мисс Гиббз.
Мистер Бантинг был искренне шокирован.
— На полный желудок?!
— Бантинг!
— Возможен инсульт. А тромб? А закупорка сосудов?
— Бантинг!
— Да?
— Разорвать вас на части?
— Ну, что вы! — возмутился юрист. — Это очень вредно.
— Тогда идите в сад и гуляйте, пока не позову.
— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.
— О, Джордж! — нежно сказала будущая леди. — Ты настоящий мужчина.

6

Восторжение духа, связанное с тем, что в кармане лежит подписанная бумага, продержалось недолго. Когда Бифф покидал «Дубы», вернулась память о прошлой ночи, и он не мог отделаться от чувства, что где-то там маячат какая-то драка и какой-то полисмен. Все зыбко, все смутно, но вполне достаточно, чтобы омрачить нежданную радость.

Дрался он точно, есть фонарь, но почему то и дело возникают шлем, форма, усы? Вечер был теплый, и все же от таких мыслей его познабливало.

Мысли эти спугнул гудок. Подняв голову, он увидел Джерри, который ведет чем-то знакомую машину. После того что было, Бифф не знал, стоит ли с ним говорить, и ограничился гордым взглядом, но тут же понял, что машина — его жены, а это уже интересно. Начал он с тех же слов, с каких начали Гвен и Перси:

— А ты что тут делаешь?
— За тобой приехал, — объяснил Джерри. — Послала твоя жена. Кстати, прими поздравления.
— Спасибо.

— Хорошо быть женатым?

— Джерри, старик, — окончательно сдался новобрачный, — нет слов, просто нет слов! Помнишь, я говорил, что стану другим человеком? Как, по-твоему, ими становятся? Постепенно, медленно? Ничего подобного! Р-раз — и готово. Знаешь, что недавно было?

— Нет, я только что приехал.

— Захотел я выпить, пошел в погреб. Бутылок — жуть, одна лучше другой. Казалось бы, пей? Не-ет. Вспомнил про Линду, повернулся и ушел. А? Вот что такое «женат». И, заметь, я радуюсь. Да, откуда ты взял Линду?

— Она к нам пришла. Сижу, размышляю — а она идет. Попросила за тобой съездить, чтобы ваш хрыч тебя не застал. Приехал он?

— Еще как!

— Выгнал тебя?

— Намекнул, что без меня лучше. Куда мы поедем? К тебе?

— Ко мне. Да, кстати! Заходил полицейский, спрашивал человека, который похож на таксу.

— Ой, Господи!

— Я тоже удивился.

— И сказал, что меня вообще нет?

— Что ты! Разве можно их обманывать? Бифф схватился за голову.

— Джерри, старик, здесь мне остаться нельзя, Тилбери выгонит. Туда вернуться — нельзя, сам понимаешь. Бродить по улице? Арестуют как бродягу. Что делать?

Джерри ответил не сразу. Сперва он засмеялся, и Бифф его упрекнул, объяснив, что смеяться тут нечему.

— Ладно, — сказал он наконец, — ладно, открою тайну. Полисмен просил тебя разыскать и привести туда, где страдает его рыжеусый собрат.

— Что ты порешь!

— Я рассказываю очень трогательную историю. Вчера, когда тот дежурил, на него напали юные правонарушители. Спас его отважный рыцарь в виде таксы.

— Ты шутишь?

— Нет, не шучу. Мало того, я тебя понимаю. Ты возмутился, что свести с ним счеты выпало не тебе, а каким-то мальчишкам.

Бифф оглядел местность здоровым глазом. Никому еще и никогда не казалась она такой прекрасной. Дом, и тот, собственно, неплох, бывают похуже.

— Значит, — проверил он, — полиция меня не ищет?

— Ищет, чтобы поблагодарить.

— И не арестует?

— Скорее, даст медаль. Есть и другая новость: мы скоро породнимся.

— Что?!

— Спроси свою сестру. Бифф немного подумал.

— Ну, что ж, — смирился он, — не все же радоваться. Надо и крест нести.

— Ты недоволен, что мы поженимся?

— Кто там женится? — спросил мистер Бантинг, сгущаясь из воздуха. — Неужели и вы тоже?

— Да, я.

— Буквально все до единого! Тилбери — женится, мистер Кристофер — женился утром, вы… Простите, не расслышал фамилии.

— Шусмит.

— Вы тоже женитесь, мистер Шусмит. Поветрие какое-то! Вы в город?

— Да.

— Не подвезете?

— С удовольствием.

— Если не возражаете, заедем ко мне в клуб, хлопнем какао. Я его редко пью, оно вредит, но для такого случая…

Они сели в машину. Джерри запел, к нему присоединился Бифф, а там — и мистер Бантинг. Пешеходов и шоферов распугивал главным образом он. Голос у него был ясный, приятный, как у кондора с ларингитом.

Летняя блажь

Перевод с английского И. Митрофановой
Редактор Н. Трауберг

1

Утро сияло лазурью и золотом, плыли пушистые облачка, гудели на солнце насекомые. Метеоролог Би Би Си, истинный поэт, сообщил, что волна высокого давления накрыла большую часть Соединенного Королевства к югу от Шетландских островов. Кролики играли у оград; томно задумались коровы; по речным берегам сновали водяные крысы. А если подняться к высшей ступени животного мира, гости сэра Бакстона Эббота, обитавшие в Уолсингтон Холле, графство Беркшир, уже развлекались на воздухе, кто как мог.

Мистер Чиннери играл в крокет с миссис Фолсом. Полковник Тэннер живописал мистеру Во-Боннеру жизнь в Пуне, удачно вклинившись в паузу и перегородив прочной запрудой байки Во-Боннера о приключениях в Малайе. Миссис Шипли вязала носок. Мистер Профит шлифовал обратный удар, стуча мячиком об стенку. Мистер Биллинг наслаждался солнечными ваннами, а молодой корпулентный американец Табби Ванрингэм с полотенцем вокруг шеи пересекал террасу, держа путь на речку.

Из дома показалась Пруденс Виттекер, несравненная секретарша сэра Бакстона, — высокая, стройная, изысканная. Устремив суровый взгляд в удалявшуюся спину Табби, она окликнула его с холодом, даже с морозцем, и голос ее прозвенел в сонной разморенности утра словно ледышки в кувшине.

— Миста-а Ванрингэм!

Табби обернулся, остановился и застыл, надменно вздернув брови. Он удивился, он рассердился, ибо полагал, что уже неделю, после одного события, все ясно, и они не разговаривают.

— Да? — отчужденно проговорил он.

— Простите, вы идете купаться?

— Да.

— С биржи?

— Ага, с баржи.

У мисс Виттекер задрожал кончик носа, как ни странно — вздернутый, хотя остальные черты лица мы смело назовем классическими.

— С биржи, — холодным и ровным тоном поправила она.

— С баржи. Сами сказали.

— Ничего подобного! Я не говорю «баржа» вместо «баржа», «ага» или «ну!» вместо «да», «не-а» вместо «нет» или, предположим, «купальник» вместо «купальный костю-ум».

— Ой, ладно, хватит! Зачем вы меня позвали?

— Хотела проинформировать…

— А этому типу, — перебил ее Табби в приливе чувств, — этому субъекту с подарками, вы говорите в кафе: «Пэрси, передай мне картофэль!»

Прелестные губки поджались, но она не возразила.

— Я намеревалась вам сообщить, что нырять там больше нельзя.

— Чего-чего?

— Там поселился жилец. Плавучий домик сдали до конца лета.

Табби очень хотел сохранить благородную надменность до конца этой гнусной сцены, но худая весть разбила его замыслы. Плавучий дом, пришвартованный на мертвом приколе у заливных лугов сэра Бакстона, был единственным местом, где можно поплавать нагишом, и почти единственным, откуда можно как следует нырнуть. Да, есть старый мост в Уолсингфорд Парва, но туда шагать и шагать.

— Эх, чтоб его! — вконец расстроился Табби. — Нет, правда?

— Аб-со-лю-утно! Жилец, вполне естественно, не желает, чтоб вторгались в его частную жизнь. Выглянуть из окошка и увидеть, как посторонние, особенно — такой толщины, кувыркаются в воду! Придется подыскать другую купальню. Всего вам доброго, миста-а Ванрингэм.

И она удалилась в дом плавно, как женственный лебедь. А Табби постоял, постоял и пошел, сумрачно пиная камешки.

Мрачные страсти вихрились в его душе. Пруденс обращалась с ним так, что даже человек с самым низким мнением о женщинах, скажем — покойный Шопенгауэр, недоверчиво бы присвистнул; но, ругательски ее ругая, что там — ненавидя, Табби с досадой ощущал, что по-прежнему ее любит. С превеликим удовольствием он запустил бы в нее камнем, и все-таки, одновременно, ему куда сильнее хотелось обнять ее, мало того — расцеловать. Н-да, ситуация непростая…

Бесцельная прогулка привела его к конюшням, и если мы еще не доказали глубины его мрачных сомнений, то скажем, что, лишь миновав

входную арку, он расслышал оглушительный, раскатистый бас. Чуть ни минуту бас проникал в его сознание. Сначала он замер как вкопанный, потом вернулся взглянуть, что там. Несмотря на смятенность души, ему не хотелось бы упустить что-нибудь занимательное.

Голос он узнал. Хозяин дома, сэр Бакстон Эббот, немного порокотав, вновь загромыхал на полную мощь, когда Табби добежал до арки.

Заглянув за нее, Табби увидел, что сэр Бакстон беседует со своей дочкой Имоджин, больше известной в кругах, где она вращалась, под именами Джин или Джинни.

Видимо, сэр Бакстон приближался к безумной ярости. Солнце и ветры давно придали его лицу здоровый красный оттенок, но сейчас оно стало фиолетовым, и даже издали было ясно, что в глазах его полыхает пламя. Судя по всему, старикан изгонял из-под отчего крова заблудшую дочь. Слова, донесшиеся до Табби, это подтвердили.

— Балда! — ревел сэр Бакстон, как ревел бы любой отец, нависая над склонившейся дочерью. — Нет, какая глупость!

Склонялась дочь не от стыда или там раскаяния. В недрах ее двухместной малолитражки снова завелся один из загадочных, хотя и мелких недугов, и она пыталась исцелить его гаечным ключом. Потом она выпрямилась, оказавшись невысокой, тоненькой, по-мальчишески легкой, очень хорошенькой блондинкой. Васильковые глаза светились нежным светом, каким они светятся у женщин, когда те уговаривают упрямого ребенка или заблуждающегося родителя.

— Выше нос, Бак! — сказала она. — Держись. Крепись.

— Не могу.

— Ну, что ты! Где твое мужество?

— Какое там мужество! Нету его. Нет.

— Чепуха! Все образуется.

— Так и мама сказала, — поразился сэр Бакстон совпадению.

— Она зря не скажет. Положись на меня, я все устрою.

— Ты не знаешь этих акул! У них есть закон на все случаи жизни! Поверь, этот Басби… Ох, Господи! Чиннери мне только не хватало! — И сэр Бакстон испарился с изумительной быстротой. Он был толстоват и староват, суставы утратили былую гибкость, но стоило ему завидеть своего платного гостя, в особенности — мистера Чиннери, которому он задолжал, и он обретал завидное проворство.

Озадаченный Табби вошел на конюшенный двор. Жажда знаний побудила его хоть на миг забыть о своей загубленной жизни.

— Что это у вас творится? — спросил он.

— Да Бак расстроился.

— Я заметил. А с чего он тебя стыдил?

Джин засмеялась. Смех у нее был прелестный и прелестно турились глаза. Замечали это многие мужчины, заметил и Табби. На секунду он подумал, не влюбиться ли в нее, но тут же отмел эту идею. Влюбиться-то пара пустяков, но он ведь покончил с женщинами. Слишком часто они обижали его; так стоит ли бросать свое истерзанное сердце к женским ножкам, чтоб его опять лягнули? Пусть даже это ножка такой надежной девицы — нет и нет! Теперь и впредь он строит отношения с женским полом по образцу трапписта.

— Да не меня! Это он себя ругал.

— А, старомодный монолог?

— В общем, да.

— Почему же он ругал себя балдой?

— Потому что он балда. Облапошили, как последнего простофилю. Я на него, кстати, очень злюсь. Не будь он такой расстроенный, такой разнесчастный, не бичуй себя, как жрец Ваала, уж я бы ему дала! Нечего такое затевать, если денег в обрез. Ты подумай, мы и так кредит превысили, того гляди за пятку цапнут, у дверей голод стережет, и что папа выкинул? Публикует книгу за свой счет!

— Чью?

— Свою, конечно!

Табби помрачнел, как помрачнел бы любой, обнаруживший в своем знакомом, вполне приличном человеке, такой изъян.

— Понятия не имел, что он пишет…

— Написал одну книгу. О своих охотничьих подвигах в добрые старые времена.

— Ах, так это не роман! — с облегчением воскликнул Табби.

— Нет. Мемуары. Называется «Воспоминания охотника». Написал и стал рассылать издателям. Те обругали. Все, как один.

— Кто ж это мне рассказывал что-то такое, про издателей?..

— Когда ее отвергли в десятый раз, я посоветовала ему примириться с мыслью, что конкурса популярности она, скорей всего, не выиграет. Запихнуть ее подальше в ящик и забыть… Но Бак не соображает, что потерпел поражение. Хочет сделать еще один выстрел.

— Вот это да! Вот это характер!

— Мы, Эбботы, все такие. Настоящие британцы!

— А дальше?

— Послал он рукопись одному гаду, и тот согласился, если выложат

наличные. Ну, Бак не устоял, раздобыл двести фунтов — просто не знаю, где, — и пожалуйста, напечатали! Такая книжка, алая с золотом, на фронтисписе — Бак попирает ногой льва.

— А что, конец счастливый! Взошла заря, я бы сказал.

— Это еще не конец, а несчастное начало. Есть и вторая серия. Сегодня утром пришел счет от гада на 96 фунтов 3 шиллинга 11 пенсов. «Дополнительные расходы», видите ли!

— Вот это да!

— Бак охнул, приползко мне спросить, что это еще за расходы. Я объяснила: 96 фунтов 3 шиллинга 11 пенсов. Он попросил одолжить из подкожных, есть же у меня «на булавки». Я поинтересовалась, кто это мне их дает. Он совсем приуныл, ну, я и пообещала, что поеду в Лондон с этим счетом, повидаюсь с Басби. Это наш гад.

— Что же ты собираешься делать?

— Постараюсь его уломать, пусть скостит немного.

— Думаешь, согласится?

— Буду молить и просить, скажем — заламывать руки. Может, сработает. В фильмах получается.

Табби озабоченно нахмурился. Он испытывал к этой девушке братские, нежные чувства, ему хотелось ее защитить.

— Брось! А вдруг он — свинья с двойным подбородком, огромным пузом и наглыми глазками? Еще полезет к тебе!..

— Что ж, ради трех шиллингов одиннадцати пенсов пусть лезет.

Они неспешно двинулись к арке. Табби вдруг остановился, и с таким видом, словно хлопнул себя по лбу.

— Басби! А ты уверена? Не спутала?

— Ну, что ты! В моем сердце высечено «Дж. Мортимер Басби». После фамилии — «кр». Кредитор, то есть. А что?

— Надо же, какое совпадение. Я вспомнил, кто мне про них говорил. Мой брат Джо. Встретились, так это год назад, он и скажи, что собирается работать в издательстве. Вроде у какого-то Басби. А может, — прибавил честный Табби, — у кого-то другого.

— Туманно, а?

— Ну, сама понимаешь. Тебе рассказывают, ты слушаешь, киваешь, поддакиваешь, а отошел — из головы вон. И вообще, я немного выпил, еще не прочухался.

— Не знала, что у тебя есть брат!

— А как же! — гордо подтвердил Табби. — Есть, есть, еще какой!

— Почему я про него не слышала?

— Так как-то, на язык не попадался.
— Старший или младший?
— Старший.
— Странно… я и от мачехи твоей не слышала.
— А вот тут — ничего странного. Она его терпеть не может. Он с ней расплевался и ушел из дома в двадцать один год. Наверное, она и вышвырнула, точно не скажу. Когда разыгралась баталия, меня не было дома, а когда я вернулся, Джо уже уехал.
— Что же ты ее не спросил?
— Спросил, а она как рявкнет! Если, говорит, будешь лезть, прошу, скатертью дорога. Иди, говорит, работай рассыльным, мест — завались. Например на фабрике, где делают рыбный клей.
— Чем и заклеила тебе рот.
— А ты как думала? Раз и навсегда.
— Надеюсь, твой брат не служит у Басби. Тот его может испортить.
— Сомневаюсь! — возразил оптимистичный Табби. — Скорее наоборот, Джо его испортит. Джо у нас — ого-го! Молоток, как говорится.
Они прошли под аркой и вышли на террасу, которую украшала своим присутствием мисс Пруденс Виттекер. Секретарша вышла подышать; однако, завидев Табби, вернулась в дом, явно рассудив, что незачем дышать воздухом, если его отравляет этот субъект. Табби же вздохнул, даже с присвистом, и крепко стиснул кулаки. Лицо его обрело трагическое, байроновское выражение.
— Доброе утро, мисс Виттекер! — помахала рукой Джин.
— Доброе утро, мисс Эббот.
— Я в Лондон собираюсь. Ничего не надо?
— Нет, благодарю вас, мисс Эббот.
— И Перси никаких приветов? — осведомился бестактный Табби.
Секретарша надменно и молча уплыла в дом. Джин повернулась к Табби узнать, кто такой Перси, и поразилась выражению его лица.
— Ой, Табби! Что это с тобой?
— Все в норме.
— А вид — жуткий.
— Да ладно, чего ты… — забубнил страдалец. Но от Джин так просто было не отделаться.
— Прямо сильный, молчаливый мужчина едет с горя в Африку охотиться на львов. Бак их, наверное, десятками встречал… ой, Табби! Вы что, разругались с Пруденс?
Табби буквально обомлел от такого ясновидения. А он-то считал, что

любовь его — глубокая тайна, надежно скрытая маской лица!

— Какое отношение я имею к Пру… то есть к мисс Виттекер?

— Такое. Да твой секрет за милю видно! Ты на нее смотришь, как креветка…

— Вот как? Больше не смотрю.

— Ну, прости. А что случилось?

— Ничего, — отвечал скрытный Табби.

— А Перси кто такой?

— Так, один. Ты не знаешь.

Джин отстала, хотя ей очень хотелось узнать побольше о призрачном, даже таинственном персонаже, который, видимо, сыграл роль змея в их эдемском саду. Она была тактична, и только осведомилась, что же Табби намерен предпринять. Табби ответил, что ровным счетом ничего. Тогда, прищурив синие глаза, она вгляделась в зыбившееся над дерном марево.

— Н-да, нехорошо… — сказала она. — А гомеопатию не пробовал?

— Э?

— Надо найти лекарство, другую девушку. Тебе требуется веселое женское общество. Ты из тех мужчин, которые увядают, если рядом нет женщин.

— Чихать я на них хотел!

— Так, прикинем. Кто у нас есть? Сегодня встречусь с шестью подружками из старой школы во главе с Мейбл Первис, возглавлявшей некогда Клуб Дискуссий. Хочешь присоединиться?

— Нет уж, благодарю.

— Так я и знала. — Джин призадумалась. — Пойми меня правильно, Табби, дорогой. Я не черствая или там бесчувственная. Конечно, паршиво поссориться с девушкой, но есть тут и светлое пятно.

— Какое? — заинтересовался Табби, который не усматривал и светлой точечки.

— А как же? Приедет мачеха, узнает, что ты собираешься жениться на скромной секретарше… Тебе виднее, конечно, но мне кажется, что мачеха не особенно любит скромных секретарш.

Табби и сам об этом думал, когда поссорился с мисс Виттекер. Княгиня фон унд цу Дворничек (за князя она вышла года через два после смерти Франклина Ванрингэма) была весьма разборчива, если речь заходила о его матримониальных намерениях, и, к несчастью, обладала над ним непререкаемой властью. Иными словами, она могла, когда захочет, прекратить выплату и отправить несчастного Табби на самое дно рыбного бизнеса, в процветающий концерн, акции которого унаследовала еще от

самого первого мужа. Табби не слишком хорошо знал, как живут на рыбном дне, но чутье подсказывало, что ему там не понравится.

— Да начхать мне! — стойко сказал он. — Только бы Пру…

— Конечно, — поддакнула Джин, гадая, что же такое вытворила безупречная мисс Виттекер. — А все-таки, неприятно.

— Да, — согласился Табби. — Мачеха у нас — будь здоров!

— То-то и оно. Выгнала твоего брата.

— И заметь, с десяткой в кармане. Мне Джо говорил.

— Господи! Как же он выкрутился?

— Да занимался тем-сем. Плавал на грузовом пароходе, кажется — был вышибалой в баре. Боксировал немножко…

Джин поймала себя на том, что ей нравится такая несгибаемость. О княгине она была невысокого мнения, и порой ее огорчало, что Табби, такой симпатяга, у нее под каблуком. Тот, кто восстал против могущественной миллиардерши, ей больше по душе.

— Я тебе много чего могу про него рассказать.

— Расскажи, только потом, мне пора. Переодеться надо. А тебе, по-моему, самое лучшее — поплавать.

Совет этот напомнил Табби еще об одном ударе — не таком страшном, конечно, как женская измена, сокрушившая твои мечты и идеалы, но тоже чувствительном.

— Послушай, что это я слыхал, будто плавучий дом сдали?

— Правильно. С сегодняшнего утра.

— Тьфу!

— А что такое? Спокойно можешь там плавать. Пожалуйста.

— Ты думаешь? Он не станет возражать?

— Конечно, нет. Адриан и сам любит поплавать. Ему даже приятно будет, что компания нашлась!

Свет, озаривший было Табби, словно проблеск солнца в зимний день, мгновенно погас.

— Адриан?

— Его так зовут.

— Адриан Пик?

— Да. Ты что, его знаешь?

Табби коротко, горько фыркнул. Теперь он понял, что против него ополчилось все на свете.

— Как не знать! Года полтора только его и вижу. Помню, прошлым летом, в Каннах, у мачехи на яхте… Вот уж кто в волосы вцепиться мастер!

Джин ощетинилась, но Табби этого не заметил — и про-. должал, как ни б чем не бывало.

— Адриан Пик! Да он у нее вроде домашней собачки. Так и семенит, так и семенит. Приметил ее, не успела она явиться в Лондон, присосался, одно слово — пиявка! Адриан Пик? Ну, знаешь! Тогда — все. У кого, у кого, а у этой болонки одалживаться не желаю! Альфонс проклятый! Пойду-ка я лучше поиграю в крокет с миссис Фолсом.

Кулачки у Джин были крепко сжаты, мелкие зубы стиснуты. Она сверлила Табби взглядом, в сравнении с которым взгляд прекрасной Пруденс показался бы добрым и жалостливым.

— Может, тебе интересно узнать, — сухо заметила она, — что я собираюсь выйти за него замуж?

Она угадала. Ему было так интересно, что он подпрыгнул, словно она двинула его кулаком в живот.

— Замуж?!

— Да.

— Не может быть!

— Прости, я спешу.

— Нет, погоди! Послушай! Тут что-то не так. Он женится на моей мачехе.

— Какая чушь!

— Женится, женится. А может, это — другой? Мой Адриан Пик похож на чахлый манекен.

Тут он умолк, заговорила Джин. Говорила она красиво, язвительно, и под напором ее красноречия у него что-то сдвинулось в мозгу. Потом, развернувшись, она зашагала прочь, бросив его подбирать собственные обломки.

Отец окликнул ее с террасы, но она лишь натянуто улыбнулась. Беседовать она не смогла бы даже с нежно любимым родителем.

2

На террасе он находился потому, что близился час его совещания с Пруденс Виттекер, а в хорошую погоду они проходили на этом самом месте.

Баронет был человеком устоявшихся привычек. Каждый день он поднимался точно в 8.30, брился, мылся, проделывал сложную, но эффективную гимнастику, завтракал с женой, а потом, в 10.30, совещался с

мисс Виттекер… Остаток утра и почти весь день он увиливал от гостей, с пяти до семи — выгуливал собак.

Безуспешно окликнув дочь, он вернулся к мыслям о родовом гнезде, прерванным ее появлением. Уолсингфорд Холл он обозревал каждое утро, приблизительно в одно и то же время, и с каждым разом тот нравился ему меньше. Сегодня яркий солнечный свет выставил напоказ это бельмо на глазу во всем его мерзком безобразии. Вновь подивившись причудам княгини, баронет вспомнил, как эта изумительная женщина заметила, что особняк — настоящий симпомпончик. Сам он не единожды прочесывал словарь частым гребнем, тщетно подыскивая определение дому своих предков, но это слово как-то не приходило ему в голову.

Уолсингфорд Холл знал лучшие времена. Построенный при Елизавете так, чтобы глядеть с пригорка на серебристую Темзу, дом этот два с лишним века был действительно красивым. Теперь от его вида лодочники почувствительнее теряли дар речи, и весла падали у них из рук, когда он вырастал за излучиной реки, но объяснялось это тем, что большой пожар, рано или поздно настигающий все английские поместья, подзадержался до Виктории, предоставив отстраивать весь дом сэру Веллингтону Эбботу, тогдашнему владельцу. Про викторианцев можно сказать много хорошего, но всем известно, что лишь немногих из них можно было подпускать к мастерку и кирпичам, а уж сэра Веллингтона — и подавно. Он был из числа этих страшных людей, архитекторов-любителей. Наблюдая пожар в ночной рубашке — ему пришлось довольно резво выпрыгнуть из горящей спальни, — баронет забыл про суровый ветер, овевавший ему коленки. Он думал о том, что наконец-то грянул его час, пришла пора великого дела. Едва дотлел последний уголек, он ринулся претворять свою мечту, не жалея затрат.

А сейчас его потомок обозревал разляпистое, хотя и величественное сооружение из красного глазурованного кирпича, чем-то, пожалуй, напоминавшее французский замок, но в общем походившее на те жилища для рабочих, в которых на каждую семью приходится строго отмеренное количество кубометров воздуха. Массивную крышу украшал остроконечный купол, не говоря уж о минаретах, на самом верху крутился флюгер, а сбоку, неизвестно зачем, пузырилась оранжерея. Местные жители назвали все это «У старого психа», и. пожалуй, были недалеки от истины.

Часы на конюшне отбили полчаса. Не успел замереть последний удар, как, минута в минуту, появилась мисс Виттекер с блокнотом в руке.

— Доброе утро, сэр Бакстон, — сказала она.

— Доброе, мисс Виттекер. Какой денек!

— О-оу! Прэ-лэстный. Дивный.

— Ну как у нас там, все в порядке? Жалобы есть?

Это входило в повестку дня — баронет прежде всего справлялся о благополучии своей общины. Мисс Виттекер заглянула в блокнот:

— Миссис Шепли досаждают голуби.

— Чем же они ей помешали?

— Воркуют под окном.

— А что я могу, глушители на них надеть? Так. Еще что?

— Мистеру Во-Боннеру кажется, что у него завелась мышь.

— Пускай помяукает!

— Мистер Чиннери требует корнфлекс.

— Чтоб он треснул со своим корнфлексом! А что это, собственно, такое?

— Американцы едят на завтрак.

— Он не в Америке.

— А корнфлекс просит.

Сэр Бакстон, собрав на лбу морщины, сразился с этой проблемой.

— Может, моей жене известно, как его готовят?

— С леди Эббот я уже консультировалась. Она сказала, что умеет варить так называемые тянучки.

— А не спросить ли этого Ванрингэма?

В красивый, изысканный голос мисс Виттекер вплелась заунывная нотка:

— Если жела-эте, сэр Бакстер, я спра-а-шу, но…

— Думаете, тоже не знает? Да, наверное. Ладно, придется нашему Чиннери перебиться. Все?

— М-даум, сэр Бакстон.

— Очень хорошо.

— Было два телефонных звонка. Один — от княгини Дворничек. Ее секретарь просил сообщить, что она уже в океане, скоро прибудет сюда.

— Хорошо, — повторил сэр Бакстон, радуясь предстоящей встрече с единственным человеком, который смотрел на Уолсингфорд Холл без отвращения, мало того — намеревался его купить. — Быстро она обернулась. Ну, а второй?

— Звонили леди Эббот, сэр Бакстон. Ее брат.

— Брат?

— Мда-ум.

— Какие еще братья?!

Мисс Виттекер держалась вежливо, но твердо.

— Я только повторяю то, что сказал этот джентльмен. Он просил передать леди Эббот, что ее брат Сэм в Лондоне и приедет к ней при первой возможности.

— О, Господи! Ну что же, ладно. Спасибо, мисс Виттекер.

Минут с десять после ее ухода сэр Бакстон стоял в задумчивости, переваривая новость. Человека регулярных привычек непременно вышибет из седла появление загадочного родственника. Но вскоре проблема эта сменилась другой, более насущной, от которой баронет ненадолго отвлекся. Точно начертанные огнем на летнем небе, перед его мысленным взором вновь возникли зловещие цифры 96, 3, 11, и он засмотрелся на письмена, мрачно размышляя, есть ли шанс, что его дочка оплетет волшебной сетью зловещего издателя. Однако мечтания его прервали, окликнув по имени. Ноздри ему защекотал аромат хорошей сигары. Он обернулся — и что же? Рядом стоял Чиннери. Как же глубоко он задумался, если это допустил!

Американцы сэру Бакстону нравились, он состоял членом Заокеанского клуба и даже женат был на американке; а вот Элмер Чиннери, лично, нравился еще меньше остальных постояльцев. При виде Во-Боннера или Шепли он просто убыстрял шаг; завидя Чиннери, упархивал на крыльях голубки.[67]

Причина — известна: баронет задолжал ему немалую сумму, и злосчастный заем стал единственной темой, кроме корнфлекса, на которую мог беседовать вредоносный американец. Английскому же аристократу, сами понимаете, претят разговоры о деньгах.

Был Чиннери массивным, толстым, гладким, в огромных, словно колеса, роговых очках. Жил он здесь дачно, можно сказать — был одним из первых в нынешнем звезде. Занимался он рыбным бизнесом, на котором разбогател первый муж княгини, и даже набеги бывших жен, требовавших алименты, не наносили ощутимого ущерба его богатству. Первый раз, как и многие граждане его страны, он женился молодым, потом женитьбы покатились одна за другой. Он перескакивал от блондинки к блондинке, как альпийская серна — со скалы на скалу.

— Э-э, послушайте… — начал Чиннери.

Ни намека на опасность не усмотрел бы в этих словах сторонний слушатель, но нам понятно, отчего сэр Бакстон вскинул руки широким отчаянным жестом, словно леди из Шалотта,[68] когда над ней разразилось проклятие. Сочувствовать ему мы не можем, но понять — поймем.

— Нет, нет, дорогой! — воскликнул он. — Честно! Нет, нет и нет!

— Может, хоть что-то наскребете…

— Не могу! Ни пенса! Простите…

Нависла зловещая пауза. Сэр Бакстон горько недоумевал, почему человек, чей доход исчисляется шестизначной цифрой, суетится из-за жалкой пары сотняжек. Чиннери корил себя — вот тебе урок, нечего пить старый портвейн! Третья рюмка этого напитка и побудила его поддаться на просьбу хозяина.

— Вот только усадьбу… — пробормотал сэр Бакстон.

— М-мэ, — сказал мистер Чиннери.

Оба оглянулись и снова зловеще замолчали. Мысли у них были одинаковые: с ходу такой домик не спихнешь.

— Хоть двадцать фунтов! — воззвал мистер Чиннери.

— А-а! Вот и Джин! — с беспредельным облегчением воскликнул сэр Бакстон.

И впрямь, из дома вышла дочь, которой еще никогда отец так не радовался. Она направлялась к нему, чтобы получить перед отъездом последние наставления.

Переодевшись, она похорошела — ни поджатых губ, ни суровых взоров той, кто бросил несчастного Табби разобранным на части. Ей уже не казалось, что мальчишки пишут мелом всякую гадость на стенах ее души, она снова стала веселой и жизнерадостной.

В конце концов, думала она, Табби — умственно неполноценный. Мало-мальски разумная девушка не примет всерьез его наблюдений. Речь его — треск хвороста в печке. Их разговор — несчастная случайность, надо его забыть как неприятную болезнь: свинку, корь — или прискорбный случай, когда ее стошнило на детском празднике.

— Ну, отбываю! — воскликнула она. — Что тебе привезти, игрушку или конфетку?

— Вы не в Лондон? — заинтересовался мистер Чиннери. — Жарковато там сейчас.

— Ничего, потерплю. Пригласили на ленч, и потом — у папы неувязка с одним вампиром.

— О, с вампиром?

— Ну да! Истинный вампир в человеческом образе, некий Басби.

Беседуя с гостем, Джин, естественно, отвернулась от сэра Бакстона и потому не заметила, как на его дубленом лице проступили страдание и страх. Он раскашлялся, она услышала, но приписала это тому, что он поперхнулся комаром или еще какой-то летней мошкой.

— Понимаете, — любезно продолжала она, поскольку вообще была любезна с гостями, — папа написал мемуары об охоте, издал их за свой счет, выплатил этому вампиру двести фунтов, как истинный джентльмен, а теперь тот прислал какой-то жуткий счет. Дополнительные расходы, видите ли! Вот я и хочу зайти к нему, урезонить.

Повисла долгая пауза. Мистер Чиннери тяжело пыхтел, сэр Бакстон давился поистине чахоточным кашлем, но молчали все. Наконец гость пронзил хозяина взглядом, который даже за очками читался ясно: рана — смертельная. Порывисто сглотнув, несчастный зашаркал прочь.

Джин заметила некоторую напряженность атмосферы.

— Что тут у вас стряслось? — спросила она.

Сэр Бакстон посмотрел на нее, как Лир на Корделию, а точнее — как Чиннери на него.

— Ничего, — отвечал он. — Ты просто сказала именно то, о чем говорить не следует. Месяца два назад я занял у него пятьсот фунтов. Каждый Божий день он просит их вернуть, а я убеждаю его, что у меня нет ни пенса. И тут ты сообщаешь, что я издаю книги за собственный счет!

— Ох, Бак! Виновата! — Джин присвистнула.

— Чего уж теперь извиняться!

— Да, пошатнула я его веру в баронетов…

— Разбила на веки вечные, — уныло заключил сэр Бакстон. — Предвижу оживленный разговор в самого ближайшем будущем.

Джин раскаивалась, но не очень. Отцам, думала она, надо бы посвящать дочерей в факты реальной жизни. Тогда этим Дочерям будет легче обходить рифы.

— Да ладно, плюнь! Как только вернусь, посюсюкаю с ним, утихомирю. А зачем тебе пятьсот фунтов?

— Кому же они не нужны? — резонно возразил сэр Бакстон.

— Нет, я не про то. Куда ты их подевал?

— Издал мемуары.

— Они не обошлись в пятьсот фунтов. Где остаток?

Сэр Бакстон удрученно помахал руками, словно семафор-пессимист.

— Ухнули! Эта махина просто пожирает деньги. Постояльцев тогда у нас почти не было…

— Платных гостей!

— Чего уж там! — вздохнул сэр Бакстон. — Постояльцы — они и есть постояльцы. Не думал я, когда наследовал титул, что скоро, очень скоро придется содержать пансион.

— Ну папочка, ну миленький! Не убивайся ты! Ничего тут нет

постыдного. В нынешние времена половина английских помещиков пускает платных гостей. Хоть у кого спроси!

Сэр Бакстон отмел утешения. Если уж он затрагивал эту тему, то просто нырял в жалость к самому себе.

— Когда я был мальчишкой, — мрачно начал он, — я мечтал стать машинистом. Когда подрос, мечтал стать послом. Достигнув зрелого возраста и смирившись с тем, что мозгов для дипломатической службы у меня маловато, думал, что стану хотя бы простым деревенским джентльменом. Но судьба распорядилась иначе. «Нет, — возразила судьба. — У меня на тебя другие виды. Ты станешь замызганным хозяином деревенской гостиницы».

— Ну-у, Бак!

— Что «Ну-у, Бак!» Нет, что «Ну-у, Бак!»?

— Ты не замызганный.

— Замызганный!

— Лучше ты подумай, что ты веселый, добродушный хозяин гостиницы. Ну, знаешь — закатав рукава, скачет, хохочет, выход в первом акте сразу после хора поселян.

— Никакой я не жизнерадостный! — возопил сэр Бакстон, ясно видевший истину. — Э-эх, если бы ты выскочила за богача!

— Куда они все запропастились? — подхватила Джин. — Где старомодные миллионеры, которые покупали девиц за мешок золота? Да, крутится рядом твой Чиннери, но он вроде бы не развелся с той, кого купил последней.

— А Ванрингэм? Как насчет него?

— Ну, нет! Я — не в его вкусе. Ему нравятся высокие, гибкие ивы. И вообще, с чего ты взял, будто Табби — миллионер? У него только и есть пособие от мачехи, а ей я, по-моему, совсем не нравлюсь.

— Откуда ты знаешь?

— Интуиция!

— Ты должна ей понравиться, — серьезно сказал сэр Бакстон. — Упорно и терпеливо взращивай в ней симпатию к себе. Да она — единственная на свете, кто хочет купить эту пакость, эту рухлядь! Мисс Виттекер сказала, что она плывет по океану, значит, через два-три дня доберется досюда. Не щади трудов, моя дорогая. Господи, Господи! Только представлю, что нашелся кретин, которому можно сплавить нашего монстра!

— Табби думает, что дело — на мази.

— Правда?

— Он говорит, что княгиня просто в восторге.
— Мне она как-то сказала, что дом — просто симпомпончик.
— Вот видишь!
— Она такая сумасбродка! Ей перерешить — раз плюнуть!
— Вкус к кирпичам цвета сомон[69] нелегко поколебать.
— Уж если он есть, то есть.
— Ладно. Будем надеяться на лучшее.
— Вот он, воинский дух!
— Что ж, тебе пора в Лондон, а мне — к твоей маме. Да, представь, какая странная штука! Мисс Виттекер сказала, звонил ее брат.
— Чей? Мисс Виттекер?
— Нет, мамин.
— У мамы нет брата.
— Я тоже удивился — как это он позвонил, если его нет? Но мисс Виттекер стоит на своем. Очень любопытно. Пойду, спрошу, в чем дело.
— Я бы тоже пошла, но надо бы поймать Басби до ленча. Тут, понимаешь, чистая психология. Казалось бы, подожди, пока он не размякнет, но лично я считаю — издатели вроде питонов. Они терпеть не могут, когда им мешают переваривать. Словом, надо поймать Басби, пока он бодр и свеж.
— Возвращайся скорее.
— Конечно. Надо еще заглянуть в плавучий дом. Посмотреть, как устроился Пик.
— Это кто, тот тип, который снял «Миньонетту»?
— Да. Адриан Пик. Познакомилась с ним недавно, у Виллоуби.
— Симпатичный?
— Просто прелесть!
— Тогда пусть приходит поскорее, давно я не видел приятных людей, — сказал сэр Бакстон, вспомнив о Чиннери, Во-Боннере, Тэннере и прочих. — Пошлю к нему мисс Виттекер с записочкой. А ты сегодня не ходи, ты мне тут нужна. Возвращайся сразу. Надо улестить Чиннери, тебе работы на весь вечер.
— Ох, Бак! Это обязательно?
— А как же! Сама вызвалась. Сказала «посюсюкаю». Сыграй с ним в гольф. Порасспроси про жен, про завтрак, а то он с моей шеи не слезет. Приставучий такой, на редкость. Прямо слепень!
— Зря ты у него взаймы цапнул…
— Не то слово. Что теперь толку жалеть?

«Все пишет он и пишет, перст судьбы,
не ведая ни боли, ни борьбы…»[70]

— Знаю. Мне в школе дали переписать это сто раз.

— …«премудрости его не остановят, и душ заблудших горькие мольбы», — докончил сэр Бакстон, остановить которого тоже было невозможно. — А главное, ему совершенно не нужны деньги. У него ведь миллионы! Иначе он бы не выдержал всех этих бывших жен.

— А сколько он на корнфлекс потратил! Ладно уж, постараюсь его улестить.

— Умница! — отечески похвалил ее сэр Бакстон. — Слушай-ка, Джин, а вот мамин брат… Наверное, надо пригласить его?

— Само собой.

— На неопределенный срок?

— А как же!

— И денег требовать нельзя… — выдал сэр Бакстон свою сокровенную мысль. — Э-эх! Втираются всякие, всю мою жизнь переворачивают, хлещут мой портвейн — и даже пяти фунтов в неделю не попроси. Тьфу! — закончил он с истинно английским гостеприимством.

Джин заметила, что нехорошо быть Шейлоком. Сэр Бакстон парировал, что в его положении это неизбежно и вообще, лично он испытывает к Шейлоку огромное уважение. После чего грузной поступью отправился в дом, а Джин помчалась на конюшни, заводить свой «Виджон-7» для поездки в Лондон.

3

Мортимер Басби, предприимчивый издатель, с которым писатели вели многолетнюю, вдохновенную, но бесплодную войну, потянулся к телефону и снял трубку.

И тут же сморщился, подавив придушенный вскрик, — кожа его в это утро была крайне чувствительна к резким движениям. Накануне, соблазнившись ослепительно ясной погодой, он взял выходной и, подобно Биллингу в Уолсингфорд Холле, наслаждался солнечными ваннами. В отличие от Биллинга, который, по своей хитрости, смазался маслом для загара, мер предосторожности он не принял, и теперь страдал.

— Пришлите ко мне Ванрингэма! — распорядился он. Из приемной ответили, что Ванрингэм еще не вернулся.

— Что? — грозно переспросил Басби. Он не одобрял, когда его сотрудники отлучались из загона в рабочие часы. — Что значит «не вернулся»? А куда, собственно, он ушел?

— Если помните, — подсказала приемная, — вы распорядились, чтобы утром он поехал на вокзал проводить мисс Грэй.

Басби чуть смягчился. Теперь он и сам вспомнил, что мисс Гвенда Грэй, звезда его издательства, сегодня отбывала г Америку, как вся череда английских лекторов, прикладывавших столько усилий, чтоб депрессия этой несчастной страны длилась как можно дольше. А Джо Ванрингэм, истинный «мальчик за все», был послан к поезду с фруктами и цветами.

— Ладно, — буркнул он. — Пришлите, как только появится.

Едва он положил трубку, как телефон затрезвонил. На этот раз Басби уже на так порывисто потянулся к трубке.

— Алло?

— Привет, шеф!

— Кто говорит?

— Это я, шеф!

— Сколько можно повторять «шеф»?

— Ладно, шеф. Звоню с вокзала Панкрас.

Басби вздрогнул от круглой макушки до квадратных ботинок.

— Что?.. Как вы там очутились?

— Вот тебе и на! Мисс Грэй дожидаюсь. Сами же велели проводить ее в Шотландию.

Басби едва слышно забулькал. Только минуты через две он обрел дар речи.

— Идиот! Нет, какой кретин! В Америку! Она уезжает в А-ме-ри-ку!

— В Америку? Точно?

— Такого кре…

На другом конце провода досадливо прицокнули языком.

— Да, верно. Теперь и я вспомнил. Ведь и правда, в Америку!

— А поезд к пароходу отходит с вокзала Ватерлоо!

— Опять вы правы. То-то я все жду, а ее все нет. Вот она, разгадка! А зачем вы тогда приказали ехать сюда?

— Я не приказывал! Я сказал: «Ватерлоо»! Ва-тер-лоо!

— Ах, вот тут я и запутался! Не знаю, слышите ли вы сами, но в вашем исполнении «Ватерлоо» звучит в точности как «Панкрас». Видимо, мелкий дефект речи. Ничего страшного! Хороший учитель дикции — и как рукой! Ладно, шеф, а можно тогда я фрукты съем?

— Слушайте! А… а… — задохнулся Басби. Мисс Грэй была

романистка, книги которой расходились двадцатитысячными тиражами каждый год, и если ей не потрафить, могла и закапризничать. — Может, еще успеете! Хватайте такси…

Провода донесли неприятное хихиканье.

— Ну, шеф! Это я так, пошутил. Знаете, находит иной раз. Полный порядок, я на вокзале Ватерлоо. Преподнес ей фрукты, цветы, она просто расцвела. Поезд только что отбыл. Она высунулась из окна, посасывая апельсин, и закричала: «Да здравствует наш Басби!»

Басби хлопнул трубку. Лицо у него стало опасно багровым, губы беззвучно двигались. В сотый раз он клялся себе: «Это конец. Сегодня я уж точно вычеркну фамилию «Ванрингэм» из платежной ведомости». Но — опять же в сотый раз — беспокоила мысль, что придется искать такого же умелого и ловкого раба.

Значительную часть клиентуры составляли дамы, оплачивавшие публикацию своих сочинений; когда же они получали счет, то появлялись в издательстве на грани истерики. При всех своих недостатках, Джо оказывал на них магическое воздействие. С ним они становились мягче воска, и Мортимер Басби, рыдая в душе, принуждал себя его терпеть. Джо ему категорически не нравился. Он не выносил его иронической ухмылки, насмешливого изумления, словно тот не уставал удивляться, что такие вот Басби обитают с ним на одной планете. Он просто дергался от его разговоров и розыгрышей, но одобрял то искусство, с каким Джо укрощал взбешенных романисток. Бросит им комплимент — другой, расскажет анекдот, и те удалятся, сияя и хихикая.

Басби попытался восстановить самообладание, окунувшись в работу, и через четверть часа снова обрел относительную безмятежность духа, но тут в дверь постучались веселой рассыпчатой дробью. Стучаться так осмеливался лишь один служащий его издательства, все тот же Джо Ванрингэм.

— Велели зайти? — сердечно осведомился он. — Просим, просим. Явился по вашему приказанию. Чем могу служить?

Между братьями Ванрингэмами было определенное сходство и, увидев их вместе, можно было догадаться, что они — родственники. Но сходство это ограничивалось внешностью; характеры различались кардинально: боевой кот, которому приходится бороться за жизнь в закоулках и на свалках нашего мира, и его мягкотелый сородич, расположившийся в зажиточном доме. Табби был холеный и сытый, Джо — поджарый и жесткий. Был у него и тот неопределимый налет, какой появляется у молодых людей, которым пришлось пробиваться, начав с

жалкой десятки.

Хозяин кисло глянул на него: телефонные впечатления еще не совсем остыли — Басби мира сего злопамятны. Вдобавок он обнаружил, что его молодой помощник нынешним утром оскорбительно весел. Непочтительно и нахально Джо держал себя всегда, но сегодня он был еще непочтительнее и совсем уж нахален. Пожалуй, сегодня он был безудержно нахальным.

— В приемной девушка, пришла по поводу счета, — буркнул Басби. — Займитесь-ка ею.

— Ясно, — сочувственно покивал Джо. — Старая история?

— Что это значит?!

— Ладно, не впервой. Расслабьтесь, шеф! Сегодня я в редкостной форме. Угомоню десяток писательниц. Положитесь на меня!

— Осторожнее! — вскрикнул Басби.

Джо отдернул руку — он собирался ободряюще похлопать шефа по плечу, и теперь с легким удивлением взглянул на него.

— А?

— Кожа!..

— Как? Уже содрали?

— На солнце обгорел.

— Ясно! Надо было маслом намазаться.

— Сам знаю. Сколько раз повторять, не называйте меня «шеф»!

— А как? Босс? Сеньор? «Сеньор» вам нравится? А может, «мой господин»?

— Зовите просто «сэр».

— Сэр? Сэр… А что, неплохо. Лаконично. И прямо с языка соскальзывает. Надо же! И как это вы додумались?

Басби вспыхнул. Он размышлял, как размышлял уже столько раз, стоит ли переносить эти шуточки ради услуг сторожевого пса. Фраза «Вы уволены» трепетала на кончике языка, но он его прикусил.

— Ступайте, поговорите с ней!

— Одну минутку! Тут дело поважнее.

Подойдя к шкафчику под книжной полкой, он принялся там рыться.

— Что — вы — делаете?

— Ищу ваши нюхательные соли, — отвечал Джо, возвращаясь и жалостливо глядя на хозяина. — Боюсь, господин мой, вас ждет неприятный удар. Хочу его приглушить. Вы газеты читали?

— А что?

— Повторяю, вы читали газеты? Басби ответил, что проглядел «Таймс».

— Фу! — скривился Джо. — Дешевка! Но даже «Таймсу» пришлось признать, что вещица — удалась!

— Э!

— Моя Пьеса. Вчера была премьера.

— Вы написали пьесу?

— Да. И какую! Блеск! Восторг!

— О?

— «О» — не очень-то красноречиво. Ладно, сойдет. Да, премьера состоялась вчера. Лондон сражен наповал! Прекрасные дамы и храбрые мужчины корчились от смеха! Даже рабочие сцены покатывались, а тысячный зал надрывался «Браво!» Словом, фурор. Хотите почитать рецензии?

Внезапное подозрение кольнуло Басби.

— Когда это вы написали пьесу?

— Дома, дома, не на службе! Оставьте надежды, мой Басби. Вам не удастся цапнуть часть процентов. А ведь могли бы! — с искренним восхищением признал Джо. — Нет, вы — уникум! Возьмем ваши контракты. Представляю себе, как автор подпишется — и шарахнется, когда из всех этих «поскольку», «постольку» или там «нижепоименованный» на него набросятся сложноподчиненные фразочки в черных масках. Но на этот раз — нет и нет! Оставьте надежду, дорогой стервятник.

Басби расшумелся, покритиковав, в частности, это обращение, но Джо объяснил, что, назвав его стервятником, старался создать атмосферу вящей сердечности.

— Поймите, — добавил Джо, — я готов обнять весь мир. Я люблю всех. Я не спал ночь, но все равно я всех люблю. Я не хожу, а летаю, сбив шляпу набекрень. Дитя может играть со мной.[71] Ну давайте, я почитаю вам рецензии!

Когда Басби не выказал ни малейшего интереса, Джо чуть не заплакал.

— Да это и вас касается! Самым непосредственным образом. Потому-то я и приготовил соли. Видите ли, мой несчастный друг, я решил уволиться. Крепитесь! Суньте голову между колен. Да, Басби, дорогой мой, старый Басби, мы расстаемся. Я был тут счастлив. Но разлука неизбежна. Я богат, мне не к чему больше работать!

Басби хрюкнул, что удавалось ему легко, он вообще походил на борова. Мистика, не мистика, но Табби, никогда его не видевший, портрет набросал довольно точный.

— Уйдете — лишитесь полумесячного жалованья.

— Ничего. Скормите его птичкам. Басби хрюкнул снова.

— Значит, пьеса имела успех?

— Вы что, не слушали?

— По премьере судить нельзя.

— По такой очень даже можно!

— Рецензии — чепуха.

— Может быть. Но не эти.

— Жара все прикончит, — усердствовал Басби. — Это же надо, премьера в августе!

— Ну, что вы! Как раз удобно. И жара не помеха. Спектакль закупили вперед на десять недель.

Басби сдался — любой оптимизм в таких условиях гаснет, — только выдал последний аргумент:

— А следующая пьеса провалится. Через год прибежите обратно, поджав хвост. Но место будет занято!

— Место такого человека? Нет, меня не заменишь. Я бы на это не ставил. Да, вы же не слыхали рецензий! Давайте сделаю кратенький обзор. Так, так… «Искрометная сатира!» — «Дэйли Мэйл». «Остро и смешно» — «Дэйли Телеграф», «Едкая сатира» — «Морнинг Пост». «Нечто…» ах нет! это — «Тайме», это не стоит. Теперь вам понятно, почему я увольняюсь? Разве человек, которому поют такие панегирики, останется у предателя?

— Что? — вскричал Басби.

— То есть, у издателя. Есть в конце концов долг перед публикой! Н-да, что-то я разболтался. Пора идти к вашей таинственной даме. Последняя маленькая услуга. Лебединая песня. А потом — надо купить вечерние газеты. Видимо, они удержатся на высокой ноте. Ах, как приедаются бесконечные похвалы! Чувствуешь себя как султан какой-нибудь, у которого распелся придворный поэт…

— А что все-таки в «Тайме»? — перебил Басби.

— Детали неважны, — сурово осадил его Джо. — Ничтожный репортер взял фальшивый тон. Лучше я расскажу вам о той буре, которая разразилась после второго акта.

Басби ответил, что не желает слушать о бурях.

— Предпочитаете фурор в финале?

— Нет, не предпочитаю.

— Странный у вас склад ума! — вздохнул Джо. — Лично я сидел бы и слушал снова и снова! В такое прекрасное солнечное утро… Что ж, как вам угодно. Если уловили суть про увольнение, я пошел. Прощайте, Басби! Благослови и сохрани вас Бог. Когда писатели на вас набросятся, держите

пальцы крестом.

Мило улыбаясь, Джо покинул кабинет. Он бы предпочел сразу выйти на улицу, где звонкие голоса призывали купить вечерние газеты, но слово Ванрингэма — это слово Ванрингэма.

Памятуя об обещании, Джо направился в приемную, а дойдя до стеклянной двери, мгновенно замер. Потом, поправив галстук, смахнув с рукава пылинку, распахнул дверь и вошел.

4

Во всем Лондоне трудно отыскать приемную красивее, чем та, что предназначена для клиентов Мортимера Басби. Издательство его зависит от богатых и праздных клиенток, и он расстарался воссоздать в приемной атмосферу светского салона, не пожалев расходов на ситец и гравюры, на столики и пуфы, на яшму и цветы. Писатели часто бранили его, но все как один признавали: в приемной у него — хорошо.

Джин Эббот, сидевшая на пуфе, никоим образом не наносила урона красоте приемной, мало того — она ее возносила на небывалую высоту. Готовясь к предстоящей встрече, Джин колебалась, надеть ли самое лучшее, что у нее только есть, чтобы, воздействуя на вампира портняжным искусством, очаровать и обворожить его, или же накинуть платьишко поплоше и бить на жалость. Она выбрала первое и поняла, что поступила мудро, ибо ощущала сейчас то спокойствие, какое ощущают девушки, когда знают, что платье у них красивое, шляпка — тоже, а туфельки и чулки — вообще неотразимы.

Не пожалел о выборе и Джо, глядевший на нее, как медведь на плюшку. Воспитание не позволяло ему восхищенно крякнуть, но что-то такое в его голосе было, когда он сказал:

— Доброе утро. Чем могу служить?

Говорил он мягко, почти нежно, и Джин совсем ободрилась. Табби описывал ей что-то вроде ростовщика из мелодрамы, и только теперь она поняла, что, несмотря на шляпку, чулки и туфельки, жутко волновалась. Но какие волнения, когда собеседник так добр, учтив, почти нежен? Красивым она бы его не назвала, приятным — назвала бы, особенно ей понравились глаза. А так — приятный, подтянутый, худощавый.

— Прежде всего, мистер Басби, — улыбнулась она, когда Джо уселся напротив нее и подался вперед с почтительной сердечностью, обратив к ней не то чтобы красивое, но очень приятное лицо, — прежде всего,

простите, что я к вам врываюсь.

— Вернее, — поправил он, — вплываете как дух летнего дня.

— Ворвалась я или вплыла, но надеюсь, не оторвала вас от важных дел.

— Что вы, что вы!

— Конечно, надо было договориться заранее…

— Нет, нет! В любой момент, когда проходите мимо…

— Спасибо вам большое. Так вот, объясню, зачем пришла. Я только что рассталась с отцом…

— Будем надеяться, временно.

— …который просто рвет и мечет из-за вашего счета.

Джин перестала улыбаться. Наступил момент стать серьезной и даже, если надо, суровой. Она видела, что и собеседник ее посерьезнел, и понадеялась, что это — не предвестье черствости.

— Ах да, счет! Позвольте узнать, какой именно?

— Тот, который вы ему послали. «Дополнительные расходы». Ну, вы знаете, его книга…

— Какая, собственно?

— «Воспоминания охотника».

— Так, так, так… Окраины империи, так сказать, аванпосты. «Как я спас носильщика Мбонго от раненой пумы». «Туземцы были радушны, и мы заночевали в селенье».

— Да, примерно.

— Какая шляпка! — восхитился Джо. — Как это умно, носить черные шляпки при белокурых волосах!

Джин показалось, что он уходит от темы.

— Дело не в этом, мистер Басби, — сказала она. — Дело в том, что мой отец…

— Простите, кто он?

— Сэр Бакстон Эббот.

— Просто «сэр» или баронет?

— Баронет. Но дело и не в этом.

— Да, верно, — согласился Джо, сраженный ее логикой.

— Тогда не будем отклоняться от темы. Дело в том. что мой отец…

— Теряется в догадках?

— Вот именно. Его недвусмысленно заверили, что деньги, которые он дал в начале, — вся сумма целиком, а теперь вдруг какие-то новые счета!

— Разрешите взглянуть?

— Да, пожалуйста.

— Так, так, так…
— Вам тоже кажется, что счет завышен?
— Не то слово! Раздут до небес.
— Значит?
— Досадная нелепость. Сейчас же урегулируем.
— Спасибо.
— Не за что.
— А как вы урегулируете?
— Я хотел сказать — аннулируем. Ликвидируем. Вычеркнем напрочь из гроссбуха. Вырубим под корешок и присыплем солью.
Хотя лицо его сразу показалось Джин приятным, равно как и манеры, она и надеяться не смела на такой благополучный исход.
— О-о, мистер Басби! — пискнула она. Собеседник ее слегка смутился.
— Простите, — сказал он. — Вы, вероятно, заметили, что все время называете меня «мистер Басби». А почему, собственно?
Джин удивилась.
— Потому что вы мистер Басби.
— Улыбнитесь еще, вам очень идет. Нет, я не мистер Басби.
— А кто же? Его партнер?
— Даже не друг. Так, прохожий. Щепка, дрейфующая по реке жизни.
Он изучал счет, ласково улыбаясь.
— Ну, класс, — приговаривал он. — Истинный шедевр. Хотите знать, как Басби рассчитывает эти расходы? В широком смысле — это сумма, которую он надеется содрать с незадачливого автора, не опасаясь полиции. Происходит это так: он идет обедать. Официант протягивает меню. «Икра», — читает Басби, и сердце у него приятно ёкает. Но тут взгляд падает на правую колонку, и его пронзает страшная мысль: может ли он позволить себе икру? Он готов обронить скорбное «нет» и заказать котлетку с картошкой, когда вспоминает…
Джин уже давно что-то бормотала, словно ее машина на крутом въезде.
— Вы… то есть вы… — наконец проговорила она, — не имеете никакого отношения к издательству? Вы просто валяли дурака? А я надеялась…
— Нет, нет!
— А как же! Сами сказали, счет аннулируем.
— Я и хочу его аннулировать.
Спокойная уверенность его тона произвела на Джин впечатление.

— Вы меня не разыгрываете? — умоляюще спросила она.

— Ну что вы! Когда я сказал, что я — не друг Басби, я не имел в виду, что мы не знакомы. Я его прекрасно знаю, сумею согнуть, как тростинку.

— Как?

— Воззову к его лучшим чувствам.

— Думаете, получится?

— Кто его знает! Вдруг у него золотое сердце, хотя я что-то не замечал.

— А если не золотое?

— Значит, по-другому попробуем. Ничего, все образуется. Джин засмеялась.

— Мама всегда так говорит. Что бы ни случилось, она свое: «Ничего, все образуется!»

— Очень разумная женщина, — одобрил Джо. — Надеюсь с ней познакомиться. Так вот, я уверен, мы сумеем привести все к счастливой развязке. Не волнуйтесь больше.

— Это трудно.

— Оттого, что вы не знаете, с кем имеете дело.

— Вы про Басби?

— Нет, про себя. Когда мы познакомимся ближе, вы поразитесь моим талантам. А теперь остается самая мелочь — вы подождете тут или пойдете сразу?

— Пойду? Куда?

— В ресторан, заказать столик. Давайте отправимся в «Савой». Не возражаете? Очень удобно, совсем рядом.

— Меня уже пригласили!

— Тогда, конечно, лучше идти сейчас. Успеете позвонить и отменить свидание.

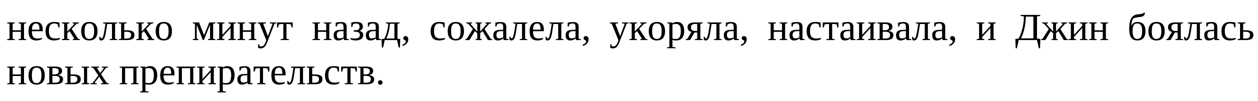
Джин призадумалась. Если этот оригинальный человек и вправду может уговорить Басби, то в ответ, из любезности, надо принять его приглашение.

— Мне очень полезно, — прибавил он, — показаться на публике с девушкой в такой шляпке. Мой социальный престиж мгновенно подскочит.

— Я с приятельницами договорилась… — дрогнула Джин.

— Ну вот и бегите, позвоните им. Через несколько минут я — с вами. В малом зале, хорошо? Там спокойнее, а мне многое надо вам сказать.

Через четверть часа Джин, сидевшую в вестибюле «Савоя», позвали к телефону. Она нехотя пошла к кабинке. Мейбл Первис, организовавшая встречу старых школьных подружек, прийти на которую Джин отказалась



несколько минут назад, сожалела, укоряла, настаивала, и Джин боялась новых препирательств.

— Алло! — проговорила она. — Я слушаю. Да, да — я, Имоджин!

Ей ответил мужской голос:

— Прекрасно. Ну что ж, все улажено.

— Как?

— Басби поставил на счете роспись: «получено»!

— Неужели вся сумма?

— До последнего пенса.

— Ой!

— Я знал, что вы обрадуетесь.

— Вы просто волшебник! Как вам это удалось?

— Подробности при встрече.

— А когда?

— Через минутку.

— Хорошо. Я жду.

— Непременно. А, да, еще одно!

— Да?

— Вы выйдете за меня замуж?

— Что?!

— Замуж.

— Замуж?

— Именно. За-муж. Зельц, артишок, майонез… Джин беспомощно хихикнула.

— Вы рыдаете? — спросила трубка.

— Нет, я смеюсь.

— Н-да, худо дело. А каким смехом, глумливым? Нет, скорее зловещим… Вы что, не хотите за меня замуж?

— Нет.

— Тогда, пожалуйста, закажите для меня полусухого мартини. Я сейчас приду.

5

— А почему? — допытывался Джо.

Джин рассматривала закуску, сообразив, как всегда, слишком поздно, что сделала неправильный выбор.

— Вам не кажется, — осведомилась она, — что мне надо было

заказать сардинки?

— Мне кажется, — ответил он, — что вам надо выйти за меня замуж.

— Вместо картофельного салата и пикулей…

— Не будем отвлекаться, — мягко напомнил Джо. — Видимо, вы не заметили, что я оказал вам самую большую честь, какую мужчина может оказать женщине. Так, во всяком случае, я где-то читал.

— Заметила.

— Тогда не увиливайте! При чем тут какие-то пикули? Я предложил вам выйти за меня замуж. Вы ответили — нет. Теперь я спрашиваю, почему?

— Я обещала маме, что не выйду замуж за человека, с которым знакома пять минут.

— Вот тут вы ошибаетесь! Около двадцати.

— Все равно. Мы же совсем незнакомы!

— Девушки часто пускают в ход этот довод. А позже обнаруживается, что еще в Палеозойскую эру он был головастиком, она — рыбкой. Глупейшее положение!

— Вы думаете, и мы с вами так?

— Конечно. Помню как сейчас. Какое было время! Рай, да и только.

— Я не люблю головастиков.

— Ничего. Я с тех пор продвинулся. Во-первых, я написал пьесу.

— Да их все пишут!

— Это верно, но мою-то поставили! Успех — оглушительный. Хотите расскажу? Рецензии почитаю? Они тут.

— Попозже, ладно?

— В любой момент, как только вам захочется.

— Я очень рада за вас, и с удовольствием послушаю, но вы ведь еще не рассказали про Басби.

— Ах, про Басби…

— Ну да!

— Пустяки какие! Вам что, правда интересно?

— Начинайте с начала и ничего не пропускайте. Это чудо какое-то!

Джо отхлебнул рейнвейна.

— Тут и говорить не о чем. Для меня это мелочь. Ну, если желаете, извольте. Сценарий развивался так… Расставшись с вами, я направился к нему. «Эй, Басби!» — воскликнул я. Он ответил: «А, это вы!» — «Вот, — говорю, — заглянул по поводу счета».

— А он…

— А он… Нет, все еще я. Признаюсь, начал я не с той реплики.

— Воззвали к лучшим чувствам?

— Вот именно. Сказал, что одна прелестная девушка, самая красивая на свете, с изумительнейшими глазами, точно оживший персонаж картины «Vie Parisenne»,[72] просит у него одолжения. Неужели он ей откажет? Неужели допустит, чтоб изумительнейшие глаза утонули в слезах? Неужели осмелится сразить ее седовласого папу…

— У него только виски поседели.

— … папу с седыми висками, сообщив, что вымогательство не отменяется и папе придется выворачивать карманы, наскребая 96 фунтов 3 шиллинга 11 пенсов? Неужели из-за грязной, мелкой жадности он ввергнет счастливое семейство в пучину бедствий и побудит славного охотника пожалеть о том, что он вообще видел яростного носорога? Однако намерения его именно такими и были. Я умолял его подумать. Я убеждал, что это говорит не он, не Мортимер Басби. Я упрашивал сделать великодушный жест. Да, кстати, про глаза, — перебил себя Джо. — Пожалуй, многие скажут, что они — синие, как летние сумерки в Калифорнии, и, в общем, будут правы. Глаза — синие, но иногда отсвечивают зеленоватым, словно море на…

— Да оставьте вы их! Глаза как глаза.

— Нет. Единственные на свете.

— Что ж, их уже не исправишь. Итак, вы попросили его сделать великодушный жест, а он…

— Грубо отказался. Тогда жест сделал я. Поднял руку, занес над его спиной — ладонь моя парила как бабочка, готовая опуститься на прелестный цветочек…

— Что же тут страшного?

— А вот что! Еще утром он обмолвился, что спалил на солнце плечи. Ну, все покатилось, как по маслу, которым он забыл натереться. Я пригрозил, что, если он не последует велениям совести, я буду хлопать еще и еще. Конечно, он позовет на помощь, но пока она не прибудет, я успею надавать ему шлепков пятьдесят, не меньше. Не слишком ли высокая плата, спросил я, за удовольствие содрать с отставного охотника 96 фунтов 3 шиллинга 11 пенсов? Басби проникся моими доводами, довольно резво потянулся за ручкой и подписал. Аннулированный счет — перед вами. Вернее, — поправился Джо, выуживая листок и промакивая салфеткой — он в масленке. Вот, пожалуйста!

Джин благоговейно приняла подарок.

— Вы самый поразительный человек на свете!

— Ничего, неплохой. Но согласитесь, если вы так считаете…

— Нет, нет, восхищение не простирается дальше.
— Ах, бросьте! Еще одно усилие, и…
— Простите, не могу.
— Как же вы пожалеете! Когда будет поздно, вы поймете, что потеряли. Будете страдать и… как это?., да, терзаться. Давайте все-таки обсудим. Что вам мешает?
— Начать с того, что я уже обручена. Обещала выйти замуж за другого.
— Вы и на ленч обещали с другими пойти.
— Да, правда.
— Обручены, значит? — задумался Джо.
— Да.
— Обручены?
— Сколько можно спрашивать? Да.
— Кто ж этот гад?
— Вы с ним незнакомы.
— Ладно, расскажите мне все. Он вас достоин?
— Вполне.
— Вам это просто кажется. Богат?
— Беден.
— Так я и думал. Охотится за вашими деньгами.
— Какими деньгами?!
— Разве ваш папа в них не купается?
— Да у него нет ни гроша. Мы горсткой риса обедаем, как кули. Поэтому я и ем сейчас так много. Когда еще мясо перепадет!
— Мне всегда казалось, у баронетов — куча денег.
— У моего — нет.
— Странно. А в рукописях, которые шлют моему бывшему издателю, у баронетов всегда мешки. Кстати, в этих романах баронеты на дух не переносят нищих поклонников. Тут же хватаются за хлыст. А ваш папа — как? Проявляет активность?
— Ну что вы!
— Тогда я вообще не верю, что он баронет. Так, дворянин без титула.
— Понимаете, ему еще неизвестно, что у меня бедный поклонник.
— Вы не сообщили о чудовищных тенетах?
— Не сообщила.
— Какое малодушие!
— Да нет, я просто хочу, чтоб они сначала познакомились, понравились друг другу. А уж потом все скажу. «И никогда еще так

радостно и весело не звонили колокола в деревенской церквушке…»

— Остановитесь! Мне дурно!

— Прошу прошения. А вы пришлете нам свадебный подарок.

— Еще чего! Я вообще не одобряю вашей затеи. Нет, что за чушь! Вы немедля должны все расторгнуть! Напишите ему, сообщите, что все отменяется, и бегите со мной в ближайшую регистратуру.

— Вы думаете, это забавно?

— Мне лично доставит огромнейшее удовольствие.

— А мне — нет.

— Так не станете ему писать?

— И не подумаю.

— Воля ваша. Подгонять вас, разумеется, не буду…

— Это видно.

— Стану ухаживать, чинно, плавно, заведенным порядком. Ни одного поступка, которого не одобрила бы самая почтенная тетушка. Прежде всего расскажем друг другу о себе.

— К чему это?

— Чтобы выявить общих друзей, общие вкусы и так далее. На этом фундаменте уже можно строить. Того, что мы вместе резвились в Палеозойской эре, — недостаточно. Придется начинать с нуля, словно ничего и не было. Более того, от фактов не уйдешь — вы даже не знаете, как меня зовут. Да, кстати! По телефону вы обронили весьма странное слово. Если не ошибаюсь, вы назвались «Имоджин».

— Так меня зовут.

— Какое мерзкое имя! Как оно вам досталось?

— Мама, наверное, дала.

— Не хочу говорить о ней дурно…

— Вот и не говорите.

— Но я просто не могу называть вас таким именем.

— А вам не приходило в голову называть меня «мисс Эббот»?

— Такая официальность для старого друга? Помилуйте!

— Вообще-то меня зовут Джин.

— Вот это дело. Джин, джинн, «Джинджер»… Вот, буду называть вас — Джинджер! У вас волосы, как этот напиток.

— Ничего подобного!

— Не спорьте. Золотисто-рыжие. А вообще-то сойдет и Джин, тоже напиток. Джин… Джи-и-ин… Да, неплохо. Ну, переходим к общим друзьям. Как это связывает! Итак, вы знаете Фарадея?

— Нет. А вы знаете Мейбл Первис?

— Нет. А Томсона, Баттервота, Аленби, Джукса и Десборо-Смита?

— Нет, нет, нет, нет, нет. Теперь девицы. Мэрридью, Клергхорн, Фостер, Уэнтворт, Бейтс?

— Ни одну. Видимо, мы вращаемся в разных кругах. Где вы живете?

— Уолсингфорд Холл, в Беркшире.

— Ясно! Деревенская глушь. Где там возьмешь Фарадея или Томсона! А домик хоть симпатичный?

— Нет.

— Странно. Название красивое. В чем дело?

— В том, что мой двоюродный прапрадед отстроил его в викторианском стиле. Уродство — жуткое! Сейчас пытаемся продать.

— Правильно. Тогда вы переедете в Лондон. Познакомитесь с Фарадеем, Томсоном и тэ пэ.

— Дом такой страшный, что одна надежда на какого-нибудь астигматика.

— Есть кто-нибудь на примете?

— Да. Постучите по дереву! Одна американка, княгиня Дворничек. Ой, что с вами?

— Вот! — невнятно вскричал Джо, ибо в кулак, которым он долбанул по столу, вонзились зубцы вилки, и он его посасывал. — Я знал, стоит поболтать подольше, и непременно вынырнет… скажем так, общий знакомый.

— Вы знаете княгиню?

— Еще бы! Она моя мачеха.

— Не может быть!

— Очень даже может. У меня и справка имеется. Джин смотрела на него, раскрыв рот.

— Значит, вы — брат Табби? Тот самый Джо?

— Разумеется, я брат Табби. Конечно, я — Джо. Хотя, принимая во внимание мою славу, вернее бы сказать, он — мой брат. Подумать только, вы с ним знакомы! Ну, ну! Говорите!

— Что?

— Ах, как тесен мир!

— Да нет, просто совпадение. Как раз сегодня Табби мне о вас рассказывал.

. — Но брат я ему — далеко не только сегодня. Нет уж, увольте! Много дней, дождливых и солнечных, ясных и слякотных… — Джо резко прервал себя. — Вы не с ним случайно помолвлены?

— Нет, — суховато ответила Джин, вспомнив, что еще не простила

Табби.

— Это хорошо! Не хотелось бы ломать счастье1 брата. Значит, рассказывал про меня… Достойнее темы ему не выбрать! А что он говорил?

— Что вы служите у Басби.

— Басби тоже так думал. Пришлось его просветить. Обидно, досадно, но — пришлось. А что еще?

— Что вы не очень ладили с мачехой.

— Мягко сказано. Подробности были?

— Сказал что… а, да!.. она вас выгнала.

— Значит, вот какая версия гуляет по клубам? Позвольте же сообщить, что из дома я ушел по собственной воле, своим ходом. Лучше я расскажу сначала, вы еще больше меня оцените. Как-то утром, ни с того ни с сего, она требует, чтоб я женился на денежной кубышке, которую я терпеть не мог. Я ответил — нет. Мы заспорили. Не буду передавать этот спор дословно, передам самую суть. Теперь запомните: пронзительный и злобный голос — это мачеха. Глубокий, мужественный, твердый — это я. «Ты на ней женишься, женишься, жени…»

— Она в самом деле так верещит?

— Так, и не иначе. Мерзейшая манера. Собрав волю в кулак, я ответил твердо и мужественно: «Есть вещи, не подвластные чужой воле. Вдобавок, я дожидаюсь юную Джинджер!»

— Джин!

— Хорошо. «Я жду юную Джин. Нечего сказать, коллизия! Она вот-вот появится, а я — женат». Мачеха сверлит меня взглядом через лорнет. «Это твое последнее слово?» Я закурил: «Да!» Веско так, со значением. «Ты осознаешь все последствия?» — «Да», — снова ответил я и покинул дом, презрев ее золото. Здорово, правда?

— Ничего особенного. Всякий бы так.

— Табби — ни за что! И Фарадей, и Томсон. А уж тем более Десборо Смит! Способен на это лишь человек высшей пробы. Неужели вы за него не выйдете?

— Нет, спасибо. К тому же, я вам не верю.

— Вообще-то вы правы, я все выдумал. А почему вы догадались?

— Табби рассказывал, что вы ушли, когда вам был двадцать один год. Даже она не станет женить такого младенца.

— Какой прозорливый ум! — восхитился Джо. — Глаза, волосы, зубы, а тут еще ум! Как говорится, все при ней. Что ж вы удивляетесь, что я выбрал именно вас на роль миссис Ванрингэм?

— А почему, по правде, вы ушли из дома? Джо стал серьезным и ответил не сразу: — Были причины.

— Какие?

— Поговорим о чем-нибудь другом. Джин поперхнулась и покраснела. Обычно мужчины из кожи вон лезли, выказывая ей всяческую почтительность. К унижениям она не привыкла.

— Что ж, — сказала она, — предложите две-три темы, которые вас не оскорбят.

Даже ей самой показалось, что это глуповато. Видимо, казалось так и Джо — строгость сбежала с его лица, рот опять растянулся в знакомую усмешку.

— Простите, — сказал он.

— Ничего, — отчужденно отозвалась Джин.

Сильнее всего ее уколола несправедливость. Нет, что ж это — сначала завлекли, а потом выставили дурой! Если мужчина, в сущности, заявляет: «Я — жизнерадостный идиот, давайте болтать всякую чушь, пока не надоест», — так его и воспринимаешь. Как не обидеться, если он, нарушая правила игры, чопорно изречет: «Мадам, вы забылись!»

— Кажется, я был резковат.

— Вы были грубы. Это хамство какое-то!

— Хорошо сказано. У вас — истинный дар слова.

— Я задала естественный…

— Знаю, знаю! И каюсь. Простите, вырвалось. Ваш вопрос оживил картины, которыми мне не хотелось бы любоваться, вот я и огрызнулся, как пес, которому отдавили больную лапу. Разумеется, я скажу, почему ушел из дома.

— Спасибо, незачем. Мне неинтересно.

— Еще как интересно! Не вставайте в позу.

— Простите.

— Ладно, оба виноваты. Джин поднялась.

— Мне пора!

— Ерунда. Вы еще не съели сладкое.

— Мне не хочется.

— Тогда зачем заказывали? — сурово укорил ее Джо. — Три шиллинга! Я — не миллионер. Видит Бог, я вас не попрекаю, мне для вас фруктовых салатов не жалко, сколько бы они…

— До свидания.

— Вы что, правда уходите?

— Правда.

— Так… Тогда я сейчас завою.

Джин направилась к выходу, и вслед ей раздался низкий, зловещий вой. Она вернулась.

— Присядете? Или продолжать?

Джин села, чувствуя то, что, по расследовании, признала беспокойством. Впервые разглядела она, что угрожало безмятежности ее души. Конечно, она не стала пылью под колесами его колесницы,[73] но все-таки он принудил ее сесть, и она села, с тревогой ощущая, что под маской клоуна скрывается характер посильнее, чем у нее. Видимо, этот человек добивается того, чего хочет.

— Если вы любите выставлять себя на…

— Обожаю! Вот — фруктовый салат. Ешьте его с должным почтением. Так, а теперь перейдем к причинам моей разлуки с княгиней Дворничек. Я ушел, потому что не могу видеть убийства.

— О чем вы?

— Об отце. Тогда он был еще жив. Убить его ей удалось только через год.

— Убить? — удивилась Джин.

— О, я не имею в виду малоизвестных азиатских ядов! Изобретательной жене тонкого, ранимого человека они не требуются. Ее метод — отравить ему жизнь.

Джин промолчала, Джо продолжал. Глаза у него стали задумчивыми, а голос — едким.

— Вы хорошо ее знаете?

— Не очень.

— Если хотите узнать получше, посмотрите мою пьесу. Я ее там описал со всеми потрохами, все ее любимые присказки, все привычки. Всех ее альфонсов. Хлесткая получилась штучка. Слава Богу, мачеха — заядлая театралка. Была, во всяком случае. Когда вернется, наверняка посмотрит. Продерет ее до нутра!

Джин стало холодно.

— Вы очень злой, — сказала она.

— Злой. Но не очень. Я любил отца. Да, когда княгиня увидит пьесу, ее проберет. Тот же эффект, что в «Гамлете». Тоже, кстати, драматург неплохой. Но боюсь, тем и кончится. Мачеху не перевоспитаешь. Она неизлечима. События, о которых я писал, случились давно, но она и сейчас такая же.

— Какая?

— Позорится с мальчишками вдвое моложе ее. Так было при отце, так

и сейчас. Наверное, князь фон цу Дворничек — юнец лет двадцати с хвостиком, надушенный, завитой… Годы ее не сломают. Она и в восемьдесят такой останется. А может, опять выйдет замуж. В один прекрасный день у меня появится отчим, похожий на мальчишку из шубертовского хора. Когда я встретил Табби с год назад, он уверял, что указывают на некоего Пика. Вроде бы торчит около нее, как приклеенный. Надеюсь, все-таки нет. Видел я этого Пика на вечеринках, полное ничтожество. А вообще-то ее излюбленный тип. Ладно, хватит с вас семейных сплетен. Закурить хотите?

Протянув портсигар, Джо с изумлением увидел, что гостья его уже стоит и явно намерена уйти.

— Эй, куда вы? — воскликнул он. — Мы еще пируем.

Джин искрила от ярости, ей хотелось визжать, царапаться, кусаться, но девушек ее класса хорошо дрессируют, и она выдавила ледяную улыбку.

— Мне пора.

— Пожалуйста, не уходите!

— Я и не заметила, что так поздно.

— Какое там поздно! Всего три часа. Разгар дня.

— Я обещала вернуться пораньше.

— А кофе? Как же кофе?

— Нет, благодарю.

— Всего один шиллинг 6 пенсов!

— Я не хочу кофе.

— Как грустно! А я-то собирался провести с вами еще часик-другой…

— Простите.

— Ну, раз пора, значит — пора. Тогда договоримся.

— О чем?

— Как, о чем? О новой встрече, разумеется. Где, когда?

— Не знаю. Я редко бываю в Лондоне. До свидания.

— Минуточку…

— Простите, — оборвала Джин. — Я совсем опаздываю. Спасибо большое. Прощайте.

И выскочила из зала, не успел он и стул отодвинуть. Когда через минуту он вылетел на улицу, ее уже и след простыл. Он постоял, удивленно озираясь. Возможно, ему почудилось. Но как-то она внезапно ушла…

Вспомнив, что еще надо уплатить по счету и бегство его может посеять смятение в рядах прислуги, он вернулся к столику, заказал кофе и

попросил железнодорожное расписание.

Задумчиво глотая кофе, Джо принялся листать страницы, пока не добрался до буквы «У».

6

По пути домой Джин Эббот гнала малолитражку на всей скорости. Пожалуй, самая хладнокровная девушка, и та вспылит, если ей сразу после завтрака скажут, что ее возлюбленный — прихлебатель, а через несколько часов, тоже поселе еды, прибавят, что он — ничтожество. А когда хладнокровная девушка выбита из колеи, она выпускает пары и, пренебрегая дорожными правилами, разгоняет стрелку спидометра до отметки «55». Стиснув зубы, меча из глаз искры, Джин пролетала через сонные английские деревушки, словно язычок пламени.

Выигрыш получился двойной — езда, несомненно, облегчила ее чувства, а заодно и доставила ее в деревушку, раскинувшуюся на берегу реки в полумиле от ворот Уолсингфорд Холла, да так стремительно, что, взглянув на часы, она обнаружила, что, прежде чем улещивать Чиннери и играть с ним в гольф, еще можно нанести коротенький визит на «Миньонетту».

Притормозив у ворот на заливной луг, Джин заспешила по тропинке вдоль реки и вскоре увидела плавучий домик.

Там, где речка переходила в миниатюрную заводь, «Миньонетта», связанная с материком хлипкими мосточками, стояла на приколе у плакучих ив, окаймлявших луг, усеянный лютиками и ромашками. Судно было небольшое, приземистое, на заре юности — снежно-белое, а сейчас, так и не дождавшись ни мазка краски, — отвратно-серое. Такая неказистость в сочетании с поломанными поручнями придавали ей самый забубённый вид, точно накануне она как следует гульнула.

Когда Джин поднялась на борт, Адриан Пик обследовал маленький салон, которому предстояло полтора месяца служить ему и спальней, и гостиной. Нерешительным пальцем он потыкал диванчик, и на смазливом лице проступило то выражение, которое бывает у мужчины, если его втравили в неприятности, и он только теперь понял их масштабы. Изнеженный Адриан открывал, что плавучий дом «Миньонетта» далеко не отель-«люкс».

Был Адриан красив, эффектен, строен, изящен, правда — несколько хрупок, что подчеркивали выразительные томные глаза. Дамы считали его

слабеньким и частенько просили посидеть спокойно, пока вытрут ему лоб одеколоном. Княгиня Дворничек полагала, что его надо подкормить, и долгие месяцы пичкала икрой, трюфелями, цыплятами, персиками «Мельба»,[74] мороженым и ликером в ресторанах высшего класса. Но хотя деликатесов он проглотил в количестве, равном его собственному весу, выглядел он по-прежнему томным и хрупким.

Табби Ванрингэм, как мы уже знаем, считал его прихлебателем. Джин жарко отвергла это обвинение, но, пожалуй, стоит к нему приглядеться.

Конечно, смотря как толковать понятие «прихлебатель». Такими молодыми людьми Лондон просто кишит. Подобно саранче, они живут тем, что сумеют урвать, — перепродают машины, пописывают светскую хронику, набрасывают интерьеры, участвуют в кинопробах (обычно ничем не кончающихся), а если удается найти крупного финансиста, организуют ночные клубы. Но все-таки всему другому предпочитают жить на дармовых завтраках, обедах, ужинах да пить в гостях коктейль, заедая сосиской на палочке.

Если «прихлебатель» подходящее к ним слово, тогда Адриан Пик, несомненно, прихлебатель самый доподлинный. Припомним также, что брат Табби, Джо, обозвал его «ничтожеством», а всем филологам известно, что «прихлебатель» и «ничтожество» практически однозначны.

Адриан перестал тыкать диван, принялся обозревать прочую мебель, и его передернуло. Но тут голос невесты призвал его на плоскую крышу.

Вид неотразимого красавца в белых фланелевых брюках и блейзере с гербом одного из лучших оксфордских клубов полностью восстановил ее душевное равновесие. Джо был забыт; отравленная стрела, которую всадил ей в грудь Табби, перестала саднить. Пусть Адриану и присущи мелкие недостатки, но до чего же он живописен! Любуясь им, Джин окончательно опомнилась. Ее поражало, как хоть кто-то, пусть даже Теодор или Джозеф Ванрингэмы, могли усомниться в его совершенстве. Видимо, свихнулись. Такое помрачение ума она замечала и у других гостей мужского пола, там, на вечеринке, когда Адриан вошел в ее жизнь. Мужчины недолюбливали Адриана, что свидетельствовало о том, насколько они слепы и тупоголовы.

— Ми-и-лый!

— А, привет, — откликнулся Адриан.

Восторг ее угас на мгновение, она удивилась, что там — немного обиделась, рассчитывая на более теплый прием. А может, это он обижен, что она запоздала. Обижался Адриан легко, особенно, если ему хоть капельку перечили.

— Ой, прости! Никак не могла прийти раньше! — оправдывалась

она. — Пришлось съездить в Лондон. Только что вернулась.

— Вот как?

— Условилась встретиться с подругами, а Бак захотел, чтобы я повидала в Лондоне одного человека. Тот прислал ему счет на сто фунтов. Бак считает, зря.

Такая странность кольнула Адриана. С «Миньонетты» открывался превосходный вид на Уолсингфорд Холл, и он надолго задерживался на нем взглядом, размышляя о том, как богат его владелец. Махина цвета сомон оскорбляла его вкус, смотреть на нее было все равно, что слушать фальшивое пианино, но означала она огромные деньги в банке. Богачу вроде сэра Бакстона Эббота полагалось бы перебросить столь пустячный счет секретарше, пускай выпишет чек.

Но тут Адриана осенило: эти богачи вечно поднимают шум из-за мелких расходов. Ему припомнилось, как княгиня устроила дотошный допрос, почему берут лишних два шиллинга, да так разошлась, что чуть не разнесла вдребезги модный ночной клуб.

— В Лондоне, наверное, жарко, — заметил он. — А где ты поела?

— В «Савое».

— А я, — скривился Адриан, — в «Гусаке и Гусыне». Бр-р!

— Что, не очень вкусно?

— Просто пакость. Ты там бывала?

— Нет.

— Яичница с ветчиной. Интересно, как это они добиваются, чтобы ветчина стала черно-багровой? — Адриан мрачно окунулся в воспоминания. — Понять не могу!

В душе Джин ворохнулось слабое разочарование. Не такой встречи ждала она долгие дни, считая минуты. Теперь, когда свидание состоялось, все шло как-то не так. Беседа после долгой разлуки представлялась ей сплошной лирикой, но пока она не заметила ни одной лирической нотки. Словом, она храбро боролась с предательским чувством, которое именуется разочарованием.

— Ах, важно ли это! Ты здесь, и слава Богу. Прыгай ко мне!

— Ладно. Отодвинься.

Адриан прыгнул легко и грациозно, как танцор русского балета, и они пошли по лютикам и ромашкам, усеивавшим тропинку к маленькой рощице, благоухающей папоротником и ежевикой.

— Послушай, — очнулся Адриан, — а мыши там водятся? Ну, на этой посудине.

При всей своей храбрости, с этим сладить Джин не сумела; победило

разочарование.

— Не знаю. А что? Ты их любишь?

— Мне послышалось, под полом кто-то скребется.

— А-а. Да это крысы.

— Крысы?!

— Водяные. Понимаешь, у них на «Миньонетте» свой клуб.

Обернувшись, Адриан бросил тревожный взгляд на «Миньонетту». Тонкие черты исказились, томные глаза стали еще печальнее. Что ж, от такого вульгарного, потрепанного суденышка только этого и жди…

— Крысы? — задумчиво повторил он. — Некоторые, мне кажется, сдохли прямо в каюте.

— Венок хочешь послать?

— То-то я почувствовал запах…

— Какой?

— Да уж, занятный.

— Что ж, посмеешься. Смеяться полезно.

— И простыни влажноваты.

— Нет, они сухие.

— Уверяю тебя, влажноваты. А диван — жесткий. Рыжими волосы у Джин все-таки не были, но вспыхивала она, как рыжеволосые люди.

— Это тебе не яхта княгини Дворничек!

— А? — удивился Адриан.

— Говорят, твое излюбленное местечко.

— Кто?!

— Ее пасынок, Табби. Он у нас гостит.

— Что?!

— Разве княгиня тебе не сказала?

— Обронила, что он где-то в деревне, но я и внимания не обратил.

— Чудеса! А я-то думала, ты ее слушаешь, боишься словечко проронить.

И Джин тут же устыдилась. Перед глазами у нее встало лицо Джо Ванрингэма; тот смотрел, вздернув бровь, насмешливо улыбаясь. Да, такая фраза вызвала бы у него насмешку и презрение. Она вычеркнула Джо из жизни, но ей не хотелось бы, чтобы он насмехался над ней в видениях. Приятно ли, когда над тобой насмехаются еще и призраки?

Адриана «ее слова встревожили. Он опечалился вконец.

— Джин, что случилось?

— Ах, ничего!

— Нет, что-то не так. Ты сегодня какая-то занятная…

— Угу. Вроде запаха в салоне.

— Джин, дорогая, в чем дело?

День для нее померк. Она считала, что отравленная стрела давно утратила свой яд, но острие ужалило снова, точно предсмертный укус издыхающей змеи.

— Ах, ничего! Просто Табби наговорил всякой чепухи.

— А что именно?

— Да ерунда! Болтал от нечего делать. Тебе нравится княгиня?

— Не очень.

— Тогда зачем ты плаваешь на ее яхте?

— Ну… она меня пригласила…

— Не приказала?

— Что ты? Просто не сумел отвертеться. Богатые дамы так обидчивы. Приходится быть дипломатом.

— Ах, Адриан!

— Не хотелось ранить ее чувства. Она старушка безвредная.

— Не такая уж старушка. И не такая уж безвредная. А ее чувства топором не ранишь.

— Джин, да что с тобой?

Джин растаяла. Ее вспышки гнева походили на летние грозы — налетят, пронесутся, и небо вновь рассияется. Она уже жалела, что поддалась низменным чувствам.

— Прости! Вот у нас с тобой и любовная ссора. Это я виновата. Сама не пойму, что со мной. Наверное, первородный грех. Но и ты виноват. Разве так можно? Пришла поворковать, а ты все про мышей и влажные простыни. Почему ты, например, не сказал, что рад меня видеть?

— Конечно, рад.

— Ну, хорошо, на «Миньонетте» не так уж роскошно. Разве ты не можешь с этим смириться, чтобы побыть рядом со мной?

.— Какое там «рядом»! Меня засунули на эту посудину, а ты — там, в усадьбе. Уговорила бы отца пригласить меня в дом. Проще простого!

Джин, сорвав папоротник, наматывала на палец стебелек.

— Не дергай носом, я его пощекочу. Какой ты загорелый…

— Прошлым летом в Каннах, — похвастался Адриан, — я загорел дочерна!

— А ты прошлым летом ездил в Канны?

— Провел там весь июль и август.

— Вот бы поглядеть, как ты играешь в песочек! Ах да, конечно! Я вспомнила, ты же на яхте плавал…

— Э…да.

— Ох, уж эти яхты! И эти княгини! Адриан, мне бы хотелось, чтобы ты пореже с ней встречался. А то идиотам вроде Табби представляется случай проявить свой идиотизм.

Адриан подобрался.

— Что же такое он все-таки ляпнул?

— Ладно, скажу. Ему кажется, что ты с ней обручен.

— Обручен! С ней!

— Да он такт болтал.

— Боже, какая нелепость! Какая дикая ложь!

— Конечно. Ты же не собираешься стать двоеженцем! Но не очень приятно, когда такое скажут.

— Да-да! Очень глупо. Что там, мерзко! Немудрено, что ты расстроилась. Придется с ним поговорить.

— О, уже все в порядке. Я его срезала, будь здоров! Распекла, как сержант на плацу, нескоро он осколки склеит. Видишь, что болтают люди?

— Ты права! Ах, как права! А ведь и всего-то ничего. Я ее пожалел. Одинокая, старая женщина…

— Что ты твердишь, «старая»? Но на вид ей лет сорок, не больше.

— Ей легче, когда я рядом.

— Вот и объясни, пусть больше на тебя не рассчитывает.

— Она человек неплохой…

— Да я ничего против нее не имею. Конечно, она — жестокая, надменная, властная, мстительная карга… Вроде так говорят, «карга»? А теперь мне надо уходить.

— Нет, погоди!

— Надо. Обещала Баку вернуться пораньше, улестить мистера Чиннери.

— Кто это?

— Один наш постоялец.

Адриана рассмешило это странное слово.

— Мне хочется еще поговорить!

— О чем? О мышках?

— Нет, серьезно, Джин. Я встревожен.

— Могу тебе дать совет, прочитала сегодня в газете. Встаешь перед зеркалом, улыбаешься и повторяешь пятьдесят раз: «Я весел и счастлив! Я весел и…»

— Нет, серьезно. Мне не по душе все эти секреты.

— Ты подразумеваешь наше тайное обручение?

— К чему хранить его втайне? Почему я должен скрываться на этом треклятом суденышке? Я знаю, тебе это кажется романтичным…

— Нет, нет! Ты не понял.

— … но это нас недостойно. Я не люблю уверток. Почему не открыть твоему отцу, что мы обручены?

— Чтоб он явился к тебе с хлыстом?

— Что?!

— Видишь ли, у баронетов такой обычай. Бедный поклонник? Хлыстом его! Я хочу, чтоб вы познакомились поближе, а уже потом мы сообщим. Поэтому ты на «Миньонетте». Наберись терпения, дорогой. Переноси мышей, запах и дожидайся счастливого финала. Ну, а теперь мне действительно пора. Мне давно пора вернуться!

Стараясь загладить недавнюю вспыльчивость и все, что она наговорила Адриану, Джин вложила в прощальное объятие теплоту, какую выказывала нечасто, и не выказала бы сейчас, знай, что за ними наблюдают.

Мимо рощицы неспешно брел, а теперь остановился, как и подобает почтенному человеку, сидящему в первом ряду на собачьих боях, тихо остановился невысокий, кругленький, розовый субъект в мешковатом костюме и желтых тупоносых ботинках. На голове у него была шапочка, какие носят студенты американских колледжей. Лицо светилось умилением, как у старичка, которому нравится смотреть на счастливую молодежь.

Но Джин была гораздо счастливее до того, как заметила зрителя. Ойкнув, она высвободилась из объятий и помчалась через луг к машине:

А коротышка в мешковатом костюме улыбнулся простодушной улыбкой, сверкнув безупречно белыми зубами, которые не под силу создать природе, и пошел дальше.

7

Назавтра после визита в Лондон утро было ясное и солнечное. Зона высокого давления, простирающаяся над Британскими островами, все еще простиралась над ними; солнце, такое же веселое, как накануне, сверкало над деревушкой, подкрашивая крытые соломой коттеджи, живописную церковь, поилку для скота и «Гусака и Гусыню», единственный местный кабачок. Чуть дальше лучи отыскали и озарили Джо Ванрингэма, меланхолично шагающего вдоль реки.

Причиной его меланхолии был завтрак в «Гусаке и Гусыне». Теперь он с тревогой всматривался в будущее.

Когда накануне днем он сел на первый же поезд в рыночный городок Уолсингфорд и добрался на такси до деревушки Уолсингфорд Парва, действовал он, не ведая местных условий. В Уолсингфорд Парве, он полагал, несомненно найдется уютный деревенский домик, откуда он сможет с полным комфортом вести боевые действия. Но Уолсингфорд Парва могла ему предложить только «Гусака и Гусыню», скромную пивнушку, в этом качестве вполне приемлемую. Владелец ее, Дж. Б. Аттуотер, имел лицензию на продажу пива и более крепких напитков. Жаждущие дети земли заходили сюда опрокинуть пинту и посидеть до закрытия. На постояльцев она рассчитана не была. Постояльцы приводили ее в смятение, прибытие же Джо через неполный час после коротышки в мешковатом костюме погрузило в состояние, которое в старину звалось меланхолией.

Поднатужившись, гостиница выдала все, на что была способна, но результат оказался жутковатым. Джо чем дальше шагал, тем отчетливее видел, что продолжительное пребывание под крышей Дж. Б. Аттуотера будет жестоким испытанием и потребует от человека всей его стойкости и целеустремленности.

Он как раз терялся в догадках, отчего это Дж. Б. Аттуотер, покупая матрацы, отдал предпочтение тем, которые набиты шлаком, когда увидел заросли плакучей ивы, загораживающие реку, а подойдя, разглядел смутные очертания «Миньонетты».

Плавучие домики всегда привлекают. Этот казался совсем заброшенным, и даже менее пытливая натура сочла бы прямым своим долгом наведаться туда. Джо взобрался по узким мосткам и встал на палубе — превосходнейшая позиция для обзора Уолсингфорд Холла. Правда, он уже видел его со двора «Гусака и Гусыни», но оттуда дом просматривался не так подробно. Теперь Джо разглядывал его не спеша, он морщился и терзался, усадьба напоминала ему консервный завод, но испытывал и благоговение — да, домик жуткий, и все же в нем живет прекрасная дама. Так истовый паломник вглядывается в уродливый храм.

Созерцание прервал глухой стук — потирая макушку, появился Адриан Пик, который разыскивал в салоне свой портсигар. Низкие двери пароходных салонов весьма коварны. К ним приспосабливаешься постепенно.

Беседа началась не сразу, оба неприятно удивились. Как Джо уже отметил в разговоре с Джин, Адриан не числился среди его любимцев, а

для Адриана Джо был случайным лондонским знакомым, с которым он ничуть не хотел встречаться еще и в деревне.

— Э, здрасьте, — промямлил Адриан.

— Доброе утро! Я вторгся в частные владения?

— Ничего.

— Я не подозревал, что тут кто-то обитает. Это ваша посудина?

Адриан кисло окинул взглядом свое пристанище.

— Нет, не моя, — ответил он. — Снял ненадолго.

— А я в инфекционной больнице «Гусак и Гусыня».

— Я там столуюсь, — удрученно буркнул Адриан.

Джо смотрел еще удрученнее. Даже в чернейших своих думах о «Гусаке и Гусыне» он не предполагал, что к тамошним мерзостям добавится еще и компания Адриана Пика.

— Как раз иду туда, — сообщил тот. — Вы уже завтракали?

— Да. Яичница с ветчиной.

— Видимо, про другие блюда они не слышали. Вчера мне тоже ее подавали. Интересно, как они добиваются такого цвета у ветчины?

— Силой воли? — предположил собеседник.

— А вы пробовали пойло, которое там называют кофе?

— Ни разу в жизни! — отозвался Джо, хотя жить ему доводилось даже во французских гостиницах.

В глазах Адриана затеплилась некая сердечность. Как мы уже отмечали, Джо он недолюбливал, но сейчас узрел в нем сочувствующую, родственную душу.

— И хлеб там паршивый! — прибавил он.

— Верно, — согласился Джо. — А вот что вы делаете в плавучем доме? Пишете роман?

— Да нет. Просто живу на природе.

— Ну да? Что ж, вам виднее. Они снова помолчали.

— Пора двигаться, — заметил Адриан. — Вам в мою сторону?

— Хотел бы, если не возражаете, еще побыть тут.

— Пожалуйста.

— Может, даже искупаюсь, если вы и вправду не против.

— Полотенца в салоне, — сообщил Адриан, обуздав порыв предупредить насчет притолоки. Скоротечное чувство исчезло, как ни бывало. Трезвый рассудок подсказал, что ему именно хочется, чтобы Джо хряснулся затылком.

Оставшись один, Джо снова стал рассматривать усадьбу. Но едва он приступил к этому занятию, как увидел, что мечтания его того и гляди

перебьют. Через заливной луг спешила высокая стройная девица.

Сэр Бакстон был человеком слова. Пообещал, что пошлет мисс Виттекер в плавучий дом с приглашением для его обитателя, и вот она несет записку. Пруденс подошла к мосткам и посмотрела наверх. Джо подошел к сломанным поручням и взглянул вниз. Он не знал, кто это видение, но, раз отсутствует хозяин, общаться с ним придется ему.

— Доброе утро! — начал он.

— Доброе утро! — отозвалась мисс Виттекер.

— Приятный денек!

— Мда-ум! Мистер Пик?

Джо безмятежности не утратил. Вчера его обвинили в том, что он — Дж. Мортимер Басби, а после этого не страшно ничего. Без особого жара он объяснил, что не был и не стал мистером Пиком.

— Он ушел в кабачок завтракать. Возможно, нехотя входит в зал черно-багровой ветчины. Моя фамилия — Ванрингэм.

Слова эти неприятно изумили его гостью. Вздернутый носик сморщился, и она пропела с явным, безошибочным отвращением:

— Ва-а-анрингэ-эм?..

— Вам не нравится?

— Я знакома с одним Ва-анрингэ-эмом, — отвечала мисс Виттекер и, по-видимому — сочтя, что дала исчерпывающее объяснение, отбросила тошнотворную тему.

— Сэр Бакстон Эббот послал меня с запиской к мистеру Пи-и-ку. Оставлю ее в салоне, на виду. Вернется — прочитает.

Однако говорила она неуверенно, и Джо заметил, как опасливо она пробует ногой место, где мостки упираются в речной берег.

Судя по всему, особого доверия сходни ей не внушили. Рыцарь ринулся на помощь деве в беде.[75]

— Не надо, не поднимайтесь! Я спущусь, возьму. И он прыгнул.

Мы уже видели, с какой гибкой грацией осуществил этот подвиг Адриан Пик. Джо повезло меньше. Приземлившись, он споткнулся, покачнулся, схватился руками за воздух, но, окончательно смутившись, обнаружил, что, вместо воздуха, схватил растерявшуюся секретаршу; и немедля ее освободил.

— Э… простите, как неловко получилось…

— Ничего.

— Потерял равновесие…

— Все-е в поря-я-дке, — пропела Пруденс.

Джо взял записку и задумчиво ее повертел. Надпись «А. Пику,

эсквайру», его опечалила. Насколько лучше смотрелось бы «Дж. Дж. Ванрингэму. эсквайру»!

Записка, несомненно, была приглашением. На мыльной фабрике затевался пир, и обитателя «Миньонетты» туда приглашали. Как видно, арендовав плавучий дом, он попал в орбиту гостеприимного сэра Бакстона.

Но на обитателя задней комнатки в «Гусаке и. Гусыне» гостеприимство не распространяется. Когда доходит до пиршеств в Уолсингфорд Холле, те, кто плесневеет в «Гусаке», могут оставить надежду. Их даже не принимают в расчет. Короче, приехав в Уолсингфорд Парву, Джо не продвинулся ни на шаг. Он был так же далек от Джин, как если бы сиднем сидел в лондонской квартире.

Все преимущества Уолсинфорда явно достанутся Адриану, шкиперу «Миньонетты». Он-то будет скакать туда-сюда, как кролик, что там — видеть Джин каждый день. А на долю

Джозефа Ванрингэма достанется, самое большое, Дж. Б. Аттуотер, со всей его лицензией на продажу пива и более крепких напитков, да придурковатая девица с аденоидами, которая подавала завтрак.

Да, ужасно и горько, ничего не скажешь. Он понимал это; но долго кукситься себе не позволил. У мужчины, находящегося наедине с женщиной, есть социальные обязательства.

— Значит, вы знакомы еще с одним Ванрингэмом? — начал он светский разговор. — Редкая фамилия. Лично я знаю всего одного, и это — мой брат Табби. Вы с ним знакомы?

— Ванрингэма, с которым знакома я-ум, — отвечала секретарша, подчеркивая интонацией, что знакомство пятнает и бесчестит ее, — зовут — Тэ-о-дор.

— Ну да! Мой брат Табби и есть. Где это вы на него нарвались?

— Ми-иста Тэодор Ва-анрингэ-эм гостит у моего хозяина, сэра Бакстона Эббота.

— Ой, Господи! То есть, Табби торчит на этом консервном заводе?

— Пр-а-шу пра-ащэнья?

— Мой брат гостит в Уолсингфорд Холле?

— Мда-ум. Будьте любезны, положите записочку, чтобы мистер Пик увидел. Бла-а-дарю. До свида-анья.

Она удалилась. Джо остался стоять столбом, очумело глядя ей вслед. Но столб он поизображал не больше минуты. Моментально опомнившись, он стрелой рванулся к «Гусаку и Гусыне». У Дж. Б. Аттуотера был телефон, и он стремился к нему как можно скорее. Открытие потрясло его. Табби гостит в Холле! Это в корне меняло положение. Теперь он уже не

изгой, у него нашелся друг при дворе, возможно — влиятельный. «Брат молодого Ванрингэма? — скажут там. — Немедленно пригласите его!» Или… не скажут? Именно этот пункт ему и не терпелось прояснить. Пальцы у него так тряслись, что он с трудом снял трубку. Ответил ему дворецкий, но после короткого антракта возник и голос Табби.

Голос этот был печален — призыв дворецкого извлек Теодора Ванрингэма с самого дна мрачных размышлений о предательстве женщин. Наблюдая за передвижениями мисс Виттекер в мощный полевой бинокль, Табби проследил, как она подошла к плавучему дому, где какой-то мужчина — лица он разглядеть не сумел — спрыгнул с крыши и сжал ее в объятиях. После такого даже брат, с которым он не виделся больше года, не возымеет живительной силы.

— Привет, — угрюмо буркнул он.

Джо, которому недавние события придали живости на обоих, гаркнул, как тюлень:

— Привет, Табби!

— Откуда звонишь?

— Из гостиницы здешней. Послушай…

— Что? Как ты тут оказался?

— Неважно. Слушай, Табби, дело срочное. Какое у тебя положение в замке?

— Где?

— Ну, в Уолсингфорд Холле!

— Положение в Уолсингфорд Холле?

— Ну да! Как ты там котируешься? Если захочешь пригласить в гости единственного брата, воскликнут они «Прекрасно! Хоть сто штук!» или сердито буркнут: «Господи, Господи! Неужели их будет двое?»

— Ты хочешь приехать сюда?

— Вот именно.

— Так приезжай.

— Ты сумеешь меня протащить?

— Тут и протаскивать нечего.

— Не могу же я вот так, запросто, взять и явиться!

— Очень даже можешь! Были бы деньги. Подойди к парадной двери и нажми на звонок.

— То есть?

— Нужно платить. Не заплатишь, не возьмут постояльцем.

— Что?!

— Ты не знаешь, что такое постоялец?

— Разве сэр Бакстон их держит? Не может быть!
— Еще как может!
— Значит, дом — вроде отеля?
— Именно. Хочешь к нам присоединиться?
— Конечно!
— Так приезжай, я тебя представлю.

8

Дорога, которая вела в Уолсингфорд Холл из деревни Уолсингфорд Парва, была крутой и пыльной, солнце палило нещадно, но Джо одолевал ее, словно бог Меркурий, окрыленными стопами. Погруженный в золотые мечтания, он не замечал того, что обескуражило бы менее истового пешехода. Братец Табби отдувался бы и пыхтел; он — пел песни.

Только автор толкового словаря смог бы красочно и полно описать все переливы его чувств. Роджет, к примеру, назвал бы его радостным, счастливым, довольным, восторженным; и был бы прав. Теперь Джо открылось, как же глуп он был, не поняв с самого начала, что Провидение просто обязано опекать таких хороших людей. Именно для них приберегает оно свои силы.

Добравшись до вершины холма, он наткнулся на Табби, который сидел у дороги, на приступочке.

— Привет, Джо! — поздоровался Табби. — Так и думал, что ты вот-вот прискачешь.

— Что ж, вот и я!

Больше о негаданной встрече после томительных месяцев они не говорили. Каждый, видимо, считал, что и так все сказано. В семье Ванрингэмов не слишком суетятся по поводу вновь обретенных братьев.

— Слушай-ка, Табби, а ты уверен? — спросил Джо.

— Присядь, — пригласил Табби, критически оглядывая брата. — Вид у тебя, будто за электрическим зайцем гнался. Уверен? В чем?

— Насчет постояльцев.
— Ну конечно.
— А ты тоже платишь?
— Естественно.
— И любой может поселиться?
— Еще бы!
— Нет, что же это! Поразительно! И давно это продолжается?

— Не знаю. Вроде, да. Когда я приехал, в заточении томились шесть душ. Сейчас времена такие, половина владельцев крупных поместий держит платных гостей. Иначе им просто нечего будет есть.

— Я запросто могу войти и попросить комнату?

— А то! Если деньги есть. Плата у них вперед. У тебя они есть?

— Конечно.

— Цены довольно высокие.

— Неважно. Денег у меня полно.

— Банк грабанул?

— Нет, театр. Сразил публику комедией. Ты что, газет не читаешь? Позавчера состоялась премьера. Успех — бешеный!

— Тогда ты-то здесь и нужен. Они тебе дорожку под ноги выкатят.

— Черт! — Джо нежно взглянул на брата. — Повезло, однако, что ты тут оказался!

— А кто тебе про меня сказал?

— Девушка с густым оксфордским акцентом. Не знаю, как ее зовут. Зашла на плавучий дом, а там как раз был я.

Табби вздрогнул, потемнев лицом, и кинул на Джо холодный, далеко не братский взгляд.

— Так это я тебя видел? Это ты обнимался с Пруденс?

— А, так вот как ее зовут! Нет, нет. Зачем мне с ней обниматься?

— Я видел!

— Нет! Ты что, воображаешь, у занятого человека есть время обниматься? К тому же, я слишком одухотворен.

— Да я сам видел! Ты спрыгнул с крыши и обнял ее.

— А-а, это другое дело. Верно, обнял. Но исключительно от того, что потерял равновесие и схватился за соломинку. В роли соломинки — твоя Пруденс. Однако, как это ты увидел? Тебя же там не было!

— Полевой бинокль, — коротко бросил Табби. Потаенный смысл сообщения не ускользнул от Джо.

— Так ты шпионишь за ней? Табби, это неспроста! Расскажи мне все. Влюбился?

Табби повозил ногой по пыли.

— И да, и нет…

— Конкретней.

— Видишь ли, тут такое дело.

Внезапный порыв захлестнул Табби — ему захотелось излить душу другой, сострадательной душе. Он был не из тех, кому легко хранить свои беды про себя.

— Хорошо, я расскажу. Я люблю ее. Да. Люблю.

— Естественно.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да ты ж всех девушек любишь, стоит тебе познакомиться.

Табби призадумался, уж не ошибся ли он, отнеся душу Джо в разряд сострадательных? Но решил идти до конца.

— Правда, случалось в прошлом…

— Уж это точно. Начал им названивать, как только детский голосок научился выговаривать цифры.

— Ладно, ладно… Сейчас — настоящее.

— О?

— Совсем другое, не мальчишеский флирт.

— Так…

— Я обожаю самую землю, по которой она ступает.

— А-а!

Джо жалостливо взглянул на брата. Он чувствовал, что его долг высказаться откровенно. Впечатление, которое сложилось у него от мисс Виттекер, подсказывало, что Табби добавил еще один кислый лимон в густой сад разочарований. Надо бы осторожно намекнуть на истинное положение вещей. Нельзя допускать, чтобы несчастный пребывал в блаженном неведении.

— Послушай, Табби, — начал он, — не хочу разбивать твои мечты, но ты уверен, что она тебя любит? Когда мы коснулись тебя… не хотелось бы говорить… ее поведение показалось мне странноватым. Недоставало теплоты. Не хочу огорчать, но если с тебя не сняли мерку для свадебных брюк, я бы, пожалуй, чуть-чуть тормознул. По всей вероятности, ты опять вытянул проигрышный билет.

— А то! — Табби угрюмо засмеялся, точно был бесом, слушавшим другого беса, поопытней. — Между нами все кончено. Бесследно.

— А почему?

— Рассорились.

— Из-за чего?

— Сначала ей не понравилось, что я говорю.

— А что ты такого ляпнул?

— Что я люблю помидоры.

Джо призадумался. Он никак не мог выискать в таком признании той дерзости, которая оскорбит современную девушку.

— Она поправила. Надо говорить — тома-аты.

— Ах, теперь дошло! А почему же ты не сказал, что девушке, которая

произносит «Пра-а-льно» и «Бла-а-дарю», не стоит критиковать тех, кто говорит «помидоры»?

— Я и сказал. Оттого она и распалилась. Слово за слово, и через пару минут мы ругались всерьез. Я закричал, чтоб она не строила из себя какую-то цирлих-манирлих, она обозвала меня упрямым, тупоголовым, вульгарным типом — и тут… догадайся, что случилось.

— Что?

— А ты как думаешь?

— Не знаю.

— Принесли дневную почту!

Табби выдержал драматическую паузу. Джо встряхнул головой.

— Прости, Табби. Хотел бы стать твоим ангелом-хранителем, но увяз в сюжете. Почему почта трагически закончила второй акт?

От мук и всколыхнувшихся обид Табби просто завопил:

— Ей принесли пакет! Я нащупал в нем коробочку!

— А ты пощупал?

— Еще бы! И воскликнул: «Что же это такое?»

— Ты прямо гончая, все вынюхиваешь.

— Ничего подобного! Хотел сменить тему. Вынул ножик, стая разрезать бечевку — любезность оказывал, хотел от хлопот освободить, а она вдруг как взвизгнет! Вырвала у меня пакет. Покраснела, заметь! Весь циферблат пунцовый.

— Странно!

— Чего тут странного? Лично я мигом все раскусил. Там были драгоценности. Она вела двойную игру. Ей прислал подарок другой мужчина.

— С чего ты взял?

— А что же еще? Она не захотела показать мне.

— Может, не хотела, чтоб ты видел?

— Вот именно. Не хотела, чтоб я видел. Брошка или еще какая дрянь от городского пройдохи. Ее поведение говорило само за себя. Я стал разбираться. Я сказал: «Если не хочешь, чтоб я видел, я знаю, что мне думать». А она: «Думай, что тебе угодно». А я: «Отлично. Тогда между нами все кончено». А она: «Мда-у!» Такая вот картинка.

Джо, размягченный великой любовью, был сама сентиментальность. Его тронула исповедь сильного мужчины, и он добросердечно шлепнул брата по плечу. Мортимер Басби от такого шлепка подпрыгнул бы, как горошина из стручка, но Табби остался доволен. Он благодарно фыркнул.

— Выше нос! — посоветовал Джо.

— Чепуха! — Табби опять хохотнул каркающим смешком. — Ты же не думаешь, будто мне больно. Ладно, двинулись.

Табби поднялся и зашагал к воротам Уолсингфорд Холла. Джо потянулся следом, размышляя над его откровениями. Дойдя, они двинулись к террасе.

— Значит, у вас все кончено?

— Как отрезано.

— А кто этот, другой? Никаких догадок?

— Одно время я думал на Пика.

— На Пика?

— Помнишь, я тебе рассказывал, в тот еще раз. Вечно увивался вокруг Элоизы. Мне показалось подозрительным, когда Пруденс объявила, что он поселился тут, в плавучем доме. Но потом я спросил себя: станет ли Пик тратиться на драгоценности? Нет! Может, он и послал бы ей в подарок шоколад подешевле, но чтоб драгоценности! Ни за что! А тут еще выяснилось, что он обручен с дочкой сэра Бакстона. В общем, кандидатура отпала. Я попал не в ту птичку. Пик невиновен. Погоди тут, — бросил Табби. — Пойду, разыщу старикана и сообщу, что ты прибыл.

Табби ушел в дом, бросив Джо, который буквально застыл, справляясь с разящей новостью. Переварить ее было куда труднее, чем завтрак в «Гусаке и Гусыне».

С той минуты как Джин ушла от него, у Джо мелькала мысль о неизвестном, с которым она обручена, но ни разу, даже в самые черные минуты, он и помыслить не мог, что призрачное созданье обернется Адрианом Пиком. В воображении у него рисовался краснолицый молодой сосед, охотник на лис, гроза фазанов, с каким-нибудь добродушным присловьем. Девушки славятся причудами: богини влюбляются в пастухов, принцессы — в свинопасов. Но чтобы хоть какая-то дочудилась до того, чтоб обручиться с Адрианом Пиком!.. Теперь ясно, почему она внезапно ушла из «Савоя».

Адриан Пик! Благодарность к Провидению померкла. Не так уж оно потрудилось, в конце концов. Куда там! Впустило его в Уолсингфорд Холл, и сидит-посиживает, потирая ручки, точно все "уладило превосходнейшим образом. Какой ему толк находиться в Холле, если и Пик отирается тут же? Для юного Лохинвара[76] самое главное — чтоб поле битвы было очищено от соперников. Сейчас, думал он, нужно одно — какой-нибудь фокус, который убрал бы Пика со сцены и держал бы вдали.

Джо очнулся от мыслей, к нему возвращался Табби.

— Феодал наш сейчас выйдет, — сказал тот. — Пса купает. От

радости у него дыханье сперло, как я и предсказывал.

— Табби! Я тут поразмышлял…

— О чем?

— О твоей проблеме. Не слишком ли ты легко отмел Пика? Лично мне кажется, он и есть твой соперник.

— Да говорю тебе, он с Джин обручен.

— Где это ты слыхал?

— От нее самой.

— А сэр Бакстон знает?

— Вроде нет. Помнится, Джин что-то такое обронила, секрет у них. Не виню ее, что она не рвется порадовать папочку. У Пика — ветер в карманах. Живет за чужой счет. Представляю! Да сэр Бакстон взовьется, как ужаленный. И все-таки они обручены.

— Даже так…

— Если Пик связался с Джин, с какой стати ему дурачиться с…

— От него как раз этого и жди. Для нашего Пика чем больше, тем лучше. Уж он таков.

Темный румянец ожег лицо Табби.

— Ты думаешь, он превратит плавучий дом в вертеп? Ладно! Поедим, отправлюсь на эту посудину, размажу его по стенке.

Дрожь тихого счастья пробрала Джо. Ему стало ясно, что очень скоро плавучий дом опустеет и приглашать оттуда будет некого. Он достаточно раскусил Адриана и не сомневался, что проживание в доме, где могут размазать по стенке, ему как-то претит.

— Этот Пик, — с добродетельным отвращением продолжал Джо, — бессердечный волокита. Взгляни-ка на записку. Это для него.

— Записка? — подскочил Табби.

— Вот, смотри сам. Какие твои соображения?

— Не станет она оставлять записку, если это не он!

— Вот именно. Дельно рассуждаешь, Табби, логично. Какой разум!

— Дай!

А вот это, подумал Джо, уже лишнее. Меньше всего он хотел, чтобы брат прочитал записку, хорошо понимая, что та его вполне успокоит, ибо в ней — не слова обуреваемой страстью девушки, а приглашение на булочки и крокет от неповинного баронета. Это остудит его рыцарский пыл, он начнет увиливать, а то и совсем откажется от своего замечательного плана. Такие помыслы надо крушить в зародыше.

— Не будешь же ты читать чужие письма!

— А ты посмотри! — И Табби вырвал письмо из цепких пальцев Джо.

Дальше сюжет разворачивался так, как опасался Джо. Раскаленный добела братец остывал на глазах, превращаясь из льва в ягненка.

— Нет! — говорил он. — Ты ошибся. Пик — не тот. Это от сэра Бакстона, приглашает в гости.

Что же, Джо старался, как мог.

— Ты подумай!

— Нет, не Пик.

Стараний своих Джо не бросил, хотя в душу ему стали заползать растерянность и уныние, словно итальянскому вельможе XVI века, который, наняв наемного убийцу, вдруг получает известие, что убийца пошел в монахи, тем самым удалившись от дел.

— Может, — попытался Джо, — для верности все-таки стоит пригрозить? Если будет тут болтаться, ты завтра свернешь ему шею и сбросишь в реку. Вреда не принесет!

— Да уж, не принесет! Джин мне полноги оттяпает за то, что я ему нагрубил. А потом, вдруг он наябедничает Элоизе? Она ведь от него млеет. Нет, выхожу из игры. Да и зачем… Эй! — Табби ткнул брата в бок, а пальцем другой руки указал на тучноватого человека, приближавшегося к ним. — Вот и сэр Бакстон! Оставляю тебя с ним.

9

На обветренном лице сэра Бакстона застыла неловкость, хотя он и тщился изобразить гостеприимную улыбку. В том, как он пощелкивал себя по гетре охотничьим хлыстом, сквозила почти застенчивость. Джо сообразил, что деловые встречи проводит, видимо, не он.

— Мистер Ванрингэм?

— Добрый день.

— День добрый.

— Восхищался здешним пейзажем, — любезно сообщил Джо.

Сэр Бакстон, обозрев пейзаж, снова высек ногу.

— А? Да, вид шикарный. Речка, то, се…

— Вот именно.

— В ясный день видно до самого… забыл уж докуда, но далеко.

— Сегодня утро как раз довольно ясное.

— Очень. Да. Н-да… ясное… Э… ваш брат сказал мне, мистер Ванрингэм… я слыхал, вы… а…

— Все правильно.

— Очень рад. Мы все любим вашего брата Табби. Ха-ха! Табби, да… Нет, это выдумать! Табби…

— Надеюсь, и для меня найдется местечко?

— Чего-чего, а места у нас хватает. Просторный дом! Чертовски дорого обходится… такой, знаете… э… хрмпф… — сообщил сэр Бакстон, больно стегая несчастную гетру.

Джо почувствовал, что пора прийти на выручку.

— Из разговора с братом, сэр Бакстон, я вывел, что, прежде чем поселиться в Уолсингфорд Холле, нужно соблюсти определенные формальности. Короче, брат намекнул, что надо внести взнос.

Баронет вздохнул с облегчением, поражаясь его такту. Сам он редко участвовал в таких беседах.

— Н-да, в общем — да. Один или два моих гостя вносят… э… чисто символическую сумму. Идет на хозяйство, и вообще… Но обычно я оставляю… То есть, моя секретарша заключает… В общем, я не вполне уверен.

Джо снова кинулся ему на выручку:

— Наверное, мне лучше переговорить с мисс Виттекер…

— Да, да, именно!

— С удовольствием встречусь с ней опять.

— А вы ее уже встречали?

— Да, у нас состоялась короткая, но приятная беседа. Можно даже сказать — прелестная. Так пойдем, найдем ее?

— Конечно… разумеется. — Сэр Бакстон кашлянул; расположение к новому гостю боролось с любостяжанием. — Вы… э… не позволяйте ей брать с вас слишком много.

— О, это неважно!

— Иногда она допускает, чтобы ее личные заботы… влияли э… на…

— Все в порядке! — Джо осенило: ему представлялся случай обрисовать отцу любимой девушки свое финансовое положение. Отцы очень любят узнавать про финансы. — Деньги для меня — тлен.

— Да? Тлен?! — Пораженный сэр Бакстон даже приостановился, чтобы получше рассмотреть это чудо природы.

— Совершеннейший тлен! У меня их навалом. Текут ко мне и текут. Я ведь пьесу написал. Сейчас ее играют в Лондоне.

— Вы пишете пьесы?

— Да. Так вот, я начал про пьесу. Успех грандиозный! Предположим, мои гонорары от лондонской постановки составят десять тысяч.

— Десять тысяч?!

— Цифру беру, так, самую среднюю.

— Ухм, конечно… Среднюю, да…

— Приплюсуем провинциальные права, права в Америке, в Австралии, права в кино, на радио, от любителей, права будущего мюзикла, права кино уже на них, переводы на французский, немецкий, итальянский, чешский… Словом, тысяч пятьдесят.

— Пятьдесят!

— Не забудьте, мы занижаем.

— Какие деньги!

— Да нет, это так, начало. Для разгона, можно сказать. Дальше — больше. Пишу вторую пьесу.

— Пишете?

— Пока нет. Но когда напишу… Предположим, за нее я получу тысяч сто. Права на фильм надо продавать подороже. Кстати, учту.

— Конечно, конечно.

— Да. Получается не меньше ста тысяч. Но это ладно, потом — еще одна. Вот пойдут доходы! Сколько это получится?

— Очень много. Истинное богатство.

— Без сомнения.

Голова у сэра Бакстона поплыла, но вдруг он усмотрел логическую неточность. Возможно, это фантазии, но указать стоит, стоит…

— А если они… хрм… э… провалятся?

Джо усмехнулся и поднял брови.

— Нет, нет, что это я! — заспешил сэр Бакстон. — Сам не пойму, как сорвалось!

Голова у него кружилась. Вот он, думал баронет, красивый, умный, богатый, денег навалом… Не могло бы случиться, что Джин?..

— А, черт! — невольно воскликнул он, все сильнее любя нового постояльца. — Ну что ж, поздравляю. Такой молодой, а уже многого достигли… э… Ваш брат не сказал мне, как вас зовут.

— Джо.

— Джо? Что ж, дорогой Джо, можете собой гордиться.

— Спасибо, сэр Бакстон.

— Зовите меня Бак. Да вы же миллионер!

— Не без того, Бак!

— Именно, именно. А, черт! — снова воскликнул сэр Бакстон в девичьем раздумье и погрузился в мечты.

На террасе замаячила элегантная особа. Сэр Бакстон тихонько подтолкнул Джо.

— Мисс Виттекер! — окликнул он.

— Да, сэр Бакстон?

— Вы, кажется, знакомы? Мистер Джо Ванрмнгэм, брат этого, нашего. Тоже будет у нас гостить.

— Да-у?

— Да. И я подумал… то есть он подумал… в общем, мы подумали, что ему надо с вами потолковать… Так, значит, до свидания, Джо!

— До скорого. Бак.

Баронет исчез, радуясь, что избежал соприкосновения с низменной стороной жизни, а Джо повернулся к мисс Виттекер, которую намеревался отечески пожурить. Сердце у него щемило от братской жалости к Табби. Он был уверен, что все это — чистое недоразумение. Досадную тучку легко развеять словом-другим, которое скажет в должную пору разумный человек.

Однако разумные люди строят нередко планы в беззаботном неведении. Кенсингтон[77] рождает, колледж — тренирует девушек, с которыми не справится никакой отец.

— Как долго, — начала она, — намереваетесь вы гостить в Уолсингфорд Холле, мистер Ва-анрингэм?

— Мисс Виттекер, — сказал Джо, — можете вы посмотреть мне в глаза?

Она могла, что и доказала.

— Странно, — признал ее собеседник, — я бы на вашем месте смутился. Вы безобразно обошлись с моим братом. Бе-зоб-раз-но!

— Я предпочла бы, мистер Ва-анрингэм, держаться в рамках деловой беседы.

— Он любит вас пылко и безумно.

— Я бы предпочла…

— Расскажите про этот пакет, и все будет в порядке.

— Я бы…

— Если там драгоценности от городского гада, тогда и говорить не о чем. Но если…

— Я бы предпочла, мистер Ва-анрингэм, это не обсуждать.

Ее классические черты заледенели, и зрелище было настолько устрашающим, что Джо уступил, а то у него уже начали подмерзать ноги.

— Ладно, — смирился он. — Какой у вас тариф?

— Тридцать фунтов в неделю.

— Включая пользование ванной?

— При вашей комнате есть ванная.

— В деревенском поместье?

— Уолсингфорд Холл сверху донизу усовершенствован предком сэра Бакстона. Могу вас заверить, здесь аб-со-лю-ут-ный комфорт.

— Не ванной единой жив человек.

— У сэра Бакстона ве-ли-ко-ле-э-пный повар.

— Пищей ли жив он, мисс Виттекер?

— Если вы имеете в виду общество…

— Откровенно — да. Видел на днях фильм, действие происходит на Чертовом острове. Народ там, скажем так, пестрый. А здесь?

— Все гости сэра Бакстона социально безупре-эчны.

— Простите?

— Социально безупре-эчны.

— А десять раз не повторите! Собьетесь на «безупречно социальны».

Пруденс гордо промолчала.

— Теперь, — сказал Джо, — главное. Как тут обращаются с постояльцами? Буду с вами честен, мисс Виттекер. Я только что из деревни, там ходят неприятные слухи. Усталый пахарь, возвращаясь с поля, слышит порой страшные крики… Изящная ножка начала нервно постукивать по полу.

— Я понимаю, — продолжал Джо, — я не чувствительный слюнтяй. Без дисциплины вам не управиться. Если дан приказ, чтобы все играли в крокет, а номер, к примеру, 6408 играет в классики, естественно, приходится проявить твердость. Это ясно. Если бы кто-то, на континенте, попытался улизнуть в божественный Неаполь, когда мистер Кук приказал, чтоб все отправлялись в красавицу Люцерну — что было бы? Да, да. Но одно дело — дисциплина, и совсем другое — жестокость. Между ними есть разница.

— Мистер Ва-а-нрингэм…

— Я слышал, что один из платных гостей на прошлой неделе попытался удрать, и его травили собаками. Хорошо ли это, мисс Виттекер? Человечно ли? Есть ведь границы…

— Мистер Ва-анрингэм, вы же-ла-а-э-те комнату или нет? Я занята.

— Ничуточки вы не заняты. Когда мы подошли, вы стояли и плакали о Табби.

— Мистер Ва-анрингэм!

— Мисс Виттекер?

— Же-ла-а-э-те вы или не…

— Желаю.

— Прэ-кра-асно. Пойду распоряжусь.

Она удалилась, дыша достоинством и надменностью, а Джо не стал задерживать ее, хотя ему хотелось порасспросить и о том, правда ли, что здесь в ходу американская система поощрений, и есть ли у него шансы стать образцовым, привилегированным узником.

У него были другие, неотложные заботы. Пощелкивающий хлыст сэра Бакстона вдохновил его, подсказал решение, которое он искал с той минуты, когда Табби его подвел. Теперь он хотел одного — разыскать как можно скорее Адриана Пика.

Сбежав с террасы, он пустился по крутой пыльной дороге, ведущей к «Гусаку и Гусыне».

Адриан уже позавтракал и курил сигарету на топорной скамейке, созерцая Уолсингфорд Холл. Утром много чего случилось: ему не понравилась встреча с Джо; ветчина оказалась такой же паршивой, как вчера, а кофе — еще хуже; ночью мешали спать плеск воды, бьющей о борт, и неприятный скрежет под полом, напоминавший о словах Джин насчет клуба; наконец, неизвестная птица с пяти часов утра произносила «куа-куа», как бы подражая поскрипыванию проржавевших дверных петель.

Однако на Уолсингфорд Холл он смотрел с удовольствием. Каждый кирпичик, на его взгляд, просто излучал состоятельность; а человеку, с детства томящемуся тягой к большим деньгам, греет сердце мысль, что он завоевал сердце такой наследницы. Конечно, архитектура оскорбляла утонченный вкус, но была в ней та прелесть, какая есть в австралийском дядюшке-миллионере, хотя он носит яркоклетчатый костюм и пестрый жилет. Богатству дозволена эксцентричность. Ради начинки мы съедим и подгорелый пирог.

С легким, счастливым вздохом Адриан отшвырнул сигарету и закуривал новую, когда появился Джо. Не имея желания пускаться с ним в разговоры, Адриан поднялся и двинулся к воротам.

— Куда вы? — осведомился пришелец.

— К себе, на «Миньонетту».

— Не советую.

Джо легонько пихнул Адриана на топорную скамейку, уселся сам и опустил ему руку на плечо. Адриан плечо высвободил и отъехал подальше.

— Почему это?

— Потому.

— Да что такое?

— Там человек, с которым вам встречаться не стоит.

— Э?

— Во всяком случае, шел он туда. Мой брат Табби просил предупредить вас.

— О чем?

— Он такой чуткий…

— О — чем — вы — говорите?!

— Вот о чем. Не успели вы уйти, как прискакал мой брат Табби. Оказывается, он здесь гостит. Итак, он прискакал, вопя: «Где Пик?» Я отвечаю: «Ушел в гостиницу». — «Пускай. там и сидит! Сэр Бакстон гонится за ним с охотничьим хлыстом. Собирается спустить с него шкуру!»

— Что?!

— Вот и я так закричал, а Табби объяснил мне. Оказывается, вы обручены с дочкой сэра Бакстона… Это правда?

— Да.

— Тайно?

— Да.

— Вы не очень богаты?

— Да.

— Ну вот и разгадка. Сэр Бакстон сердится. Не знаю, насколько хорошо вы его знаете… Изучали его душу?

— Я с ним вообще не знаком.

— А я его знаю близко. Обаятельнейший человек, если не гладить против шерсти. Если же гладить, склонен к ярости. Не его вина… Виноват солнечный удар, сразивший его и Африке. С тех пор он так и не оправился. Иногда мне кажется, что он не совсем… э… здоров.

Адриан побледнел, так побледнел, что знакомые дамы бросились бы за одеколоном и шампанским. Он клял себя — какое безумство побудило его настаивать, чтобы Джин сообщила отцу об их помолвке! Досадно, что эти девушки так буквально все понимают.

— По словам Табби, — продолжал Джо, — старикан в бешенстве. Хочет вас распотрошить. Табби старался его урезонить. «Лично я не стал бы», — говорил Табби. — «А я стану! — уперся сэр Бакстон. — Погляжу, что у него внутри!» Когда на него находит, он такой. Его не остановить, пока не выпустит пары. Вот, посудите. Нормальный человек приостановился бы и сказал себе: «Я не должен его потрошить. Он же в суд подаст и запросто выиграет дело. Надо обуздать себя». Какое там! У него и в помыслах нет, в какие неприятности он вляпается. Идет на что угодно ради мимолетного удовольствия. Уложит вас на несколько месяцев в больницу, и…

Адриан вскочил как ужаленный.

— Я уеду!

— Правильно. Хотел сам предложить. А с этой баржей я вас выручу. Сколько вы заплатили за аренду?

— Двадцать фунтов.

— Пришлю вам чек по почте. А теперь — бегите! Паковать веши не стоит, я их тоже пришлю. По какому адресу?

— В телефонном справочнике есть. Интересно, когда поезд?

— И поезда не стал бы ждать. Наймите машину. Скаредный Адриан содрогнулся, но понимал, что совет — дельный.

— Ладно, — отвечал он и примолк. Джо ему не нравился, но он считал, что надо выказать хотя бы формальную благодарность.

— Спасибо, Ванрингэм.

— Не за что. Доброго пути.

— Пока.

Джо откинулся на топорной скамейке, любуясь небом сквозь листву. Позади заговорили. Он обернулся на голос.

В рамке распахнутого окна стоял коротенький, кругленький, розовый человечек в мешковатом костюме. На ногах у него красовались (хотя Джо их и не видел) тупоносые ярко-желтые ботинки. На голове сидела шапочка, предназначавшаяся для американских студентов. Наконец, он жевал резинку.

— Ничего погода! — заметил он.

— Весьма.

— Послушайте, я правильно расслышал, этот парень назвал вас Ванрингэм?

— Да.

— Т.П.?

— Нет, Дж. Дж.

— О-о! — протянул толстячок чуть-чуть разочарованно. — Что ж, приятно познакомиться!

— Впа-а-лне! — откликнулся Джо.

10

Джин, как обычно, хлопотала все утро. Отец ее постыдно увиливал от платных гостей, мать вроде бы вообще не подозревала об их существовании, и развлекать их оставалось дочери.

Иногда остроглазый игрок в крокет перехватывал сэра Бакстона, прежде чем тот успевал унырнуть в ближайшую аллею, но все-таки роль веселого кабатчика выпадала Джин. Тем самым утро у нее всегда бывало хлопотливое.

Сегодня она поиграла в гольф с мистером Чиннери, поахала над рассказами полковника Тэннера, потолковала о мышах с мистером Во-Боннером, повосхищалась вязанием миссис Шепли, обсудила газетные новости с миссис Флоссом, оценила обратный удар левой мистера Проффита и, уж конечно, поощрила мистера Биллинга на разнообразные развлечения, но остерегла, чтоб он не вздумал, как накануне, принимать солнечные ванны. Сейчас она расставляла цветы в столовой.

Закусив губу, сморщив маленький носик, Джин поправляла фиалки в плоской вазе, не надеясь на то, что толпа прожорливых гостей хоть как-то оценит ее искусство, но, как истинный художник, стремясь к совершенству. Наконец, добившись его, она отступила на шаг — и услышала:

— Привет!

Столовая Уолсингфорд Холла примыкала к террасе. В это дивное утро ее застекленные двери стояли нараспашку, и в них возник смутно знакомый человечек. Подойдя поближе, Джин узнала его — тот самый коротышка в мешковатом костюме, который помешал ее прощанию с Адрианом.

— Привет! — растерянно отозвалась она. Коротышка зашел в столовую. Глаза его глядели добродушно, челюсти — ритмично двигались.

— Смотрю, вы тут, — объяснил он.

— Да.

— Булпит моя фамилия. Сэм Булпит.

В графстве Беркшир были девушки, которые давно бы вскинули брови и указали пришельцу на дверь. Но дружелюбная Джин не могла изображать баронетскую дочь даже перед чудаком в ярко-желтых ботинках. Она решила, что это агент какой-то коммерческой фирмы (дешевенькие драгоценности или, скажем, искусственные чулки), и мило улыбнулась.

— Здравствуйте, мистер Булпит! Как поживаете?

— На все сто. А вы как?

— Тоже ничего себе.

— Какой у вас шикарный дом!

— Вам нравится?

— Просто шик-блеск.

— Приятно слышать. Чем могу служить, мистер Булпит?

— Вроде бы ничем. А чего еще надо? Одно слово, нимфа с цветочками.

— Ну, что ж. — Джин подошла к каминной полке и стала заниматься огромной вазой. — Надеюсь, скоро вы сообщите мне, что все-таки вам нужно.

— А?

— Интересно узнать, зачем вы пришли.

Гость впервые догадался, что он допустил упущение, — и он добродушно хохотнул, сверкнув ослепительными зубами. Да, этот человек умел над собой посмеяться.

— Ой, верно! — воскликнул он. — Надо было сразу сказать. Думаешь, я сбрендил? Нет, я приехал к Алисе. А ты, само собой, ее дочка.

— Простите?

— Спорю на доллар. Одно лицо! Двадцать пять лет назад, ясное дело. Хотя ты потоньше. Ты у нас маломерка, а у нее пы-ы-шный бюст был. А так, один к одному.

Джин осенила догадка:

— Когда вы говорите «Алиса», это вы про маму?

— А то!

— Правда, она ведь Алиса. Бак зовет ее Душенька. Так вы ее знаете?

— А то! Вообще-то она моя сестренка. Ваза в руках у Джин заплясала.

— Значит, вы — мой таинственный дядюшка?

— Ну! — согласился мистер Булпит.

Джин счастливо засмеялась, предвкушая встречу нововявленных свойственников.

— Вот это да!

— А то! — откликнулся Булпит, который как раз хотел воскликнуть «Вот это да!»

При этих словах он выскочил на террасу, что-то там сделал и вернулся, уже не двигая челюстью, но тут же извлек из кармана новый пакетик жвачки и запустил машину.

— Говорят, она и в Англии есть, — между делом сообщил он. — Жвачка. Всюду можно купить.

— Правда?

— Ну! Цивилизация на марше. Прямо не поверишь.

— Вы только что приехали в Англию?

— А то! Из этой старой Франции. Канны там, Ницца, Монте-Карло. На итальянском пароходе. Жвачка тоже есть. Дела-а! Ну, как наша

старушка?

— Старушка?

— Алиса. Шикарная девчонка была. Жаль, не виделись двадцать пять лет. Как она, скрипит, не рассохлась?

— Конечно. Весела и здорова.

— Ну, дает! Какой дом отхватила! Как это она?

— Вы хотите узнать, как мама вышла за Бака?

— А то! Помню, совсем была на мели, нижнее белье де-мон-стри-ровала.

— Когда Бак с ней познакомился, она пела в мюзик-холле.

— Ясно, Один черт. Разве что на сцене.

— В шоу «Женщина-цветок». Булпит оживился:

— Ух ты! Хорошая вещь. В Нью-Йорке не видал — в разъездах был, торговал патентованной мастикой, когда его привозили. Два раза в Канзас-сити ходил, раз — в Сен-Луисе. Ну, музыка!.. Сейчас такой нету. — Запрокинув голову, он прикрыл глаза: — «Для тебя-а-а, для тебя ы-ых, красотка…» Прошу прощения. Так ты говорила…

— Нью-Йоркская труппа приехала в Лондон. Бак пошел посмотреть и влюбился с первого взгляда. Послал записку за кулисы, пригласил в ресторан, он в те времена был очень шустер. Через неделю поженились.

История эта глубоко тронула гостя. В молодости он побывал певцом-официантом и, ежевечерне исполняя слащавые шлягеры для публики, склонной по малейшему поводу пустить слезу над пивом, насквозь пропитался сентиментальностью.

— О-о! — умилился он. — Прямо как в песне.

— Да, не без того.

— Английский лорд и американская Золушка!

— Вообще-то Бак — не лорд, да и мама не Золушка, но все равно, очень трогательно.

— Да уж. Люблю хорошую песню.

— И я люблю.

— Любовь, как говорится, правит миром.

— Неплохо сказано.

Булпит приостановился и кашлянул. В глазах у него зажегся многозначительный блеск, рука дернулась, будто он намеревался ткнуть племянницу под ребро. Он поборол себя, но Джин без труда предугадала, что, покончив с любовью старшего поколения, он перекинется на молодое.

— А кстати, насчет любви…

— Да?

— Вчера вечерком, у речки… э?

— Понимаете…

— И кто же он?

— Один мой… приятель.

— Я и сам догадался, что ты ему — хе-хе — симпатизируешь. Как его зовут-то?

— Адриан Пик.

— Жарко ты его целовала!

— Я…

— Похож на этих… Ну, картинки всюду понатыканы — такие шляпы треугольные, короткие штаны…

— Кавалеры с портретов?

— Вот-вот. Тебе он вроде нравится?

— Да, очень. А теперь, — сказала Джин, — вам, наверное, не терпится увидеть маму.

Подойдя к звонку, она нажала кнопку; но если рассчитывала, что это побудит собеседника сменить тему, то недооценила своего дядю. Булпит был не из таких.

— Ничего мальчик!

— Да.

— Давно его знаешь?

— Не очень.

— Где работает?

Джин вспыхнула. Казалось бы, невинный вопрос, даже менее дотошный человек, пожалуй, его бы задал, но она очень пожалела, что не может ответить: «Адриан — многообещающий молодой адвокат», или даже пусть «солидный клерк»; и ей показалось, что она ведет себя предательски.

— Точно не знаю. Одно время писал светскую хронику. У него есть доход. Небольшой, правда.

— Понятно. Нищий, можно сказать.

Дверь открылась. Появился дворецкий. Булпит, отерев руку о брючину, почтительно ее протянул.

— Лорд Эббот?

— Нет, сэр, — отвечал Поллен, не замечая протянутой руки. — Вы звонили, мисс?

— Да. Передайте, пожалуйста, маме, к ней мистер Булпит.

— Слушаюсь, мисс.

Дворецкий удалился; Булпит с прежней наглостью возобновил

перекрестный допрос:

— Как насчет этих, перспектив?

— Простите?

— Светит ему что?

— Нет.

— А что думает наш лорд?

— Он ничего не знает.

— Не просветила, э?

— Пока нет.

— Понятно. Да-а, обидно, что парень отчаливает. Будешь по нему скучать?

— Как, отчаливает?

— Уезжает то есть. Парень твой, Пик. Ты что, не знала?

— Не может быть! Он только вчера приехал.

— Сам сказал Дж. Дж. Ванрингэму.

— Ванрингэму? — удивилась Джин.

— Так он назвался. Крепкий такой парняга. Плечи — во! Подошел я, как говорится, к хвосту, Пик и говорит, что для скорости наймет такси.

Сэмюэл Булпит был достаточно плотен, но сейчас как-то зыбился, словно состоял из дыма. Узнав, что Джо Ванрингэм посмел преследовать ее здесь, Джин просто вскипела и на мгновение даже отвлеклась от поразительного известия, что Адриан решил скоропалительно оборвать свое пребывание на барже. Ей хотелось побыть одной, и на воздухе, словно тем, кто приходит в себя после обморока.

— Простите, — сказала она, — я вас оставлю. Мама вот-вот придет.

— Беги, чего там! — благожелательно разрешил Булпит.

Джин вылетела на террасу, он принялся топтаться по комнате, нюхая цветы. Через несколько минут дверь снова распахнулась, и вплыла леди Эббот.

Когда Поллен принес свою весть, леди Эббот лежала на канапе у себя в будуаре, раздумывая о том, как сильно она любит своего Бака и какая жалость, что он изводится по всяким пустякам, вроде долга мистеру Чиннери. Сама она никогда себя не изводила.

Монументальная блондинка вообще не волновалась, и безмятежность ее не пробили бы землетрясение или рухнувшая на голову крыша.

Если это покажется вам странным в бывшей хористке мюзик-холла, вспомните, что лишь в наши суматошные дни слово «хористка» означает шуструю, тощую, гибкую девицу на пружинках, страдающую, по всем

признакам, пляской святого Витта. В эпоху же ее профессиональной карьеры, хор состоял из высоких статных дам, напоминающих песочные часы; они застыло высились в глубине сцены, томно взирая на публику, опираясь на зонтик. Порой (нечасто) какая-нибудь выходила из комы и чуть заметно кивала приятелю в первом ряду, но, как правило, хористки живописно стояли, и ни одной из этих статуй не удавалось стоять неподвижней, чем Алисе Булпит.

Она и сейчас напоминала статую, когда, приостановившись в дверях, озирала брата, исчезнувшего из ее жизни на четверть века. Надлежащую оживленность в их встречу внес именно этот брат.

— Вот это да! — вскричал он. — Ох ты, ох ты, ох ты!

На мраморном лице леди Эббот слегка засветилось любопытство.

— Ну, Сэм! — сказала она. — Неужели та же самая жвачка?

Булпит еще раз выскочил на террасу и отвечал, вернувшись:

— Другая. Нет, вот так ну!

Леди Эббот позволила заключить себя в братские объятия.

— Рад тебя видеть, Алис!

— И я тебя, Сэм.

— Удивил, небось, а?

— Да уж! Еле устояла, — лихо соврала леди Эббот. Не родилось еще то создание, которое могло бы выбить ее из равновесия.

— Каким ветром к нам? По делу?

— И поразвлечься.

— Все разъезжаешь с этой мастикой?

— Ты что! Торговлю я бросил лет пятнадцать назад.

— А чем занимаешься?

— Можно сказать, ушел от дел. То есть, я так думал… Знаешь, как оно бывает… Знакомишься с такой это компанией, втравят тебя в новый… этот, проект. Нет, совсем не изменилась!

— А ты растолстел немножко.

— Да, поднабрал фунтик-другой.

— Зубы новенькие?

— Нынешнего года, — горделиво сообщил Булпит. — А у тебя, сестренка, шикарный домик.

— Ничего, мне нравится.

— И дочка — высший сорт.

— Имоджин?

— Ее так зовут? Сейчас разговаривали. Рассказала мне, как ты замуж вышла.

— Да.

— Вот это роман так роман! Прямо сказка!

— И правда. Я рада, что Джин тебе понравилась.

— Шик-блеск. Если и хозяин твой хорош, жаловаться… хе-хе… не на что!

В красивых глазах леди Эббот засветилась нежность.

— Бак у меня молодец. Тебе понравится. Пойдем, провожу тебя к нему. Он у себя в кабинете.

— Само собой, пойдем. А как мне его называть? Ваша светлость?

— В жизни не слыхала, чтоб кто-нибудь звал его иначе, чем «Бак».

— Ничего парень?

— Наш человек, — подтвердила леди Эббот.

И повела брата длинными коридорами, за один угол, за другой, пока не добрались до двери, из-за которой доносились голоса. Леди Эббот толкнула ее. Они вошли.

Голоса, доносившиеся из-за двери, принадлежали сэру Бакстону и мистеру Чиннери. Когда Булпит вторгся в столовую, Бак сидел в кабинете один, корпел над бумагами, касающимися усадьбы, чего терпеть не мог; и мы бы предположили, что он только порадуется любой помехе. Однако, когда дверь распахнулась и влетел Чиннери, Бак не обрадовался, а раздосадовался, даже разозлился. Он думал, что у себя в кабинете пользуется некоторыми привилегиями, что убежище его — неприкосновенно, вроде алтаря.

Соображение, что гость вторгся в святилище, чтобы поднять вопрос о 500 фунтах, оказалось ошибочным. Лунообразное лицо Чиннери стало пепельно-серым, глаза за очками смотрели затравленно. Словом, было ясно, что на уме у него — вещи посерьезнее, чем замороженный заем.

— Эббот! — с порога крикнул он. — Я пережил шок!

Сэр Эббот чуть не сказал: «Ну и уматывай зализывать раны!» — но он воздержался, не столько из-за того, что его коробила всякая грубость, сколько из-за того, что было жалко времени.

— Этот тип тут! — продолжал гость.

— Тип? Какой?

— Господи, этот! Вывалился из гостиницы. Да, выпрыгнул, как черт из коробочки, — и где? В центре Старого Света, в английской глухомани, от которой ему полагалось бы находиться за тысячи миль!

И, плюхнувшись в кресло, Чиннери провел языком по губам, точно затравленный олень у ручья. Представьте себе оленя в роговых очках — и

вот вам мистер Чиннери в эту минуту. Ландсир[78] с величайшей радостью взялся бы писать его портрет.

— Слушайте, Эббот! Вы знаете, как мне не везло в брачных делах. Я легко увлекаюсь, вот моя беда, и слишком мягкосердечен, не могу ответить даме: «Нет!» А в результате — выбор неудачен. Троим я плачу алименты, с четвертой тянется тяжба. Поэтому я из Нью-Йорка улизнул — дошли слухи, что моя четвертая пытается всучить мне повестку. И теперь этот тип примахал сюда! Подумать только, сюда! В самую глубинку Старого Света! Нет, в голове не укладывается!

— Да какой тип?

— Я не могу! — вскрикнул Чиннери. — Я не осилю еще одних алиментов! Никакое богатство не выдержит, а ведь я не так уж богат. Некоторые думают, что богат, но они заблуждаются. Тем более, случились непредвиденные расходы, — не упустил он случая стрельнуть в собеседника намеком. — К р у п н ы е расходы. А теперь еще этот тип…

Сэр Бакстон взревел, как лев у походного костра, которого он столь красочно живописал в своей недавно изданной книжке «Воспоминания охотника» (Издательство «Мортимер Басби», 15 шиллингов). Он был человек чувствительный, и намек его задел.

— Какой тип?

— Я же вам говорю! Тот самый, которого я увидел в деревне. Знаете, кто это? Клейщик. Американский чемпион. Хвастает, что у него промахов нет. И точно ведь, мерзавец, всех достает! Настоящая ищейка!

— Клейщик? — совсем растерялся сэр Эббот. Обои у него клеили всего две недели назад, он не усмотрел в рабочих ничего зловещего. Наворотили, правда, грязи, заляпали все, но так — вполне безобидны, разве что фальшиво насвистывали «Я телом и душой…» Словом, клейщики не совмещались с образом ищейки.

— Судебный исполнитель, — растолковал Чиннери, спохватившись, что разговаривает с невежественным иностранцем.

— О?! — воскликнул сэр Бакстон. — А?! То есть человек, который вручает повестку?

Чиннери передернуло.

— «Вручает повестку»! Разит без промаха. Да перед ним кто хочешь — кролик перед горностаем. Вы бы видели, как он зацепил меня, когда первая жена… хотя нет, вторая… Как он за мной охотился! Я лег на дно в Стэмфорде, штат Коннектикут, засел в отеле и думаю: уж тут ему ни в жизнь меня не отыскать. Посиживаю у окошка, попыхиваю сигарой, радуюсь, что обставил его и — бамц! — вот он, материализовался, стоит на

приставной лестнице. Бросает мне бумаги и орет: «Эй там, мистер Чиннери! Это — вам!» Нет, представляете? Так и кинул. Я протестую, так не считается, но суд постановил — очень даже считается, и все, конец делу. А теперь, иду я по глухой английской деревушке — и что же? Выныривает из гостиницы. Как он умудрился меня разыскать? Нет, не понимаю! Откуда он вообще разнюхал, что я в этих краях? Да уж, этот тип — как индусы из храма, не читали? Один субъект украл такой камешек, глаз у идола, — ну, украл, уехал, спрятался, и вдруг видит: из-за угла идут эти индусы, все трое.

Чиннери перевел дух. Сэр Бакстон мечтательно улыбался, вспоминая счастливые деньки юности.

— В мое время в Лондоне был знаменитый клейщик, такой Бэньян, — внес и он свою лепту. — Мы его прозвали Хорек. Помню, нагрел меня на 2 фунта 7 шиллингов и 6 пенсов, задолжал я за носки. Я был польщен. Кто он, и кто я? Он — знаменитость, а я — так, зеленый юнец. Случилось это задолго до того, как я унаследовал титул.

Чиннери пребывал не в том настроении, чтобы углубляться во времена Эдуарда VII.[79]

— Какой Бэньян? Нет, какой Бэньян? Я про Булпита.

— Булпита? — вздрогнул сэр Бакстон. — Так его зовут Булпит?

И тихонько застонал, прощаясь со всеми надеждами. Расспрашивая жену, он узнал, что брат ее начал карьеру поющим официантом, затем стал коммивояжером, но и тогда не отчаялся. Казалось бы, плохое начало для блистательной карьеры, но с американцами, думал он, и не разберешь. Половина миллионеров начинали мелкими сошками. Вот, скажем, Чиннери когда-то торговал на улице. Словом, вопреки всему, Бакстон цеплялся за мечту о любящем шурине с кругленьким счетом в банке.

Но теперь все его грезы рассыпались прахом. Да, за 25 лет Булпит вырос от скромного официанта до первой из судебных ищеек Америки, это делает ему честь и показывает, чего можно достичь упорством и предприимчивостью, но иллюзиям — конец. Даже сверхталантливые клейщики не особенно богаты.

Бак сидел среди обломков надежды, грызя ручку и раздумывая о том, насколько бы все повернулось по-другому, окажись его жена сестрой Генри Форда. В разгар его раздумий дверь распахнулась, и вплыла леди Эббот, ведя в кильватере Булпита.

Появление их приветствовал оглушительный грохот, будто рухнуло тяжелое тело. Произвел его Чиннери. Взвившись из кресла, точно

загнанный олень, Чиннери весьма неудачно поскользнулся на коврике и к моменту встречи сидел на полу.

Эксцентричность его, пожалуй, удивила бы иную женщину, но непробиваемая безмятежность леди Эббот не дала и трещинки. Она бровью не повела, будто так и заведено, чтобы дородные мужчины рыбкой сигали из кресел.

— Вот это Сэм, — представила она.

Сэр Бакстон, все еще в мыслях и сожалениях, тускло взглянул на гостя. Булпит кинулся к нему с протянутой рукой.

— Приятно познакомиться, лорд Эббот!

— Экх-м, как поживаете? — промямлил сэр Бакстон, не в силах оторваться от радужных картин.

— На все сто!

В этот момент Булпит приметил, что на ковре — инородное тело, и, всмотревшись в Чиннери, издал радостный возглас.

— Вот так ну! Вот так ну! — рассиялся он. — Да тут мой старый приятель!

Беды часто выявляют в нас скрытые ресурсы. В экстремальной ситуации Элмер Чиннери повел себя достойно. До того он был похож на загнанного зверя; теперь его манеры обрели достоинство римского патриция.

— Ладно, — сказал он. — Давайте.

— Э?

— Давайте — их — сюда!

Слова его и немая просьба вытянутой руки прояснили ситуацию. Булпит понял, что вышло недоразумение, и сердечно рассмеялся.

— Решили, я за вами охочусь? Нет, дорогуша, не-ет!

Чиннери поднялся на ноги и потирал зад. Падение причинило ему довольно ощутимую боль, но в глазах забрезжил свет безумной надежды.

— То есть?

— А ни черта нету.

— Разве вы не от моей жены?

— Мистер Чиннери, — вмешалась леди Эббот, — это мой брат Сэм.

— Ваш брат?

— Ну! — радостно подтвердил Булпит.

— Приехал к нам в гости, — пояснила леди. Чиннери прозрел.

— Так вы сюда просто отдохнуть?

— Да, — подтвердила леди Эббот.

— Нет! — возразил Булпит.

— Нет? — переспросила леди Эббот. — Ты как будто говорил, что ушел отдел?

— Ну, это как сказать. Да, хотел уйти, пожить на покое. Приезжаю в Лондон — хвать одна компания… Короче, уговорили. Взял поручение. Как говорится, за двумя зайцами. Вообще-то я собирался тебя навестить, но тут я — как судебный исполнитель. Некая мисс Пруденс Виттекер предъявляет денежный иск Т.П. Ванрингэму. Нарушил обещание жениться, причинил моральный ущерб. Вот, хочу всучить ему повестку.

11

Спровадив Адриана в Лондон, Джо Ванрингэм побрел в садик «Гусака и Гусыни» и уселся там, ожидая машину, которая, как обещал Дж. Б. Аттуотер, вот-вот прибудет и перевезет его самого и его пожитки в усадьбу.

Утро достигло пределов своей прелести, залитый солнцем сад попритих, разомлев на солнцепеке, и благоухал вовсю ароматом желтофиолей. Жужжали насекомые. Откуда-то доносилось захлебистое квохтанье. Неописуемый пейзаж для мечтаний, а Джо хотелось помечтать. Он находился в том состоянии, когда человек послабее сочинял бы стихи.

Поэтому внезапное вторжение мира показалось ему особенно неприятным. Раздались торопливые шаги, кто-то грохнул калиткой, кто-то фыркнул. Джо негодующе выглянул из-за куста и увидел, что непрошенный гость — сэр Бакстон. Баронет поспешно шагал к парадной двери, не глядя по сторонам.

Негодование испарилось. Сэр Бакстон понравился ему с первой минуты, и никакие его поступки не вызывали протеста. Если хочет фыркать и скакать в такое дивное утро — пускай, его дело.

— Привет, Бак! — окликнул он. — Тренируетесь для сельской охоты?

Голос его странно подействовал на охотника. Сэр Бакстон замер на полушаге, точно сраженный пулей, и вприпрыжку припустился к нему, просто дыша ужасом.

— Джо? — воскликнул он. — Что вы тут делаете?

— Расплатился по счету, жду такси. Вам бы надо построить фуникулер.

— А вашего брата здесь нет?

— По-моему, он там, у вас.

— Слава Богу! — Сэр Бакстон отер лоб просторным платком. —

Боялся, не здесь ли он. Да, да, конечно, он в Холле.

Джо забеспокоился. Ему стало ясно, что в Эдеме разразилась какая-то беда. Уравновешенные британские баронеты не скачут, как кошка на раскаленной крыше без основательных причин.

— Что случилось?

Сэр Бакстон снова затрепетал, зловеще, как отец Гамлета, явившийся поведать свою историю любимому сыну.

— Мой дорогой! Случилось самое страшное. Разве вы не слыхали?

— Нет.

— И то правда! Откуда же!

— Да про что вы?

— Про человека, который гоняется за вашим братом с бумагами.

— С какими?

— Ох, Господи, ну, с бумагами! Вы что, не знаете, что такое бумаги? Хочет ему всучить денежный иск. Нарушил обещание жениться, причинил ущерб.

— Что-что?

— Ну да, ну да! Разумеется. Все забываю, что вы не в курсе. Так вот, моя секретарша мисс Виттекер возбуждает иск против вашего брата. Явился судебный исполнитель, всучить ему повестку. Я прямо обомлел, как вас увидел. Подумал, что ваш брат неподалеку. На открытом месте, без защиты! Этот тип может обрушиться на него в любой момент.

Бак опять вытащил платок, но теперь Джо понимал его нервозность.

— Черт! — заметил он.

— Вот именно! Что скажет княгиня, если ему удастся вручить повестку и вашего брата отволокут в суд? Вы, конечно, не встречали княгиню Дворничек… Хотя что я! Раз это ваш брат, значит — она и ваша мачеха!

— От этого никуда не деться.

— Тогда вам известно, какая она вреднющая баба… э, пардон. Обмолвился.

— Напротив, исключительно удачно выразились, — заверил Джо.

— Вам не нравится княгиня?

— По-моему, она — песок в позвоночнике цивилизации.

— Как вы ловко! Согласен целиком и полностью. Загвоздка в том, что она того гляди купит мой домик. А если узнает, что ее пасынку предъявила иск моя секретарша, сделка не состоится. Моментально оборвет переговоры! Понимаете, я ведь фактически для Табби вместо отца. Когда эта… кхм… э…

— Зараза.
— Спасибо. Так вот, когда она бросила вашего брата на меня, то она мне втолковала, что я за него отвечаю. Понимаете, с женщинами он — полнейший простофиля.
— Да, Табби слишком податливый. Другие мечтают о любви весенней порой, а он — круглый год. Его врасплох не застигнуть. Он не сидит, дожидаясь, пока заблестит крылышками голубки живительная радуга.
— Вот-вот! В общем, положитесь на меня, его не должны поймать в сети. Я еще посмеялся, у нас такой беде свалиться неоткуда. И вот вам, пожалуйста!
— Прискорбно.
— Не то слово! Моя жена говорит, все образуется. Почему? Нет, скажите, почему? Это выше моего разумения. Насколько я могу судить, дело — железное.
— Вы думаете?
— Еще бы! Ваш братец безусловно обещал жениться.
— Да, но…
— И нарушил обещание.
— Да, но…
— Мало того, у нее есть письмо. Любой состав присяжных, не покидая зала суда, присудит компенсацию.
— Однако…
— Нет, нет, не могу. Спешу. Надо повидать Аттуотера.
— Я слышал все от Табби. Верно, он нарушил обещание, но мотивы…
— Чтоб он лопнул со своими мотивами! Прошу прощения. Очень расстроен. Сам не знаю, что говорю. Как громом, буквально — как громом.
— Да уж.
— Голова кругом! Если б вы знали, как я надеялся продать этот чертов дом! Да, кстати! Ни единой душе!
— Само собой.
— Скоро вы познакомитесь с моей дочкой. У меня есть свои причины скрывать это от нее. Ей — ни полслова!
— Ни ползвука!
— Спасибо, Джо. А теперь — простите. Не могу терять время. Стою тут, разглагольствую… Дорога каждая секунда. Бегу к Аттуотеру.
— Дж. Б.?
— Да.
— С лицензией на продажу виски, вина и пива?
— Да, да, да! — И сэр Бакстон в два прыжка достиг входной двери.

А Джо остался, где сидел. Трагедия, грянувшая с ясного неба, опечалила его. Он вздохнул. По-прежнему тихий сад все так же млел на солнце. Благоухали желтофиоли, жужжали насекомые, кудахтали куры, у пса не шевельнулась и лапа. Душераздирающие страсти полыхали в истинном раю.

Это представлялось особенно грустным, и Джо, несомненно, погрузился бы в бездны философствования, если бы его не прервали как раз тогда, когда он говорил себе: «Такова жизнь». Опять стукнула калитка, пожаловал новый гость.

К Джо направлялся коротышка в мешковатом костюме, с которым они недавно обменивались любезностями через открытое окно. Шагал тот споро, розовое лицо усеивали бисеринки пота, и по-прежнему жевал резинку.

Джо краем глаза наблюдал на ним. Он ничего не имел против этого человечка, лишь бы тот шел своей дорогой, не мешал думать. Ходят тут всякие, а ему не нужен никто — ни короткие, ни рослые, ни розовые, ни бледные, ни круглые или там овальные. И он грозно выпустил прибереженное кольцо дыма.

Но на коротышку дымовое кольцо не произвело ни малейшего эффекта. Шел он поговорить, и разговор завел немедля:

— Ничего погодка!

— Вы мне это уже сообщали, — напомнил Джо.

— Но — жарковато! Жарковато. А я еще бежал.

— Вот как?

— Да-с. Бежал. Весь в мыле. Взопрел, как негр на выборах, — с поэтичной образностью добавил он.

Джо счел, что коротышка слишком напирает на физиологические подробности, но промолчал, надеясь, что молчание утешит собеседника.

— А я вас искал, — сообщил коротышка. — Хотел потолковать насчет парохода. Ну, плавучего дома. Который вы перехватили. Случайно услышал, когда в гостиной сидел. Как, не хотите сбагрить?

Беседа начала увлекать Джо, которого уже навещала мысль, что недурно бы сплавить «Миньонетту».

— А вам он нужен?

— Да-с. Еще как! Интересно, знаете, — плавучий дом. Нацарапайте одну строчку, Булпит меня зовут. Вот вам ручка, вот бумага, а я тут же денежки отдам. На какой сумме сойдемся?

— Владельцу я обещал, что заплачу 20 фунтов.

— Порешим, значит, на 25-ти?

— Нет, нет! Не хочу наживаться.

— Неделовой вы человек! — укорил покупатель.

— Я — поэт. Мечтатель.

— Ладно, подходит вам, подходит и мне. Давайте расписку. Держите двадцатку. Тэк-с, мерси. Иду паковаться, — заявил толстячок, с очевидностью доказывая, что соображает он на ходу, а замыслы осуществляет немедля.

Он сноровисто зашлепал к гостинице, а через несколько минут оттуда показался сэр Бакстон.

Баронет заметно изменился к лучшему. Нельзя сказать, чтобы он сиял в буквальном смысле слова, но волнение почти улеглось, он явственно охорашивался.

— Подставил негодяя!

— Что-что?

— Клейщика этого! Перехватил! Знаете, что пришло мне в голову?.. Как озарило! Что нужно армии?

Вопрос этот поставил Джо в тупик. Ему показалось, что они несколько съехали с темы, но он добросовестно поразмыслил.

— Еда? — предположил он.

— База! — возразил сэр Бакстон. — База для вылазок. А какая база ему доступна? Только «Гусак и Гусыня». У нас тут не модный курорт. Тут лишних комнат нету. Закройте для Булпита доступ в «Гусака» — и он беспомощен! Он в тупике! А я только что переговорил с Аттуотером, он служил у меня дворецким до того, как купил гостиницу. Короче, дорогой мой, я ему велел вышвырнуть этого мерзавца. Пусть наврет, что комната понадобилась или что-нибудь в этом роде. Так он и поступит. Голубчик наш лишится базы. Хотел бы я взглянуть на его физиономию! — И сэр Бакстон приятно хихикнул.

Джо его веселости не разделил. Желание это, предчувствовал он, сбудется, и весьма скоро. Но физиономия будет сиять не бессильной яростью, а тихой радостью.

Предчувствия его не обманули. В эту самую минуту из гостиницы выкатился Булпит, таща чемодан размерами чуть ли не с него самого. Под его тяжестью он пыхтел, но на лице у него сияла именно радость.

Однако сэр Бакстон оттенков не разглядел. Намереваясь поликовать, посмаковать, понасмехаться, он крикнул:

— Эй, Булпит!

— Что, лорд Эббот?

— Я не лорд! Уезжаете от нас, ха-ха?

— Да-с. Перебираюсь в плавучий дом. Давно хотелось пожить на вольном воздухе, как говорится. Цыганская, видно, натура!

12

Сэр Бакстон не сразу нарушил тишину. Чуть не целую минуту он сражался с чувствами.

— Плавучий дом? — наконец выговорил он.

Джо становилось все яснее, что ситуация требует самого деликатного подхода, и он намеревался поаккуратнее выбирать слова. Теплая благодарность к Булпиту его переполняла. Вот такие люди, говорил он себе, ему по вкусу: скупые на слова, они обладают актерским чутьем, чтобы уйти на эффектной реплике! Да, Булпит не стал застревать в саду, и правильно сделал — подробности привели бы к немалому смущению.

— Плавучий дом? — переспросил сэр Бакстон. — Он сказал — плавучий дом?

— Н-да, что-то такое, — кашлянул Джо.

— Какой же это, интересно?

— Уж не ваш ли? — предположил Джо.

— Там живут. Такой, знаете, Пик.

Джо покашлял снова.

— Хотел как раз сказать. Недавно я болтал с этим Пиком, и у меня сложилось впечатление, что он подумывает об отъезде. Боюсь, что Пик сдал судно в поднаем этому самому Булпиту.

— А, черт!

— Очень боюсь. Не хотелось расхолаживать вас предположениями, когда вы обрисовали свой изумительный план — как убрать Булпита со сцены, но мне приходило в голову: а что, если этот пройдоха продумал на ход вперед? Так и оказалось. Обратился к Пику, а Пик сдал ему плавучий дом.

— Я бы этому Пику!..

— Он у многих вызывает подобные желания.

— Сам напрашивается! Так бывало?

— И нередко.

Они помолчали. Сэр Бакстон насупился. Мимо носа у него прозвенела пчела, он холодно глянул на нее и, развернувшись, тяжело побрел к калитке.

— Прямо не придумаешь, — заметил Джо, следуя за ним, — что и

сказать про такого субъекта. Любой смекнул бы, что Булпит неспроста просит в аренду плавучий дом. Ребенок, и тот заподозрил бы нечистое. Но не Пик! Ему хоть бы хны!

— Видимо, туп, как осел.

— Да, интеллект самый средний. Не знаю, видели вы его? Такой слюнтяй…

— Смылся, а нам-то каково?!

— Этого не прощают.

— Я и не собирался ему прощать, — откликнулся сэр Бакстон. — Я стараюсь сообразить, как же нам теперь выкарабкаться?

— Н-да, поломаешь голову. Насколько я понимаю, повестку надо вручить лично ответчику? Булпит не может попросту сунуть ее в конверт и послать Табби по почте?

— Нет. Надо лично. Хотя Чиннери вон говорил, ее можно и кинуть в человека.

— Как это — кинуть?

— Чиннери кинули повестку из-за второй жены. Этот самый Булпит и швырнул. Окликнул: «Эй, там!» — и кинул ему на колени.

— Не представляю, как повторить этот трюк. Разве что он — чемпион по метанию копья. Посудите сами, он — на реке, Табби — в Холле.

— Ваш брат не выйдет?

— Об этом уж мы должны позаботиться. Я лично буду наблюдать за ним, как ястреб.

— Спасибо, Джо.

— Рад служить, Бак.

Со скрипом и кряхтеньем показалось наемное такси, обещанное Дж. Б. Аттуотером, и затормозило рядом с ними. Они забрались в него и отбыли.

— Да-а, — произнес Джо. — Отныне Уолсингфорд Холл придется считать осажденной крепостью. И все из-за Пика.

— Какой, однако, мерзавец! — Сэр Бакстон тяжко пыхтел.

— Ничего. Неся бдительную вахту, мы сумеем отбиться от Булпита.

— Лишь бы продержаться, пока княгиня не купит усадьбу.

— Верно.

— Она — моя единственная надежда. Такие идиотки на кустах не растут.

— Ясно. Я уверен, нам удастся сорвать страшный замысел. Господи, люди нашего с вами интеллекта против типа, который все время жует жвачку! И носит такую шляпенцию! Да куда ему!

— Вы правда так считаете?

— Уверен! Просто уверен!

— Спасибо, Джо.

— Чем могу, Бак.

— Удивительно, — сказал баронет после молчаливого раздумья. — Кто бы мог подумать? Мисс Виттекер! Вам бы пришло в голову, что она отчудит такое?

— Ни в коем случае!

— И мне тоже. Просто обалдел! Обалдел и опешил. Чиннери говорит, мне надо ее уволить. Как же я могу? Мне и дня без нее не управиться. Наступит хаос! Если б она украла мое серебро и еще меня прирезала, и то пришлось бы ее оставить.

— Неловкое положение.

— Вот именно!

— Я сказал бы даже, стеснительное.

— Нет слов! Мужчине предъявляют иск за нарушение обещаний, девушка этот иск предъявила, — и они живут в одном доме! Положеньице, а?

— Тормозит оживленную беседу за обеденным столом.

— Вот именно. А что я могу?

— Трудно, трудно…

— Да, увольнять ее никак нельзя, но я буду держаться сдержанно и холодно. Не уверен, нужно ли здороваться. Ка-ка-ая гадюка!

— Вполне понимаю ваши чувства. — Джо сочувственно покивал. — Разумеется, нужно учитывать интересы обеих сторон. У нее есть мотив. Ею пренебрегли, знаете ли…

— И то правда.

— Женщине вообще неприятно, когда ею пренебрегают, а уж когда пренебрегает баран вроде Табби… Хуже некуда!

— Конечно, конечно.

— Поэтому я ее не особо виню. Нет, кто меня изумляет, так это Пик! Тут я немею!

— Я тоже.

— Всегда стараешься в каждом отыскать приятную черточку. Обычно это удается. Но когда доходит до Пика, невооруженным глазом всматриваться бесполезно. Нужен микроскоп! Это надо же, сдать Булпиту плавучий дом!

— Идиот распоследний!

— А знаете, — Джо совсем помрачнел, — такой ли уж он болван? Может, скорее хитрец?

— Э?

— Что, если действовал он намеренно, со злым умыслом? Это вероятно. Может, он был в сговоре с Буллитом с самого начала.

— А, черт!

— Это многое объясняет.

— А он из тех, кто способен вступить в сговор?

— Из тех самых!

— О, Господи! А я-то еще пригласил его!

— Я б его и близко не подпускал. У вас там есть псы?

— Да, парочка есть.

— Попытается проникнуть в дом — напустите на него.

— Это же спаниели!

— Все лучше, чем ничего, — решил Джо.

Такси подкатило к парадному входу, сэр Бакстон выпрыгнул прытким кроликом. Как всегда, увязнув в затруднениях, он спешил к жене; уж она приложит к израненной душе успокоительный бальзам безмятежности! Джо последовал за ним не так стремительно. Он расплатился с водителем, отдал чемоданы на попечение Поллена, и только тогда, не спеша, двинулся на террасу. Вскоре, предполагал он, подадут второй завтрак, но до еды есть еще время освоиться.

Террасу ограждала балюстрада, на ней были натыканы цезари и другие древние знаменитости, установленные в те многомудрые времена, когда обожали всяческие бюсты. Первым стоял Катон, препротивный на вид. У него был слишком длинный нос, а полное отсутствие глазных яблок компенсировалось верхней губой, при виде которой каждого мальчика одолевает соблазн пририсовать усы.

У Джо — вот везенье! — карандаш нашелся, он погрузился в работу, и так увлекся, что даже недоуменное восклицание услыхал не сразу.

Он обернулся. Позади стояла Джин Эббот.

Если вы снимете с полки «Воспоминания охотника» и откроете их на странице 51, то найдете абзац, подробно описывающий реакцию автора, когда, новичком на Темном Континенте, он нырнул поплавать в реку Лимпопо и обнаружил, что здесь в моде совместные купания — удовольствие разделяли с ним два юных крокодильчика. Абзац мощный, захватывающий, не оставляющий сомнений, что рассказчик пережил настоящую встряску. Особое впечатление произвел на сэра Бакстона крокодил слева; его взгляд он описывает как холодный, пронзительный и недружелюбный.

Сходные определения применимы и ко взгляду, который устремила Джин на рисующего Джо.

Подобно сэру Бакстону в реке Лимпопо, Джо на минутку растерялся. Он, конечно, предвидел, что, получив доступ в Уолсингфорд Холл, встретит там Джин, да, собственно, этого и хотел, но внезапность ее появления застигла его врасплох. Когда он встретил взгляд ее глаз, похожих на синие льдинки, он испытал встряску, сходную по остроте с той, что испытал его хозяин на реке Лимпопо. Сэр Бакстон отметил, что перед ним поплыли не только крокодилы, но и весь близлежащий уголок Африки. Случилось это и с Джо. Кроме того, ему показалось, что нечто острое и холодное пробило его насквозь.

Но очень скоро он опомнился. После встречи с мисс Виттекер он испытывал то ощущение, которое испытывает боксер, если ему дали под дых, или чудом выживший солдат из Летучей бригады. Человека, недавно покинувшего такое общество, нелегко заморозить. Да, глаза Джин напоминали льдинки, но со взором мисс Виттекер им было не сравниться.

— А-а, вот и вы! — дружелюбно приветствовал ее Джо.

— Что вы тут делаете?

— Живу.

— Что?!

— Ваш очаровательный дом стал теперь и моим. Я — гость вашего отца. Если Уолсингфорд Холл, как многие английские поместья, открыт для широкой публики по четвергам, отныне дворецкий, водя посетителей по дому, сможет включить в свою речь фразы: «А сейчас мы приближаемся к банкетному залу. За столом тут обедает, словно простой смертный, великий драматург Джозеф Ванрингэм». Как только новость разнесется, народ валом повалит, и в копилку у ворот потекут дополнительные шиллинги.

Он умолк и пристально вгляделся в Джин.

— Поправьте меня, если ошибаюсь, но мне кажется, вы не совсем довольны нашей встречей.

— Терпеть не могу, когда меня преследуют!

— Что?! — Джо изумился до глубины души. — Вы, что же, решили, что вас преследуют? Конечно, я рад вас встретить… но откуда же мне было знать, что вы тут живете?

— Могли зародиться подозрения, когда я сама сказала.

— А вы сказали? Поразительно! Когда же?

— Вчера, в кафе.

— Не может быть!.. Хотя… минуточку… Погодите… О, Боже! И

правда!

— Да уж, правда.

— Так, так, так, теперь и я припоминаю. Разом нахлынуло. Я еще сидел напротив" вас и спросил: «Вы живете в Лондоне?»

— Правильно.

— А вы ответили — вы сидели вон та-ам: «Ах нет, в Уолсингфорд Холле!» Верно, верно! Вы абсолютно правы! Ну и ну! Удивительно, как вылетает из памяти…

— Да-а…

— Теперь понятно, что у вас зародилось заблуждение, будто я вас преследую. Но нет, я здесь по другой, очень простой причине.

— Вот как? С радостью послушаю.

— Я приехал, потому что у вас гостит мой брат Табби.

— Да?

— Да. Наскочил на него случайно, а он так расхваливал местечко, еду здешнюю, общество. Убеждал не упускать случая, я и загорелся. Почувствовал, что мне непременно надо тут пожить. Ешь — не хочу, уговаривал Табби, беседы сверкают остроумием, дивные пейзажи, чудесный воздух, горячая и холодная вода. В общем, соблазнил.

— Странно. А в кафе вы и не обмолвились, что встретили его.

— Надо бы, конечно. Но не забывайте, в голове у меня царил сумбур после бурной ночи. Кутил с актерами! Я ведь как будто уже говорил, что накануне состоялась премьера? Успех — оглушительный!

— Говорили, говорили.

— А рецензии читал?

— Нет.

— Хотите послушать?

— Лучше не надо.

— Ну, вам виднее. Как появится настроение, только намекните. Так вот, Табби меня завел, я упаковался и прикатил. Надеюсь, вы принимаете такое простое, достойное объяснение? Верите, что у меня и в мыслях не было прикатывать сюда ради вас?

— Нет, не верю.

— Так я и знал! А вроде бы мотив безупречен. Да, женскую интуицию не обманешь. Ладно, выложу начистоту. Я действительно последовал за вами. Неужели вас это удивляет?

— Куда там! Ваши поступки удивить меня уже не могут.

— Нет, не надо так говорить! Вы еще не видели меня в ударе. Но возвращаюсь к теме. Почему бы тонкому человеку не воспользоваться

первой же возможностью, чтобы извиниться за свою неотесанность? Я предложил вам с ходу выйти за меня замуж. Как вспомню, так краснею. Знал вас каких-то двадцать минут! Нет чтоб часок повременить… Вы простите меня когда-нибудь?

— Какое мне дело…

— Ну вот! Опять эта надменность! Избавляйтесь от нее, это ваш единственный недостаток.

— Пожалуйста, не разговаривайте со мной как гувернантка.

— Pardon.

— Не за что. Я так, к слову. До свидания.

— Как? Уже уходите?

— Да.

— Странно! Всякий раз, как мы встречаемся, вы внезапно убегаете.

— Ничего странного.

— Вы правда бросаете меня, Джинджер?

— Не Называйте Меня Джинджер!

— Ах! Все прекрасное уплывает, как вода. Но со мной остается мое искусство!

И Джо повернулся к Катону. Усы выходили недурственные, тонкие, изящные, с острыми кончиками, не какое-то там размазанное пятно. Катон стал похож на картежника с Миссисипи, и Джин не устояла. Ее чопорность, всегда легко дающая трещину, раскололась вдребезги.

— Ой, какой вы идиот!

— Вот это тон. Это я понимаю.

— На вас нельзя злиться!

— Я бы и начинать не стал! Ну, как?

— Слева надо бы погуще, — подсказала Джин, критически обозревая Катона.

— Так?

— Ага, получше. А может, ему бакенбарды пририсовать?

— Как вы правы! У вас врожденный дар художника. Минутку, минутку…

— Приятно думать, — задумчиво сказала Джин, — какую взбучку закатит вам отец. На кусочки растерзает!

— Ну, что вы! Бак угорит со смеху. Человек он со вкусом, оценит усовершенствование.

— Бак?

— Он сам просил его так называть. «Для вас, дорогой Джо, я — Бак!» Мы с ним, как бекон и яичница. Бывает дружба с первого взгляда. При

данных обстоятельствах она очень кстати.

— Почему?

— Потому что… Ну, просто кстати, и все. Д теперь, — велел Джо, — притащите карандаш, и поглядим, что можно сделать еще с этими чудищами. Хотя нет, — поправился он, услышав звон гонга, — боюсь, придется отложить. Встретимся тут, в 2.30.

— И не подумаю!

— В 2.30 ровно.

— В 2.30 ровно я буду играть в крокет с Во-Боннером.

— Кто такой?

— Один из постояльцев.

— Вам много приходится с ними общаться?

— Немало. Бак самым постыдным образом удирает от них.

— Тогда точно в 3.30.

— Не выйдет. В 3.30 я буду одеваться для светских визитов к местной знати.

— Разве визиты наносит не леди Эббот?

— Что вы! Она знать не желает всех этих церемоний. Джо сочувственно посмотрел на Джин.

— Так. Мне все яснее, что вы в этом доме — Золушка. Всю черную работу спихивают. Ладно же! Подождите, пока у вас будет собственный очаг, с подкаблучником мужем, всегда готовым выполнить любой каприз. Жизнь чудесно переменится. Перед вами — светлое будущее!

Они направились в дом, Джо — оживленный и веселый, Джин — грустноватая. Она припоминала впечатление, сложившееся у нее вчера, в кафе. Ей показалось, что этот человек добивается, чего захочет; а это было тревожно.

Не подозревая о том, она испытывала чувства, очень сходные с чувствами Чиннери, когда его преследовал Булпит.

13

Информация, полученная по телефону и через посредство Пруденс переданная сэру Бакстону, о том, что княгиня Дворничек, завершив свою миссию в Америке, вот-вот прибывает в Англию, строго соответствовала фактам. Ее пароход пришвартовался в Саутгэмптоне на следующее утро после вторжения Джо в Уолсингфорд Холл, а назавтра вечером она отмечала приезд, давая званый обед у себя дома, на Беркли-сквер, для

полковника Вэдсли с женой, с которыми познакомилась на корабле, и для Адриана Пика.

Когда по приезде домой Адриан обнаружил на столе записочку от своей покровительницы, приказывающую явиться на обед, чувства его были смешанными: и удивление (он не рассчитывал на ее приезд раньше чем недели через две); и облегчение (он не пропустил ее приезда); и, наконец, опаска. Сейчас, когда он, теребя галстук, наблюдал ее прощание с гостями, опаска преобладала. Внимательный наблюдатель отметил бы в его манерах беспокойство и нервозность. Адриан, заключил бы наблюдатель, нервничает и обеспокоен; и был бы прав.

Физически Адриан чувствовал себя отменно. После длительного воздержания он наконец-то возобновил знакомство с блюдами одного из лучших поваров Мэйфэра[80] и, под действием икры, бульона, лосося, жареной утки и несравненного суфле, цвел, как роза на летнем припеке. А вот душевный его уровень находился ниже нулевой отметки. У него сосало под ложечкой, как случалось с ним в приемной дантиста. Сейчас он останется наедине с грозной женщиной, впервые после того, как проводил ее на пароход примерно месяц назад, — и он поеживался в страшном предчувствии. Вот-вот, думал он, ему велят отчитаться по минутам о том, что он делал без нее. Нервничать его побуждала опаска, как бы с языка, смазанного непривычным вином, не соскользнуло неосторожное слово, и Элоиза не узнала, что, среди прочего, он обручился с Джин Эббот.

Подгадать вовремя тут вообще тяжко, но выступать с этим сейчас — просто невозможно. Создалась столь щекотливая ситуация, что у Адриана глаза из орбит лезли при одной мысли о ней.

Заявление Табби, хотя и воспринятое Джин как треп идиота, было скрупулезно точным. Накануне отплытия княгини в Америку, под влиянием точно такого же обеда, Адриан с ней обручился.

Как же это, спросите вы? Хрупкий молодой человек, очевидно не предназначенный для авантюр, оказался способен на опасный подвиг — обручился с двумя женщинами, когда одна из них, к тому же, и в спокойном состоянии похожа на тигрицу! Ну и что? Отвага его объяснялась весьма просто.

Вкратце, как мы уже отмечали, он предполагал, что кандидатка № 1 вернется значительно позже, а к тому времени он уже прочно свяжет себя с кандидаткой № 2. Как только его официально примут в дом богатого баронета, будет легко освободиться от обязательств перед княгиней. Несколько слов сожаления, и то — по телефону, который для этого и существует.

Но возникли осложнения, вроде отца с хлыстом, и ему стало ясно, что мечтания о добродушном сэре, похлопывающем его по плечу и швыряющем щедрые суммы, надо списать. Всю энергию, понял он, следует пустить на укрепление более ранней сделки. Адриан был не чужд сантиментов, и, предоставь ему судьба свободу выбора, предпочел бы деньги и Джин деньгам и княгине; но практичность диктовала иное.

Вечером, перед тем как лечь, он намеревался написать изысканным слогом, что затея их безнадежна, отец — непоколебим, и остается разлука.

Так оборвет он все концы. Однако сейчас важно другое —.говорить как можно осмотрительнее. Нервно облизывая губы, Адриан молился, чтоб язык не предал его.

Дверь хлопнула, вернулась княгиня. Она была женщина крупная, но плавных очертаний, двигалась грациозно и иногда, к примеру — сейчас, когда она, быстро скользнув по гостиной, опустилась в кресло, напоминала тигрицу в клетке. Тащась за ней, Адриан чувствовал, как возрастает его тревога. Вынув палец из-под галстука, он оттянул воротничок.

— Ну, слава Богу, ушли! — произнесла княгиня.

Адриан ухватился за ниточку, чтобы хоть на время оттянуть отчет, в предчувствии которого так измаялся. Настроения этой женщины он знал и видел, что сейчас они у нее далеки от благодушия. Что-то, чуял он, ее расстроило. Как неприятно блестят карие, яркие глаза, какое жесткое лицо, какое сходство с тигрицей, у которой утянули из-под носа большую кость! Ему показалось, что легкая светская беседа разрядит обстановку.

— Это кто такие? — спросил он.

— Познакомились на пароходе. Водили меня вчера в театр.

— Правда? В какой же?

— В «Аполлон».

— Забыл, что там идет.

— Пьеса «Ангел в доме».[81]

— Да, да, слыхал!

— И что же, любопытно?

— Грандиозно! Говорят, продержится не меньше года.

— Да? Сомневаюсь.

— Что, плохо?

— Не в том дело.

— Какого-то нового драматурга?

— Ее написал, — сообщила княгиня, злобно сминая в пепельнице сигарету, — мой пасынок Джозеф.

Адриан начал проникаться ее чувствами. Ее мнение о пасынке было

ему хорошо известно, и он сочувственно подумал, как, наверное, досадно и горько той, кто, долгие годы считая его кретином, внезапно открыла, что он достиг успеха! Отказываться от прежних слов было бы поздновато, но можно выказать единодушие, принизив автора.

— Мне он тоже не нравится!

Княгиня вскинула на него глаза, одобрительно, но удивленно. Она и не подозревала, что Адриан знаком с Джозефом.

— Вот как?

— Ни чуточки! Вот бы хряснулся макушкой!

— Что?

— О притолоку…

Он в смятении прикусил язык, с которого чуть не слетело «плавучего дома». Шампанское и утка подточили разум, ослабленный долгим воздержанием, и чуть не привели к роковой откровенности.

— Моей двери, — промямлил он.

— Ничего не понимаю!

— О притолоку моей двери. Надеялся, что он хряснется макушкой об эту притолоку. Кто-то привел его ко мне на коктейль. Притолока у меня низковата, а Джозеф высоковат. Вот я и говорю, пусть бы стукнулся головой. Но, — заключил Адриан, наигрывая изо всех сил веселье, — он… э… не стукнулся. — И достав платок, отер лоб.

— На коктейль? Интересно!

Металлическая нотка в ее голосе была излишня; до него и так доехало, что, счастливо избежав одной ловушки, он кувыркнулся в другую. Слишком поздно вспомнил он, что, провожая нареченную, жарко клялся ей вести затворническую жизнь, никуда не ходить, ни с кем не встречаться, словом — чахнуть в одиночестве. Ему опять потребовался платок.

— Значит, пока меня не было, ты закатывал вечеринки?

— Всего одну.

— И, конечно, наприглашал смазливых девчонок?

— Нет. нет! Пригласил двух-трех приятелей.

Резкий, негармоничный звук, слетевший с губ его собеседницы, формально назывался смехом, но веселья в нем не слышалось.

— Приятелей… А я так думаю, едва я повернулась спиной, ты принялся крутить любовь со всеми встречными девицами.

— Элоиза!

— Хотя зачем спрашивать? Все равно солжешь.

Адриан поднялся. Ему давно уже хотелось очутиться подальше, и фраза эта показалась самой подходящей для достойного ухода. Сходство

хозяйки с тигрицей настолько усилилось, что в гостиной как бы выросли прутья и потянуло странным запахом. Недоставало укротителя в каскетке да костей на полу, а так — зоологический сад, просто вылитый.

— По-моему, мне лучше уйти, — тихо, оскорбленно проговорил Адриан.

— Сядь!

— Я не желаю…

— Садись!

— Элоиза, ты меня оскорбила! Мы встретились после долгой разлуки, а ты…

— Кому сказано? Сесть! Адриан сел.

— Не трать время попусту, — приказала княгиня. — Какие обиды? Что я, тебя не знаю? Знаю, и ни на грош тебе не верю.

— Помилуй, Элоиза!

— Ни на дюйм! Для тебя слаще нет, чем меня дурить.

— Скажу одно, ты в весьма странном…

— Ничего. После нашей женитьбы не очень-то разгуляешься! Жить мы будем в деревне.

— Что?!

— Уж там я сумею за тобой уследить!

Хотя вряд ли кто мог бы назвать Адриана человеком чувствительным, такое настроение все-таки показалось ему не совсем подходящим для романтического союза, о чем он и сообщил.

— Мой девиз — «Безопасность прежде всего!» — возразила княгиня. — Я категорически не намерена отпускать тебя без привязи в Лондон. Так я и думала, ты недоволен. Глотни-ка виски.

Совет показался Адриану неплохим. Пройдя гостиную, он щедро налил рюмку и одним глотком осушил ее.

Слова эти нанесли смертельный удар его мечтаниям. Деревню он на дух не выносил. Лишь в ярком вихре большого города мог он и жить, и выражать себя. Поверх рюмки Адриан тупо смотрел на княгиню. Мысли у него бродили самые мрачные. Конечно, он знал, что, если женишься на властной аристократке из чисто коммерческих соображений, надо быть готовым и к розам, и к шипам; но не предполагал, что шипы окажутся такими колкими.

— Так что, укроти свою резвость, — добавила княгиня игриво, а на его взгляд — вульгарно и неостроумно.

— Элоиза, ты все обдумала?

Снова она расхохоталась тем же негармоничным смехом.

— Да уж, все!

— Учла последствия?

— А именно?

— Стоячее болото. Отказ от всякой радости. Такая блестящая женщина, как ты, привыкшая быть центром самого избранного, самого умного круга! Ты не вынесешь. Ты захиреешь. С чего ты надумала похоронить себя в деревне, за сотни миль от Лондона?

— Совсем не за сотни. Эта усадьба — в Беркшире.

— В Беркшире?

— Уолсингфорд Холл.

Ковру в гостиной повезло, что рюмка опустела несколько секунд назад, ибо при этих словах она мышкой скользнула на пол.

— Уолсингфорд Холл!

— Ну да. Ты, что, его знаешь?

— Э… э… слышал.

— От кого?

— Я… э… встретил… э… Познакомился с мисс Эббот.

— Где?

— Да так, у одних, в Сассексе.

— Ах, ты еще и в усадьбах гостил? Да, бурная жизнь… Вечеринки что ни день, визиты…

Адриан испытывал примерно то, что испытывает бык на арене. Он уже прикидывал, стоят ли этого все деньги мира? Но воспоминание об утке, тем более о суфле, укрепили его решимость.

— Какое там! — отчаянно вскричал он. — А к тем людям мне пришлось ехать! Не сумел отвертеться! Давно пригласили! Есть в конце концов светские обязательства!

— О, несомненно. Имоджин Эббот тоже была там?

— При чем тут я?

— Я тебя и не обвиняю. Что она говорила про Уолсингфорд Холл?

— Что дом мерзкий и уродливый.

— Ничего уродливого не вижу. Лично мне он понравился, и я намерена его купить. Поеду туда послезавтра, поживу несколько дней, все урегулируем. Завтра буду консультироваться с юристами. Наверное, после той вечеринки ты часто встречался с мисс Эббот?

— Ни разу ее не видел.

— Немного потерял. Бесцветная девица.

— Вот именно!

— Хотя некоторые как будто находят ее хорошенькой…

— В своем роде, возможно.

— Ну, из-за нее-то я как раз не тревожусь. Какая бы она ни была, тебе она не подходит. Бедна, как церковная мышь

— Что?!

— А ты не знал? Уж про это ты должен бы разведать первым делом. У Эбботов — ни пенса, их предок, еще при Виктории, растранжирил все на этот дом. Сэру Бакстону приходится держать платных гостей, чтобы сводить концы с концами. Моя покупка для него — дар небес.

Адриан облизал губы. Глаза у него стали круглыми и стеклянными.

— Наверное. Наверное… э… ну…

— Ты уходишь?

— Мне пора.

— И правда, поздновато. Рада, что мы все с тобой обсудили. Жду завтра днем. Спокойной ночи.

— Э-хм… спокойной…

Адриан поцеловал ее, рассеянно спустился по лестнице и позволил дворецкому надеть на себя пальто. Шагая домой, он нырнул в глубокие раздумья.

Надо же, как на краешке уберегся! Просто из бездны выдернули. После того как он узнал воззрения баронета на нищих ухажеров, его не навещала добрая мысль, но теперь он подумал о нем тепло. Если б не позиция, которую занял этот достойнейший человек, сейчас он, Адриан, увяз бы в отношениях с девушкой, чей отец едва сводит концы с концами. От этой мысли его пробрал ледяной холод.

Невольно он сердился на Джин. Нет, правда, как она обошлась с ним! Конечно, он не считал себя жертвой намеренного надувательства, но был убежден, что невзначай, в шутку, она могла бы намекнуть о семейных финансах, прежде чем допускать, чтоб их отношения продвинулись так далеко. Что ей стоило пояснить свое замечание о постояльцах?

Как-то, в дни его детства, тетушка, гостившая у них, сказала, чтобы он заглянул в ее комод, там — премиленький сюрприз. Когда он затопал наверх, надеясь хотя бы на полкроны, а может — и на десять шиллингов, и даже улетая в мечтах к фунту (в конце концов, у тетки меховое манто и машина), то обнаружил дрянной, уродски разрисованный мячик, ценой самое большее в шесть пенсов.

Подобные чувства испытывал он и теперь. Чуть больше откровенности, чуть больше открытости — и сколько пылких мужчин были бы спасены от союзов не с теми женщинами!

Войдя к себе, Адриан тотчас засел за письмо изысканным слогом. Но

едва он обмакнул ручку в чернильницу, как чудовищная мысль взорвалась у него в мозгу, и он вскочил, дрожа всем телом.

— ТАББИ!

Адриан начисто упустил из виду, что Табби тоже гостит в усадьбе.

Будущее развернулось у него перед глазами, словно фильм ужасов. Элоиза сказала, что отправится туда послезавтра. Он видел: вот она встречается с Табби; тот сообщает ей, что Адриан жил на «Миньонетте»; она, как всегда, проницательно складывает два и два и, получив «четыре», обрушивается на него, требуя объяснений.

Живот у него свело, словно кто-то его скрутил. Если допустить такой поворот событий, это — конец! Можно попрощаться с легкой и привольной жизнью. Княгиня *знала* его, как показал сегодняшний вечер, — слишком хорошо, но все равно не бросала. Однако есть границы, за которыми его чары бессильны. Если она разнюхает про Джин, за эти самые границы его и вышвырнут.

Остается один выход, единственный способ спастись от крушений и бедствий. Надо завтра же поехать в Уолсингфорд Парву, связаться с Табби по телефону (даже теперь он не смел являться в дом, где маячит сэр Бакстон), и уговорить его, чтобы он молчал.

Адриан улегся спать. Проснувшись на другое утро, он вспомнил, что не написал Джин, и занялся этим после завтрака.

14

Если мы скажем, что неожиданный приезд брата, желающего вклеить повестку одному из ее гостей, расстроил леди Эббот, мы преувеличим. Не из тех она была женщин, которых легко расстроить или даже встрепенуть. Но, как безмятежная королева, в чьем королевстве разразилась гражданская война, она отозвалась на ситуацию со всей доступной ей силой чувств. Она отрешенно думала, что надо бы что-то предпринять. В общем, ей было все равно, но она видела, что события тревожат ее Бака, а она терпеть не могла, когда он тревожился.

Примерно через час после ленча, на другой день после званого обеда у княгини, леди Эббот испустила легкий вздох, какой испустил бы философ на костре, и, прихватив спаниелей Джеймса с Джоном, направилась к «Миньонетте», словно величественный галион, выплывающий из порта в сопровождении вертких яликов. Надо было дать своевременный совет незваному гостю.

Намерение это делало ей громадную честь, она никогда не любила пеших прогулок. Побродит по саду после завтрака, пройдется раза два по террасе перед обедом, и все, нагулялась. И вот она пустилась в долгий путь, целых полмили, не задумавшись ни на секунду, как отзовется обратный подъем на ее ножках. Ее вела великая душа.

Булпита она обнаружила на плоской крыше. Розовые щечки и искорки радости во взоре говорили, что ему по нраву новое обиталище. Булпиту и правда тут нравилось. Он впервые жил в плавучем домике, но приспособился с гибкостью человека, которого жизнь вынуждала скитаться по американским захолустным гостиницам. Скудные пожитки он удобно разместил в салоне, запас жвачки у него был, недоставало только Библии. Поистине, домашний очаг.

Приближение сестры он заметил не сразу, ибо взгляд его был прикован к Уолсингфорд Холлу. В отличие от Джо, который смотрел на это причудливое сооружение словно на храм, и Адриана Пика, глядевшего на него как на Монетный двор, он разглядывал усадьбу взглядом генерала, которому предстоит взять осажденную крепость.

Внимание его отвлекло тявканье Джеймса и Джона, которые прежде не видели, чтобы человек сидел на крыше, и заподозрили заговор большевиков.

— Привет, сестра! — обрадовался Булпит и, осторожно спустившись на луг, ласково ее обнял. Успокоенные спаниели пошли обнюхивать кротовые кочки. — Молодец, что пришла проведать. Я уж подумал, не обиделась ли.

Леди Эббот высвободилась не то чтобы сердито — не в ее натуре было сердиться, — но с некоторой суровостью. Планам брата она никак не сочувствовала. Перед глазами ее всплывали картинки — вот Бак, хмурясь и грызя трубку, мечется по террасе, словно вспыльчивый тигр, у которого тащат детеныша.

— Сэм, я хочу с тобой поговорить. Булпит насторожился.

— Да?

— Ты должен отступиться.

Булпит покачал головой. Этого он и опасался.

— Ну, что ты! Никак нельзя. Это дело чести, профессиональная гордость, как у конной полиции.

Четверть века назад, владея дерзким жаргоном гримерных, Алиса нашлась бы, как отметелить эту честь; но жены баронетов считаются с надменно вскинутыми бровями, и она растеряла былой задор, а сейчас — просто охнула.

— Женщинам такого не понять, — упорствовал Булпит.

— Я одно понимаю, у тебя хватает нахальства приставать к людям в доме родной сестры!

— Для настоящего клейщика никаких сестер нету, — афористично заметил он.

— Значит, не отступишься?

— Нет. Для тебя я готов на что угодно. Почти. А тут — не могу.

Леди Эббот вздохнула. Сэм и раньше, в детстве, был упрямый, как мул. Она поняла, что никакие слова не смягчат его, и с обычным своим благодушием бросила споры.

— Ну, как хочешь.

— Само собой. Это кто, спаниели?

Леди Эббот признала, что Джеймс и Джон принадлежат к упомянутой породе, и ненадолго воцарилось молчание. Точно сговорившись, брат и сестра присели на ковер из лютиков и маргариток. Брат сентиментально глядел на речку, идиллический пейзаж согревал ему душу. Что-то навевало воспоминания о Лонг-Айленде, где он как-то зацапал миллионера. Он поделился воспоминаниями с сестрой.

— Вот такой же в точности денек был, голубое небо, птички щебечут-заливаются. Он за мной потом полпути гнался, с вилами, что ли, я уж не стал останавливаться.

— Значит, на судебного исполнителя можно и нападать? — заинтересовалась леди Эббот.

— Что ты, нельзя! Но, бывает, бывает.

— Ты бы поосторожнее…

— То есть как?

— Да знаешь, у нас гостит брат этого Ванрингэма.

— Ну и что?

— Да ничего. Только он рассказывал Баку, что был когда-то боксером.

— Где это он был боксером?

— На Океанском побережье, несколько лет назад.

— Сроду про такого не слыхивал. Небось из этих, которых выпускают для разогрева. Знаешь, — продолжал Булпит, — однажды я влепил иск самому Келли, чемпиону в среднем весе — и где? У него в собственном доме. Сидит, ужинает со своим братом Майком, тот был. борец, с кузнецом Сирилом, тоже из цирка, и сестрицей Женевьевой, эта исполняла в мюзик-холле силовой номер. Ванрингэм? Тьфу! Сосунок!

— Какая у тебя жизнь! — невольно восхитилась леди Эббот. — Всякого навидался!

— Да, случалась. Вот, помню, вклеивал иск заклинателю змей. Шестнадцать змеюк, одна другой больше. Всех на меня, натравил.

— А когда ты пошел по этой части?

— Лет через девять-десять после нашей с тобой последней встречи.

— А платят как?

— Средне. Главное тут не деньги. Главное — азарт!

— Вроде охоты у Бака?

— Вот, вот. Они-то думают, что тебя обставили, — ан нет, пожалте иск!

— Не пойму только, как ты вклеишь этот иск Табби Ванрингэму?

— Уж как-нибудь да изловчусь.

— Бакенбарды не нацепляй. Твою физиономию не замаскируешь.

Булпит усмехнулся самой идее — ну кто прибегает к такой банальщине!

— А ступишь ногой на нашу землю, Бак тебя по террасе размажет.

Тут Булпит немного озаботился.

— Ты уж постарайся, внуши милорду, я против него ничего не имею.

— А он — имеет.

— Я редко кому нравлюсь! — вздохнул Булпит. — В нашей профессии всегда так…

Леди Эббот поднялась и указала пальцем на холм.

— Хорошее у тебя зрение, Сэм?

— Ничего, бывает хуже.

— А видишь тот большой кедр? Вон, дальше, за холмом.

— Да, вижу. Я его заметил, еще когда у вас был.

— Так вот, Табби сидит под этим деревом с интересной книгой. Ему приказано не двигаться с места. Как ты мечтаешь до него добраться — выше моего понимания.

— Ловкость рук.

— Ну, прямо!

— Да, да.

В глазах леди Эббот засветилось невольное уважение. Наполеоновский тип мужчин всегда вызывает уважение у женщин.

— А тебе доводилось проигрывать?

— Только один раз, — со скромной гордостью отвечал Булпит. — В последней моей работе. Был такой Элмер Загорин, король ночных клубов. Владел, понимаешь, сетью клубов во всех больших городах. Миллионер, а отказался заплатить сорок долларов за восстановитель волос. Говорит, волосы у него так и не восстановились. У-ух, и погонялся же я за ним!

Прочесывал, как говорится, страну. Но он меня все-таки обставил.

— Да?

— Да-с! Взял и помер. Слабое, видите ли, сердце. Осталось заверенное письмо, что я, это, подарил ему счастье, он с детства так не веселился. Вроде излечил его от хандры. Ему все осточертело, прям обрыдло — богатство, богачи, миллионеры там всякие. Скучал и тосковал, пока я не появился. Висел, понимаешь, у него на хвосте. Тут не захочешь, а побегаешь.

— Как лисицы. Бак говорит, погоня доставляет им больше удовольствия, чем охотникам.

— Вот, вот! Хороший был человек, — почтительно произнес Булпит, как бы возлагая венок на могилу миллионера. — Стыд и позор, что не довелось познакомиться.

Они помолчали. Леди Эббот поглядывала на Холл, словно прикидывая утомительное расстояние, какое ей предстоит покрыть.

— Что ж, до свидания, — легонько вздохнула она. — Приятно тебя повидать.

— А тебя-то!

— Удобно на этом пароходе?

— А то! Как жучку на коврике.

— Где ты ешь?

— В гостинице.

— Бак вроде не велел тебя обслуживать?

— Куда им деваться? — со скромным триумфом отозвался Булпит. — Не обслужат — потеряют лицензию. Твой лорд может заставить, чтоб меня турнули, но когда доходит дело до еды или там напитков, я — клиент, у них нет выбора. Закон!

— Ясно. До свидания, Сэм.

— До свидания, сестричка.

И, добавив любезный совет смотреть повнимательнее, чтобы не всучили фальшивую монетку, Булпит стал глядеть, как сестра, подозвав Джеймса и Джона, величественно тронулась в обратный путь.

А в Уолсингфорд Холле сэр Бакстон утюжил подъездную дорожку в компании нового друга.

Заскорузлое безразличие природы к горестям человеческим стало такой расхожей банальностью, что даже самые захудалые поэты, и те стыдятся плакаться на это в стихах. Литературные круги давно уже приняли как данность, что нашу минуту скорби природа непременно

выбирает для широчайшей своей улыбки. Правило это действовало и сейчас. На сердце сэра Бакстона лежал камень, но небеса не проливали слез сочувствия; Уолсингфорд Холл купался в золотистых лучах.

Расхаживал сэр Бакстон энергичными короткими шажками, Джо с трудом приноравливался к нему. Баронет побеседовал с Чиннери, и тот такого понарассказывал, что волнение достигло предела. На тему «Сэм Булпит» этот многажды женатый мужчина мог разглагольствовать бесконечно. Американец набросал портрет истинного гения, против которого тщетно и затевать борьбу, иллюстрируя свои доводы подходящими случаями, которые сэр Бакстон и пересказывал Джо.

— А еще был такой Джоркинс, — нагонял он страху, переходя на припрыжку, подскоки и рысцу. — Тоже пытался его обхитрить. Уйдет через заднюю дверь, пересечет проулок, спустится в подвал напротив, выберется на крышу, доберется до конца улицы и только там выйдет вниз через крайний дом. Казалось бы, безопасность обеспечена…

Джо предугадывал, что это всего лишь акт первый.

— Но! — возопил сэр Бакстон. — Но, разнюхав про его уловки, Булпит подходит к полисмену и говорит: «Начальник, тут какой-то дядя выскальзывает в заднюю дверь, пересекает проулок, спускается в подвал напротив…» Ну, и так далее. Полисмен устроил во дворе засаду…

— Увидел, как этот тип выскальзывает в заднюю дверь, пересекает проулок, спускается…

— Именно. И в конце маршрута хвать его за шиворот! «Что такое?» — «Да ничего. Это я на пари. Я почтенный домовладелец, моя фамилия Джоркинс…» — «Да? — выскакивает Булпит. — Тогда это для вас!» И вклеивает ему повестку. Ну, как вам?

— Сущий дьявол.

— И мерзавец.

— Табби надо избегать задней двери.

— Булпит и в парадную проникнет!

— Какой многогранный! — заметил Джо.

— А вот еще. Приходит он с бутылкой шампанского. Дворецкий посчитал, что шампанскому всякий обрадуется, ничего не заподозрил и впустил его. Ну, а он всучил повестку.

— К счастью, мы в деревне. Здесь удивятся, если кто-то будет бегать по домам с шампанским.

— Верно. Да, это — закавыка. Но, дорогой мой, изобретательности его нет предела. Чиннери рассказывал, для того чтобы вклеить повестку человеку, отдыхавшему у моря, Булпит надел купальный костюм и заплыл

на частный пляж.

— Сюда ему вплавь не подобраться!

— Верно, верно. А все-таки боюсь я его. Вы, часом, не знаете, какие у нас законы на этот счет?

— Не знаю. Думаю, что дурацкие.

— Чиннери говорит, исполнителю запрещается проникать в дом силой, но он имеет право войти в открытую дверь или влезть в открытое окно. Если такой закон действует у нас, проблема — жуткая. В такую погоду нельзя держать окна закрытыми. И еще, вы говорили с братом?

— Да.

— Как вам его позиция?

— Да мелет глупости — ну и пускай меня тащат в суд, плевать я хотел!

— Именно! Когда я с ним утром беседовал, он уперся. Прямо напрашивается на судебное разбирательство. Спятил, что ли?

— Видите ли, оскорбленной стороной Табби считает себя. Он заподозрил, что мисс Виттекер обманывала его, принимала подарки от соперника. Когда я с ним разговаривал, он рвал и метал. Пусть, говорит, это вытащат на яркий свет и мир нас рассудит! Ему только того и хочется.

— Тогда зачем бороться?

— Нет, нет! Все в порядке. Я указал ему, какой эффект произведет на нашу общую мачеху этот суд. Он уже не хочет предаться беспристрастному правосудию. Оставил я его прозревшим, согласился играть с нами. Не бойтесь, Бак. Табби не подведет.

— Джо! — глубоко вздохнул сэр Бакстон, и голос у него благодарно дрогнул. — О, Душенька! Здравствуй.

Слегка прихрамывая, как марафонский бегун, леди Эббот достигла финиша.

— Гуляла?

— Сэма навещала.

Лицо сэра Бакстона, просиявшее было при виде жены, снова помрачнело.

— Мы с Джо как раз его обсуждали. Что он тебе сказал?

— Сказал, что он своего не упустит.

— Да?

— Да.

— А не намекнул, как думает действовать?

— Нет. Вряд ли ты на это рассчитывал! Ты уж поверь, что-то он задумал. Я ему говорю, что Табби сидит под кедром с книжкой, с места не

сдвинется. И что? Ничего. Ухмыльнулся и стал хвастаться. Но ты не волнуйся, все образуется, — невозмутимо заключила леди Эббот.

И с этой подбадривающей фразой отправилась своей дорогой, торопясь поскорее добраться до любимого канапе.

Сэра Бакстона, преданного идеям Чиннери, а значит — пессимистической философии, прогнозы ее не особенно взбодрили. Перед ним маячил образ гениального клейщика, изготовившегося к прыжку. Нарушая угрюмое молчание, воцарившееся после ухода леди Эббот, он заметил, что самое худшее здесь — ожидание, ведь в любой миг может грянуть беда.

— Не унывайте, — посочувствовал Джо. — Хотя я вас понимаю. Нелегко для нервной системы. Наверное, вроде этой охоты, а? Сколько раз, когда вы пробирались по африканским джунглям…

— В Африке нет никаких джунглей.

— Нет джунглей?

— Нет.

— А я думал — есть. Ладно, сколько раз, когда вы пробирались по тамошним заменителям джунглей, из-за кулис доносилось хриплое дыхание, и вы догадывались, что вот-вот на вас прыгнет леопард. Что тут хуже всего? Неопределенность. Вы не знали, когда именно зверь вцепится в заднюю запонку воротничка. Так и с этим Буллитом. Каков, спрашиваем мы, будет его следующий ход?

— Да, да,

— А что отвечаем? Вот что: кто его знает! Ах, как все было бы просто, — вздохнул Джо, — если б Пик не сдал ему плавучий дом!

Сэр Бакстон вздрогнул.

— Знаете, Джо, чем дольше я про это думаю, тем больше убеждаюсь, что вы правы. Они сообщники.

— По-моему, все улики указывают на это.

— Да, да. Зачем он сюда приехал? Проторить дорожку для Булпита. Зачем он снял плавучий дом? Обеспечить Булпиту базу. Другого объяснения нет. Разве нормальный человек снимет эту посудину? Нет! За каким дьяволом? Да вашу «Миньонетту» никто и даром бы не взял!

— Пока не явился Пик.

— Вот именно. Двадцать лет торчала пустая, и вдруг, за несколько дней до появления Булпита, Пик ее арендует. И как хитро, заметьте, выстроил свои замыслы! Завел знакомство с моей дочкой у каких-то наших соседей, получил возможность проникнуть сюда. Не могу! — вскричал сэр Бакстон. — Прямо руки чешутся!.. Что там, Поллен?

Дворецкий, выйдя из дома, тихо шел мимо них, явно стремясь к кедру, под которым сидел Табби. Он приостановился.

— Телефон, сэр Бакстон. Просят мистера Ванрингэма.

— Э?.. Джо, вас к телефону.

— Младшего мистера Ванрингэма, сэр Бакстон!

— Что!!!

Информация менее зловещая, и та возбудила бы подозрения. Прожужжи муха над головой у Табби, и баронет задался бы вопросом, зачем она летает. Он заметно насторожился и многозначительно взглянул на Джо. Тот мрачно и сосредоточенно поджал губы.

— Кто просит?

— Если я правильно уловил имя, сэр Бакстон, некий мистер Пик.

Раздался пронзительный свист. Сэр Бакстон выдохнул воздух, глаза его выпучились, он снова взглянул на Джо и увидел, что тот опешил, как опешит порядочный человек перед махинациями злоумышленника.

Сэр Бакстон взял себя в руки. Не время сгибаться под ударами. Пришла пора решительных действий.

— Хорошо, Поллен, — произнес он, искусно изображая равнодушие. — Я подойду. Мистер Ванрингэм занят, не стоит беспокоить его…

Телефон стоял в холле. Когда сэр Бакстон взял трубку, Джо, глядя на его фиолетовое лицо, решил, что он вот-вот разразится бранью, но недооценил макиавеллиевской хитрости, на которую способны британские баронеты. Хозяин усадьбы заворковал голосом почтительного дворецкого.

— Вы слушаете, сэр? Сожалею, но я не сумел разыскать мистера Ванрингэма. Что передать?.. Да, сэр… Хорошо, сэр… Скажу.

Бакстон положил трубку, картинно отдуваясь, пока Джо смотрел на него, изумленный такой виртуозностью.

— Бак! Какой талант! Да вы актер, я погляжу.

У сэра Бакстона не было времени упиваться комплиментами.

— Он в гостинице!

— В «Гусаке и Гусыне»?

— Да. И хочет, чтобы ваш братец пришел туда по важному делу.

— Ого! — присвистнул Джо.

— Какая ловушка!

— А что же еще! Что вы намерены предпринять?

Сэр Бакстон выдохнул снова. Он стал зловеще спокойным, как смерч, набирающий силу перед тем, как ринуться на центральные районы Техаса.

— Чтобы добраться до «Гусака», — сказал он, — мне потребуется

минут пятнадцать. А еще через пять минут… Поищите-ка, мой дорогой, где-то тут валялся хлыст с рукояткой из слоновой кости. Вы его сразу узнаете. Где-то на комоде… Да, этот самый… Спасибо, Джо.

15

Ум у Сэма Булпита был так устроен, что разгонялся на полные обороты, когда тело находилось в движении. Ему нравилось выстраивать планы и замыслы, неспешно прогуливаясь взад и вперед, заложив руки за спину, сентиментально напевая. Сколько блестящих интриг сочинил он на гравиевой тропинке, обсаженной кустами, у восточной границы Центрального парка, рядом с 59-й улицей, мурлыча «Голубое платьице у моей красотки» или «Ах, что же мне делать, что?!»

Довольно долго после ухода леди Эббот он разгуливал взад-вперед вдоль реки, мурлыча последнюю из этих песен. Он все еще гулял, когда сэр Бакстон выступил в карательную экспедицию.

Прогуливался Сэм в настроении грустноватом. Хотя он храбро высмеял перед сестрой саму идею о невозможности добраться до Табби, плотно засевшего под кедром, на самом деле он был не так уж уверен. Ситуация весьма отличалась от тех, с какими он триумфально справлялся в родном Нью-Йорке. Методы, эффективные там, тут не годились. Нужно было состряпать что-то свеженькое.

Булпит в роли клейщика был похож на Адриана — он проявлял свои таланты лишь в городском окружении. Излюбленным его приемом было заорать «На лестнице пожар!» — добыча выскакивала из квартиры, как ошпаренная. Любил он проникать в конторы под видом важного клиента. Если жертва была знаменитой актрисой, никто ловчее него не умел подкараулить ее у служебного входа с букетом в одной Руке, роковой повесткой — в другой. («О, как мило! Это и правда мне?» — «Нет, голубушка. А вот это — вам!») Поместите Булпита в сердце большого города, и он не оплошает.

Но в английской деревне все по-другому. Деревенский дом англичанина — его крепость. Лестницы есть, но лишь приглашенные могут использовать их как плацдарм для боевых действий. Гостей с Запада тут тоже не привечают. А о служебном входе можно забыть раз и навсегда.

— Что же мне делать? — совещался Булпит со своей бессмертной душой. — Что же делать, тим-тим-там, тим-там-там!

Он думал и думал. Уж не прибегнуть ли и в самом деле к вульгарному

маскараду, презрительно отвергнутому в разговоре с Алисой? И вдруг, как случалось и прежде, ситуация раскололась, словно спелый орех. Из хаоса мыслей, как Минерва из тела Юпитера, вынырнул в полном вооружении замысел, простенький, но изобретательный. Знаток человеческой психологии, в успехе Булпит не сомневался. Пташке не уйти.

Он самодовольно ухмыльнулся. Мурлыканье стало веселее, сменилась и песенка — «Опять у нас счастливые деньки!» Но тут внимание его привлекли странности, происходящие выше по течению.

До сих пор Булпит имел этот сельский уголок в полном своем распоряжении; после ухода сестры никто не нарушал его мирного одиночества. Но сейчас на речном берегу, со стороны деревни внезапно возник кто-то стройный и проворный. Двигался он на значительной скорости, а когда приблизился, оказался Пиком, нищим поклонником племянницы. Булпит уже намеревался представиться, но Пик, достигнув «Миньонетты», взлетел по мосткам и исчез.

Булпит поспешил туда же, теряясь в догадках. Он ничего не понимал. Откуда ему было знать, что поступки Адриана, столь эксцентричные по видимости, основаны на практичнейшем из здравых смыслов?

Когда сэр Бакстон явился в «Гусака и Гусыню», Адриан посиживал в садике. Он заметил, конечно, крепко сбитого субъекта с раскрасневшимся лицом и целеустремленным взором, который грозно протопал в гостиницу, но так, мимолетно, и снова вернулся мыслями к беседе с Табби, как он надеялся — очень близкой. Только услышав раскатистый бас в доме, спрашивающий мистера Пика, он припомнил, что правая рука субъекта сжимала охотничий хлыст, и до него дошло, что наконец-то он увидел сэра Бакстона Эббота, о котором слышал.

За догадкой последовало оцепенение. Сэр Бакстон уже показался из дверей и надвигался на него, точно красноликая пума, когда он наконец встрепенулся и побежал.

Раз уж он бежал, то бежал, американский заяц из прерий мог бы у него поучиться. Не успел замереть в умиротворенном воздухе хриплый рык баронета, а беглец уже перелез через живую изгородь и улепетывал по дороге. Одним махом перемахнул он калитку, отделявшую дорогу от заливных лугов, и резвой трусцой припустил по лугу.

Поначалу он мчался без определенной цели, подстегиваемый лишь смутным желанием убраться подальше. Но когда он притомился от непривычных упражнений, на глаза ему попалась «Миньонетта». Вот оно. укрытие! Адриан не сомневался, что домик по-прежнему во владении Джо. Тот ему не нравился, но не в таком он положении, чтобы привередничать.

Джо, конечно, человек сомнительный, но не из тех, кто выкинет беглеца, ищущего убежища. На «Миньонетте» безопасно.

Несколько минут спустя, запрыгнув в салон и захлопнув за собой дверь, он услышал тяжелую поступь на палубе и тяжелое пыхтенье. Кто это, спрашивал он себя, может так пыхтеть? Уж никак не Джо — при всех изъянах души, телом он здоров. А вот сэр Бакстон — тут Адриан задрожал, как бланманже — очень даже может. В тошнотворной тревоге он подумал, что именно этот сэр, пробежавшись по речному берегу, и станет пыхтеть. В поисках безопасного местечка он быстро огляделся, но не увидел ничего подходящего. Салон, как мы уже говорили, меблирован был безыскусно и для игры в прятки не годился.

Мелко дрожа при мысли о хлысте, Адриан приготовился встретить судьбу, когда с тропинки прокричали:

— Эй, вы, Булпит!

Жизнь чуть затеплилась в окоченевшей оболочке. Да, все висит на ниточке, но худшего пока еще не случилось. Кто бы ни стоял за дверью салона, это не сэр Бакстон. Гневный голос баронета легко узнать, если его хоть однажды услышишь. Кричал с тропинки «Эй, вы, Булпит!» именно он.

Многие, пожалуй, оскорбились бы, обратись мы к ним в такой манере, но таинственная личность на палубе не выказала признаков досады. Откликнулась она жизнерадостно и даже сердечно.

— Здорово, милорд! Какой денек, а?

— Денек, еще чего! И перестаньте называть меня лордом! Я — баронет!

— Да разве баронет — не лорд?

— Ничего похожего!

Лабиринты британской системы титулов живо заинтересовали человека, отозвавшегося на имя «Булпит». В голосе его сквозила неподдельная жажда знаний:

— А в чем разница? Вопрос рассердил баронета.

— Слушайте, вы, Булпит! — взревел сэр Бакстон. — Я пришел не за тем, чтоб беседовать о титулах! Где Пик?

— Тут где-то болтается!

— Давайте его сюда!

— Зачем?

— Хочу отхлестать как следует.

Неприятная оцепенелость, уже испытанная в саду «Гусака и Гусыни», вновь охватила Адриана. Час пробил. Высшая точка или, наоборот,

сердцевина ситуации, достигнута, решается его судьба. Страшно дрожа, Адриан затаился — уступит Булпит или будет стоять твердо?

Булпит стоял твердо.

— Прям, сейчас! Выдумали тоже, а еще баронет! Баронеты, — справедливо указал Булпит, — должны пример подавать, а не колотить молодых парней. Чем он виноват, что влюбился?

Подобный упрек сконфузил бы самого жестокосердного аристократа, но в сэре Бакстоне раздражение вспыхнуло с новой силой.

— Кончайте околесицу городить, — заорал он. — Бросайте трап!

Слово «трап» на секунду озадачило Адриана, но он тут же вспомнил хлипкие деревянные досочки, которые связывали «Миньонетту» с сушей. Расчудесный и загадочный Булпит с находчивостью, делавшей ему честь, явно осуществил операцию, которая у моряков называется «отдать концы».

Что и доказал его самодовольный ответ:

— Нет уж! Если так приспичило, придется прыгать.

Целиком ответ сэра Бакстона было не разобрать, от полноты чувств слова сминались, но Адриан уловил, что именно этот подвиг тот и вознамерился осуществить. Он опять тревожно замер — что же предпримет теперь его спаситель?

Тревоги оказались пустыми. Противником Булпит был достойным.

— А прыгните — огрею!

— Что?!

— По голове. Вот этим стулом.

— Не посмеете!

— Еще как посмею!

— А я подам в суд за нападение.

— А я вас в тюрьму упеку за вторжение в чужой дом.

За этой репликой наступила тишина. Сэр Бакстон, видимо, растерялся.

— Это с какой же стати?

— Я законы знаю. Пароход — все равно что дом. Вломитесь сюда — значит, вы взломщик.

— В жизни не слыхал такой чепухи… Пароход-то мой!

— Прям, сейчас! Мой. Я — арендатор. Так что поосторожнее, а то огрею!

Дуэль двух интеллектов завершилась. В смелости сэр Бакстон не уступал льву и, конечно, не из страха перед стулом решил сдаться, оставив поле боя за врагом.

Сразили его юридические осложнения. Не убоявшись врага в сверкающих доспехах, он, как все почтенные британцы, спасовал перед

законом. Чем навлекать на себя преследования и возмещение ущерба, сэр Бакстон предпочел вложить хлыст в ножны.

Подобно многим баронетам, потерпевшим поражение в романах и драмах прошлого века, он утешал себя мыслью, что день его еще наступит. Или не утешал. Но отступил, задумчиво сшибая луговые цветы кончиком хлыста, которому намеревался найти лучшее применение. А Булпит, разгоряченный моральной победой, опустил стул и открыл дверь салона.

— Ушел, — сообщил он, догадавшись, что именно по этому пункту его гость ждет сообщений. — Да-с, сэр. Достало ума отступить.

Булпит рассматривал Адриана не просто с добротой, а с искренним восхищением. Не зная, какие мотивы пригнали того в опасную зону, он предположил, что это — непобедимая тяга к Джин, и одобрил его. Сентиментального клейщика умиляла мысль о нищем поклоннике, готовом на риск ради встречи с возлюбленной. Адриан предстал перед ним в образе Ромео.

Угадывая, что героя еще немного трясет, Булпит направился к шкафу, достал бутылку и, прежде чем приступить к расспросам, налил щедрую порцию. Пока Адриан, захлебываясь, глотал вино, он осведомился:

— Как это вас угораздило нарваться на милорда? Адриан вкратце пересказал сцену в саду. Булпит покачал головой. Восхищаясь мужеством собеседника, он осуждал его опрометчивость.

— Зря вы вот так, в открытую. Могли бы сообразить, что наш милорд прознает и пустится на охоту. Шпионы у него так и кишат всюду. Ладно, теперь все в порядке. Тут ему вас не достать. Слыхали нашу перебранку? Так вот, я это всерьез. Попробовал бы он прыгнуть. Точно огрел бы, да-с, сэр! Дрались мы и стульями. И бутылками, — заключил Булпит, и глаза его подернулись дымкой при воспоминании о золотых денечках.

Адриан вспомнил, что еще не поблагодарил своего спасителя, но тот небрежно отмахнулся.

— А, ерунда! Я же сказал нашей Джин, я — за тебя. Это она меня просветила насчет твоих неприятностей. Видел, видел, как ты ее целовал. Она и сказала мне, что собирается за тебя замуж. Я — ее дядя.

Глаза у Адриана округлились. Снадобье, которого он хлебнул, оказалось крепким, и он не был уверен, точно ли расслышал.

— Дядя, из Америки. Матери брат. Наверное, удивляешься, чего я тут, на судне, а не живу в ихнем доме. Понимаешь, у нас… это…. трения. Позже объясню. Не хотят они меня привечать. Еще хлебнешь?

— Нет, спасибо.

— Точно?

— Нет, нет, правда. Спасибо.

— Ладно, все равно больше нету. Последняя бутылка была. Да, Имоджин призналась, что ты ее ухажер. А потом я подслушал, как один парень тебе рассказывал, что наш милорд гоняется за тобой с хлыстом. Так что все факты мне известны. Племянница у меня — высший сорт. Кто ей нравится, тот мне друг. Живи тут, сколько влезет.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Ладно, ладно. Я — за тебя. Это надо же, не побоялся приехать, только бы с ней повидаться! Знал ведь, как опасно…

Адриан смекнул, что надо подыграть. Гостеприимство свое Булпит предлагает нареченному Джин. Стоит ему догадаться, что надо бы добавить «бывший», и вход в убежище закрыт. А уходить нельзя, пока не повидался с Табби.

— Ну, что вы! — скромно отозвался он.

— Сказано, шик-блеск! Ладно, я тебя оставлю. Надо в гостиницу заглянуть, повидать кой-кого. Располагайся как дома. Я сейчас.

16

Сладостный день уже клонился к прохладе, когда Булпит добрался до «Гусака и Гусыни». Вошел он в общий бар и порадовался, что там пусто, только блондинка за стойкой изображает сенбернара для истомленных жаждой обитателей. Ради нее он сюда и явился.

Блондинка приветствовала его любезной улыбкой. Племянница Дж. Б. Аттуотера, жившего в Лондоне, она была послана сюда с наказом угождать хозяину, богачу в их семье, но сразу всей душой невзлюбила эту глухомань, как она же и выражалась. Развлекаться в Уолсингфорд Парве было негде и не с кем. Публика, состоящая из достойных селян, сообщала ей, что денек распрекрасный, и впадала в задумчивый транс, длящийся от десяти минут до получаса. Булпит был ярким лучом в ее скучной жизни.

За тридцать лет, проведенных в шутливых перепалках с официантами от Мейна до Калифорнии, технику общения с ними он отточил до филигранности, и тотчас же стал фаворитом временной барменши «Гусака и Гусыни».

— Как обычно, мистер Булпит? — весело осведомилась она.

— Ага. Смотрите-ка, да у вас новая прическа!

— Надо ж, заметили! Нравится?

— Отпад! Прямо Грета Гарбо![82]

— Ой, честно?
— Да провалиться мне!
— В Лондоне ребята говорили, я похожа на Мирну Лой.[83]
— Ну, что-то есть… А еще на Джинджер Роджерс.[84] Спичек не найдется?
— Вот, пожалуйста.
— Покажу тебе один фокус.
К величайшему ее удовольствию, он проделал три, создав таким образом атмосферу истинной сердечности. После этого он посидел молча, потягивая пиво.
— У нас сегодня та-а-кое было! — сообщила мисс Аттуотер. — Сама не видела, вот уж не везет! Мирти рассказывала. Та, с аденоидами.
— А что такое?
— Не знаю, с чего все заварилось, но вроде б сэр Бакстон гонялся тут за одним по всему саду.
— Ну да!
— А я Мирти и говорю: «Слава те, Господи, у вас хоть когда развлечешься! Нет, такой дыры…» А вам, мистер Булпит, не скучно?
— Доживешь до моих лет, сама покой полюбишь.
— Ну уж, какие ваши годы!
— Да вот, сто четыре стукнуло. А вообще-то не спорю, заскучал бы, будь я поздоровее.
— Ну! Ох, у вас и приключений было!
— Это верно.
— Почище этого, Генриха.[85] Ну, еще при самом Вильгельме[86] жил.
Булпит, который, живо общаясь с барменшей, все прикидывал, как бы половчее подступиться к цели, понял, что вот они, ключевые фразы. Напустив задумчивости, он хихикнул.
— А чего?
— Да так, вспомнилась одна шутка.
— Ой, а что?
— Да ну, так…
— Нет, а все-таки?
— Тебе-то не понравится, — неуверенно заметил Булпит. — Розыгрыш у нас такой был. Их не все любят.
— Это как? Выставить кого дураком?
— Да, вроде этого.
— А какой?

— Ну, мы так делали… — начал Булпит.

История, которую он поведал, была длинной, невнятной (многие, пожалуй, сочли бы, что действующих лиц, которые, по заверениям Булпита, просто катались от хохота, насмешить чересчур легко), но у его слушательницы прошла на «ура». Племянница Дж. Б. Аттуотера забавлялась от души.

— Ой! Ой, не могу! Ой, надо же! Ой! — захлебывалась она.

— Ну! Чего только не бывало. Вот оглянешься и думаешь: смеху-то было! Вагон. Сбилась у нас теплая компашка, оттого и шутки эти получались. Как говорится, все за одного и один за всех. Прям Три Мушкетера. Да, частенько я жалею, что нет моей старой компашки. Э-эх! Послушай-ка, кстати, в Уолсингфорд Холле живет у меня дружок, с ним я хоть сейчас выкину шикарную хохму. Но как? Один? Нет, не выйдет. Тут нужна девица.

— А какая?

— Да любая. Лишь бы говорить умела.

— В смысле — не дура чтоб?

— Нет, в буквальном смысле. Немая… хе-хе… не подойдет/ Мне надо, чтобы она поговорила с ним по телефону.

— А я? Подойду? Булпит поставил кружку.

— Надо же! Про тебя-то я и не подумал! — гладко соврал он. — Послушай, а ведь это идея! Конечно, подойдешь! Да и сама поразвлечешься. Ты ведь тут скучаешь?

— А что сказать-то?

— Я тебе все запишу. Это мой дружок, его Ванрингэм зовут…

— А, знаю! Который у нас жил?

— Нет, нет! То его брат. Смотри, не напутай. Этот — Т. П. Ванрингэм.

— Понятно.

— Втемяшилось ему, что все… хе-хе… девицы от него так и мрут. А я вот чего надумал, розыгрыш такой. Звонишь ты ему по телефону и назначаешь свидание… Какое ж местечко подобрать?.. А, знаю! Скажем, второй камень по Уолсингфордской дороге! Ну, этот, где мили написаны. А я спрячусь за кустами. Кусты нам во как нужны!

— А зачем?

— Спрячусь, а потом выпрыгну. Значит так, ты ему не говоришь, кто ты. Такая это незнакомка, влюбилась по самые ноздри. Назначаешь свидание у второго камня. Он обрадуется, расхорохорится, прискачет — фу-ты, ну-ты, а тут вместо незнакомки — я. Как выскочу, как заору: «Пожалте бриться!» Вот-то хохоту!

Буллит заливисто расхохотался, племянница Аттуотера подхихикнула, но так, из вежливости. В душе у нее бродило легкое разочарование. Столько хлопот ради таких плодов! Но сказать это она постеснялась, Булпит лучился солнечными улыбками, словно мальчишка, которого обещали сводить в цирк. Девушка она была добрая, сердечная, и детская наивность собеседника тронула ее.

— Послушай, — Булпит трудолюбиво записывал послание, — вот что ты скажешь…

Она прочитала записку, и план понравился ей гораздо больше. Вообще-то и правда смешно. Сюжет не блистал, но от диалога она захлебнулась восторгом.

— Ох, ну вы и даете!

— Поможешь?

— Само собой!

— Тогда зачем откладывать? Давай прямо сейчас!

Табби, сидевшему под раскидистым кедром, затенявшим западную сторону Холла, уже становилось невмоготу существование пленника. Задумчивая хмурость омрачила его чело, в глазах, устремленных на реку, прохладно поблескивавшую вдали, светилась та умудренность, которая, видимо, светилась у Моисея[87] на вершине горы. Его все сильнее томила скука. Вид серебристых струй, в которых он жаждал покувыркаться, словно дельфин, достаточно на него похожий, причинял танталовы муки. Без двух купаний в день он просто не мог жить.

Но это еще не все. На этой самой террасе Джин сказала, что он — из тех, кто вянет без женщин. Интуиция не обманула ее. Табби томился по женскому обществу больше, чем по плаванию.

Общества этого явно недоставало. Миссис Шепли — в очках; миссис Фолсом — с большущими зубами; мисс Пруденс Виттекер из-за причудливых ее взглядов на подарки и прискорбной склонности к судебным делам можно сбросить со счета. И наконец, Джин. Да, на несколько дней его бы вполне удовлетворило ее общество, но даже в этом удовольствии ему было отказано. Похоже, ее захватил братец Джо.

Чувствуя, что с таким же успехом он мог бы обретаться на необитаемом острове, Табби попытался заинтересоваться книжкой, но снова нашел, что детектив слишком для него мудреный. Называется «Убийство в Билбери», серия «Угадайте, кто!», сюжет держится на том, мог ли некий субъект сесть на поезд в 3.43 в Хилбери и пересесть на другой в 4.16 в Милбери, добраться к 5.27 до Силбери, чтобы ему хватило

времени замаскироваться и хорошо поработать среди обитателей Билбери (6.38).

Сыщик с приятелем на протяжении сорока страниц оживленно обсуждали это, но Табби обнаружил, что не в состоянии разделить их энтузиазма. История оставила его равнодушным, он сидел, соображая, не завалиться ли спать и таким способом убить этот кошмарный день, пока не прозвучит гонг к обеду, но тут подошел Поллен и позвал его к телефону. На сей раз сэра Бакстона поблизости не оказалось, и дворецкий сумел без помех выполнить поручение.

— Кого, меня! — встрепенулся Табби. — А кто?

— Дама. Она не назвалась, сэр.

Табби совсем ожил. Терраса запрыгала у него перед глазами. Надежда, которая вроде бы умерла, взметнулась во всей красе своих развевающихся одеяний.

— Дама? — хрипло переспросил он. — Да-ма?!

— Да, сэр.

— Ух ты!

Со скоростью, примечательной для такого жаркого дня, он покрыл расстояние до дома. Дьявол в человеческом обличье, стремящийся поймать поезд 4.16 на Милбери, не мог бы бежать быстрее.

— Алло? — выдохнул он в трубку. — Алло… Да, это Ванрингэм.

Мелодичный голосок с едва заметным акцентом лондонских мещан уточнил:

— Мистер Тэ Пэ Ванрингэм?

— Да!

Собеседница будто бы подавила желание хихикнуть.

— А я-а кто-о?

— Да, кто вы?

— Ну-у, это та-айна.

— Голос вроде бы знакомый…

— Не знаю уж, почему. Мыс вами вроде не встречались.

— Нет?

— Нет. А как хо-очется!

— И мне, и мне.

— Я вас сколько раз видела…

— Видели, да?

— Да-а, и-и, — лукаво добавил голосок, — очень вами восхищаюсь!

— Правда?

— Ну-у!

Табби привалился к стенке. Голос у него, когда он сумел заговорить, дрожал не меньше, чем ноги. Манна в пустыне, да, именно — манна!

— Послушайте! Послушайте, а не могли бы мы с вами встретиться?

— С удово-ольствием. Вы правда хоти-ите?

— Да, да! А вы?

— Еше-е бы!

— Так вы согласны?

— Можем погуля-ать…

— Да, да!

— Только я не хочу, чтоб нас ви-идели!

— Ясно.

— Такие все сплетники!

— Да, да!

— Значит, если вы желаете…

— Да, да, да!

— Тогда приходите ко второму камню на Уолсингфордской дороге завтра в три часа. Буду вас жда-ать. А когда подойдете, посвистите. Вроде птички, называется коноплянка.

— Это зачем?

— Я же буду прятаться, все такие сплетники…

— А-а, доехало! Ладно. Понятно. Какая птичка?

— Коноплянка. Я сразу и пойму, что это вы. Пи-пип! — пискнула таинственная незнакомка. Этой реплики в сценарии не было, но диалог прошел так бойко и гладко, что она не выдержала и прибавила от себя.

Табби повесил трубку. Он шумно дышал. Романтику всегда лестно открывать, что один его вид вызывает необузданное восхищение противоположного пола. Он радостно предвкушал свидание, тем более что сердце его было изранено, а жизнь представляла собой непроглядный мрак.

Оставалось выяснить про коноплянку. В консультанты он взял Поллена, с которым столкнулся на выходе.

— Послушайте. Поллен, вы разбираетесь в птицах?

— Да, сэр. С детства наблюдаю за их привычками.

— А как вам коноплянки?

— Сэр?

— Вы, часом, не знаете, как они поют? Или свистят?

— Ах, прошу прощения! Не сразу понял, сэр. Да, сэр. Приблизительно так: «Токи, токи, фью-ю-у, фью, пью, тц-тц, фью-фьюить, пьюить-тьюить — сьюи-ить…»

— Так?

Табби на минутку погрузился в задумчивость.

— А, черт! — вскричал он. — Значит, посвистим!

17

Про баронетов метко сказано: их можно победить, пусть на время, но сломить нельзя. Вряд ли вы предполагали, что поражение, которое сэр Бакстон потерпел от руки Булпита, сражаясь с Адрианом, сокрушило его навечно. Там, где простой дворянин рухнул бы под бременем унижения, баронет, напротив, преисполняется воинственным духом. «С этим Буллитом надо что-то делать! — думал Бак. — Да поскорее!»

Размышляя ночью о своем шурине, он понял: корень бед в том, что Булпит хитер, словно целая стая обезьян, ошибка же в том, что он, т. е. Бак, пытается справиться в одиночку с таким коварным типом. Значит, не обойтись без других умов, равно коварных. К полудню следующего дня план был выстроен. Он отыскал свою дочку Джин и велел ей приготовить машину, а там — и повезти его в селение, ибо намеревался экспрессом 2.57 отправиться в Лондон к адвокатам («Боле, Боле, Викетт, Виджери и Боле» из Линкольн Инн Филдз).

Сэр Бакстон крепко верил в остроту их умов и лелеял хрупкую мечту — вдруг они ему скажут: «Пожалуйста, закон не против, если вы подложите динамитный заряд под «Миньонетту», чтоб та полыхнула синим пламенем».

Согласно приказу, сразу после двух Джин была на конюшенном дворе, доводя до совершенства свою любимицу… Она открутила гайку, но, как и все девушки с развитым чувством долга в отношении к машинам, крепко верила, что с гайками надо возиться без конца, и теперь закручивала ее снова, намереваясь довести до первоначального положения.

Но тень, упавшая на мощеную дорожку, сообщила, что она больше не одна, и, оторвав глаза от гайки, Джин увидела Джо, который взирал на нее и снисходительно, словно любящий папаша, наблюдающий, как развлекается его слабоумное дитя, и благоговейно, словно человек, узревший богиню.

— Так вот вы где, юная Джинджер!

— Да, я тут.

Говорила она резковато — ей не нравилось, когда ее отрывают от общения с машиной. Кроме того, с самого начала их знакомства Джо то и дело предлагал выйти за него замуж, и она прочитала на его лице, что он

вот-вот примется за свое. Ей бы хотелось, по возможности, это предотвратить.

— Заняты?

— Да. Очень.

Джо, полыхнув сигаретой, ласково ее оглядел.

— Ну и грязнуля же вы! Вам известно, что у вас на носу — масляное пятно?

— Пойду и смою.

— Подумайте, сколько хлопот! Лучше бы их не сажать. Чего вы тут возитесь?

— Я работаю. Налаживаю машину.

— С определенной целью? Или так, ради удовольствия?

— Если желаете знать, Бак собрался в Лондон. Готовлю машину, чтобы отвезти его в Уолсингфорд.

Джо присвистнул.

— Уолсингфорд, запретный город? Вы что, намерены туда ехать? Что ж, захватите побольше пеммикана да проверьте запасы воды. Ведь именно из-за нее Ливингстон[88] не сумел добраться до Уолсингфорда. Да, да, воды не хватило. Жаль, что вы уезжаете.

— Почему это?

— Надеялся, что вы мне поможете справиться с бюстом-другим. Ради вас я как-то подзабросил работку. Позавчера, урвав минут десять перед завтраком, я украсил усами несколько штук с одного конца, а вот вчера день выдался пустой. Однако потихоньку-полегоньку продвигаюсь.

— Вот и прекрасно.

— Так и знал, что вы обрадуетесь. Да, продвигаюсь. Некоторые меня перехитрили — у благородного Марка Аврелия и у бога Юпитера уже имеются бакенбарды, и какие! По самые брови. Но с Юлием Цезарем и с Аполлоном получилось недурно. Хотелось бы услышать ваше критическое мнение. А теперь, — прибавил Джо, — перейдем к теме нежной и сентиментальной.

— О, Боже!

— Вы что-то сказали?

— Я сказала «О, Боже!» — Джин спрятала ключ в ящик. — Опять вы за свое?

— Не понимаю, что значит «опять»? Я и не прекращал. Вы что, не заметили? Я прошу вас выйти за меня замуж каждодневно, как будильник.

— А вы не заметили, что я также регулярно отвечаю: я обручена с другим?

— Это от меня не ускользнуло, но я не очень-то обращаю внимание. В рукописях, которые я читал для доброго старого Басби, пока наши тропинки не разбежались, героиня всегда вначале с кем-то обручена… Эх, жаль, не прихватил сюда парочку!

— Интересные?

— Еще бы! Так что человеку подкованному известны все способы обольщения женского сердца. Я знаю, как это делается. Я спасу вас из горящего дома, или из реки, или от быков. Можно и от бешеных псов. Можно — от лошади, если ее случайно понесет. Да, можно спасти не вас, а котенка!

— У меня нет котенка.

— Это зря. Надо раздобыть. Понимаете, юная Джинджер…

— Не смейте называть меня Джинджер!

— Понимаете, юная Джин, у вас нет ни единого шанса улизнуть от меня. Считайте, мы уже шагаем к алтарю. Качаете головой? Ничего, погодите. Наступит день, и очень скоро, когда вы будете качать головой, стряхивая со своих чудесных волос рис и конфетти. Я бы на вашем месте бросил сопротивление.

— О, нет!

— Это уж как вам угодно. Но предупреждаю, попусту теряете время. На мой взгляд, вы достойны самого лучшего, и я намерен обеспечить вас лучшим из мужей. Уж поверьте, лучшим. Любящий, преданный, богатый, обаятельный…

— Кого это вы обаяли?

— То есть, как? Косил тысячами. Вы обратили внимание на миссис Фолсом? Ну, вчера, за обедом?

— А что такое?

— Как она смотрела на меня, когда я балансировал щипцами и винной рюмкой. Бедный, наивный мотылек, говорил;я себе.

— Я заметила, как на вас Бак смотрел. Боялся, что кокнете его любимую рюмку.

— Не какой-то стекляшке рассорить меня с Баком!

— Да, вы ему нравитесь. Не пойму, чем?

— Могли бы и потактичнее поставить вопрос. Вы правы, он меня ценит. Как и я его. Милый, старый Бак! Как он хотел бы со мной породниться!

— С чего вы взяли?

— Сам сказал, когда вчера я просил формального разрешения.

— Не может быть!

— Очень даже может. Человек я старомодный, не одобряю современной манеры небрежно, походя, бросить тестю, что свадьба уже состоялась. Бак просто спит и видит, чтобы я стал ему зятем. Но как, скажите на милость, если вы упорно и нелепо мне отказываете? Пожалуй, сделаю еще выстрел. Может, вы передумали.

— Нет, не передумала.

— Ничего, передумаете. Разрешите набросать маленькую сценку? Премьера моей новой пьесы. Занавес падает под гром аплодисментов. Шелестит шепоток: «Какой успех! Как это ему удается?» Лавина криков: «Автора! Автора!». В ответ на сцену выходит красивый человек, такая, знаете, ладная фигура. Это я. Подхожу к рампе, поднимаю руку, прошу тишины. Битком набитый Зал затихает. Я говорю: «Леди и джентльмены, благодарю вас за чудесный прием. Благодарю всех и каждого, но больше всех свою жену, без чьей заботы, ободрений, советов пьеса не была бы написана».

— Спихиваете ответственность на другого? Какая низость!

— «Леди и джентльмены! Я всем обязан этой маленькой женщине!» — Шквал аплодисментов, вы застенчиво раскланиваетесь из своей ложи. Новый взрыв приветствий, когда вы стыдливо кидаете мне розу. Неужели вас не соблазняет эта сцена?

— Ничуточки. Я бы кинула что-нибудь поувесистее. А сейчас, не подвините ли свою ладную фигуру чуть в сторону? Мне надо завести машину.

— Каким поездом отправляется босс?

— 2.57.

— Тогда, пожалуй, вам надо поторапливаться. Масляное пятно, кстати, уже расползлось на левую щеку.

— Ваша мама никогда не учила не отпускать обидных замечаний?

— Да нет, мне нравится! Что вы! Я говорю себе — возможно, она самая чумазая особа в Беркшире, ей надо бы отмыться мылом и пемзой, но ведь я ее люблю! Я только хотел подсказать для вашей же пользы. Неприятно, знаете ли, чтоб будущая жена ехала в самый Уолсингфорд, похожая при этом на нечто извлеченное из гробницы Тутанхамона. Разрешите.

Джо подхватил ее под локотки и нежно водрузил на водительское место.

— Знаете, юная Джин, — говорил он, устраиваясь рядом, — что мне еще нравится? То, что вы такая тоненькая, такая легонькая, такая, скажем так, портативненькая. Были бы вы, к примеру, Мэй Вест,[89] я бы не смог

вас поднять. Разрешаю подвезти меня до террасы. Проведу четверть часика с бюстами.

Лучше творчества в прекрасную погоду ничто не высвобождает дух художника, не настраивает его на волну вечности; и вскоре полнейшая удовлетворенность начала окутывать Джо. По счастливой случайности, следующим в ряду бюстов стоял император Нерон, чье пухлое гладкое лицо представляло большие возможности. Карандашу тут было где разгуляться, и вдохновленный Джо отдал этой задаче все свое мастерство.

За трудами он размышлял, как же может измениться судьба человека буквально в считанные дни. Меньше чем неделю назад он томился у врат Уолсингфорд Холла, словно пери у врат рая, робко заглядывая внутрь. А теперь — пожалуйста! Почетный гость, имеющий возможность ежедневно общаться с Джин Эббот, этой изумительнейшей девушкой, в чьей миниатюрной фигурке соединились все лучшие качества женщин. Именно о такой он часто мечтал в полнолуние, или под музыку ветра, вздыхавшую в соснах, или даже под мелодии оркестра.

Выписывая острые кончики усов, он размышлял над странностями жизни. Странно, что он влюбился так, буквально с первого взгляда, в точности как герой рукописей, о которых он упоминай в разговоре с Джин. Да, это случается с другими даже и не в романах, публикуемых за счет авторов в издательстве Мортимера Басби, но он и в мыслях не имел, что такое приключится с ним. Слишком он трезв, слишком, скажем прямо, умен.

И нате вам — здравомыслящий, рассудительный Дж. Дж. Ванрингэм попался, как последний кролик! Словно Табби какой-нибудь, который с четырнадцати лет, едва завидев в туманном далеке девушку, тут же слал ей фиалки и просил телефончик.

Джо вздрогнул, словно его ледяной водой окатили, и застыл, глядя в конец террасы. Император Нерон вперил в него незрячие глаза, умоляя без слов докончить усы, но у Джо не было времени ублажать императоров. Вспомнив о любвеобильном Табби, он невольно взглянул на то место под кедром, где ему полагалось сидеть, — и просто дернулся. Там было пусто.

Стул стоит. «Убийство в Билбери» лежит. А Табби — не сидит. Исчез. Куда же?..

Возможно, конечно, что он зашел в дом пополнить запас сигарет или поискать в библиотеке детектив поувлекательнее. На минутку от этого соображения тревоги унялись, и, чуть поуспокоившись, он обежал взглядом окрестность в надежде отыскать очевидца. Какой-то человек играл в гольф на лужайке у главных ворот, через которые непременно

должен был пройти Табби, если совсем уж спятил и покинул территорию.

Джо поспешил к игроку, остановился у того за спиной, как раз когда тот изготовился к удару, и по смелому, зелено-пунцовому узору на гольфах узнал своего сотоварища, Эдварда Во-Боннера. До сей поры он всячески избегал несколько слабоумного гостя.

— Не видели моего брата? — спросил он несколько громче, чем диктовала необходимость на таком близком расстоянии.

Во-Боннер испуганно подпрыгнул, одновременно завершив удар, и промазал мимо лунки фута на три. Он повернулся, обидчиво глядя сквозь темные очки, добавлявшие ему лет двадцать.

— Что такое?

— Да брат… Не видели его?

— Что вы так кричите? Промазал из-за вас…

— Pardon. Вы не видели моего брата?

— Не знал, что у вас есть брат, — откровенно признался Во-Боннер.

Время поджимало, но Джо осознал, что лучше начать поближе к началу.

— Моя фамилия Ванрингэм. Мой брат сидел вон там, под тем кедром.

— Ах, вы про этого, с книгой? Так вы его брат?

— Да. Видели его?

— Разумеется.

— Где?!

— Да вон под тем кедром сидел, — объяснил Во-Боннер тоном человека, отвечающего на простейший вопрос, и опять повернулся к мячу.

С минуту маячила вероятность того, что и здесь, как в Билбери, произойдет убийство, но мощным усилием воли Джо сдержался. Он не выхватил клюшку у слабоумного старца, чтоб вышибить ему последние мозги, если это мозги, конечно. Он даже сумел дождаться, пока тот завершит новый удар, снова неудачный.

— Сейчас он там не сидит…

— Конечно. Как же он может? Он гулять пошел.

— Куда?

— Что — куда?

— В какую сторону он пошел? И когда?

— Вон, по Уолсингфордской дороге, минут двадцать назад.

Во-Боннер раздраженно фыркнул, когда собеседник сиганул от него, точно пуля. Не нравились ему молодые люди, а уж таких прытких он терпеть не мог.

18

Булпит и Адриан закусывали на борту «Миньонетты» сэндвичами от «Гусака и Гусыни» и бутылочным пивом. Ленч проходил в молчании — Булпит, занятый своими замыслами, едва ронял слово-другое; Адриан, обремененный заботами, и вовсе молчал. Мысли о том, что каждая минута приближает приезд княгини, а он никак не может связаться с Табби, подтачивали боевой дух.

От картин грядущих бедствий его оторвал вопрос хозяина. Булпит был из тех, кто, когда не спит и не ест, так и сыплет вопросами. Едва дожевав последний кусок и отерев рот розовым платком, он тут же открыл шлюзы:

— Послушай-ка, а как ты познакомился с Джин? Адриан объяснил, что встретились они в гостях. Булпит незамедлительно поинтересовался, где.

— В одном поместье. У таких Уиллоуби.

— Ничего люди?

— Да, вполне.

— Друзья, что ли?

— Да.

— И ее?

— Да.

Булпит покивал. Он попал в свою стихию.

— Как все получилось-то? Влюбился, значит, с первого взгляда?

— Да. Хм, да.

— Прям как громом?

— Ухм… Да.

— Моргнуть не успел.

— Да.

— Так оно лучше всего, верно?

— Да.

— И, значит, тайну храните?

— Да.

— Ее идея?

— Да.

— Хочет, чтоб ты сначала разжился?

— Да.

— А тут наш милорд возьми да прознай про все?

— Да.

— И стал за тобой гоняться? Ъ

— Да-а…

Булпит вздохнул, скорбя о необузданности английских помещиков.

— Это он зря. Любовь, это самое, правит миром, верно я говорю?

— Да.

— То-то! — подхватил Булпит. — Правит, как угорелая. Я против этих всяких разлук. Конечно, милорда я понимаю. Ты ведь у нас не при деньгах, верно я говорю?

Адриан признался, что доходы его невелики.

— Вот, вот, — мудро заметил Булпит. — Наш милорд — крутой дядя. Ведь как он смотрит — дочурка, можно сказать, овечка…

Он вопросительно выкатил блестящий глаз. Адриан покивал.

— Овечка, стало быть, отдала сердце скромному, бедному человеку. Что тут делать, а? Как говорится, прихлопнуть огонь. Вот они, аристократы. Видно, от того, что крестьян очень мучали. Милорда и винить нельзя, такое уж воспитание. Не может уразуметь — любовь, это самое, побеждает все.[90] Когда-то я исполнял такую песенку… Как там? А, да, — и, следуя своей неизменной привычке, Булпит прикрыл глаза. — Вот, «Хвастай богатством, в замке живи, тра-а-ля-ля… Нет ничего сильнее любви, тра-а-ля! Любовь побеждает все, о-о-о, о-о, о-о!»

На финальной ноте, как бы выполнив неприятную, но необходимую работу, Сэм раскрыл глаза и нежно вылупился на Адриана.

— Слушай, не дергайся ты из-за милорда! Ну его к бесу. Действуй! Женись, нечего тут суетиться. Мне моя племянница нравится. Нужно ей счастье? Нужно. Значит, когда она выйдет замуж, в тот самый день, я ей дарю полмиллиона долларов! Да-с.

На несколько минут в салоне «Миньонетты» воцарилась гробовая тишина, к полному удовольствию Булпита. Он отлично понимал, что заявление его — сенсация, и был бы весьма разочарован, получи в ответ небрежное «Вот как?» Что ж, рассчитывал поразить собеседника — и пожалуйста, поразил.

Это слабо сказано. Все его способности — и умственные, и физические — отключились напрочь. Чувства Адриана, хотя он и не подозревал об этом, в точности походили на чувства несчастливцев, которых Булпит оглушал бутылкой по голове в дни горячей юности. Глаза у них стекленели, ноги — деревенели, изо рта вырывался хрип. Еще повезло, что он уже поел, иначе непременно поперхнулся бы, проглоти все это одновременно с ветчиной из «Гусака и Гусыни».

Протекла полновесная минута, прежде чем Адриан сумел кое-как

сладить со связками. Голос у него вырывался хрипением, словно это вешал через мегафон дух на спиритическом сеансе.

— Полмиллиона!.. Долларов!..

— Да. — Булпит выдержал паузу, крутя пальцами. — То есть сто тысяч фунтов, — присовокупил он, измученный делением на пять. — Ничего кусманчик, э? На такие деньги уж можно обустроить, как говорится, семейный очаг.

Адриан, идя ко дну, пускал невидимые пузыри.

— Разве вы богаты? — не сумел удержаться он, хотя понимал, задавать такой вопрос очень глупо, бедный не станет пошвыриваться полмиллионом. Ну, хорошо, налетит порыв, а он наступит ему на горло, сознавая, что денежки лучше приберечь в старом дубовом сундуке. Но Булпит вроде бы не раздосадовался.

— А то! — приветливо подтвердил он. — Денег у меня навалом.

— Однако! Сто тысяч!

— Да, тряхануло тебя капельку, — радостно признал Булпит. — Дыши ровно, сынок. Это мне — тьфу. Я, понимаешь, миллионер. — Поднявшись, он стряхнул с жилета крошки. — Ладно, пора. У меня свидание.

— Но…

— Ничего, ничего. С нашим удовольствием. А зачем еще деньги? Их только и тратить на… это… хе-хе… счастье юных сердец!

С этой достойной восхищения сентенцией, сопроводив ее благожелательней шей улыбкой, Булпит направился к шкафу, где хранилась повестка для Ванрингэма. Он вынул ее, любовно оглядел и двинулся к выходу. Взглянув на часы, он порадовался — еще не так поздно. Выкроит даже минутку заскочить в «Гусака и Гусыню», освежится послеобеденной кружечкой, перед тем как бежать на свидание. Он пришел к мысли, что разливное пиво по лицензии превосходит бутылочное, и решил проверить ее научным экспериментом.

В салоне остался молодой человек, для которого солнце, минуту назад ослепительно воссиявшее, уже стремительно тускнело. Адриан только что вспомнил свое письмо изысканным слогом и неудержимое ликование резко сменилось отчаянием.

Мысль о письме снедала его, точно кислота. Он корчился в агонии души, словно легендарный индус, который выбросил жемчужину, стоившую дороже, чем все его племя. Адриана Пика терзали горчайшие сожаления. Чувства его были сродни чувствам человека, который удачно сбыл акции сомнительней шахты, а на следующее утро вдруг прочитал в газете, что там обнаружен золотоносный пласт.

Но молодые люди, которых подпирает нужда, сильны духом. Стертые в пыль, они поднимаются. Минут десять Адриан сидел в кресле куль кулем, словно его огрели бутылкой. Потом, словно солнечный лучик, брызнувший из-за туч, в глазах его заиграл блеск. Перед ним забрезжил выход.

Через минуту он уже спешил по тропинке к «Гусаку и Гусыне». Только совсем уж черствая душа отказала бы ему в восхищении. По опыту Адриан знал: «Гусак и Гусыня» — именно то место, где в любую минуту может возникнуть сэр Бакстон со своим хлыстом. Никто лучше него не понимал, что ступает он на опасную территорию; но он не дрогнул. Тело его, возможно, и цепенело, но душа полнилась отвагой. На борту «Миньонетты» не нашлось письменных принадлежностей, только в «Гусаке и Гусыне» мог он раздобыть их. Ради того, чтобы достать бумагу, написать новое письмо и послать его в Холл с нарочным, Адриан готов был пойти на любой риск.

Не успел он дойти до калитки, ведущей на дорогу, как ПО| другую сторону живой изгороди зарокотала машина, а там — и промчалась мимо. Она завернула за поворот и исчезла в направлении Уолсингфорда; но он все-таки успел заметить, что за рулем сидела Джин, а рядом — ее отец, специалист по охотничьим хлыстам.

Блаженное облегчение разлилось в душе Адриана. Во-первых, баронет не явится; во-вторых, Джин уехала куда-то и можно не торопиться. Можно неспешно шлифовать фразы, наверняка зная, что письмо попадет в Холл до ее возвращения.

В гостиницу он вошел почти прогулочным шагом и почти небрежно обмакнул перо в непонятную черную жидкость, сходившую в «Гусаке и Гусыне» за чернила. Вскоре перо заплясало по бумаге, если можно так выразиться о пере, которым несколько месяцев пользовались только для прочистки трубок. Адриан углубился вдело, слова лились словно масло.

Он умолял Джин напрочь забыть то, первое послание. Написано оно, каялся он, в припадке чернейшей депрессии, которая порою нападает на всех. Он даже предполагал, что, скорее всего, находился в помутнении рассудка. Но сегодня, заверял он, туча развеялась, он снова видит все ясно.

Признавая, что было бы идеально, если бы союз их благословил ее отец, он полагал, что его неодобрение в наше-то время не может стать помехой. Сэр Бакстон, видимо, настроен против него, ибо он, Адриан, беден. Но деньги — тлен. Любовь, заключил он, побеждает все.

Красиво получилось, решил Адриан, перечитывая, и не изменил мнения, вручая листок и полкроны младшему сынишке Дж. Б. Аттуотера,

Сирилу, которого разыскал в саду, где тот играл в поезд.

Понаблюдав за его отбытием, Адриан двинулся в общий бар. Литературные труды возбудили в нем сильнейшую жажду.

Племянница Аттуотера находилась на своем посту, мечтая о Лондоне и вяло нацеживая полпинты пожилому субъекту в плисовых штанах, густой запах от которого наводил на мысль, что жизнь его протекает среди свиней. При виде Адриана она заметно просветлела. За тот краткий период, когда он столовался у них, их тропинки не пересеклись, но внешность его была настолько столичной, что изгнанница мгновенно воспылала к нему симпатией. Когда клиент в плисовых штанах удалился в свинском запахе, словно в облаке славы, она тут же завела приятную беседу.

— Вы из Лондона? — осведомилась она, когда оба согласились, что денек сегодня теплый и уверенно высказали прогноз, что погода продержится.

Адриан ответил — да, оттуда.

— Вот и я! — горько вздохнула мисс Аттуотер. — Как бы мне туда хотелось! Надолго в здешних местах?

— Нет, не очень.

— В Холле, наверное, гостите?

— Нет, я в плавучем доме.

— У мистера Булпита? — заинтересовалась она.

— Да. А вы его знаете?

— Регулярно к нам заглядывает. Очень симпатичный.

— Верно.

— Веселый такой. А уж шутник! И полчасика не прошло, забегал опрокинуть кружечку. Вот, кстати, вспомнила. — Мисс Аттуотер нырнула под стойку и достала какой-то документ. — Он забыл у нас. Положил рядом с кружкой, пока мы болтали, да и позабыл. Я заметила, а он уже ушел. Передайте ему, ладно?

Адриан взял бумагу, по цвету — голубую, по виду — официальную. Он в этом не разбирался, так как благодаря княгине и другим дамам ни разу не видел повестки в суд. Небрежно взглянув, он сунул ее в карман. Мисс Аттуотер задумчиво водила тряпкой по стойке.

— Интересно, откуда у него. Вообще, если желаете знать, мистер Булпит — человек очень таинственный.

— Вот как?

— Да. Начать с того, что он тут делает? Не знаю, вы заметили, он — американец.

Адриан ответил, что это не ускользнуло от его внимания.

— Так вот, с какой стати американцам жить в этом вашем доме? Да еще в такой дыре! Я его прямо спросила, а он только смеется. Я у дяди Джона спросила, а тот меня обрезал.

— Вот как?

— Прямо отшил. Занимайся, грит, своими делами, а клиенты — пусть своими. Интересно, а? Что это ваш Булпит затевает? Вдруг он — международный шпион? Всюду пишут.

Адриан возразил, что в Уолсингфорд Парве международному шпиону много не нашпионить.

— Оно конечно…

Тут ввалился новый посетитель и вынудил мисс Аттуотер задушить в себе собеседницу. Когда он удалился, она возобновила обсуждение, но коснулась уже другой грани многогранного характера.

— Он — еще та штучка! Вас не разыгрывал?

— Как это?

— Обожает эти розыгрыши. Прям мастер. Вот, разыгрывал он дружков в Америке. Уж я бы с ним не согласилась жить в плавучем доме, откровенно скажу. Побоялась бы, вдруг столкнет в воду или еще что. А то ондатру в постель подложит. Сейчас тоже отправился разыгрывать одного парня.

— Да?

— Да. Хочет выпрыгнуть на него из кустов.

— Из кустов? Выпрыгнуть?

— Ну да! Когда тот запоет коноплянкой.

— Зачем?

— Сама не знаю. Говорит, обхохочутся. Не-ет, тут что-то другое. Тайна. Я и говорю, таи-инственный человек.

Клиенты потянулись один за одним, и Адриану стало ясно, что на доверительную беседу надежды больше нет. Он допил кружку и ушел.

Пока он шагал к «Миньонетте», его покусывало беспокойство. Приятно ли обнаружить, что ты, оказывается, пользуешься гостеприимством не совсем здорового человека? По его собственным наблюдениям, Булпит мог, не задумываясь, огреть ближнего бутылкой. А теперь еще, оказывается, не прочь из кустов выскочить… Невольно призадумаешься и спросишь себя, где для него предел? Никто не возражает против добродушной эксцентричности, но до каких пределов этот шутник сохраняет добродушие?

Безмерно радуясь, что сегодня наступит конец его визиту, Адриан забрался по мосткам на «Миньонетту». Едва его нога коснулась палубы,

как дверь салона распахнулась и появилась обнаженная натура, обмотанная лишь полотенцем.

Это был Табби Ванрингэм.

Первым от шока неожиданной встречи опомнился Табби. Он удивился, предполагая, что Адриан давно за много миль отсюда, но у него и своих тревог хватало, чтоб еще волноваться из-за чьих-то дел. Здесь — и ладно, пусть его.

— Привет, — сказал он, смахнув со лба бусинку пота. Адриан откликнулся на приветствие, и наступило молчание.

— Поплавать вот иду, — сообщил Табби.

Даже менее наблюдательный человек, и тот с первого взгляда увидел бы, что купание позарез необходимо. В такую жарищу Табби, видимо — на всей скорости, одолел расстояние между двумя пунктами и почти расплавился. По яркому, хотя и не совсем аппетитному сравнению Булпита, он потел, как негр на выборах.

— Жарковато! — обронил Табби.

— Да, это заметно.

— Прямо вспотел.

— Быстро шли?

— Бежал, — уточнил Табби. — Всю дорогу, от второго Уолсингфордского камня.

— О-о? А что такое?

— Чтобы добежать поскорее. — На ум ему пришло неожиданное соображение: — Слушайте, — перебил он сам себя, — вы ведь тоже снимали это суденышко. Где тут еще, кроме салона, можно спрятать бумаги? Салон я прочесал частым гребнем — и ничего!

— Бумаги? — Адриан вспомнил, что девушка в гостинице отдала ему какие-то бумаги. Он нащупал их в кармане. — Не эти ли? — И он услужливо их протянул.

Вопрос и действие оказали на Табби сокрушительный эффект. До сих пор он стоял как нормальный американец, болтающий с приятелем. Теперь же скаканул назад, словно от змеи, и принял оборонительную стойку. Кулаки у него сжались, взгляд стал угрожающим.

— Еще шаг, — пригрозил он, — и я вам кумпол снесу!

От изумления Адриан лишился речи. Он понял, что сегодня ему суждено нарываться на эксцентриков. В данном случае сомнений у него не было; прилагательное «добродушный» мы отбросим сходу. Чтобы описать Табби, такой стилист, как покойный Гюстав Флобер, его бы не выбрал.

— Чего это вы? — тупо спросил Пик.

— Сами знаете!

— Да нет!

— Нет, да! Это Булпит вам отдал, чтоб вы мне вклеили.

— Он забыл бумаги в гостинице. Мне их барменша отдала. Воинственный Табби чуть смягчился, но держался стойко.

— Ладно, может и не врете, но я рисковать не желаю. Разорвите и бросьте в воду.

— Но это же бумаги Булпита!

— Конечно! Чьи же еще? Ну, рвите.

— Помилуйте… как же…

— А по морде не хотите? — предложил Табби, берясь за решение проблемы с другого конца.

Меньше этого Адриан хотел только внезапного появления хлыста. Он по-прежнему сомневался, можно ли уничтожить чужую собственность, но если альтернатива — удар по морде, выбора нет. Конечно, он не был уверен, что у него именно морда, но общий смысл уловил, а потому внял совету, и через миг-другой обрывки голубой бумаги плавно покачивались на воде армадой бумажных корабликов.

Успокоительный эффект этого действия был бы лестен для любого миротворца. Все следы враждебности у Табби исчезли. Испустив вздох облегчения, он спросил Адриана, не найдется ли у того сигаретки, потом попросил огонька и получил его. Встреча оборачивалась истинным пиршеством братства.

— Простите, что погорячился, — произнес Табби. — Понимаете, засомневался, а вдруг эту чертову бумагу можно всучить через заместителя?

— Что это было?

— Повестка.

— Повестка?

— В суд. За нарушение брачных обещаний.

— А Булпит тут при чем?

— Старался ее мне вклеить. И представьте, — Табби побагровел при одном воспоминании, — старый гад подстроил, чтоб мне позвонила девица, назначила свидание на Уолсингфордской дороге. А когда я примчался туда и стал свиристеть, он выпрыгнул из-за кустов. Честное слово, я на два года постарел!

Табби с удовлетворением отметил, как выпучились глаза у его собеседника, а челюсть слегка отвалилась, — несомненно, он ужаснулся, как порядочный человек, до каких глубин двуличия способны скатиться

его ближние. Впервые за их знакомство Табби проникся симпатией к Адриану. Прихлебатель, верно, но прихлебатель благородный.

— Правда, очень скоро, — продолжал Табби с мрачной удовлетворенностью, — два года жизни у него отнял я. Догадайтесь, что случилось? Я уже думаю — все кончено, но вдруг Булпит замер и принялся рыскать по карманам. Я кричу: «Ну, вручайте!», — а он так это диковато смеется и отвечает, что шоу отменяется, забыл он повестку. Наверное, говорит, на барже. Я понял, настал мой черед отомстить за все тревоги!

Адриан издал клекот, но не очень громкий, и Табби отвлекаться на стал.

— Ну, я ему врезал! Развернулся и ка-ак залепил, прям в нюхалку. А потом схватил за шиворот и тряханул, как крысу. У него выскочили зубы, закатились в траву. Не удивлюсь, если у него и гляделки выскочили, тряханул я старикана — будь здоров! И бросил его там, а сам на всей скорости рванул сюда, чтоб разыскать и порвать бумаги. Вот, теперь их нету, а новые он еще когда получит. К тому времени…

— Значит, Булпит — судебный исполнитель? — Адриан обрел наконец дар речи.

— Ну да!

— Разве он не богат?

— Откуда?

— А мне сказал — миллионер!

— Да он вас дурачил!

От тошнотворной вероятности — нет, уверенности! — что так оно и есть, Адриан оцепенел. В калейдоскопе мыслей мелькнули слова барменши о пристрастии Булпита к розыгрышам, и перед ним предстал чудовищный клубок хитросплетений, в какой он попал по излишней доверчивости натуры.

Мутным взором окинул он ситуацию и, содрогнувшись, отвел глаза. Ему стало худо. Собственно, его никогда особо не радовало, что обручен с двумя женщинами, но до сих пор он утешался тем, что никаких письменных обязательств нет, а от устной договоренности человек хладнокровный всегда отопрется.

— Ладно, пойду искупнусь, — заключил Табби.

— Пожалуй, и мне не помешает, — решил Адриан.

Ему казалось, что он подхватил крапивницу в острой форме, и холодная вода принесет хотя бы временное облегчение.

19

Между тем, неведомо для Адриана (хотя вряд ли он огорчился бы, если б и ведал) других людей в непосредственной близости от него тоже донимали неприятности. На коротком отрезке дороги между Уолсингфордом и Уолсингфорд Парвой надрывались от горя, в такой-то солнечный денек, по крайней мере три сердца, сближаясь с каждым шагом Джо и каждым оборотом колес. Одно сердце Джо и принадлежало, второе — Джин, третье — Булпиту. Это тянуло на местный рекорд; как правило, сонная дорога была пуста.

Джо мучился угрызениями совести. Быстро шагая по дороге, он терзался, как терзаются те, кто предал. своих соотечественников или заснул на посту. Зная тупоумие брата, твердил он себе, нельзя было ослаблять бдительность даже на тот короткий миг, какой потребовался, чтоб сделать очередное предложение Джин. Когда охраняешь кого-то вроде Табби, недостаточно плюхнуть его на стул, сунуть в руки детектив и надеяться, что он так и будет сидеть. Таких надо охранять с ружьем. Как легкомысленно он, то есть Джо, растоптал доверие! Стеная в душе, он в промежутках подумывал, что лучше бы стало попрохладнее, чересчур уж жарко для пеших прогулок.

Джин не скорбела, она кипела от ярости. Глаза ее грозно поблескивали, словно у старого крокодила.

Дневная почта прибыла как раз тогда, когда она выезжала в Уолсингфорд, и принесла с собой первое письмо, написанное изысканным слогом.

Его она сумела прочитать всего минут десять назад, после отцовского отъезда, и, следовательно, содержание было еще совсем свежо. Что там, она могла повторить его дословно. Естественно, она изо всех сил нажимала на акселератор, стремясь поскорее доехать до Холла и обсудить все с Джо. Порой ее сжатые губки раскрывались, и казалось, что оттуда вырывается пламя. Это она репетировала то, что намеревалась выложить при встрече.

Страдания Буллита, ползающего вокруг второго камня, отличались от горестей Джо и Джин, поскольку были по сути своей не душевными, а физическими.

Удар, нанесенный Табби, хотя и вполне мощный, не очень обеспокоил его. Сколько ему перепало в свое время! Да что там, в активные годы профессиональной карьеры он вообще воспринимал это как часть повседневной рутины. Тревожило его, что сорвались с прикола зубы. Без

челюсти он чувствовал себя как Самсон, которому остригли волосы. Человек может пренебречь сотней разбитых носов, но без челюсти он пропал.

Встреча с Табби несколько затуманила рассудок, притупив обычно острое восприятие. Булпиту как будто припоминалось, что челюсть катилась на северо-восток; и по этому маршруту он полз, когда показалась машина. Заскрипели тормоза, взвилось облачко пыли. Распахнув дверцу, Джин выпрыгнула, взволнованная до крайности. Булпит на четвереньках, перемазанный кровью, представлял собой ужасающее зрелище. Прежде, кроме того случая, когда кухарка порезала палец, вскрывая банку сардин, Джин ни разу не сталкивалась с кровавой трагедией.

Немудрено, что, увидев лицо с запавшими щеками, она не признала кругленького, розоволицего дядю. Да и видела она его лишь однажды, совершенно при других обстоятельствах. Сейчас он был для нее анонимной жертвой. Когда Джо, запыхавшись, добрался до той же точки, она так и сказала.

Надо заметить, она ему обрадовалась. Адриан особо упомянул Джо как источник, из которого ему стали известны замыслы сэра Эббота, и Джин догадалась, какие мотивы побудили так исказить истину, но все равно она обрадовалась. Как бы ни черна была его душа, тело у него мускулистое, а ей требовался кто-нибудь мускулистый, чтобы с нею вместе перенести страдальца в машину и отвезти к доктору.

Собственные ее попытки терпели неудачу из-за молчаливого, но стойкого сопротивления Булпита, который никак не хотел встать. Спокойно, но упрямо он оставался на четвереньках, тыкаясь туда-сюда, как собака, берущая след. Он и в мыслях не имел; что его принимают за жертву наезда. Хотел он одного — чтобы ему не мешали вести розыскные работы. Он пустился было объяснять это, но изо рта у него вылетали только бессвязные звуки, от которых — еще больше, чем от его вида — сердце у Джин леденело.

Ей полегчало, когда появился Джо, но она не хотела, чтоб даже в такой крайности он упустил ее недовольство. Да, он как нельзя более кстати, и все-таки вел он себя гадко. У нее были основания надменно распрямиться и разговаривать, как принцесса с наглым лакеем.

— Мистер Ванрингэм, — холодно и высокомерно сообщила Джин, — этого человека сшибла машина.

Джо в мгновение ока все понял. Он подзапыхался, ему не мешало отрегулировать меха легких, но держался он учтиво и был готов к жертве, как самый безупречный джентльмен. Прочитав достаточно романов,

публиковавшихся за счет авторов, он прекрасно знал, как ведет себя человек в подобных случаях. Тот идет на лжесвидетельство, подобно Сесилу Тревельяну во «Взволнованном сердце» или лорду Фотерингэму в «Однажды весной». Быстро, проницательно взглянув на Булпита, который уже зарылся в кусты, он увлек Джин в сторонку и прошептал ей:

— За рулем сидел я. Будем держаться этой версии. Правил я…

— Ох, какой же вы осел! — вскричала Джин. — Что же, это я его сбила?

— А что, нет?

— Конечно, нет. Когда я подъехала, он уже такой был.

Джо внимательно оглядел Булпита. Трава у камня сокровища не выдала, и теперь тот на карачках полз вдоль дороги, словно Навуходоносор, ищущий пастбище посочнее.

— Такой вот?

— Ну да!

— И на четвереньках?

— Да.

— Ползал кругами и нюхал?

— Да, да, да! Наверное, его сбила машина и укатила.

— Н-да, скорее всего…

— Как вы думаете, он умирает?

— Вероятно…

— Бормотал что-то несусветное.

— От сильного потрясения. В подобных случаях всплывают все худшие качества.

— Нет, я не про то! Я не сумела его понять, шамкал как-то. Наверное, у него сотрясение мозга.

— Где ближайший доктор?

— В деревне есть доктор Бэрк, но сейчас он скорее всего ушел с визитами.

— А в Уолсингфорде?

— Там их полно, но я не знаю адресов.

— Ладно, поедем туда, а там… Эге, да он поднимается! Булпит встал и направился к ним. Его посетила мысль, что розыскам недостает научной основы. Три головы всегда лучше, чем одна. Если присоединится его племянница и этот молодой парень, в котором он узнал брата Т.П. Ванрингэма, то в его распоряжении поисковая партия. Все это он и принялся им растолковывать.

— Слушайте, я зубы потерял. Ускакали куда-то туда. Давайте

помогите.

Во время этой речи у Булпита мелькали подозрения, что дикции его недостает обычной колокольной четкости, но все-таки он удивился, заметив, как вздрогнул Джо и какой кинул взгляд на Джин, а та произнесла:

— Сами видите!

Удивление возросло во сто крат, когда секунду спустя сильные руки обхватили его и, бережно подняв, усадили в машину. Не успел он обрести дыхание и возразить, как Джин очутилась за рулем, Джо плюхнулся на откидное сиденье сзади, и машина, дав задний ход, развернулась и споро понеслась в Уолсингфорд.

Безудержное чувство утраты нахлынуло на Булпита. Он был твердо убежден, что победа не за горами, и ринулся выражать протест.

Сзади протянулась добрая рука и похлопала его по плечу.

— Все в порядке! Сидите тихонько, ждите доктора. Расслабьтесь… Эй, а ведь я его знаю! — вгляделся Джо. — Он в плавучем доме живет. Некий Булпит.

— Что?! Ой, правда!

— Вы его знаете?

— Да он же мой дядя.

Для Джо это был сюрприз. Отношение сэра Бакстона к их пассажиру как-то не показывало, что тот — его шурин. Где добродушная приветливость, какую хотелось бы видеть в баронетах, когда они общаются с родней жены? Скорее тут была гадливость человека, столкнувшегося со змеей, которая ему буквально никем не приходится.

— Значит, ваша матушка — урожденная Булпит?

— Да.

— Молодец, что сменила на Эббот! Он правда ваш дядя?

— Я же сказала.

— Так жмите на газ, а то он станет вашим покойным дядей.

Джин нажала. Джо показалось, что наступил момент обратить внимание на психологический аспект дела, возможно, ускользнувший от нее.

— Знаете, — заметил он, уперев руку в спину Булпита, а сам подавшись впереди, — как ни прискорбен этот случай, нельзя забывать, что в нем есть и светлая сторона. Он сблизил нас с вами. Ничто не сближает лучше стресса. Сами увидите, как изменятся наши отношения.

Непростая задача одарить мужчину долгим равнодушным взглядом, когда ты за рулем, а его голова — за твоим левым плечом, но Джин

постаралась. То, что она при этом чуть не вывихнула себе шею, настроения ей не улучшило.

— Да? Не думаю.

— Почему?

— Скажу, когда к врачу съездим.

— Скажите сейчас. Может, у меня воображение играет, но как-то вы странно себя держите. Необычная резкость, если не грубость. Что-то случилось?

— Да.

— Что именно? Когда мы виделись в последний раз, вы мне разрешили обнять вас за талию. На конюшенном дворе, помните?

— Тогда я еще не прочитала письмо, которое ждало меня в холле.

— Письмо? Какое?

— Оно пришло со второй почтой.

Слабая тревога закралась в душу Джо. Само по себе, конечно, нет ничего особенного в том, что Джин получила письмо со второй почтой. Джо даже видел, когда беседовал с ней на конюшенном дворе, как промелькнул на велосипеде почтальон. Но в тоне ее пробивалась зловещая нотка. Мало того: хотя взгляд у нее получился коротким и нервным, а не длинным и равнодушным, все-таки Джо успел уловить нехороший блеск в ее глазах.

— Да?

— Да. От Адриана Пика.

Убрав руку от спины Булпита, Джо раздумчиво почесал подбородок. Куда менее зоркий человек, и тот уловил бы, что надвигается гроза. Джо понимал, что этот прихлебатель, взявшись за перо, вполне может затронуть тему, влекущую за собой большие затруднения.

Однако, как обычно, не растерялся.

— От Пика? Так, так, минутку, никак не припомню… что же это за Пик такой? Адриан? Ах, да! Я с ним шапочно знаком. На вашем месте я не стал бы так гнать машину.

Джин набавила скорость.

— Мистер Ванрингэм, вам было известно, что Адриан — мой жених?

— Помилуйте! Откуда?

— Я думаю, Табби просветил. Да или нет?

— Э… э… ну, в общем — да. Теперь припоминаю, обронил что-то такое.

— Так я и думала. А вы посоветовали Адриану уехать, потому что мой отец разозлился на него и гоняется за ним с хлыстом?

Джо вздохнул. Как все трудно!

— Ну, посоветовал. Собирался вам рассказать.

— Благодарю!

Поджав губки и вздернул подбородок, Джин еще сильнее вжала педаль акселератора. Бессловесный вскрик вырвался у Булпита — его тряхнуло на выбоине, как льдинку в шейкере.

— Видимо, ваш дядя пытается сказать, — предположил Джо, — что всем нам будет спокойнее, если вы сбавите скорость. Постарайтесь укрепиться в мысли, что ведете «Скорую помощь», а не колесницу Джаггернаута.

Совет был принят, и Джо опять подался вперед.

— А теперь вернемся к нашему разговору. Я рад, что вы его завели, я и сам хотел объясниться. Вы согласны, что в любви и на войне честно все?

— Нет, не согласна.

— Это несколько затрудняет мое объяснение. Я действовал, исходя из таких убеждений. Мне казалось, что, только удалив Пика на сравнительно ранней стадии, я сумею обеспечить себе время и свободу от постороннего вмешательства. Я предполагал, что моя маленькая хитрость заставит его умчаться, как кролика. Так и вышло. Да за ним не всякий кролик угнался бы!

— Вы погубили мою жизнь!

— Ничего подобного.

— Адриан порвал со мной!

— Порвал?

— Да!..

— Прекрасно! Просто чудесно!

— Не смейте так говорить!

— Смею и буду. Вы его не любите.

— Люблю!

— Нет!

Джин закусила губу, которой уже досталось сегодня.

— Опять надменность, — остерег ее Джо.

— Не смейте делать мне замечания!

— Pardon.

Снова, невзирая на беспокойство Булпита, Джин нажала на акселератор, и Джо, намеревавшийся было продолжить разговор, увидел, что сейчас бесполезно выдвигать разумные доводы. Откинувшись на спинку, он погрузился в свои мысли.

Какая, однако, ирония судьбы! Девушка, которую он любит,

отталкивает его и без слов дает понять, что относится к нему как, скажем, к слизняку, а все из-за того, что он убедил Пика, будто ее отец гоняется за ним. Но от фактов не уйти, отец и правда гоняется! И с хлыстом. Если с начала мира какой-нибудь баронет и жаждал огреть кого-нибудь этим орудием, то сэр Бакстон был этим самым баронетом, Адриан Пик — его жертвой. Единственный упрек, который мог бы кинуть ему самый пристрастный судья, — он чуточку предвосхитил события.

Из задумчивости его вывела остановка машины. Разбросанные дома, мелькнув мимо, сменились группкой домов, стоявших тесно, а последние минуты они мчались сплошной аллеей из кирпичных стен.

Те, в свою очередь, сменились магазинами, кабачками и всеми другими обычными пунктами Главной улицы процветающего провинциального городка. У одного кабачка, неподалеку от пустого зеленого автобуса, к капоту которого привалился шофер в форме, попыхивающий сигаретой, Джин и затормозила. Джо спрыгнул и встал, ожидая приказаний.

Джин (как с огорчением увидел Джо, — по-прежнему холодная и застывшая) повелительно мотнула головкой.

— Спросите его, где живет ближайший врач.

— Он вряд ли знает. Что-то подсказывает мне, что он сам тут чужак.

— Тогда узнайте в пивной.

— Прекрасно. Может, прихватить чего выпить?

— Поторопитесь, пожалуйста.

— Бегу, бегу.

Избавившись от его пагубного присутствия, Джин отдалась мыслям о том, откуда взялся дядя. Проблема эта, как выразился бы Шерлок Холмс, таила немало любопытного.

Об особых обстоятельствах, делавших Булпита столь нежеланным для ее отца, Джин не ведала ни сном ни духом. Сэр Бакстон не захотел открывать ей, что ее фамильное древо замарано присутствием клейщика, а уж тем более опасался, как бы она нечаянно не ляпнула чего при княгине.

Словом, секретность представлялась Бакстону лучшей политикой, и потому на расспросы дочери, куда подевался ее дядя после того, как она разговаривала с ним в столовой, отвечал, что дела отозвали того в Лондон. У Джин сложилось впечатление, что, покончив с лондонскими делами, Булпит вернется погостить в Уолсингфорд Холл.

А теперь, оказывается, все это время он находился по соседству, и его штаб-квартира помещалась в плавучем доме!

Возможна лишь одна разгадка. Припоминая чувства отца, которому

явно не хотелось даром держать в доме родственника, Джин сообразила, что произошло. Раздираемый между священными обязанностями гостеприимства и неблагородной скупостью, Бак допустил, чтобы битву выиграла маммона. Вместо уютной спальни в Холле он отправил шурина на баржу, которая даже новенькая вряд ли годилась под жилье.

Сидя за рулем «Виджона-7», Джин заливалась краской стыда за своего скупого родителя. С этим позором надо покончить. Если совесть не сумела убедить его, что недостойно вести себя как шотландец из газетного юмора, придется взять дело в свои руки. Прямо от дверей врача, решила Джин, она отвезет дядю в Уолсингфорд Холл, пусть поправляется и набирает сил. Даже Бак, рассудила она, при всей своей склонности к экономии, вынужден будет признать, что невозможно бросать в плавучем доме покалеченного человека.

После такого решения настроение у нее поднялось, и она почувствовала себя счастливее; так всегда чувствуют себя девушки, когда что-то твердо решат. Но тут раздался голос — визгливый, скрипучий, точно у куклы чревовещателя; и она поняла, что водитель автобуса что-то говорит, причем обращается к ней. Он бросил свой капот и стоял в нескольких шагах от машины, глазея на Булпита с откровенным интересом.

— Извините? — холодновато переспросила Джин; ей хотелось остаться наедине со своими мыслями. Кроме того, беспримерное злодейство Джо вселило в нее временное предубеждение против всех мужчин. При всей широте взглядов приличная девушка не способна пускаться в разговоры с представителем пола, к которому относятся люди вроде Ванрингэма-старшего.

Водитель был невысоким, остроносым субъектом, похожим на прыщавого горностая. Он стоял, глядя на Булпита, и каждый прыщ набухал любопытством. Потерпевший, откинувшись на спинку, лежал с закрытыми глазами в полнейшем отупении. Он пришел к выводу, что ему никак не перекинуть мостик через пропасть непонимания, разверзшуюся между ним и его спасителями. Придется запастись терпением до встречи с врачом — натренированный профессионал сразу определит, в чем проблема. Таким образом, он последовал совету Джо, расслабился, отчего стал поразительно похож на газетную фотографию «жертва зверского убийства». Горностай, пробормотав «Господи милостивый», немедленно приступил к расследованию.

— Чегой-то с ним? — Он ткнул сигаретой в Булпита. Если он надеялся на взрыв девичьей откровенности, то был разочарован. Джин по-

прежнему держалась холодновато и отчужденно.

— Его покалечило.

— Эт я и сам вижу! А чего случилось-то? Машиной переехало?

— Нет. — Ножка Джин стала нетерпеливо отбивать дробь по дну машины. Ей показалось, что Джо чересчур замешкался, за это время можно было узнать адреса десяти докторов.

Ответ не понравился Горностаю. В нем появилась суровость прокурора, который не намерен терпеть дурацких увиливаний свидетеля. Насупив брови, он заложил сигарету за ухо, чтоб не мешала перекрестному допросу.

— То есть как? — спросил он. Джин смотрела в пространство.

— Это как же не переехала? — продолжал Горностай. — Гляньте-ка сами. Лицо-то прямо все в крови. — Он приостановился в ожидании ответа. — Кровью уливается! — присовокупил он. — Я грю, лицо-то у него, а?

— Я вас слышала.

Ее отчужденность подействовала на Горностая неприятно. С самого начала их беседы он находился в не слишком благодушном настроении из-за того, что пассажиры, поглощенные эгоистической жаждой, хлынули в кабачок, не подумав пригласить и его. Тем самым он созрел для классовой борьбы. Изысканная красота Джин обычно пробуждала в мужчинах чувства рыцарственные и покровительственные. В Горностае она разбудила лишь низменные инстинкты. В ее голосе ему слышался оттенок аристократической надменности, и мечтал он о том, чтобы рядом оказался Сталин. Вот бы ей показал!

— Хо! — воскликнул он. Джин промолчала.

— Ф-фу-ты, ну-ты, я вежливо с ней, а ей лишь бы куснуть! Джин не отвечала.

— Строит из себя не знай кого! — за отсутствием Сталина старался Горностай, хотя и понимал, что тот был бы похлеще.

Джин смотрела прямо перед собой.

— Такие вот, вроде тебя, и сеют смерть на дорогах! — ядовито выкрикнул он.

— Чего-чего? — вмешался новый голос.

— Такие вот, вроде тебя, и сеют смерть, — подсказал кто-то третий.

Оглянувшись, Джин обнаружила, что разговор, начавшийся как диалог, разросся до симпозиума.

Главная улица Уолсингфорда, подобно Главным улицам всех других английских селений, менялась в зависимости от дня недели. По субботам и

базарным дням она превращалась в современный Вавилон, в другие дни была менее людной. Сегодня день выдался ни то, ни се. Не было фермеров, тыкающих в бок свиней, но прогуливалось довольно приличное количество местных жителей. Сейчас с десяток их, женского и мужского пола, сбилось вокруг машины. И снова, невзирая на всю свою неприязнь к Джо, Джин страстно захотелось, чтобы он поскорее вернулся.

Когда собравшиеся разглядели Булпита, по толпе пронесся вздох ужаса.

— У-ух ты! — воскликнул джентльмен в котелке.

— Нет, вы только гляньте! — подхватила женщина в каскетке.

— То-то и оно! Гляньте! — заорал Горностай. — Кровища-то хлещет! А ей плевать!

Мужчина в котелке был потрясен до глубины души.

— Так прям и плевать!

— А то!

— У-ух ты! — выдохнул котелок, а каскетка с присвистом вздохнула.

Джин негодующе заерзала. Для невиновной девушки, которая гордится тем, как осторожно, чуть ли не благоговейно, водит машину, очень досадно, когда ее изображают надменной, черствой аристократкой старого режима, которая напропалую давит детишек, а бедняки яростно потрясают кулаками ей вслед. Джин потихоньку закипала.

Она намеревалась выступить с ответной речью, отметая обвинения, но тут Булпиту, который с интересом слушал перепалку, неожиданно вздумалось расставить все по своим местам коротким обращением к толпе. Он поднялся и заговорил.

Результат получился ошеломительный. Его вида самого по себе хватило, чтоб граждане Уолсингфорда переполнились жалостью и ужасом. Бессловесная невнятица пробрала их до печенок.

— У-ух ты! — завопил котелок.

Горностай смотрел как прокурор, выставивший главного свидетеля и завершивший обвинительную речь. Достав из-за уха сигарету, он драматически ткнул ею в потерпевшего.

— Гляньте! Говорить не может! Челюсть свернута!

— Он хочет, — сообщил прозорливый котелок, — рассказать нам, как все стряслось.

— Я знаю, как стряслось, — вылезла каскетка. — Я все видела! С начала и до конца!

При любой передряге, в которой замешана машина, в толпе всегда отыщется женщина, не обязательно в каскетке, но непременно с богатым

воображением, к которому так идет вызывающий головной убор. Когда совершаются революции помасштабнее, устраивают их именно женщины такого типа.

Она полностью завладела вниманием публики. Толпа, пресытившись зрелищем жертвы, охотно переключилась на ее.

— Сами видали?

— А то! С начала и до конца. Эта вылетела из-за угла, пятьдесят миль в час!

— Вела, стало быть, на опасной скорости? — уточнил котелок.

— Уж не сомневайтесь!

— Уу-х! — взвыл котелок. — И развелось их, этих девиц! Еще на машинах ездют!

— От них все и мрут! — мстительно поддержал Горностай. — Но этой-то что? А ничего! Плевать, да и только!

— Думает, поди, дорога — ейная собственность!

— А то! Пятьдесят миль в час! Да из-за угла. Даже не гуднула!

— Не гуднула?

— Не пожелала утруждаться! А ему-то, ему-то каково? Налетела, он и вскрикнуть не поспел!

— Будь я ейный папаша, — заявил Горностай, меняя прокурорское обличье на судейское, — уж я б ей вжарил! Очень мне охота ее отлупить, хотя я и не ейный папаша!

Реплика явно усугубила щекотливую ситуацию. Это было первое конкретное предложение, и встретили его одобрительным рокотом. Джин уже обстреливали воинственными взглядами, как бы примеряясь; она сидела, стараясь подавить страх, противный ее гордому духу. И тут наконец-то показался Джо.

— Простите, что задержался! — сказал он. — Обсуждали ситуацию в Испании…

И запнулся, сообразив, что и с ситуацией в Уолсингфорде не худо бы разобраться. К составу членов-основателей примкнуло штук десять ребят с бисквитной фабрики, располагавшейся ниже по дороге. Уолсингфорд — родина бисквитов, и похоже, что рабочих отбирали по мускулатуре, а не по изысканности манер. Здоровенные парни в рубашках, чей инстинкт при столкновении с необычным толкал их улюлюкать и швыряться камнями, еще не швырялись, но шум производили недвусмысленно угрожающий. Не в силах уразуметь причину разгулявшихся страстей, Джо перегнулся через Булпита и осведомился у Джин театральным шепотом:

— Что происходит? Народ собрался меня приветствовать? Откуда им

стало известно, кто я?

Джин было не до шуточек. Его приход до некоторой степени усмирил ее сердце, но разговаривать с ним она не желала. Кроме того, ее злило, что, в силу особых обстоятельств, нельзя молча пронзать его взглядом.

— Это из-за дяди, — коротко бросила она. Удивленный Джо оглянулся на Булпита.

— Они хотят отдать ему на разграбление город?

— Они считают, что мы его переехали.

— А-а! Но мы не переезжали.

— Нет.

— Вот вы им и объясните.

— Та, в шапке, твердит, что видела своими глазами, как я сшибла его.

— Сейчас все улажу… Леди и джентльмены! — воскликнул Джо, взобравшись на подножку, и прервал себя, чтобы подтолкнуть Булпита обратно на место.

Жеста более неудачного Джо сделать не мог. Когда раненый исчез, словно мячик для гольфа, прыгнувший в лунку, взыграли лучшие, царственные чувства толпы. Раздался вой ярости, и местный полисмен, как раз готовившийся свернуть на Главную улицу, наклонился и принялся старательно перевязывать шнурки на ботинках.

— Позор!

— Чего вытворяют!

— Вы! Оставьте его в покое!

— Мало вам, чуть машиной не задавили?

Бурная и грубая жизнь научила Джо, что, несмотря на твое личное обаяние, выпадают моменты, когда ласковое слово следует подкрепить стремительным броском.

— По-моему, вам лучше сматываться! — шепнул он. — Как выразился бы наш уважаемый Бак, туземцы проявили недружелюбие, и мы решили не ночевать в деревне. Для жителей Уолсингфорда наступил сезон магических ритуалов, они приносят человеческие жертвы богу солнца Ра. Из-за этого у них немного разгулялись нервы. Помните, я предупреждал — не надо ездить сюда!

Джин согласилась с ним. Она взглянула на толпу. После недавнего взрыва наступило кратковременное успокоение, затишье перед бурей. Толпа разбилась на группы, все обсуждали ситуацию, строя планы действий. Производители бисквитов, утомившись улюлюкать и верещать, разбрелись в поисках булыжников.

— Да, правильно, — согласилась Джин. — Прыгайте скорее!

Джо покачал головой.

— Уедете вы. Я останусь и буду прикрывать вас с тыла. Нервы у Джин были уже накалены переживаниями последних десяти минут.

— Не говорите глупостей!

— Ваше отступление необходимо прикрыть. Распространенный военный маневр.

— Залезайте в машину! Что толку выставляться героем? Вам не справиться с толпой! Их очень много!

— Я и пробовать не стану. А вам даю парочку советов, может пригодиться, когда в следующий раз угодите в уличную свару. Выберите самого здорового парня. Подходите к нему, оглядываете, задрав нос, и спрашиваете: «Вы джентльмен?» Пока он обдумывает ответ, съездите ему по подбородку. Успех гарантирую. Остальная толпа, забыв о своих намерениях линчевать вас, образует круг и увлеченно наблюдает. После раунда-другого половина уже на вашей стороне. Противника я подобрал. Вон, в рубахе с закатанными рукавами. Там, там, позади. Видите, ищет кирпич. Соль в том, что я даже отсюда вижу: нет, это не джентльмен. Когда я спрошу, он растеряется, скажем так — сконфузится.

Джин проследила за его указующим пальцем и ужаснулась. Субъект, на которого он обращал ее внимание, был таких размеров, что, если бы не решил зарабатывать на жизнь бисквитами, вполне мог бы стать деревенским кузнецом. Она охнула при виде литых мускулов на его ручищах.

— Да он убьет вас!

— Меня убьет? Героя?

— Не лезьте с ним драться! Он просто великан!

— Чем они больше, тем больнее им падать! Кляцнув зубами, Джин их стиснула.

— Я вас не брошу!

— Бросите.

— Ни за что!

— Надо. Этот несчастный ошметок человека — пардон, мистер Булпит — не может бесконечно оставаться без врачебной помощи. Да и вдобавок, какой от вас прок?

— Буду оказывать моральную поддержку, — слабо улыбнулась Джин.

Их взгляды встретились, она увидела, как сияют у него глаза.

— Джинджер! — сказал он. — Другой такой нет на свете! Храбрая, смелая, достойная дочь Бака Львиное Сердце! Но здесь вы мне не нужны. Уезжайте и не возвращайтесь. И не тревожьтесь за меня. Со мной все будет

нормально. Напомните, как-нибудь на днях расскажу, что я сделал с Джеком О' Брайеном по прозвищу Филадельфия.

Джин выжала сцепление, и «Виджон-7» плавно взял с места. Пронесся вой разочарования; пала тишина. Ее нарушил ясный, громкий голос, осведомлявшийся у кого-то, считает ли он себя джентльменом.

20

Пивнушек в Уолсингфорде была тьма-тьмущая, но отель высокого класса имелся только один, «Синий Вепрь». Лишь его можно было считать подходящим пристанищем для аристократии и дворянства. Стоял он через улицу от того заведения поскромнее, где Джо Ванрингэм смутил коварным вопросом парня в клетчатой рубахе. Человек привередливый нашел бы, что внутри несколько душновато — запрет на открывание окон действовал тут так же, как и в других английских гостиницах, — но это и правда было единственное место, куда мог зайти и выпить чашку чая путешественник высокого ранга. Нигде больше вы не найдете мраморного камина, кресел, столов с папоротниками в медных вазах и официантов в целлулоидных воротничках.

Поэтому у «Синего Вепря» княгиня Дворничек, проезжая Уолсингфорд по пути в Холл, и велела шоферу остановить «роллс-ройс». Ей захотелось освежиться, прежде чем следовать дальше. Чай и тосты подали ей в гостиной, у окна, выходящего на улицу.

Никаких признаков бурных событий, бушевавших на улице всего за несколько минут до ее прибытия, не осталось. Толпа рассеялась, некоторые зашли в кабачок, остальные разбрелись по личным делам. Женщина в шапочке отправилась дальше, навещать больную племянницу, мужчина в котелке — купить два фунта бекона у бакалейщика. Автобус под командованием Горностая уже катил по лондонской дороге. Словом, тут снова царила полнейшая безмятежность.

Безмятежной можно было бы назвать и княгиню, когда та сидела, наслаждаясь чаем. В зале было душно, но духота не трогала ее. Чай был не слишком хорош, но не жаловалась она и на чай. Она пребывала в самом умиротворенном расположении духа. Это странно, так как думала она о своем пасынке Джозефе.

Последние два дня, с тех самых пор как она увидела его пьесу, он занимал ее мысли. Ей не терпелось встретиться с ним, и она рассеянно поглядывала в окошко, гадая, где он теперь и как с ним связаться. Но вдруг

он, собственной персоной, появился из кабачка напротив, во главе какой-то компании, в которой все как один были без пиджаков, то ли по бедности, то ли по прихоти вкуса.

Видимо, расходились после какой-то пирушки. Даже с ее места явственно ощущался дух веселья и дружелюбия. Доносились обрывки песен, приветственные возгласы, а центром веселого сборища, общим любимцем явно был Джо. Что бы они ни отмечали, душой общества оказался он. Самый здоровенный парень с синяком под глазом выказывал ему глубочайшую преданность.

Но даже приятнейшие из событий кончаются, и вскоре, с прощальными словами и взмахом руки, Джо, отделившись от компании, направился к «Синему Вепрю». Однако, подойдя ближе, замер, глядя в окно, точнее — на княгиню, распивающую чай по другую сторону стекла.

Через минуту Джо возобновил путь и исчез в дверях, а скоро уже направлялся через зал к ее столику.

Заговорили оба не сразу. Когда встречаются после длительной разлуки пасынок, который в гневе покинул дом, и мачеха, которая только что не в толчки выгнала его, некоторой напряженности не миновать.

Первым заговорил Джо:

— Княгиня, я глазам не верю!

Нехотя он признался себе, что невольно восхищается ею. Единственный человек в мире, которого он всерьез не любит, но от фактов не уйти, выглядит она изумительно. Каким-то волшебным образом она умудрилась остановить стрелки часов, или притворялась, будто ей это удается. На посторонний взгляд, она была точно в том же возрасте, как и пять лет назад, когда выражала надежду, что он подохнет с голоду в канаве; что там, как восемь лет назад, когда начала изводить его отца. По всей вероятности, так же она выглядела и десять лет назад. Целью своей жизни она сделала сохранение вечной молодости; и добилась успеха.

Княгиня не привыкла пасовать перед обстоятельствами. Она приятно улыбнулась, думая, какой же этот Джо оборванец! И впрямь, из недавнего боя он вышел несколько потрепанным — нельзя драться с производителями бисквитов и остаться чистеньким и опрятным.

— Да, Джозеф, давненько мы не виделись.

— Давно, давно. Но вы, как всегда, обворожительны.

— Благодарю. Жаль, не могу сказать того же про тебя.

— Я никогда не был в вашем вкусе, верно?

— Прежде ты хотя бы ходил аккуратным!..

— Вам кажется, что я грязноват? Немудрено. Как раз и забежал сюда

помыться после драки.

— Хочешь чаю?

— Нет, благодарю. Пожалуй, вы его отравили.

— Не захватила яду.

— Ах, да, не рассчитывали на нашу встречу! Верно говорят, человек должен быть готов ко всяким неожиданностям. Извините, отлучусь на минуточку. Почищусь ради вашего общества.

И Джо вышел из зала. Окликнув официанта, княгиня оплатила счет. При этом она улыбалась и щедро дала на чай. От неожиданной встречи приятное расположение духа стало совсем радужным. Вскоре вернулся Джо.

— Вид у тебя стал непригляднее, — заметила княгиня. — Итак, ты участвовал в драке?

— Да. С обворожительным субъектом по имени Перси. Фамилию не уловил. У нас состоялось три раунда. Я присадил ему синяк, он чуть не переломал мне ребра. Потом мы решили расцеловаться и помириться. Как раз перед тем, как вас увидеть, поставил пиво ему и десятку его близких друзей. Что-то вы выглядите необычайно счастливой, Ваше высочество.

— Правда?

— Хотя немудрено. Такая неожиданная встреча со старым другом! Наверное, удивились, увидев меня.

— Весьма.

— Я же, напротив, ожидал нашей встречи. Я сейчас живу в Уолсингфорд Холле и слышал, там вас ждут.

— А как ты попал туда?

— Хотел пообщаться с Табби. Ему нужна братская забота.

— Откуда ты узнал, что он тут?

— Слухи долетели. Табби говорил, вы подумываете купить усадьбу.

— Да.

— Значит, житье мое там не затянется.

— Оборвется сразу. Ты сейчас туда? Могу подвезти.

— Благодарю.

— Если только у тебя не намечено новых уличных боев.

— Нет, на сегодня хватит. Слышал, вы снова ездили в Нью-Йорк.

— Да. Позавчера вернулась. Ездила повидаться с адвокатами по поводу налогов. Клерки из казначейства доходят до абсурда.

— Выколачивают деньги из богачей?

— Пытаются, во всяком случае.

— Надеюсь, вас они ободрали как липку.

— Напротив, все уладилось прекрасно. Сигареты не найдется?

— Пожалуйста.

— Благодарю. Да, я победила по всем линиям.

— Уж вы такая!

Снова Джо испытал невольное восхищение и одновременно негодование. Его часто испытывали те, кому довелось сталкиваться с этой женщиной. Непринужденная легкость, с какой она одолевала все препятствия и самодовольно неслась по жизни, всегда на гребне волны, оскорбляла ею как драматурга. Она настолько очевидно была отрицательным персонажем, что судьба, казалось бы, неизбежно должна покарать ее. Но ничего такого не случалось. Тот, кто пустил в ход идейку, будто Добро торжествует над Злом, не был знаком с княгиней фон цу Дворничек.

Джо наблюдал, как она покуривает, тихо улыбаясь какой-то мысли, и старался проанализировать убийственные чувства, которые она всегда возбуждала в нем. Была она явственно непобедима, и он пришел к выводу, что именно это и порождает в нем дурные чувства. Сердца у нее не было, деньги — были, что и позволяло ей встречать все жизненные бури в тройной броне. При ней Джо всегда ощущал себя пигмеем, легкой волной, бьющейся о высокую, самоуверенную скалу. Без сомнения, клерки американского казначейства испытали те же ощущения.

— Черт знает что! — воскликнул он.

— Извини?

— Видимо, нет никаких надежд, что справедливость над вами свершится.

— У тебя такой вид, словно бы ты с наслаждением придушил меня.

— Ну, что вы! Только бил бы по голове такой вот медной вазой и смотрел, как вы извиваетесь.

— А ты все такой же милый! — расхохоталась княгиня.

— Наверное, ни один из нас не переменился.

— Но переменились обстоятельства. Последний раз, когда я про тебя слыхала, ты служил матросом на грузовом судне.

— А после этого — официантом. Еще снимался в массовках и был довольно плохим боксером. Какое-то время работал вышибалой в нью-йоркском баре. Тут я потерпел провал. Однажды вечерком я принялся вышибать буйного клиента, но, к несчастью, вышиб он меня. Босс утратил веру в мой профессионализм, и вскоре я отплыл в Англию, строить новую карьеру. С той поры дела двигаются довольно успешно.

— Рада слышать.

— Еще бы! Работал в газете, а затем стал не то марионеткой, не то мальчишкой на побегушках у издателя с сомнительной репутацией по имени Басби.

— Да, бурной ты жил жизнью. Пойдем? Они двинулись через зал.

— А затем, — подсказала княгиня, — ты стал драматургом?

— Слышали про мою пьесу?

— Видела.

Пигмей чуть подрос и взбодрился, словно охотник, стреляющий в носорога из духового ружья и обнаруживший, что один из его бумажных шариков вынудил того поморщиться. Если его собеседница и поморщилась, он этого не заметил, но ему было известно, что чувства свои она скрывает здорово.

— Уже? Очень лестно. Ну и как?

— Может, кое-кому твоя пьеска покажется умной…

— Лучшие критики здесь единодушны. Хотите, почитаю рецензии?

— Нет, благодарю.

— Поразительно! Ну никто не желает их слушать! Пожалуй, скоро я заподозрю заговор. А как прошел спектакль?

— Недурно.

— Зал был полон?

— Набит битком.

— И публике понравилось?

— Вопили от восторга.

Они вышли на улицу.

— Моя любимая сцена, — сообщил Джо, — та, во втором акте, между злобной мачехой и ее пасынком. Зритель оценил?

— Весьма.

— А вы?

— Меня это позабавило.

— Отлично. Я и старался развлечь.

— Джозеф, я хотела обсудить с тобой твою пьесу. Давай спокойненько и уютненько побеседуем в машине.

Княгиня изящно скользнула в «роллс-ройс», Джо — за нею следом. Когда она устроилась на своем месте, он заметил, что она опять улыбается тихой улыбкой счастья, и поежился бы, если б не знал, что сейчас нанести ему гибельный удар — не в ее власти.

Улыбку эту он помнил еще с прежних, давних дней.

21

Как раз когда Джо с княгиней выходили на улицу, запыхавшаяся малолитражка въехала туда же и медленно поползла. Девушка за рулем зорко поглядывала направо и налево, точно Эдит,[91] разыскивающая тело Гарольда после битвы при Гастингсе.

Презрев приказания, Джин вернулась на поле боя. На всей скорости она домчала Булпита в Холл, где передала Поллену, наказав уложить его в постель и немедленно вызвать врача. И, пришпорив свой «Виджон», погнала обратно в Уолсингфорд.

Коматозное спокойствие Главной улицы вызвало в ней смешанное чувство. Что же это? Только «роллс-ройс» стоит перед «Синим Вепрем», мальчишка гонит прутиком вдоль тротуара жестянку, да собака закусывает тем, что отыскалось в канаве. Джин стало легче — все ж нет Горностая и его массовки, но и тревожней: куда подевался Джо? Отправиться пешком в Холл он не мог, она бы встретила его по дороге. Единственное объяснение, приходившее ей на ум, заключалось в том, что его избил верзила, а там — отвезли в больницу.

С растущим беспокойством она проехала по одной стороне улицы и возвращалась по другой, когда из «Вепря» вышла величественная дама, в которой она узнала княгиню фон цу Дворничек, за которой шел совершенно целый Джо. Они уселись в «роллс-ройс», и он сорвался с места. Улицу в полное свое распоряжение снова получили она, мальчишка и собака.

Зрелище это странно подействовало на Джин. До этой минуты восхищение доблестью Джо затмило другую его сторону, темную. Сердце, исходившее тревогой, вновь ожесточилось. Джо снова представился ей в обличье змея, который сделал все, чтобы разрушить счастье ее жизни. Низкий интриган, наговоривший Адриану, будто ее отец грозит отхлестать его! Снова она поняла, как жутко злится на Джо.

Короткая дорога домой никак не смягчила ее настроения, и, полная ядовитых мыслей, она загнала автомобильчик на конюшенный двор. Только столкнувшись с Полленом на парадном крыльце, она загнала и мысли в дальний уголок, чтобы предаться им на досуге. Вид дворецкого напомнил, что нужно порасспросить про пациента. Под гнетом других проблем она почти забыла о дяде.

— Как мистер Буллит, Поллен?

— Превосходно, мисс. Он в Синей комнате.

— Доктор его осмотрел?

— Да, мисс. — Легкая улыбка заиграла на лице дворецкого. — Оказалось, что у мистера Булпита нет никаких повреждений. Он только потерял зубы.

Джин в недоумении уставилась на эту железную личность. Вид у него был такой, будто он объявляет о мелкой неприятности. Конечно, печаль человека, сообщавшего о потере чужих зубов, будет на градус ниже, но все-таки, такая черствость…

— Ему выбили зубы?!

— Они выпали, мисс. Фальшивая челюсть. Мистер Булпит подробно информировал, где их искать, и я послал туда кухонного мальчишку на велосипеде. — И Поллен, который не меньше другого ценил юмор, особенно в духе старого, немудрящего мюзик-холла, напрочь утратил профессиональную сдержанность. Легкая улыбка превратилась в ухмылку, а из-под руки, взметнувшейся, чтобы ее прикрыть, раздались странные, булькающие звуки, отдаленно похожие на песенку коноплянки.

Но через минуту он снова стал самим собой и привел в порядок лицо.

— Прошу прощения, мисс. — С преувеличенной суровостью дворецких, которые на минутку поддались низменным чувствам, он протянул Джин письмо.

— Для вас записка, мисс.

Джин взяла, и ее передернуло. Конверт, в полной чистоте покинувший руки Адриана, теперь был выпачкан инородным веществом. По всей бумаге темнели отпечатки большого пальца, принадлежащие Сирилу Аттуотеру. Потом сердце у нее екнуло: она узнала почерк.

— Когда оно пришло?

— Вскоре после того, как вы повезли сэра Бакстона на поезд, мисс. Доставил мальчик из деревни.

Сердце у Джин снова скакнуло. От нее не ускользнул подспудный смысл: если записку приносит мальчишка из деревни, это значит, что Адриан где-то рядом.

— Хорошо. Благодарю вас, Поллен.

Дворецкий изящно склонил голову, молчаливо показывая, что «рад служить», и Джин открыла конверт.

Тем, кто получил привилегию заглянуть через плечо Адриана, пока тот писал письмо, уже известно его содержание. Перед ней же оно предстало новехоньким, и эффект пылких фраз ее ошеломил.

После первого письма, в промежутках между приступами ярости против Джо, она ловила себя на мыслях не слишком добрых и об Адриане.

Для храброй девушки, восхищавшейся храбростью в других, мысль, что Адриан устрашился бедного Бака, не так уж приятна. Какого-то свиста, нет — слов о свисте хлыста оказалось достаточно, чтобы он удрал. Значит, у него есть изъян, а ей хотелось бы видеть его безупречным.

Но теперь своим вторым посланием Адриан реабилитировал себя. Прочитав письмо, Джин, блестя глазами, проворно поспешила к телефону. Да, «Гусак и Гусыня», ответил ей хозяин. Отдаленное представление о ее чувствах может передать тот факт, что голос Дж. Б. Аттуотера, сиплый от многолетнего потребления портвейна в буфетной сэра Бакстона, для нее прозвучал сладкой музыкой.

— О-о, мистер Аттуотер! Это мисс Эббот.

— Добрый день, мисс.

— Добрый день! Нельзя ли мне сейчас поговорить с… э… о… у… а… э… Адрианом Пиком? — В соответствии с подъемом духа, она отбросила низкую прозу и перешла на белый стих.

— С мистером Пиком, мисс?

— Он ведь остановился в вашей гостинице?

Такой вопрос человеку точных формулировок требовалось обмозговать. Последний раз Аттуотер видел Адриана, когда тот перескочил через живую изгородь и стремглав помчался через деревню. Правильно ли все это назвать словом «остановился»? Навряд ли…

Аттуотер решился на компромисс:

— Не то чтобы остановился. Сегодня днем заходил.

— А когда вы ждете его?

Опять Аттуотеру пришлось пораскинуть умом.

— О своих планах, мисс, он ничего не сообщал.

— Когда увидите его, пожалуйста, попросите позвонить мне. Спасибо, мистер Аттуотер.

— Не за что, мисс.

Джин положила трубку, вполне удовлетворенная. Конечно, она предпочла бы поговорить с самим Адрианом, но, несомненно, очень скоро он позвонит и назначит место свидания. Она вышла в сад, и тут же увидела Джо Ванрингэма. Прислонившись к стене, засунув руки в карманы, ссутуля плечи, он, кажется, унесся в мечтания.

Письмо Адриана вызвало еще одну перемену в ее настроении. Когда она в последний раз видела Джо, оно, как мы говорили, было мрачным. Она кусала губы, копя для будущего едкие замечания. Но сейчас, в мире, залитом солнечным светом, где снова заливались щебетом голубые птички, она не могла испытывать враждебности даже к Джо Ванрингэму.

Однако она могла доказать, что он ошибся, насколько это возможно для человека, глухого к голосу совести. С такими намерениями Джин поспешила к нему. Как глупо он себя почувствует, узнав, что все его низкие интриги лопнули! Джо поднял глаза — скучные, отсутствующие, но через секунду просветлел и улыбнулся знакомой улыбкой.

— Привет, Джинджер!

Джин посчитала, что, прежде чем перейти к главному пункту повестки дня, вежливость требует упомянуть недавнюю драку. Девушкой она была справедливой, а Джо, несомненно, выказал себя очень достойно в битве при Уолсингфорде.

— Так вы уже здесь?

— Да, вот он я.

— Вы победили?

— Ничья. Ставки возвращены болельщикам.

— Вас не ранили, а?

— Только костяшки ссадил. Под конец драки сделал ложный выпад левой, а правой резко ткнул и обнаружил, что соперник носит на сердце медальон с фотографией любимой девушки.

— Не может быть!

— Уверяю вас! Потом он показал мне. Не заподозришь, что эдакий бугай способен на нежные чувства. Но так оно и есть. Ее зовут Клара. Мордоворотик еще тот, но я не стал оскорблять его чувства. Медальон сделан из стали или из какой-то железяки, а размерами — с детскую тарелку. Здорово я саданулся!

Сердце у Джин смягчилось. Рана, напомнила она себе, получена как-никак из-за нее.

— Давайте, я промою.

— Нет, благодарю. Царапина. В следующий раз, когда буду драться, выберу женоненавистника.

— А больше никаких повреждений?

— Нет, нет. Приятный получился денек. Кстати, вы, наверное, удивились, как это я добрался так быстро.

— Нет, я видела.

— Видели?

— Когда вы уезжали с княгиней Дворничек. Понимаете, я вернулась туда.

— Я знал, Джинджер, что вы героиня! — просиял Джо. — Выйдете за меня замуж?

— Нет! По-моему, я уже говорила.

— Что-то было в этом роде… Хотите, расскажу про Брюса[92] и паука?
— Не надо. Где вы встретили княгиню?
— Наливалась чаем в гостинице через дорогу. Наткнулся на нее, когда зашел умыться.
— Очень неловко получилось?
— Отнюдь. Беседа текла, как водичка.
— Что ж, рада, что вас не избили.
— Благодарю.
— Хотя вы заслужили. Наговорить такое Адриану!
— Ах, это?..
— Так вот, я пришла сказать, — продолжала Джин, расчехляя орудия, — что вы не так уж умны, как думаете…
— Что ж, это всегда так.
— … если пытались прогнать Адриана.
— Если?..
Губки у Джин поджались. Ее возмутило, как он вздернул бровь при этих словах. Дружелюбие ее испарилось, и она заговорила с холодной надменностью, которая произвела столь невыгодное впечатление на Горностая.
— Так вот, я получила от Адриана второе письмо!
— С острова Фиджи?
— Из «Гусака и Гусыни».
— Из гостиницы или из деревенского поселка того же названия на Огненной Земле?
— Вот, прочитайте!
— Не надо, пожалуйста! Я чужих писем не читаю. Табби — да, Джо — нет.
— Прочитайте!
— Ну, раз вы настаиваете…
Взяв письмо, Джо пробежал его и поднял глаза. Лицо ничего не выражало.
— И что же?
— Сами видите. Хочет, чтоб я вышла за него замуж.
— Вы выходите за меня.
— За вас? Вы просто клоун!
— Возможно. Но если вам кажется, что я неискренен, вы ошибаетесь.
— Адриан тоже искренен.
— Адриан — червяк! Вряд ли он вообще знает, что такое искренность.
Наступило молчание.

— Отдайте письмо! — потребовала Джин. — Не желаю больше ничего слышать! — Голос у нее дрогнул. — Не желаю с вами разговаривать!

Джо криво улыбнулся.

— Так и думал, что вы это скажете. Но вам и случая не представится. Я уезжаю.

— Уезжаете?

— Через полчаса.

Ее как ножом ударили. С чего бы, собственно? Она сама прекрасно это понимала, но понимала также, что внезапный холод пробрался до глубин души.

— Как — уезжаете?

Ей внезапно открылось, что за последние дни дружба их вымахала с тыкву. Минутой раньше ее переполняла холодная ярость. Она твердила себе, что ненавидит этого человека. А теперь ей казалось, будто она теряет часть себя самой.

— Уезжаете?

— Приходится. Надо зарабатывать на жизнь.

— Но…

Он покивал.

— Знаю, про что вы думаете. Пьеса. Деньги рекой текут, как я говорил Баку. Обидно, но шедевра больше нет. Сегодня последний спектакль.

— Но я… я думала, она имеет успех.

— Это верно. Но она оскорбила мачеху, и когда мы ехали в машине, она сообщила мне, что купила спектакль.

— Как — купила?

— Со всеми потрохами. Американские права, киношные — все. Небесам известно, во сколько ей это влетело, но она может раскошелиться. Ей не нравится, говорит она, чтобы вульгарный памфлет гулял по свету, а ее друзья над ним хихикали. Ее точку зрения можно понять.

— Какое чудовище!

— Ну, не знаю… Ее спровоцировали. Я всегда признавал, что насолил ей, и, должен сказать, восхищаюсь ее ответным ударом.

Джин не могла разделить отстраненно-спортивное отношение.

— Сущая ведьма!

— Наполеоновского типа. Как Наполеон, она проницательно нащупывает слабинку врага и незамедлительно атакует, вынуждая его удирать с поля боя. Вот я и удираю.

— Куда же вы отправитесь?

— В Калифорнию.

— В… Калифорнию?

— В обласканный солнцем Голливуд. На премьере меня познакомили с агентом, представляет в Лондоне одну из крупных студий. Не сходя с места, он подписал со мной контракт. Первоначально мы решили, что я отплываю через месяц, но теперь, когда все так обернулось, придется попросить, чтобы они поторопили события. Я не хочу обнаружить, что мачеха купила и прикрыла студию.

Сердце у Джин горько сжалось от острого одиночества. Солнце скрылось за деревьями, потянуло легким сумеречным ветерком. Ей стало зябко и пусто.

— Голливуд так далеко…

— Да. Очень.

— О, Джо!

Глаза их встретились. Джин вскрикнула, когда он схватил ее за руку.

— Джин, поедем со мной! Давай поженимся и уедем вместе! Ты сама знаешь, мы любим друг друга. Мы созданы друг для друга. Только раз в жизни встречаешь человека, к которому это испытываешь. Второго шанса тебе не выпадет. Наша встреча — это чудо. Если мы пренебрежем ею сейчас, второй не случится. Ты поедешь, Джин?

— Джо, я не могу!

— Ты должна!

— Не могу. Как же я могу предать Адриана?

— Джин, ты что же… Ты что, всерьез намерена вернуться к этому червяку?

— Он не червяк.

— Червяк. Ты прекрасно это знаешь.

— Я нужна ему.

— О Господи! Она ему нужна!

— Да, нужна. Ты же читал письмо. Разве ты не видишь, что после этого бросить его невозможно? Я знаю Адриана. Он хрупкий, беспомощный. Он полагается на меня. Если я брошу его, он попросту развалится. Я чувствую это все время. Ты совсем другой. Ты можешь сам стоять на ногах.

— Нет.

— Да. Ты и без меня обойдешься.

— Обойдусь? Смогу дышать, есть и спать? Да, наверное. Обойтись можно, как ты выражаешься, и без солнечного света, без музыки, без… Джин, ради Бога, опомнись! Ты ведешь себя, как слабоумная героиня из

романов Басби!

— Значит, такая я и есть. Не могу нарушать обещаний. Не могу предавать.

— О, ради Бога!

— Не надо бушевать, Джо. Вот твоя беда. Ты врываешься в жизнь, подхватываешь девушку на седло и считаешь — все в порядке. Я не могу всю жизнь ненавидеть и презирать себя. Если я брошу Адриана, мне будет казаться, будто я кинула щенка со сломанной лапой.

— Нет, это абсурд какой-то! Безумие!

— Но я так чувствую после этого письма.

— Наверное, ты еще влюблена в него.

— Нет, вряд ли… А может, и да. Есть в нем что-то. Как он двигается, как иногда смотрит… Ну, сам знаешь, что бывает, когда кто-то залезает тебе под кожу. И с тобой такое случалось. Была какая-нибудь женщина, которую ты не можешь выбросить из головы?

— Да, в Сан-Франциско.

— Ну вот, видишь! И ты будешь помнить ее до конца жизни.

— Не сомневайся. Особенно в морозную погоду. Она двухдюймовую шляпную булавку вонзила мне в ногу. Вот как залезают под кожу.

— Тебе все шуточки!

— А ты хохочешь над ними. Если есть лучший рецепт счастливого брака, назови его. Разве ты не понимаешь? Оттого-то мы и связаны, что умеем вместе смеяться. Джин, моя прекрасная Джин, ради Бога, что это за основание для совместной жизни — слюнявая жалость?

— У нас не только это.

Сумеречный ветерок стих, над деревьями высыпали звезды. Тусклым серебром отливала река в долине. Джо отвернулся и, опершись на балюстраду, стал смотреть в воду. Наконец он встряхнулся.

— Возвращаешься к нему?

— Должна.

— Значит, конец! — Он рассмеялся. — У меня все время было ощущение, что это невозможно. В жизни такого не бывает. Так, летняя блажь. Да, не везет мне.

— Джо, пожалуйста! Мне и так трудно.

Джо снова подошел к ограде. Катон в великолепных усах картежника слепо взирал на него.

— Жаль, не кончил бюстов, — заметил Джо. — Придется оставить их на тебя.

— Джо, не надо.

Джо снова встряхнулся, точно пес, выходящий из воды.

— Извини. Стыжусь самого себя. Не пойму, где ты подцепила идейку, будто я крепкий. Я же попросту младенец, который лягается и вопит оттого, что ему луну не дарят. Я не имею права делать тебя еще несчастнее. Где стоицизм старины Ванрингэма? А, ладно, справлюсь! Всегда кому-то выпадает страдать. Выпало мне. Прощай, Джин!

— Ты уже уезжаешь?

— Надо вещички сложить. Такси Дж. Б. Аттуотера приедет за мной через несколько минут.

— Хочешь, отвезу тебя?

— О, нет! Спасибо большое, но нет. Даже у моей стойкости есть границы. Если я окажусь в машине наедине с тобой, за последствия не отвечаю. Можно, я скажу кое-что?

— Да?

— Если у тебя когда-нибудь изменятся чувства, дай мне знать.

Она кивнула.

— Но вряд ли, Джо.

— Все может быть… Если изменятся — звони сейчас же, в любой час дня и ночи. А если я уеду, дай телеграмму. Я бегом примчусь. До свидания.

— До свидания, Джо.

Он круто развернулся и заторопился в дом. Джин подошла к балюстраде и стала глядеть на реку. Серебристая вода превратилась в серую.

Позади на гравии заскрипели колеса. Джин оглянулась. У парадной двери остановилось такси, из него вылезал сэр Бакстон Эббот.

22

Леди Эббот лежала на канапе в своем будуаре, сбросив туфли, — обычная ее привычка, когда она отдыхала. Она решала кроссворд. Через открытое окно лился прохладный вечерний воздух, освежая мозги, которые несколько перегрелись, силясь вспомнить фамилию итальянского композитора из девяти букв, начинающуюся на «П». Она только что с сожалением отвергла Ирвина Берлина,[93] потому что, несмотря на все его неоспоримые достоинства, в нем десять букв, начинается он не на «П», и композитор не итальянский. Снаружи просвистел мощный порыв ветра, но то был сэр Бакстон. Лицо у него было красное, глаза вылезали из орбит, а на седеющей шевелюре отразилось то, что он в отчаянии ерошил волосы.

— Ду-шень-ка! — закричал он.

— Привет, милый! — ласково взглянула на него леди Эббот. — Когда вернулся? Ты не помнишь итальянского композитора из девяти букв, начинается с «П»?

Нетерпеливым взмахом руки сэр Бакстон отмел весь музыкальный мир.

— Душенька, что случилось! У меня просто мозги набекрень!

Леди Эббот поняла, что у ее любимого мужа опять его пустяковые тревоги, и она предложила лекарство, испробованное не раз за двадцать пять лет их совместной жизни.

— Выпей виски с содовой, милый.

Сэр Бакстон яростно помотал головой, показывая, что время полумер миновало.

— Только что я разговаривал с Джин.

— Вот как?

— Там, на подъездной дороге. Подошла ко мне, когда я вылезал из такси. Тебе известно, что она натворила?

— Пуччини! — воскликнула леди Эббот, и принялась было писать, но тут же одернула себя. — Хм, всего семь…

Сэр Бакстон приплясывал на месте.

— Да послушай ты, ради Бога! Брось заниматься глупостями!

— Я слушаю, милый. Ты сказал, Джин что-то натворила.

— Что-то? А знаешь — что?

— Что?

— Приволокла в дом твоего братца! Этого наглого клейщика! Сама мне сказала. После всех ухищрений, на которые я пускался, после неусыпной заботы, с какой мы оберегали юного Ванрингэма от его вероломных хитростей, Джин притаскивает прямо в дом!..

Леди Эббот, бесспорно, заинтересовалась. Брови ее не то чтобы вздернулись, до этого не дошло, но зоркий наблюдатель заметил бы, что они чуть дрогнули.

— Когда же это она успела?

— Сегодня. Несет какую-то околесицу, будто подобрала его на Уолсингфордской дороге. Его, видите ли, сбила машина. А она привезла сюда. Поллен говорит, Булпит сейчас, вот сейчас — в Синей комнате, хлещет мое пиво и курит мою сигару. Освежается! Приводит себя в форму, чтобы наброситься на Ванрингэма! А княгиня — в Красной!

Леди Эббот постукивала карандашиком по зубам. Чего-то она не понимала.

— А Сэм одет?

— Что значит — одет?

— Ну, в одежде?

— Одет, разумеется. При чем тут это? Не воображаешь же ты, что твой братец станет бегать по Уолсингфордской дороге нагишом?

— Странно. Очень. Ведь я стащила у него всю одежду. Глаза сэра Бакстона, и без того вытаращенные, стали совсем креветочьими.

— Стащила… одежду?!

— Да. Днем.

— Что за черт? Про что ты?

— Понимаешь, когда ты уехал на поезд, я стала раздумывать обо всех твоих тревогах и отправилась, чтобы еще разок переговорить с ним. Наверное, он купался — на борту никого, в салоне лежит одежда. Тут меня вдруг осенило: если я ее стащу, он застрянет на «Миньонетте», не сможет нырять и устраивать засады молодому Ванрингэму. Я связала все в узел и бросила в речку.

Глаза сэра Бакстона зажглись восторгом. Он с любовью и восхищением смотрел на нее — оказывается, она тоже в его отсутствие не бездельничала.

— Блестящая идея!

— Недурная, правда?

— Как тебе пришло в голову?

— Да так как-то, случайно.

Глаза сэра Бакстона погасли. Перед ним опять встали суровые факты.

— Черт побери, как же тогда он очутился в Синей комнате?

— Ты же сам сказал, Джин привезла.

— Это-то понятно… Я не про то. Видно, в речку ты кинула его запасной костюм.

— Вряд ли у Сэма есть запасной. Модником он никогда не был.

— Наверняка запасной. Когда Джин его подобрала, он точно был одет. Она бы как-то упомянула.

— И то правда.

— В общем, он тут. В Синей комнате! Сосет пивко и подстерегает случай. Как теперь быть?

Леди Эббот призадумалась.

— Я думаю, все образуется! — изрекла она наконец.

Сэр Бакстон был не из тех, у кого вошло в привычку бухать кулаком по столу, хотя, как у всех баронетов, это сидело у него в крови, но тут он почувствовал, что без этого не обойдется. Обычно он черпал утешение в

оптимизме и беспечности жены, но сейчас от ее излюбленной фразы давление у него подскочило до той точки, когда лишь резкое физическое действие способно тебя спасти. Пройдя через будуар к столику, на котором стояло его собственное фото в форме полковника Беркширского ополчения, он с силой бухнул по нему кулаком. Хрупкий столик рухнул под мощью удара. Стекло из рамки брызнуло по ковру.

Разум вернулся на свой престол. Сэр Бакстон немного постоял, глядя надело рук своих.

— Ой, Господи! Извини!

— Ничего, милый.

— Не сдержался.

— Ах, чепуха. Позвони Поллену.

Сэр Бакстон нажал на звонок и, отойдя к окну, встал, глядя в сад, побрякивая ключами в кармане. Леди Эббот задумчиво сморщила лоб, написала «Гарибальди», стерла. Дверь отворилась, появился Поллен.

— Поллен, разбилось стекло.

Дворецкий уже заметил это и сочувственно поджал губы.

— Сейчас пришлю горничную, миледи.

— Где мистер Булпит, Поллен? — все еще раздраженно повернулся сэр Бакстон.

— У себя в комнате, сэр Бакстон.

Баку стало чуть легче. Он боялся услышать, что незваный гость, подкрепившись пивом, покинул Синюю комнату и прочесывает территорию в поисках Табби.

— А что делает?

— Когда я в последний раз заходил туда, сэр Бакстон, он собирался принимать ванну. Спросил меня, успеет ли он до обеда выпить еще кувшин пива.

Сэр Бакстон исполнил на ключах нечто вроде концертного номера, пытаясь выказать безразличие.

— Значит, он спустится к обеду?

— Такое у меня сложилось впечатление, сэр Бакстон.

— Благодарю вас, Поллен.

Дворецкий удалился, сэр Бакстон повернулся к леди Эббот с широким жестом отчаяния.

— Сама видишь! Спустится к обеду. За супом всучит повестку. А княгиня будет смотреть и удивляться с другого конца стола. Радужная перспективка!

Леди Эббот на ум только что пришел «Муссолини», и она уже

нацелила карандаш, но покачала головой.

— Значит, надо, — рассеянно обронила она, — чтобы не спустился. \

Сэра Бакстона пробила дрожь, он бросил взгляд на порушенный столик, точно бы сожалея, что тот потерял форму и нельзя бухнуть по нему еще раз. Лишенный подмоги, он разрядился, саданув его по ножке. Это пошло ему на пользу.

— Интересно, как? — почти кротко осведомился он.

Мысли леди Эббот опять унеслись к итальянским композиторам. Потом она очнулась и поняла, что ей вроде бы задали вопрос.

— Как? Возьми да стащи его одежду, пока он в ванной. Вот и не спустится никуда.

Сэр Бакстон рванулся было что-то сказать, но сдержался и молча вытаращился на жену. Есть моменты, когда слова бессильны.

По его обветренному лицу стала разливаться почтительность. Двадцать пять лет назад, когда он умчал прекрасную деву в двухколесном кэбе, чтобы связать с ней свою судьбу, он знал, что ему достался самый лучший приз, но даже тогда, в опьянении любви, был не особо высокого мнения о ее интеллекте. Если бы кто спросил его, можно ли считать его невесту одним из светлейших умов Америки, он ответил бы откровенно — нет, отнюдь; но ему все равно. Женился он на одной из тех, кому следующее поколение дало прозвище Блондинка-дурочка, но это-то ему и нравилось.

Теперь он был потрясен, увидев, что в его супруге прекраснейшим цветком распустилась мудрость американских женщин.

— Господи милостивый! — благоговейно вымолвил он.

— Пойду и стащу сама, — поднялась леди Эббот. — Тогда хоть ты успокоишься.

— Минутку…

— Что, милый?

— Он же другую достанет.

— А ты скажи Поллену, чтоб не приносил.

— Как ему объяснить?

— А никак. Этим хороши ваши дворецкие. Им приказывают, и все. Присядь, милый, отдохни. Сейчас вернусь.

Садиться и отдыхать сэр Бакстон не стал, слишком бурные бушевали в нем эмоции, слишком он был возбужден. Он стоял, позвякивая ключами, и звякал, когда вернулся Поллен, гоня перед собой маленькую горничную с метелкой и совком. Под молчаливым надзором дворецкого та вымела обломки крушения и была отослана кивком головы.

Дворецкий собрался последовать за ней, но его задержало покашливание, и он сообразил, что хозяин что-то хочет ему сказать.

— Э… Поллен… — начал сэр Бакстон и умолк, соображая, как бы половчее изложить приказ.

— Э… Поллен… тут такое…

И опять примолк. Он поймал взгляд дворецкого. Взгляд был уважительный, но тем не менее в нем недвусмысленно читалось, что обладатель его будет рад, если эта маленькая сценка пойдет чуть живее. Перед началом обеда дворецкий — словно капитан корабля в шторм, ему полагается нести вахту на мостике. Поняв это, сэр Бакстон без дальнейших оттяжек приступил к делу.

— Э, Поллен, леди Бакстон только что вошла в комнату мистера Булпита и унесла его одежду…

— Да, сэр Бакстон?

— Шутка, — разъяснил баронет.

— Вот как, сэр Бакстон?

— Угу. Маленький розыгрыш. Э… э… Долго объяснять, но если мистер Булпит позвонит и попросит другую, не приносите.

— Слушаюсь, сэр Бакстон.

— Испортите шутку, понятно?

— Да, сэр Бакстон.

— Ни под каким видом он не должен получить одежду до моих дальнейших приказаний. Вы поняли?

Дверь закрылась. Сэр Бакстон глубоко вздохнул. С него свалилась огромная тяжесть. Подняв голову, он заглянул в кроссворд, который пыталась решить его жена. Итальянский композитор из девяти букв, начинается на «П», видимо поставил его дорогую девочку в тупик. Взяв карандаш, он твердой рукой вписал «Паллиаччи».

Без взаимной выручки не выжить, полагал сэр Бакстон.

23

Чувства человека, который выходит из ванной вымытый, сияющий, розовый, с песенкой на губах, и вдруг обнаруживает, что в его отсутствие чья-то рука умыкнула его одежду, приблизительно сродни чувствам того, кто, прогуливаясь в сумерках по саду, наступает на грабли, ручка которых подскакивает и бьет его по лбу. Тот же шок, то же мимолетное впечатление, будто грянул Судный день.

Войдя в Синюю комнату минут через десять после ухода леди Эббот, Булпит пережил всю гамму этих чувств, тем более горьких, что недавнее воссоединение с зубами убедило его, что теперь он в безопасности. Он мурлыкал «Пенни с небес», приговаривая: «А теперь облачимся в старые добрые штанцы», — когда обнаружил, как ошибся. У судьбы растрачены еще не все снаряды. Обставлена Синяя комната была удобно и уютно: шезлонг, кресла, два стула, комод, симпатичные гравюры XVIII века, небольшой книжный шкаф и письменный стол, полно бумаги и конвертов, но брюк — нет. А также, если уж на то пошло, пиджака, нижнего белья, шейного платка, носков и башмаков. Бесследно исчезла даже шапочка, изначально предназначенная для студентов колледжа. И Булпит, на что уж находчивый и ловкий, капитулировал перед обстоятельствами. Забравшись в постель и скромно укутавшись простыней, он отдался размышлениям.

После некоторого раздумья он поступил, как поступил бы любой гость в деревенском доме, когда в его спальне случается печальное происшествие. Он позвонил, и вскоре появился Поллен.

Беседа их оказалась малоплодотворной.

— Послушайте, — сказал Булпит, — я не могу найти своих вещей.

— Вот как, сэр?

— Не можете ли принести мне другие?

— Нет, сэр.

— Ну что вы, можете, — подбодрил его Булпит. — Пошарьте в доме.

— Нет, сэр. Сэр Бакстон отдал распоряжение не давать вам другой одежды, сэр. Благодарю вас, сэр.

И ушел, оставив Булпита в крайнем недоумении. Тот по-прежнему кутался в простыню, пытаясь раскусить, что это за порядки в усадьбе, когда к нему ворвался сияющий сэр Бакстон. Более приветливого баронета, рассыпающегося в любезностях перед гостем, Синяя комната еще не видывала.

— Привет, Булпит! Откуда это вы возникли? Вроде бы говорили, что в плавучий дом ушли. Подустали от жизни на природе? Не так уж много в вас от цыгана, а? Ха-ха-ха! Рад, рад, что вы передумали, решили воспользоваться моим скромным гостеприимством. Не припомню, правда, чтоб приглашал, но будьте как дома!

Мозги Булпита крутились сейчас в одном направлении.

— Послушайте, Бак! У меня куда-то запропастились все вещи.

— И правда! — жизнерадостно подхватил сэр Бакстон. — Запропастились, а? Нечего надеть, а?

— Этот дворецкий сказал, вы не велели давать мне другой.

— Опять правда. Дорогой мой, к чему вам одежда? Вы уже спать легли. Оставайтесь в постели, хорошенечко выспитесь!

— Так это вы забрали мою одежду?

— Алиса. Ее идея. Она у нас барышня с головой, дорогой мой Булпит. Гордиться должны такой сестрицей! Зачем? А вот зачем: если у вас не будет одежды, не сможете слоняться по дому и совать бумаги молодому Ванрингэму.

— У меня нет бумаг.

— Нет?

— Забыл в гостинице.

— Ах, вот как!

Тон хозяина был настолько скептичным, что Булпит взорвался:

— Вы что, сомневаетесь в моем слове?

— Конечно!

Булпит понял, что таким способом мало чего добьется, и взялся за другой аспект ситуации, сильно занимавший его мысли:

— Сколько же мне еще торчать в этой треклятой комнате?

— Пока я не продам усадьбу.

Челюсть у Булпита отвалилась. За последние дни он насмотрелся на Уолсингфорд Холл, и четкая картина, во всем ее безобразии, отпечаталась на сетчатке его глаз.

— Да на это годы уйдут! Не станете же вы держать меня в заточении несколько лет?

— Хуже, чем Железной Маске, вам не придется, дорогой мой. Однако, по правде говоря, — сэр Бакстон смягчился, — .не думаю, чтоб это тянулось так долго. Сделку я надеюсь заключить после обеда.

— А кто покупает?

— Княгиня Дворничек. Фон цу Дворничек, точнее. Мачеха молодого Ванрингэма. Приехала сегодня. Вот почему Алиса считает — а я согласен с ней, — что вам пока лучше побыть — ха-ха! — в дальней кладовке. Ни одной женщине не понравится смотреть, как ее пасынку вручают повестку за нарушение брачных обещаний. Раздосадуется, отвлечется от покупки…

— Нет у меня никаких бумаг! Я же говорил!

— Помню, помню. И впрямь говорили… Булпит обреченно вздохнул.

— А когда я буду обедать?

— Вам пришлют поднос.

— Вон как? Небось, сырой ростбиф и чуть теплую капустку? Сэр Бакстон был задет.

— Ничего подобного! Сегодня у нас тушеная курица, — гордо

объявил он. — Очень вкусная. Я слышал, как дочка наставляла повара. Наше меню составляет она. Вас ведь Джин сюда привезла?

— Да. Ничего девчушка.

— Мне тоже нравится, — искренне признал сэр Бакстон. Булпит находился в плачевном состоянии, он был из тех, кто забывает о себе, когда подворачивается случай замолвить словечко в защиту девы в беде. Выпростав голую руку, он обвиняюще ткнул пальцем в хозяина.

— Вы, лорд Эббот, обращаетесь с ней очень дурно! Сэр Бакстон удивился.

— Кто? Я? Ни разу в жизни дурно с ней не обошелся. Зеница моего ока, вот она кто. С чего это вы?

— Препятствуете двум юным сердцам! И когда? В весеннюю пору.

— Нашли весну! Середина августа!

— Неважно, — твердо возразил Булпит. — Гоняетесь за парнем, которого она любит.

В прошлом сэра Бакстона имелся лишь один парень, за которым он гонялся.

— Вы хотите сказать, — недоверчиво спросил он, — что Джин взяла и влюбилась в этого мерзавца Пика?

— Любит без памяти. И вы это знаете!

— Понятия не имел. Нет, не верю! Разумная девушка вроде Джин… Не может она любить Пика! Пика не может любить никто!

— А она любит. И позвольте сказать вам одно, лорд Эббот! Можете кичиться, жить в мраморном дворце, но…

— Ну что вы несете? Какой мрамор! Красный кирпич, да еще глазурованный!

— Да-с, сэр! Любовь побеждает все! Я не дам ее обидеть! Вбейте себе в голову, я на ее стороне. В день, когда она выйдет замуж, я намерен…

На этом месте его перебил гулкий звон гонга. Сэр Бакстон, вздрогнув, перестал слушать. Любой англичанин бросает все дискуссии, едва заслышав обеденный гонг.

— Ха! — вскричал он, напоминая того коня, который реагирует так на пение труб,[94] и затрусил к дверям, будто был не баронетом, а самым обычным смертным.

— Эй, погодите!

— Некогда.

— Я должен вам кое-что сообщить!

— Потом, потом. Сейчас — никак. Обед.

Сэр Бакстон исчез, Булпит снова остался наедине со своими мыслями.

Для человека хитроумного оставаться наедине с мыслями, не строя планов и интриг, невозможно. Острым как бритва умом он вмиг сообразил, что если собственную его одежду умыкнули, надо раздобыть другую, но лишь сейчас додумался, как. В этом доме он, может, и не всеобщий любимец, однако один друг у него есть, пусть даже они ни разу не встречались. Это — мисс Пруденс Виттекер. Собственно, ради ее блага он и оказался в нынешнем тупике. Первый ход, решил он, связаться с нею.

Придя к такому выводу, он стал прикидывать, как бы получше войти в желанный контакт. Дверь распахнулась, и в спальню проникли, в нижепоименованном порядке, восхитительный аромат, большущий поднос и крошечная горничная, прицепленная к нему сзади. Процессия остановилась у изголовья.

— Ваш обед, сэр, — сообщила малышка без всякой на то надобности; его проницательная мысль уже пришла к такому заключению.

— Спасибо, детка, спасибо! — поблагодарил Булпит и, на пределе обаяния, пуская в ход подходы, сделавшие его любимцем американских забегаловок, да и племянницы Аттуотера в «Гусаке и Гусыне», спросил: — А вот, интересно, как тебя зовут?

— Миллисент, сэр. Мистер Поллен говорит, он думает, вам захочется пива.

— Передай Поллену, Миллисент, что он — умный человек. Именно пива мне и хочется. Побольше пива и мисс Виттекер.

— Простите, сэр?

— Как бы мне увидеться с мисс Виттекер?

— Она вышла, сэр, — сообщила малютка, плененная его сердечностью.

— Что? В обед?

— По средам она ходит в гости к священнику. Там — ли-те-ра-турный салон, — с трудом выговорила горничная. — Мисс Виттекер ходит туда по средам.

— А вернется когда?

— Не раньше девяти. Вы хотели навестить ее, сэр?

— В том-то и дело, что не могу. Будь добра, сунь ей записочку…

— Конечно, сэр.

— Умничка. Приготовлю, когда вернешься за подносом. Писать он стал не сразу; он никогда не допускал, чтобы что-то вставало между ним и пищей. Однако, покончив с курицей и хлебнув пива, времени решил не терять, и, выпрыгнув из кровати, уселся за письменный стол. Когда вернулась Миллисент, записка ждала ее.

Стоила она нелегких трудов. Автор, в стремлении к изяществу стиля, совершил ошибку, начав писать от третьего лица. Но уже во втором предложении затесалось «я» и «меня». Переключившись на форму более прямую, он получил недурные результаты, и послание, находившееся сейчас у горничной, по его мнению, должно было принести удачу.

По стилю записка скакала от формального к фамильярному, начинаясь обращением «Дорогая мадам!», а заканчиваясь «Видишь, киса, как я влип!». Но факты были изложены точно. У смышленой девушки, прочитавшей ее, не останется сомнений: Булпит лишился одежды из-за махинаций сэра Бакстона и его приспешников и надеется, что она придет обсудить с ним вопрос через дверь спальни.

Взгляд на часы на каминной полке показал ему, что уже без четверти девять, когда раздался стук в дверь и за ней приглушенно произнесли его имя.

— Мистер Булпот?

Сэм мигом скакнул с кровати и приник к двери губами. Потекла беседа Приама и Тисбы.[95]

— Кто там?

— Это вы, мистер Булпот?

— …пит, — поправил Приам. — Мисс Виттекер?

— Пра-а-льно. Получила вашу записку.

— Вещи мне достать сможете? — осведомился практичный Булпит.

— Принесу неме-эдленно. Ваш размер?

На минутку это сбило Булпита. При данных обстоятельствах пригласить ее он вряд ли мог. Потом на него снизошло озарение.

— Значит, смотрите… то есть, я хотел сказать — слушайте. Сложения я приблизительно как лорд Эббот.

— Сэр Бакстон Эббот.

— Вам виднее. Главное, пойдите, стащите его брюки.

— Сэра Бакстона Эббота?

— Именно. Его. Тащите поскорее, оставьте там на коврике и стукните. Доехало?

— Впа-алне.

— Отлично. — И Булпит снова залез в кровать.

Хотя голос был хорошо слышен через деревянную дверь, гамма выражений лица оставалась для Булпита невидимой. Если б он мог наблюдать, то, пожалуй, заметил бы, что просьба похитить брюки сэра Бакстона воспринята неодобрительно — брови вскинулись, губки поджались. Профессиональная секретарша не обшаривает шкафы своего

хозяина, не грабит его. Предложение откровенно ее шокировало.

Именно по этой причине, отойдя от двери Синей комнаты, она не отправилась в комнату баронета, а поспешила к скромным апартаментам, отведенным Табби Ванрингэму.

Конечно, она бы предпочла зайти к кому-то еще. Хотя она и полагала, что Табби за обеденным столом и вряд ли прервет ее поиски, ей не хотелось иметь с ним никаких отношений, даже таких окольных, как кража одежды. Но выбора не оставалось. Булпит особо оговорил: сложением он напоминает сэра Бакстона. Табби же был единственным жильцом примерно таких же габаритов. Полковник Тэннер — долговязый и жилистый, как и Во-Боннер, и Проффит. Даже мистер Биллинг, и тот похож на них. Только набег на Табби мог принести одеяние нужного размера.

Пруденс прокралась в его спальню, зажгла свет и подошла к шкафу. Сердце у нее частило, когда она снимала брюки, словно спелый плод с дерева, но с тем, как оно припустилось вскачь секунду спустя, это нельзя и сравнить. Она обернулась на внезапное восклицание и увидела в дверях их владельца.

Одет Табби был более чем легко — полотенце да узенький британский флаг. Но он и настолько бы не приблизился к стандарту элегантности, не обладай он волей, превосходящей волю Пика: когда дошло до дележки немногочисленных тряпок, оставшихся на «Миньонетте» после визита леди Эббот, он победил. Адриану пришлось довольствоваться куском мешковины.

Долгую минуту Пруденс таращилась на него; ужас боролся со скромностью. Затем, тоненько вскрикнув, как изысканный зверь, попавший в ловушку, она попятилась к стенке.

24

Распространяться детально о чувствах Табби и Адриана, когда, вернувшись после плавания, они обнаружили, что произошло на «Миньонетте», летописцу ни к чему — он уже рассказывал, как реагирует человек на подобные открытия. Достаточно заметить, что расстроились оба не на шутку. Чувство утраты у них было даже острее, чем у Булпита, — у того имелась хотя бы удобная кровать, где он мог скрыться, вынашивая планы. Только после того как поиски в салоне принесли неоткупоренную бутылку, Табби сумел, наконец, взвесить ситуацию с хладнокровием и

рассудительностью.

Виски было паршивеиькое, так как Дж. Б. Аттуотер, снабдивший им Булпита, специализировался на пиве в розлив, остальной погреб его мало заботил, но все-таки оно стимулировало мыслительные процессы. Очень скоро Табби вспомнил, что в его спальне имеется большой и разнообразный гардероб, и понял, что надо терпеливо выждать психологически подходящего момента, а там — отважиться на пешую прогулку через деревню. Идти придется босяком, но иначе не добраться до сокровищ.

Момент наступит, решил он, между восемью и девятью часами, когда обитатели Холла соберутся за обеденным столом, никто не будет слоняться на лестницах и не заметит двух молодых людей, одного — в мешковине, другого — в полотенце и флаге. С этой минуты сквозь тучи проглянуло солнышко.

Адриану не досталось справедливой доли из бутылки, и его коробило при мысли, что придется идти в Уолсингфорд Холл, хоть в таком костюме. Поэтому солнце для него воссияло тусклее. Лишь страх застрять здесь на неопределенный срок, спасаясь от холода мешковиной, придал ему смелости. Он все-таки отправился с Табби и теперь скрывался в стенном шкафу при кабинете сэра Бакстона, ожидая минуты, когда вернется лидер, нагруженный одеждой. В чернильных потемках, устроившись на подшивке «Иллюстрированной Газеты Деревенского Джентльмена», он уповал на лучшее.

После короткого восклицания Табби и резкого вскрика Пруденс пала тишина. Табби тревожило, крепко ли держится флаг, он нервно хватался за него, поэтому беседу пришлось начать его бывшей невесте. В борьбе между паникой и оскорбленной скромностью победила скромность. Опустив брюки, которые она щитом выставляла перед собой, прекрасная секретарша обрела хладнокровие.

— Как вы смеете, — вскричала она, — являться сюда в таком виде?

В ситуации, требовавшей тактичных, примирительных слов, она едва ли могла выбрать вопрос менее удачный. Несправедливость его резанула Табби ножом. Глаза у него выкатились, лицо густо покраснело, он вскинул руки к небесам, но тут же опомнился, вцепившись в свой флаг.

— Нет, чтоб я треснул! Как я смею? Это мне нравится! Да тут моя комната! Как ты смеешь являться сюда, вот что я хотел бы узнать? Что ты делаешь в моей спальне?

— Не ваше де-эло!

Реплика эта ранила Табби не меньше предыдущей. Рук он не воздел,

наученный горьким опытом, но они невольно дернулись, зато глаза, ничем не занятые, выкатились свободно.

— Вот как? После всего, что случилось, я прихожу к себе и кого нахожу? Тебя! Шатаешься по моей спальне, как по собственной, а когда я вежливо спрашиваю, что ты тут делаешь, весь твой ответ… Что это ты держишь? — перебил он себя, настороженно оглядывая брюки. — Штаны! Зачем ты взяла мои штаны?

Даже в столь критический момент Пруденс не могла пропустить это мимо ушей.

— Брю-у-ки!

— Штаны!

— Тише! Не поднимай шума!

— Ого! Еще как подниму! Скандал устрою! Подумаешь, тайны какие! Что ты делаешь с моими штанами?

Пруденс стало не по себе. Носик ее задергался, как у кролика.

— Я… мне… они нужны…

— Ясно, — с едким сарказмом промолвил Табби и неприятно фыркнул. — Для маскарада? Тебе потребовались мои штаны для маскарадного костюма, и ты решила, раз уж мы с тобой такие расприятели, я не стану возражать? Запросто так зашла и стянула! Он не станет возражать! Конечно, куда ему!

— Мне они нужны для одного человека.

— Вот как! Для кого ж ты их свистнула?

— Позаимствовала.

— Свистнула! Для кого?

— Тш-ш! Тш-ш!

— Никаких тш-ш! Для кого?!

— Для Булпита.

— Чего-о?!

— Он свои потерял…

И снова Пруденс допустила оплошность. Распалиться сильнее Табби уже не мог, но на прежнем уровне удержался. На слове «Чего?» он содрогнулся, точно его прошил гарпун, и дрожь уже не отпускала его, пока он говорил:

— Булпиту! Нет, Булпиту!!! Ну, это уж знаете! Это уж — дальше некуда! Впустила в мою жизнь ищейку в человеческом образе, натравливала на меня, я просто стал Элизой на льду[96] — и что же? Преспокойненько свистнула для него штаны! Такой сувенирчик с приветом от Т.П. Ванрингэма? А? Мелкое подношеньице от одного из пылких

поклонников? Пустячок от старого приятеля в коллекцию сувениров? Из всех…

Ему пришлось остановиться, чтоб овладеть чувствами, и тут в мозгу у него полыхнула мысль, настолько причудливая и фантастическая, что он ошалело поперхнулся. Оцепенев, Табби растерянно складывал два и два. Потом в парализованную оболочку вернулась жизнь, на дрожащие губы — речь:

— Доехало! Так это Булпит!

— Не понимаю!

— Ты с ним… Ты любишь этого толстого… этого пошлого…

— Что за неле-эпость!

— Ну, нет! Так ты не отделаешься! «Что за неле-эпость!» Он тот самый тип. Он нас поссорил. Он послал тебе драгоценности. Да? Ну, давай, признавайся! Вот теперь-то мы и раскрутим эти ювелирные делишки! Он? Он? Он?

— Я отказываюсь обсуждать эту пробле-эму!

— Отказываешься? Вот как?

Табби быстро повернулся, мисс Виттекер испустила пронзительный вскрик.

— Откройте две-эрь!

— Ни за что!

— Миста Ва-анрингэм, немедленно выпустите меня!

— Как бы не так! Нет уж, разберемся! Проясним все! Не выйдешь, пока не признаешься. И позволь заметить, если уж ты… это… ну, это… — Табби знал, что есть термин, обозначающий точно то, что он хочет сказать, но припомнил позже слова «упорно запираешься». Вернувшись вспять, он перекроил фразу: — И позволь заметить, если ты не признаешься, я… я тебе ка-ак врежу!

Подобный метод уже приходил ему на ум с начала их встречи и соблазнял все больше и больше. В случае с Пиком, напомнил он себе, угроза сотворила чудо; кто знает, не окажется ли она эффективной и теперь? Кроме того, действие это быстро перерастает в привычку. Стоит разок попробовать — и ты превращаешься в тигра, отведавшего крови. В точности, как этот тигр, Табби не соглашался на замену. Ему хотелось врезать каждому, без различия возраста и пола.

Стойкая Пруденс дрогнула. Кенсингтон здорово школит своих дочерей, отправляя их в мир; они готовы ко всему — но есть и границы. Данный случай требовал самообладания, которое даже Кенсингтон не в состоянии взрастить. Посудите сами, можно ли сохранять хладнокровие,

оказавшись с пещерным человеком в запертой комнате? Пруденс владела элементарными навыками джиу-джитсу, умела укрощать бандитов, но против такой угрозы почувствовала себя беспомощной.

— Теодор! — воскликнула она. Ей лично еще никто не врезал, но она видела, как это делают в кино.

Табби остался холодно-стальным.

— Никаких «Теодоров»! Выкладывай, выкладывай! Давно с ним знакома? Где познакомились?

— Я с ним незнакома!

— Ха!

— Правда, правда!

— Тогда чего он тебе драгоценности шлет?

— Да не присылал он ничего!

— Присылал!

— Нет!

— Да? — рявкнул Табби. — Упорно запираешься?

Наступила тишина. Грудь у Табби выгнулась под полотенцем, она напрягал мускулы рук. Все эти явления, а также блеск глаз и раздувание щек указывали, что он разводит пары и вот-вот приступит к действиям. И Пруденс сломалась. Жалобно вскрикнув, она кинулась на кровать, захлебываясь слезами.

На Табби слезы оказали незамедлительный эффект. Самый крепкий орешек мужского пола превращается в воск в присутствии плачущей женщины. Он бросил надувать щеки и неуверенно взглянул на страдалицу.

— Ну вот, нате вам! — неуверенно выговорил он. Рыдания продолжались. Замешательство его росло. Он быстро продвигался к точке полного таяния, когда взгляд его, беспокойно мечущийся по комнате, упал на брюки, валявшиеся на полу. Он поднял их, натянул и мигом почувствовал заметное улучшение.

— Ну вот, нате вам! — уже потверже повторил он. Табби подошел к шкафу, достал рубашку и галстук. Через несколько минут, полностью одевшись, он обрел прежнюю суровость.

— Ну вот, нате вам! — сказал он как сильный, властный мужчина. — Все вы одинаковые! Считаете, стоит вам заплакать, и добьетесь своего!

Бормотания и невнятные упреки донеслись до" него сквозь всхлипы. Он резко обернулся.

— Что такое?

Оказалось, что мисс Виттекер упрекает его за жестокость. Он воспринял упреки с энергичностью, какой ему ни за что не удалось бы

обрести, оставайся он во флаге и полотенце.

— А каким мне еще быть? Добрым, что ли? Любимая девушка тебя надувает! Да у меня сердце чуть не разорвалось, когда я все понял! Нет, это надо же! Позволила какому-то парню посылать тебе драгоценности! Да еще Булпиту!

— Он не посылал. Никто не посылал!

— Я видел, как принесли пакет.

— Там не драгоценности были. Там… там было другое.

— Тогда отчего ты не дала мне посмотреть?

— Я не хотела, чтоб ты видел!

— Х-ха!

Даже не такая отважная девушка, как Пруденс Виттекер, обиделась бы на это «Х-ха!». Прибавьте каркающий хохот, и вы ничуть не удивитесь, что она оборвала рыдания и села.

— Если ты и правда желаешь знать, — сказала она с холодным вызовом, — это носовой прибор.

С самых трех часов дня, когда, остановившись у „второго камня, Табби кое-как воспроизвел песенку коноплянки (учтите, он никогда не занимался имитацией птичьего пения), он находился в жестоком душевном напряжении. Возможно, сейчас оно сказалось. Что такое за носовой прибор? Он потребовал разъяснений.

Пруденс осунулась на глазах. Она решилась открыть секрет, который надеялась сохранить от мира; секрет, который вытянуть из нее могли только дикие лошади, — и мучилась непереносимо. Однако выговорила:

— Прибор, который меняет форму носа.

— Что?!

— Я увидела в журнале рекламу, — тихо продолжала она. — Исправляются некрасивые носы всех форм. Надо надевать, пока спишь. Они просили заполнить купон и приложить десять шиллингов. Я заполнила и приложила. Прибор принесли, как раз когда мы с тобой ссорились. Разве я могла признаться? — Голос у нее сорвался, глаза стали плавиться слезами. — Я считала, что ты доверяешь мне…

Упрек этот бил наповал; в другое время Табби непременно пошатнулся бы под его тяжестью. Но теперь он слишком растерялся, и стрела пролетела мимо.

— Зачем тебе понадобилось исправлять нос?

Пруденс, отвернувшись, принялась пощипывать покрывало.

— Он вздернутый, — еле слышно пролепетала она.

Табби глядел на нее в полном обалдении.

— Это же красиво!

Пруденс быстро, недоверчиво взглянула на него, в глазах у нее зажегся свет.

— Красиво?

— Еще бы! Замечательно!

— О-о, Теодор!

— Да носик у тебя — высший класс! Обалденный носик! Не смей к нему прикасаться. Оставь как есть. Нет, это надо же! Нос! В пакете только это и было?

Табби пошел к тому месту, где сидела Пруденс, спотыкаясь, будто слепой. Снова принялся он раздувать щеки, но теперь — в другом смысле.

— Ах ты, черт! Какой же я кретин!

— Нет!

— Кретин!

— Ты не виноват!

— Виноват!

— Нет. Нужно было объяснить сразу.

— Не нужно.

— Нужно.

— Нет и нет! Я должен тебе доверять. Должен знать, что ты ни за что… О, Пру, я так мучился!

Голова ее склонилась к нему на плечо, он зарылся лицом в ее волосы. Они прижались друг к другу, и в мозгу его что-то щелкнуло. Возникло ощущение, будто он забыл что-то, не выполнил какого-то дела.

Поцеловать ее? Нет, не то. Он как раз ее целовал.

Приласкать? Опять нет; этим он и занимался.

И тут он вспомнил! Адриан Пик так и томится в шкафу у сэра Бакстона, ждет, пока он принесет ему одежду.

Табби колебался. Вокруг его шеи скользнула рука, и он отбросил колебания. Стоит ли портить золотой миг мыслями об Адриане? Ничего с ним не случится. Ну, ждет — и ждет! Попозже времени будет навалом, можно о нем позаботиться.

— Пру, слушай! Я больше никогда не буду говорить «Ну!», «Ага» и «А то!».

Именно этого недоставало ей для полноты счастья. Как бы пылко она его ни любила, ее коробило при мысли, что на фразу «Берешь ли ты, Теодор, в жены эту Пруденс?» он ответит одним из этих слов. Она подняла к нему прекрасное лицо, думая о том, что наступит день, когда она убедит его есть яйца ложечкой, а не взбивать их в рюмке.

— Когда мне подадут мясо, — продолжал Табби, — я буду отрезать его по кусочку.

Внезапная дрожь снова пронзила Табби: от этих слов разогнался поезд мыслей, точно желудок был Спящей Красавицей, а фраза эта — поцелуем, разбудившим ее к жизни. В том, что желудок пробудился, сомневаться не приходилось. Он пробудился и даже кричал. До сей минуты Табби, в сущности, был чистым духом и отмахивался от частых жалоб, которые упомянутый орган посылал наверх, но теперь контакт наладился. По-прежнему обнимая Пруденс, он отчасти мечтал о том, чтобы она была бифштексом.

Тем временем она уютно привалилась к нему, закрыв глаза, с блаженной улыбкой на устах.

— Я могла бы, — вздохнула она, — сидеть так вечно!

— Я тоже! — отозвался Табби. — Только вот есть хочется. С самого ленча ни крошки не проглотил.

— Что?

— Ни крошечки. Забежал в плавучий дом в полтретьего — в половине третьего, — и с тех самых пор…

Пруденс была мечтательницей, но, когда требовалось, умела стать и практичной.

— Так ты с голоду умираешь!

На губах у Табби затрепетало «Ну!», но он его придушил.

— Д-да! Хорошо бы перекусить…

— Пойдем найдем Поллена. Он даст тебе поесть.

Так и получилось что священная минута — Поллен блаженствовал в буфетной за рюмкой портвейна, подав кофе тем, кто обедал наверху, — была нарушена. Его сдернули с места и отправили на розыски. Вскоре он вернулся с подносом, ломящимся от еды, и Табби уставился на яства сверкающими глазами.

Пока они стояли, глядя на него (Пруденс — как мать, а Поллен — как отец, насколько это возможно, когда тебя отрывают от послеобеденного портвейна), в доме нарастал гул, эхом раскатываясь по лестницам и коридорам, пока не достиг буфетной. Гул этот был похож на трубы Судного дня. Пруденс и Поллен коротко переглянулись и, полнясь дикими догадками, выскочили из комнаты.

Табби с места не двинулся. Что какие-то гулы перед ветчиной, горкой хлеба и кувшином пива?

25

Мимолетное впечатление, сложившееся у дворецкого и Пруденс, будто они слышат трубы Судного дня, оказалось ошибочным. Гул и грохот шли от подножия главной лестницы, соединявшей зал со спальнями, и причина их — та, что полковник Тэннер колотил в гонг. Сразу скажем: вердикт истории будет в его пользу. Он обнаружил Адриана в стенном шкафу.

Один из неизбежных недостатков в подобном повествовании тот, что летописец, следуя за судьбами отдельных персонажей, вынужден концентрировать внимание на них, пренебрегая другими, равно достойными внимания. В результате полковник Тэннер до сих пор был задвинут на задворки романа, и такие глухие, что читатель, пожалуй, напрочь забыл о его существовании. Напомним: это тот самый джентльмен, который в утро завязки нашей истории рассказывал Во-Боннеру о своих приключениях.

Полковник вообще обожал рассказывать о них, и при всяком удобном случае оживлял устные рассказы фотографиями. Он считал, совершенно справедливо, что лучше увидеть все самому. Только тогда слушатель поймет, что это за дерево — баньян, а анекдот о старине Понсфорд-Смите очень проигрывает, если не проиллюстрировать его снимками. То же самое, безусловно, приложимо и к рассказу о бравом Баффи Боуксе. С мыслью, что все эти снимки будут любопытны княгине, которой он повествовал о приключениях за обедом, полковник отправился после десерта к себе, за альбомами.

Первый, на кого он наткнулся, едва открыв дверь шкафа, был Адриан Пик. Этого достаточно, чтобы офицер Индийской армии бил в десяток гонгов.

Тот факт, что Адриан, начавший вечер в одном шкафу, перекочевал в другой, легко объяснить. Не то чтобы он так уж обожал шкафы и решил исследовать все до единого, но, оказавшись в спальне Тэннера и заслышав за дверью шаги, вынужден был туда нырнуть, другого потайного местечка он не нашел.

Предполагая, что вахта в кабинете сэра Бакстона протекает нормально, Табби промахнулся. Томился Адриан там не так уж и долго, но ему стало казаться, будто на подшивке «Иллюстрированной Газеты Деревенского Джентльмена» он сидит с детства. Несчастный пал жертвой того, что Булпит назвал бы хандрою. У него усиливалось впечатление, что

надеяться на Табби незачем, а значит — надо предпринимать что-то самому.

Он вылез и направился к лестнице. С топографией Уолсингфорд Холла он был незнаком, но помнил, что во всех деревенских усадьбах спальни на верхнем этаже, а потому торопливо поднялся наверх. Там он наугад толкнулся в первую же дверь, надеясь, что за ней — брюки, а не юбки.

В спальне нашлись не просто брюки, а брюки его размера, и скорость, с какой Адриан облачился в один из костюмов, вызвала бы похвалу циркача-трансформатора. Впервые с тех пор, как он наткнулся на Табби, у него случился, скажем так, подъем духа. Назвать это радостью — много, будущее было темно и туманно; но легче ему стало. Возможно, на горизонте маячили и скорби, но наготу он прикрыл.

В эту минуту он услышал шаги.

Адриан был не из тех, кто остается хладнокровным под ударами судьбы. Там, где другой, возможно, застыл бы от ужаса, он действовал. Секунда — и он очутился в темных глубинах, стараясь притаить дыхание. Он стоял среди летних костюмов, когда дверь отворилась и возникла рука. Очевидно, она тянулась к полке над его головой, но на полпути треснула его по щеке. Раздался горловой звук, словно бы лопнул бумажный пакетах рука отдернулась, будто коснувшись раскаленного утюга. У Адриана сложилось впечатление, что посетитель перепугался.

Так оно и было. За годы службы под английским владычеством полковник Тэннер привык натыкаться на посторонние предметы у себя в спальне, принимая склонность индийского животного мира — змей, скорпионов, даже тигров — забредать в его палатку словно в деревенский клуб. «А, кобра?» или «Вот как, тигр?» — говорил он и расправлялся с каждым по заслугам.

Но после отставки беспечность эта исчезла. Проведя несколько мирных лет на старой родине, он отвык от таких происшествий, а потому, перепугавшись, отпрыгнул футов на шесть, споткнулся о скамеечку и свалился в камин.

Грохот упавшего на решетку тела под аккомпанемент железных щипцов и совков подсказал Адриану, что, действуя быстро, можно избежать неловкой встречи. У того, кто дотронулся до его лица, и так хлопот немало — он разгребается, а значит, вряд ли станет бросаться наперехват беглецу. Адриан пулей вылетел из шкафа и был в коридоре, не успел еще полковник стряхнуть уголь с волос. Повернув направо, Адриан наткнулся на дверь; толкнув ее, он очутился на лестнице, явно на черной,

что ему и требовалось. Выскочив, он быстро прикрыл за собой дверь.

Полковник же, выкарабкавшись из камина, стряхнул угольную пыль и, спустившись в зал, принялся бабахать в гонг. Его прямому солдатскому уму показалось, что это простейший и эффективный способ взбудоражить обитателей, сообщая им, что в доме взломщик.

Гонг в деревенском поместье — прерогатива дворецкого, и удары в него ограничены строгими временными рамками: за полчаса до обеда и в ту минуту, когда обед подают на стол. Если звон раздался сразу после обеда, естественно предположить, что дворецкий рехнулся. А так как рехнувшийся дворецкий — интереснейшее зрелище, немудрено, что через минуту-другую холл был битком набит заинтригованными зрителями.

Чиннери с Во-Боннером примчались из бильярдной. Гостиная выплатила дань в лице миссис Фолсом, миссис Шепли, Проффита и Биллинга, которые играли в бридж.

Когда установили, кто колотит в гонг, переполох сменился недоумением и легкой разочарованностью; рехнувшийся полковник тоже зрелище приличное, но аншлага не соберет. А тут еще одно, совсем уже расхолаживающее открытие: даже этот неравноценный заменитель — в здравом уме. Отрывисто, но внятно полковник Тэннер разъяснил причины своего эксцентричного поступка.

Объяснения приняли по-разному, кто как. Миссис Шепли, несколько туговатой на ухо, послышалось не «бандит», а «пандит», и, не разбираясь в индийской жизни, она затосковала. Миссис Фолсом тяжело осела в кресло. Проффит воскликнул «Ого-го!», Биллинг поинтересовался, стоит ли позвонить в полицию, а Во-Боннер с отвагой, делавшей честь человеку преклонных лет, угрожающе раскрутил бильярдный кий, заявив при этом, что единственный способ расправляться с такими типами — дать им как следует по голове.

Он завел было довольно путаную историю о малайском слуге, который таскал сигареты, но Чиннери оборвал его, скрипуче фыркнув. Фырканье это означало, что он не верит полковнику.

— Может, кошка…

— Кошки в шкафах не прячутся.

— Еще как прячутся! — стоял на своем Чиннери.

— Хорошо, — полковник, как хороший стратег, чуть отступил, — но они не бывают ростом в шесть фунтов.

— Как это — шесть?

— На такой высоте находилось его лицо. Я до него дотронулся.

— Вам показалось, что дотронулись.

— Вы что же, считаете, что я грабителя не различу?

— Какой там грабитель? Еще совсем рано! Остальная компания этот довод одобрила. Грабители — существа ночные, и хорошо воспитанной компании представлялось просто неприличным, чтоб какой-то из них залез в дом сразу после девяти. Одно — прилично, другое — неприлично. Так не делают, и все. Гостям не хотелось думать, что британский грабитель настолько дурно воспитан.

— Расскажите нам, полковник, всю историю, — попросил Биллинг.

— Не пропуская ни одной, самой мелкой детали, — поддержал Проффит, проглотивший немало детективов.

— С какой стати… м-м-м… пандиту залезать в ваш шкаф? — недоумевала миссис Шепли.

— А чего вам вздумалось туда лезть? — потребовал Чиннери, чье поведение оскорбительно напоминало о тех, кто возражает кандидату на предвыборном митинге.

— За индийскими фотографиями полез. Хотел показать княгине. Открыл дверь, сунул руку — альбом лежит у меня на полке — и коснулся человеческого лица.

— То есть вам померещилось.

— Может, крюк какой выступал, — заметил Во-Боннер.

— А вы его за нос приняли, — добавил Биллинг, не очень смышленый днем, но после обеда становившийся поразительно умным.

— Крюк!.. — глубоко вздохнул полковник Тэннер. — А потом этот крюк метнулся, как торпеда.

Школа скептиков под началом Чиннери начала стремительно терять последователей. Это уже походило на правду.

— Что же вы его не задержали! — посетовал Проффит.

— Надо бы, конечно, — согласился полковник. — Но в эту минуту я валялся в камине. Шок был настолько велик, что я отпрыгнул и споткнулся. Пока поднимался, он уже добежал до середины коридора.

— А куда он бежал? — осведомился Чиннери.

— Не спросил, — коротко ответил Тэннер. — Но, если вам интересно, он, несомненно, ответит. Смотрите, — указал он.

По лестнице спускалась маленькая процессия. Возглавляли ее Адриан и мисс Виттекер. Она держала руку узника в тех крепких тисках, которые узнал бы любой мастер джиу-джитсу. Даже на расстоянии видно было, что они эффективны и очень болезненны. Лицо прекрасной стражницы хранило безмятежность, вела" она себя хладнокровно, как и подобает леди, а вот Адриан выглядел плохо. От боли у него жалобно кривилось лицо.

Кроме того, один глаз набухал синяком. Процессию замыкал Поллен.

Зрители глядели квадратными глазами, как процессия достигла подножия лестницы и прошествовала к кабинету хозяина.

Сэр Бакстон после обеда удалился к себе, обсудить с княгиней детали сделки. Человека, столь страстно желавшего урегулировать все пункты, не мог отвлечь какой-то гонг. Когда гул достиг стола, баронет кинул вопросительный взгляд на потенциальную покупательницу, но ни один из них не двинулся. Сэр Бакстон воскликнул: «Эй, эй, что там такое?»; княгиня ответила, что кто-то валяет дурака. Ошибочно приписав звон избытку веселья у Биллинга или Проффита, собеседник ее промямлил что-то насчет молодых идиотов, и они вернулись к переговорам.

Появление мисс Виттекер и ее пленника произошло, когда княгиня начала называть цифры, и помеха в такой момент побудила сэра Бакстона вскочить на ноги во вполне оправданной ярости. Когда он разглядел детали, гнев его быстро сменился крайним изумлением.

— Какого черта? Поллен, что все это значит?

Дворецкий глядел виновато, словно считал, что уместнее было бы преподнести Адриана на подносе для визитных карточек.

— Грабитель, сэр Бакстон! — возвестил он.

Мисс Виттекер едва открыла губки, чтобы добавить несколько слов, но тут два голоса воскликнули разом:

— Да это же Пик!

— Адриан!

Княгиня тигрицей рванулась на защиту тигренка.

— Адриан! Что с тобой? А ну, отпустите его! Немедленно! Мисс Виттекер ослабила хватку, и Адриан дрожащим пальцем указал на Поллена.

— Он ударил меня в глаз!

— Это правда?

— Да, мадам. Я перехватил грабителя», когда тот пытался совершить побег.

— По черной лестнице, — уточнила мисс Виттекер.

— Я осмелился, учитывая обстоятельства, ударить кулаком…

— А я применила боевой захват, — завершила свидетельские показания секретарша.

— Да? — клацнула зубами княгиня. — Вам обоим придется поискать себе другую работу. Сэр Бакстон, увольте их!

— Э?

— Вы слышали? Они уволены.

Сэр Бакстон, слишком ошеломленный, не мог произнести ни звука. Потом вскричал:

— Да они же замечательно себя вели! Великолепно! Моя дорогая, вы не понимаете… Этот отъявленный прохвост, по имени Пик… Негодяй худшего разбора…

— Правда? Тогда позвольте сообщить вам, что я выхожу за него замуж.

— Что?!

— Да.

— За Пика?

— Да.

— Замуж за Пика?

Княгиня перестала обращать внимание на бормочущих баронетов.

— Тебе больно, Адриан?

— Да, Элоиза.

— Пойдем, промою тебе глаз.

— Спасибо, Элоиза.

— Но прежде, — потребовала княгиня, сменившая милосердие на строгость, — объясни, как ты тут очутился и зачем скакал по черной лестнице!

Адриан предугадывал, что рано или поздно таких объяснений с него спросят, и был готов.

— Я приехал, Элоиза, чтоб быть поближе к тебе. Я знал, как буду скучать. Хотел остановиться в гостинице. Пошел прогуляться на речку и случайно встретил Табби. Мы с ним решили, неплохо бы поплавать, жарко очень. Нырнули в воду, а когда вышли — обнаружилось, что нашу одежду украли. Табби предложил подождать, пока все уйдут на обед, пробраться в Холл, он возьмет другую одежду. Просил меня подождать. Я ждал, ждал, но он все не возвращался, я и отправился на розыски. Зашел в чью-то спальню, надел костюм, но тут вернулся хозяин, наткнулся на меня, я растерялся и сбежал.

История была не из тех, чтобы ее тут же проглотила женщина, да еще такая подозрительная, как княгиня Дворничек.

— Это правда?

— Да, Элоиза.

— Очень странное происшествие!

— Хоть Табби спроси.

— А где он?

— Не знаю.

— Теодор в буфетной, — сообщила мисс Виттекер, — ест ветчину.

— Теодор?! — Княгиня вздрогнула и холодно взглянула на нее. Нелегко смотреть на современную деловую девушку, словно она слизняк, неожиданно выползший из-под камина, но княгиня очень постаралась. — А почему, позвольте спросить, вы называете моего пасынка по имени?

— Он — мой жених, — просто ответила Пруденс, — мы скоро поженимся.

Княгиня Дворничек длинно, свистяще вдохнула и еще медленнее выдохнула. Глаза ее приобрели сверкание, знакомое многим метрдотелям тех ресторанов, где допускали промах. Как правильно заметила Джин, трудящиеся девушки княгине не нравились. Сказка о Золушке никогда не числилась среди ее любимых книг.

— Неужели? — пропела она. — Как романтично! Вы ведь тут вроде секретарши, моя милая?

Сама мисс Виттекер так себя не назвала бы, но спокойно ответила:

— Мда-у. — м!

Княгиня повернулась к сэру Бакстону и широко взмахнула рукой, словно что-то вымела.

— Та-ак!

Очень немногие мужчины способны сохранить самообладание и безмятежность, когда женщина произносит «Та-ак!», да еще что-то выметает. Выдержать это мог бы Наполеон, Генрих VIII, может быть — Чингисхан, но сэр Бакстон не принадлежал к их числу. Он тяжело осел в кресло, словно сраженный громом.

— Вот как вы присматривали за моим пасынком! Я оставила его на ваше попечение, уехала на несколько недель, возвращаюсь — а он уже обручен с вашей секретаршей! Несомненно, с полного вашего одобрения. — Она повернулась к Поллену. — Велите, пусть шофер немедленно подаст машину. Я возвращаюсь в Лондон!

Дворецкий вышел, радуясь, что убрался, а она вновь вперила в сэра Бакстона взгляд василиска.

— Я передумала, — сказала она. — Я не покупаю усадьбу. У баронета вырвался слабый стон. Княгиня угрожающе развернулась к мисс Виттекер.

— Что же до вас, моя милая…

В памяти Пруденс выскочила фраза, которую ее Теодор употребил под занавес их маленького недоразумения. В тот момент она сочла ее вульгарной, о чем и сказала. Но теперь она показалась ей единственной походящей в этих чрезвычайных обстоятельствах. Она поняла: когда Кенсингтон бессилен, подходит что-нибудь из репертуара Табби.

— Тьфу, че-орт! — заметила она.

— Что?!

— Че-орт! — ровно и почтительно повторила мисс Виттекер.

Возможно, достойного ответа на такую реплику нет, но княгиня выбрала совсем уж недостойный. Рукой в браслетах и кольцах она влепила Пруденс пощечину; и тут же обнаружила, что руку эту держат тиски, которые, к тому же, тащат ее к дверям.

— Отпустите! — закричала она.

— Ну, что вы! — откликнулась мисс Виттекер. — Отведу вас в кабине-эт. Посидите та-ам, пока не прибудет шофе-ор.

— Адриан! — возопила княгиня. — Помоги!

Адриан колебался. Словно средневековому рыцарю, ему представлялась возможность сразиться за свою даму. Оглядев Пруденс, он засомневался, стоит ли пользоваться случаем, хотя хорошо понимал, что, если он не воспользуется, расплата будет жестокой. Лицо прекрасной секретарши хранило спокойствие, но во взгляде, искоса брошенном на него, таилась угроза.

— Э… я… э… — произнес он; и последовал за невестой. Вскоре шум их шагов стих вдали.

Сэр Бакстон медленно поднялся с кресла. В том, как он передвигался, ощущалась неуверенность, точно он был трупом, встающим из могилы. Зритель, присутствуй он тут, заметил бы в его глазах остекленелость. Подойдя к двери в сад, баронет распахнул ее и встал в проеме, подставив ночному ветерку лоб, который никогда еще так не нуждался в охлаждении. Он сжал рукой макушку, точно опасаясь, что иначе голова расколется пополам.

— Ой, Боже мой! — тихо охнул он. В темноте сада что-то мелькнуло.

Там, озабоченно глядя на него, стояла Джин. Вообще-то она смотрела через реку, но отец, появившись в освещенной двери, привлек ее внимание. Ей было очень плохо, и она надеялась, что разговор с ним принесет облегчение. Беседы их редко поднимались до сверкающих высот, но всегда были утешительны. Однако Бак нуждался в утешении еще больше, чем она; и она отбросила мысли, колючками впивавшиеся в сердце.

— Господи, что случилось?

— Джин?! Входи, дорогая. — Сэр Бакстон тяжело двинулся от двери и протопал к столу, а дочь его светлой тенью скользнула в кабинет.

— Что с тобой, Бак?

Сэр Бакстон уселся за стол. После оглушительного землетрясения, взорвавшего его мир, мягкое кресло казалось надежным убежищем.

— Она отказалась покупать дом. Отменила сделку, возвращается в Лондон.

— Что?! Почему?

Сэр Бакстон рассортировал мысли.

— Винит меня, что ее пасынок обручился с мисс Виттекер. Вдобавок, Поллен подбил Пику глаз, и она разоралась.

— Что?

— Понимаешь, она выходит за него замуж.

— Что?!

Сэр Бакстон слегка вздрогнул.

— Что ты заладила — «что?», «что?» — Бак с трудом сдерживался. — Еще раз крикнешь «что?», и у меня черепушка разлетится. Не за Поллена.

Он повернулся, намереваясь сломать карандаш (да, средство слабое, но лучше не пришло в голову), и потому не увидел, как внезапно засветилось лицо его дочери, словно распахнулись ставни и в комнату хлынул солнечный свет.

— Княгиня выходит за Адриана?

Внезапно сэр Бакстон вспомнил. Он встал, обошел стол, отечески разглядывая Джин. Ему все еще казалось невероятным, чтоб его дочка вдруг влюбилась в этого Пика, но Булпит говорил уж очень уверенно…

— Прости. Надеюсь, ты не очень расстроилась.

— Да я петь готова! И запою, если ты подтянешь!

— А? — Сэр Бакстон в изумлении разинул рот. — Разве ты не влюблена в этого прохвоста?

— Кто тебе сказал?

— Булпит.

— Он перепутал. Я влюблена в другого прохвоста! В Джо!

— В Джо Ванрингэма?

— В него самого.

— Нет, ты серьезно?

— Абсолютно!

— Джин! Господи, как я рад!

— Так я и думала. Он тебе нравится, правда?

— Сразу его полюбил. Прекрасный человек. Потрясающий. И… э… богат. Но какое это имеет значение? Для меня — никакого.

— Джо совсем не богат. У него нет ни гроша.

— Как это — ни гроша?

— По крайней мере, их мало. Но, как ты говоришь, — какое это имеет значение? Главное — любовь! Она, Бак, движет солнце и светила.

Мир вокруг сэра Бакстона задвигался на манер этих светил.
— Но его пьеса…
— О, с ней кончено!
— Отчего?
— Некогда объяснять! Бегу звонить ему!
— Да черт побери…
— С дороги, Бак, не то я растопчу тебя в пыль! О, Джо, Джо, Джо! Последний раз говорю, Бак. Ступай на свою жердочку, не вертись под ногами! Благодарю! Так-то лучше! О, простите, мистер Чиннери!
Опрометью метнувшись из кабинета, она налетела на Чиннери. Приняв на себя всю тяжесть ее тела, тот с минутку отпыхивался, как пес. Наконец он оправился. Он нес новость, в сравнении с которой всякие толчки были истинными пустяками.
— Эббот!
— Да?
— Эббот, этот Булпит в доме! Я его видел!
— Я тоже.
— Да Господи!
Сэр Бакстон, который от волнения забыл сломать карандаш, наконец с треском переломил его.
— Пожалуйста, не врывайтесь так, Чиннери. Я знаю, что Булпит в доме. Теперь это не имеет ни малейшего значения. Повестку вручать некому. Они помирились.
— Помирились?
— Да.
— Та барышня и наш Ванрингэм?
— Да.
— И княгиня не пронюхала, что ему предъявляли иск?
— Нет.
— Ф-фу! — Чиннери рухнул в кресло. — Гора с плеч! Когда я увидел, как Булпит спускается по лестнице, меня будто пыльным мешком огрели! Значит, все прекрасно.
— У-хм, просто превосходно.
— Теперь ничто не мешает ей купить дом.
— Ничто. Но, между прочим, — добавил сэр Бакстон, радуясь перспективе обрести товарища по несчастью, — она решила его не покупать.
— Что?!
— Чего это сегодня все как заведенные кричат «что?», — проворчал

сэр Бакстон.

Грудь Чиннери вздымалась и опадала, словно волны на сцене.

— Не покупать?

— Вот именно.

— То есть, денег вы не получите?

— Абсолютно.

— А как же мои пятьсот фунтов?

— Ах, — жизнерадостно произнес сэр Бакстон, — всем нам интересно бы знать!

Наступила пауза, и в кабинет вошла леди Эббот. За ней, в костюме Табби, поспешал мистер Булпит.

Сэр Бакстон и Чиннери утратили ясность ума, придающую нам проницательность, а если бы не утратили, то заметили бы, что с последнего раза в поведении леди Эббот произошла легкая перемена. Она лишилась величественного спокойствия, производившего на новых гостей такое впечатление, будто их знакомят с национальным монументом. Не будь эта мысль абсурдной, мы бы сказали, что она возбуждена.

— Бак, — сказала хозяйка дома, — Сэм хочет с тобой поговорить.

Мимолетное ликование сэра Бакстона мгновенно угасло. Он печально взглянул на шурина. Тот уже не выступал в роли дьявольского оружия, но баронету он все равно не нравился. Особенно ему претила эта ухмылка. Можно ли выдержать-, если кто-то ухмыляется, когда провалилась продажа отчего гнезда, а дочь выходит замуж за нищего?

— Не желаю я с ним разговаривать! Никого не могу видеть, кроме тебя. Убери его отсюда! И Чиннери убери, давай устроим передышку. Эта чертова ведьма отказалась покупать дом!

— Ну и пусть! Сэм его купит.

— А?

— Об этом он и хочет с тобой говорить.

Минуло четверть века с тех пор, как леди Эббот танцевала (если слово это можно применить к топотанию, которым занимались хористки музыкальных шоу в те давние дни), но сейчас сэру Бакстону показалось, что она танцует.

— Он собирается устроить тут деревенский клуб.

— Сейчас это, Бак, по моей части, ночные клубы. Я унаследовал состояние покойного Элмера Загорина.

— Он же был миллионером!..

— Мультимиллионером, — поправил Булпит, любивший точность. — Вот послушайте, как перехлестнулись наши дорожки. Настоящий романс!

Всем я вклеил эти повестки, а ему — не удалось! Когда я начал за ним гоняться, он хандрил. Утратил, как говорится, вкус к жизни. Богатый — жуть, и никакого удовольствия! А тут я подоспел, пустился по следу. Иск на 40 долларов за восстановитель волос. Ну, он прямо загорелся! Однако недолго ему пришлось гореть. Отдал концы. Разрыв сердца. Заметьте, хохотал как сумасшедший, что меня одурачил. Очень был мне благодарен.

— Когда прочитали завещание, — вставила леди Эббот, — оказалось, что этот Загорин все оставил Сэму.

— Вернул ему, видите ли, остроту чувств. Да-с, сэр, получил я пятьдесят миллионов и отплыл в Европу, стал тут жить как самый заправский миллионер. И знаете что? Я тоже захандрил. Вот так фокус! Поболтался я во Франции, на юге — ничего меня не берет. Провел пару недель в Париже, опять бестолку. Грызет хандра, и все. Приехал в Лондон, услышал об этой работенке — вклеить повестку молодому Ванрингэму, — и мне показалось: вот он, ответ на мои молитвы.

— Расскажи Баку, как тебе пришла идея насчет дома, Сэм.

— Сейчас, сейчас. Несколько минут назад, когда мисс Пруденс принесла мне одежду и я оделся, стали мы болтать. Она рассказывает мне, что иск о возмещении убытков снимается, они помирились. А теперь ей нужна работа для Табби, потому что мачеха вышвырнет его, точно грязную перчатку. И вот она упоминает, что сделка у вас сорвалась. А я и говорю себе: «Почему бы нет?». Тут получится шикарный клуб, лорд Эббот. От Лондона — недалеко. Комнат масса. Просторные площадки. Живописный пейзаж. Парочки тысячами будут катить сюда на машинах. Так что, если готовы обсудить дело, я — в игре. Мисс Виттексp поставлю заправлять тут всем. У этой девочки мозги варят. Да, чуть не забыл! Когда моя племянница выйдет замуж, я подарю ей полмиллиона долларов. Я еще в спальне хотел сказать, да вы убежали.

— Хорошая мысль, правда? — спросила леди Эббот.

Сэр Бакстон ответил не сразу. Он таращился на шурина, раздираемый раскаянием, что был так слеп к несравненным его качествам. С чего вообще ему померещилось, будто он ему не нравится? Это с такой улыбкой, которую он принял было за отвратительнейшую ухмылку! Вот, почесывает в затылке рукой, которая может, если ей вздумается, выписать чек на миллионы. Да перед ним тот самый, кого он всю жизнь мечтал встретить!

— Чтоб я треснул! — наконец молвил он.

Чиннери ликовал не меньше. Пятьсот фунтов могут показаться мелочью одной из бывших миссис Чиннери — у всех этих дам взгляд на

деньги самый широкий, — но для него они значили немало. Все эти изнурительные месяцы он мечтал о них, как отец о блудном сыне, исчезнувшем вдали. Теперь тот вернулся в отчий дом. Сняв роговые очки, Чиннери стал протирать их в полном трансе.

— М-да! — бормотал он. — А, черт!

— Нет, чтоб я треснул! — повторил сэр Бакстон.

— Говорила же я тебе, все образуется, — заключила леди Эббот.

А за сорок миль отсюда, в лондонской квартире, Джо Ванрингэм тяжело поднялся с кресла. Ему показалось, что десятимильная прогулка по улицам поможет скоротать свинцово-тяжкие часы. Он вышел и захлопнул дверь.

Но тут же остановился… прислушался… распахнул дверь — и вернулся.

Настойчиво звонил телефон.

Примечания

Здесь собраны романы разных лет, не составляющие единой саги. Первые три романа, написанные в совершенно разное время (1925, 1933 и 1964) связаны одним персонажем — лордом Тилбери. Мы знаем его по роману «Рад служить» (т. 2 «Саги о свинье»); участвует он и в «Стремительном Сэме» (1924), который, вероятно, скоро появится в 1-м томе пятитомника, издаваемого «Художественной литературой» (пер. И. Гуровой).

Вудхауз не скрывал, что прототипом Джорджа Пайка, первого виконта Тилбери, был основатель желтой прессы Альфред Хармсворт, барон Нортклиф (1865–1922). Первую газету в новом духе — «Дэйли мэйл» — он начал выпускать в 1896 году. Тогда он был просто Хармсвортом, и говорил: «Если мне понадобится титул, я, как честный человек, его куплю».

Гилберт Кийт Честертон писал в 1905 году о новом типе прессы и Альфреде Хармсворте: «Теперь то и дело обличают новую журналистику, связанную с именами сэра Альфреда Хармсворта и Артура Пирсона. Почти все ругают ее за наглость, напористость, вульгарность, оглушительность. Я не спорю, я просто сообщаю, что мне неприятна в ней бесхребетность. Такие газеты не поражают, не оглушают, они раздражают робостью. Хороший тон допускает занятность без вульгарности; здесь нам угождает вульгарность без занятности. […] Собственно, пресса эта — не желтая, а грязно-серая.

[…] Смутное представление о том, что наша пресса оглушает сенсациями, породили крупные шрифты и броские шапки. Издатели суют большие буквы куда только могут, не ради вызова, а ради удобства. Измотанным или подвыпившим людям в плохо освещенном вагоне легче, когда им все поднесли на блюдечке. Так учат маленьких детей. Буква «А» размером с подкову не поразит ребенка, а ему поможет. Хармсворт и Пирсон дают нам букварь, быть может, не очень страшный, но уж очень скучный» (из эссе «Кротость желтой прессы»).

Роман «Летняя блажь» (1937) — самый длинный у Вудхауза. Писался он труднее, чем обычно. Участники его не стали героями новой саги, хотя автор об этом думал. Вскоре начались беды, а с ними — новые темы или возвращение к самым любимым из старых («Полная луна», «Дядя Динамит», «Брачный сезон»).

notes

Примечания

1

Пейтер, Уолтер Горацио (1839–1894) — английский искусствовед, критик, историк, идеолог искусства для искусства.

2

Беспечностью *(фр.)*.

З

Луций Юний Брут — патриций, возглавивший борьбу против Тарквиния Гордого. Когда его сыновей уличили в сговоре с Тарквинием, Брут, в то время римский консул, без колебаний велел их казнить.

4

Добрый король Венцеслав (Вацлав) — герой английской рождественской песни. Святой Вацлав (в русской традиции — Вячеслав, благоверный князь Чешский) бы убит в дверях храма родным братом и его приспешниками в 935 (по другим данным, в 929) году.

5

парсанг— персидская мера длины.

6

Малые пророки — название относится к пророкам Осии, Иоилю, Амосу, Авдию, Ионе, Михею, Науму, Аввакуму, Софонии, Аггею, Захарию и Малахии, то есть ко всем, кроме Исайи, Иеремии, Иезекииля и Даниила.

7

Крэшо, Ричард (1613–1649) — религиозный английский поэт XVII века.

8

Томсон, Фрэнсис (1859–1907) — религиозный поэт, близкий по духу современным ему «проклятым поэтам» во Франции, наркоман, который, однако, боролся с этим и вообще был идеальным, смиренным католиком.

9

Закуски *(фр.)*.

10

Тоска по утраченному *(лат.)*.

11

Саймон Легри — жестокий надсмотрщик из «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер Стоун (1811–1896).

12

словно жители Гента — речь идет о поэме Р.Браунинга «Как мы доставили добрые вести из Аахена в Гент».

13

Полианна — героиня одноименной повести Элинор Портер (1868–1920), которая во всем видит хорошую сторону.

14

Подобно Аластору — имеется в виду стихотворная аллегория Перси Биши Шелли (1792–1822) «Аластор, или Дух Одиночества».

15

Юджин, *Арам* (1704–1759) — школьный учитель, убивший своего друга в 1745 году. Преступление открылось много позже, и он был казнен.

16

Керн, Джером Дэвид (1885–1955) — американский композитор, автор музыки ко многим фильмам и бродвейским постановкам.

17

Джаггернаут — колесница со статуей Кришны, которую вывозят на ежегодном празднике; в религиозном экстазе верующие бросаются под колеса, она едет по ним.

18

Ты лучше меня… — эти слова в стихотворении Р.Киплинга английский солдат обращает к убитому индусу-водоносу.

19

Чем выше они… — слова, произнесенные перед боем Бобом Фитцсимонсом, боксером, чемпионом мира в тяжелом весе с 1897 по 1899 год.

20

Можно улыбаться, улыбаться… Гамлет, V,l.

21

Жаворонки не пели… имеется в виду строка из стихотворения Вордсворта «…Займется сердце, как услышу я жаворонка в небе».

22

Этель, Мэри Делл (1881–1939) — английская романтическая писательница.

23

Селфридж, Гордон — владелец сети универсальных магазинов в Лондоне.

24

Клуб «Трутни» (Drones) — должен был напомнить людям 20—30-х годов клуб золотой молодежи под названием «Щеголи» (Bucks).

25

…*счастливее королей* — слова из стихотворения Р.Л. Стивенсона (1850–1894), входящего в сборник «Гетский цветник стихов».

26

Форель в вине *(франц.)*.

27

Идеальным рыцарем *(франц.)*.

28

Принц Регент (1762–1830) — будущий король Георг IV, который с 1810 по 1820 гг. правил страной вместо больного отца, Георга III (1738–1820, король с 1760 г.).

29

Денница, сын зари — см. Книгу Исайи 14:12.

30

Трапписты — члены монашеского ордена, которые дают обет молчания.

31

Олень у истоков вод — перифраза слов из Пс. 14:2 (в синодальном переводе: «Как лань желает к потокам вод»).

32

Сестра Анна — персонаж сказки Шарля Перро (1628–1703) «Синяя борода».

33

Братья Чирибл — добрые пожилые близнецы, у которых служит герой романа Диккенса (1812–1871) «Никлас Никклби».

34

Сидней Картон — герой романа Диккенса «Повесть о двух городах», жертвующий собой ради любимой женщины.

35

Бестер Китон (1895–1966) — американский комический киноактер.

36

И алые и белые цветы — слова из «Песни» Альфреда Теннисона (1809–1892), входящей в цикл «Принцесса».

37

Дождь на скошенный луг — Пс. 71:6.

38

Что вы прыгаете, холмы, как овны… — Пс. 113:6.

39

Хозяйка замка *(франц.)*.

40

Давид и Саул (вернее — Саул и Давид) — Первые цари Израиля.

41

Легко давалось аспиду — см. Пс. 57:5

42

строки из стихотворения «Трехпалубник» (1894), с небольшими изменениями.

43

Роджет, Питер Марк (1779–1860) — английский лексикограф.

44

Третья степень — допрос с пристрастием.

45

Дерзай, опять дерзай и всегда — дерзай *(фр.)*.

46

«Кубла-хан, или Сон во сне» — поэма Сэмюела Тэйлора Кольриджа (1772–1834). Исторический Кублай-хан (1216-94) — внук Чингисхана, основатель монгольской династии в Китае.

47

«Баррибо» — под этим названием Вудхауз обычно изображает отель «Кларидж», расположенный в аристократическом районе Мэйфэр, на Брук-стрит.

48

Вэлли-Филдз — под этим названием Вудхауз описывает во многих романах лондонский пригород Далидж, где он учился в школе.

49

Будэн, Эжен (1824–1898) — французский пейзажист и маринист.

50

Кекстон, Уильям (ок. 1420–1491) — английский первопечатник (печатный станок он не изобрел, а установил в 1476 году).

51

Остановившей сотни кораблей — слова из «Доктора Фауста» Кристофера Марлоу (1564–1593) (речь идет о красоте Елены; в действительности, у Марлоу — «пославшей в море сотни кораблей»).

52

Великая Хартия (вольностей) — договор, заключенный 15 июля 1215 года между английской знатью и королем Иоанном Безземельным (1199–1216, род. ок. 1167). С этого времени хотя бы один слой получил гарантии достоинства и свободы.

53

Упадок и крах — восходит к названию труда Эдуарда Гиббона (1733–1794) «Упадок и разрушение Римской империи». В 1928 г. Ивлин Во назвал так свой роман. Вероятно, хотя бы ради ритма, «крах» здесь лучше, чем «разрушение».

54

Пэри Мейсон — сыщик-адвокат из детективов Эрла Стэнли Гарднера (1889–1970).

55

Неаполитанское мороженое — клубничное, шоколадное и сливочное, слоями.

56

Служанка на руку госпожи ее (синод, перевод: «Как очи рабы — на руку госпожи ее») — Пс. 122:2.

57

Всякая плоть — *трава* — 1 Петр 1:24.

58

Кукурузное виски.

59

«Аластор, или Дух одиночества» — поэма Перси Биши Шелли (1792–1822).

60

«Мои ушки и усики!» — восклицает Белый Кролик из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла (1832–1898).

61

Брёммел (Браммел, Брюмель), *Джордж Брайан* (1778–1840) — английский законодатель мод в начале XIX века.

62

Форт Чарльз (1874–1932) — американский писатель. В Нью-Йорке было создано его общество, с 1937 года выпускавшее свой журнал.

63

Уолкот (Вулкот), *Александр* (1887–1943) — американский журналист. Драйзера знают все.

64

Борис Карлов — актер немого кино, изображавший страшилищ.

65

Эдмунд Берк (1729–1797) — государственный деятель и социальный мыслитель.

66

…*оружие пронзило душу* — см. Лк 2:35.

67

На крыльях голубки — Пс. 57:7 («Кто дал бы мне крылья как у голубя?»).

68

«Леди (в других переводах — «Дева») *из Шалотта»* — поэма Альберта Теннисона (1809–1892).

69

Цвет сомон — желтовато-розовый (от франц. «saumon» — «семга»).

70

Стихи Омара Хайяма (умер ок. 1120 г.).

71

Дитя может играть со мной — перифраза стиха из Книги Исайи, 11:8.

72

«Парижская жизнь»

73

Пылью под его колесницей — слова из стихотворения Лоуренса Хоупа (Марджори Хоуп Николсон, 1824–1905).

74

Персики «Мельба» — десерт из персиков с мороженым, названный в честь австралийской певицы Нелли Мельба (Хелен Портер Митчел Армстронг, 1861–1893).

75

Дева в беде — традиционный образ рыцарского романа.

76

Лохинвар — один из героев поэмы Вальтера Скотта (1771–1832) «Мармион» (1808), который увез возлюбленную со свадьбы.

77

Кенсингтон — довольно престижный район Лондона.

78

Ландсир, сэр Эдвин Генри (1802–1873) — английский художник-анималист.

79

Эдуард VII — король Великобритании (1901–1910; род. в 1841 г.).

80

Мэйфэр — аристократический квартал Лондона,

81

«Ангел в доме» — очень известная поэма Ковентри Патмора (1823–1896).

82

Грета Гарбо (Грета Ловиза Густафсон, 1905–1990) — американская киноактриса, по рождению — шведка, белокурая северная красавица.

83

Мирна Лой (Уильямс; 1905–1993) — американская киноактриса, очень женственная шатенка.

84

Джинджер Роджерс (Вирджиния Кэтрин Макмот, 1911–1985) — американская киноактриса и танцовщица, с занятной внешностью и обесцвеченными волосами.

85

Генрих — имеется в виду король Генрих VIII (1509–1547, род. 1491), у которого было шесть жен (Екатерина Арагонская, Анна Болейн, Джейн Сеймур, Анна Клевская, Екатерина Говард, Екатерина Парр).

86

Вильгельм — имеется в виду норманнский герцог (р. 1027), завоевавший Англию в 1066 г. и правивший ею до 1087 г., когда он умер.

87

Моисей на вершине горы — возможно, речь идет о том, что рассказано в Книге Исход 17:10, или в гл. 19 (3 и дальше), или в 8, гл. 24 и дальше; или, наконец, в гл. 34. Однако, вероятней всего, что здесь это — гора Нево (Втор. 32: 49), где Моисей умер.

88

Ливингстон, *Дэвид* (1813–1873) — миссионер и путешественник, исследователь Африки.

89

Мэй Вест (1892–1980) — американская киноактриса, пухленькая блондинка, воплощение "Sex appeal".

90

Любовь побеждает все— слова из «Энеиды» Публия Вергилия Марона (70–19 до Р.Х.). Популярны в Англии из-за Джеффри Чосера (ок. 1340–1400): у аббатисы в его «Кентерберийских рассказах» — такой девиз.

91

Эдит Лебединая шея — возлюбленная последнего короля англосаксов Гарольда, погибшего в битве при Гастингсе (1066), когда Англию завоевал Вильгельм (см. выше).

92

*Роберт Брюс (*1274–1329) — шотландский борец за независимость, с 1306 г. — король Шотландии Роберт I. Историю о Роберте Брюсе и пауке см. в Примечаниях к «Саге о свинье», т. 1, стр. 332.

93

Ирвин Берлин (1888–1989) — американский композитор, писал популярные песни.

94

…коня, который реагирует так на пение труб— см. Иов 39:25 (в синодальном переводе — «Гу! Гу!»).

95

Приам и Тисба (Фисба) — по греческому мифу — влюбленные, которые беседовали через щель в стене.

96

Элиза на льду — эпизод из романа Харриет Бичер Стоу «Хижина дяди Тома».